

Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год
после своей смерти вышли из могилы подростками,
как они умерли, и посмотрели бы на меня:
что со мной случилось? — Я стал уродом, изувеченным,
и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я прожил жизнь.

.....

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Из записной книжки 1942 г.

Зем - 10
дн др - 10
и мн др - 10
посл др - 10
из др - 10
кач др - 10
посмотр - 10
мн - 10
мн - 10

С. Брай
уражен, иттерен-
ном, и значене,
и обуверене.
Андрюша, после то

[illegible]

**АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВ**

“...я прожил жизнь”

ПИСЬМА.

[1920–1950 гг.]

Издание третье, дополненное

Издательство
АСТ
Москва

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6
П37

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

Под общей редакцией НАТАЛЬИ КОРНИЕНКО и ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Составление и вступительная статья — НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО

Издание третье, дополненное

Подготовка текста и комментарии Е.В. Антоновой, М.В. Богомоловой,
Н.И. Дужиной, Р.Е. Клементьева, Н.В. Корниенко, Т.А. Кукушкиной,
Е.А. Папковой, Е.А. Роженцевой, Л.Ю. Суровой, Н.В. Умрюхиной

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

*Фотография на переплете предоставлена отделом рукописей Института
мировой литературы (ОР ИМЛИ)*

*В книге использованы фотоматериалы из фондов ИМЛИ РАН, РГАЛИ,
ГЛМ, ГАВО, а также из личных архивов К.Б. Андроникашвили-Пильняка
и Д.Л. Расторгуева*

Платонов, Андрей.

П37 “...я прожил жизнь”» : Письма. 1920–1950 гг. / Андрей Платонов; сост., вступ.
статья, ком. Н. Корниенко и др. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Редакция Елены
Шубиной, 2024. — 717, [3] с. — (Наследие Андрея Платонова).

ISBN 978-5-17-165087-2

Собранные в одном томе письма Платонова — бесценный первоисточник для понимания жизни и творчества автора “Чевенгура” и “Котлована”, органическая часть наследия писателя, чей свободный художественный дар не могли остановить ни десятилетия запрета, ни трагические обстоятельства личной биографии. Перед нами — “тайное тайных” и одновременно уникальный документ эпохи.

Том подготовлен Платоновской группой Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Звездочкой (*) отмечены письма, не входившие в первое издание.

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями и дополнена новыми материалами.

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6

- © ИМЛИ РАН
- © ООО “Издательство АСТ”
- © Платонов А.П. (Мартыненко А.М.)
- © Корниенко Н.В., составление, вступительная статья
- © Антонова Е.В., Богомолова М.В., Дужина Н.И., Клементьев Р.Е.,
Корниенко Н.В., Кукушкина Т.А., Папкова Е.А., Роженцева Е.А.,
Сурова Л.Ю., Умрюхина Н.В., подготовка текста и комментарии
- © Бондаренко А.Л., оформление

СОДЕРЖАНИЕ

.....

- 7**   **НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО**
Андрей Платонов по его письмам
- 73**   **АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ**
ПИСЬМА
[1920–1950 гг.]
- 669**   ПРИЛОЖЕНИЕ
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
Однажды любившие
Повесть в письмах
- 680**   Условные обозначения и сокращения
684   Именной указатель
706   Расширенное оглавление писем

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ ПО ЕГО ПИСЬМАМ

.....

Автор двух романов (“Чевенгур”, “Счастливая Москва”), девяти повестей (среди них такие шедевры, как “Сокровенный человек”, “Котлован”, “Джан”), сатирических рассказов (“Усомнившийся Макар”), изумительных новелл о любви (“Фро”, “Река Потудань”) и детей (“Корова”, “Июльская гроза”), рассказов о войне, представляющих образцы духовной прозы (“Одухотворенные люди”, “Смерти нет”, “Взыскание погибших”), драматург, работавший в жанре лирической комедии (“Шарманка”) и трагедии (“14 красных избушек”), оригинальный киносценарист, литературный критик, создавший одну из парадоксальных историй русской и европейской литературы (книга статей “Размышления читателя”)... Это только вершины творчества Андрея Платоновича Платонова. За ними — могучий и свободный художественный дар, который не могли остановить ни цензура, ни десятилетия запретов, а также жизнь и судьба, может быть, самого нелитературного писателя XX века, не раз повторявшего, что “окончание — не в литературе, а в жизни”. Мелиоратор-практик со своей программой “ремонта земли” и модернизации крестьянского землепользования. Профессиональный инженер-конструктор с приличным списком полученных патентов. Это — тоже Андрей Платонов.

Его наследие возвращается в культуру XXI века полновесными томами прозы, драматургии, публицистики, литературной критики, записных книжек. Письма Платонова — это органическая часть наследия писателя, замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надежный первоисточник для понимания платоновского творчества, составления хроники жизни гениаль-

ного писателя и комментария его произведений. В письмах перед нами предстает Платонов — поэт и прозаик, Платонов — мелиоратор и инженер, Платонов — политик и историк, Платонов — любящий муж и отец, Платонов — верный друг, Платонов — правдолюбец и верный сын несчастной “вечной Родины”... Обладая самостоятельной исторической и художественной ценностью, письма Платонова складываются в книгу для чтения — о жизни писателя и биографиях его произведений. Эта книга заполнена страницами лирических рассказов и документальных свидетельств о борениях человека и писателя Андрея Платонова, его страстях и страданиях, безотрадной борьбе с жестокими обстоятельствами исторической и литературной эпохи 1920–1940-х годов.

В эпистолярном наследии Платонова представлено всё многообразие письма как уникальной формы общения и рассказа о себе и времени: письма любовные и семейные, письма во власть, письма делового стиля, дружески-разговорного и повествовательно-книжного, письма, предназначенные для открытой печати, и глубоко личные, только для одного человека. Жесткий, лишенный всяких сантиментов эпистолярный “губмелиоратор Платонова” перемежается страстными письмами-поэмами и драматическими письмами-новеллами о единственной любви его жизни. За практически безответными обращениями к власти предрежающим 1931–1937 годов следуют эпистолярные документы страшной семейной трагедии, связанной с арестом сына и запечатленной в письмах 1938–1940 годов. Пронзительные рассказы о виденном на фронте в письмах к жене сменяет официальная переписка послевоенных лет с секретариатом Союза советских писателей, которую “остраняют”, а точнее даже, отстраняют письма к любимым Мариям — жене, дочери и теще, нежные и смешные записки к крохотной дочери Маше. Деловые и дружеские, шуточные и мрачные, посвященные семейной жизни и серьезным вопросам современности и литературы — все вместе своей специфической диалектикой отношения жизни и искусства они представляют течение жизни писателя Платонова, его внешнюю и внутреннюю биографию и одновременно образцы его эпистолярной прозы, обладающей всё тем же неповторимым стилем, по которому мы узнаём автора “Чевенгура” и “Фро”, “Котлована” и “Афродиты”.

.....

1

Центральное место в эпистолярном наследии Платонова занимает его переписка с невестой, а затем женой Марией Кашинцевой. Именно любовно-семейные письма Платонова превраща-

ют традиционный сборник писем писателя в самостоятельную книгу, формируют ее внутренний сюжетный нерв и придают всему эпистолярию пронзительную лирико-драматическую интонацию. “Одно ты у меня достояние и православная вера”^{*} — эти драгоценные в своей сокровенности строки сохранил набросок стихотворения 1922 года с посвящением любимой жене Марии. Запись, сделанная для себя, представляет формулу жизни и духовного стояния Платонова, того света любви и страдания, которым пронизаны его произведения, в том числе и письма к любимой Марии.

Они познакомились в Воронеже начала 1920-х годов. Студентка Воронежского университета красавица Мария Кашинцева была из другого — петербургского — мира не только по рождению. Семья Кашинцевых в 1918 году уехала из голодного, потрясаемого революционными событиями Петрограда сначала на север, в Петрозаводск, затем в 1919-м — в Воронеж. В этом же году Мария Кашинцева становится студенткой университета, сначала факультета общественных наук, а в пору знакомства с Платоновым — словесного отделения филологического факультета^{**}. В ее облике смешались литературные черты лирических героинь Александра Блока и современности, отмеченной пафосом новой любви, новой семьи и “освобожденной женщины”. От литературы и литературности эпохи идет выстраивание собственной биографии. В Петрозаводске Мария Кашинцева уже стала музой командира Красной армии Леонида Александрова. Обожанием окружена она и в Воронеже. Среди ее поклонников знаменитый в те годы организатор театральной жизни Воронежа, заведующий подотделом искусства губисполкома Георгий Малюченко. Сын надворного советника Жорж Малюченко легко вписался в актуальную драматургию революционной эпохи: для масс он организует уличные представления и карнавалы на главной площади города — площади 3-го Интернационала, для новой элиты — губернскую театральную студию и литературно-музыкальные вечера, на которых он любил музицировать с красавицей-филологиней Марией Кашинцевой^{***}. Эстетикой юности революции окрашено изменение Марией даты своего рождения: вместо 1903 появляется 1905 год и 1 мая, День Интернационала (его официальное название в те годы). В 1970-е годы Мария Александровна рассказывала, что она появилась на свет в этот день, потому что ее мать участвовала в Первомайской демонстрации. Она была рождена для нового света и успехов

* Воронежский период творчества / Публикация Е. Антоновой // Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М., 2009. С. 11.

** Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 95.

*** Там же. С. 96–97, 102–103.

в нем. Но жизнь диктовала свое. Не всё было благополучно в ее семье, родители разводились, начинался голод 1921 года. Она поступает на службу, летом 1921-го едет учительствовать в село.

Для Платонова встреча с Марией Кашинцевой стала одним из главных событий 1921 года. До этого его муза билась над соединением двух несоизмеримых и яростно противостоящих миров — мирового Пролетариата-Массы и “детской семьи”, прошлого и будущего. Теперь в этот непримиримый диалог входит третья фигура — Мария, Муся, Маня, Маруська, став платоновским символом красоты. Как и для его героев, она “загадка природы”, “глуха и красива, как ангел на церковной стене” (“Технический роман”). И одновременно Мария, как и Пролетариат, была из нового мира. Учительницей боролась с крестьянскими предрассудками в воспитании детей. Отношения в семейной жизни также выстраивала по-новому, в русле идеологии советского женского движения — “революции чувств и революции нравов” (А. Коллонтай). Церковный брак был аннулирован декретом “О расторжении брака” (29 декабря 1917), советские брачные законодательства (1918, 1926) обеспечивали идеологию борьбы со старой семьей, коммунистическую мораль в области любви и брачных отношений, упрощали процедуру заключения и расторжения брака. Семейные отношения Платоновых официально были закреплены только в 1943 году*. До этого на официальной регистрации, как свидетельствуют письма, настаивал именно Платонов.

Мария Александровна упорно отвоевывала любящего мужа у его родной семьи, где он был не только старшим сыном, но и во многом кормильцем. Примечательно, что в семейном архиве Платонова не сохранилось ни одной фотографии отца и матери писателя, нет и других материалов семьи Климентовых. Отсутствие в архиве реальных документов не исключает присутствия близких родственников в жизни и творчестве писателя. В сакрально значимый план платоновского текста входят — наряду с образом невесты-жены — образ матери (“Чевенгур”), переписка с братом (“Епифанские шлюзы”), с сестрой (“Котлован”), телеграмма отца о смерти матери (“Третий сын”).

“Старый муж” Платонов во взглядах на семью и брак оставался человеком консервативным. Скорее всего, именно Платонов настоял на крещении сына Платона (7 ноября 1922). Он работал для семьи, старался обеспечить безбедную жизнь жене и сыну, возможность их ежегодных летних отдыхов. За исключением нескольких лет Платонов почти всегда находился на службе (губернский мелиоратор Воронежа и Тамбова, старший инженер-конструктор

* Свидетельство о браке № 298 от 23 мая 1943 года хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ (Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 92).

в Москве) и по тем временам неплохо зарабатывал. Мария Александровна занималась домом, сыном, вела светскую жизнь.

Мария Кашинцева тоже хотела быть писательницей, желала писательской славы и признания. В 1970-е годы она не раз говорила, что, если бы не Платонов, она стала бы писательницей — не хуже Валерии Герасимовой. И она делала шаги на писательском пути. В 1930 году Мария Александровна посещает литературные курсы знаменитого ГАХНа; во второй половине 1930-х годов становится литературным сотрудником журналов “Дружные ребята” и “Общественница”, пишет рассказы, переводит с французского языка. В 1960-е годы, в пору первого “возвращения” наследия Платонова, пробует написать повесть о сыне, делает наброски к книге воспоминаний о ставшем наконец-то знаменитым муже. Но неутолимая страсть к собственному литературному творчеству и здесь побеждает. Она составляет план большой книги, которая сначала называлась “История молодого человека 20 века”, затем название уточняется: “История молодого человека и молодой девушки 20 века”. Материалом книги становится история собственной жизни, в которой фрагменты фактов и сведений из жизни Платонова начинают видоизменяться, перемешиваясь с литературным материалом его наследия — письмами, записями, неоконченными произведениями и т. п. В официальных его биографиях, написанных Марией Александровной для печати, Платонов предстает классиком советской литературы, художником, верным идеям революции и социалистического строительства. При составлении хронологической канвы жизни и творчества Платонова она обращается за информацией к Г. З. Литвину-Молотову, но чаще — к произведениям писателя, особенно автобиографическим (“Рассказ о потухшей лампе Ильича”, “Афродита”, “Юность строителя”, “Житель родного города”). И — никакого личного сюжета. В записях же для себя Мария Александровна неустанно словно бы спорит с нарисованным ею же портретом: здесь много горького об отношениях в семье, нелицеприятного о литературном окружении Платонова и т. п. Здесь много того горя, которое отнюдь не исчерпывается злыми историческими обстоятельствами в судьбе писателя Платонова. Ни одна из задуманных книг о жизни с Платоновым не будет написана...

Для Платонова — с первой их встречи и до конца жизни — Мария-Муся оставалась его единственной любовью, музой, роковой страстью, счастьем и мукой. Писанье писем к любимой как действие выливалось в своеобразные поэмы в прозе высокого лирического строя. Письма к Марии питают творчество, превращаются в прихотливые эпистолярные сюжеты его прозы, в которых реальное обретает метафизическую перспективу. Любовные

письма открывают вход в область творческого преображения реальности, которой занят Платонов-писатель.

Письма проливают особый свет на обостренные душевные поиски платоновских героев и одновременно — высокую душевную трагедию писателя. Это исповедальные письма, открыто автобиографического и лирического характера. Почти все они — о любви, семье и доме. Это главная тема его писем к жене и глубинная тема творчества.

Своеобразные циклы писем складываются вокруг расставаний с любимой и центральных событий жизни Платонова: встреча с невестой (1921), работа в Тамбове (1926–1927), командировки в районы Поволжья (1930, 1931), поездки в Туркмению (весна 1934, январь 1935) и “по маршруту Радищева” (1937), командировки на фронт в действующую армию (1942–1945). Переписка возобновлялась, как только писатель покидал дом и “верховный руководящий город” (Москву) или когда любимая уезжала на юг, оказывалась в больнице (рождение дочери Маши, 1944), а он оставался в Москве и в доме один.

В реальных и метафизических странствиях вдали от дома с особым напряжением в письмах Платонова начинает звучать “мысль семейная” (Л. Толстой). Мучительная тема нестроений в собственном доме из писем переходит в творчество, где расширяет границы индивидуального и кристаллизуется в тему едва ли не главной национальной и общекультурной трагедии XX века — разрушения дома в новом веке и сиротства человека. Топос традиционного Дома, построенного “по старым правилам” (“Житель родного города”, 946), в произведениях Платонова всегда включает как его базовые составляющие — русский пейзаж, храм, семейный род, детей, пушкинский образ верной жены, сельское кладбище, сакральность обыденного. На языке эпохи традиционный дом (крепость) назывался “буржуазно-семейным убежищем” (“Ювенильное море”). Культурно-историческая бездна, пролегающая между домом “старинного времени” и нового, описана в романе “Счастливая Москва” в картине “*того времени*, когда не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, в знакомстве состояла лишь родня и мировоззрение было волшебным и терпеливым, а ум скучал и плакал по вечерам при керосиновой лампе или в спящий полдень лета — в обширной, шумящей природе; когда жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, *забытая теперь без звука*. Она не Москва Честнова, она Ксения Иннокентьевна Смирнова, *ее больше нет и не будет*” (курсив наш. — Н. К.). Именно этим экзистенциальным порогом обозначается новый виток возрождения любовной темы в письмах Платонова 1935 года, в пове-

сти “Джан” (1935–1936) и в рассказах 1936 года, где в жизни современных героев впервые появляются образы любимых верных невест и жен, занятых строительством семейного очага (“Фро”, “Река Потудань”, “Среди животных и растений”, “Жена машиниста”).

Тема трудного пути к семейной гармонии составляет фабулу рассказа “Афродита”, представляющего художественную автобиографию Платонова. Экспозиция рассказа строится на противопоставлении двух типов письма с главным для героя вопросом “Жива ли была его Афродита?” — “к людям и учреждениям” и “к природе, к небу, к звездам и горизонту и к мертвым предметам” — и во многом снимается письмом Назара Фомина к исчезнувшей в вихрях войны любимой жене: “Фомин снял шинель и сел писать письмо к Афродите: «Дорогая Наташа, ты верь мне и не забывай меня, как я тебя помню. Ты верь мне, что всё сбудется, как должно быть, и мы снова будем жить неразлучно. У нас еще будут с тобою прекрасные дети, которых мы обязаны родить. Они томят мое сердце тоской по тебе...»” Этот пронзительный финал в одной из первых редакций рассказа восходит к реальным письмам к жене после смерти сына (4 января 1943 года) и исполнен глубинно символического смысла в преодолении фабулы — “объективных обстоятельств” (“Чевенгур”) — через обретение героем духовного знания и зрения, сопряжение мира земного и небесного в пейзаже (письмо пишется героем в освобожденном от фашистов родном городе) и открытие вечного в текущем времени русской истории XX века и в семейной жизни Назара и Афродиты-Наташи. В пронизанной светом любви памяти героя (маркировка автобиографического сюжета как воспоминания героя) соединяются разные лики невесты-жены — изменчивый (Афродита) и тот, что продиктован именем героини, данным ей при крещении: Наталия означает “природная, естественная”, а житие святой — символ верности жены единственному мужу. В каких временных отношениях находится интекст приведенного письма Назара Фомина и рождение в семье Платоновых дочери Маши (11 октября 1944 года), нам еще предстоит уточнять при датировке редакций рассказа.

Личное, семейное и мировое, лирика и история, частное и поэтическое, бытовое и литературное, etc, etc, etc... — эти непримиримые противоречия жизни и культуры пытаются разрешить переживающие муки любви герои Платонова: Бертран Перри (“Епифанские шлюзы”), Александр (“Однажды любившие”), Александр Дванов (“Чевенгур”), Душин и Щеглов (“Технический роман”), Сарториус и Самбикин (“Счастливая Москва”), Назар Чагатаев (“Джан”), Никита Фирсов (“Река Потудань”), Назар Фомин

* РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 20.

(“Афродита”). Разрешить — *вместе* с автором, иногда — *вслед* за автором, иногда — предваряя сугубо личное послание. Можно сказать, что письма к любимой жене включаются не только в хронику жизни писателя, но и в хронологию творчества и в поэтику создаваемых произведений, раскрывают их жизненную основу. И одновременно — указывают на литературную традицию.

Разделить жизнь и искусство в письмах Платонова о любви не всегда удастся. Как, впрочем, и по письмам к Марии Александровне мы вряд ли составим хронику семейной жизни писателя. То, что Платонов смешивает ее реальный облик с эстетическими упражнениями в духе символистского понимания жизни как жизни поэта, первой заметила сама невеста, начертав на одном из первых его писем: “Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Меня же Вы совсем не можете любить, потому что я не такая, какую Вы идеализируете, и еще — Вы любите меня тогда, когда есть луна, ночь или вечер — когда обстановка развивает Ваши романтические инстинкты. Муся”.

Если абсолютно согласиться с опровержением “Муси”, то легко встроить платоновские письма в концепцию литературного эксперимента, на которой в те годы настаивали формалисты, предлагавшие прочитать письма и дневники классиков русской литературы лишь как эстетический документ, не имеющий никакого отношения к реальной личности писателя. Останавливает обнажающая искренность писем Платонова, где эстетическое взрывается, можно даже сказать, отменяется голосом голой правды жизни — не закрытой и не прикрытой ничем. В письмах жене и 1920-х, и 1930-х годов мы видим то же исповедование правды жизни, что прозвучало у Платонова в полемическом письме для открытой печати 1920 года:

“Я двадцать лет проходил по земле и нигде не встретил того, о чем вы говорите — Красоты.

⟨...⟩ это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее отдельной, самой по себе — нет. ⟨...⟩

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили. Но я знаю еще, чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее достойно ее. ⟨...⟩

Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его.

⟨...⟩ Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и всё, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира” (“Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка», 1920).

Эстетический манифест, каким является это открытое письмо молодого пролетарского писателя, кристаллизует пушкинскую оппозицию жизни и искусства в их неслиянности и одновременно нераздельности. Платонов выстраивает образ человека низовой жизни в культуре, педалируя и укореняя в жизнь пушкинскую антитезу самого ничтожного человека (“И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он”) и поэта “божественного глагола” Аполлоновой (бог света и искусств в греческой мифологии) традиции, чтобы обозначить главную тему — тему пути человека-поэта. За платоновским “мы” нетрудно увидеть символистские контексты прочтения Пушкина, прямой диалог с “символами красоты у русских писателей” (название статьи Ин. Анненского).

В 1927 году к опоязовскому формальному “эксперименту” Платонов добавит понятие из пушкинской традиции творчества как “священной жертвы” (“Поэт”, 1827): “Вообще настоящий писатель — это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается” (письмо от 3 июля 1927 года). В этой математически краткой формуле можно прочитать платоновский ответ на идущие от 1910-х годов споры вокруг пушкинского исповедания отделения себя-человека от себя-поэта, принудительного молчания о некоторых сторонах своей души (В. Брюсов. “Священная жертва”, 1905), а также на ставшую одним из событий литературной жизни начала 1920-х годов полемику между поэтом В. Ходасевичем и формалистами о феномене Пушкина, сути искусства, отношениях между поэтом и человеком, творчеством и личностью, эстетикой и этикой. Если формалисты настаивали на разграничении жизни и творчества Пушкина, предлагали посмотреть на открытия Пушкина и историю русской литературы как на смену литературных форм, а на биографический материал — как на один из элементов формального эксперимента, то Ходасевич (и не только он) настаивал на бесценности пушкинского понимания отношений жизни и искусства, “правдивости”, “точности”, “насквозь” автобиографичности его лирики*, а формалистское “отсечение формы от содержания и главенство формы” определял как “писаревщину наизнанку”**.

Последовательных оппонентов у защитников пушкинско-символистской формулы автобиографичности текста и биографии-жизнетворчества оказалось тогда немало. Так, в статье-брошюре “Новейшая русская поэзия” (Прага, 1921) Р. Якобсона программное утверждение — “предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением” — сопровождается живописным

* Ходасевич В. О чтении Пушкина (к 125-летию со дня рождения) (1924) // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 118–119.

** Ходасевич В. Колблемый треножник (1921) // Там же. С. 82.

портретом антифилолога в облики сыщика: “Между тем до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и всё, что находилось в квартире, а также случайно проходивших на улице мимо. Так и историкам литературы всё шло на потребу: быт, психология, политика, философия. Вместо науки о литературе создавался конгломерат доморощенных дисциплин. Как бы забывалось, что эти статьи отходят к соответствующим наукам — истории философии, истории культуры, психологии и т. д. — и что последние могут, естественно, использовать и литературные памятники как дефектные, второсортные документы. Если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать «прием» своим единственным «героем””.

Не менее воинственно в отношении биографического метода были настроены представители социологической школы. Возьмем формулировки из статьи классика школы В. Ф. Переверзева: “Я изучаю не творца, а творение; не биографию, а произведение. Я делаю это потому, что считаю необходимым для историка литературы идти всегда от литературных фактов прежде всего. В литературном факте наименее интересным моментом я считаю его связь с авторской личностью и потому не ищу в творчестве отражения жизни писателя. Литературное явление — факт социальной жизни, и раскрытие его смысла сводится к пониманию социальной природы этого факта”^{*}. Пролетарским критикам в то десятилетие биография, естественно, была нужна, так как “биография дает понять социальные корни творчества”, но без мировоззренческо-методологического багажа “духовно-покойного Ходасевича”: “Пора навсегда *покончить* с совершенно ненаучными попытками рассматривать художественное творчество писателя как сплошное отражение его личной жизни”. “Ненаучное” включало, по мнению цитируемого напостовца Г. Лелевича, внимание к писательским письмам и дневникам, дающим, кроме полезного материала, много “лишних черт для характеристики мирозерцания и мироощущения писателя”^{***}. Вопрос, а кто отделит главное от второстепенного (“лишнего”), даже не ставился критиком.

Как точно заметил Л. Шубин, впервые обративший внимание на сложнейшие узлы “взаимообусловленности” и “взаимопроницаемости” биографии и творчества Платонова, споры с биографическим методом “имели главным образом теоретический характер”: “Если справедливо, что смысл жизни человека раскры-

* Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 275.

** Переверзев В. Социальный генезис обломовщины // Печать и революция. 1925. № 2. С. 61.

*** Лелевич Г. Марксистское литературоведение и биография // Звезда. 1926. № 3. С. 185–186.

вается в самой его жизни, то в творчестве смысл прожитой писателем жизни высветляется и становится доступным и внятным всем людям”*. Актуализация темы литературы, писательской биографии и эпистолярия в двадцатые годы выходит за границы чисто литературоведческо-критического дискурса. Вспомним формулу XX века как эпохи “катастрофической гибели биографии”**, предложенную О. Мандельштамом в статье “Конец романа” (1922). В духе мандельштамовской “гибели биографии” выдержано почти апокалиптическое размышление о гибели письма в новом веке, которое мы находим на страницах дневника известного филолога и искусствоведа С. Дурылина. Запись датирована 1926 годом:

“Письмо — самая свободная и таинственная форма письменного общения людей, — и самая целомудренная. Письмо — однолюб: оно — по идее, по существу, по форме, по назначению — всегда обращено к *одному*, рассчитано на *единственного* читателя, в мире и во времени, и потому те, кто, прочитав, сжигают письма или уничтожают их в конце своей жизни, — правы: каждый второй, прочитавший письмо, уже разрушил его форму, его *specificum*, уже сделал его не *письмом*, а воззванием, обращением, прокламацией, чем-то, обращенным ко всем. Но в своем интересе к письмам как к историко-литературному чтению мы правы: человек узнает о человеке, если прибегает к письменным источникам, что-нибудь правдивое только в письмах, только в том, что человек открывает другому один на один. И то, что в письмах, случается, лгут — ничего не говорит против сказанного: лгущий сознательно другому в письме дает тем самым великодушную характеристику или своего малодушия и слабости (Тургенев), или своего предельного уединения — желания оградиться от всех (Гоголь). Письмо, в своей правде или неправде, всегда честнее лгущего монолога — всяких «исповедей» от блаженного Августина до неумного Ивана Наживина. Письмо всегда правдивее «воспоминаний» — в письмах человек в своей «близости», в своем «довлеет дневи», в своем болотце или низинке, а «воспоминания» всегда — с горки, откуда видно дальше, но туманнее, золотистей и обманней. Письмо — самое интимное употребление человеческого слова и самое смиренное — равно доступное Пушкину и рязанской бабе, пишущей чужую рукою сыну на чужбину. Как хорошо, что литературоведы не придумали еще пока никакой науки о письмах! Но как, и без этой науки, ясны пишущие письма — по письмам: неумный Пушкин, отшучивающийся от самого себя Вл. Соловьев, страстно-мыслительный Леонтьев, бесцветно-провинциальный Короленко — как они ясны по тону и по духу своих писем. И тот, кто богаче и разностороннее духовно, тот богаче всего прежде всего в письмах! Вот отчего письма Розанова — великое произведение, целый клад, огром-

* Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987. С. 40, 42.

** Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 203.

ный рудник, а письма Короленки — жалкая обывательщина неумного провинциала с «четными идеями».

Писем теперь не пишут. Письма умерли, как умерло тепло жизни и угас мудрый уют бытия. Опубликованные до сих пор письма новых людей — Блока, Брюсова — нищенски бедны и серы. Это оттого, что и Блок, и Брюсов в сравнении с Пушкиным, Киреевским, Жуковским — слишком публичны, слишком типографичны: их письма пахнут типографской краской, на них нет отсвета домашнего камина, над ними не мурлыкал уютным домашним величавым кот, как намурлыкал он ласки и тепла в письмах Пушкина или Розанова.

Умрет письмо — и еще что-то большое, мудрое и ласковое умрет в человеке. Еще меньше любви и человечности станет в сохнущем и вянущем Божьем мире”.

Внесем некоторую корректировку в это глубокое и тонкое суждение о феномене письма в русской литературе. Перефразируя высказывание Дурылина о литературоведах, якобы еще не придумавших “никакой науки о письмах”, отметим лишь некоторые факты 1926 года.

Именно осенью 1926 года выходит академическое издание 1-го тома писем А. С. Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского и с его энциклопедической вступительной статьей об истории собирания и изучения переписки Пушкина. Составленная Модзалевским панорама осмысления феномена эпистолярия Пушкина в русской литературе XIX — первых десятилетий нового века** представляет увлекательный и подробный рассказ о том, как письма Пушкина превращались в одну из читаемых его книг, а в гуманитарном сознании складывалась концепция пушкинского письма как блистательного “рода прозаических произведений”. Заметим, что у новой власти, занятой созданием пролетарской мифологии русской истории и русской литературы, никакой заинтересованности в академическом издании писем Пушкина не было. Замечательное свидетельство на эту тему сохранилось в дневнике литератора Н. Ашукина, близкого круга ленинградских и московских пушкинистов; запись от 26 ноября 1926 года:

“На днях вышел I том писем Пушкина с обширными комментариями Б. Л. Модзалевского. Цявловский дал мне экземпляр с тем, чтобы я написал рецензию. Выход этой книги, конечно, событие в области пушкинианы. Я обратился в редакцию «Вечерней Москвы». Чарный не

* Дурылин С. В своем углу. М., 2006. С. 252–254.

** Модзалевский Б. Предисловие // Пушкин. Письма / Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Т. 1: 1815–1825. Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. М.; Л., 1926. С. III–XLII.

очень охотно, но согласился на заметку. «Не более сорока строк». Я написал более 50-ти и отнес в «Вечёрку». Но мне все же хотелось написать побольше, подробнее, и я обратился в «Новый мир» к Полонскому.

— Я бы хотел написать о письмах Пушкина.

— Это под редакцией Модзалевского?

— Да.

— Нет, для читателей «Нового мира» надо о чем-нибудь новом, животрепещущем — «для нас Державиным стал Пушкин».

Я сослался на Германию с ее культом Гёте.

— Ну, это там доходит до смешного: сочинения Гёте продаются даже в винных магазинах.

Я сказал, что это, «может» быть, и смешно, но все-таки меньше, чем бюсты Калинина из сливочного масла, которые появились недавно в гастрономических магазинах.

Полонский посмеялся, но рецензии в «Новом мире» не будет. Нельзя не записать вот о чем. Когда том писем печатался, то, напечатав какую-то часть комментариев, Госиздат заявил Модзалевскому:

«Довольно примечаний, а если хотите, печатайте их за свой счет».

И Модзалевский согласился, стоимость печати и бумаги должны были удержать из его гонорара. Но об этом узнал Демьян Бедный и заставил Госиздат допечатать примечания без удержания стоимости печати из гонорара”.

Выход первого тома академического издания писем Пушкина стал событием не только в области пушкинистики. Шло только первое советское десятилетие, управлять писателями и филологами, воспитанными в русской культуре XIX и начала XX века, власть объективно еще не могла. Продолжались исследовательские работы, разворачивались научные дискуссии о месте эпистолярия в поэтике писателя и в истории литературы. В 1926 году выходит сборник статей “Русская проза” со статьей Н. Степанова “Дружеское письмо начала XIX в.”, в которой переписка пушкинской эпохи была причислена к “забытым фактам литературы”, ее “неканонизированным жанрам”: “Борьба за жанры и за язык делает из письма лабораторию — неканонизированное литературное явление, — где идет разрушение «высокого» (прозаического и стихового) канона через ироническое «смещение» и пародирование”^{***}. Концепция Степанова в целом вписывается в контексты поисков отечественной филологической науки этого десятилетия (заметим: важной составляющей литературного процесса) с ее

* РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 65–66.

** Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая отделом словесных искусств. Вып. VIII. Русская проза. Сборник статей / Под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л., 1926. С. 74–101.

жаркими дискуссиями о соотношении биографии, письма и текста. Дискуссии начались в среде самих формалистов. В 1923 году одним из защитников биографии выступил Б. Томашевский. Можно ли, задавал он вопрос, считать универсальным ключом, приложимым ко всем литературным эпохам, формалистский принцип “литературной функции” биографии? И отвечал — нет: “Бывали эпохи, когда личность художника совершенно не интересовала аудиторию. <...> Был большой уклон к анонимату, доставивший широкое поле для современных археологов-приписывателей. <...> Шекспир в биографическом отношении остается Железной маской литературы”. В небольшой статье Томашевский представил широкую палитру формул отношений биографии и текста в истории литературы, причем все они — из разных исторических эпох и при их разнонаправленности — оказались актуализированными именно в 1910–1920-е годы. Такова, например, популярная в эти десятилетия тема “авторства” Шекспира, которой посвящены монографии и многочисленные статьи в центральных журналах. Было бы удивительным, если бы не нашелся современный ей аналог писателя, чья простая биография никак не согласуется с высоким уровнем созданного им художественного произведения. Лишь заметим, что на эту роль выборы шли все двадцатые годы, пока не остановились на авторе “Тихого Дона”. Противоположный анонимату полюс представляет эпоха романтизма, когда “поэты своей жизнью осуществляют литературное задание”, и именно эта-то “литературная биография”, по Томашевскому, “и была нужна читателю”. Еще одна актуальная, особенно для прозы первого советского десятилетия, традиция связана с формулой вымышленного рассказчика в пушкинских “Повестях Белкина”: “И если автор хотел скрыться, то подавал вымышленного рассказчика. Биография стала элементом литературы”. Для такого культурного феномена 1920-х годов, как “производственничество”, также вполне находится его историческая родословная: это поэт-профессионал, делец-журналист, сменивший в середине XIX века поэта-героя в русской литературе. Последние, замечает Томашевский, уже не допускают “взоров до своей частной жизни” (Некрасов, Фет, Островский). Начало XX века начинается с отрицания утвердившейся с шестидесятых годов формулы поэта: “Особый интимный стиль создал В. Розанов. Он весь, целиком, непричесанный, гулял по своим опавшим листьям. Он создал особую литературу семейных признаний и фамиллярных бесед. <...> Дело историков культуры решить, насколько реален тот облик его, который он тщательно вырисовывал...” Эпоха символизма развилась и утвердилась, по Томашевскому, “биографический лиризм” (поэт “с лирической биографией” — Блок), а проклинающий символизм футуризм делает “последние выводы из романтической

установки на автобиографию. Автор действительно становится героем книги”^{*}.

Эксперимент с автобиографической реальностью и эпистолярием, представленный романом В. Шкловского “Zoo. Письма не о любви, или Третья Элоиза” (1923), вписывается в корпус металитературной постсимволистской прозы, самокритично описывающей литературное производство. Манипуляцией с жанровыми элементами эпистолярного романа достигается эффект обнажения условности приема эпистолярия. Получилось, по авторской иронической самохарактеристике, данной в предисловии, “что-то вроде романа в письмах”^{***}. “Третья Элоиза” оказывается прежде всего самосознанием литературы, достигшей своего тупика и переживающей глобальный кризис как ее родовых и жанровых институций, к которым относится эпистолярный, так и их имитантов. Как заметил один из исследователей экспериментального романа Шкловского, “авторская сверхпозиция, расположенная в метадискурсе, внутренне не изоморфна” ни одному из содержащихся в тексте автокомментариев и в “компетенцию текста не входит разрешение противоречий, возникающих в процессе интерпретации”^{****}. На фабульном уровне у “книги о непонимании” есть финал. Это замена любовного диалога диалогом с социальными институциями: последнее письмо адресовано не Але, превратившейся в литературу-прошлое (“Аля — это реализованная метафора”), а во ВЦИК СССР (игровой прием самой истории: “Условность той игры с реальностью, в которую традиционно вступает роман в письмах”^{*****}). Демонстрируя финалом романа следующий культурный период литературы (лефовское жизнестроение, социальный заказ и теорию факта), Шкловский оставляет поля противоречий, не снятых подобным фабульным завершением “Третьей Элоизы”. Одним из таких обрушений формалистско-лефовского здания выступает “документ” — последнее Алино послание:

“Ты говоришь, что знаешь, как сделан «Дон Кихот», но любовного письма ты сделать не можешь.

И ты всё злееешь и злееешь.

А когда пишешь любовно, то захлебываешься в лирике и пускаешь пузыри... <...>

Любовных писем не пишут для своего удовольствия, как настоящий любовник не о себе думает в любви”^{*****}.

* Томашевский Б. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4. С. 6–9.

** Шкловский В. “Еще ничего не кончилось...”. Литературные мемуары / Предисловие А. Галушкина. Комментарии А. Галушкина, В. Нехотина. М., 2002. С. 271.

*** Калинин И. История как остранение приема (метафикция В. Б. Шкловского и антиутопия Е. И. Замятина) // Русская теория. 1920–1930-е годы. М., 2004. С. 195.

**** Там же.

***** Шкловский В. Указ. соч. С. 328–329.

Это одно из неснятых противоречий повествования — вопрос без ответа — в наибольшей степени коррелирует с формалистской литературно-теоретической установкой на преодоление символистского философско-эстетического канона. Особенно ярко это противоречие проявится в отношениях формалистов к “литературной личности” Есенина. Доказывая, что Есенин — почти эпигон Блока, Тынянов в статье “Промежуток” (1924) не скрывал, что формальная слабость Есенина проистекает от его силы: “Силен он был эмоциональным тоном своей лирики”. И здесь же: “Читатель относится к его стихам как к документам, *как к письму, полученному по почте от Есенина*”^{*} (курсив наш. — Н. К.). В 1926-м Эйхенбаум говорит о последовательном автобиографизме Есенина: главной темой его “лирического дневника” и “переписки” с читателем оставалась “его собственная судьба, его собственная личность”, “последняя исповедь”: “Нам исповедовался человек, который чувствовал себя уже только собственной лирической темой”^{**}.

Платонов входит во всесоюзную литературную жизнь в 1926-м — есенинском — году. Год после самоубийства Есенина проходит в литературе под знаком его автобиографической лирики, а главным жанром, в котором поэты самых разных направлений объясняются равно с Есениным и с собственной биографией, становится лирическое послание. Никогда более, как в этом году, не было написано в русской литературе столько исповедальных писем — матери, женщине, другу. Есенинский лирический эпистолярный, особенно ставшее лирическим каноном знаменитое “Письмо матери”, разворачивает и обнажает метафизические бездны и пустоты новой лирики и ее творцов. Несмотря на все усилия власти и литературно-критической общественности, реальная русская литература переваливала во вторую половину десятилетия все так же не преодолевшей наследие символизма с его глубинным религиозным переживанием тайны жизни и творчества.

Платонов сводит в единый образ понятия “экспериментатор” и “жертва”, понятия из языка противостоящих в современности литературных эстетик. И это его путь, он уже объединил в общем символе неведомого великого эпоса жизни в XX веке огромные миры, пребывающие в разъединенности, — детскую веру и современность, религиозный свет веры и свет ГОЭЛРО, христианскую “песнь” любви и “песни” заводских гудков, живую природу и технику и т. п.

* Тынянов Ю. Литературный факт. М., 1993. С. 267.

** Субботин С. Борис Эйхенбаум о Сергее Есенине в 1926–1927 годах // Revue des Études slaves. LXVII/1. Paris, 1995. С. 124–125.

Литературная современность первого советского десятилетия с ее жаркими спорами о путях обновления языка литературы и новой прозе найдет свое отражение в цикле любовных писем Платонова из Тамбова (декабрь 1926 — март 1927 года), которые Платонов задумывал превратить в “повесть в письмах” “Однажды любившие”. Идея “повести в письмах” приходит к Платонову в Тамбове, и он испрашивает разрешения у жены (письмо от 13 января 1927 года). Ответ нам неизвестен (письма Марии Александровны в фонде отсутствуют). Повесть осталась незаконченной. Не хватило материала? Ощущение эстетического риска остановило руку писателя на середине недописанного письма главного героя? Или остановил этический порог?

Незаконченный “эксперимент”, каким является повесть “Однажды любившие”, представляет безусловную ценность как уникальная область “тайного тайных” писателя, лаборатория творческого преобразования собственного эпистолярия. Это и документ эстетики Платонова, во многом развивающий круг идей о новых литературных формах, являющихся “приёмниками жизни” (статья “Фабрика литературы”, 1926). Если в статье “приёмником жизни” названа записная книжка, то в “предисловии собравшего письма”, открывающем повесть “Однажды любившие”, — любовные письма. Здесь тот же, что и в “Фабрике литературы”, современный литературный контекст: опоязовская концепция литературной эволюции, лефовская “теория факта”, есенинские “письма”, диалог с Маяковским, продолжение полемики с В. Шкловским, теперь уже как автором повести в письмах “Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза” (экземпляр книги имеется в библиотеке Платонова). И конечно, любимый Платоновым В. Розанов, узаконивший переписку в качестве новой жанровой формы в книгах 1913 года (“Литературные изгнанники” и “Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову”).

В предисловии к повести прямо утверждается, что письма являются важнейшим документом жизни и одновременно эстетическим феноменом:

“По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах?

Я всегда любил почту — это милое бюрократическое учреждение, с величайшей бережностью и тайной влекущее открытку с тремя словами приветия через дикое сопротивление климата и пространства!” (“Однажды любившие”).

Данная установка наполнится сюжетным содержанием в романе “Чевенгур” (сцена чтения крестьянами любовных писем героев) и получит дальнейшее эстетико-теоретическое развитие в статье Платонова о крестьянских письмах*. Главный предмет эстетической рефлексии в предисловии к “Однажды любившим” составляет феномен любви и письма к женщине “о сущности любви” как определенной жанровой формы:

“В чем увлекательность и интерес любви для стороннего наблюдателя? В простом и недостаточно оцененном свойстве любви — искренности. <...> Любовь — мера одаренности жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно пронизательна, и любящие насквозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием”.

Последнее утверждение читается как авторская ремарка к реальной переписке с женой, а далее идет отклик на любовные послания (письма) Есенина и Маяковского, утверждается, что “любовь совсем не собственничество” (а следовательно, и письма о любви), а “между любовью и жизнью” не только нерасторжимая связь, но, оказывается, пролегает “принципиальная разница”.

Одно из объяснений платоновского эксперимента с собственными письмами мы находим у филологов формальной школы, к идеям которой Платонов присматривался с 1924 года. В платоновском ироническом пассаже — “...Шекспир удовлетворительно писал бы и о слесарях, если бы был нашим современником” (статья “Фабрика литературы”, 1926) — угадывается концепция литературной эволюции, на которой настаивали формалисты. В понимании же генезиса литературы его расхождение с учителями-формалистами было фундаментальным. Формалисты настаивали на имманентности развития литературных форм, считали исчерпанным путь русского психологического романа и повести, а будущее русской литературы видели в развитии сюжета западного авантюрного романа, а с середины 1920-х годов — лефовской “теории факта”. Описанное в “Фабрике литературы” грандиозное сооружение по производству новой литературы и новых форм литературной жизни выстраивается Платоновым с использованием комплекса формалистских и лефовских идей и концепций новой литературы: “литературной эволюции”, “производственничества”, “теории факта”, “социального заказа”, монтажа и т. п. Получился гибрид, фее-рия иронии, сколь смешная, столь и угрюмая “фабрика литерату-

* См.: Рассказы А. Платонова для крестьянского радио 1928–1930 гг. / Публикация Е. Антоновой // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М., 2003. С. 695–696.

ры”; искусство, правда, на этой грандиозной постройке, еще не бывалой в мире литературы, почему-то оказалось на периферии, ибо, помимо “материала”, “монтажа” и других новаций, оно остается явлением жизни и ее органической потребностью: “Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни”. В каскаде платоновских определений формализма примечательно его сравнение формализма с таким антиэстетическим явлением, как бюрократизм: “Изобретатель формализма — бюрократизма в литературе”. Получается, если следовать этой смешной аналогии (формализм = бюрократизм) и припомнить блистательные портреты платоновских бюрократов в “Городе Градове”, “Сокровенном человеке”, “Че-Че-О”, “Впрок”, “Котловане”, что те и другие занимаются одним делом — упорядочением жизни, а иногда — ее полным уничтожением. Но уничтожить слабый голос жизни не может никто, даже самые упертые платоновские бюрократы. При этом заметим, что под пером Платонова бюрократ вовсе не выглядит однозначно сатирической фигурой. Достоинства этого “героя” из той же функции, что и недостатки: упорядочить стихию жизни в ее анархических устремлениях.

В литературных спорах десятилетия о русской классике Платонов вновь и вновь возвращается к концепциям формалистов, идет с ними до того момента, когда они начинают давать универсальные формулы творчества и истории русской литературы. “Прошлое, как бы оно ни возрождалось, есть уже мертвое, убитое самим временем”*, — утверждал Б. Эйхенбаум. Однако самыми современными писателями почему-то в двадцатые годы оказываются именно русские классики во главе с Пушкиным. Не только для массового читателя, но и для будущих классиков современности. К Пушкину обращаются Есенин, Ахматова, Ходасевич, Маяковский, Пастернак, Булгаков, Зощенко — и не только в поисках новых литературных форм, но и за темами, уроками жизни в искусстве, за опорой в отстаивании собственной литературной позиции и в выстраивании биографии.

Как читать дневники Толстого? Как документ творчества, утверждает Б. Эйхенбаум, но никак не душевной жизни писателя: “...Главное содержание его ранних дневников состоит в разложении собственной душевной жизни на определенные состояния, в напряженном и непрерывном самонаблюдении и осознании. Легко поэтому впасть в психологическую интерпретацию и поддаться обману. Речь здесь идет не о *натуре* Толстого, а об актах его творческого сознания...”; “Толстого интересует не этическое содержание всех этих правил и определений, а самая форма, са-

* Запись Платонова на подаренной Шкловским книге; см. с. 264 наст. издания.

** Эйхенбаум Б. Молодой Толстой (1922) // Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 35.

мый *метод...*”^{*} Однако даже пролетарские прозаики с их лозунгом 1926 года “учебы у Толстого” читают дневники Толстого *неправильно*, совсем не так, как советуют учителя-формалисты. Можно сказать, что само понятие жизни, особенно русской жизни и русской истории, понятие, атакованное в двадцатые годы по всем позициям — социальным, религиозным, этическим и эстетическим, обретается в напряженном диалоге с классикой, прислонении к ней, в открытии ранее не прочитанного — как в жизни, так и в творчестве писателей золотого века русской литературы.

На идущую именно от Пушкина литературную традицию подобного перемалывания и переламывания жизненного материала указывает в “Однажды любивших” прежде всего исходная установка, что заключенное в любовном послании конкретное и единичное, собственно, и представляет всеобщее и мировое. К Пушкину относится и эта очевидная аллюзия:

“Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в «старой корзине под сломанной кроватью», или в урне клуба, или на чердаке, или я получил их в наследство от умершего родственника. Этого не было. Письма эти действительны. Корреспонденты еще живы и существуют где-то затаенной счастливой жизнью, полной, однако, по совместительству, общественной деятельности очень большого масштаба”.

Кавычки поставлены не совсем точно, но традиция “острашения” современной литературы обозначена: это вовсе не лефовская “теория факта” и даже не узнаваемая “Рукопись, найденная среди мусора под кроватью” А. Толстого, а “История села Горюхина” Пушкина. Пребывающий в муках творчества повествователь “Однажды любивших” очень уж похож именно на пушкинского рассказчика, озабоченного созданием произведений об “истинных и великих происшествиях”, убежденного, что смысл творчества в том, чтобы “быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов”, и не видящего высокой эстетики в окружающей его низовой жизни: “История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика и представляла мало пищи красноречию”^{***}. Мы слышим эту пушкинскую интонацию у Платонова в “Фабрике литературы”, где Пушкин называется в авторитетном ряду русских и мировых писателей, работающих с реальными документами описываемой им эпохи (Пушкин — архивист и создатель исторической повести). Высокую эстетику уездной жизни Платонов уже открыл в эту пору, от-

* Эйхенбаум Б. О литературе. С. 36–37, 43–44.

** Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VI. М.; Л., 1950. С. 182. Далее цитируется по данному изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках в тексте статьи.

крыл не без помощи Пушкина. “Епифанские шлюзы” и “Город Градов” — пушкинские по своей эстетической доминанте повести — написаны в Тамбове, ставшем Болдинской осенью Андрея Платонова.

Если стилистика исторической повести у Платонова ориентирована на главный петербургский текст Пушкина (“Медный всадник”), то повесть о современности (“Город Градов”) — на “Историю села Горюхина”, из которой залетели в Градов некоторые образы и детали: пушкинские “темные предания” (VI, 191), “вольные хлебопашцы” (VI, 186), “ужасный пожар” (VI, 183), изготовленные детьми из летописей змеи (в Градове — из газет) и т. п. Очевидно, что и градовский сюжет с отрывными листками календаря, на которых “граждане метили свои непрерывные обязанности”, в его предметно-реалистическом плане (источником “фактов” является рубрика “Тамбовский день” губернской газеты) вдохновлен пушкинской поэтикой записей на старых календарях, представляющих “полную историю моей Отчины в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке” (VI, 183). Пусть и не в таком масштабе, но в “художествах” записей градовцев прочитывается живая история России новейшего времени. Примечательно, что аналогичные детали-образы взяты Платоновым из того источника, через который обретает пушкинский рассказчик-повествователь выход из жизненного и эстетического типа. Это — низовая русская жизнь, открытая “нечаянным случаем” (“нечаянно” — одно из любимых слов в словаре Платонова): “Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами” (VI, 183).

Игровой прием неточности пушкинской цитаты при одновременном сохранении в тексте пушкинского “чердака” работает на вполне серьезную тему — описание современной Платонову литературы, актуализировавшей элементы поэтики пушкинских “Повестей Белкина” и “Истории села Горюхина” (“Сентиментальные повести” М. Зощенко, “Записи Ковякина” Л. Леонова). “Сломанная кровать” позаимствована Платоновым у А. Толстого. Издание книги “Рукопись, найденная среди мусора под кроватью” (Берлин, изд. И. В. Благова) имеется в библиотеке Платонова и снабжено ироническим примечанием к ее заглавию: “и брошенная обратно туда же”*. Вырисовывается и актуальное, и почти массовое в прозе 1920-х годов обращение к эпистолярному и использование его повествовательных возможностей**. Кстати, и повесть А. Толстого выполнена в жанре письма-исповеди вечного русского эмигранта Александра, волей обстоятельств заброшенного в Париж.

* ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 286.

** См.: Рожнецова Е. Лирический сюжет в прозе Платонова 1927 г. // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000. С. 492–502.

Частица “не” в платоновском тексте работает на уточнение: у Пушкина на чердаке обнаруживаются записи на календарях, а у Платонова — письма. Ироническая рефлексия не задевает пушкинский текст и всецело относится к современности, где “письмо” выступает лишь повествовательным приемом, во многом — вторичным. Напомним, что в статье “Фабрика литературы” Платонов обвинит современную литературу в незнании жизни. Это утверждение о безусловной ценности для Платонова пушкинского текста исходит, во-первых, из реальных платоновских писем, которые он в “Однажды любивших”, как и пушкинский повествователь, размещает в строго хронологической последовательности, во-вторых, из пушкинского подтекста тамбовских писем Платонова. Они в буквальном смысле пронизаны цитатами из текстов Пушкина, прямыми и образными отсылками к пушкинским изгнаниям — ссылкам на Кавказ, в Михайловское, к заточению в Болдине осенью 1930 и 1933 годов.

“Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось” (X, 806), — сообщил Пушкин в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 года.

Летом 1926 года Платонов оказался в не менее ложном и сомнительном положении: он теряет службу, его увольняют с выборной должности; безработица, безденежье, скандальность выселения из Центрального дома специалистов. С этим “клеймом” скандалиста он приезжает на место новой службы в Тамбов осенью 1926 года.

Портрет незадачливого мужа Платонова оказывается весьма близким к пушкинскому периода Болдинской осени 1930 и 1933 годов. Это не литературный пушкинский миф Маяковского (“Юбилейное”) и не литературная проекция на биографию Пушкина. Перед нами уникальное совпадение жизненных ситуаций. Причем эти совпадения, кажется, осознавались самим Платоновым. В письмах к Марии Александровне он объясняется с любимой женой не только стихами и темами Пушкина, но также ситуациями пушкинских ссылок... Кажется, на рабочем столе Платонова в это время были и письма Пушкина. Они тоже оказываются для него верным собеседником и подмогой в определении собственной литературной позиции, да и в переписке с любимой женой Марией.

Параллели читатель проведет самостоятельно при чтении писем Платонова. Напомним основные темы пушкинского эпистолярного романа 1830-х годов.

У Пушкина — в письмах к Наталье Николаевне — Болдино выглядит тюрьмой, в которой поэтом переживается двойственность его положения: возможность расторжения помолвки, неуверенность в осуществлении счастья-брака:

“Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. <...> Быть может, она [матушка] права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь” (август 1830; X, 816);

“...Ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка <...>. Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье” (30 сентября 1830; X, 818);

“Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? <...> Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. <...> Болдино имеет вид острога, окруженного скалами. Ни соседей. Ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что марая бумагу и злуюсь” (11 октября 1830; X, 818–819);

“Не достаточно этого, чтобы повеситься?” (4 ноября 1830; X, 819).

В письмах Пушкина к друзьям 1830 года тема вынужденного болдинского заточения дополняется новыми деталями и существенными уточнениями:

“Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть” (В. Ф. Вяземской, август 1830; X, 816);

“Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. <...> Ах, мой милый, что за прелесть здешняя деревня! <...> пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всякой всячины, и прозы и стихов” (П. А. Плетневу, 9 сентября 1830; X, 306–307);

“Я, душа моя, написал пропасть полемических статей...” (А. А. Дельвигу, 4 ноября 1830; X, 314);

“Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал <далее перечисляется написанное. — Н. К.>. Хорошо? Еще не всё...” (П. А. Плетневу, 9 декабря 1830; X, 324).

В письмах к Наталье Николаевне 1833 и 1834 годов из Болдина темы творчества и личной жизни переплетаются, ранее сообщаемые только друзьям “тайны” доверяются жене, чье поведение становится частью личной, семейной и творческой жизни

поэта. В письмах “ангелу” и “женке” Пушкин постоянно отчитывается о встречах и написанном, воспитывает жену, уверяет в собственной верности (“грех подозревать меня в неверности”; X, 420). Одной из сквозных тем воспитания Натальи Николаевны становится кокетство красавицы-жены:

“Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства...” (27 сентября 1833; X, 419);

“...Кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение...” (3 октября 1833; X, 422);

“Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься” (2 октября 1833; X, 449);

“Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить” (8 октября 1830; X, 450);

“Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины” (11 октября 1833; X, 451);

“...Кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благорастойности, важности...” (21 октября 1833; X, 452);

“Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой <...>. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобой ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. <...> И благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливай и меня не забывай. <...> Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай...” (30 октября 1833; X, 453–454).

Тема верной жены кристаллизуется в пушкинских письмах к жене в “мысль семейную”, она возникает в связи с сюжетом распечатанного любовного письма (“Без тайны нет семейной жизни”; X, 484) и вырастает в нравственный императив: “Без политической свободы жить очень можно; без семейной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше” (3 июня 1834; X, 486–487).

“Кочевническая жизнь” питает творчество, а следовательно, дает средства к существованию, обеспечивает материальную сторону семьи, помогает выбраться из долгов, и она же причина разлук с любимой женой и семьей:

“Скучно жить без тебя и не смей даже писать тебе всё, что придет на сердце” (8 июня 1834; X, 489);

“Умри я сегодня, что с вами будет?” (28 июня 1934; X, 494); “...Кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать?” (30 июня 1834; X, 496); “Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать... рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости” (14 июля 1834; X, 504).

Казалось бы, все темы согласованы... Однако упорядоченность взрывается в главном неразрешимом вопросе: писать для рынка и для семьи оказывается на одном полюсе, а поиск истины и “вдохновение” — на другом, прямо противоположном. Об этом в знаменитом “Разговоре книгопродавца с поэтом” (1824), в письмах к друзьям:

“Вообще пишу много про себя и печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает <...>. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок” (М. П. Погодину, 7 апреля 1834; X, 470).

И об этом же — к властям:

“В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унижительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег...” (А. Х. Бенкендорфу, 1 июня 1835; X, 857).

Платоновский изгнанник инженер Бертран Перри видит дорогу к любимой из изгнания на тех путях, что указывает пушкинский книгопродавец: он должен прославиться (“Но сердце женщин славы просит: / Для них пишите...”) и заработать много денег (“Внемлите истине полезной: / Наш век — торгаш; в сей век железный / Без денег и свободы нет” (II, 191, 194). Бертран верит, что Мэри полюбит его — великого строителя петровской эпохи, а деньги позволят обрести независимость и семейное благополучие... Путь советов оказывается ложным: не славу и независимость, а смерть находит Бертран в реформируемой России. Ошибки Бертрана имеют фундаментальный характер: он не понял тайны женщины и тайны русской истории...

Приведенные фрагменты писем Пушкина позволяют увидеть в письмах Платонова очевидные прямые аналогии в развитии темы любви, семьи, творчества и современной литературы. Пуш-

кинская тема невольного “заточения” (“Прощание”, 1830; III, 184) и разлуки с любимой развивается в письмах Платонова не без прямой оглядки на письма Пушкина к невесте Наталье Гончаровой. Те же, что у Пушкина, темы: безумная ревность, мольба о любви, безденежье, долги, “судьбины гнев”, тоска, окружение, литературное одиночество, литературная слава, физическая смерть, “рынок”, невозможность вырваться, страх утраты любимой, отход от столичных литературных тем... И преодоление непреодолимого в одной лишь сфере — в творчестве. Любимая пушкинская характеристика написанного в изгнании (“уже написал пропасть”) появляется и у Платонова: “Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука” (письмо от 30 января 1927). Через образ пушкинского “вшивого рынка” определяется установка Платонова на создание романа о Пугачеве (еще одна пушкинская традиция): “Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!” (письмо от 28 января 1927). Напомним, что и Пушкин писал “Историю пугачевского бунта” “для себя”.

Пушкинская тема безусловной откровенности (“искренности”) автора в открытой исповеди и сокровенности в “хладнокровной прозе” (письмо П. Вяземскому, 1825; X, 190) диктует Платонову: “Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему” (письмо от 26 января 1927). Пушкин помогает в кристаллизации темы верной музы, посещающей поэта только в уединении. Через путь Пушкина и с пушкинскими смыслами оформляется в письмах 1927 года сюжет литературного центра и русской провинции как едва ли не главный в творчестве Платонова со времени тамбовской ссылки и до конца жизни писателя. На одном полюсе оказываются собственная и массовая неустроенная жизнь, на другом — “блестящая, но поверхностная Москва” (письмо от 13 февраля 1927). В трагедии “14 красных избушек” современным содержанием (голод 1932–1933) наполняется пушкинская оппозиция трагедии народной жизни и “собачьей комедии нашей литературы”: “Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы” (письмо П. Вяземскому от 3 августа 1832; X, 373). В статьях о Пушкине 1937 года Платонов подведет итог добытому им опыту спасения через Пушкина и с Пушкиным, а интерпретацию произведений Пушкина наполнит контекстом собственного творчества и собственного писательского и жизненного пути. “Как бы невзначай, непреднамеренно он [Пушкин] начинает великую русскую прозу XIX и XX века” (статья “Пушкин — наш товарищ”) — это о повороте в жизни и творчестве Пушкина, связанном с Болдинским периодом, и, можно сказать, о Болдинской осени самого Платонова 1926–1927 годов. В статье “Пушкин и Горький” Платонов про-

тивопоставит Пушкина и Горького, закрепив за Пушкиным “расширенное понятие жизни”, а за Горьким — почти формалистское “гуманитарное понимание литературы”, в котором тот ушел “далее своего учителя”.

В пушкинском контексте писем Платонова к Марии Александровне из Тамбова, возможно, находится одно из объяснений, почему эксперимент 1927 года с реальными письмами в повестях “Однажды любившие” и “Строители страны” остался незавершенным. Читаем письмо Наталье Николаевне от 18 мая 1834 года: “Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники” (X, 484). У Пушкина это звучит как нравственный императив. Случайное ли это совпадение или нечто более глубинное, но сюжет распечатанного письма и чужих соглядатаев появляется в письмах Платонова к Марии Александровне 1935 года и также пронизан этическим пафосом. Возможно, именно моральная сторона сыграла свою роль в приостановке эстетического эксперимента 1927 года, и личные письма к жене остались нераспечатанными. Примечательно, что и другие произведения, в которых личная семейная жизнь превращалась Платоновым в тему и сюжет, остались незавершенными (“Строители страны”, “Технический роман”, “Счастливая Москва”).

Распечатывая семейные письма любого писателя, мы всегда нарушаем авторскую волю. Так случается со всеми классиками, ибо история их личной жизни принадлежит не только им, но и литературе, культуре и истории. Эту двуединую формулу мы находим в письме Пушкина Наталии Николаевне: важно, “чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства” (25 сентября 1832; X, 418).

Фрагменты писем Платонова к жене были впервые опубликованы в 1975 году в журнале “Волга” в подборке материалов из семейного архива: “...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)”*.

В предисловии к публикации Мария Александровна писала: “А. Платонов даже в трудные для него времена никогда не

* Волга. 1975. № 9. С. 160–178. Публикация и вставные главы М. А. Платоновой. Комментарии В. Васильева.

замыкался в кругу семьи и не сосредоточивался на себе — он по натуре своей был глубоко равнодушным и, в подлинном значении этого слова, общественным человеком. Однако, помимо неизменной социальной уверенности, его оптимизм, жизнестойкость и писательскую работоспособность питало, как он сам выразился, «ощущение счастья вблизи родного существа, ибо любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого, любимую) своего смысла жизни».

Писем ко мне А. Платонова сохранилось не много.

Я подготовила отдельные фрагменты из них, в которых, на мой взгляд, личное перестает быть только личным и может тронуть читателя глубиной мысли, чистотой и ясностью чувств”.

Публикацию материалов в журнале “Волга” инициировал и вел Владимир Васильев, член редколлегии журнала, критик и исследователь Платонова. Фрагменты из писем были подготовлены самой Марией Александровной, она же их датировала. В переписке с Васильевым уточнялись примечания, на какие-то вопросы исследователя Мария Александровна отвечала подробно, другие считала ненужными. О подготовке публикации писем Мария Александровна тогда же сделала запись для себя:

“Из многих писем Платонова сделали подборку (разные периоды): его поездки — принудительные и вольные и мн. другое. Назвали все это: «Письма о любви и горе». И, конечно, не верю, что пропустят. А может быть!”**

Пусть и под другим названием, но подготовленная Марией Александровной публикация фрагментов писем Платонова состоялась и стала одним из важнейших и драгоценных первоисточников, к которому десятилетиями обращались биографы и исследователи творчества писателя. Естественно, возникали и вопросы к опубликованным текстам писем, а также к их датировкам. Явно не состыковывались с 1936 годом письма о крымском землетрясении (оно было в 1927 году) и об издании книги стихов у Литвина-Молотова, который к этому времени уже давно отошел от издательской работы. Возникали вопросы и к поданным как реальные письма фрагментам из предисловия к книге “Голубая глубина”, повести “Однажды любившие” и др. К подобной имитации письма, очевидно, относится и первое письмо в Волошино, датированное в публикации осенью 1922 года.

Не все письма Платонова к жене сохранились. На конверте с первыми письмами Мария Александровна дала этому следую-

* Волга. 1975. № 9. С. 160.

** ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 6. Ед. хр. 143.

щее объяснение: “Письма о любви и горе моего единственного мужа, А. П. Платонова. Многие письма пропали в квартире на Тверском бульваре, 25. Нас заставили выехать в Уфу за 2 часа, и Платонов ничего не мог убрать или спрятать из своих рукописей, ибо полковником Старковым, что следил за нашим сбором, было сказано, что мы вернемся через 2 месяца, как только немцы будут отогнаны от Москвы. Но мы с сыном вернулись только через год <...>. В квартире был чайник и печка Б. Ямпольского. Все вещи из шкафа отсутствовали. Рукописи были перерыты (и выкрадены). Зачем и почему у нас очутился Ямпольский?”* У несохранившихся писем могла быть и другая судьба. Какие-то из них потерялись при пересылке. Были, очевидно, и другие причины утраты некоторых писем Платонова жене и практически всех писем Марии Александровны к мужу.

Некоторые подсказки к факту отсутствия любовных писем мы находим в прозе Платонова. Так, повествователь в повести “Однажды любившие” признается, что письма “не все налицо — многие утрачены и не попали мне в руки”. В “Епифанских шлюзах” не прочитанным героем остается письмо Мери и недочитанным — эпистолярный любовный роман “Любовь леди Бетти Хьюг”, являющийся своеобразным инвариантом современного любовного сюжета: книга “осталась навсегда непрочитанной, но интересной”. Не все письма получают герои повести “Строители страны” и “Чевенгура”, потому что именно любовные письма составили фонд своеобразной местной сельской библиотеки: “Особо интересные письма адресату совсем не шли, а оставались для перечитывания и постоянного удовольствия”. Не верит, что письма вынимают из ящиков, герой повести “Сокровенный человек” Фома Пухов: “Не вынают, дьяволы, — ржавь кругом!” Герои повестей 1929–1931 годов (“Впрок”, “Котлован”, “Ювенильное море”, “Технический роман”) и романа “Счастливая Москва” (1933–1935), за малым исключением, и вовсе не пишут любовных писем. Современная история вытесняет любовный сюжет на обочину. Герои если и пишут письма, то совсем другие, правда, тоже традиционные: официально-производственные записки, письма Ленину, “письма родным” и “письма далеким товарищам” (“Ювенильное море”). Самое лаконичное любовное послание мы находим в “Котловане” в тексте “последней итоговой открытки”, которой герой “складывает с себя ответственность любви: «Где стол был яств, / Теперь там гроб стоит. Козлов»”. Герой “Счастливой Москвы” Божко и вовсе пишет письма только далеким пролетариям на языке эсперанто, другие же влюбленные герои романа вообще не владеют жанром любовного послания. Не умеет писать любовные письма Фрося-Фро

*

ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 6. Ед. хр. 142.

(“Фро”), мучаясь всю ночь за составлением письма к любимому мужу Федору, и в итоге заменяет его лаконичной телеграммой. Однако сам жанр любовного послания являет свою силу в рассказе, организуя фабулу встречи любящих супругов. В подтексте же рассказа о современности идет очевидная переключка со “старинным временем” “Епифанских шлюзов” и “Чевенгура”. Традицию находить в писании писем “утешение” (письма Мери) продолжают здесь неизвестные авторы неизвестных писем. Даже “письмоносец” Фрося, считающая все другие письма, кроме писем Федора к ней, “неинтересными”, полагает, как и повествователь “Чевенгура”, что в письмах “лежит утешение для местных жителей” (ср. в “Чевенгуре”: “...люди были несчастны и требовали душевного утешения”).

Сегодня, располагая любовными посланиями Платонова лета 1935 года, мы можем говорить, что он их не забыл, когда писал рассказы “Фро” и “Река Потудань”. Правда и в том, что в рассказах происходившие в эпистолярном пространстве любовные события переламываются и превращаются в новую сюжетную конфигурацию, во многом противоположную реальности. Сцепка роковых любовных страстей (имеющаяся в письмах к жене) уходит в глубины повествования, отмеченного в рассказах 1936 года очевидной печатью традиции пушкинской “смирненной прозы”.

Сюжет с письмами 1935 года в их отношении к платоновским текстам позволяет предположить, что были письма к Марии Александровне 1928 и 1929 годов, когда Платонов постоянно находился в отъездах. Платонов-художник мог “забыть” реальные письма к любимой жене, как он их забыл при переработке повести “Строители страны” в роман “Чевенгур”, но это не значит, что их не было в реальности. Ведь и в “Чевенгуре” он забыл письма, но забыл по-пушкински. Любовно-лирический сюжет из жизни героев романа на периферию повествования вытесняется темой истории города Чевенгура и его жителей. Эпистолярный любовный дискурс в романе сохранился, но он уже не имеет, как в повести, сюжетообразующей функции. Как остаток старого времени и культуры, любовно-семейный эпистолярный всплывает в переписке Прушевского и его сестры (“Котлован”), в лирических воспоминаниях Прушевского и Чиклина о навсегда утраченной любимой женщине...

Письма Платонова к Марии Александровне — это прежде всего человеческое “тайное тайных” писателя, и стоит отдать должное наследникам Платонова, сохранившим эту сокровенную часть его литературного наследия. Это и богатейший источник информации о жизни и творчестве писателя, о литературной среде и отношениях в ней и к ней, о замыслах написанного и ненаписанного, о датировках и редакциях произведений... Информация из писем требует сложнейшей ювелирной коррекции прямых платоновских

оценок, формулировок и характеристик, велит учитывать как адресата письма, так и его включенность в творческую лабораторию писателя. Так, к примеру, провинциальный Тамбов в письмах к жене выполнен практически на языке официальной советской сатиры, однако в “Епифанских шлюзах” и “Городе Градове” образ мещанского города переживает метафизическое преобразование.

Два методологических совета не потеряли и сегодня своей актуальности. Первый принадлежит Пушкину: “Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок не так, как вы — иначе” (письмо П. Вяземскому, ноябрь 1825; X, 191). Второй методологический совет мы находим в размышлениях литературоведа Б. Эйхенбаума о дневниках и письмах Л. Толстого: “К таким документам надо относиться с особенной осторожностью, чтобы не впасть в простую психологическую интерпретацию того, что весьма далеко от чистой психологии. Смещение этих двух точек зрения ведет к серьезным ошибкам, упрощая явление и вместе с тем не приводя ни к каким плодотворным обобщениям”^{*}.

.....

2

Особое место в переписке Платонова занимают его письма к власти предрежащим: руководителям страны, генеральному секретарю Союза писателей и просто секретарям всех уровней, главным редакторам журналов и издательств. За исключением переписки с М. Горьким, письма Платонова к этим корреспондентам представляют тип безответного письма. Сегодня, когда мы значительно больше знаем о советском XX веке, безответные письма Платонова прочитываются как документ исторической и литературной эпохи, пронзительные и обличительные свидетельства самого времени.

У каждого из молчащих корреспондентов были свой резон и свои мотивы отложить личное послание писателя и не отвечать на него. Политическими и литературными обстоятельствами 1926 года можно как-то объяснить, почему не отвечает Александр Константинович Воронский (один из столпов литературной жизни первого советского десятилетия) на просьбу Платонова помочь ему преодолеть гибельную ситуацию первого московского года жизни и опубликовать его новые произведения. Но не всё объясняется и оправдывается обстоятельствами. Платонов, как свиде-

* Эйхенбаум Б. Указ. соч. С. 36.

тельствуют его письма к жене 1927 года, рассчитывал, что с публикацией книги “Епифанские шлюзы” — заметим, книги перво-классной, зрелой прозы — придет литературное признание. Но этого не произошло. В этом же году главные толстые журналы “Красная новь” и “Новый мир” отказываются от публикации подлинного шедевра — повести “Сокровенный человек”. Платонова не заметили и после выхода второй книги в 1928 году; более того, появились слухи, что печатаемое под именем Платонова ему не принадлежит, а написано каким-то “старым” писателем*... Ведущим критикам, погруженным в литературную и политическую борьбу, в общем-то, и недосуг было читать книги появившегося в Москве писателя, за которым никто не стоял: ни группировка, ни авторитетные для эпохи имена. Критика бросится создавать репутацию Платонову, как только обозначится актуальный политический заказ. В 1929 году на Платонова обратят внимание в связи с политическим “делом” Пильняка и Замятина, в ходе которого вспомнят рассказ “ЧеЧе-О”, опубликованный в “Новом мире” как совместная работа Пильняка и Платонова. Впечатление о Платонове как ученике Пильняка сохранится в литературном сообществе надолго, а его публичные объяснения** критика не захочет услышать. В донесении в НКВД от 10 декабря 1930 года этот образ приобретает и вовсе гротескные черты: “Сказывается здесь и та закваска, которую Платонов получил в начале своей литературной работы. Ведь, когда он только начал писать, на него сразу же обратил внимание Пильняк, помог ему овладеть грамотой. Приобрел этим влияние на него и, конечно, немало попортил”*** (курсив наш. — Н. К.).

Чисто политический характер имеет и история вокруг публикации рассказа “Усомнившийся Макар”, с которой к Платонову придет всесоюзная известность. События развивались следующим образом: недовольство Сталина — признание редакцией допущенной ошибки — статья вождя РАППа критика Л. Авербаха “О целостных масштабах и частных Макарах”, напечатанная в журналах (“Октябрь”, “На литературном посту”), а 3 декабря 1930 года — на страницах главной газеты страны — “Правды”. Именно в 1930 году в НКВД заводится папка, в которую начинают собираться материалы о Платонове, поставляемые общавшимися с ним современника-

* См. об этом в письме жене 1928 года, с. 255 наст. издания.

** См.: “Б. А. Пильняк «Че-Че-О» не писал. Написан он мною единолично. Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по моей рукописи” (“Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)”, 1929). Автограф очерка “Че-Че-О” хранится в фонде А. Платонова ОР ИМЛИ (Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 92).

*** Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. 1930–1945 / Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // “Страна философов” Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. С. 850.

ми. Первые донесения в папке датированы 6 декабря 1930 года, т. е. появляются сразу после правдинской статьи Авербаха и письма Платонова в редакцию “Правды”. В уже цитированной сводке от 10 декабря 1930 года, написанной близким Платонову и явным знатоком литературной жизни “года великого перелома”, в целом точно описывается ситуация Платонова, оказавшегося в промежутке между двумя главными литературными лагерями — пролетарских писателей и попутчиков — и не примкнувшего ни к одному из них: “Бытовые условия Платонова очень трудные — нет комнаты, нет денег, изнашивается одежда. Литературные работники из РАППа или близко стоящие к пролетсектору от него отшатнулись после скандального рассказа «Усомнившийся Макар» (в «Октябре»). Этим пользуются «попутчики», группирующиеся вокруг издательства «Федерация». Они чувствуют в нем силу <...> и, вызывая в нем раздражение против слабых писателей, в бытовом плане обставленных гораздо лучше его, стараются закрепить его за своим лагерем”.

“Правда” не напечатала письмо Платонова с разъяснениями его литературной позиции сочувственного отношения к Макару Ганушкину. Не того от него ждали, да и, кажется, он сам еще пытался выйти из ситуации по-гоголевски, когда писал новый финал жизни “частного Макара” (рассказ “Отмежевавшийся Макар”) и отдавал “невьясненному” Умрищеву (повесть “Ювенильное море”) важнейшие вехи своей политической биографии: “Умрищев давно был исключен из партии, перенес суд и отрекся в районной газете от своего чуждого мировоззрения”. Однако пролетарским писателям рекомендовалось учиться у Салтыкова-Щедрина и Гоголя описывать отрицательные типы прошлого и настоящего только с позиций нового мира и его идеологии, из которой однозначно был исключен гоголевский “смех сквозь слезы” как проявление реакционной традиции русской классической литературы. Нахождение внутри этой смеховой традиции жизни и культуры, где, по словам любимого Платоновым В. Розанова, вечно “пререкаются” ангел смеха и ангел слез, является устойчивой чертой художественной идеологии Платонова. Однако о результатах этой устойчивости, проявившей себя в опубликованной в журнале “Красная новь” повести “Впрок (Бедняцкая хроника)”, ему придется объясняться в 1931 году уже вполне по-серьезному. В первом письме в “Правду” и “Литературную газету” Платонов еще пытался отшутиться, однако вскоре стало не до шуток. Ему предстояло объясниться с главным читателем страны — И. Сталиным, и в этой ситуации разворачивающейся интриги вокруг публикации “Бедняцкой хроники” проявит свою силу текущий политический момент весны 1931 года.

*

Там же.

Остановимся более подробно на политической ситуации писем Платонова во власть 1931 года, о которой писателю будут напоминать до конца его жизни, а повесть “Впрок” впервые переиздадут в СССР только во второй половине 1980-х годов, и то с купюрами.

В эти годы Сталин получал немало писем от советских писателей, оказавшихся в зоне истребительной критики и отлучения от литературы, однако в переписку с ними не вступал. В некотором смысле исключителен и одновременно показателен случай с “первым пролетарским поэтом” и кремлевским жителем Демьяном Бедным*. Самый успешный писатель советской России впервые крупно ошибся в 1930 году, опубликовав в “Правде” и “Известиях” цикл очередных фельетонов. Бедный привычно и виртуозно клеймил русского “мужика” со всеми его историческими пороками, клеймил в полном следовании идеологическому курсу “года великого перелома” (название статьи И. Сталина, опубликованной в “Правде” 7 ноября 1929 года), однако в официальном пропагандистском дискурсе в течение полугода происходят радикальные изменения, определяемые статьями Сталина “Головокружение от успехов” (“Правда”, 1930, 2 марта), “Ответ товарищам-колхозникам” (3 апреля) и “Постановлением ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении” (15 марта). Партия неожиданно публично осудила “перегибы” в проведении коллективизации и заявила о борьбе с “искривлениями и их носителями”, с “опьяненными успехами товарищами”, которые “стали сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком”, и призвала на местах преодолеть “головокружение от успехов”...

Принятое 6 декабря 1930 года постановление секретариата ЦК ВКП(б) “О фельетонах Демьяна Бедного «Слезай с печки», «Без пощады»” выполнено в полном следовании духу и букве партийных документов весны 1930 года: “ЦК обращает внимание редакций «Правды» и «Известий», что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, развившиеся в огульном охаивании «России» и «русского» (статьи «Слезай с печки», «Без пощады»); в объявлении «лени» и «сидения на печке» чуть ли не национальной чертой русских («Слезай с печки»); в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс, и прежде

* Д. Бедный жил в Кремле (до 1933 года), в поездках по СССР ему предоставлялся собственный “протекционный вагон”, его стихотворные фельетоны без задержки печатались в “Правде” и “Известиях” практически каждую неделю (см.: Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956. Документы. М., 2005. С. 103, 107, 109).

всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты «лентяй», «любитель сидения на печке» не может не отдавать грубой фальшью. ЦК надеется, что редакции «Правды» и «Известий» учтут в будущем эти дефекты в писаниях т. Демьяна Бедного^{*}. Этот документ, опубликованный в центральных газетах, обнадежил многих, в том числе и автора «Впрок», и тех, кто принимал решение о публикации повести.

Бедный пишет истерическое письмо Сталину, выдержанное в стилистике плача: «Пришел час моей катастрофы. Не на «правизне», не на «левизне», а на «кривизне». Как велика дуга этой кривой. <...> Я неблагополучен. Меня не будут почитать после этого не только в этих двух газетах — насторожатся везде^{**}». В развернутом послании от 12 декабря 1930 года Сталин сформулирует «ясный ответ» Бедному, и не только ему. Для партии и для него как представителя верховной власти в стране нет писателей вне партийной критики, и эта критика должна восприниматься как директива и закон: «Десятки поэтов и писателей одергивал ЦК, когда они допускали отдельные ошибки. Вы всё это считали нормальным и понятным. А вот когда ЦК оказался вынужденным подвергнуть критике Ваши ошибки, Вы вдруг зафыркали и стали кричать о «петле». На каком основании? Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки? Может быть, решение ЦК не обязательно для Вас? Может быть, Ваши стихотворения выше критики?»^{***}

Повесть Платонова «Впрок» Сталин будет читать совсем скоро — в первых числах мая 1931 года. Правда, в отличие от письма к Бедному, внесенного в биографическую хронику 13-го тома сочинений Сталина («И. В. Сталин пишет ответ на письмо Демьяна Бедного»^{****}), это событие в ней не отмечено. На письмо Платонова Сталин не ответил.

Политический вектор менялся стремительно. Если весной 1930 года, опираясь на авторитет последних партийных документов о коллективизации, можно было осмеивать «перегибщиков» всех мастей, то через год прошлогодние формулировки в отношении коллективизации были прочно забыты и власть продолжила прежний карательный курс на сплошную коллективизацию. Именно на весну — лето 1931 года приходится принятие ряда основополагающих документов по депортации «кулаков», «пролезших в колхозы» и избежавших по каким-либо причинам экспроприации и высылки; специальной комиссией Политбюро регулярно

* См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 131.

** Там же. С. 132–133.

*** Там же. С. 134–137; в сокращении: Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 23–24.

**** Там же. С. 401.

утверждаются планы переселения кулацких семей и списки новораскулаченных (иногда на одном заседании — до 150 тысяч кулацких семей) и т. п. Все эти документы, естественно, относились к закрытым, и на них сразу же ставился гриф “Совершенно секретно. Снятие копий воспрещается”, “Строго секретно”^{*}.

Повесть “Впрок” Платонов написал весной 1930 года, и практически год она находилась в редакциях журналов и издательств. В политическом же контексте радикального поворота весны 1931 года повесть была прочитана Сталиным вполне адекватно — как обличительный документ к событиям не только весны 1930-го, но и политического виража 1931 года. “Бедняцкая хроника” по сути дела дезавуировала партийные документы 1930 и 1931 годов и сняла с них гриф секретности, потому что рассказала о том, о чем со всех концов страны писали в Москву рабочие и крестьяне. Этими скорбными письмами были завалены редакции всех центральных газет. Вот лишь некоторые фрагменты из посланий, собранных в специальные папки для ответственного редактора главной газеты страны — “Правды”. Все они датированы второй половиной 1930 года и являются реальным комментарием к ситуации вокруг “Впрок”, к повести “Котлован”, к написанию которой Платонов приступил именно в это время, и одновременно к обещаниям партии весны 1930 года:

“Всё то, что пишет Центральный комитет, нетвердое слово. Было предписание Центрального комитета возвратить нежелающим быть в коллективе лошадей и инвентарь. Этого нет абсолютно, а наоборот, придет сканевский ГПУ тов. Поляков, да вынет наган, проходит в кабинет и говорит: поди сейчас, возьми заявление назад о выходе из колхоза, не возмешь — загоним, как кота. <...> Я, теряя последнюю каплю крови, ходил босой и голый, а стянулся на лошаденку, ее забрали. Превратили всех в батраков. <...> Писали про головокружение, наверно, у наших вождей головокружение. Теперь мы видим, точно брехня и кругом брехня”;

“Вышедших из колхозов нарсуд судит, и накладывает штраф от 100 до 350 р., и отбирает необобщественное имущество”;

“У нас семьи 7 человек. Имели один дом, крытый железом, одну лошадь и жеребенка полтора года, теленка 2 лет, 5 овец и посеу 3 десятины... Пришли и взяли всё: жеребенка, теленка, самовар, сепаратор, овец 3 головы, картофель, свеклу, кормовое сено, солому и хотели выгнать из дому, да еще взяли теленка 4-х месяцев, который был хвор.

*

См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2005. С. 23–24, 300.

Мы 5 остались жить в своем селе, мне 15 лет, братишке 7 лет, 2 сестренки: 1-й — 5 лет, второй 9 месяцев и матери 48 лет. Сестренка живет в людях, чтобы не сдохнуть с голода, братишка бегают, где его примут, там его и кормят.

Прошу у советской власти защиты”;

“В газету «Неправду» тов. редактору. <...>

А вы думаете, колокола сняли тоже по желанию верующих? А зачем в это время были вооружены все коммунисты и милиционеры... Тоже по желанию народа? <...>

Какая же это свобода вероисповедания, когда у нас в селе Раменском бывшего Бронницкого уезда при фабрике «Красный Октябрь» был приказ рабочим, чтобы все вынесли иконы для сжигания, то рабочие выносили и плакали. У нас в гор. Бронницах есть собор очень ценный, как по наружности, а также и по внутренности, и этот собор завалили хламом, которому место на свалке, и притом при самых кошунственных обстоятельствах: поставили на престол граммофон, и давай трепак. Газеты также пишут, что крестьяне очень с охотой идут в колхоз. Идут и плачут, это тоже с охотой, а почему идут — боясь, как бы не увезли в Нарым или не проглотить пулю. Нет, дорогие товарищи, правды пока нет, а только существует произвол”;

“От белой муки, от мяса, от рыбы русского мужика отвадили, как отбивают ребенка от титьки. На рынке пуд манной муки 30 р. Мясо 5 р. кило, постное масло 6 р. литр, коровье — 4 р. фунт, валяные сапоги — 40 р. На государственной фабрике № 10 ставка 7 разряда 3 р. 50 к. На голодное брюхо вялые руки норму не выполняют. Рабочие говорят: страна наша богатая Россия разорена окончательно, дело делается умышленно, хлебный голод, товарный голод. Вообще над русским народом царствует насилие и произвол, и кто будет новым Мининым и Пожарским, кто спасет страну от гибели? Сталин! — ему никто не верит, действительно у него закружилась голова, и закружил всех он”;

“В село Черепиха (Сердобского района) приехала бригада раскулачивать это село и выселять из домов кулаков, а кулаками в этом селе считали всякого крестьянина данного села. В результате получилась свалка, из бригады было убито 8 человек, из крестьян — неизвестно. Такие же события были в Епасьевском, Черноярском и Владимирском районах”;

“Дорогой редактор, к тебе великая просьба, мы все партизаны Верхнереченского района, деревни Ангюговой, спаси Россию, пока не поздно, у нас не хватает терпенья. Я везде слышал от крестьян одно проклятье советской власти. Говорят: когда дождемся свободы и когда будет

война. Вы пишете про Польшу, Папу Римского и Китай — они все не страшны нам”;

“Рабочие транспорта Киевского узла почти босые, сапог для работы нигде не достанешь”;

“Довольно показывать на китайский голод, когда сами болеем от недоедания. Неприлично украшать пустые прилавки в кооперативах портретами вождей”;

“Забравшие лошадей сразу же были арестованы и посажены, некоторые сидят в данный момент””.

Закрываешь эту папку с народными письмами в том подавленном состоянии, которое описал Иосиф Бродский после прочтения “Котлована”: “Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время””. Писали в “Правду” не какие-то враги и бывшие белогвардейцы, а рядовой люд, бедняки и середняки, бывшие красные партизаны и демобилизованные красноармейцы, рабочие заводов, коммунисты и беспартийные. За редким исключением все письма подписаны, указаны и адреса... Письма тогда же перепечатывались и отправлялись по инстанциям. Карательная система была хорошо отлажена уже в первое советское десятилетие, и можно догадываться о судьбе народных корреспондентов “Правды”. Тексты их писем были признаны откровенной кулацкой сатирой, и на десятилетия они были закрыты для чтения и изучения.

С публикацией “Впрок” и развернувшейся критикой повести связана и еще одна кампания. Власть потребовала окончательно определиться с каноном советского сатирического текста и подвести итоги дискуссиям о сатире и юморе первого советского десятилетия. 16 сентября 1931 года состоялось заседание секретариата РАППа, на котором обсуждалась тема “Пути советской сатиры” и не раз звучало имя Платонова как создателя “кулацкой сатиры”: “Платонов получил эту оценку на страницах «Правды» только потому, что его сатира, бьющая явно под Салтыкова, была уже *явно классово-враждебной* кулацкой сатирой”**** (курсив наш. — Н. К.). Выступавший с заключительным словом генеральный секретарь РАППа Л. Авербах призвал Академию

* Архив РАН. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 206.

** Андрей Платонов: мир творчества. М., 1994. С. 154–155.

*** ОР ИМЛИ. Ф. 40. Ед. хр. 37. Л. 6, 11.

наук к серьезной теоретической разработке вопросов советской сатиры.

На стенограмме доклада о сатире и юморе, прочитанного И. М. Нусиновым 7 октября 1931 года в главной кузнице кадров гуманитарной науки — Институте литературы и языка (ЛИЯ) Коммунистической академии, проставлена резолюция руководства института: “Использование стенограммы только с разрешения Директората”*. Действительный член Комкадемии Исаак Нусинов, прославившийся к этому времени участием в кампаниях разоблачения буржуазных тенденций в литературе, критике и литературоведении, представил вполне профессиональный социально-политический анализ идеологии ведущих советских сатириков и юмористов. Вопрос сатиры М. Булгакова к этому времени уже был отработан в критике 1920-х годов, и здесь особых нюансов не возникало: “...в идеологическом плане М. Булгаков не советский литератор”. К не нарушающим фундаментальные основы советской идеологии Нусинов отнес сатиру И. Эренбурга с ее “иронической формой”, романы И. Ильфа и Е. Петрова (остроумная “оппозиция против прошлого”, когда “отрицательное прошлое показано в юмористических поверхностных тонах”), а также не сатирические, а юмористические новеллы М. Зощенко и П. Романова (“юморист оплакивает распад родного для него мира, погибающего под ударами нового мира”). Имя автора “Впрок” Нусинов даже не упоминает, однако именно к нему относится это заключение о сатире, которой должна быть закрыта дорога на страницы советской печати: “Это сатира не исправляющая систему, не самокритическая, не как критика друга или попутчика, а *сатира, уничтожающая систему*”** (курсив наш. — Н. К.). Добавим: уничтожающая языком самого народа. Такого в “год великого перелома”, тогда же названного еще и “второй большевистской” революцией, не позволил себе никто из современников Платонова.

В этом политическом контексте становится понятной развязка историй двух пролетарских писателей, попавших в немилость к Сталину. В то время как в печати разворачивалась антиплатоновская кампания, обвиненный в политических грехах Демьян Бедный уже был прощен и переживал новое восхождение к вершинам литературного и политического успеха. 20 мая 1931 года все центральные газеты отводят целые страницы под материалы, посвященные празднованию двадцатилетия активной работы первого пролетарского поэта. На первой странице “Правды” 20 мая печатается стихотворение Бедного “Вытянем!!”, посвященное магнитогорским строителям. Эпиграфом к нему взяты строки из при-

* Архив РАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 304. Л. 1.

** Там же. Л. 8.

ветствия Сталина, опубликованного в той же “Правде” буквально накануне — 19 мая.

Не прошло и полугода после партийного постановления о фельетонах Бедного, но об этом уже никто не вспоминал. Критики соревновались в красочных метафорах: “Художник-партиец”; “Выдающийся мастер художественного слова и выдающийся культурный работник”; “Боевому краснознаменцу и культармейцу”; “Ударник большевистской литературы”; “Двадцать лет на боевом посту”. Демьян выступает на пленуме Всероссийского объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАП) с программной политической речью о пролетаризации всех смежных с литературой областей искусства (т. е. “одемянивании” не только поэзии, но всего и вся): “...ряды пролетарских писателей множатся. <...> Разбиты контрреволюционные, буржуазные группировки и «единоличники», обезврежены их мелкобуржуазные подголоски «справа» и «слева», упорно вычищается, по меткому выражению Ф. Кона, «щетками классового сознания» весь хлам, проникший в те или иные поры ВОАПовского организма, куется единство пролетарских литературных колонн”^{*}. Почти все газеты известили читателя о выходе 17 томов Собрания сочинений Д. Бедного, завершении подготовки еще трех томов, о торжественных заседаниях в его честь в Федерации советских писателей и в Коммунистической академии.

В отличие от Бедного Платонову в колоннах пролетарской литературы не было места. За Бедным стояла власть, которой он самозабвенно служил. За Платоновым не стоял никто: ни власть, ни литературная общественность, ни своя литературная среда.

На письма Платонова не отвечали ни Сталин, ни его окружение. Молчали и писатели-современники. Молчал Горький, получив летом 1931 года письмо Платонова с разъяснением истории вокруг “Впрок”. Это можно понять. Также можно понять, почему он молчал, когда Платонов просил его в письме 1933 года ответить на прямо поставленный вопрос: “...могу ли я быть советским писателем, или это объективно невозможно”. Вопрос, мягко говоря, риторический. Сегодня мы можем сказать, что все усилия Горького помочь Платонову стать советским писателем закончились крахом. Свидетельством этого является история участия Платонова в горьковских проектах 1933–1935 годов и список не принятых к печати произведений, написанных в ходе этой работы: роман “Счастливая Москва”, повесть “Джан”, рассказы “Семейство”, “Мусорный ветер” и “Московская скрипка”, философское эссе “О первой социалистической трагедии”.

* За коммунистическое просвещение. 1931. 20 мая. С. 2.

** За генеральную линию партии. На пленуме ВОАП // Там же. 28 мая. С. 4.

Письма, рассказывающие о самых драматических, а порой и скорбных страницах жизни писателя, выполнены в той же интонации и стилистике, что и его проза. Как и “душевный бедняк”, герой крамольной “Бедняцкой хроники”, справедливо причисленный критикой к отечественной традиции юродства, Платонов в письмах к Сталину и властям по-юродски формулировал свою тему и вопросы прямо, “в лоб”, как он любил выражаться, и так же, как его герой, “способен был ошибиться, но не мог солгать” (“Впрок”). Житейская логика, как известно, иная: чтобы не ошибиться, можно и солгать... Отвечая 27 июня 1931 года (уже написаны письма Сталину и в центральные газеты, идет вал погромной критики) на анкету “Какой нам нужен писатель” журнала “На литературном посту”, Платонов назовет среди написанных им в последние два года произведений крамольные “Котлован” и “Шарманку”, а на вопрос “Какие затруднения встречаете вы в своей работе” сначала пишет некую общую формулу: “Затруднения внутреннего порядка: не могу еще писать так, как необходимо...” — а затем дописывает ее в логике бедного и уже уничтоженного Макара Ганушкина с его сердечным вопросом “Что мне делать в жизни, чтобы себе и другим был нужен?»: “...пролетариату и мне самому”^{*}.

В ряду корреспондентов Платонова значимое место занимает Александр Фадеев. Письма Платонова к Фадееву представляют ценные материалы не только для биографии Платонова, но и для постижения человеческой и писательской драмы его современника и ровесника. Фадеев был всего на два года младше Платонова, всесоюзный литературный дебют обоих пришелся практически на одно время — середину первого советского десятилетия, но сколь разнятся их путь в пролетарскую литературу и представление о ней. Трудно сказать, были ли их отношения дружескими. В письмах Платонов обращается к Фадееву по имени и отчеству и лишь дважды сбивается на дружеское “Александр”.

Фадеев оказался одной из ключевых фигур в трех литературно-политических кампаниях исключения Платонова из литературы: история с публикацией “Впрок” (1931); дискуссия в Союзе писателей о “Литературном критике” (1939–1940); история вокруг рассказа “Семья Иванова” на фоне борьбы за советский патриотизм в освещении Великой Отечественной войны (1946–1950).

^{*} РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 1055. Л. 1–2; Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. М., 1994. С. 286–287.

Именно Фадеев, будучи ответственным редактором журналов “Октябрь” и “Красная новь”, опубликовал крамольные произведения Платонова — рассказ “Усомнившийся Макар” (1929) и повесть “Впрок” (1931) — и вполне благополучно вышел из истории с их публикацией, более того, после закрытия РАППа (1932) вошел в оргкомитет по подготовке Первого съезда советских писателей, присутствовал на съезде в качестве делегата с решающим голосом, избран в правление ССП, а в начале 1939 года возглавил писательский союз и в первый же год своего пребывания на посту руководителя Союза советских писателей благословил погромную кампанию литературно-критических книг Платонова (“Николай Островский”, “Размышления читателя”).

Ни одного ответного письма Фадеева Платонову в настоящее время не выявлено. Фадеев не ответил даже на письма уже смертельно больного Платонова 1947–1949 годов, просто умолявшего его оказать содействие в издании избранных произведений... Несмотря на бюрократические секретарские обязанности, Фадеев в эти годы отвечает на письма-просьбы О. Форш, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака и других также не очень обласканных властью писателей*. 12 ноября 1946 года К. Чуковский записывает в дневнике признательные слова: “Фадеев ведет себя по отношению ко мне изумительно. Выслушав фрагменты моей будущей книги, он написал 4 письма: два мне, одно Симонову в «Новый мир», другое Панферову в «Октябрь», хваля эту вещь; кроме того, *восторженно* отозвался о ней в редакции «Литгазеты»; и, говорят, написал еще большое письмо о том, что пора прекратить травлю против меня”**.

Случай с Платоновым оказался для генерального секретаря Союза советских писателей Фадеева особым, в некотором смысле исключительным. Видимо, в третий раз — после ошибок с “Усомнившимся Макаром” и “Впрок” — он решил не рисковать своей политической репутацией, ограничившись выделением материальной помощи Платонову (ничего исключительного в этом не было; решениями секретариата помощь в эти годы выделялась идеологически “неблагополучным” М. Зощенко, А. Ахматовой, Б. Пастернаку и др.). Характерную деталь отношения Фадеева к “делу” Платонова сохранила стенограмма заседания секретариата ССП от 4 февраля 1950 года, на котором Фадеев докладывал вопрос о выделении тяжело больному Платонову средств на путевку в Крым и произносил буквально следующее: “В связи с угрожающим для жизни положением больного туберкулезом писателя

* См.: Александр Фадеев. Письма и документы / Составление и комментарии Н. И. Дикушиной. М., 2001. С. 134–137, 249, 261–267.

** Чуковский К. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 177.

А. П. Платонова и необходимости его переезда на постоянное жительство на юг выдать А. Платонову единовременную безвозвратную ссуду в размере 10 000 рубл^{ей}» (десять тысяч рублей). О выдаче ссуды сговориться с т. Константиновым (Софронов: просить Крымский обком партии помочь в организации местожительства т. Платонову). Варвара Петровна, позвоните жене Платонова и скажите, что пока вопрос с книгой затягивается. Секретариат ССП вынес постановление, чтобы ему выдали единовременную безвозвратную ссуду в размере 10 тысяч^{рублей}»*.

Остается вопрос: понимал ли Фадеев масштаб Платонова-писателя и сделанное им в русской литературе, когда поручал заведующей секретариатом В. П. Зеленской таким образом довести до Платонова принятое решение?.. Варвара Петровна также составляла от имени секретариата бюрократические записки к возвращенным рукописям книг Платонова (никто из секретариата не обременил себя хотя бы небольшой дружеской запиской) и отправляла их вместе с рукописями тяжелобольному писателю: «Рукописи Платонова вернуть автору по распоряжению Л. М. Субоцкого — Зеленская. 13/8»**.

Ответ на поставленный выше отчасти риторический вопрос можно найти в дружеской переписке Фадеева с Петром Павленко 1930-х годов. Поразительное своей откровенностью письмо 1935 года никогда (!) не публиковалось. Редкие минуты откровения Фадеева наедине с самим собой, размышления о собственном творчестве, сравнения, как понимали искусство классики и советские писатели, их отношение к окружающей действительности и художественные результаты — горестная исповедь перемежается ироническими ремарками и перерастает в саморазоблачительный текст, пронизанный пронизательными оценками советской литературы и ее места в мировой культуре:

«...я всегда чувствовал, что у меня (и у большинства современных) в изображении прошлого ли, настоящего ли несчастья людей есть в лучшем случае сила чувствительности, но не сила горечи, а именно она нужна, чтобы вызвать реакцию действенную: стремление переделать, изменить, улучшить жизнь. Впрочем, сейчас как-то всем существом тянешься к передаче радостных сторон жизни, и это, конечно, затрудняет мне несколько работу над «Удэге»: я с удовольствием настрогал бы сейчас кучу бодрых простых рассказов о колхозниках, красноармейцах, лесорубах, охотниках, корейцах, инженерах, летчиках и т. д. Говорить и писать о существо своей работы, ее «душе» и о технике, мы правда не умеем. Объясняется

* РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 1045. Л. 35. А. Т. Константинов — председатель Литфонда СССР, Варвара Петровна — зав. секретариатом ССП В. П. Зеленская.

** ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 20. Л. 2.

это, конечно, тем, что писатели мы, наверно, не очень хорошие. Какой-нибудь «мой творческий опыт рабочему автору» (есть и у меня такая книжка, а какой уж там «творческий» и какой уж там «опыт»!) — это в общем серая болтовня о том, чего сам не знаешь. Думаю, что объясняется это тем, что у нас — даже тогда, когда, как я сейчас, все силы отданы работе, — нет настоящей культуры писательского труда и того «напряженного внимания, направленного на предмет, которое позволяет увидеть его с новой неожиданной стороны» (Л. Толстой о Мопассане). Может быть, это еще придет. Иногда мне кажется, что и «принятие» — в смысле восторга, очарования, симпатии, способности подвергнуться влиянию и т. п. — слишком разных (по манере, по духу, по технике и школе) писателей прошлого и настоящего тоже свидетельствует не столько о широте ума и чувства, сколько об отсутствии (пока что) собственной, глубоко продуманной и прочувствованной творческой линии — не в общем, а в индивидуальном смысле. Мне, например, в конечном счете понравилась «Смерть Вазир-Мухтара», книга взволновала меня. В то же время Толстой, например, до сих пор самый великий и близкий для меня писатель. А я думаю, что Толстому никак не мог бы понравиться Тынянов — не потому, что Толстой «уже», а я «шире», а потому, что Толстой именно и велик этой своей неповторимой, могучей индивидуальностью, для которой Тынянов — сплошная ложность, красивость, блеф. <...> К сожалению, часто, слишком часто подозреваешь только что написанную тобой страницу в том, что это где-то когда-то кем-то и приблизительно так же было уже написано. И только искренность пережитого волнения и сознание, что общая мысль романа индивидуальна и нова, стимулирует работу. Естественно, что и нечего бывает сказать о своей литературной работе, кроме общих мест, ибо нет убежденности в своем пути, яростного отвергания для себя (т. е. не в смысле хулиганского выбрасывания за борт, а неприемлемости в работе) чужого пути, нет настоящего поиска своей манеры — это с одной стороны, и нет настоящей муки, муки до боли в голове, до слез над тем, что не выходит в моменты сомнений. Все это признаки ремесленничества, и притом ремесленничества человека, плохо знающего свое ремесло. Единственное, что «украшает», это правдивое сознание, что у настоящих творцов было хорошо, а у тебя выходит дурно. Вот это переживается искренне, глубоко и подчас с истинной болью, потому что ведь хочется высказаться в полный голос, а в моменты каких-то взлетов кажется, что есть что сказать — такое, чего никто не сказал. В сущности, я написал тебе о том, что в личной моей работе больше всего меня волнует и печалит сейчас. А когда перечел, то подумал, что — попади такое письмецо в соответствующий сборничек (скажем: «Корифеи советской литературы о своей работе», год изд. 1984), писатель будущего мог бы только и извлечь из него то скудное соображение, что и «они, дескать, в себе сомневались». Но научить тому, как надо работать, вселить бодрость в сердце, как вселяют в него строки «мастера искусства и т. д.» (даже тогда и там, где мастера сомневаются и мучаются), — это письмецо не смогло бы. Но

именно поэтому оно и не попадет в «соответствующий сборничек», и именно поэтому мы не мастера, а... Есть еще хороший утешитель — критерий «полезности». Утешимся, Петя, тем, что мы писатели «полезные»**.

В письме к “милому Пете” от 24 октября 1936 года Фадеев снова доверительно рассказывает товарищу о сокровенных темах своего писательства, о том, что “очень трудно писать, когда уже стал «искушенным»”, и о переживаемой им немоте. Это, можно сказать, общечеловеческая и вечная тема писательства, однако с одной существенной поправкой, немислимой ни для Пушкина, ни для Толстого, ни для Платонова. “Милому Пете”, которого он, как и себя, причисляет к немногочисленной когорте “умных” писателей и “истинных сынов своего времени” (“не очень умным” в этом и других письмах назван Шолохов), Фадеев вновь доверительно сообщает чистую крамолу. Оказывается, советская литература совсем не исповедует верность принципам реализма Льва Толстого, которого сам Фадеев еще в 1926 году называл главным учителем пролетарской литературы: “...для нас не столько дело в знании жизни — ведь мы чертовски много видели и знаем! — а все дело в подлинном правдивом выражении *своих* мыслей и чувств от самых высоких до самых низменных, — и *здесь* мы еще не достигли «бесстрашия», *здесь* что-то нас еще пугает и сковывает”***.

Какой-то особой склонностью к метафизичности и чистой эстетике не отличался ни сам Фадеев, ни его литературные писания. Это не в укор, таким было его дарование. В опубликованной через несколько месяцев статье с каноническим для советской литературы этих лет названием “Учиться у жизни” (“Литературная газета”. 1937. 15 апреля) он признается, что восхищается романом Шолохова, но с одной существенной поправкой: “И все-таки в его книгах недостаток большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли...” Фадеев не уточняет, что он вкладывает в понятие “своей” (в письме) и “большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли” (в статье), однако водораздел между правдой жизни и собственной некоей эстетикой проведен со всей определенностью. Данные установки советской литературы очень важны для понимания эпистолярных “диалогов” Платонова с Фадеевым и его верными заместителями по руководству Союзом писателей. “Мрачный” Платонов был им глубоко чужд, они ведь тоже знали, как живет низовая Россия, однако смысл писательства видели в другом — в некой абстрактной идее о “большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли”. Он вызывал у многих своих современников по меньшей мере раздражение своей неуступчивостью,

* РГАЛИ. Ф. 2199. Оп. 3. Ед. хр. 181. Л. 2–6.

** Александр Фадеев. Письма и документы. С. 51.

наличием той “идеи пути” (определение А. Блока), о которой догадывался тот же Фадеев, что без нее и “настоящей муки, муки до боли в голове”, не бывает подлинных художественных открытий.

Примечательные записи к этой теме мы нашли в дневнике Всеволода Вишневского послевоенных лет, той поры, когда он был заместителем генерального секретаря Союза писателей и принимал решение по письмам Платонова:

“Я недавно прочел 25 писем из Курчской области — о жизни колхозников. — (Письма к депутату.) — Тяжелое впечатление: отобранные участки; невыплата пенсий; чрезмерное обложение; несправедливые увольнения; облыжные обвинения и т. д., и т. д. — Нужда, беды человеческие... Но жить только ими — можно задохнуться, сойти с ума, погрузиться в пессимизм безвыходный... *Помогают обобщения, мечта, устремленность в будущее, сам процесс борьбы, преодоления и некая поэзия истории, некая абстрагированность...*” (запись от 21 января 1947 года; курсив наш. — Н. К.); “Дежурство в секретариате ССП: принял человек 15. — Просьбы, — о материальной помощи... — Ряд людей бледен, худ... Многие болеют, устали, недоедают явно... В подъезде нашего дома: две женщины. На одной пальто на голое тело. — «Мы эвакуированы в 41 году» из Буковины. Сейчас едем — эшелон — обратно... В эшелоне холодно... Умерло пятеро сегодня... Дети... — Помогите.» — Цены на рынках растут: картофель 20 рублей кило. — Видимо, к лету трудности будут еще крупнее” (запись от 24 февраля 1947 года);

“С 2 часов до 4 часов 30 минут — дежурство. Принял 15 человек. Ряд жалоб, слезы вдов, жен, писательские обиды” (запись от 2 декабря 1949 года).

В парадной секретариата Союза писателей послевоенных лет мы встретим не только тяжелобольного Платонова. С просьбами о помощи обращаются и другие писатели; среди просителей М. Зощенко и Б. Пастернак, не менее, чем Платонов, чуждые своим писательством секретарскому генералитету. Даже записи о них выполнены Вс. Вишневским в одной стилистике и с похожим резюме. Запись в дневнике 1 февраля 1950 года разговора с И. Сельвинским: “Говорили о Пастернаке, его мрачной замкнутости, влиянии на Н. Асеева. Слова Пастернака: «Литературы нет, пишут только прислужающие (!) Нам остается — переводы из классики и т. п.». Это реакционная установка... Пастернак — чуждый человек...”^{****} Помета в дневнике

* РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 2136. Л. 31.

** Там же. Ед. хр. 2137. Л. 20 об.

*** Там же. Ед. хр. 2151. Л. 7 об.

**** Там же. Ед. хр. 2152. Л. 24 об.

через три дня, 4 февраля: “Письмо Тарасенкову — ответ на полученное от него письмо”*. Критик А. Тарасенков с 1949 года являлся главным редактором головного издательства Союза писателей “Советский писатель”, и Вишневский в дружеском послании не только отвечает на его производственные вопросы, но и делится впечатлениями о состоявшемся в этот день заседании секретариата; для нас ценно упоминание Платонова: “А. Платонов догорает. Мы дали ему 10 тысяч на переезд на юг. Поможет ли?.. Талантливый, но мрачный автор”**.

Вряд ли в отношении руководства Союза писателей во главе с Фадеевым к Платонову всё можно списать на жестокие обстоятельства сталинской эпохи. Горький после истории с публикацией “Впрок”, главную интригу которой составила ставшая сразу известной в литературной среде гневная реакция Сталина на “Бедняцкую хронику”, также не отвечал на некоторые письма Платонова — именно на те, что написаны в роковом для писателя 1931 году. Однако все-таки Горький читал присланное Платоновым и в письмах сообщал свое мнение о “Чевенгуре” (1929), “Высоком напряжении” (1932) и “Мусорном ветре” (1934)... Обращенная же к Фадееву в 1940 году просьба Платонова прочитать “Размышления читателя” и помочь изданию книги ничем хорошим для него не завершилась. Письмо Платонова Фадеев передает на заключение руководителю секции критиков Союза писателей В. Кирпотину, прекрасно понимая, что он делает и каков будет результат этого ходатайства Платонова. Главный критик СССР напишет развернутое обоснование к отрицательному заключению на книгу Платонова... Письмо Платонова Фадееву вместе с отрицательным отзывом Кирпотина и другими сопутствующими документами вскоре будет сдано в архив. В силу “незначительности” для советской литературы фигуры писателя Платонова сопровождающие его письмо отзывы и резолюции не были выделены в самостоятельную единицу хранения и обнаружены нами совершенно случайно — среди материалов Союза писателей, связанных с начинающими писателями. Возможно, такое место им определил составлявший опись архивариус, однако сколь красноречив и показателен сам этот факт. В именном фонде Фадеева содержится только одно письмо Платонова, остальные выявлены среди протоколов заседаний секретариата Союза писателей. Огромный массив документов Союза писателей (а это сотни увесистых многостраничных папок) наверняка еще откроет неизвестные доселе документы жизни и творчества писателя Платонова, в частности его письма.

* Там же. Л. 28.

** Цит. по: Громова Н. Распад. Судьба советского критика: 40–50-е годы. М., 2009. С. 311.

Будем надеяться, что в недалеком будущем приоткроются архивы карательных советских органов и их руководителей (НКВД, Прокуратура и Верховный суд СССР), где должны быть письма Платонова. В настоящем издании письма Платонова к этим адресатам печатаются по черновым и беловым автографам, сохранившимся в семье писателя.

Список “яростно живущих” корреспондентов Платонова весьма внушителен. Это не только государственные деятели во главе со Сталиным и генеральные секретари советской литературы, но и редакторы партийных и литературных изданий, директора и редакторы издательств, руководители различных секций Союза писателей... Целая галерея исторических фигур советской эпохи. От их отклика на письма Платонова или молчания зависела судьба произведения, литературная жизнь писателя и жизнь его семьи.

Однако закономерность любого строительства литературы, в том числе советской, всегда осложняется наличием “антизакономерности”, выступающей “как проявление «свободы воли» историко-литературного процесса, писателя и даже его произведения”*. Закономерность и антизакономерность представляют разные ряды истории и литературы, литературы и литературной жизни. Смысл их отношений филигранно точно определил сам Платонов в одном из черновых набросков середины 1930-х годов: “...само бесследное исчезновение бывает условным: часто случается, что однажды умершее впоследствии становится бессмертным или яростно живущее оказывается мнимым и ничтожным”**.

В эпистолярном наследии Платонова имеются небольшие группы писем, предназначенных для открытой печати. Подобный жанр письма изначально предполагает, что разговор с собеседником вполне сознательно из сферы интимной переводится в публичную и что письмо прочтет не только тот, кому оно адресовано. В истории литературы подобные письма существовали всегда. Они писались по различным поводам и становились фактом исторической и литературной эпохи. Первую такую группу в эпистолярной Платонова представляют открывающие настоящий том его письма к “неискушенным” писателям Воронежской губернии, печатавшиеся в рубрике “Ответы авторам” газеты “Красная деревня”. Подобные рубрики существовали во многих массовых

* Лихачев Д. С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. Т. 1. М., 1997. С. 14.

** Платонов А. Предисловие [1934–1935] // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 1.

тонких изданиях 1910–1920 годов, правда, зачастую “ответы авторам” печатались без указания имени рецензента, т. е. как общее заключение редколлегии. Примечательно, что к 1920 году начинающий писатель Платонов-Климентов уже не раз сам становился персонажем “почтовых ящиков” не только воронежских, но и столичных изданий. Более искушенные в литературе и идеологии наставники дали ему немало советов, в частности в выборе темы:

“Стихи не подошли. В них много прелести и чистой поэзии, но... берите другие темы” (воронежский журнал “Железный путь”, 1918);

“А. Платонову. У вас есть способность, пишете вы гладко, но темы настолько мизерны, что не стоит труда выливать их в рифмы. Судите сами —

Знакомой стороною
Лошадка путь кладет,
Покорно предо мною
Костлявый зад трясет.

Такая невоспитанная дама, а вы ее воспеваете в стихах. Проникнитесь важностью нашей исторической эпохи и встаньте в ряды ее певцов. *Гач.*” (петроградский журнал “Жизнь железнодорожника”, 1919).

Лаконичные послания Платонова сохраняют традиционные для “Почтовых ящиков” характеристики: учительность и краткость. Учителя любили и поиронизировать над незадачливыми начинающими писателями. Колорит переписки Платонова с “авторами” придают портреты корреспондентов с их экзотическими писательскими псевдонимами — еще одним поветрием новой эпохи русской литературы: Сын Человеческий, Испытавший, Орловский мужик... Опыт чтения самодельной поэзии и открытых писем к ее создателям позже не раз всплывет в зрелой прозе Платонова — в “Сокровенном человеке”, “Чевенгуре”, “Родине электричества”. В первом большом открытом письме — “Ответе редакции «Трудовой армии»...” (1920), во многом рожденном в ходе общения с массовым читателем, превращающимся в агрессивного писателя-критика, Платонов полемично и жестко обозначит собственную эстетическую позицию. Вполне закономерно, что данный текст публикуется в составе литературной критики Платонова. Мы сочли возможным включить его в первое издание писем, потому что он занимает свое особое положение в переписке Платонова 1920 года с начинающими авторами. Колебания между жанром открытого письма и полемической литературной статьи свойственны и дру-

гим подобным текстам Платонова, что отразилось и в их заглавиях: “Против халтурных судей” (Ответ В. Стрельниковой)” (1929); “Возражение без самозащиты (По поводу статьи А. Гурвича «Андрей Платонов»)” (1937), “Об административно-литературной критике (Письмо в редакцию)” (1939). Сохранившиеся источники текста “Ответа В. Стрельниковой” свидетельствуют, что Платонов начинал писать свой “ответ” журналисту газеты “Вечерняя Москва” в жанре письма в редакцию, однако затем отказался от него*.

Предназначенные для открытой печати, но не опубликованные при жизни письма Платонова 1930-х годов представляют еще одну драматическую страницу отношений писателя с современниками и эпохой.

3

Готовя первое издание писем Платонова, мы стремились представить эпистолярный писателя в максимально полном объеме, при этом прекрасно осознавали, что исчерпывающий его свод — дело далекого будущего.

История утрат писем Платонова зеркально отражает историю его жизни и судеб его произведений. В полноте дошла до нас только переписка Платонова с Горьким, что определялось масштабом фигуры прижизненного классика пролетарской литературы и отношением к его наследию в СССР**. Однако ситуация с наследием Горького — в некотором смысле единственная в советском XX веке. В извлечениях переписка Платонова с Горьким

* Подробно см.: Автограф ответа Платонова критику В. Стрельниковой. К вопросу об атрибуции статьи “Против халтурных судей” / Публикация М. А. Платоновой. Подготовка текста, вступ. статья и примечания Н. Корниенко // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М., 2003. С. 719–726.

** Литературный институт имени Горького (ныне — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) был создан при жизни писателя, и уже в декабре 1934 года в нем был образован Кабинет по изучению творчества классика; началось собирание рукописей и писем писателя. После смерти Горького на основании специального постановления ЦИК СССР от 14 февраля 1937 года при институте был образован Архив А. М. Горького (см.: Курилов А. С. Из истории института: А. М. Горький и ИМЛИ; первые положения об институте и планы научной работы // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 79–86). В 1937 году Платонов, как и другие его современники, состоявшие в переписке с Горьким, получил три официальных письма из Архива А. М. Горького с убедительной просьбой передать в формирующийся архив имеющиеся у него автографы писем писателя. Государственными институтами (издательствами, альманахами, Союзом писателей) иницируются воспоминания о Горьком (см. письмо ответственного редактора Госиздата, редактора альманаха “Год XX” Н. Накорякова к Платонову от 28 февраля 1937 года с предложением принять участие “в любой форме” в посвященном памяти Горького издании, в которое планировалось включить воспоминания, неопубликованную переписку и другие материалы (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 20). Платонов также участвовал в этом проекте и написал небольшое эссе “Первое свидание с А. М. Горьким”.

вошла в том “Литературного наследства” (1963) и стала первой публикацией эпистолярия писателя.

Что касается писем Платонова к другим адресатам, то ситуация складывалась крайне неблагоприятно. Затерялись или, возможно, даже навсегда погибли для истории письма Платонова к родным — матери и отцу, братьям и сестрам, внуку Александру. Покинув летом 1926 года родной Воронеж, где остались родители и младшие братья и сестры, Платонов общался с родными единственным способом — письмами и телеграммами: на это имеются указания в письмах, да и произведения писателя, отмеченные последовательной автобиографичностью, подтверждают этот факт. Отец Платонова, Платон Фирсович, пережил старшего сына на год, умер в 1952 году. Зная, что Андрей смертельно болен, он признавался в письме к сыну Петру от 12 мая 1949 года: “Лучше бы я лег на его место, а он должен жить”*. Невозможно представить, что Платонов, написавший пронзительные страницы о родном городе, пережившем в годы войны страшные разрушения и бесчисленные страдания (“Афродита”, “Житель родного города”), не отправил ни одного письма больному и одинокому отцу. Однако никто из детей Платона Фирсовича не озаботился судьбой личного архива отца, который так же исчез или затерялся, как исчезли и затерялись могилы Марии Васильевны и Платона Фирсовича Климентовых...

Из писем Платонова к братьям и сестрам также не сохранилось ни одного его послания. В начале 1930-х годов в Москву приезжает младший брат Платонова Петр Климентов. Некоторое время он живет в семье старшего брата, а с 1932 года они вместе служат в тресте “Росметровес”. Факт, что вопрос переезда Петра в Москву обсуждался в переписке братьев. Возможно, архив профессора П. П. Климентова еще откроет какие-то документы его великого брата, однако в настоящее время мы ими не располагаем. Несомненно также, что Платонов посылал хотя бы открытки братьям Семену и Сергею в 1930-е годы и в годы войны (оба были на фронте)...

Это небрежение корреспондентов, кровно связанных с Платоновым, по-житейски вполне понятно. Никто из близких тогда не догадывался, что неблагоприятный и неуспешный по жизни их старший брат Андрей будет признан великим писателем и к нему придет не только всероссийская, но и мировая слава... Только в семье сестры Марии Александровны Валентины сохранились два письма Платонова к ее мужу инженеру Петру Трошкину. Правда, автографами этих писем мы не располагаем. До нас дошли только копии писем, сделанные в 1970-е годы Ефимом Таубманом, доктором технических наук и большим почитателем твор-

* Ласунский О. Указ. соч. С. 22.

чества Платонова. После его смерти копии писем были переданы его семьей Е. Д. Шубиной.

Среди адресатов Платонова зачастую были люди, не входившие в круг политической и литературной элиты эпохи: московские и ленинградские инженеры, производственники, журналисты, в последние годы — врачи Центрального института туберкулеза Наркомздрава СССР. Сохранились свидетельства, что Платонов со многими из них состоял в дружеской переписке. Однако архивы этих современников Платонова, где находились его письма, ввиду “незначительности” их фигур для советской историографии не перешли на государственное хранение и, скорее всего, утрачены. Лишь один пример. В фонде Платонова Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранится письмо Бориса Зыкова от 27 октября 1926 года из Ленинграда, из которого можно узнать, что Зыков был почитателем прозы Платонова, обсуждал с ним в письмах современные литературные вопросы и был неплохо осведомлен о житейских нуждах семьи Платонова осени 1926 года, когда тот оказался в Москве без работы и без жилья*... Дошедший до нас единственный документ этой переписки свидетельствует, что Зыкову Платонов написал не одно письмо...

Ленинградские корреспонденты Платонова — это отдельная тема, в которой зияют огромные лакуны. Так, в том же 1926 году в вечернем выпуске ленинградской “Красной газеты” печатаются очерки “Страна бедняков (Очерки Черноземной области)”, подписанные специальным корреспондентом из Воронежа А. Платоновым**. Очевидно, что присылаемый материал сопровождался письмами Платонова, которые в настоящее время не выявлены. Платонов любил Петроград-Ленинград и даже рассматривал в 1926 году возможность обосноваться там. В Ленинграде находился Комитет по изобретениям, с которым он с 1925 года состоял в переписке (не исключено, что в его фондах, еще не оказавшихся в поле исследовательских разысканий, находятся и письма Платонова). Здесь работали инженеры, с которыми у Платонова сложились производственные и дружеские отношения. С ленинградской кинофабрикой связаны киносценарные работы Платонова, с издательствами и журналами — несостоявшиеся публикации прозы и драматургии. Историю этих отношений, запечатленную в письмах, предстоит еще открывать и описывать. В нашем издании представлено несколько новых сюжетов переписки Платонова с ленинградскими корреспондентами.

* Шошин В. А. Из писем к Андрею Платонову (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы: библиография. СПб., 1995. С. 165–166.

** Красная газета. Веч. вып. 1926. 10 апреля. С. 4; 13 апреля. С. 4.

Большой корпус нелитературного эпистолярия Платонова сохранил архив Министерства сельского хозяйства: это письма и телеграммы 1923–1926 годов, подписанные “губмелиоратором А. Платоновым”. Разработку фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) начали в 1993 году слушатели Платоновского спецкурса в Литературном институте М. Немцов и Д. Кудря и продолжила Е. Антонова в ходе подготовки первого тома научного издания “Сочинений” А. Платонова. Производственные письма, казалось бы, не имеющие прямого отношения к литературному творчеству их автора, представляют не только драгоценный источник сведений о жизни Платонова 1923–1926 годов, когда он после блистательного литературного дебюта первых пореволюционных лет (1918–1921) вдруг резко уходит из литературы. Это — полноправная и неотчуждаемая часть его наследия, многое объясняющая в писательском пути Платонова и в плотной событийности, фантастической реалистичности его прозы. Литературные столицы живут в эти годы совсем другими заботами и вопросами. Идет формирование нового типа писателя, который должен сменить “стариков” русской литературы — эмигрантов внешних и внутренних; разворачивается схватка разных литературных объединений и группировок за гегемонию в литературе и право определять ее столбовые дороги. Многие современники Платонова, вошедшие, как и он, в литературу с революцией, уже объявлены классиками и готовят собрания своих сочинений. Издательства и журналы направляют писателей в творческие командировки за материалом в сельские районы и на заводы. Бурно обсуждаются вопросы “линии партии” в литературе, изображение старого и нового быта. Литературные и политические дискуссии следуют одна за другой... Платонов откликается на некоторые из литературных полемик, однако чаще всего шлет в Москву совсем другие сообщения — письма и телеграммы, никак не связанные с литературной жизнью и ее страстями. Письма и телеграммы выстраивают хронику общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии, которая рассказывает о том, как и чем жил Платонов в эти годы. Он обсуждает сметы проводимых работ, просит денег на строительство прудов, колодцев, электростанций, на борьбу с оврагами, рассказывает о состоянии земли, продовольственном положении губернии, “угнетенном” настроении бедствующего крестьянства и самоотверженной работе технического персонала... В письме инспектору Наркомзема А. Прозорову от 22 сентября 1924 года он просит Москву найти возможность поощрить техников, отличившихся на тяжелых работах: “Со своей стороны я пообещал райгидротехникам кое-что хорошее. Ибо плохого они видят достаточно”. И здесь же набросок портрета од-

ного из рабочих, некий прообраз будущих пролетариев из “Котлована” и “Ювенильного моря”: “Райгидротехник от тележной тряски, недосыпания, недоедания, вечного напряжения стал ползать, перестал раздеваться вечером и одеваться утром, а также мыться. Говорит, зимой сделаю всё сразу”.

Платонову не надо было ехать в командировку за материалом, он сам был носителем уникальных для советского писателя знаний о реальной низовой жизни провинции эпохи нэпа — и это знание во многом определит его жесткое противостояние основному направлению и пафосу советской литературы и главное обвинение, которое он до конца жизни будет ей предъявлять: незнание и нежелание знать жизнь народа. Из этих же источников жизни, а также от далеких от литературных страстей собеседников, с которыми его связала жизнь, — ироническое отношение Платонова к сменяющим друг друга литературным дискуссиям. Поэтому и звучит столь убийственно сравнение собрания писателей и инженеров в его статье “Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)” (1926): “Шпенглера у нас не любят (и есть за что), но в одном он был прав: в сравнении количества ума и знания, циркулирующего на собрании промышленников и на собрании литераторов, — в сравнении не в пользу литераторов. Это верно, и не спрячешься от этого. Побеседуйте с каким-нибудь инженером, большим строителем и организатором, а затем поговорите с прославленным поэтом. От инженера на вас пахнёт здоровый тугой ум и свежий ветер конкретной жизни, а от поэта (не всегда, но часто) на вас подует воздух из двери больницы, как изо рта психопата”.

Производственные письма Платонова позволяют прикоснуться к замесу колоссального жизненного материала, который вскоре явит себя в его прозе непереводаемым языком самой жизни. Этим фантастическим языком жизни заговорит платоновская Россия в “Луговых мастерах”, “Сокровенном человеке” и “Чевенгуре”.

К сожалению, о многих корреспондентах Платонова из Наркомата земледелия, с которыми его связывали не только служебные, но и дружеские отношения, мы мало что можем рассказать. Остаются неизвестными имена московских инженеров этого ведомства, тех немногих, кто осенью 1926 года протянул Платонову руку помощи и не позволил, как он сам признавался, “подохнуть с голоду”. Мы также мало знаем о последних годах жизни писателя, когда рядом с тяжелобольным Платоновым постоянно находились врачи Центрального научно-исследовательского института туберкулеза (МОНИТИ). Их имена стали известны по письмам Платонова к Марии Александровне 1949 года и черновику его письма 1950 года. Последний документ, заключающий настоящий том писем, представляет благодарственное письмо Платонова Николаю Алексан-

дровичу Верховскому и всем, кто участвовал в создании противотуберкулезного препарата “ПАСК”. К сожалению, фонды МОНИТИ оказались крайне скудными, но будем надеяться, что открытие материалов о последних годах жизни Платонова нам еще предстоит.

В некотором смысле это типичная для Платонова ситуация. Подчеркнутой *нелитературностью* отмечены записные книжки Платонова, в которых крайне мало материала из современной ему литературной жизни (в основном это телефоны членов редколлегий журналов и издательств), а записи посвящены встреченным им в командировках собеседникам из народа: инженерам, техникам, рядовым колхозникам и председателям колхозов и совхозов, механизаторам, рядовым красноармейцам — тем, чьи имена никогда не вносятся в традиционные энциклопедии.

В архивах известных литературных современников Платонова, принятых на государственное хранение, его писем оказалось тоже не так много. Какие-то объяснения данному литературному факту, конечно, содержатся в самой эпохе — беспощадном к человеку “железном самотеке истории”. Многие из реальных адресатов писателя (Г. Литвин-Молотов, А. Новиков, А. Воронский, Б. Пильняк, С. Буданцев, Л. Авербах, В. Боков) были репрессированы, а архивы их погибли в печах НКВД или же дошли до нас лишь небольшой толикой материалов, не изъятых при арестах. Наверно, кто-то и освободился от писем весьма неблагоприятного в политическом отношении писателя Платонова, а кто-то, как и близкие родственники, был уверен, что его письма не имеют большой исторической ценности, потому что в число классиков советской литературы Платонов не входил — ни при его жизни, ни в первые десятилетия после смерти. Да и письма Платонова могли выставить самих корреспондентов не в лучшем свете...

В 1960–1970-е годы были написаны первые воспоминания о Платонове его современников. В предисловии к первому изданию книги воспоминаний о Платонове Е. Шубина заметила, что Платонов оказался “трудным объектом для мемуаристов”, и зачастую воспоминания современников “оставляют ощущение тщетной попытки понимания, которую не спасают ни длинные истории знакомства, ни усиленное педалирование особой близости с мастером, ни попутно творимые легенды”*. Сегодня, когда мы значительно больше знаем о Платонове и советской литературной эпохе, фигура

* Шубина Е. “Я помню их, ты запомни меня...” // Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. С. 6.

писателя предстает не в окружении преданных ему литературных друзей, а скорее тотально одинокой в современной ему литературной среде. Можно сказать даже больше: у Платонова *не было* своей литературной среды. Такого одиночества в литературе, пожалуй, никто в XX веке не пережил. Об этом свидетельствуют и его письма.

Примечательно, что лишь у немногих вспоминаявших о Платонове в архивах оказались его дружеские письма и записки. Не оставили воспоминаний или же написали самые скупые именно те из его современников, кто состоял с Платоновым в переписке и сохранил его письма. Таковы, к примеру, воспоминания поэта Виктора Бокова, передавшего в Рукописный отдел Пушкинского Дома письма Платонова, полученные им в ГУЛАГе. Судя по большому количеству доверительных писем Бокова к Платонову, представляющих блистательные “стихотворения в прозе” о рассказах “Такыр”, “Река Потудань”, “Семья Иванова” и их авторе, писем Платонова к Бокову было значительно больше. Довоенные записки и письма, скорее всего, исчезли при аресте Бокова в 1943 году, а некоторые письма в ГУЛАГ попросту не сохранились.

Остаются неизвестными письма Платонова Виктору Некрасову. Платонов одним из первых отметил “драгоценное значение” книги Некрасова “В окопах Сталинграда”: в изображении “сталинградского побоища” автор повести “приближается к истинной действительности, и слова ее проверены человеческим сердцем, пережившим войну” (рецензия 1947 года). Из сохранившегося ответного письма Некрасова Платонову от 12 декабря 1949 года можно узнать, что отношения между писателями были дружескими, что в присланном письме, “писанном рукой М. А.”, Платонов предлагал Некрасову обсудить план совместной работы* и что это было не первое письмо Платонова. Неизвестно, сохранились ли, а если сохранились, то где находятся письма Платонова к Виктору Некрасову? В Киеве?.. В Париже?..

Лишь одно письмо Платонова к Михаилу Шолохову 1947 года дошло до нас, хотя очевидно, что были письма Платонова в Вёшенскую во второй половине 1930-х годов, однако их постигла та же судьба, что и весь архив Шолохова, сгоревший во время бомбежки Вёшенской в 1942 году.

Шолохов не оставил воспоминаний о Платонове. Не оставили воспоминаний Владимир Келлер, Всеволод Иванов, Николай Замошкин, Давид Тальников, Леонид Леонов, Виссарион Саянов, Игорь Сац, чье дружеское расположение к Платонову и участие в прижизненных изданиях его произведений сегодня подтверждаются документально, в том числе перепиской.

* РО ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 58; в сокращении: *Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову. С. 190.

В конце 1960-х написал о Платонове Георгий Захарович Литвин-Молотов, первый читатель и редактор “Голубой глубины”, “Антисексуса”, “Города Градова”, “Сокровенного человека”, “Чевенгура”, человек, которому мы обязаны изданиями Платонова 1920-х годов. Георгий Захарович и его супруга Евгения Владимировна многое могли рассказать о Платонове. Однако до нас дошло лишь название воспоминаний Литвина-Молотова о Платонове — “Иноческое подвижничество”. В воронежском “Подъеме” воспоминания Литвина-Молотова тогда не только не опубликовали, но и потеряли*. В архиве Литвина-Молотова хранились авторизованные машинописи произведений Платонова и его письма. Из материалов сфабрикованного ОГПУ “дела” Литвина-Молотова (арестован в 1946 году) и его супруги (арестована в 1949 году) известно, что среди уничтоженных (сожженных) материалов, изъятых при их аресте, находились машинописи первой редакции “Города Градова”, трагедии “14 красных избушек” и рассказа “Река Потудань”. Неизвестно, что стало с записными книжками и письмами к Литвину-Молотову. Нет сомнения, что среди указанных в протоколе 46 писем находились письма Платонова**.

Много интересного, наверное, мог бы рассказать в 1960–1970-е годы о судьбе литературно-критических книг Платонова второй половины 1930-х годов (“Николай Островский”, “Размышления читателя”), и не только о них, заведующий отделом критики и литературоведения издательства “Советский писатель” известный литературовед Лев Иванович Тимофеев, но увы... не счел нужным это сделать. В фонде Платонова сохранились четыре его письма, письма же Платонова, естественно, остались у Тимофеева. Их судьба неизвестна. До нас дошел лишь черновик одного письма Платонова, сохранившийся в его личном архиве***.

Виктор Борисович Шкловский винился в конце жизни, что не написал о Платонове: “Мы все виноваты перед ним. Я считаю, что я в огромном долгу перед ним: я ничего о нем не написал. Не знаю, успею ли”****. Не успел. Хотя выразительный портрет молодого Платонова оставил (книга “Третья Фабрика”, 1926). Шкловский мог рассказать многое, например, о судьбе киносценарного наследия Платонова. Остается недокументированной история совместной работы над сценарием “Песчаная учительница” (1927–1930). Сохранилось только одно ответное письмо Шкловского 1941 года, посвященное

* Ласунский О. Указ. соч. С. 137.

** Подробно см.: “Дело” Г. З. Литвина-Молотова. Публикация Н. Корниенко // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. С. 837–847.

*** См.: Переписка А. П. Платонова и Л. И. Тимофеева // Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. С. 421–424.

**** Галушкин А. Ю. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Там же. С. 183.

тексту киносценария “Июльская гроза”, на котором имеются пометы Платонова для себя, а также, возможно, для ответного письма.

Среди именных писательских архивов, сохранивших письма Платонова, отдельно стоит сказать о фонде литератора и секретаря группкома издательства “Советский писатель” Александра Ивановича Вьюркова, в котором отложилось наибольшее количество ценнейших материалов о Платонове. Скорее всего, именно в группоме Платонов во второй половине 1930-х годов познакомился с Вьюрковым. Теплые отношения сохранились до конца жизни Платонова, после его смерти отношения с Вьюрковыми поддерживала Мария Александровна, ее подпись стоит под некрологом Вьюркову. Александр Иванович и его супруга Анна Васильевна были по-московски хлебосольны. На литературных посиделках в их доме часто присутствовали бывшие “перевальцы” — прозаик Родион Акульшин и поэт Павел Дружинин (именно его стихотворение “Российское” обильно цитировалось в знаменитой статье Н. Бухарина “Злые заметки”, 1927), хирург и прозаик Сергей Беляев, молодой Виктор Боков, актриса Малого театра Евдокия Турчанинова, известный литератор начала века, организатор московских литературных “Сред” Николай Телешов. Вьюрков был увлечен своей деятельностью на посту секретаря группкома, помогал как только мог всем писателям — не только признанным, но и гонимым Н. Никандрову, П. Романову. Сердечными были отношения с семьей Платонова, о чем свидетельствует характер переписки между ними. Это была дружеская переписка с обилием “домашних” тем и намеков, бытовых интонаций, внимания к повседневным мелочам личной и литературной жизни. В письме к Платоновым 1943 года из эвакуации Вьюрков признавался:

“Когда мы остаемся с Анной Васильевной» одни, а это бывает каждый день, так» как» у нас тут буквально нет никого, то мы больше всего говорим и вспоминаем Вас, дорогая наша Мария Александровна, и Андрея. Вспоминаем наши встречи. Ваше гостеприимство. Сердечное отношение ко мне и чуткость отношения ко мне Андрея. Его любовь ко мне и помощь в моих работах. И сходимся мы с Анной Васильевной» всегда на одном, что более близких нам людей у нас нет и что мы едва ли кого больше любим, как вас. Ведь мы жили, дорогие, вашими интересами, болели вашими заботами; как мы искренне и от души хотели, чем только могли, пойти вам навстречу, и беда наша была в том, что мы для этого не имели ни средств, ни возможностей. Что мы имели, кроме слов, исходящих из самого сердца, любящего вас искренне и честно, — ничего! И как я порою страдал из-за этого! Как мне хотелось быть для «вас» полезным хоть чем-нибудь. И я не теряю надежды в будущем отблагодарить вас обоих еще лучшим вниманием, еще лучшим отношением к вам.

Дорогие мои, порой такое отношение и сознание, что доброе слово и внимание близких друзей куда бывает дороже. Как-то легче живется и переносится все трудное и тяжелое при мысли, что ты не один, что есть около тебя люди, с которыми тебе легче становится, а следовательно, и жить в наше трудное время, полное всяких неприятностей, горя и трудностей. Как это ни странно, но я подчас черпаю силу от доброй своей Анны Васильевны — человека не весьма сильного и, пожалуй, беспомощного. Раздражаешься так порой... Тяжело станет, и подумаешь: кто же около тебя еще? И первая мысль — вы! Вы оба, сильно чувствующие души людей, а нас с ней — особенно. И легче, Андрюша, становится. Жизнь-то в человеке заключается. А вы с Марией Александровной — люди подлинные, т. е. такие, каким должен быть человек”.

Вьюрков был старше Платонова, писать начал поздно, в начале 1930-х годов; основной темой его рассказов стала старая Москва, которую он знал и любил. Он принадлежал к генерации дореволюционных писателей из народа, писателей-самоучек, влюбленных в литературу и писателя-творца. Был он литератором средним, писал рассказы трудно и мучительно. Платонов относился к Вьюркову как младший к старшему — с сердечным расположением, почтением и пониманием. Он читал его очерки и, очевидно, даже правил, насколько мог, зачастую беспомощные в литературном отношении тексты старшего товарища.

Лучшее, что Вьюрков оставил для истории литературы 1930–1940-х годов, — это его дневник и альбом с автографами современных писателей. Кто-то по просьбе Вьюркова делал запись в альбоме, приходя в группком по тем или иным делам, в других случаях Вьюрков просил автограф у писателя, когда бывал у него дома по служебно-профсоюзным вопросам. В альбоме находятся автографы С. Клычкова, П. Романова, Б. Пастернака, А. Веселого, М. Пришвина, В. Вересаева, Н. Никандрова, А. Серафимовича, П. Васильева, В. Гроссмана, Н. Асеева, Д. Бедного, А. Гайдара, М. Исаковского, В. Кудашева, С. Скитальца, чудные рисунки Е. Чарушина, смешные шаржи и портреты писателей, выполненные П. Коганом. Писали в альбом опубликованные и неопубликованные стихи, экспромты, посвящения, признания в вечной дружбе и благодарности... “Гением группкома” и “другом писателей”^{***} назвал Вьюркова в своем стихотворном послании С. Скиталец. Об этом же запись Б. Пастернака (в альбом также вклеены две авторизованные машинописи стихотворений поэта, скорее всего, полученные при посещении квартиры Пастернака в знаменитом писательском доме в Лаврушинском переулке):

* РО ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 11–12 об.

** РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 2.

“Ты замечательный, душевный человек Вьюрков! Первый твой недостаток, какой я заметил, это что ты завел этот альбом:

Пришел за пачкой облигаций,
А ты мне вместо них — альбом.
Изволь-ка рифмами лягаться,
Упершись в страницу лбом!

Да, а во всем остальном ты прелесть. Будь здоров и счастлив.
Б. П.
5.VI.36”.

Есть в альбоме и запись Платонова 1941 года, звучащая, как всегда, иронически, когда речь заходила о литературной жизни и современных “гениях литературы”, как часто именовал он своих успешных современников:

“Александру Ивановичу Вьюркову —
на память о почерке прозаика Платонова.

А. Платонов

4/V.41.

Скромные, достойные, трудящиеся люди уходят молча под зеленую траву — нам же, как доказывает эта тетрадь, обязательно хочется наследить после себя на свете.

4/V.41. А. П.”*

На страницах альбома Вьюркова оставил свой автограф и критик Абрам Гурвич, автор большой статьи “Андрей Платонов” (“Красная новь”. 1937. № 10). Это, по сути дела, первое фундаментальное исследование прозы Платонова 1920–1930-х годов. Гурвич писал свою работу почти год и поначалу, кажется, не ставил задачей политическое уничтожение Платонова. В письме В. Ставскому от 27 октября 1936 года он сообщал: “Я работаю сейчас над Андреем Платоновым. Очень своеобразный, несомненно талантливый, но вместе с тем неполноценный писатель. Платонов принадлежит к числу тех немногих настоящих художников, которые пишут кровью своего сердца. Для него литература есть органическая форма его общественного существования. Гуманизм Платонова, однако, при его крайней обостренности оставляет известный неприятный осадок”***. В 1940 году Гурвич составил экспертное заключение для Лубянки на повесть арестованного Андрея

* РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 5.

** Там же. Л. 47 об.

*** РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 138. Л. 50.

Новикова “Причины происхождения туманностей”, не преминув напомнить, что “памфлет на советскую жизнь, бюрократию и государство” в рецензируемой повести выполнен в той же стилистике, что и “Город Градов” Андрея Платонова*. Это вполне профессиональное литературоведческое заключение, как, впрочем, вполне профессионально и не без тайного восхищения выполненна его статья о Платонове 1937 года. Правда, под тщательный анализ мотивов прозы Платонова Гурвич подвел практически расстрельное для времени политическое обвинение: “Платонов — антинароден...” В 1937 году это звучало столь же убийственно, как в 1931 году — “Платонов — классовый враг”. Вьюрков весьма точно описал амбивалентность текста Гурвича, о чем он не преминул сообщить Платонову летом 1939 года в письме из Дома творчества в Малеевке: “Прочитал тут статью Гурвича о тебе в его книге. Парень и так старается, и этак покрутить. Знаешь, вроде апельсина в жару. Морщится, морщится — кисл, говорит, но изумительно вкусно, приятно и освежает”**. Не без эстетического изыска исполнена запись Гурвича (датируется 22 сентября 1952 года) в альбоме Вьюркова: “Привет инфаркту от инсульта! Не будем тужить, старина: некоторые люди умирают дольше, чем живут. Я скептик, и мне все равно, что жить, что умереть, — жить даже лучше. Итак, до встреч в коммунистическом раю, где мы с вами еще лет сто будем изживать пережитки социализма в сознании. Инфаркт — ура! Инсульт — ура!”*** Платонова уже не было в живых, на подготовленные в 1951 и 1952 годах к изданию сборники его избранных произведений были получены отрицательные заключения писателей и критиков... Гурвич и Вьюрков после болезней отдыхали в Малеевке. Вспоминали ли они общего их знакомого, нам достоверно не известно, однако Гурвич листал альбом Вьюркова с записью Платонова, да и смысл приведенной записи когда-то всесильного, а в 1949 году поверженного (в ходе кампании борьбы с космополитами) литературного и театрального критика свидетельствует, что он когда-то внимательно читал Платонова и не ошибся, когда утверждал, что финал жизни даже внешне советского героя “под пером Платонова превращается в траурный реквием”****.

С 1936 года и до конца жизни Вьюрков вел дневник, представляющий интересные рассказы о литературном быте и жизни писателей второй половины 1930-х годов: колоритные зарисовки портретов писателей, сюжеты из низовой литературной жизни,

* См.: Шенталинский В. Преступление без наказания: документальные повести. М., 2007. С. 534–535.

** РО ИРЛИ. Ф. 780 Ед. хр. 45 Л. 5 об.

*** РГАЛИ. Ф. 452. Оп. 1 Ед. хр. 48. Л. 74.

**** Гурвич А. Андрей Платонов // Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. С. 363.

сплетни и слухи и т. п. Дневник открыл неизвестные ранее детали быта семьи Платонова и имя дотоле нам неизвестного “старого Юшки”, упоминаемого в письме Платонова к Вьюркову 1939 года. Им оказался “первый пролетарский поэт” Демьян Бедный, с которым Платонов встречался в конце 1930-х годов и мимо творчества которого автор “Сокровенного человека” и “Котлована”, конечно, не прошел*. Дневниковую запись от 18 марта 1940 года приведем полностью. В этот день Вьюрков посетил не только Бедного и Платонова, но и других членов группкома, оставив замечательную зарисовку на тему, как жили советские писатели:

“Вчера зашел к Демьяну. Сидит один. Никто у него не бывает. Скучает. Похудел от болезни. На столе книги. Готовится к новой работе — «Сибирь-матушка» будет она называться. От него пошел к Платонову. 22 обещали ему вернуть сына. Станный он человек! Как будто вся наша жизнь проходит мимо ее (очевидно: него. — Н. К.), как длинная, длинная процессия, и он ждет, когда она пройдет. Ни разу он не заговорил со мной о ней. Не порадовался, не повосхищался. Стоит человек вне. И скучно, скучно ему от всей сутолоки. Стало тоскливо и мне, и я от него скорей домой. Что у него привлекательно — это Марья Александровна, собирающаяся уйти от него. Душно и ей. Сегодня утром пошел в Лаврушинский. Надо было получить подписи под заявлением в ВЦСПС, чтобы наши группкомы оставили по-прежнему.

Захожу к Пришвину. Счастливое лицо. Светится старец. Ему 67 лет. Оказывается, влюбился и разводится с первой женой. Она, сыновья стыдят его. Ничего не помогает. Люблю ее, и баста! Вот что делает Жень-Шень! — От него пошел к Луговскому. Очень приветливый человек Владимир Александрович. От него к Пастернаку. Расцеловались, толковали о том о сем, а больше о его новой работе — о “Гамлете”, которую он только что закончил. Полюбовался на картины его отца и вниз к Никулину. — Ой, боже! Сколько важности у этого писаки и какой человечностью, благородством и чуткостью светится Пастернак в сравнении с этим надутым. Был у Виктора Гусева, принял меня в богатом карельской березы кабинете. Славный парень, но обстановка не по нем. Проще надо. Не такое оперение нужно. Представьте себе извозчика за роялью и получите Гусева в чем-то чужом, из какого-то барского дома, кабинете. Евгений Петров на Финляндском фронте. Не вернулся еще. Живут товарищи писатели хорошо, винно, блинно и оладисто. Квартиры такие, что многим и во сне не снились. Ну и пусть живут. Любопытно, что никто из них мне, маленькому писателю, ответственному секретарю их

* Подробно см.: Kornienko N. Platonov and His Contemporaries: Demian Bednyi // ULBANDUS the Slavic review of Columbia university. 2012. Vol. 14. P. 156–201; Корниенко Н. Пролетарские писатели Андрей Платонов и Демьян Бедный // Кипарисовый ларец. Альманах. М., 2012. С. 257–310.

группкома, кроме милого Пастернака, не предложил стакана чаю!.. И никто не сказал, дескать, Александр Иванович, заходите как-нибудь. — Обстановка у всех, скупленная в комиссионных магазинах, сохранившаяся от прежней буржуазии, с бора и с сосенки, напомнила мне бывших разбогатевших купчиков, а так как претендовать на них всех грех, я и не претендую”.

Писательский дом в Лаврушинском переулке с квартирами улучшенной планировки (именно его посетил Вьюрков) был построен правительством для деятелей советской культуры в 1937 году. Составленная Вьюрковым колоритная бытовая картинка из жизни советских писателей представляет еще один контекст жизни Платонова, в котором с особым драматизмом прочитывается “квартирный вопрос” его семьи (о нем мы впервые узнаем из писем писателя конца 1930–1940-х годов). Без искажений Вьюрков набросал и портрет неразговорчивого Платонова. О замкнутости Платонова писали многие вспоминаявшие о нем. Об этом свидетельствуют и другие документы. Так, на допросе в НКВД (1938) поэт В. Наседкин признавался: “У Андрея Платонова я бывал тоже два-три раза. По-моему, он молчаливым был со всеми. Политических разговоров он никак не поддерживал, беседы проходили только в рамках литературных дел. А когда я жаловался на трудности жизни вообще, он отмалчивался. Во время одной беседы я как-то задал ему вопрос — откуда у него такой пессимизм и страдания, которые чувствуются почти в каждом его рассказе? Вместо ответа Андрей Платонов лишь улыбнулся”^{*}. В донесении в НКВД 1939 года сообщается, что Платонов много работает, “почти все время проводит дома и старается всех от себя оттаивать”^{***}. С этой вполне справедливой характеристикой стукача корреспондирует запись в дневнике Вьюркова, сделанная 20 апреля 1941 года: “Был у Щепкиной. <...> В 6 ч. ушел от ней и зашел по пути в дом Герцена (Тверской бул., 25) к Платонову А. Пл. Сидит дома один. Мрачный, озабоченный. — Работаю, — ответил мне. — Не стал ему мешать, пошел домой”^{****}.

В годы войны они почти не встречались. В августе 1941 года Вьюрковы были эвакуированы в Киров, откуда Александр Иванович слал письма Платонову с просьбой получить разрешение на въезд в Москву. После возвращения из эвакуации (февраль 1944 года) Вьюрков уже не был секретарем группкома и всецело занимался личными делами — изданием книги о Москве, на которую он собирал новые отзывы, вступлением в Союз писателей и здоровьем. Те-

* РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 17–18.

** Шенталинский В. Преступление без наказания: документальные повести. С. 530.

*** Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. С. 865.

**** РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 31 об.

перь он уже не вел, как до войны, дневника с подробными рассказами о встречах с писателями, только скупые календарные записи. Некоторые — о Платонове. Запись от 8 апреля 1944 года: “Сегодня 6 лет, как умер Пантелеймон Романов. Талантливейший сатирик. Из них я знаю троих: П. Романова, тоже покойного Булгакова и живущего — Платонова”^{*}. 1 ноября 1945 года: “Сдал Платонову очерк «1 слово нрзб»”^{**}; 7–9 ноября 1947 года — Платонов в списке поздравивших Вьюрковых с праздником^{***}. 20 мая 1950 года в письме к Н. Замошкину Вьюрков рассказывал о посещении больного Платонова: “Нигде ведь не бываю, ничего не знаю и никого не вижу. А кого и увидишь — жутко становится. <...> Зашел к Платонову. Лежит в постели. Вид у него «со святыми упокой». <...> А если к ним прибавить себя, то... невеселая картина. Мне говорят: борись! Я Платонову говорю: борись! Ты мне: борись, Сашка. Ничего, выживем. — Живу”^{****}. Январские записи 1951 года: 5-го — “Умер Андрей Платонов. Послал отзывы Замойского в издательство”; 7-го (воскресенье) — “На похоронах Платонова было только 40 человек. Выступал один Долматовский. Писателей было мало. Вот вам и знаменитый, талантливый писатель!”; “Книгу редсовет принял!! Это счастье. <...> Всё хорошо. Теперь я обеспечен, но... 65 лет сказываются, чувствую, что жить осталось мало. Этот год — последний для меня. Счастье и горе. Жизнь и смерть так и чередуются”^{*****}.

В последние годы жизни Вьюрков начал писать воспоминания о Демьяне Бедном, из которых исключил сюжет встреч двух пролетарских писателей. Воспоминаний о Платонове литератор Вьюрков не оставил. В отличие от реабилитированного партией в годы войны Демьяна Бедного, Платонова после его смерти ждало почти десятилетие полного забвения. Многоопытный литературный работник Вьюрков хорошо знал и понимал литературно-политическую конъюнктуру и ее механизм. На его глазах создавались и разрушались литературные репутации, и для литератора Вьюркова, весьма чуткого к вопросам социального престижа (он упорно бился за вступление в Союз писателей), вопрос, о ком писать воспоминания, был просто предопределен, и он приступил к написанию, по дневниковым записям, истории создания “эпопей” Бедного и реконструкции его литературной биографии второй половины 1930-х годов. Таково было веление времени... Будем благодарны Александру Ивановичу за собранные и сохраненные им бесценные платоновские материалы.

* РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 22.

** Там же. Ед. хр. 47. Л. 54.

*** Там же. Ед. хр. 48. Л. 18 об.

**** РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 50–50 об.

***** РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 18 об., 80 об., 81 об.

Наше издание представляет первую, наиболее полную публикацию писем Платонова, выявленных в настоящее время. Безусловны новые находки писем Платонова: в закрытых и неосвоенных архивохранилищах, в личных и государственных собраниях и фондах, еще не оказавшихся в поле исследовательских разысканий.

Большую работу по разысканию и публикации писем Платонова провели Е. Антонова, Е. Литвин, В. Перхин, С. Субботин, Е. Шубина и другие исследователи. Значительной вехой в разработке эпистолярного наследия стала публикация писем Платонова из семейного архива, перешедшего в 2006 году на государственное хранение в Институт мировой литературы им. А. М. Горького (подготовлены к печати Платоновской группой ИМЛИ). Без этой предварительной работы вряд ли можно было сформировать корпус писем настоящего издания.

Письма Платонова печатаются по авторитетным источникам: автографам, авторизованным машинописям, первым прижизненным и научным публикациям. При подготовке опубликованных ранее писем была проведена дополнительная сверка текстов. В том случае, когда в первой публикации письма встречаются неточности или сокращения, оно печатается по архивному первоисточнику.

Письма расположены в хронологическом порядке со сквозной нумерацией. Указание адресата и авторская дата письма считаются частью его текста. Редакторская дата и указание места написания ставятся после фамилии адресата перед текстом письма. Если дата письма устанавливается приблизительно, то письмо печатается с указанием года в конце соответствующего раздела. Условность датировки оговаривается в примечаниях.

Все тексты писем печатаются по современной орфографии и пунктуации, с максимальным сохранением индивидуальных авторских особенностей. Сокращенные и недописанные Платоновым слова восполнены в угловых (<>) редакторских скобках. Не раскрываются сокращения, являющиеся частью стиля эпохи и автора (“тов.”, “с т. приветом”, “с тов. приветом”), а также общеупотребительные сокращения (т. д., т. е., др., ж. д., с.-х.). При публикации писем по черновым автографам зачеркнутые слова и фразы, важные в смысловом отношении и приоткрывающие подтексты и лабораторию написания письма, воспроизводятся. Авторские подчеркивания в тексте сохраняются. Редакторские примечания текстологического характера даются в тексте письма в угловых скобках.

Комментарий к письму дается непосредственно за текстом письма и включает: справку о первой публикации и источни-

ке публикации в настоящем издании, сведения об адресате, описание контекста и историко-литературные и реальные примечания. Письма, впервые публикуемые в настоящем издании, специально не отмечаются, а указывается архивный источник нахождения выявленного документа. В приложение включен текст неоконченной повести в письмах “Однажды любившие”, основанной на реальных письмах Платонова к жене из Тамбова.

.....

Тексты писем и комментарии к ним подготовили:

Антонова Е. В.: № 1–39, 49–56, 58–62, 64–74, 76–80, 82–91, 95, 98, 129, 131, 206*, 213, 217, 218, 256, 257, 259–266*, 269–291, 293–309, 325*, 330*, 339*, 341*.

Антонова Е. В., Кукушкина Т. А.: № 267, 268.

Богомолова М. В.: № 222, 223, 332–338, 345.

Дужина Н. И.: № 148, 224.

Корниенко Н. В.: № 40–48, 57, 63, 75, 83*, 83**, 88*, 90*, 90**, 91*, 91**, 92–94, 96, 97, 99–128, 130, 132, 133, 135–141, 144–147, 149–155, 157–163, 165, 166, 169–172, 188, 195–203, 206, 208, 209, 211, 214–216, 219, 221, 227, 235, 240, 243–248, 250, 251, 253–255, 258, 292, 310, 311, 313, 316–331, 339–344, 346–350.

Корниенко Н. В., Кукушкина Т. А.: № 164, 167, 168, 310*, 312, 314–315**.

Папкова Е. А.: № 204, 205, 207, 210, 231, 249, 252.

Роженцева Е. А.: № 173–187, 189–194, 212.

Суровова Л. Ю.: № 220, 225, 226, 228–230, 232–234, 236–239, 241, 242.

Умрюхина Н. В.: № 134, 142, 143, 156.

Именной указатель подготовлен Н. В. Умрюхиной. Фото-материал подобран Е. В. Антоновой.

Благодарим крупнейшие архивохранилища России за помощь в подготовке нашего издания. Также наша благодарность – Р. Чандлеру, К. Б. Андроникашвили-Пильняк за предоставленные уникальные материалы из личных архивов. Наша особая признательность внуку А. П. Платонова – А. М. Мартыненко.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

.....

ПИСЬМА

[1920–1950 гг.]

---

[1]

И. КОСТРОМИТИНУ

9 июля 1920 г. Воронеж

Ив. Костромитину. Если вы, товарищ, хотите быть поэтом — будьте самим собой, только и всего. А вы надуйтесь, вышли из себя и написали мерзость, хотя, быть может, вами и руководило хорошее искреннее чувство и честная мысль.
.....

Печатается по: КД. 1920. 10 июля. С. 2; рубрика “Ответы авторам”, без подписи.

Газета “Красная деревня” издавалась Воронежским губкомом РКП(б) с 4 марта 1920 г. по 6 марта 1921 г., редактором ее являлся Г. З. Литвин-Молотов. Платонов не только активно публиковал в КД свои статьи, стихи и рассказы, но также был заведующим литературным отделом газеты. Рубрика “Ответы авторам”, а затем “Наша почта”, содержащая рекомендации начинающим авторам, а иногда и ответы на вопросы нелитературного характера, появлялась далеко не в каждом номере. Отзыв на присланные произведения чаще всего публиковался без подписи, при этом известно, что на письма отвечал не только Платонов, а, например, также и Г. Плетнев. Таким образом, устанавливать авторство чаще всего приходится на основании стилистического анализа. Датой написания отзыва предположительно считается день накануне выпуска номера газеты.

---

[2] Саглину
12 июля 1920 г. Воронеж

Тов. Саглину. Ваши стих<отворения> “Весна” и “Осень” для нашей газеты не подходят. Написаны старыми, зажеванными словами на надоевшие, брошенные темы.

.....

Печатается по: КД. 1920. 13 июля. С. 2; рубрика “Ответы авторам”, без подписи.

.....

---

[3] К. Синяеву
15 июля 1920 г. Воронеж

Тов. Синяеву. Стихи “Честному коммунару” и “К пролетарию” не могут быть напечатаны. В поэзии есть не только содержание, но и форма, но и музыка. В ваших стихах этого мало.

Если будете думать и сильно работать, то многого достигнете.

Двух стихов, посланных ранее, мы не получали.

А. П.

.....

Печатается по: КД. 1920. 16 июля. С. 2; рубрика “Ответы авторам”.

.....

---

[4] И. Кирееву
21 июля 1920 г. Воронеж

Тов. Иосифу Кирееву. Стих<отворение> “Помни, дезертир” нельзя напечатать. Вы только начали работать, вас ждет огромный труд, если преодолеете его и сами будете удовлетворены своими произведениями — тогда присылайте.

А. П.

.....

Печатается по: КД. 1920. 22 июля. С. 2; рубрика “Наша почта”.

.....

---

[5] К. СИНЯЕВУ
28 июля 1920 г. Воронеж

Тов. К. Синяеву. Присланное стих<отворение> “К рабочим” сильнее и лучше прежних. Избегайте пошлых, бледных выражений (“Враг сломлен с позором бежит”). Работайте и шлите еще.

А. П.

.....

Печатается по: КД. 1920. 29 июля. С. 2; рубрика “Наша почта”.

.....

---

[6] МИХАЙЛОВУ
28 июля 1920 г. Воронеж

Тов. Михайлову, Новохопер<ского> уезда. Вы написали гладкое, правильное по форме (если формой считать ровный, сдержанный тон и совпадение ударений) стихотворение. Пишите искренней, живыми крепкими словами, и такие стихи будем рады печатать в газете.

А. П.

.....

Печатается по: КД. 1920. 29 июля. С. 2; рубрика “Наша почта”.

.....

---

[7] К. СИНЯЕВУ
2 августа 1920 г. Воронеж

Тов. К. Синяеву. Стих<отворение> “После грозы” не лучше присланных раньше. Снова работайте.

.....

Печатается по: КД. 1920. 3 августа. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

.....

---

[8] А. РАЗМОГАЕВУ
2 августа 1920 г. Воронеж

Тов. А. Размогаеву. “Призыв” не стихотворение, а проза в рифмах. А такая проза — все равно что конфеты

с солью. Стих — высшая форма литературы, не мешайте его ни с чем.

.....

Печатается по: КД. 1920. 3 августа. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

.....

---

[9] К. Синяеву

10 августа 1920 г. Воронеж

Тов. К. Синяеву. Стих <отворение> “Кто он?” не будет напечатано. Зачем такое слово из сухой глины: ку-мир — и к чему фокусы в поэзии?

Работайте серьезно.

.....

Печатается по: КД. 1920. 11 августа. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

.....

---

[10] КРИТИКАМ РАССКАЗА “Чульдик и Епишка”

18 августа 1920 г. Воронеж

Всем, кто писал или хочет писать мне по поводу рассказа “Чульдик и Епишка”¹.

Человека, который ошибается, надо учить, а не смеяться над ним и не ругать его.

А то мне теперь от вашего целомудренного визга еще больше думается, что не вы, а я один прав.

А. Платонов.

.....

Печатается по: КД. 1920. 19 августа. С. 2; рубрика “Наша почта”.

1 Рассказ “Чульдик и Епишка” был опубликован в КД 10 августа 1920 г. и вызвал столь бурную реакцию читателей, что Платонову в конце концов пришлось ответить своим критикам публично, см. ниже п. 11.

.....

Ответ редакции “Трудовой армии”
по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”¹.

Вы пишете о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее.

Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей, не достойных Ее видеть и не могущих Ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать Ее белые одежды. Не место мне, грязному, там.

Ладно. Я двадцать лет проходил по земле и нигде не встретил того, о чем вы говорите — Красоты.

Должно быть, по тому самому, что она живет вне земли и ее видели немногие — лучшие и, конечно, не я.

Я думаю не так: это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее отдельной, самой по себе — нет.

Она — имущество всех, и мое. Красота — все дни и все вещи, а не одна надземная и недоступная, гордая. Это оттого я не встретил и никогда не подумал о Красоте, что я к ней привык, как к матери, о которой я хорошо вспомню, когда она умрет, а сейчас я все забываю о ней, потому что стоит она всегда в душе моей.

Я живу, не думаю, а вы, рассуждая, не живете — и ничего не видите, даже красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста.

Вы мало любите и мало видите.

Я человек. Я родился на прекрасной живой земле. О чем вы меня спрашиваете? О какой красоте? О ней спросить можетдохлый: для живого нет безобразия.

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили. Но я знаю еще, чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всего достойно ее. Самый маленький комарик — самая счастливая душа.

Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его. Этого вы не могли подметить. Вы люди законные

и достойные, я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник.

Мои товарищи по работе называют меня то ослом, то хулиганом. Я им верю.

Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем.

Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. Все было грязно и темно — и становится ясным.

Мы идем снизу, помогите нам, верхние, — в этом мой ответ.

Не казаться большим, а быть каким есть — очень важная, никем не ценимая вещь.

Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать — искусство не по силе людей, но зато и единственно истинное искусство.

А. Платонов.

.....

Впервые: КД. 1920. 22 августа. С. 2.

Печатается по: Сочинения I (2). С. 68.

1 Трудовые армии – военные формирования Красной Армии, использовавшиеся в 1920–1922 гг. в народном хозяйстве; в связи с введением нэпа расформированы постановлением СТО от 30 декабря 1921 г. Газета “Трудовая армия” являлась органом Реввоенсовета 2-й Особой армии Республики и политотдела ЮВЖД. Текст рецензии, помещенной в газете, неизвестен и, вероятно, не сохранился. Отзывы на рассказ продолжали приходить и после публикации “Ответа редакции...”, так что некоему Шварцу из слободы Ровенка на страницах КД ответили: “По поводу рассказа «Чульдик и Епишка» редакция ни в какую переписку не намерена вступать. Прочтите ответ автора в № нашей газеты от 22 августа” (КД. 1920. 3 сентября. С. 2).

С незначительными изменениями статья “Ответ редакции...” вошла в написанное Г. Литвиным-Молотовым предисловие к первой книге Платонова — сборнику стихов “Голубая глубина” (1922).

.....

---

[12] Г. Бойченко

2 сентября 1920 г. Воронеж

Тов. Гр. Бойченко, Павловск. Ни одно из присланных стихотворений не подошло. Но писать — вы пишете; вы хорошо чувствуете стих, только запутываетесь в своих мыслях, и трудно от этого понимать ваши произведения.

Преодолейте это, тогда ваши стихи будут хороши и ответят времени, как Демьяна Бедного¹.
.....

Печатается по: КД. 1920. 3 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

- 1 Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич, 1883–1945) — советский поэт. В годы Гражданской войны написал огромное количество стихов, частушек, песен, посвященных практически всем значимым событиям современности. “Свидетельствую, что на фронте, широко читая, требуют Демьяна Бедного. Необходимо печатать в значительном количестве” (телефонограмма председателя Реввоенсовета Л. Троцкого в Госиздат от 16 июня 1919 г. // Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: путеводитель по фонду Госиздата. М., 2009. С. 28). С 1918 по 1921 г. было выпущено более сорока сборников Бедного, также его произведения постоянно печатались в центральных периодических изданиях — газетах “Правда”, “Известия” и т. п. См. о нем примеч. 12 к п. 235.

---

[13] Хачопуло

3 сентября 1920 г. Воронеж

Тов. Хачопуло. Статья “Нельзя медлить” не подошла. Уж слишком старо, избито и много этаких словечек: ликвидировать, территориальное и т. п. Пишите проще, откликаясь на запросы и нужды деревни.

А. П.
.....

Печатается по: КД. 1920. 4 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”.
.....

[14] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
3 сентября 1920 г. Воронеж

Сыну Человеческому¹. Стих <отворение> “Капризы музыки” написано для показания, что музыка не зависит от пуза. Но если вы поэт-пролетарий, то не должны зависеть и от Музы: она старая жаба.

А. П.

.....

Печатается по: КД. 1920. 4 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”.

1   Данный псевдоним — устойчивое библейское словосочетание. В Ветхом Завете оно обозначает любого вообще из представителей рода человеческого, в Евангелии Сыном Человеческим более пятидесяти раз называет себя Иисус Христос.

.....

[15] Л. ЯКОРИНУ
4 сентября 1920 г. Воронеж

Тов. Л. Якорину. Писать стоит каждому человеку — и вам. В присланных стихах есть хорошее (“Горький твой упрек в шутку ты облек”), есть плохое (“Мечущей души накупить заглуши”). Плохого пока больше.

Сильнее живите — лучше будете писать.

.....

Печатается по: КД. 1920. 5 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

.....

[16] П. ГУСЕВУ
8 сентября 1920 г. Воронеж

Красноарм<ейцу> П. Гусеву. Хотя ваше присланное стихотворение плохо, но вы продолжайте писать, а еще больше — думайте, учитесь и читайте.

Надо различать, товарищ, мысль и форму в стихе: можно написать никуда не годное мертвое стихотворение, но с прекрасной мыслью, и все-таки это не будет поэзией.

.....

Печатается по: КД. 1920. 9 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

.....

[17] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
9 сентября 1920 г. Воронеж

А. Л-теву. Стих <отворение> “Вперед” не пойдет. Вам нужно упорно работать: в присланном стихе есть прекрасные слова, но большая часть вам не удалась по простой непривычке к такому труду. Привыкайте.

А статью “Пора бы понять и остальным” пускаем¹.
.....

Печатается по: КД. 1920. 10 сентября. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.

1   Статья была напечатана в этом же номере газеты.
.....

[18] В. И. ЩЕБЛЫКИНУ
15 сентября 1920 г. Воронеж

В. И. Щеблыкину, Хренов<ские> выселки. Из присланных стихотворений много очень хороших по скрытому чувству. Но ваше прекрасное чувство слишком скрыто в них — в этом большой ваш недостаток. За тусклыми неумелыми словами еле бьется мысль, хотя эта мысль и большая и чистая.

После напряженного внимания только начинаешь понимать вас и любить.

Вам надо пройти сквозь труд овладения языком, чтобы стать певцом деревенского люда.

Ваше сердце и мысль — огромная сила.
.....

Печатается по: КД. 1920. 16 сентября. С. 3; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

[19] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
20 сентября 1920 г. Воронеж

Сыну Человеческому. Стихи “Романс Красного фронта”, “Народный гимн свободе” и “Всем ищущим Бога”

напечатаны не будут, несмотря на их искренность и красоту. Ведь всё это личное дело, и интересует оно немногих. Вглядитесь в русский народ, он ищет своего блага, а в бывшем Боге он блага не нашел и навсегда отошел от него.

Ваше обожествление природы (пантеизм) тоже не решает религиозного вопроса, т<ак> к<ак> люди признали ненужность его для жизни. И избрали гораздо более верный путь — науки и свободной мысли.

В вас же еще работает древнее сердце, мучающееся и ищущее богов.
.....

Печатается по: КД. 1920. 21 сентября. С. 3; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

---

[20] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
24 сентября 1920 г. Воронеж

Испытавшему. Хотя вы, наверное, пролетарий, но прислали произведение откровенно буржуазное, вскрывающее сущность ушедшего времени.

Скоро мы выйдем на великую с вами борьбу.
.....

Печатается по: КД. 1920. 25 сентября. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

---

[21] Х. М. СВИНАРЕВУ
24 сентября 1920 г. Воронеж

Х<аритону> М. Свинареву. Стихотворение вы написали искренно и почти что хорошо. Только как-то по-детски (хотя все дети пишут хорошо). “Туда, где под игмом братья-германцы носят на спинах тяжелые ранцы”. Это у вас вырвалось искренно, но бессмысленно.
.....

Печатается по: КД. 1920. 25 сентября. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

[22]   **НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ**
24 сентября 1920 г. Воронеж

Допризывнику. Тоже¹ очень сильное хорошее чувство, но туманно, некартинно выражено, и стихотворение теряет от этого свою ценность.
.....

Печатается по: КД. 1920. 25 сентября. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.

1   Т. е. как и в случае со стихотворением Х. Свинаярева (см. выше п. 21).
В газете оба отзыва опубликованы друг за другом.
.....

[23]   **М. Ясной**
28 сентября 1920 г. Воронеж

Маргарите Ясной, Воронеж. Лирические стихи присылайте. На вторую часть письма я бы ответил подробно, если бы вы написали свой адрес, газету же загромождать нельзя, и отвечаю коротко: нет, не согласен. Опровергнуть вас могу и сделаю это. Конец письма непонятен, вы, кажется, насмеялись. Я все равно отвечаю серьезно: человек должен стремиться к соединению со всеми, а не с одной. В этом нравственность пролетария.

Вы же есть дочь буржуазии, полная похоти, тоски, ненависти ко многим и любви к одному.

А. Платонов.
.....

Печатается по: КД. 1920. 29 сентября. С. 4; рубрика “Наша почта”.
.....

[24]   **В. И. ЩЕБЛЫКИНУ**
22 ноября 1920 г. Воронеж

Тов. В. И. Щеблыкину. К сожалению, товарищ, присылаемый вами материал не подходит. Пишите о вашей деревне, о ее горе и надеждах.

В ваших стихах много хорошего чувства, но оно совсем не передается. А суть поэзии именно в совершен-

ной передаче себя. Когда вы этого не достигаете, то не достигаете ничего.

.....
А молча все люди поэты.

Печатается по: КД. 1920. 23 ноября. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

---

[25] Н. А. Светличному
22 ноября 1920 г. Воронеж

Н. А. Светличному (Кантемировка). Баптисты¹ вредят делу революции тем, что проповедуют любовь к буржуазии (ведь и буржуй — ближний), проповедуют смирение перед своими угнетателями. Ведь преступно же проповедовать любовь среди трудящихся в то время, как на них лезет с оружием буржуй. Учение баптистов пока не нужно нам — пролетариям. Распространяйте-ка его среди буржуазии! Лучше будет.
.....

Печатается по: КД. 1920. 23 ноября. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.

1 Баптисты — последователи религиозного движения, основанного Джоном Смитом (1554–1612). Движение оформилось из радикального крыла английских пуритан в первой половине XVII в. Первые общины баптистов в России появились во второй половине XIX в. К 1905 г. на всей территории России насчитывалось около 20 тысяч баптистов. Общины были объединены в “Союз баптистов России”, который имел свои съезды и советы. С 1917 по 1927 г. наблюдался рост приверженцев баптизма, а к 1932 г. большинство общин в административном порядке было закрыто. По данным полиции, в 1913–1914 гг. в 73 населенных пунктах Воронежской губернии проживали более 6 тысяч баптистов.
.....

---

[26] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
2 декабря 1920 г. Воронеж

И. Ф-ву. Коммунисты никогда не говорили, что Лев Толстой проповедовал коммунизм. Далее, коммунисты и не думают перевертывать вверх тормашками Солнце, Луну

и нашу планету — Землю. Мы, рабочие и крестьяне, просто хотели освободиться от бездельников, от своих угнетателей. А без насилия тут не обойтись: клин клином вышибают.
.....

Печатается по: КД. 1920. 3 декабря. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

[27]

Г. К. ТЕРНИКОВУ

8 декабря 1920 г. Воронеж

Слепому старцу Григ<орию> Кирил<ловичу> Терникову. Ваше рассуждение о холодном двигателе для полевых работ — неосновательно.

Если бы, по-вашему, сделать такой тяговый двигатель для плугов, то крестьяне не стали бы с ним возиться, т<ак> к<ак> они бы не выиграли на нем никакой силы.

Вы советуете его сделать на манер дрезины, или велосипеда, или даже с пружиной. Но вы, наверное, не знаете основного закона работы: закона сохранения силы, по которому силы всегда получается столько, сколько было затрачено другой силы — причины для получения этой силы.

Если сделать двигатель с зубчатыми передачами и вертеть их руками, а к двигателю прицепить плуг, то все равно надо было бы совершать на двигателе лошадиную работу или же пришлось бы одну десятину пахать во столько раз медленнее, во сколько сила 1 человека менее силы лошади.

С пружинным двигателем дело обстоит не лучше: чтобы закрутить пружину, надо истратить столько же силы (даже чуть больше), сколько она отдаст на пахоте. Такую ка- торгу никто не понесет.

Гораздо разумнее использовать мощные слепые силы природы: электричество, газ и проч. Тут прямая выгода, а на “холодном двигателе” — никакой.
.....

Печатается по: КД. 1920. 9 декабря. С. 2; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

[28]

В Госиздат РСФСР

8 января 1921 г. Воронеж

В Государственное издательство
в Москве.

Уважаемые товарищи!

У меня есть много стихов, рассказов и статей. Я вам
могу их выслать, и если они подойдут, то не можете ли вы
их издать?

Если вы мне напишете, что можно, я их подберу
и вышлю вам. Вы их просмотрите и тогда решите.

Мой адрес:

г. Воронеж, Кольцовская ул., 2. Андрею Климентову.

С уважением

А. Климентов (Платонов).

8/1 1921.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 439.
Публикация С. Субботина.

Госиздат РСФСР — Государственное издательство РСФСР, первое круп-
ное советское издательство, организованное в мае 1919 г. путем сли-
яния пяти издательств (ВЦИК, Московского и Петроградского Совета,
“Коммунист”, Литературно-издательского отдела Наркомпроса) в це-
лях создания единого государственного аппарата печатного слова.

.....

В Государственное изд<ательст>во. Москва.

Уважаемые товарищи!

Посылаю вам 68 стихотворений и прошу их издать книжкой.

Местное Воронежское отделение Госиздата продержало их целый год и не могло издать сборника этих стихов за неимением бумаги и технических средств¹.

Кроме того, тут громадная косность, лень, отсутствие всякой энергии и мещанская мелочность, так что я встретил только старую гадость и оскорбления сонных людей.

У меня есть много рассказов и теоретических сочинений, я вам их могу выслать, если вы примете и издадите этот сборник. Тут нигде нет настоящих коммунистических людей, и я поэтому обращаюсь прямо к вам, в центр. И очень прошу вас рассмотреть посылаемые стихи и издать их. Если же не издадите, то возвратите, т<ак> к<ак> у меня нет вторых экземпляров.

Сборник сколон по порядку, и стихи подобраны, как нужно. Если будете печатать, то прямо сдавайте в набор как есть. Некоторые из этих стихов я писал в детстве под влиянием старых поэтов, и в них мало пролетарского, но все-таки прошу их не выбрасывать.

По профессии я электромонтер², и прошу извинить за письмо и за то, что обращаюсь к вам.

Но прошу ответить, и поскорее, что вы будете делать с посылаемым сборником.

Ответьте, товарищи, пожалуйста.

С уважением

А. Климентов (Платонов).

7/II 1921 г. Мой адрес: Воронеж,

Кольцовская ул., д. № 2,

Андрею Климентову.

Некоторые стихи были напечатаны в местных и уездных газетах³, я посылаю вам вырезки.

Рассмотрите и напишите мне поскорее, прошу вас
о том.
.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 439–440. Публикация С. Субботина.

- 1 Пожелание об издании сборника стихов Платонова было, в частности, высказано аудиторией прошедшего в Воронеже 3 июля 1920 г. литературного вечера, посвященного поэтическому творчеству писателя (см.: ВК. 1920. 9 июля).
- 2 В мае 1921 г. воронежский железнодорожный политехникум выпустил 21 электромонтера, среди которых был и А. Платонов.
- 3 Большинство стихотворений Платонова в 1920 г. было опубликовано в газете “Красная деревня”.
.....

[30]

В Госиздат РСФСР

1 марта 1921 г. Воронеж

В Государственное издательство. Москва. Уважаемые товарищи! Я вам послал месяц назад сборник своих стихов и просил издать их. Теперь посылаю вам сборник своих рассказов и тоже прошу, если это можно, издать их.

Здесь Госиздат не может издать их, хотя собирался целый год, по техническому бессилию. И я обращаюсь поэтому к вам.

Просил я у вас ответа, но вы молчите, и я еще раз прошу его. Я не знаю, что мне делать. Пишу я плохо, это знаю, потому что я электромонтер, а не писатель. Поэтому прошу вас обсудить мое дело и написать мне ответ. Если будут изданы сборники моих стихов, которые я давно послал, и этих рассказов, то ответьте — когда.

Может, мне следует обращаться еще к кому, а не к вам, но я не знаю, к кому, и посылаю всё вам.

Еще раз прошу написать мне подтверждение о получении моих посылок.

Если по каким причинам издавать то, что я вам послал и посылаю, нельзя, то прошу возвратить, у меня нет копий ни с чего.

С коммунистическим уважением
Андрей Платонов (Климентов).

1/III 1921 год. Адрес: Воронеж,
Кольцовская ул., д. № 2.

Андрею Климентову.

Вырезанные рассказы были напечатаны в местной
крестьянской газете.
.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 440–441. Публикация С. Субботина.
.....

[31]

В Госиздат РСФСР

Апрель 1921 г. Воронеж

В Государственное издательство. Москва. Уважаемые товарищи. Несколько месяцев тому назад я послал вам сборник своих стих<отворений> и сборник рассказов для издания. Вы ничего не написали, будут ли они изданы, нет ли¹. Прошу очень написать ответ на этот вопрос. Я вам послал рукописи для двух сборников и после досылал еще². Прошу прислать ответ, т<ак>к<ак> прошло уже много месяцев.

<?>/IV 1921 г.

Андрей Платонов (Климентов). Воронеж, Кольцовская ул., д. № 2. А. Климентову.

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 440–441. Публикация С. Субботина.

1 18 апреля 1921 г. Платонову был направлен ответ, сообщавший, что его рукописи посланы на отзыв. В протоколе распорядительной комиссии Госиздата от 28 июня 1921 г. сообщается о заслушании вопросов об издании рукописей стихов и рассказов Платонова. Отзыв о стихах был предоставлен Н. Батуриной, после чего их было решено не печатать. Рецензентами прозы были Шилов и Смушков,

далее рассказы были переданы в литературный отдел Наркомпроса (Лито) (Страна философов, 1999. С. 442). В сохранившемся отзыве Шилова (с пометами и заключительной фразой Смушкова) перечислены следующие произведения Платонова: “Апалитыч”, “Христос”, “Красному городу”, “Волчок”, “Маркун”, “Друг”, “Сон”, “Румяная богородица”, “Ерик”, “Бегун”. Обобщая свои впечатления, Шилов написал следующее: “У автора несомненное дарование. Оригинальное мирозерцание. Интересный подход к изображаемому. Безусловно хорош язык, техника; яркость образов. Утонченность психики. К недостаткам нужно отнести слишком большую болезненность, душевный надрыв, изредка грубость, недостаточная логическая ясность. Автор заслуживает большего внимания. Если рассказы непригодны для агитпропотдела как такового, их следует направить в Лито” (Там же).

2 Что и когда досылалось, неизвестно.

.....

[32] В Госиздат РСФСР

2 мая 1921 г. Воронеж

В Государственное издательство в Москве. Товарищи! Посылая вам сборник статей под общим названием “Думы коммуниста”, прошу их просмотреть и, если возможно, издать¹.

Я посылаю вам вырезки из разных местных газет, где эти статьи первоначально печатались, и рукописи.

Очень прошу написать о том, когда они будут изданы. В противном случае — просьба их возвратить. Всего 42 статьи.

С уважением

Андрей Платонов.

2/V 1921 г. Адрес мой:

г. Воронеж, Кольцовская ул., д. № 2.

А. Платонову.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 442. Публикация С. Субботина.

1 Рецензентом этого сборника был Г. Торчинский, давший свой отзыв между 26 мая и 11 июля 1921 г. В отзыве перечислены 40 статей Платонова, практически все из них были опубликованы в воронежской периодике. Заключение было следующим: “Десять из разобранных ве-

щей может быть напечатано. Они займут листа полтора текста и осветят ряд вопросов, обычно трактующихся в малодоступных для рабоче-крестьянской и неквалифицированно-интеллигентской массы обширных философских трактатах. Постановка вопросов в этих статьях, следует это признать, весьма субъективна, но брошюрочная литература, по моему мнению, должна служить не только популяризации научно проверенного и выверенного, но и выявлению молодых побегов буйно бьющей и (в отношении к А. Платонову можно это сказать совершенно определенно), во всяком случае, недюжинной игры мыслей и чувств". Тем не менее на заседании распорядительной комиссии от 12 июля 1921 г. "Думы коммуниста" были отклонены (Страна философов, 1999. С. 445–449).

[33] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "КУЗНИЦА"

14 мая 1921 г. Воронеж

Уважаемые товарищи,
 посылаю вам два стихотворения¹ и прошу их напечатать в "Кузнице".

Вышлите, пожалуйста, мне № 7 "Кузницы" для товарищей по Воронежской организации².

14/V–21.

Андрей Платонов.

Печатается по первой публикации: ЛГ. 1989. 8 ноября. С. 6. Публикация Д. Санникова.

Журнал "Кузница" (выходил с 1920 по 1922 г.) — орган одноименного литературного объединения, основанного пролетарскими писателями, вышедшими в январе 1920 г. из Пролеткульта. Первоначально это были москвичи: В. Александровский, С. Обрадович, В. Казин, Н. Полетаев, С. Родов, М. Волков, М. Герасимов, Г. Санников и др. — сотрудники журнала Пролеткульта "Гудки". К ним присоединились В. Кириллов (из петроградского Пролеткульта), Н. Ляшко, И. Филипченко и др. В мае 1920 г. "Кузница" собирает на первое совещание пролетарских писателей около 150 участников, а в октябре того же года проводится уже Всероссийский съезд, делегатом которого, с правом решающего голоса, был и А. Платонов.

1 О каких стихотворениях идет речь, неизвестно.

2 В 7-м номере "Кузницы" был наконец-то напечатан рассказ Платонова "Маркун", отосланный писателем еще в сентябре 1920 г. Известно, что Платонов также предлагал "Кузнице" статьи "Об искусстве", "Искусство пролетария", "Дарвин", "Пролетарская поэзия" и рассказ "Мария".

Из перечисленного в журнале была напечатана позднее лишь “Пролетарская поэзия” (1922. № 9). О предстоящей публикации этой статьи Платонов должен был узнать одновременно с присылкой 7-го номера, в соответствии с распоряжением Н. Ляшко от 2 октября, написанным поверх настоящего письма: “Сообщить, что статья «Пролетарская поэзия» идет в 9 № «Кузницы» и выслать 7 № «Кузницы». Просить присылать материал”.

.....

---

[34] И. А. Астанину
3 июня 1921 г. Воронеж

Ив. Ал. Астанину, с. Новоуланово, Коротояк
<ский> уезд. Стих <отворение> “Полуночный всадник” не будет напечатано вот почему: душа пролетариата — движение, революция, и два года для нас — 18 век. Дальше. Жизнь вольна и прекрасна: она поет не барабанные песни, а напевы без размеров, свободным исчезающим ритмом.

Машина и та не просто отбивает ритм, а то уменьшает, то увеличивает его. Только в самом результате ее работы есть ритм в смысле точной организации.

Пойте без подражаний, без законов стиха, без нарочной мысли. А так, как вы пишете, — это не река в зеленом поле, а вода в водопроводной трубе.

А. П.

.....

Печатается по: ВК. 1921. 4 июня. С. 4; рубрика “Ответы читателям”.

.....

---

[35] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ
3 августа 1921 г. Воронеж

ЭНЕРГИЯ ИЗ НИЧЕГО

Ответ тов. А. С. на проект “Электрификация”. Товарищ! Вы не знаете основного явления нашей природы: непрерывно, бесконечно, везде и всегда идет в мире веселая игра — энергия одного вида, одной формы превращается в энергию другой формы. Знакомый нам этот мир только потому и существует благодаря этой трансформации.

ции — взаимному превращению энергий друг в друга: света в тепло, тепла в движение, света в электричество, а электричества в свет, и в теплоту, и в движение.

Есть еще гора энергий, не совсем знакомая пока нам (например, эманация радия, лучистое состояние материи и др.). Есть, наконец, химическая энергия — уравнения химических потенциалов. Но это пока не доказано опытами. И одно мышление об этом невероятно трудно: приходится перестраивать свой мозг, чтобы понять тот, другой мир физики. Возможно, что опыты даже совсем невозможны в этой области и нам придется открыть другой метод познания.

Ваша комбинация двух котлов — динамо-машины и электропечей — ничего нам не дает, т<ак> к<ак> электричество обладает всеми свойствами “обыкновенной” знакомой нам энергии (например, теплоты, движения), и получить благодаря вводу динамо, и электропечей добавочную энергию из ничего невозможно. На втором котле вы получите гораздо меньше тепла, чем дал первый, благодаря вредным потерям в динамо и проводах. А начав гнать динамо вторым котлом — опять часть тепла уйдет непроизводительно, и в первом котле (в его электропечи) получится меньше тепла, чем давала электропечь второго котла. Так, после нескольких циклов, энергия сойдет на нет — будет съедена сопротивлениями в динамо, проводах и котлах.
.....

Печатается по: ВК. 1921. 4 августа. С. 4; рубрика “Наша почта”, без подписи.
.....

[36]

В Госиздат РСФСР

15 августа 1921 г. Воронеж

Государственное издательство

(Агит<ационно>-проп<агандистский> отд<ел>).

Москва

М. Никитская, 6.

Тов<арищи>! Очень прошу возвратить мне сбор-
ники статей “Думы коммуниста” и рассказов¹, т<ак>
к<ак> изданы они не будут, по Вашему сообщению.

А. Климентов (Платонов).

15/VIII.

Воронеж,

Кольцовская, 2.

А. Климентову.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 450.
Публикация С. Субботина.

- 1 Сохранилось ответное письмо Госиздата от 18 августа, из которого сле-
дует, что Платонову был возвращен только сборник статей “Думы ком-
муниста”.

.....

[37]

В Госиздат РСФСР

7 сентября 1921 г. Воронеж

Москва. М. Садовая, 6.

Государственное издательство

(Агит<ационно>-пропаганд<истский> отдел).

Уважаемые товарищи.

Прошу возвратить мне сборник рассказов¹, при-
сланных вам, кажется, в январе или феврале м<еся>це,
т<ак> к<ак> напечатан он, конечно, не будет.

Адрес:

Воронеж,

Кольцовская ул., д. № 2.

А. Платонову.

7/IX 1921 г.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 451.
Публикация С. Субботина.

- 1 В ответ на это письмо Платонов получил из Госиздата извещение от
24 сентября о том, что его рассказы находятся на отзыве в Лито.

.....

Орловскому мужику П. А. Т.

Относительно вашего изобретения — жилой железобетонной пустотелой постройки¹ — можем сообщить, что такие дома в Сев<ерной> Америке очень в ходу уже давно. Об их гигиеничности, удобстве, легкости сооружения, дешевизне нечего и говорить. Но, может, у вас есть какие-либо изменения против принятых и уже известных типов бетонных построек? Напишите более подробно, так как нельзя понять вашего технического замысла из ваших 4–5 строк. Скажем еще, что наша Воронежская губерния станет в близком будущем областью цементных заводов, так как в наших краях как нигде есть счастливое сочетание всех элементов, нужных для производства цемента. С развитием цементного производства в России, надо ожидать, разовьется и бетонное строительство. И то, что есть в Америке, будет и в России: мы будем жить в удобных, здоровых, просторных, негораемых домах.

О вашем втором изобретении — “автоматическом двигателе, работающем давлением сыпучих тел” — можем сказать то же: сообщите технические детали, весь проект, тогда будет о чем разговаривать.

А то вы ничего не говорите ясно, а только пишете, что вы изобрели. Этого нам мало, если вы требуете вещественной помощи.

А. П.

.....

Печатается по: НГ. 1921. 8 октября. С. 4; рубрика “Наша переписка”.

1 Речь, вероятно, идет об использовании в строительстве пустотных бетонных плит. Особенностью таких плит являются круглые пустотные каналы, проходящие по всей длине изделия, заполненные естественным термоизолятором — воздухом.

.....

[39]   **НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ**
19 ноября 1921 г. Воронеж

Орловскому мужику П. А. Т.

Ваше изобретение — пустотелые бетонные постройки — в высшей степени интересно, а применение золы как изоляционного материала делает его оригинальным и, насколько нам известно, совершенно новым. Но реальной непосредственной помощи редакция газеты оказать вам не может. Советуем обратиться (приложив чертеж и описание) в Москву, в комитет по делам изобретений при научно-техническом отделе ВСНХ, Б. Златоустовский пер<еул>, 6. То же самое с двигателем на сыпучих телах.

Если хотите двинуть дело скорее, сходите в научно-технический отдел Воронежского губсовнархоза и побеседуйте там.

Если еще что нужно, приходите в редакцию, побеседуем и посоветуем. Желаем вам успеха и всякого добра.
.....

Печатается по: НГ. 1921. 20 ноября. С. 4; рубрика "Наша почта", без подписи.
.....

[40]   **М. А. КАШИНЦЕВОЙ**
1921 г. Воронеж

Мария.

Я не смог бы высказать вам всего, что хочу, я не умею говорить, и мне бесконечно трудно рассказать о самом глубоком и сокровенном, что во мне есть. Поэтому я прошу прощения, что пишу, а не говорю (писать как-то несурезно).

Простите меня за все и послушайте меня. Мария, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Восемь дней мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе, и моя жизнь почти равна смерти. Днем я лежу в поле в овраге, под вечер прихожу в город

и иду к вам. А у вас я как-то весь опустошаюсь, во мне всё стихает, я говорю великие глупости, я весь болею и хожу почти без сознания. Сколько раз я хотел вам сказать, что ведь я не такой, какого вы немного знаете, я совсем иной.

Лунное тихое пламя выжигает из меня жизнь¹.

У меня никого нет, некуда пойти, и никто не поймет меня. Моя родина — луна. Я теперь не могу равнодушно смотреть, как стоит дерево, как идет дождь. Через вас я люблю всё больше и больше мир, звезды приводят меня в трепет, а когда я с вами, я как мертвый, я холодею и успокаиваюсь. И как мне ни хочется с вами говорить, только безмолвие или простые детские слова должны быть между нами.

Мария, вы та самая, о которой я одиннадцати лет написал поэму², вы та самая победительница вселенной. Я знал вас всегда. Вы сказали раз, что во мне много жестокости, а во мне много боли. Я и раньше всё сильнее и страшнее чувствовал нестерпимую красоту мира. Вы же конец всего. Вы моя смерть и мое вечное воскресение.

Может, я говорю пошло и глупо, но во мне поет музыка, и мне больно и хорошо.

Я ничего от вас не прошу, я вам всё отдаю. Никогда я не притронусь к вам, если вы сами не захотите. Я грубый дикарь, это мне говорили и товарищи мои. Но я вырос в грязи и работе, узнал всё, что знают люди, аристократия мысли и искусства³.

Это пишу без Жоржа⁴. Он относится к вам по-иному, гораздо легче, и преодолет вас. Это он сам говорит. Во мне же сердце ходит всё туже и туже. Когда я шел к вам один, то лежал на бугре перед этим и плакал. Вы не знаете, наверное, что такое судороги сердца. Первый раз я узнал это, когда нашел в больничном сарае мертвую сестру⁵. Она лежала вечером на полу. Было тепло и тихо, и я прилег с ней рядом и сказал ей что-то. Она лежала, замолкшая и кроткая, но не мертвая. Вы сестра моя, но безмерно дороже ее. Все силы затихли во мне, и я не могу передать словом, что дышит и волнуется сейчас во мне. Раньше я мог бы сделать это.

Я не знаю ваши отношения к Жоржу. Вы давно знакомы. И во мне есть тревога, что я мешаю вам, врезаюсь клином и накалил атмосферу, мешаю искренности и простоте. Скажите мне про это. Я бы сразу разрубил этот узел, но боюсь сделать больно вам и Жоржу⁶.

Не жалости и не снисхождения я хочу, а вас и ваше свободное чувство.

Перепополняется во мне душа, и не могу больше говорить. Поймите мое молчание, далекая Мария, поймите мою смертную тоску и неимоверную любовь. Только теперь я родился.

Есть мир, который создал когда-то я. Людям будет хорошо там жить, но я ушел бы и оттуда. У меня голова болит. Ночью я сочинил поэму, но для вас надо изменить мир. Простите меня, Мария, и ответьте сегодня, сейчас. Я не могу ждать и жить, я задыхаюсь, и во мне лопается сердце. Я вас смертельно люблю. Примите меня или отвергните, как скажет вам ваша свободная душа.

Я вас смертельно люблю.

Я не убью себя, а умру без вас, у меня всё растет и растет сердце⁷.

Андрей Платонов.

.....

Впервые: Архив. С. 434–435. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

В правом углу л. 1 поздняя помета Марии Александровны: “Первое письмо ко мне”.

Кашинцева (Платонова) Мария Александровна (1903–1983) — невеста и потом жена А. Платонова.

- 1 Любовная “лунная” тематика письма, не без влияния знакомства в 1921 г. с книгами В. Розанова (“Опавшие листья”, “Люди лунного света” и др.), запечатлелась в опубликованных стихах и рассказах 1921 г., а также в неопубликованной поэме в прозе “Невозможное” (1921) в образе влюбленного в Марию героя: “Но больше света и звезд он любил луну — этот тихий, сокровенный и вещий свет. <...> Луна делала его лучшим и безумным. В такие минуты он постигал и видел всё” (Сочинения I (1). С. 191).
- 2 Детские стихи Платонова не сохранились.
- 3 Использована образная антитеза жизни — культуры из полемической статьи Платонова 1920 г. “Ответ редакции «Трудовой армии» по пово-

ду моего рассказа «Чульдик и Епишка», ср.: «Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас. <...> мы упорно идем из грязи» (см. с. 80 наст. изд.).

- 4 Жорж — Малюченко Георгий Степанович — активный участник культурной жизни Воронежа начала 1920-х гг., один из поклонников Марии Кашинцевой (см.: *Ласунский*. С. 102–104). По воспоминаниям Валентины Александровны Кашинцевой-Трошкиной, именно Малюченко познакомил Платонова с ее старшей сестрой (Советский музей. 1991. № 1. С. 39).

- 5 Младшая сестра Платонова Надя Климентова умерла летом 1920 г., отравилась грибами в детском лагере.

- 6 В фонде Платонова ОР ИМЛИ сохранились записки участников этого любовного треугольника:

1. Послания Малюченко и Платонова Марии Александровне на странице из школьной тетради:

“Муся, что бы ни было, полагайтесь на меня. Я Вам нужен и вам помогу. На себя я надеваю маску и умираю, чтоб вновь воскреснуть. Георгий Степанович, он же Жорж.”

Р. С. Какой был чудесный, единственный страшно нужный план. И он мог удался. Но... по нем я ношу настоящий траур. Восполню всё. Напишите мне”.

На обороте — записка Платонова:

“Мария. Я люблю теперь Жоржа больше себя, полюбите и Вы его больше меня, если я видел правду. Андрей. Ответьте сейчас и тут напишите” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 73).

Ответ Муси — отсутствует.

2. Записка Платонова к Малюченко (фрагмент листа):

“Жорж! Я остаюсь. Не протестуй! Я выясню всё и за тебя, и за себя. Мне больше нестерпимо. Будет сразу лучше и тебе, и мне. А. Разрубим узел сразу, чем без конца томиться” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 1).

- 7 Данное письмо послужило источником текста письма Дванова к Софье Александровне Крашениной в повести “Строители страны”; ср.: “Софья Александровна! Я не смог бы высказать вам всего, что хочу, я не умею говорить, и мне трудно рассказывать о самом глубоком и сокровенном, что во мне есть. Поэтому я прошу прощения, что пишу, а не говорю (писать как-то несоответственно).”

Простите меня за всё и послушайте меня. Софья Александровна, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Целый день мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе, и моя жизнь почти равна смерти. Я весь болею и хожу почти без сознания. Мне хочется вам сказать, что ведь я не такой, какого вы немного знаете, я совсем иной.

Лунное тихое пламя выжигает из меня жизнь. У меня никого нет, некуда пойти, и никто не поймет меня. Моя родина луна. Я теперь не могу равнодушно смотреть, как стоит дерево, как двигается ветер. А через вас я мог бы больше полюбить мир, и новые звезды наводнили бы

небо над Вами. И почему-то мне не хочется с вами говорить и видеться — только безмолвие или простые детские слова должны быть между нами.

Софья Александровна, которую я одиннадцать лет видел во сне, вы та самая победительница вселенной силою одного обаяния. Я знал вас всегда. Вы думаете, что во мне много жестокости, а во мне много боли. Я и раньше всё сильнее и страшнее чувствовал нестерпимую и скромную красоту мира. Вы же конец всего. Вы моя смерть и мое вечное воскресение. Может, я говорю пошло и глупо, но во мне поет музыка и мне больно и хорошо. Я ничего от вас не прошу, я вам всё отдаю. Никогда я не притронусь к вам, если вы сами не захотите. Я грубый дикарь, это мне говорили и товарищи мои. Но я вырос в грязи и работе, узнал всё, что знают люди — мне ничто не чуждо, что имеет человеческую мысль.

Это я пишу без Геннадия. Он относится к вам по-иному, гораздо легче, и преодолеет вас. Это он сам говорит. Во мне же сердце ходит всё туже и туже. Когда-то в детстве я лежал в поле на бугре и плакал от обожания природы. Я тогда начал читать книги, но мое понимание их было свое. И я вырыл пещерку в овраге, чтобы думать как Будда. Вы не знаете, наверное, что такое судороги сердца. Первый раз я узнал это, когда нашел в больничном сарае мертвую сестру. Она лежала вечером на полу. Было тепло и тихо, и я прилег с ней рядом и сказал ей что-то. Она лежала, замолкшая и кроткая, но не мертвая. Вы сестра моя, но безмерно дороже ее. Все силы затихли во мне, и я не могу передать словом, что дышит и волнуется сейчас во мне. Раньше я мог сделать это.

Я не знаю ваши отношения к Геннадию. Вы давно знакомы. И во мне есть тревога, что я мешаю вам, врезался клином и, может, накалил атмосферу, мешаю искренности и простоте. Скажите мне про это. Я бы сразу разрубил этот узел, но боюсь сделать больно вам и Геннадию. Не жалости и снисхождения я хочу, а вас и ваше свободное чувство.

Перепополняется во мне душа, и не могу больше говорить. Поймите мое молчание, далекая Софья Александровна, поймите мою смертную тоску и неимоверную любовь. Только теперь я родился. Не смейтесь над словами — их слабость объясняется силой моей любви.

Есть мир, который создал когда-то я в своих живых мыслях. Людям будет хорошо там жить, но я ушел бы и оттуда. Я много думаю, но для вас надо изменить мир. Простите меня, Софья Александровна, и ответьте мне сегодня или сейчас. Я не могу ждать и жить: я задыхаюсь, и во мне лопается сердце. Я вас смертельно люблю. Примите меня или отвергните, как скажет вам ваша свободная душа. Я вас смертельно люблю. Я не убью себя, а умру без вас, у меня всё растет и растет сердце и навсегда закатывается сознание. Александр Дванов” (Платонов А. Чевенгур. Автограф // ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 24–26).

.....

Поэмы — мое проклятие, мой бой со смертью.

К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы — во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над бывшим, над тем, что я хотел непременно, потому что во мне было Невозможное, а мне давали слишком возможное, непостоянное, женское, человеческое, колеблемое случаем и ветром судьбы. Я вложил и отдал Вам душу, талант, возможность великого и общего будущего — и мне ничего, никогда. Я снова один, всегда один, и никто не избавит меня от одиночества.

И говорить всё это зря — ничего не поймете.

И пусть поблагодарит меня Ваш будущий друг, что я оставил Вас еще более чистой, святой и прекрасной, чем узнал. Мне ничего не нужно — с меня довольно. Я беру, когда дают, и не вырываю из рук. А у меня Вас рвут — и я отдам, потому что я не на земле живу — не в мире животных. И, отдав Вас, я приобрету Вас — навсегда.

Вы ничего во мне не поймете, Мария. И не надо Вам понимать.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 437–438. Публикация Н. Корниенко.

.....

И опять дальше смертельная любовь, тоска, вселенная, поля и кладбища, и я один среди них, радостных, сытых людей земли, один с точным ослепительным знанием, что я не их, не из этого мира. Мне нужно невозможное, но невозможно<е> — невозможно.

Когда я вижу ее лицо, мне хочется креститься.
И я знаю, что Вы меня не поймете никогда. Если бы поня-
ли — сказали бы давно, но Вы молчите, молчите. Боже
мой, нет во мне слов. Заперта во мне Вами душа, Вы толь-
ко можете ее отпереть. Месяц назад я был богат и полон
как царь, теперь я странник.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 438. Публикация Н. Кор-
ниенко.
.....

---

[43] М. А. КАШИНЦЕВОЙ
1921 г. Воронеж

Родимая прекрасная Мария.

Мне сегодня снился сон: на белой и нежной постели
ты родила сына.

Было раннее утро, еще ночь. Весь мир еще спал,
одна ты проснулась и глядела невидящими тихими глазами.
И он лежал рядом с тобою, робко и испуганно прикинувшись
к твоему белому истомленному телу.

И помню — как ослепительно сверкала твоя постель
и как ты лежала в смертной усталости, вечная моя, обречен-
ная мне кем-то, небом или солнцем, как я тебе обречен.

Маша. Знаешь, как нет во мне страсти к тебе и есть
только что-то другое. Будто я был нем, безмолвна была ты-
сячелетия душа моя — и теперь она поет, поющая душа.

Не страсть во мне, а песнь, а музыка души. Страш-
ная сила скопилась во мне и предках моих за века ожидания
любви, и вот теперь эта сила взорвалась во мне. Но песнь
души — безмолвие. И я стал тише, и сокровеннее, и глубже.

Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много
во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов
и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную.
Ради тебя зазвонят звезды и луна будет новым солнцем, что-
бы светил <ь> твоему сыну синим пламенем в тихие летние
ночи, когда земля вся будет в радости, игре и огне смеха. Го-
ворю тебе не слова, ибо я поэт вселенной и буду делать с ней,
что захочу. Она любит меня, потому что я ее сын.

Ни ты, ни я еще не сознали, как мы прекрасны и могущественны. Мы счастливее и бессмертнее богов.

Света и радости тебе, ибо ты первая принесла в мир любовь и сделала ненужной жизнь. Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего. Первым же сыном ее будет ее любимый, кого поцелует она в душу в ответ на поцелуй.

Прощай, свет и новая спасенная вселенная, огонь и воскресение. Мы зачали иной лучший мир, выше небес и таинственной звезд.

Прощай, неизъяснимая, у меня любовь рвет сердце и душа стала бездной, где крутится вихрем пламя тоски по тебе.

Я знаю, что стал я бессмертен и перестрою вселенную ради и во имя тебя.

Света тебе хочу, светлая, как во мне всё стало светом и верой.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 438–439. Публикация Н. Корниенко.

.....

[44]

М. А. КАШИНЦЕВОЙ

1921 г. Воронеж

М.

Страшно мне жить теперь. Самые худшие, губительные, смертельные мои мысли оправдываются. Я ничего тут не скажу яркого и ясного: от правды вам бывает так же больно, как от лжи. Я не хочу вам боли.

Страшно и гадко мне жить тут. Ложь, ужас и предательство — сознательные и бессознательные — творятся кругом.

Вот вы! Зачем так рвете сердце, Мария? По всему телу идет стон от тоски и любви. Зачем и за что я предан и распят, и нет и не будет конца. Но знайте, будет и мне искупление. Если его нет — я сам сделаю его. Будьте вы прокляты, единственная, родная и бесконечная моя.

и
Родимая Маша!

Отлею тебя кот; у меня ^{Стучает} ~~молоток~~
сердце и горит голова
от тоски.

Отлею ты не говорила
мне ничего раньше. Запущен
ная Белая Птица моя;

Я буду ждать Тебя
весь вечер и всю ночь.

Весь день, пока выпрети
с ~~мат~~ мамой, ис-

кал тебя и не мог
найти.

Приходи, моя единая,

Андрей.

То, что вы не пришли к маме¹, мне многое доказало. Я погибну. Я знаю, что я обречен, — это мне говорили многие товарищи, погибну позорно и бесцельно — вот что страшно. Во мне сердце от силы гремит, но я не жалею своих пропадающих сил — их избыток меня и губит.

Погибну не оттого, отчего вы можете предположить, а от другого — более страшного.

Но я не прошу избавить меня от этого ада — пусть он будет до конца. Я заслужил его. Я принимаю и сознаюсь в вине, но не каюсь ни в чем.

Сейчас пойду к вашей маме² (как мне трудно идти туда, если бы знала хоть одна родная душа!).

Оттуда домой!

Придите ко мне сегодня же. Недолго я вытерплю. Одну Машу жаль мне до рыданий. Прости и пожалей меня, Маша, родная и тихая моя.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 439. Публикация Н. Корниенко.

1 Очевидно, речь идет о матери Платонова — Марии Васильевне Климентовой (1875–1928?).

2 Мать Марии Александровны — Мария Емельяновна Кашинцева (Крашенина; 1882–1958). Семья Кашинцевых жила в Воронеже с 1918 г., сначала на ул. Среднемосковской, д. 35; затем переехала на Покровскую ул., д. 7, кв. 1 (см.: Ласунский. С. 94).

.....

[45] М. А. КАШИНЦЕВОЙ

1921 г. Воронеж

Родимая Маша!

Отчего тебя нет; у меня стихает сердце и горит голова от тоски.

Отчего ты не говорила мне ничего раньше. Замученная Белая Птица моя...

Я буду ждать Тебя весь вечер и всю ночь. Весь день, после встречи с мамой, искал тебя и не мог найти.

Приходи, моя единая.
Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 440. Публикация Н. Корниенко.

.....

[46] М. А. КАШИНЦЕВОЙ

1921 г. Воронеж

Как хорошо не только любить тебя, но и верить в тебя как в бога (с больш<ой> буквы), но и иметь в тебе личную свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени.

Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность Божества всегда перед собою.

Любовь — есть собственность, ревность, пакость и прочее.

Религия — не собственность, а она молит об одном — о возможности молиться, о целости и жизни Божества своего.

Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию.

И всех людей — в этом спасение.

Это я знаю вернее всего, и за это буду воевать.

Как хорошо и спокойно мне, Мария.

Я счастливее первых дней любви к тебе.

Я от тебя ничего не требую теперь.

В обоготворении любимой — есть высшая и самая прочная любовь.

Впервые: Волга, 1975. С. 172. С датировкой: 1934 г. Печатается по: Архив. С. 440. Публикация Н. Корниенко.

.....

[47] М. А. КАШИНЦЕВОЙ

1921 г. Воронеж

Я “засыпаю”, когда во мне пробуждается настоящая полная жизнь.

Я и стихи пишу во сне в большинстве. Мне нужно далеко отходить от Вас, “засыпать”, чтобы видеть Вас в ослепительном свете.

Я “засыпаю”, когда во мне просыпается душа. Поймите меня прямо.

Мир этот должен погаснуть, глаза закрыться, чтобы видны были все другие миры.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 440–441. Публикация Н. Корниенко.

В свернутый фрагмент листа вложена перевязанная синей лентой прядь волос Марии Александровны.

.....

---

[48] М. А. КАШИНЦЕВОЙ
1921 г. Воронеж

К идеалу, к мечте, к фантазии у человека существует не любовь, а особое чувство.

Любовь может быть только к вам, и только у меня. До сих пор любви не было, и после нас ее не будет никогда.

Всё, что было у людей, это было тенью или предчувствием моей любви.

Моя любовь имеет вселенское значение, это говорит мне моя точная мысль. Мы сейчас в фокусе, в предельной точке, на невероятной высоте, между всеми вселенными, в центре всех холодных миров и ослепительнее самых озаренных звезд.

Вы — мой экстаз. И я люблю вас такую — сущую, реальную, с пальцами, порезанными ножом, с глазами Девы Марии и с тоскою Магдалины.

Вы моя Великая Мама, вы иной и последний мир для меня и для человечества. Вы обитель нежности и доброты, последнее, сверкающее, горящее и зажигающее диво.

Если вселенной суждено спастись — спасете ее вы, через мое сердце и мой мозг.

Меня нет — есть вы.

Андрей.

Как тоскует верба в поле!
Ветер как гудит!
Сердцу человека больно —

Человек не говорит.
Тьма, и дождь, и бесконечность,
И не видно ни звезды.
Тихо мрут над гробом свечи,
Мертвый жизни не простит.

Он лежит замолкший, тайный
И смертельней мертвеца,
Он проснется завтра рано,
Догорит к утру свеча.

Нежен взор его туманный, И под горлом теплота,
Веки дрогнули нечаянно, Тише жизни красота.

(Из поэмы “Мертвый”, посвященной Марии)¹
Андрей Платонов.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 441–442. Публикация
Н. Корниенко.

На обороте л. 3 — ответ Марии Александровны: “Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Меня же Вы совсем не можете любить, потому что я не такая, какую Вы идеализируете, и еще — Вы любите меня тогда, когда есть луна, ночь или вечер — когда обстановка развивает Ваши романические инстинкты. Муся”.

1 Под заглавием “Мертвый” и без посвящения это стихотворение впервые опубликовано на страницах воронежской газеты “Искра” (1921. 23 ноября); см.: Сочинения I (1). С. 316, 610.

.....

[49]

В Госиздат РСФСР

15 февраля 1922 г. Воронеж

Москва

Никитская, 6.

Государственное издательство. Уважаемые товарищи!

Год назад я вам послал сборник рассказов для издания¹. Прошлым летом вы мне ответили, что они переданы на оценку Лито, но с тех пор ничего не известно. Я просил вас два раза возвратить мне мои рассказы, отказываясь от такой долгой проволочки. И еще раз убедительно и почтительно прошу взять в Лито рассказы² и возвратить мне за мой счет по адресу: Воронеж, Кольцовская ул., 2, А. Платонову (Климентову).

С уважением

А. Платонов.

15/II 22.

Прошу это сделать поскорее.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 451.
Публикация С. Субботина.

- 1 См. п. 30.
- 2 После этого письма из Госиздата в Лито была направлена просьба о возврате посланных на отзыв рассказов Платонова: “Редакционный сектор Госиздата просит Вас немедленно вернуть рассказы Платонова, посланные на отзыв 30/IV прошлого года. Госиздат неоднократно просил Вас о возвращении этих рассказов, но ответа не получал. Копия письма автора при сем прилагается”.
- .....

---

[50] В Госиздат РСФСР
20 апреля 1922 г. Воронеж

Уважаемые товарищи!

Больше года тому назад я послал вам сборник рассказов для издания. Летом пр<ошлого> г<ода> я справлялся у вас о них — рассказы были у вас, но не просмотрены еще. После я раз пять писал вам с просьбой возвратить их — вы ответили однажды, что рассказы находятся в Лито на рецензии. Я справился письменно в Лито¹ — мне ответили, что у них моих рассказов нет (Лито теперь Инст<итут> худож<ественной> лит<ературы>²). Таким образом, ни у вас в Госиздате, ни в Лито рассказов нет. А у меня нет черновиков, и уже приняло их к изданию Краснодарское гос<ударственное> изд<ательств>во³. Вы же на мои письма не отвечаете, а между тем мне говорили в Госиздате (и у вас, кажется, есть там объявление), что непринятые произведения возвращаются. Что ж это такое, товарищи? Почему вы заховали где-то мои рассказы и не хотите их найти и возвратить. Ведь это очень нехорошо, тем более гос. учреждению, тем более по отношению ко мне, рабочему.

Как же тогда можно работать, когда вы по году не можете дать справки, когда у меня принимают к печати рассказы, просят их срочно выслать, а Центральный Госиздат не может возвратить рукописей и даже не отвечает на многочисленные письма. По-товарищески и по-человечески в последний раз прошу разыскать как можно скорее сборник моих рассказов и выслать мне за мой счет⁴. Я просто теряюсь и не знаю, как же вас еще просить и как мне преодолеть

ваше молчание и равнодушие. И все-таки я вас уважаю, как машину рабочей культуры.

Андрей Платонов.

20/IV 22.

Мой адрес: г. Воронеж, Кольцовская ул., д. 2,

Андрею Платонову-Климентову.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 452–453. Публикация С. Субботина.

- 1 Сведениями об этой переписке не располагаем.
  - 2 На чем основано подобное мнение Платонова, неизвестно.
  - 3 Речь идет о намерении Г. З. Литвина-Молотова сразу после выхода поэтической книги Платонова “Голубая глубина” издать книгу его прозы.
  - 4 В письме от 8 мая редакционный сектор Госиздата сообщил Платонову, что принимает меры к возвращению рассказов из Лито. В качестве обнадеживающего обстоятельства было отмечено, что автору уже выслана его статья “Коммунистический союз молодежи — школа коммунистического воспитания”, обнаруженная в Лито в процессе разыскания сборника прозы.
- .....

---

[51] В Госиздат РСФСР
24 июля 1922 г. Воронеж

В Государственное издательство. Товарищи!

Я вам писал уже много раз (восемь). Я просил вернуть мне сборник моих рассказов, который вы передали в Лито и, как писали мне, приняли меры к получению их оттуда. Но результатов нет еще никаких. В этом сборнике, между прочими, были рассказы — “Маркун”, “Христос”, “Волчок”, “Друг”, “Апалитыч” и др. У меня нет черновиков. Одно местное изд<ательст>во согласилось их издать и просит представить, но я никак не могу заполучить их от вас. Неужели это так трудно? Поймите меня и исполните то, о чем я вас прошу без малого год¹.

С уважением

Андрей Платонов (Климентов).

24/VII 22.

Адрес мой: г. Воронеж, Кольцовская ул., д. 2.

А. Платонову-Климентову.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 453.
Публикация С. Субботина.

- 1 На письме имеется резолюция заместителя заведующего редакционным сектором Госиздата С. Чефранова: “Разыскать, если есть какие-то следы”. Однако сборник так и не был найден и возвращен.
.....

[52]

В комиссию СТО СНК

12 июня 1923 г. Воронеж

В постоянную комиссию Совета труда и обороны¹.
Москва, 1-я Тверская-Ямская, 3.

Копия: Центральное бюро общества технической помощи Советской России².

Препровождаю при сем отношение ЦБ общества технической помощи Советской России от 25 мая с<его> г<ода>, куда мы обращались за помощью (оборудованием или средствами) для постройки с.-х. гидроэлектрической станции на реке Воронеж³, очень просим разрешить ЦБ общества технической помощи Советской России осуществить в Америке сбор пожертвований или механического и электрического оборудования для нашей станции, предварительные работы по которой (изыскания, составление проекта и пр.) уже закончены.

Нам необходимы: турбина (желательно Френсиса⁴), генератор, трансформатор, провода, изоляторы, лампочки и пр.

Технические сведения мы сообщим непосредственно Обществу технической помощи Советской России.

Очень прошу нашу просьбу и просьбу Центрального бюро удовлетворить, так как это дело, совместно

с крестьянством нашего района, мы ведем уже два года, но задержки в средствах тормозят работу и откладывают ее окончание на неопределенное время.

По нашему мнению, следует разрешение сбора средств на постройку Воронежской с.-х. электрической станции сообщить непосредственно Центральному бюро, копию нам, а мы уже спишемся с Центральным бюро о подробностях.

Председатель Воронежской губернской комиссии по гидрофикации и электрификации сельского хозяйства при Губземуправлении⁵

А. Платонов.

21 июня 1923 г.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 480. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой.

- 1 Свет труда и обороны (СТО) — орган СНК РСФСР, направлявший деятельность экономических комиссариатов и деятельность всех ведомств в области обороны страны, действовал на правах комиссии СНК. В СТО входили председатель СНК (председатель Совета) и народные комиссары — по военным делам, путей сообщения, земледелия, продовольствия, труда, РКИ, председатель ВСНХ, представитель ВЦСПС, управляющий ЦСУ (с совещательным голосом).
- 2 Общество технической помощи Советской России было организовано в Нью-Йорке 22 мая 1919 г. по инициативе Л. К. Мартенса, возглавлявшего советское дипломатическое представительство в США. Членами общества были рабочие и крестьяне, эмигрировавшие в США из России в дореволюционное время. С конца 1921 г. и по 1 октября 1922 г. Общество организовало и направило в РСФСР 7 сельскохозяйственных коммун с общим количеством работников свыше трехсот человек с целью восстановления сельского хозяйства на основе передовых технологий обработки земли (см.: <http://gaspito.ru/index.php/component/content/article/190?showall=1>).
- 3 Идея строительства гидроэлектростанции возникла у Платонова, вероятно, весной 1922 г. Так, 14 мая 1922 г. в газете “Воронежская коммуна” (с. 4) было помещено следующее объявление: “О р. Воронеж и о шлюзе под Воронежем. Ко всем лицам и учреждениям, имеющим какие-либо материалы исследователей бассейна р. Воронежа, скорости ее течения, высоты падения, живого сечения и т. д., а также материалы о шлюзах, большая просьба доставить эти материалы в производство работ по гидрофикации при Губземуправлении, хотя бы за вознаграждение”. Как следует из статьи Платонова “Воронежская гидроэлектрическая станция”

(ВК. 1922. 15 декабря. С. 2), в декабре 1922 г. разработки отдела гидрофикации были представлены на рассмотрение городских властей, и инициатива получила официальную поддержку. Как всегда, очень остро стоял вопрос о финансировании строительства. В начале 1923 г. Платонов планировал строить гидроэлектростанцию совсем уже небольшой мощности с тем, чтобы расширить ее в дальнейшем: «Одна «станция» — на бывшем» шлюзу, мощностью в 30 киловатт на зажимах динамо, с примерно такой схемой электроснабжения: орошение крестьянской земли (электрическая» оросительная» станция» на 100 дес.)»; освещение деревень Дворинов и Песчанки и частично — слободы Монастырщеники и Чижовки; электрическая обработка урожая в этом районе (оборудование даст центр в кредит); сельское водоснабжение; мукомольная мельница. <...> Многие товарищи удивятся малой мощности станции на шлюзу. Но у нас средств ровно столько, чтобы построить только такую станцию — или никакую. В дальнейшем она сама себя достроит на свои же доходы; будут построены плотины и использована имеющаяся там турбина Джонваля — 200 л. с., что даст 130–140 кВт. Киловатт-час этой гидроэлектрической станции будет стоить 4 «копейки» золотом». Воронежская городская станция отпускает кВт.ч по 20 «копеек» золотом» (Платонов А. Гидрофикация и электрификация // ВК. 1923. 28 января. С. 5).

16 апреля 1923 г. на заседании президиума Воронежского губисполкома было решено выделить отделу гидрофикации 25 000 рублей на устройство колесной гидроэлектрической установки на р. Воронеж, при этом предполагалось, что заработанные при эксплуатации этой установки средства позволят начать работы по постройке турбинной гидроэлектростанции (ГВОВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 3 об.). Решение было вынесено на основании расчета, выполненного Платоновым совместно с председателем Губплана инженером Б. Петерсом в марте того же года (Там же. Л. 38–39 об.). Однако в конце апреля Платонов был вынужден искать иной вариант реализации выделенной суммы, о чем и сообщил в докладной записке от 29 апреля 1923 г.: «...Я предлагаю следующий выход из положения (выход единственно возможный, единственно разумный): осуществить за эти 25 000 р. «рублей» тепловую (на нефти) электрическую станцию мощностью в 10 кВт на зажимах генератора, но в таком районе и при таких условиях загрузки, где бы работа станции была наиболее рентабельна, чтобы опять-таки возможно скорее было установить на р. Воронеже турбинную станцию. Конечно, эта станция не даст так скоро средства для означенной цели, как станция гидравлическая, но для колесной даже установки требуется известный минимум гидротехнического устройства, что за 25 000 р. «рублей», да еще при работе на полном хозрасчете, осуществить нет никакой возможности, сколько я ни делал попыток» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2 Ед. хр. 9. Л. 7; начало документа утрачено).

Обращение в СТО также не дало желаемого результата. На публикуемом документе имеется красноречивая резолюция и. о. начальника Центрмелиозема И. А. Миртова: «Мое мнение: по соображениям политическим в просьбе отказать. Я считаю недопустимым обращаться за границу с такими просьбами».

К началу лета в распоряжении Платонова оказались материалы дореволюционных исследований р. Воронеж, для проверки которых была организована так называемая партия повторных изысканий. С проведения изысканий начался качественно новый этап в проектировании воронежской гидроэлектростанции, однако в конечном итоге гидроэлектростанция построена не была.

- 4 Радиально-осевая турбина. В рабочем колесе турбин данного типа поток сначала движется радиально (от периферии к центру), а затем — на выход — в осевом направлении.
- 5 Возглавляемая Платоновым комиссия по гидрофикации существовала с 14 января 1922 г. сначала как Земчека (губернская чрезвычайная комиссия по восстановлению и развитию сельского хозяйства и по борьбе с засухой), затем — с середины февраля — Энергзем (губернская сельскохозяйственная энергетическая комиссия) и, наконец, с 15 марта под своим окончательным названием. Термин “гидрофикация” появился в статьях Платонова летом 1921 г. и, по его собственному объяснению, являлся всего лишь “более коммунистическим” названием ирригации (*Платонов А. Против зноя* // ВК. 1921. 27 июля. С. 2). Параллель с “электрификацией” была здесь совсем не случайна. Платонов определенно предполагал, что необходимость борьбы с засухой приведет к появлению плана гидрофикационных мероприятий, не менее масштабного, чем план ГОЭЛРО. Более того, он приступил к самостоятельной разработке такого плана, будучи в достаточной степени уверенным, что его инициатива не может не получить правительственной поддержки. С середины лета 1921 г. до начала 1922 г. Платонов регулярно публиковал статьи, посвященные теме гидрофикации, в которых знакомил читателей с деталями предстоящей работы, сначала не скрывая упования на скорую организацию центрального, московского “штаба” по проведению задуманных мероприятий, позднее — призывая к созданию подобной организации хотя бы в Воронежской губернии. Наивысшего накала проповедь гидрофикации достигла в ноябре — декабре 1921 г. В этот период статьи Платонова (см., например: “Фронт зноя”, “Великая работа”, “Ревсовет Земли”, “Хлебстанок”) по своей эмоциональности сопоставимы с его же газетными передовицами времен Гражданской войны. Таким образом, возникновение при ВГЭО комиссии по гидрофикации являлось всецело заслугой Платонова. Примечательно, что на момент обращения в СТО комиссия по гидрофикации формально уже не существовала. С 30 мая Платонов руководил Госмелбюро (Государственное мелиоративное бюро), учрежденным после упразднения подотдела с.-х. мелиораций ВГЗУ с целью “поставить производственные начинания в этой области на началах самоокупаемости и коммерческого расчета, изыскивая средства для развития мелиоративного дела из внебюджетных ресурсов” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Ед. хр. 1470. Л. 97).

.....

[53] В НАРКОМАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР

11 апреля 1924 г. Воронеж

11 апреля 1924 г.

В подотдел механизации отдела агрикультурных мероприятий Наркомзема. Подтверждая получение отношения Вашего от 1/IV за № 63763, часть по электрификации сельского хозяйства при Воронежском губземотделе выражает благодарность за сообщение необходимых сведений, содержащихся в указанном отношении.

Сообщаем, согласно Вашего запроса, что часть по электрификации сельского хозяйства формально существует с 1 марта т<екущего> г<ода>, фактически же работает с первых чисел февраля с<его> г<ода>¹. За истекший промежуток времени частью были установлены две с.-х. электрические станции — одна на опытно-мелиоративном участке “Спартак”² мощн<остью> в 3 кВт, пост<оянного> тока, 220 вольт, с нефтяным двигателем внутреннего сгорания; другая при с. Никольском Воронежского уезда³, мощн<остью> 5 кВт, пост<оянного> тока, 220 вольт, с нефтяным двигателем внутреннего сгорания. Обе станции — с питательными сетями и с полным обору-

дованием потребителей. Обе станции работают пока на освещение.

Незначительная мощность обеих станций служит следствием отсутствия средств, полного незнакомства сельского населения с электрической энергией, когда приходится быть не только строителем, но и агитатором, а также того, что часть по электрификации сельского хозяйства существует на полной самоокупаемости и существует всего два месяца, а первое время — самое трудное время. Мы сознаем незначительность экономического эффекта от устроенных нами станций, но приходится или строить такие станции — или никакие. Мы предпочли первое.

Обе указанные станции открыты и действуют.

С наступлением строительного сезона 1924 года нами будет приступлено к устройству электростанции в с. Бобяково Воронежского уезда⁴, паровой, с торфяным отоплением (станция будет у торфяного болота) мощностью 10 кВт, пост тока, 120 вольт. Деньги на эту станцию получены от Среднечерноземного общества с.-х. кредита, и главное оборудование станции уже приобретено.

Кроме того, намечено переоборудование станции на опытно-мелиоративном участке “Спартак” в сторону увеличения ее мощности и удлинения линии для подачи тока на ближайшие села и выселки. Средства на эту работу еще пока не получены; ведутся переговоры с шефкомом этого села (Рогачевки Воронежского уезда).

В худшем случае расширение этой станции будет осуществлено осенью, по сбору урожая с сада мелиоративного участка⁵.

Кроме того, мы провели совещание местных банковских, кооперативных и советских учреждений для выяснения возможности постройки волостной электростанции в память В. И. Ленина, означенные учреждения согласились на финансирование этой работы, но осуществление этого финансирования все же задержалось по причине временных финансовых затруднений вследствие проведения денежной реформы⁶.

Подготовительные же и организационные работы по осуществлению этого мероприятия мы ведем с прежним напором, и, вероятно, ленинская станция будет все же построена нами.

Далее мы также ведем работу по организации населения в электрификационные товарищества (например, в с. Бобяково, где развито крахмально-паточное производство), но вследствие всего 2-месячного нашего существования, полной самокупаемости, зимнего времени реальные результаты организации населения для производства местной электрификации скажутся лишь позднее — летом.

Убедительно просим, если возможно, помочь нам в деле организации работ по электрификации с. х. в Воронежской губернии путем ассигнования средств из Центра на заработную плату сотрудникам части по электрификации с. х., хотя бы 100 р <ублей> ежемесячно (это составит половину месячной зарплаты штата, остальную половину мы заработаем сами), и хотя бы эти ассигнования довести до августа, начав с апреля. С августа же мы окончательно окрепнем и встанем на ноги. Иначе успешно начатое новое дело может погибнуть, что не в наших и не в ваших интересах. Просим срочного ответа по этому вопросу⁷. Независимо от изложенного, просим сообщить, возможно ли через ваше посредство получить трактор в кредит, с возможно более длительной рассрочкой уплаты. Трактор нам нужен небольшой (от 12, не более, лошадиных сил), желательно типа “Фордзон”. Нам трактор нужен не только для пахоты, но и для устройства передвижной показательной электростанции. По всем вопросам просим срочного ответа и заключения.

Заведующий работами по электрификации
с.-х. при Воронежском губземотделе Платонов.
Старший электротехник Солдатов⁸.

.....

Печатается по машинописи: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Ед. хр. 2941. Л. 82–83.

1 Приказом по ВГЗО возглавляемая Платоновым часть по электрификации сельского хозяйства при сельскохозяйственном подотделе была учре-

- ждена именно с 1 марта 1924 г. “на началах самоокупаемости и хозрасчета” (см.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Ед. хр. 2320. Л. 56).
- 2 Совхоз “Спартак”, расположенный вблизи села Рогачевка, попал в сферу внимания Платонова еще в августе 1923 г., когда он обратился в подотдел государственных земельных имуществ ГЗУ с просьбой выделить “совхоз с площадью не менее 150 десятин пахотной земли, с заболоченными лугами — для организации опытно-показательного мелиоративного участка” (ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 1950. Л. 47). Практически сразу Платонову был предложен совхоз “Спартак”, выбор определился уже к концу августа, однако процесс передачи хозяйства затянулся до конца года. 16 января 1924 г. на заседании воронежского землеустроительного совещания было принято окончательное решение: “Передать совхоз «Спартак» в пользование мелиоративной части Губмелиозема для ведения хозяйства на основах хозрасчета... (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Ед. хр. 2902. Л. 98). Что касается электростанции, то электродвигатель был доставлен в “Спартак” и установлен уже в конце 1923 г. (Там же. Ед. хр. 2321. Л. 33). В местной прессе об этом было сообщено следующее: “Около села Рогачевки Воронежского уезда есть совхоз «Спартак». В этом совхозе на днях установлена маленькая электрическая станция. Вся работа сделана в 4 дня, в самый буран, холод. Теперь в «Спартаке» электричеством освещаются не только жилые помещения, но и скотный двор” (На смену лучине идет электричество // НГ. 1924. 5 января. С. 6).
- 3 Строительство этой электростанции шло параллельно с электростанцией в “Спартаке”: “Ведутся работы по установке электрической станции в селе Никольском Воронежского уезда. Электричество проводит сельскохозяйственный подотдел Воронежского губернского земельного отдела. Крестьянские хаты будут освещаться за самую дешевую плату (примерно 10 фунтов хлеба в месяц с каждого двора). Работа по установке станции будет закончена не позже 1 февраля сего года. Всего сменил лучину на электричество 100 крестьянских дворов” (Там же. С. 6).
- 4 Электростанция в Бабяково, вероятно, самый ранний из перечисленных проектов — наряду с гидроэлектрической станцией на реке Воронеж она упоминается уже в статье Платонова “Гидрофикация и электрофикация” (ВК. 1923. 28 января. С. 5). Как можно судить по сохранившимся документам, Платонов в январе 1924 г. особенно занимается проблемами строительства в Бабяково. “Наша газета” сообщила о наличии денег на строительство уже 5 января: “Подготавливается постройка электрической станции в селе Бабяково Воронежского уезда. Станция будет работать на торфе (около Бабякова есть большое торфяное болото). Локомобиль и деньги уже отпущены”, однако финансовый вопрос продолжал решаться вплоть до февраля. В январе — феврале Платонов согласовывает вопрос о выдаче ссуды на электростанцию с правлением Среднечерноземного общества сельскохозяйственного кредита, Губисполкомом и Губпланом (ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 755. Л. 79–82 об.). Окончательное решение, принятое 7 февраля на заседании президиума Губисполкома, гласит о разрешении кредитоваться

на строительство электростанции в Бабяково уже в сумме 1000 золотых рублей (Там же. Л. 3 об.). Судьба этого проекта остается невыясненной: позднейшее из известных упоминание об электростанции в Бабяково содержится в настоящем письме в Наркомзем. Что касается ссуды, то она, как следует из сообщения “Воронежской коммуны”, возможно, была переадресована, см.: “В начале 1924 года часть по электрификации сельского хозяйства при Губземуправлении на средства Сельхозкредита (1000 руб.) была предпринята электрификация с. Рогачевки Воронежского уезда” (Рогачевстрой // ВК. 1924. 2 октября. С. 4).

- 5 Дальнейшие работы по электрификации села Рогачевки в значительной степени были проведены уже в апреле — июне, строительство электростанции завершилось к началу октября; немногим раньше, 28 сентября, “в торжественной обстановке” была открыта к регулярному действию электрическая станция в с. Никольском (см. сообщения об этом: Рогачевстрой // ВК. 1924. 2 октября. С. 4; Электричество в крестьянские избы // Там же).

23 августа 1925 г. электростанция и мельница в Рогачевке сгорели в результате кулацкого поджога (см.: ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 1950. Л. 19; Ласунский. С. 204). В последующем история этого проекта легла в основу “Рассказа о потухшей лампе Ильича” (1926).

В 1924 г. электрификационные работы в совхозе “Спартак” самым тесным образом переплетались с мелиоративными. 26 сентября на заседании губернской тройки по общественно-мелиоративным работам по докладу Платонова было принято решение о включении пункта по восстановлению поливного хозяйства в совхозе “Спартак” в план общественно-мелиоративных работ (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 93); таким образом было обеспечено финансирование работ на осень 1924 г. — в сумме “не более 3000 рублей” (Там же). К декабрю проект восстановления поливного хозяйства на опытно-мелиоративном участке “Спартак” был подготовлен и отослан на отзыв в Институт сельскохозяйственных мелиораций при Наркомате земледелия (ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 3259. Л. 13).

- 6 В начале 1924 г. на совещании представителей местных организаций (Общества сельхозкредита Среднечерноземной области, Губплана, ГубЗУ, Всеработземлеса, ГСНХ, кооперативных организаций, банков) решено было увековечить память В. И. Ленина строительством электростанции в Богучарском уезде “на средства, которые должны быть собраны с организаций, принимавших участие в этом совещании” (Электростанция памяти В. И. Ленина // ВК. 1924. 1 марта. С. 4). Платонов вошел в бюро, сформированное “для выработки подробного плана постройки и сбора средств”, наравне с представителями Общества сельхозкредита (т. Кибальников) и Госбанка (т. Комиссаров). По поводу “организованного строительства в память тов. В. И. Ленина электрических станций волостного масштаба, хотя бы по одной на губернию”, существовало особое отношение Госбанка во все ГЗУ, в том числе и Воронежское (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Ед. хр. 2941. Л. 81).

- 7 Судя по пометам на письме, в Наркомзем оно попало 16 апреля. К 19 апреля ответ Платонову составил заведующий подотделом механизации Б. Б. Кажинский, затем он передал письмо Н. Ф. Болховитинову с резолюцией: “Я составил общий ответ по сему, а Вас прошу дать на счет трактора, см. в конце 19/IV.24”. К 21 апреля Болховитинов прояснил вопрос о тракторе, о чем и написал на полях письма: “Трактор «Фордзон» продается Сельскохозяйственным и Госторгом в Москве и в Ростове н/Дону. Цена его на месте с запчастями, шкивом плугом Оливера 180 червонцев, причем возможен кредит. Наркомзем ходатайствует перед Наркомвнуторгком о снижении цен на трактор «Фордзон» до 112 червонцев. Топливо для тракторов отпускается без акциза”.

Сотрудники Наркомзема, имевшие дело с письмом Платонова, были, каждый в своей сфере, фигурами выдающимися. Николай Феодосиевич Болховитинов (1894–1964) — в последующем известный профессор-металловед, создатель одного из первых курсов по металлографии и термической обработке в СССР, автор учебника “Металловедение и термообработка”, получившего широкое признание уже в начале 1930-х гг. и выдержавшего несколько переизданий на русском и иностранных языках. Бернард Бернардович Кажинский (1890–1962) — инженер-электрик, пионер исследований в области биологической радиосвязи в нашей стране, кандидат физико-математических наук. В 1920-е гг. Кажинский выступал в Москве с лекциями о биологической радиосвязи, в частности, известно о его лекции “Человеческая мысль — это электричество”, прочитанной в 1922 г. перед слушателями Петровско-разумовской академии. В 1923 г. в издании Ассоциации натуралистов вышла его небольшая книжка под названием “Передача мыслей”. Возможно, Платонов имел какое-то представление об идеях Кажинского, когда пытался разрабатывать свой “электромагнитный трансформатор-резонатор”, запечатленный позднее в повести “Эфирный тракт”.

- 8 Солдатов Петр Афанасьевич работал под руководством Платонова с 1923 г., во время общественно-мелиоративных работ 1924–1925 гг. исполнял должность районного гидротехника Россошанского уезда, с октября 1924 г. — заместитель губмелиоратора.
.....

[54] В ИЗДАТЕЛЬСТВО “БУРЕВЕСТИК”

20 апреля 1924 г. Воронеж

20 апреля 1924. Уважаемые товарищи!

Непосредственно в изд<ательст>во и на имя

Г. З. Литвина-Молотова я написал несколько писем¹

с просьбой сообщить судьбу моих произведений, переслан-

ных в свое время Г. З. Литвину-Молотову², т. е. если будут они напечатаны, то печатайте, но только не несколько лет, и берите в отношении меня все обязательства, т. е. платите за работу деньги, потому что я без работы³. Если не будете печатать, то пришлите всё обратно, и мы останемся друзьями.

Ни на одно письмо свое я ответа не получил.

Считая такое положение оскорблением и недостойным ни себя, ни изд<ательст>ва, оставляя в сторонах Г. З. Литвина-Молотова, объясняя такое молчание чрезвычайными неизвестными мне обстоятельствами, прошу срочного исчерпывающего ответа на все мои письма, ранее посланные, иначе я обращусь в центральную прессу и суд.

С тов. приветом Андрей Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Воспоминания. С. 162. Публикация Е. Шубиной.

Кубано-черноморское партийное издательство “Буревестник” было организовано в Краснодаре в 1922 г. при непосредственном участии Г. З. Литвина-Молотова. В связи с упразднением в 1924 г. Кубано-черноморской области издательство было переведено в Ростов-на-Дону.

1 Письма не сохранились. Литвин-Молотов Георгий Захарович (1898–1972) — главный издатель Платонова 1920-х гг.: редактор воронежских газет, на страницах которых Платонов дебютировал как поэт, прозаик и публицист; редактор и издатель книги стихов Платонова “Голубая глубина” (Краснодар, 1922), сборников прозы второй половины 1920-х гг. Подробно о Литвине-Молотове см.: Ласунский. С. 134–142; “Дело” Г. З. Литвина-Молотова / Публикация Н. Корниенко // Страна философов, 2000. С. 837–847.

2 По воспоминаниям Литвина-Молотова, после выхода книги стихов Платонова “Голубая глубина” у него были намерения издать еще и книгу прозы, однако вместо обещанных рассказов Платонов прислал ему подборку статей.

3 С 17 октября 1923 г. Платонов являлся заведующим подотделом сельскохозяйственной мелиорации ГЗУ, а с 1 марта 1924 г. еще и заведовал хозрасчетной частью по электрификации сельского хозяйства (см. п. 53). Заявляя об отсутствии работы, Платонов подразумевает здесь как тяжелое состояние с финансированием подотдела сельхозмелиорации, так и невозможность заниматься литературной работой.

[55] Г. З. Литвину-Молотову

5 июля 1924 г. Воронеж

5 июля 1924.

Г. З. Литвину-Молотову.

Отвечаю на письмо вашего Правления от 14.V.1924 за № 84¹.

Несколько раз (в двух, кажется, письмах) я предлагал Вам свой труд, находясь обремененным нуждой и полубезработицей. Вы (или контора Вашего издательства) ничего мне не ответили. Я возмущился и написал Вам резкое письмо. Я не хотел Вас или Ваше издательское учреждение обидеть. Говорю это не из страха, а из совести. Мне ничего не нужно, меньше всего брань посредством бюрократических отношений.

Я повторяю содержание прежних писем и говорю вам: не сможете ли вы предложить мне постоянную службу или литературную работу в изд<ательст>ве, т<ак> к<ак> меня работать в литературе тянет, а в Воронеже работать мне негде (нет ни одного издания, кроме газеты²), и я работаю сейчас кое-что, а не литературу. Напишите мне — есть ли у вас работа или нет, и пр.

Я не ожидаю особого ответа, т<ак> к<ак> после моего письма вы меня ненавидите, а я после вашего — нет, ненависти не имею. Излагать причины последнего обстоятельства — долго и тут неуместно. Однако у меня есть к тому тяжелые основания. Нужны ли вам стихи?

С искренним уважением

Андрей Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Вольная Кубань. 1992. 19 ноября.
С. 4. Публикация Н. Веленгурова.

1 Ответ издательства на письмо Платонова от 20 апреля (см. п. 54) не выявлен. Обстоятельства переписки Платонова с Литвиным-Молотовым и издательством “Буревестник”, упоминаемые в данном письме, остаются неизвестными. Судя по партийным анкетам Литвина-Молотова, с мая 1924 г. он вместе с издательством находился в Ростове-на-Дону.

2 Имеется в виду газета “Воронежская коммуна”.

.....

Письмо в редакцию “Воронежской коммуны”.

В № <пропуск> была напечатана статья тов. Г. Наумова “Как победить засуху”¹ — в порядке обсуждения.

Обсудим. Организацией, коя должна ликвидировать засуху технически, должна быть признана мелиоративная часть Губземотдела². Свои чрезвычайные полномочия она (мелиоративная организация) сознаёт и ощутит, наравне с своей чрезвычайной ролью и чрезвычайной ответственностью, тогда, когда ощутит явственным образом реальные средства в виде валюты, а не в виде сновидения смет, планов и прочей ведомственной фантастической литературы.

Далее. Указания на хилость мелиоративной части есть, сердечно и достаточно мягко выражаясь, словесный понос почитаемого мною т. Плетнева, а не продукт хорошо переваренного факта. Ибо ни одного журналиста нам не приходилось видеть в помещении мелиоративной части и ни один из них не интересовался ходом работ в области мелиорации и прилагаемыми усилиями сотрудников мел<иоративной> организации, чтобы пустить в ход такую сложную и строгую машину, которая производит улучшение земель и освобождает жизнь человека от смертоносных стихий.

Пользуясь случаем, мы приглашаем к себе сотрудников печати, чтобы лицезреть факты, а затем объективно их излагать.

Хилость в другом — и в чем, про то знает даже т. Наумов, достойный и рассудительный, вне мелиораций, человек.

Надо сказать в заключение вот еще что: ликвидация засухи (ее последствий — неурожая) есть не только техническая проблема, но и в такой же степени политическая. 1921-е годы не всегда могут проходить благополучно³.

Смерть сотен тысяч людей, гибель целых областей может затмить какой угодно крепкий и ясный пролетарский и крестьянский разум. Нам нужны не паллиативы, не АРА⁴, не всё прочее, а железное оружие, бьющее насмерть и навсегда стихию. Мы говорим громко (чтобы слышно было): одоление засухи есть политическая проблема, как политической же проблемой было в свое время восстановление транспорта. Мы еще громче говорим, что не надо сейчас жалеть (или считать организационно затруднительным) истратить сотни тысяч, чтобы не потерять потом десятков миллионов и не потерять того, что имеет для нас высшую ценность, что для нас бесценно.

Не надо еще терять времени: что слишком затягивается, то хотя бы и кончилось блестящим успехом — этот успех будет равен неудаче и какой-нибудь ерунде.
.....

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3.

- 1 Статья Г. Наумова (он же Плетнев) была опубликована 15 июня 1924 г.
- 2 На момент данной дискуссии именно Платонов являлся заведующим указанного подразделения ВГЗО.
- 3 Речь идет о голоде 1921 г.
- 4 АРА — от англ. *“American Relief Administration”*, Американская администрация помощи, существовавшая в 1919–1923 гг. Своей задачей официально провозгласила оказание продовольственной и всякой иной помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны. В 1921 г. во время голода в Поволжье Советское правительство разрешило деятельность АРА в РСФСР.
.....

---

[57] М. А. Платоновой
Июль—август 1924 г. Богучар

..... Люблю тебя бесконечно. Андрей.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 442. Телеграмма. Публикация Н. Корниенко.

На бланке телеграммы сохранилось только число: 27. Датируется условно летом 1924 г., когда в Богучарском уезде проводились общественно-мелиоративные работы, которые Платонов инспектировал

вместе с московским инженером Прозоровым (см.: Страна философов, 1999. С. 488).

[58]

А. А. Прозорову

6 сентября 1924 г. Воронеж

Уважаемый Адриан Алексеевич!

С инженерами, командированными НКЗ, — недо-
разумение¹. Их условия: основной оклад — 120 руб<лей>
плюс командировочные и суточные на общих основаниях.

Наши условия: производитель работ — 90 р<ублей>
(считая всё — основн<ой> оклад и 50 % надбавки на коман-
диров<ки>), район<ный> гидротехник 20 р<ублей> (счи-
тая всё).

Условия, упомянутые выше, были предложены
специалистами НКЗ-ма, вероятно, не совсем точно поняв
наши условия, сообщенные в телеграмме нашей.

На условиях НКЗ-ма прошу инженеров нам не ко-
мандировать. На наших условиях — покорная просьба
прислать 10 техников. Приехавшие специалисты просят
дать им назначение в другую губернию — в ту, которая бу-
дет им платить так, как им предложил НКЗ. Это назначе-
ние новое приехавшим в Воронеж и сидящим здесь специ-
алистам прошу протелеграфировать в понедельник. Они
ждут назначения. Они, конечно, совершенно ни при чем,
дело напутано в Центре.

Очень прошу сегодня же выяснить и дать телеграм-
му нам.

Телеграфируйте условия работы для них в другой
губернии, если есть разница между этими условиями
(предложенными им НКЗ-м) и теми, которые предлагают
другие губернии.

С глуб<оким> уважением А. Платонов.

6/IX 24 г.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 488–
489. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой.

Прозоров Адриан Алексеевич (1889–1945) — ученый секретарь технического комитета Управмелиозема, в качестве инспектора неоднократно посещал Воронежскую губернию в период общественно-мелиоративных работ 1924–1925 гг. Как раз в конце августа — первых числах сентября Прозоров совершил поездку по Острогожскому и Россошанскому уездам по маршруту Воронеж — город Острогожск — село Луценково (около села, где производились мелиоративные работы) — село Карпенково — ст. Евдокимово — ст. Евстратовка — город Россошь — Воронеж.

В 1930 г. А. Прозоров был арестован и осужден по делу Промпартии, в 1930-х гг. участвовал как инженер в строительстве Беломорканала и канала Москва — Волга.

- 1 Описанная в письме ситуация с командированными инженерами явилась следствием недопонимания между центром и ВГЗУ при попытке восполнить нехватку квалифицированного персонала, необходимого для проведения общественно-мелиоративных работ.

.....

[59]

Б. Ф. Копылову

9 сентября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

На девятое <сентября>¹ работы идут: <в> Богучарском <уезде> колодцев 5, ремонт прудов 10, новых 8, пеших 2000, конных 320, <в> Россошанском колодцев 6, ремонт прудов 8, новых 6, пеших 800, конных 80, <в> Валуйском ремонт прудов 4, новых 8, пеших 500, конных 50, <в> Острогожском буровые, ремонт прудов 10, новых 12, колодцев 50, <нрзб> 7, пеших 1500, конных 150, <на> пяти прудах работы заканчиваются, все меры <к> дальнейшему развитию работ принимаются.

Завмелиоративными Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 53. Телеграмма.

Копылов Борис Федорович (1883–1937, репрессирован) — заведующий Управмелиоземом. По образованию — ученый лесовод, юрист; с 1915 г. — вице-директор департамента гос. зем. имуществ; осуществлял административное руководство мелиоративными работами на казенных землях юго-востока России; после февральской революции — управляющий государственного земельного фонда Министерства земледелия; после октябрьской революции, до прихода в Наркомзем, работал в Наркомпроде, Наркомвнешторге, ВСНХ. В 1937 г.

на момент ареста был начальником работ 13-го Мологского участка на Волгострое НКВД СССР.

- 1 Эта и последующие аналогичные телеграммы-сводки относятся к периоду общественно-мелиоративных работ 1924–1925 гг. в Воронежской губернии. В телеграммах указывалось количество строящихся мелиоративных сооружений по уездам губернии и количество привлеченных к работам людей — пеших и конных. В отсутствие Платонова аналогичные телеграммы отправлялись также другими ответственными работниками ВГЗУ — заведующим Губмелиоземом Томсоном, заведующим ВГЗУ Архиповым и др.

[60]

А. А. ПРОЗОРОВУ

22 сентября 1924 г. Воронеж

Многоуважаемый Адриан Алексеевич!

Передаю Вам прежде всего привет от всех сотрудников мелиоративной части, которых Вы знаете. Все Вас у нас полюбили и просят поскорее приехать. Я тоже присоединяюсь к этой просьбе. Б. Г. Франчези¹ все же просит пьесы, не смотря на то что я убеждаю, что нам сейчас не до пьес.

Работы сейчас вдесятеро больше, чем было при вас, но работа гораздо более веселого характера (если бы, между нами, не всякая бумажная бумага, не речи, и не доклады, и не лекции, кои приходится читать ежедневно).

Только что приехал из Валуйского уезда². Работа пошла и там удовлетворительно: было в производстве 7 сооружений, сейчас 17, к концу недели будут все сооружения по осеннему плану начаты. Последнее относится и ко всем остальным уездам. 27/IX весь осенний план будет в производстве. Останется только форсировать работу, следить за техникой выполнения и греметь отчетностью. В сущности, общественные работы, при известных даже Вам трудных обстоятельствах, не особо трудны. Можно сделать и больше.

Прекрасно работают Солдатов³ и Травкин⁴. Выравниваются Захаров (Валуйский уезд), четко идет Острогожский (Куренков)⁵. На местах — энтузиазм. Трудно даже поверить Вам, если я напишу какой. Техперсонал работает как нельзя лучше. Ваши Зенкевичи⁶ выше всякой похвалы. Вообще на изысканиях у нас герои. Зенкевичи и их сотруд-

ники работают по пояс в болоте, так что когда наклонится инженер к трубе инструмента, то подбородок его в воде. Надо вообще поблагодарить техперсонал общественных работ чем-нибудь реальным. М<ожет> б<ыть>, что-нибудь обдумаете в Центре. Я лично знаю, что половина штата нашего заслуживает самой высокой благодарности. С своей стороны я пообещал райгидротехникам кое-что хорошее. Ибо плохого они видят достаточно.

В Валуйском уезде, напр<имер>, техперсонал питается хлебом и молоком, ездит по 25 верст в сутки. Райгидротехник от тележной тряски, недосыпания, недоедания, вечного напряжения стал ползать, перестал раздеваться вечером и одеваться утром, а также мыться. Говорит, зимой сделаю всё сразу. Надо беречь штат. Надо принять реальные меры. Мы платим ведь очень мало, если судить по работе.

Картина работ чрезвычайно красивая. Хохлы, хохлушки (с бусами на шее, в расшитых сорочках), волю, костры, тачанки — всё это гремит, движется каруселями у плотины, блестит на солнце лопатами, а надо всем стоит бич — десятник, не дающий задуматься созерцательной украинской нации. Хорошо. Это — фронт, это напор и действительная работа. Скоро пришлю гору фотографий. Очень трудно было в Валуйском уезде достать фотографа. Оказывается, там один фотограф, и когда я приехал, он умирал. Ничего нельзя было сделать. Ведь провинция у нас сущая. Только раскачиваем народ. Сообщили тут без меня (сведения точные) Вам, что на работе стоит около 15 000 (пеших и конных)⁷. Сейчас стоит тысяч 18 (есть частичные сведения). Вероятно, буду в Москве скоро. Выслали вы нам план свой и всё нам спутали⁸. Зачем свернули обводнение? Не могу продолжать — было затихло, опять рвут. Лес, штат, инструмент, телефон, совещание и прочее.

Всего хорошего. Весьма уважающий Вас, А. Платонов. 22/IX, 3 ч<аса> дня.
.....

Впервые: Страна философов, 1999. С. 489–491. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой.

Печатается по автографу: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 265.

- 1 Бухгалтер ВГЗУ.
  - 2 По сохранившимся документам устанавливается, что поездка Платонова состоялась между 12 и 19 сентября.
  - 3 Солдатов Петр Афанасьевич — см. примеч. 8 к п. 53.
  - 4 Травкин Вениамин Александрович — районный гидротехник Богучарского уезда.
  - 5 Куренков М. И. — райгидротехник Острогожского уезда, один из предшественников Платонова на посту губмелиоратора; заведовал подотделом сельскохозяйственной гидротехники отдела землеустройства и мелиорации ВГЗУ в июле — августе 1922 г., уволился в связи с переводом подотдела на хозрасчет.
  - 6 Братья Августин и Леонид Леопольдовичи Зенкевичи были направлены на общественно-мелиоративные работы Наркомземом; в письме речь идет об их участии в изыскательских работах на реках Черная Калитва и Тихая Сосна. В 1926 г., после отъезда Платонова в Москву, А. Л. Зенкевич занял освободившийся пост губмелиоратора.
  - 7 Речь идет о телеграмме-сводке, отправленной в Наркомзем во время поездки Платонова по Валуйскому уезду.
  - 8 В 1924 г. с планом обводнения (строительство водохранилищ и колодцев) был связан один из напряженных моментов во взаимоотношениях Воронежского ГЗУ с центром. Рассмотрев план работ, составленный в Воронеже, Наркомзем значительно сократил количество обводнительных работ, предложив в то же время расширить осушительные (см.: Изменение видов общественно-мелиоративных работ // ВК. 1924. 18 сентября). В свою очередь в Воронеже на заседаниях губернской тройки по общественно-мелиоративным работам решено было ходатайствовать перед Наркомземом об оставлении плана работ в первоначальном варианте (см.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 87–89, 91–93). В связи с этим в период между 30 сентября и 4 октября Платонов был командирован в Москву, где и добился отмены решения Наркомзема (см.: Там же. Л. 168–169).
- .....

[61]

Б. Ф. Копылову

23 сентября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

На двадцать третье <сентября в> Богучарском <уезде> срубовых <колодцев> 5, ремонт прудов 11, новых 13, пеших 4365, конных 1125. <В> Россошанском срубовых 6, ремонт прудов 14, новых 11, пеших 6200, конных 1350. <В> Валуйском ремонт прудов 7, новых 11, пеших 2740, конных 690. <В> Острогожском срубовых 7,

ремонт прудов 16, новых 7, пеших 2400, конных 680. Развиваются работы по изысканиям <на> Черной Калитве, Осереде, Тихой Сосне¹. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 73. Телеграмма.

- 1 Речь идет об исследованиях, предшествовавших осушительным работам на этих реках.
.....

---

[62] А. А. Прозорову
26 сентября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Управмелиозем. Прозорову.
Немедленно высылайте техническую инструкцию¹.
Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 82. Телеграмма.

- 1 В связи с проведением общественно-мелиоративных работ в Воронеж направлялись самые разнообразные инструкции Центра, например: “Инструкция по обследованию уездов Воронежской губернии с целью организации общественно-мелиоративных работ”, “Инструкция по производству изысканий для устройства водосборных прудов”, “Инструкция политруку при производителе общественно-мелиоративных работ” и т. д. Какая инструкция имела в виду в данном случае, установить не удалось. Как свидетельствует запись Прозорова на бланке телеграммы, инструкция была выслана в Воронеж еще 24 сентября.
.....

---

[63] М. А. Платоновой
1 октября 1924 г. Москва

..... Субботу утром встречай скорей¹. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 442. Телеграмма. Публикация Н. Корниенко.
Датируется условно 1924 г. Платонов находился в это время в Москве в командировке.

- 1 Возможно, опечатка и необходимо читать “скорый”.
.....

[64] Б. Ф. Копылову
6 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Рабочая сила всех уездов показана правильно за неделю. <В> Валуйском исправьте: новых 25, ремонт прудов 7. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 112. Телеграмма.
.....

[65] Б. Ф. Копылову
8 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

<На> шестое <октября> работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых прудов 26, ремонт 24, пеших 12 272, конных 4257 за неделю. <В> Россошанском новых прудов 28, ремонт 29, пеших 23 438, конных 6943 за неделю. <В> Острогожском новых прудов 5, ремонт 11, пеших 2875, конных 716 за неделю. <В> Валуйском новых 30, ремонт 15, пеших 5085, конных 1550 в день составления сведения. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 113. Телеграмма.
.....

[66] ВОРОНЕЖСКИМ ГИДРОТЕХНИКАМ
10 октября 1924 г. Воронеж

Уважаемый _____¹

В последние недели темп наших работ сильно упал². Саратовская губерния нас уже обогнала. Наша губерния потеряла первое место и идет на третьем (второе место заняла, кажется, Немкоммуна³).

Худшие наши опасения, что мы с первого места спустимся на последнее, сбываются. Ни одного сооружения еще не окончено. Работы по постройке плотин

с несомкнутыми плечами развиваются чрезвычайно слабо. Осторожность, конечно, всегда полезна, но она же, взятая чрезмерно, может стать преступлением.

Я понимаю, что технический персонал переутомлен, что условия работ нелегки и пр. Но надо помнить, что отдых недалек, а если сейчас мы упустим время, то уже никогда ни за что его не наверстаем. Самые большие возможности нашего общего будущего мы упустим безвозвратно. Придет время — мы отдохнем. Не надо сейчас бояться утомления — силы наши восстановятся вновь, но этим силам не будет приложения, если сейчас мы не докажем своей работоспособности. Это самое главное.

Очень прошу Вас в ближайшие же дни ликвидировать эпоху упадка в нашей работе и довести темп работ до крайней интенсивности, не жалея сил ни своих личных, ни своих сотрудников.

Прошу помнить, что от наших работ зависит спасение десятков тысяч крестьянских хозяйств, доведенных засухой до голодания.

До сих пор мы израсходовали всего лишь 19 % от ассигнованного нам миллиона с лишним. Это никуда не годится. Надо напрячь еще раз все силы, чтобы дать как можно скорее средства в руки бедствующего населения, причем средства эти дать надо целесообразно — за работу по постройке хозяйственно необходимых и технически рациональных сооружений.

На Вас смотрит правительство страны. Давайте ни за что не допустим позора и бессилия, ни за что не дадим обогнать себя ни одной губернии, а обгоним любую из них.

Итак, вперед — к напряжению и работе, к чести, не к позору. Ибо позор уже недалек, если дело пойдет дальше так, как идет сейчас.

10/X-24 г.

Искренно уважающий Вас губмелиоратор

Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 492–493. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой.

- 1 Письма с заполненной формой обращения не сохранились.
- 2 Обращение к райгидротехникам было составлено сразу же после заседания губернской тройки по общественно-мелиоративным работам (10 октября). Одна из проблем, возникших в ходе общественномелиоративных работ, заключалась в том, что для поглощения всех денежных средств, выделенных на осенний период, требовалось расширить работы по строительству плотин. К тому же было понимание, что возведение плотин должно быть завершено в строительном сезоне 1924 г., в противном случае существовала опасность их разрушения от весенних паводковых вод.
- Вероятно, Платонов впервые услышал о необходимости начать строительство новых плотин в расчете на весеннюю доделку во время поездки в Наркомзем в первых числах октября. Отчет о командировке зафиксировал его изначальное мнение по этому вопросу: “На это я возразил, что доделка сооружений весною мне непонятна, как непонятен вообще термин «доделка» при наших типах сооружений и после пропуска весенних вод. По-моему, под весеннюю воду, даже под снег, надо оставить уже вполне технически законченные сооружения — с водосливами, чтобы весенний паводок они вынесли бы без вреда, недоделанные же сооружения, сказал я, мы оставлять не намерены, ибо мы отвечаем головой за их техническое совершенство и сохранность после спада весенних вод” (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 815. Л. 3–4). 4 октября сообщение Платонова “о необходимости использования отпускаемых кредитов этой осенью” заслушивалось на заседании губернской тройки, после чего было принято решение проводить работы по ранее утвержденному плану, “допустив увеличение производства работ при условии, чтобы техническое качество выполняемых работ не ухудшилось за счет количества таковых” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 168–169). Однако к этому вопросу пришлось вернуться после приезда в Воронеж постоянного инспектора общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии А. Прозорова. На заседании губернской тройки 10 октября Прозоров “отметил хорошее состояние работ в Воронежской губернии и сообщил, что общественные работы Воронежской губернии Центром отмечены как лучшие по всему СССР”, но так как работы, уже развернутые к этому времени, не могли “поглотить всех осенних ассигнований Центра”, необходимо было обязательно работы расширить. “На вопрос тов. Симончик о возможности развертывания работ в настоящее время при ограниченном количественно (а местами и качественно) техническом персонале, уже перегруженном начатыми работами, тов. Прозоров ответил, что возможность допустима, но при условии не полного окончания работ, а лишь частичного, с тем чтобы производство сооружений было бы закончено весной, а начатые работы смогли бы перенести без ущерба зиму и весенние воды” (Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 141). После этого мелиоративной части было поручено в пятидневный срок “выяснить на местах возможность начала новых работ” (Там же. Л. 141–142).

Обсуждение проблемы продолжилось после возвращения Прозорова и Платонова из инспекционной поездки на объекты Россошанского и Богучарского уездов. Прежде всего, 16 октября при мелиоративной части состоялось широкое техническое совещание (с участием Платонова, Прозорова, профессоров-консультантов и районных гидротехников), которое признало производство новых работ по сооружению плотин возможным “с тем, однако, условием, чтобы ввиду возможности, что сооружение не будет закончено и оборудовано водосливом для пропуска весенних вод, в телах вновь сооружаемых плотин оставлялось бы отверстие для прохода весенних вод. Весною же можно будет приступить к окончательной заделке таких плотин и оборудованию их водосливами” (Там же. Л. 175). В тот же день состоялось заседание губернской тройки, утвердившее это решение (Там же. Л. 174). Следует отметить, что отстаивание позиции Центра давалось Прозорову не без труда. Уже после первого обсуждения вопроса (10 октября) в своем письменном докладе в Наркомзем Прозоров запросил поддержки: “...Желательно подтверждение из Центра с указанием, что работы должны быть развертываемы в возможно максимальном масштабе и сооружения вовсе не должны непременно быть оканчиваемы полностью в осенний сезон <...> указанная выше бумага из Центра имела бы значение” (Там же. Л. 130); а в аналогичном докладе от 16 октября описал открытое столкновение с одним из членов губтройки: “Вследствие полученного мною от управляющего отделом указания <...> я считал необходимым проявить в этом вопросе исключительную настойчивость. В результате переговоров <...> зам. зав. ГЗУ т. Симончик заявил, что я только торможу работы, что он будет просить Центр об отзывании меня” (Там же. Л. 124).

Во время паводка, в конце марта — начале апреля 1925 г., Платонов лично проинспектировал строящиеся объекты; в целом пропуск весенних вод прошел удачно (см.: Там же. Ед. хр. 3388. Л. 25).

- 3 Немкоммуна — немецкая коммуна; название немецких районов Поволжья.
.....

[67]

Б. Ф. Копылову

15 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Пятнадцатого <октября> работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых прудов 28, ремонт 24, колодцев 5, пеших 2498, конных 968. <В> Новохоперском новых прудов 3, ремонт 1, пеших 409, конных 161. <В> Россошанском новых <прудов> 9, ремонт 32, изыскания 2 рек, пеших 5708, конных 1747. <В> Валуйском новых 30,

ремонт 16, пеших 5169, конных 1720. <В> Острогожском новых 5, ремонт 10, изыскания реки, пеших 370, конных 133. Рабочая сила показана за день. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 115. Телеграмма.
.....

[68]

Б. Ф. Копылову

18 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.
3422 пруда внесены <в> весенний план¹. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 128. Телеграмма.

- 1 Телеграмма была отправлена после окончательного разрешения вопроса о строительстве плотин, доделывать которые предстояло весной 1925 г. См. примеч. 2 к п. 66.
.....

[69]

Б. Ф. Копылову

22 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.
По полученным <на> 22 <октября> неполным сведениям работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых прудов 32, ремонт 26, колодцев 1, пеших 2726, конных 965.

<В> Россошанском новых прудов 6, ремонт 21, пеших 357, конных 98. <В> Острогожском новых прудов 12, колодцев 3, пеших 248, конных 96. Сведения Валуйского <уезда> не получены. Задержка сведений объясняется <их> неполучением с мест своевременно. Точная сводка будет выслана дополнительно. Меры <к> своевременному доставлению полных сведений <с> мест приняты. Губмелиоратор Платонов.
.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 129. Телеграмма.
.....

[70]

Б. Ф. Копылову

29 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

25 работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых прудов 32, ремонт 26, колодцев 1, пеших 2194, конных 781.

<В> Россошанском новых прудов 19, ремонт 24, пеших 1578, конных 566. <В> Валуйском новых прудов 30, ремонт 17, пеших 3670, конных 1355. <В> Острогожском новых колодцев 3.

Рабочая сила <на> день составления сведений.

Губмелиоратор Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 152. Телеграмма.

.....

[71]

Б. Ф. Копылову

11 ноября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Девятого <ноября> работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых прудов 39, ремонт 37, колодцев 1, пеших 2020, конных 781, новых прудов средствами населения 55, из них 40 закончены. <В> Россошанском новых 19, ремонт 26, пеших 316, конных 89, регулирование <рек> Черной Калитвы, Осереды, 510 пеших и 93 конных. <В> Валуйском <уезде> новых <прудов> 30, ремонт 20, пеших 3100, конных 820, новых прудов средствами населения 4. <В> Острогожском новых 7, ремонт 11, колодцев 4, пеших 215, конных 84, изыскания Тихой Сосны, пеших 14, конных 3. Рабочая сила показана в день. <На> лесомелиоративных работах за неделю рабочих пеших 8160, конных 1428.

Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 204–205. Телеграмма.

.....

[72]   **Б. Ф. Копылову**
20 ноября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Девятнадцатого <ноября> работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых плотин 47, ремонт плотин 32, колодцев 2, пеших 2819, подвод 929. <В> Россошанском новых плотин 19, ремонт 27, пеших 641, подвод 243, <на> регулировании Осереды, Тихой Калитвы¹ пеших 480, подвод 120. <В> Острогожском новых плотин 7, ремонт 8, срубовых 2, пеших 161, конных 42. <Сведения> Валуйского не получены, будут даны дополнительно. Рабочая сила показана за день.

..... Губмелиоратор Платонов.

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 211. Телеграмма.

1   Вероятно, речь идет о реке Черная Калитва, как и в телеграмме от 11 ноября.

[73]   **Районным гидротехникам**
24 ноября 1924 г. Воронеж

Всем районным гидротехникам и начальнику работ по регулированию рек П. Ф. Дмитриеву¹.

Несмотря на пополнение оперативного техперсонала в течение последних недель, на мероприятия управления работ — мелиоративной части — по улучшению материального положения техперсонала, темп работ за последние недели упал необычайно низко. Законченных работ чрезвычайно мало. Работы по сооружению несомкнутых плотин развиваются так, как это совершенно недопустимо.

Выпадение снега, временные холода вызывают панику на работах, и техперсонал охватывает настроение ликвидации работ.

Указывается, что эти вещи недостойны техника, ведущего ответственные работы, недостойны мужественного

человека. Нам безвольные трусы и пошехонцы не нужны. Нам требуются энергия, знание и бесстрашие, прокорректированное знанием.

Воля, распорядительность, железная организация, четкое и точное выполнение приказов Москвы и ГЗУ нами будут оценены в высшую цену. Бесхарактерность, блуждание в трех соснах, лодырничество и нераспорядительность будут квалифицированы как политические преступления.

Приказывается — работы вести до последней возможности, не понижая темпа ни на градус, аппарат использовать полностью. (У многих районных гидротехников есть какие-то загадочные личности, которые ведут себя потихоньку по одной работе, а районный помалкивает.) Наши работы — не приют для сирот и инвалидов.

Мелиоративная часть ясно это учитывает и предупреждает, что время острой нужды в техперсонале уже прошло. У нас есть резервы, и мы не постесняемся принять какие угодно крайние меры в интересах развития и успеха работ. Практика у нас есть. Воронежская губерния идет на 4 месте в Республике по успеху общественных работ, продержавшись всего месяц на первом.

Это сообщается не для сведения, а для устранения. Самарская губерния закончила 201 работу.

А сколько закончено у вас работ?

Ничего в оправдание этого ни один районный не сумеет привести. Кто у вас командует работами — озябший младший техник или Вы?

Приказывается: ускорить окончание работ по сооружению плотин и водосливов, долженствующих быть законченными на 100 %; быстрее провести работы по сооружению несомкнутых плотин² с целью завершения их в обусловленной степени, развернуть работы по устройству колодцев, точно и быстро исполнять приказания мелиоративной части Губземуправления.

Ответом и оправданием на это должны быть ваши сводки и двухнедельные ведомости о состоянии работ вверенного вам района.

Не обижайтесь, не сваливайте вины на “объективные условия” — а работайте.

Губмелиоратор (Платонов).
.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 1999. С. 498–499. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой.

1 Дмитриев Петр Феофанович.

2 Речь идет о плотинах, завершить строительство которых планировалось весной 1925 г., см. примеч. 2 к п. 66.
.....

[74] И. Г. РАЙХЕРУ

25 ноября 1924 г. Воронеж

Инженеру Райхеру И. Г.

Из присланного Вами чертежа и отношения Вашего от 18-го сего ноября не видна полная стоимость всей землечерпательной машины¹ при условии изготовления ее на Путиловском заводе²; также не представляется возможным вычислить (приблизительно) стоимость машины при условии изготовления ее на заводе (б<ывшем> Столь) в г. Воронеже³, т<ак> к<ак> вес машины нигде Вами не указан.

Ввиду изложенного просьба срочно сообщить вес всей машины и приблизительную стоимость, без чего никак нельзя судить о возможности приобретения ее при имеющихся в нашем распоряжении средствах.

В ожидании ответа губмелиоратор А. Платонов.
.....

Печатается по автографу: ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 219.

Райхер Иосиф Герцевич — выпускник (1890 г.) Харьковского технологического института; в 1924–1925 гг. — инженер Волховстроя. В своем письме Платонову Райхер также сообщил, что помимо службы на Волховстрое консультирует по ирригации “Туркеспублику” (Туркмению) и является специалистом по землечерпательным и экскаваторным работам.

1 Землечерпательная машина, или экскаватор, была необходима для проведения осушительных работ на реке Тихая Сосна, что было ясно уже в сентябре 1924 г. Будучи в Москве в первых числах октября, Платонов выяснил, что Наркомзем не располагает нужными для Вороне-

жа машинами, однако имеется возможность приобретения экскаватора за границей. Об этом по возвращении в Воронеж было доложено губернской тройке по общественно-мелиоративным работам, после чего Платонову предложили “вопрос этот проработать и представить свои соображения на утверждение” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 168–169). Дело, как кажется, было почти безнадежным, однако в октябре же Госплан постановил передать в распоряжение Наркомзема 11 экскаваторов, находившихся до того в ведении ГЭК ВСНХ. Один из этих экскаваторов, а именно “Марион” № 3608, Наркомзем запланировал для передачи в Воронежскую губернию; 6 ноября Наркомзем выслал в Воронеж чертежи этого экскаватора для ознакомления (ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 127). В то же время обнаружилась и другая возможность приобретения землечерпалки — с помощью инженера Райхера, узнавшего о затруднениях воронежцев от инспектора Прозорова во время своего визита в Наркомзем. Райхер рекомендовал Платонову землечерпательницу собственной, улучшенной, конструкции и с первым же письмом (было получено в Воронеже 13 ноября) отправил ее схематический чертеж, а также предложил при необходимости не только изготовить в короткое время рабочие чертежи машины, но и “иметь наблюдение за постройкой снарядов вплоть до приведения таковых в рабочее состояние” (ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 122–122 об.). По словам инженера, его землечерпательницы были “введены во многих местах в довоенное время и оказались вполне пригодными для выполнения соответствующих работ” (Там же). В ответ на предложение Райхера из Воронежа последовал запрос о возможном месте, сроках и стоимости изготовления машины (Там же. Л. 121). Со вторым письмом Райхера (получено 24 ноября) пришли новые схематические чертежи и таблица “главных элементов землечерпательниц типа I и II”, в качестве места изготовления экскаватора назывались Ленинград (в частности, Путиловский завод) или Воронеж (завод “Столь”), срок работ определялся в 3–4 месяца (Там же. Л. 218). После того как Платонов запросил приблизительную стоимость машины, Райхер ответил, что “довоенная цена частей землечерпательной машины калькулировалась в среднем около 10 рублей за пуд готового изделия”, а также, находясь в отпуске, вызвался “приехать... для доклада как о конструкции машин, так и типов и способа работы при соответствующей оплате за проезд и командировочные расходы” (Там же. Л. 220). Однако получилось так, что Платонов сам выехал в командировку в Ленинград. См. далее п. 80.

- 2 Кировский завод (Санкт-Петербург), бывший Путиловский, в 1922–1934 гг. — “Красный Путиловец”. Основан в 1801 г. как казенный чугунолитейный завод, выпускавший артиллерийские снаряды. В 1868 г. инженер Н. И. Путилов купил его и организовал на нем производство рельсов. К концу XIX в. завод являлся крупным металлургическим и машиностроительным предприятием России с четырьмя видами производства: металлургия, вагоно- и паровозостроение, артиллерия и судостроение.

- 3   Механический завод, основанный в 1869 г. воронежским предпринимателем и общественным деятелем В. Г. Столлем. С середины 1920-х гг. выпускал сельскохозяйственные машины, маслобойное оборудование, нефтяные двигатели.
.....

[75]   М. А. Платоновой
25 ноября 1924. Москва

Приеду скоро. Тоскую <по> тебе и Тотику¹.
Вес<ь> с тобой. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 442. Телеграмма. Публикация Н. Корниенко.

- 1   Тотка, Тотик, Тоша — так в семье звали сына Платона (1922–1943).
.....

[76]   Б. Ф. Копылову
26 ноября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.
22 <ноября> работы идут <в> Богучарском <уезде>. Новых прудов 48, ремонт 34, колодцев 2, пеших 2504, конных 641. <В> Россошанском новых прудов 20, ремонт 26, пеших 385, конных 58. <На реке> Осереде регулирования, 620 пеших. <На> Черной Калитве закончен канал 120 сажень и мост. <В> Валуйском новых прудов 33, ремонт 22, пеших 1700, конных 600. <В> Острогожском 3 несомкнутых плотины, 3 колодца, пеших 285, конных 76, 15 прудов закончены. Восстановление поливного хозяйства, пеших 60, конных 12. Организовано 73 товарищества, организация продолжается, ведется кампания. По неполным сведениям товариществами кроме указанного ведутся 59 работ. Рабочая сила показана за день. Губмелиоратор Платонов.

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 225–225а. Телеграмма.
.....

[77] Б. Ф. Копылову
3 декабря 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Второго декабря <в> Богучарском <уезде> новых прудов 55, ремонт 33, колодцев 2, пеших 3783, конных 911. <В> Россошанском новых прудов 27, сверх законченных 5, ремонт 13, сверх законченных 13, пеших 1007, конных 240. <На реках> Черной Калитве, Осереде за неделю исполнено 600 кубов, рабочих 1 декабря 600. <В> Бобровском несомкнутых <плотин> 3, рабочих 100, подвод 20. <В> Валуйском новых прудов 33, ремонт 22, пеших 1330, конных 280. <В> Острогожском новых прудов 7, ремонт 3, сверх законченных 5, колодцев 2, пеших 315, конных 71. На оросительной станции пеших 50, конных 21. Рабочая сила показана на день.

Губмелиоратор Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627. Л. 235–236. Телеграмма.

.....

[78] Т. А. Рунову
4 декабря 1924 г. Воронеж

Мелиорация. Рунову.

Экскаватор Марион¹ просим оставить для Воронежской <губернии>. С вашего разрешения выезжаю шестого <декабря для> заключения договора и отправки экскаватора². Предстоит работа сорок тысяч кубов.

Губмелиоратор Платонов.

.....

Печатается по: ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 170. Телеграмма.

Рунов Тихон Александрович (1886–1941) — агроном. С 1913 г. служил в Московском губернском земстве, затем был председателем Московского областного продовольственного комитета. С 1919 г. — председатель Главного управления земледельческих хозяйств промыш-

ленных предприятий Республики (Главземхоза). В 1921 г. был одним из организаторов сельскохозяйственной выставки в Москве, работал по мелиорации в Подмоскowie. С 1924 по 1928 г. — в Наркомземе, возглавлял Бюро общественно-мелиоративных работ и отдел Госсемкультуры. С 1934 по 1936 г. — заместитель управляющего трестом “Гидросовхоз”. В 1936–1939 гг. — главный агроном Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

- 1 Один из экскаваторов, переданных Наркомзему из ГЭК ВСНХ, см. примеч. 1 к п. 74.
- 2 Намеченная поездка не состоялась. 11 декабря Платонов выступил с докладом “О сравнительной стоимости выработки 1 куб. земли арендным экскаватором «Марион» и приобретенной лопатой инженера Райхера” на заседании губернской тройки, мотивируя необходимость предпочтения землечерпалки Райхера (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 25). На основании этого доклада тройка приняла решение: “Принимая во внимание действительную необходимость паровой лопаты системы инженера Райхера на работах по регулированию реки Тихой Сосны и крайне высокую арендную плату за экскаватор «Марион», признать приобретение паровой лопаты системы инженера Райхера желательным, для чего срочно командировать лицо, компетентное в этом деле, на Путиловский завод с целью точного установления стоимости указанной паровой лопаты и срока ее изготовления”. После этого 13 декабря Платонов выехал в Ленинград. В результате этой поездки ситуация еще раз кардинально изменилась (см. далее п. 80), и в конечном итоге в распоряжении ВГЗУ оказался именно экскаватор “Марион”, но произошло это лишь в начале сентября 1925 г.
.....

[79] Б. Ф. Копылову

10 декабря 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Мелиорация. Копылову. Девятого декабря <в> Богучарском <уезде> новых прудов 55, сверх законченных 8, ремонт 33, колодцев 12, пеших 3175, конных 785. <В> Россошанском новых прудов 26, сверх законченных 9, ремонт 12, сверх законченных 14, колодцев 18, пеших 2262, конных 308. <На реках> Осереде, Черной Калитве <за> неделю выполнено 1100 кубов, 900 землекопов, 20 подвод. <В> Валуйском новых <прудов> 33, ремонт 22, колодцев 6, пеших 710, конных 21. <В> Острогожском новых прудов 5, сверх законченных 4, ремонт 2, сверх законченных 6, колодцев 2. Поливных

хозяйств 2, пеших 150, конных 65. Рабочая сила показана на день.

..... Губмелиоратор Платонов.

..... Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 2627 Л. 246. Телеграмма.

[80]

И. Г. РАЙХЕРУ

12 декабря 1924 г. Воронеж

Ленинград, улица Чайковского, 63, квартира 15, инженеру Райхеру.

<В> субботу¹ выезжаю лично <для> переговоров <и> оформления дела. Губмелиоратор Платонов.

..... Печатается по: ГАВО. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 175. Телеграмма.

- 1 То есть 13 декабря. В этот же день Платонов получил удостоверения для ведения переговоров “с государственными учреждениями, предприятиями и частными лицами по вопросу об издании парового многочерпакового экскаватора для работ по регулированию стоков рек Воронежской губернии” и на заключение договора “с расчетом стоимости экскаватора франко-завод-Ленинград не более четырнадцати тысяч рублей” (ГАВО. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 3286. Л. 177). Как свидетельствует рапорт заведующему Губземуправлением от 11 декабря, во время командировки Платонов планировал заключить в Ленинграде договор с инженером Райхером и ознакомиться с работой его экскаватора на Волховстрое (Там же. Л. 172–172 об.). Обстоятельства этой поездки отчасти проясняются письмом Райхера от 20 декабря, написанным вдогонку возвращающемуся в Воронеж Платонову (Там же. Л. 233). 18 декабря Платонову была вручена техническая документация по землечерпательнице (спецификация главных элементов, чертеж), при этом инженер Райхер поднял вопрос “о выдаче какой-нибудь суммы в счет произведенной мною работы и за консультативные участия в Маштресте, Путиловском и «Вперед» заводских совещаниях, связанных с затратой времени и расходами по разъездам и проч.”. Можно предположить, что вышеупомянутые совещания проходили во время командировки Платонова, однако документального подтверждения этому не обнаружено. По словам Райхера, Платонов “категорически отклонил” предложение о выплате денег и “заявил”, что оплата будет произведена по окончательному оформлению заказа на заводе; речь, скорее всего, шла о заводе “Вперед” (см.: Там же. Л. 325). В то же время Платонов рассчитывал, что по его отъезде Райхер проделает “дальнейшую сроч-

ную работу на заводе”. 19 декабря, уже в отсутствие Платонова, Райхер лично уточнил на заводе перспективы своей работы и пришел к решению “отказаться от дальнейшего участия в этом начинании ввиду неплаты за вышеупомянутые труды непосредственно после выполнения той или иной работы”. В этой критической ситуации Платонов проявил очевидное желание сохранить трудовые отношения с Райхером: 13 января 1925 г. инженеру было направлено отношение с просьбой срочно сообщить условия, на которых тот согласится “провести все работы по наблюдению за изготовлением многочерпакового экскаватора Вашей системы на одном из машиностроительных заводов Ленинграда, предоставив в распоряжение завода-строителя рабочие чертежи и наблюдая за техническим выполнением их” (Там же. Л. 326). При такой постановке вопроса Райхер в ответном письме от 23 января также выразил готовность к дальнейшей совместной работе (Там же. Л. 325). Однако с января 1925 г. воронежские мелиораторы в большей степени рассчитывали уже на получение экскаватора “Марион” от Наркомата земледелия. 21 января Платонов доложил об экскаваторе Наркомзема на очередном заседании губернской тройки по общегосударственно-мелиоративным работам, на этом же заседании было решено временно отложить решение вопроса об изготовлении второго экскаватора в Ленинграде (ГВАО. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 815. Л. 17–18 об.). Окончательное решение – “от приобретения 2-го экскаватора за неимением средств воздержаться” – было принято на заседании губтройки 8 апреля 1925 г. (РГАЭ. Ф. 478 Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 25).

[81]

М. А. Платоновой

19 декабря 1924 г. Ленинград

Приеду <в> воскресенье. Сильно тоскую по тебе.
Поцелуй Тотку много раз. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 443. Телеграмма. Публикация Н. Корниенко.

Имеющаяся на бланке телеграммы информация (место отправления, день и месяц) позволяет отнести ее к 1924 г., времени командировки Платонова на Волховстрой и в Ленинград (14–19 декабря); см. примеч. к п. 80.

.....

---

[82] А. А. Прозорову

26 марта 1925 г. Богучар

Москва. Наркомзем. Мелиорация. Прозорову. Объезжаю губернию. Кубатура, доложенная <в> Саратове, значительно приуменьшена¹. Стоимость куба действительно ниже пяти <рублей?>², не публикуйте <в> отчетах, пришлю поправки.

Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 59. Телеграмма.

1 Речь идет о какой-то неточности, допущенной Платоновым, по-видимому, в его выступлении на краевом совещании по общественно-мелиоративным работам в Саратове (29 января — 3 февраля 1925 г.).

2 Речь идет о расценках на земляные работы.

.....

---

[83] Т. А. Рунову

3 апреля 1925 г. Воронеж

Многоуважаемый Тих<он> Ал<ександрович>!
Препровождаю просимое¹. Очень извиняюсь, что задержал: меня не было в Воронеже — был на паводке².

Составил со своими техниками — поелику возможно, не обижайтесь.

Давайте денег — гибнем. 214 мел<иоративных> т<оварищест>в.³ Теперь вообще мелиоративное кооперирование — дело, нас мало интересующее: скажите, и завтра их, т<оварищест>в, будет 500. Но что делать с ними! Когда бываешь на работах, правления т<оварищест>в терзают сердце: давайте, говорят, ссуду. А ссуды всё нет и нет. Существенно скорбим.

Дайте ссуду! Давайте новые общественные работы!

Работать научились здорово. Прикажите — что угодно сделаем. Я проповедую машинное орошение на больших площадях (в местной прессе)⁴. Необходимо, чтобы начавшаяся героическая эпоха мелиораций не прекратилась жалким образом. Тогда хоть самоубийством кончай. Что нам тут делать? Работы по Воронежской завершим к 15/V все (кроме осушения).

Т<оварищест>ва имеют все имена: и Ваше, и наших мелиораторов, а А. И. Рыкова⁵ — штук 20.

Давайте денег! Давайте землечерпалки!

3/IV. Искренно уважающий Вас Андрей Платонов.

P.S. Нельзя ли вызывать меня в Москву — есть много дел, не терпящих отлагательства, а меня не пускают. Вызовите — якобы для доклада⁶.
.....

Впервые: Страна философов, 1999. С. 503. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой; Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 148–149. Публикация Н. Малыгиной.

Печатается по автографу: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 61.

1 Что конкретно имелось в виду, неизвестно.

2 В ходе этой поездки Платонов лично проверял проход паводковых вод через недостроенные плотины (см. прим. 2 к п. 66). Как свидетельствует телеграмма в Наркомзем, на 25 марта у семи из 296 плотин были обнаружены незначительные промоины. Убыток составил 2000 рублей (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 71).

3 В ходе общественно-мелиоративных работ по рекомендации Наркомзема широко проводилась организация мелиоративных товариществ. Теоретически подобная форма организации должна была облегчить населению получение ссуд на мелиоративные работы. Однако с заверше-

нием общественных работ вопрос о кредите вставал особенно остро. 8 апреля Платонов выступил по этому поводу на заседании губернской тройки. Решение, принятое по этому вопросу, было следующим: “Принимая во внимание заинтересованность населения в мелиоративных работах и широкую организацию мелиоративных товариществ в губернии, деятельность которых и жизненность всецело зависят от срочного предоставления им на работы долгосрочного мелиоративного кредита, просить НКЗ о скорейшем переводе назначенного для Воронежской губернии долгосрочного мелиоративного кредита” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 25). Эта же проблема отражена в докладе инспектора Прозорова от 23 апреля: “Общественно-мелиоративные работы в Воронежской губернии вызвали чрезвычайный интерес к делу мелиорации у населения. Лучше всего это характеризуется развитием мелиоративных товариществ: еще в августе в губернии не было ни одного мелиоративного товарищества, в настоящее время зарегистрировано ГЗУ 284 товарищества (36 — осушение, 248 — обводнение) с площадью осушительных работ до 9 000 дес., устройством 158 новых прудов и 132 колодцев.

Существующий ныне во всех уездах штат уездных мелиораторов и техников при них, занятый сейчас на общественно-мелиоративных работах, в состоянии принять на себя производство работ на землях мелиоративных товариществ, население сможет произвести все работы, не требующие квалифицированной рабсилы, своими средствами — однако для оплаты квалифицированной рабсилы и материалов необходим ссудный кредит” (Там же. Л. 35–36).

- 4 Вероятно, речь идет о статьях Платонова “Мелиоративная война против засухи” (ВК. 1925. 21 февраля) и “Как единственно возможно ликвидировать засуху” (Там же. 12 марта).
- 5 Рыков Алексей Иванович (1881–1938, репрессирован) — государственный и партийный деятель. После прихода к власти большевиков работал на высоких руководящих должностях: нарком внутренних дел (1917), председатель ВСНХ (1918–1921, 1923–1924), заместитель председателя СНК (с 1921 г.), председатель СНК СССР (1924–1930) и др. Занимал высокие партийные посты (член Политбюро ЦК, 1922–1930; Оргбюро ЦК, 1920–1924, и др.). Популярность имени Рыкова в данном случае объясняется тем, что общественно-мелиоративные работы в губернии были открыты после получения телеграммы за подписью председателя СНК Рыкова об ассигновании на Воронежскую губернию 1 118 000 рублей.
- 6 Уже 8 апреля на адрес заместителя заведующего ВГЗУ пришла телеграмма: “Прошу срочно командировать Платонова <в> Москву <для> доклада <о> мелиоративных товариществах. Копылов” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3378. Л. 60).

.....

5 мая 1925 г. Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.

Категорически приказываю в течение десяти дней до пятнадцатого силами наличия техперсонала и опытных десятников открыть все работы за счет последнего ассигнования дополнительной предпомощи, переданного вам УИКом¹. Начатые ведущиеся работы временно приостановить, исключая голодный штат, исключительно использовать по открытию работ на новые голодные средства. Бесперывно посылаю персонал. Отверстие водосливных канав допускайте максимум две сажени, при водосборах две квадратных предельных. Выслана инспекция. Неисполнение сего повлечет ненужную голодовку крестьян и огромную ответственность НР².

Платонов.

Воронеж, Губземуправление.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 368.
Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

Протасевич Сергей Евгеньевич (1892–1938; репрессирован) — инженер-мелиоратор, имел среднее и неполное высшее техническое образование (Варшавский политехнический государственный университет). Из автобиографии Протасевича: “После демобилизации из Красной армии в 1923 году был допущен выс. Комиссией по испытанию на звание высшей квалификации при Наркомпросе к защите проекта и получил звание инженера Мелиоратора. Практическую и служебную деятельность начал с 1913 года службой на заводе Березовского Золото-промышленного Т-ва Екатеринбургской губернии — Урал, в качестве техника ремонтно-механических мастерских, где исполнял токарно-механические и литейные работы; в течение 2-х месяцев руководил всеми мастерскими в качестве врем. исполн. должность заведующего; составлял конструктивные чертежи механизмов, деталей машин, механических установок. С 1914 года служил в Нижегородской Гидротехнической партии Отдела Земельных Улучшений Упр. Земледелия в должности гидротехника и производил работы по осушению болот, устройству плотин, планировке лугов, всевозможным изысканиям и составлению проектов, смет. <...> В 1921 году был откомандирован из Красной армии на службу в Запорожский

Губернский Земельный Отдел на должность гидротехника I разряда. Затем в том же Губземотделе занимал должности: Заведующего Гидротехнической Секцией и Заведующего Губмелиоводами, в коей должности утвержден приказом по Наркомзему УССР. Параллельно состоял сначала ученым секретарем Губернского Мелиоративного Комитета, потом его председателем. По распоряжению Запорожского Губисполкома в 1922 году работал в Губ. Комитете Государственных сооружений по совместительству в качестве производителя работ по постройке плотины на р. Мокрая Московка. Служа в Запорожском Губземотделе руководил всеми гидротехническими работами губернии по обводнению госфондовых земель, устройству орошений, производству глубокого бурения; непосредственно производил гидротехнические исследования, ответственные изыскания, постройку гидротехнических сооружений и составлял проекты. <...> С упразднением Запорожской губернии в 1923 году был переведен в Екатеринославское Губземуправление на должность Заведующего Торфяным Отделением; после реорганизации Отдела Мелиорации занимал должности Губернского специалиста по мелиорации и инженера-гидротехника и исполнял следующие работы: по ремонту и устройству плотин, гидроустановкам, устройству артезианских колодцев, орошению, электрификации, водопроводов, производил инстр. изыскания, съемки, гидрометрические работы, гидрогеологические исследования, участвовал в экспертизах, составлял проекты, сметы, как гидротехнического, так и строительного характера. Параллельно этому персонально исполнял работы по обводнению, гидрогеологии по заданию Южной области Мелиоративной Организации (ЮОМС — Одессы). <...> В 1925 году с открытием общественно-мелиоративных работ я был приглашен на службу в Воронежское Губземуправление. Занимая должность Уездного Мелиоратора (он же производ. работ) по Нижнедевицкому уезду, успешно руководил и провел кампанию общественных работ, заключающуюся в сооружении многих десятков плотин (прудов), колодцев, дорожных дамб, мостов на общую сумму 180 000 рублей. <...> По окончании всех гидротехнических сооружений был переведен на ту же должность в Богучарский уезд Воронежской губернии для производства плановых работ по новым кредитам. <...> Из Воронежского Губзу я отбыл на службу в Туркестан в Управление Водного хозяйства, где занимал следующие должности: инженера для технических занятий Губводхоза, заведующего технической эксплуатации Джирнентского водного округа и временно исполнял должность начальника водного округа. По прибытии из Туркестана занимаю должность Нижнедевицкого Уездного инженера-мелиоратора Воронежской губ. Состоя в этой должности, произвел работы по постройке плотин и персонально построил водопровод, здания водокачки и электрической станции. За истекший 10-ти летний период моей практической и служебной деятельности в области механического дела, мелиорации и строительства самостоятельно исполнил массу мелких и несколько крупных проектов, возвел гидротехнические и дорожно-мостовые сооруже-

ния и произвел гидрогеологические исследования на площади до 66 000 дес.; работал по сельской электрификации и гидросиле. С 1921 года являюсь членом Союза Рабземлеса и Бюро Науч. Технических сил. На Советской службе и территории с 1917 года — беспартийный” (ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 1491, полностью: “Нижнедевицкий умелиоратор Протасевич” (По материалам Тамбовского и Воронежского областных архивов) / Статья и публикация Н. Корниенко // Страна философов, 2017. С. 365–367).

Деловая переписка Платонова и Протасевича передает “лихорадку буден” времени проведения в губернии общественно-мелиоративных работ. После завершения этой кампании Протасевич в ноябре 1925 г. отбывает на службу в Туркмению, в июне 1926 г. возвращается в Воронеж, но Платонова уже там не застает. Однако они будут поддерживать отношения, о чем свидетельствует приглашение Платонова, губмелиоратора Тамбовской губернии, Протасевичу занять должность губернского инспектора мелиоративных работ (см. далее примеч. к п. 119*). До конца 1927 г. Протасевич служил в ВГЗУ. Дальнейшие этапы службы этого талантливого инженера, знание и опыт которого высокого ценил Платонов, остаются неизвестными. Его имя значится в документах новосибирского “Мемориала”; из справки, полученной из Управления ФСБ по Новосибирской области, следует, что на момент ареста С. Е. Протасевич проживал в Новосибирске, работал инженером Водоканалстройтреста, арестован 27 ноября 1937 г., 2 января 1938 г. осужден по статье 58-2-8-9-11 УК РСФСР к ВМН — расстрелу.

Протасевич вместе с другими уездными мелиораторами выступал докладчиком Платонова на Воронежском мелиоративном совещании в июле 1925 г. (см.: Губернское мелиоративное совещание // ВК. 1925. 24 июля. С. 3). В протоколе совещания с правкой Платонова (он председательствовал на заседаниях) на тексте выступления “Нижнедевицкого умелиоратора” Протасевича имеется следующая характеристная запись: “...выделить Нижнедевицкий уезд на 1-е место: указать, что мелiorация» может» стать доходным делом, так» как» она нужна населению как почва” (цит. по: Андрей Платонов. Личное дело. Научно-популярное издание /сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков. Под общей редакцией чл.-корр. РАН Н. В. Корниенко. Воронеж, 2013. С. 197, 205). Показатели в Нижнедевицком уезде в сравнении с другими уездами действительно были высокими, приведенной записью Платонова отмечен следующий абзац выступления Протасевича: “Мелиоративных т-в «18». Самодеятельность населения проявляется. Работы непочатый край. Имеются 8 работ исключительно за средства населения. Нижнедевицкая Мелиоративная организация уже имеет, хотя и малые — 150–180 руб., собственные производственные средства, поступившие от населения за составление проектов, смет и изысканий. В будущем, по окончании общественных работ техперсонал сможет более выявлять местные потребности в мелиорации. Самоокупаемость вполне возможна” (Там же. С. 205).

- 1 УИК — уездный исполнительный комитет. В апреле Платонов дважды докладывал вопрос кредитования мелиоративных работ; на заседании Губтройки (8 апреля) делал “доклад по вопросу «о необходимости немедленного предоставления мелиоративного кредита организованным мелиоративным товариществам»”; 29 апреля на техническом совещании при ГЗУ Платонов останавливается на вопросе об использовании средств “голодного кредита” — “выступает с докладом об организации общественно-мелиоративных работ за счет отпущенных кредитов по оказанию продовольственной помощи населению Воронежской губернии” (Антонова Е. В. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 460).
- 2 НР — сокращ. “начальник работ”.

[83**] С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ
 Май 1925 г.: Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.
 Новых работ <на> остатки голодных кредитов не открывать <до> особого распоряжения. Ускорьте окончание производящихся.

Платонов.
 .....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 368.
 Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

---

[84] А. А. ПРОЗОРОВУ
 2 июня 1925 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Мелиорация. Прозорову. Экстренно приобретите <и> вышлите десять рулеток, пять гониометров¹. Возьмите деньги <у> Боярского². Возмещение переведем немедленно <по> вашему сообщении.

Платонов.
 .....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 86. Телеграмма.

- 1 Гониометр — прибор для измерения углов между плоскими гранями твердых тел. Используется в кристаллографии, геодезии, метрологии и др.
- 2 Боярский Александр Федорович — инструктор общественно-мелиоративных работ Наркомзема.

[85] В НАРКОМАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР

8 июня 1925 г. Воронеж

Москва. Управмелиозем Наркомзема.

Пунктов 450, прудов 306, закончено 27, колодцев 108, закончено 19, орошение 3, лесомелиоративных 24, закончено 4, прочих 7, осушение 2, платных 64 288, конных 13 540, бес-
платных 1950, конных 668, земляных 19 368, укрепление 398.

Губернский мелиоратор Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 55. Телеграмма.

.....

[86] Б. Ф. Копылову

11 июня 1925 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

Кредиты получены. Пятьсот пятьдесят рублей
<за> инструменты <переведены> телеграфом сегодня¹.
Фотографии высланы².

Губмелиоратор Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 95. Телеграмма.

1 Речь идет о рулетках и гониометрах, упомянутых в п. 84.

2 Имеются в виду фотографии объектов общественно-мелиоративных работ.

.....

[87] Б. Ф. Копылову

11 июня 1925 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Управмелиозем. Копылову.

Сводка 3484 правильна¹.

Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 49. Телеграмма.

1 Ответ на телеграмму Копылова: "Сводка 3484 противоречит предыдущей. Сообщите правильные сведения" (РГАЭ. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 45). Речь шла о телеграмме-сводке от 8 июня.

.....

[88] В НАРКОМАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР

22 июня 1925 г. Воронеж

Москва. Управмелиозем. Наркомзем.

Пунктов 510, прудов 387, закончено 93, колод-
цев 110, закончено 58, орошение 3, прочих 7, осушение 3,
платных 10 618, конных 13 097, бесплатных 1289, кон-
ных 460, земляных 1782.

Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 53. Телеграмма.

.....

[88*] С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ

1 июля 1925 г. Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.

Сообщите, каким образом утраиваются Ваши тех-
ники, подлежащие увольнению по сокращению штата¹.

Губмелиоратор Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 369.
Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

- 1 На сообщении Протасевича от 25 июня 1925 г. о необходимости выпол-
нения директивы по сокращению четырех уволенных техников
и о том, что он двух техников устроил в уезде, имеется запись Платоно-
ва: "Каким образом он их «устраивает». А. П. 30/VI" (ГАВО. Ф. 19.
Оп. 78. Ед. хр. 7. Л. 133).

.....

[89] А. В. МИРОНОВУ

13 июля 1925 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Мелиорация. Миронову. Прось-
ба командировать Прозорова, Рунова <на> губернское ме-
лиоративное совещание, открывающееся семнадцатого¹.

Платонов.

.....

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3387. Л. 119. Телеграмма.

Миронов Александр Владимирович — заведующий отделом мелиорации Управмелиозема.

- 1 Собрание проходило с 17 по 20 июля. Сам Платонов выступил на нем с докладом о проведенных общественно-мелиоративных работах, о мелиоративной кооперации, мелиоративном кредите и будущей мелиорации в губернии.

[90]

ПАВЛОВУ

5 сентября 1925 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Мелиорация. Павлову. Просьба телеграфировать <о> возможности отсрочить представление сведений¹. Точных данных <за> неокончанием работ нет, работы не окончены <на> 15 %, голодные и осушение. Беспрерывные ливни. Напрягаем крайние усилия.

Платонов.

Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 81. Телеграмма. Павлов — неустановленное лицо, скорее всего, сотрудник отдела мелиорации Наркомзема.

- 1 Речь идет о подаче окончательного отчета по общественно-мелиоративным работам.

[90*]

С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ

5 сентября 1925 г. Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.

Приезжайте Воронеж немедля, захватив все материалы <для> пополнения отчетности¹.

Платонов.

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 369. Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

- 1 Речь идет о подготовке отчета по общественно-мелиоративным работам за 1925 г. (см. п. 90, 91). Виза Платонова на плане общественно-мелиоративных работ в Нижнедевицком уезде на 1925/26 гг.: “Переговорить с Протасевичем по его приезду. АП. 7/IX”:

[90**]

С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ

7 сентября 1925 г. Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.

Привезите один нивелир¹ <с> собой.

Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 369. Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

- 1 Нивелир — геодезический инструмент для нивелирования, т. е. определения разности высот между несколькими точками земной поверхности.

.....

[90***]

С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ

16 сентября 1925 г. Воронеж

Нижнедевицк. Умелиоратору Протасевичу.

Завтра в Нижнедевицке встречайте Зенкевича¹,Кондратьева². Поездки в Касторное³.

Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 369. Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

- 1 Зенкевич Август Леонидович (см. примеч. 6 к п. 60).
- 2 Кондратьев Владимир И. — инженер п/отдела мелиорации, губернский специалист по огнестойкому строительству.
- 3 Приезд ведущих инженеров подотдела связан с проверкой хода общественно-мелиоративных работ в уезде, в частности, в Касторском районе. Сохранилась папка документов по Касторскому району за сентябрь 1925 г. — с ведомостями и графиком мелиоративных работ, планами строительства плотин, описанием объема работ и т.п. Виза Платонова на письме Протасевича (машинопись) в Губзу от 19 сентября, с сообщением, что вследствие дождей закончить к сроку начатые работы невозможно, и просьбой о продлении срока: “Работы все д. б. закончены максимум к 1/Х. АП. 24/IX” (ГАВО. Ф. 19. Оп. 78. Ед. хр. 107. Л. 193). Виза Платонова на письме Протасевича (автограф) в Губзу от 24 сентября о невозможности закончить работы в срок, потому что не хватает техников и нет поддержки в уезде: “Выяснить срочно обстоятельства дела с Протасевичем. АП. 26/IX”. (Там же. Л. 194). На ответ-

ной телеграмме Протасевича от 26 сентября (машинопись) стоит
виза Платонова: “Разрешить проезд Протасевича в день приезда. АП.
28/IX” (Л. 202, 203).
.....

[91] В НАРКОМАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР
21 сентября 1925 г. Воронеж

Москва. Управмелиозем Наркомзема.
Отчет будет предоставлен первого октября. Губме-
лиоратор Платонов.
.....
Печатается по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Ед. хр. 3388. Л. 81. Телеграмма.
.....

[91*] С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ
28 сентября 1925 г. Воронеж

Нижедевицк. Умелиоратору Протасевичу.
Телеграфируйте день приезда в Воронеж по сдаче,
ускорив таковую.
Платонов.
.....
Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 369.
.....

1926

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

---

[92] М. А. Платоновой
Февраль 1926 г. Москва

Получил твою субботнюю <телеграмму>. Приеду
<во> вторник почтовым. Поедем снова вместе <в> Мо-
скву, Ленинград. Привезу тебе радость. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 443. Телеграмма. Публи-
кация Н. Корниенко.

Датируется условно временем Всероссийского мелиоративного сове-
щания, на котором Платонов был избран в состав ЦК профсоюза ра-
ботников земли и леса.
.....

---

[93] М. А. Платоновой
Июнь 1926 г. Ленинград

<В> Москве буду десятого вечером. Ожидаю тебя
немедленно. Телеграфируй <в> Наркомзем день приезда,
каким поездом. Будь осторожна при поездке. Целую.
Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 443. Телеграмма. Публи-
кация Н. Корниенко.

Датируется условно — временем переезда семьи Платонова из Воро-
неж в Москву.
.....

Товарищ Воронский!

Два года назад я был у вас, разговаривал о стихах, которые потом печатались в альманахе “Наши дни” и в “Прожекторе”¹.

Эти два года я был на больших и тяжелых работах (мелиоративных), руководя ими в Воронежской губернии².

Теперь я, благодаря смычке разных гибельных обстоятельств, очутился в Москве и без работы³. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я спую и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин и 3 электростанции и еще много работ по осушению, орошению и пр.⁴).

Но пишу и думаю я еще более по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное⁵.

Посылаю вам 4 стихотворения, 1 статью и 1 небольшой рассказ — всё для “Красной нови”⁶. Убедительно прошу это прочитать и напечатать.

Я знаю, что вас и так заваливают просьбами и материалами, но я обращаюсь в первый раз.

Глубоко уважающий вас

Андрей Платонов.

27/VII 26.

Мой адрес: Москва, Б<ольшой> Златоустинский пер<еулок>, 6. Центральный дом специалистов.

А. П. Платонову.
.....

Впервые: Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920–1930 годов. М.: Наука, 1983. С. 609. Публикация Е. А. Динерштейна.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1677. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1. Письмо, возможно, не было отослано Воронскому: переведено в фонд последнего из фонда А. Платонова, где оно было зарегистрировано в 1951 г., в год сдачи архива писателя в РГАЛИ.

Воронский Александр Константинович (1884–1937, репрессирован) — журналист, критик, с 1921 по 1927 г. — редактор журнала “Красная

новь», с 1922 по 1927 г. — журнала «Прожектор»; председатель правления издательства «Круг». Платонов внимательно следил за дискуссией о пролетарской литературе 1923–1926 гг., одним из активных участников которой был Воронский; отношение к эстетической программе Воронского выражено в его рецензиях 1924 г.: «Искусство — познание жизни», — заявляя это, тов. Воронский с гордостью указывает, что такое определение искусства давал еще Белинский. / Добавлю: — Не только Белинский — / еще раньше — Гегель. / У Гегеля было свое определение искусства. Но можно ли так, с категоричностью, утверждать, что гегелевское определение — это и есть *истинно марксистское* определение? — Сомнительно!» (Сочинения I (2). С. 259).

Вряд ли летом 1926 г. Воронского мог заинтересовать практически неизвестный ему писатель с производственной биографией. Да и сам редактор в это время оказался в крайне неблагоприятной для него ситуации. Поддержка Воронским платформы оппозиции в партии дала его оппонентам из РАППа дополнительный аргумент для обвинения ведущего критика в «литературном троцкизме»; Воронский весьма скептически отнесся к созданию Федерации советских писателей, инициированному Отделом печати ЦК; в мае разразился политический скандал вокруг повести Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны», посвященной Воронскому, и т. п. В июне 1926 г. вся литературная Москва обсуждает статью Воронского «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (Красная новь. 1926. № 5), являющуюся ответом на обвинения лидера РАППа, критика Л. Авербаха, которого Воронский открыто уличал в разнузданной клевете и развале пролетарских организаций и изданий (подробно см.: *Динерштейн Е. А.* А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 152–154, 166–168). Разошелся Воронский с РАППом и еще по одному актуальному литературно-политическому вопросу — о призыве рабочих в пролетарскую литературу и рабочем писательстве. Если в 1922 г. в полемике с русской эмиграцией и внутренними эмигрантами Воронский утверждал, что новая литература советской России — это литература «русского демоса», то к середине десятилетия, во многом следуя за Л. Троцким, выступил последовательным оппонентом рабочего писательства. Платонов 1926 года, в том числе в его письме Воронскому, очень напоминает образ непрофессионального литератора из рабочей среды, воссозданный в статье «Художественная литература и рабкоры (О простых истинах и простом писателе)» (1925): «Разбросаны эти первые опыты в газетах, в еженедельниках, в профессиональных изданиях, не делающих большой литературной погоды. Напечатано таких произведений не много, но и не мало. А еще больше их пишут. Их пишут не профессиональные литераторы, а люди разных возрастов, но преимущественно из рабочей молодежи, до сих пор связанные с фабрикой и производством, их пишут в промежутки, между «делом», в немногие свободные часы для отдыха, их пишут неустановившимся, ломающимся почерком, с грубейшими грамматическими и синтаксическими ошибками, их пишут потому, что не могут не писать, под напором мыс-

- лей, чувств и настроений — потому что эти чувства и настроения требуют бумаги и пера, их пишут многие, хотя они и не являются художниками” (Воронский А. К. Литературные записи. М., 2006. С. 131–132).
- 1 Платонов регулярно бывал в Москве в Наркомате земледелия. В альманахе “Наши дни” (М.; Пг., 1924. № 4. С. 24) напечатано стихотворение “Сердце в эти дни смертельно и тревожно”; в журнале “Прожектор” (М., 1923. № 16. С. 2) — “Динамо-машина”.
  - 2 Имеется в виду “два года” после встречи с Воронским в 1924 г. Речь идет об общественно-мелиоративных работах 1924–1925 гг.
  - 3 Подробно об истории переезда Платонова в Москву и увольнении с работы см. п. 96.
  - 4 См. работы Платонова, отмеченные в удостоверении, выданном ему Воронежским ГЗУ 11 мая 1926 г.: “За это время под его непосредственным административно-техническим руководством исполнены в Воронежской губернии следующие работы:
 построено 763 пруда, из них 22 % с каменными и деревянными водосливами и деревянными водоспусками;
 построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных);
 построено 16 трубчатых колодцев;
 осушено 7600 десятин;
 орошено (правильным орошением) 30 дес.,
 исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) — и построено 3 сельские электрические силовые установки. Кроме того, под руководством А. П. Платонова спроектирован и начат постройкой плавучий понтонный экскаватор для механизации регулировочно-осушительных работ.
 Тов. Платоновым с 1 августа 1924 г. по 1 апреля 1926 г. проведена кампания общественно-мелиоративных работ...” (Волга, 1975. С. 163).
  - 5 Ср. начало статьи “Фабрика литературы”, написанной в первые месяцы московской жизни: “Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни”.
  - 6 В 1926–1927 гг., когда Воронский еще оставался редактором “Красной нови”, публикаций Платонова в журнале не было.
 .....

[95] А. Г. Божко-Божинскому

7 августа 1926 г. Москва

Андрей Гаврилович!

Прошу извинить за беспокойство (вторичное)¹. Но положение мое очень трудное, поэтому я вынужден обратиться снова к Вам.

Случилось так, что я, человек уже много поработавший и кое-что сделавший, человек здоровый и знающий несколько областей, остался без работы².

В Москве, с семьей — это вдвойне тяжело³.

В прошлый раз вы вскользь упомянули о Госиздате⁴. Я думаю, что я бы сладил с этой работой: гидротехника и электротехника — мои специальности, и я имею большой практический стаж по ним (800 плотин, 400 колодцев, 40 дес<ятин> орошения, 7500 дес<ятин> осушения, 3 электростанции, экскаватор — всё это сделано в Воронежской губернии под моим не только руководством, но и при прямом участии)⁵.

Я бы смог и практически работать (завод, всякое предприятие — по линиям своей специальности).

Далее, я работал много и в литературе (в том числе в “Известиях ЦИК’а”⁶, в “Красн<ой> ниве”⁷, “Кр<ас-ной> нови”⁸ и мн. др.).

Но как-то так случилось, что везде меня хвалят, но никто не спросит или не предложит работы: вероятно, везде трудно, я понимаю, и действительно нельзя помочь.

Я знаю, что возможности у Вас очень ограничены, но все же, может, Вы немного поможете мне. Я согласен на всё и делать умею многие вещи.

Если же нельзя, то нельзя. Я и прошу, и спрашиваю. Прошу извинить за такую назойливость. Я знаю Вас по Воронежу и помню, что Вы положили начало моей мелиоративной карьере⁹, с результатами которой я мог бы познать Вас на досуге.

С глубоким уважением А. Платонов. 7/VIII.

P. S. Ответить можно через подательницу — жену.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 584. Публикация Е. Антоновой.

Божко-Божинский Андрей Гаврилович (1884–1949) — профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1904 г.; после революции работал в Воронеже на ответственных партийных должностях: в 1919–1920 гг. — член редколлегии газеты 2-й Особой армии (позднее 2-я Трудовая армия) и комиссар информационного отдела штаба армии, в 1921–1922 гг. член редколлегии “Воронежской коммуны”, заместитель председателя Губернского экономического совещания, председатель Губплана, с 1922 г. ответственный секретарь Губернской

контрольной комиссии. В 1923 г. Божко-Божинский покидает Воронеж и переезжает в Москву. С 1925 по 1927 г. Божинский являлся коммерческим директором треста “Мосстеклофарфор”. В мае 1932 г. Божинский назначается управляющим треста “Росметровес” и принимает на службу братьев Климентовых — Петра и Андрея; для А. Платонова, пережившего трагедию изгнания из литературы после публикации “Впрок”, инженерная работа в тресте стала выходом из бедственного положения, в котором оказался он и его семья.

- 1 О первом обращении Платонова к Божко-Божинскому на данный момент ничего не известно.
- 2 С 1 августа 1926 г. должность Платонова — заместитель ответственного секретаря земсекции ЦК профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих (Всеработземлес) — занимал А. Н. Тираспольский. Формально Платонов был откомандирован на работу в Наркомзем.
- 3 Платонов перевез семью в Москву в июне 1926 г., после своего оформления на работу в ЦК Всеработземлеса.
- 4 По всей вероятности, речь могла идти о какой-то работе в сфере подготовки и издания технической литературы.
- 5 Здесь Платонов в общих чертах приводит сведения из удостоверения, выданного ему при увольнении из ВГЗУ 11 мая 1926 г.; см. примеч. 4 к п. 94.
- 6 Речь идет о статье “О дешевом водном пути Черноземного края” (Известия. 1926. 17 июля).
- 7 Речь идет о публикации рассказа “Бучило” (Красная нива. 1924. № 43).
- 8 На момент написания письма у Платонова не было публикаций в журнале “Красная новь” (см. примеч. к п. 94).
- 9 За время пребывания Божинского в Воронеже Платонов неоднократно обращался к нему по самым важным вопросам: это и организация в 1921 г. комиссии по гидрофикации, с которой началась мелиоративная деятельность Платонова, и проект гидроэлектростанции на реке Воронеж в 1922 — начале 1923 г.

[96]

Н. М. Анцеловичу

Август–сентябрь 1926 г. Москва

Наум Маркович!

Прошу извинения за возвращение к старому вопросу. Из нашей беседы в субботу мне осталось неясным одно — пункт о моей комнате¹ (потому что я, оберегая Вам время, поспешил уйти).

В своих словах Вы были совершенно правы. Я это Вам с полной искренностью подтвердил. Неясность для меня заключается в том, что я все же не вижу исхода: как мне устроиться с квартирой. Жить в ЦДС² нельзя, это

бесспорно. Необходимо выселиться. Верно. Но куда? В случае со мной я лично ни капли не виноват. С этим согласны некоторые ответственные работники ЦК, да, вероятно, и Вы видите, что я чья-то, пусть нечаянная, жертва.

С точки зрения формальной логики Вы были совершенно правы, но с точки зрения живой жизни, диалектики (если можно так выразиться здесь) решения нет.

Я без работы. Работа для меня существует только в перспективе³, а не в действительности. Вторая перспектива — выселение меня с милицией. У меня семья — 4 человека⁴. Можно согласиться, что сумма такого факта (безработица) и такой перспективы (выселение на улицу) может дать в результате гибель человека. Едва ли это нужно кому. Вы же, Председатель нашего ЦК, отнесшийся ко мне с таким товарищеским сочувствием и благожелательностью, не можете мне пожелать безысходного отчаяния и последней беды.

Поэтому я прошу Вас, Н^{аум} М^{аркович}, еще раз пересмотреть вопрос обо мне. Я думаю, что по многим вопросам касательно меня Вы не совсем точно информированы.

Я не виноват и не хочу доходить до последнего отчаяния. Пусть распутают дело со мной те, кто виноват, кто довел меня до такого состояния безысходности и нищеты.

Я пишу Вам это потому, что я Вам верю и убежден, что Вы поможете мне. Кроме Вас, никто мне не поможет.

А помощь мне нужна действительная. Те убеждения, что я ни в чем не виновен, но что я, однако, несмотря на это, должен выйти на улицу, грешат против логики, и против жизни, и против профессиональных и советских принципов.

С глубоким уважением <А. Платонов>.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 589–590. Черновой автограф. Публикация Н. Корниенко.

Датируется условно — по содержанию письма.

Анцелович Наум Маркович (1888–1952) — советский партийный и профсоюзный деятель, в это время — председатель президиума ЦК Сою-

за сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР, кандидат в члены президиума Всесоюзного центрального союза профессиональных союзов (ВЦСПС). Анцеловичу Платонов отправил не одно письмо. Возможно, какие-то документы отношений всесильного бюрократа с Платоновым будут выявлены при разработке архивных фондов ВЦСПС и персонального фонда Н. М. Анцеловича (ГАРФ).

- 1 После переезда в Москву Платоновы занимали комнату в Центральном доме специалистов сельского и лесного хозяйства (Большой Златоустинский переулок, дом 6), относящемуся к ведомству ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. Платонов был освобожден от занимаемой должности 18 июля 1926 г., а первые документы о выселении семьи (письмо и счет) датированы 8 июля (см.: К истории выселения семьи А. Платонова из ЦДС. Публикация Н. Корниенко // Архив. С. 588).
- 2 ЦДС — Центральный дом специалистов.
- 3 В сентябре решался вопрос о работе Платонова в Наркомате земледелия, о чем свидетельствует письмо заведующего отделом мелиорации НКЗ Миронова в ЦДС с просьбой предоставить комнату инженеру Платонову “ввиду того, что т. Платонов временно командирован на ударную работу по восстановлению Центрально-черноземной области, а семья его остается в Москве” (К истории выселения семьи А. Платонова из ЦДС. С. 589).
- 4 У Платоновых в это время жила младшая сестра Марии Александровны Валентина, переехала из Воронежа в Москву вместе с семьей сестры; до замужества жила в их семье, нянчила Платона.
.....

[97]

В. В. Казину

Август—ноябрь 1926 г. Москва

В. В. — Казину.

Вася, оставляю рассказ¹ — прочти. И если для “Прожектора” или “Кр<асной> н<ови>” подойдет, дай Воронскому². Прошу, Вася, сделай это скоро, и или да, или нет, буду звонить...

Жму руку.

Платонов.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1405. Датируется условно летом — осенью 1926 г., до отъезда Платонова в Тамбов.

Казин Василий Васильевич (1898–1981) — поэт, активный участник литературной жизни 1920-х гг. Платонов был знаком с Казиним с начала 1920-х гг. Казин входил в группу “Кузница” и являлся членом редкол-

легии одноименного журнала, с которым Платонов сотрудничал (в № 7 “Кузницы” за 1921 г. опубликован рассказ “Маркун”; в № 9 за 1922 г. — статья “Пролетарская поэзия”).

Письмо Казину находится в папке с рассказом Платонова “Потомок рыбака”, опубликованным в “Красной нови” (1928. № 6), когда Воронский уже не был редактором журнала “Красная новь” и соредактором “Прожектора”.

- 1 Неизвестно, о каком рассказе идет речь.
- 2 С 1923 г. Казин входил в ближайший круг сотрудников А. К. Воронского: член правления издательства “Круг” (с 1923 г.); печатался и выполнял редакторскую работу в журналах Воронского.

.....

[98] В ОРГКОМИТЕТ ЦДС 2 декабря 1926 г. Москва

В Организационный комитет Центрального дома специалистов сел<ьского> и лесн<ого> хоз<яйст>ва.

Наркомзем, куда я поступил на службу¹, предложил мне длительную командировку в Тамбовскую губернию — для организации в ней работ по мелиорации, торфодобы-
ванию и сельскому огнестойкому строительству в связи с восстановлением с.-х. и борьбой с засухой.

Положение в Тамбовской губернии действительно таково, что отказываться ехать было невозможно по мно-
гим причинам, из которых желание получить работу игра-
ло наименьшую роль. С другой стороны, обстановка в Там-
бовском ГЗУ (насколько я ее знал) не предвещала успеха
тем реформам и реорганизации дела, которые я намерен
там осуществить. Не исключена возможность того, что
я там не сработаю, несмотря на гарантированную мне
поддержку НКЗема и одобрение предложенного мною
способа постановки мелиоративного дела в Тамбов<ской>
губ<ернии>. Путешествовать же по стране с семьей я не
имею ни желания, ни средств, ни права нарушать жизнь
своих близких. Однажды ошибившись (не по своей, правда,
вине), я на вторую подобную ошибку идти не могу².

Поэтому я согласился бы выехать в Тамбовскую
губ<ернию> лишь в том случае, если за моей семьей оста-
нется право на занятие того помещения, которое она зани-

мает сейчас в ЦДС, и после моего выезда из Москвы. Это право должно сохраниться по крайней мере в первые 3 м<еся>ца после моего отъезда из Москвы, после чего, может быть, дело с моей квартирой в Москве можно будет уладить другим способом. Считая, что в деле рационального использования миллионных государственных средств в Тамб<овской> губ<ернии> заинтересован и наш производственный профес<сиональный> союз, я убедительно прошу в этой моей просьбе не отказать и выдать мне Ваше решение в письменной форме.

Ст<арший> инженер-гидротехник отдела
мелиор<аций> и водн<ого> хоз<ая>ства НКЗ
А. Платонов, 2/ХІІ–26.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2003. С. 647–648. Публикация Е. Антоновой и Л. Аронова.

- 1 Платонов был зачислен на службу в Наркомат земледелия на должность инженера-гидротехника Отдела мелиорации решением приемно-аттестационной подкомиссии Наркомзема от 21 октября 1926 г. (см.: “Губмелиоратор тов. Платонов”. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой // Страна философов, 2000. С. 508).
  - 2 Речь идет о переезде в Москву в июне 1926 г. в связи с работой в ЦК Всеработземлеса.
- .....

[99] М. А. Платоновой
8 декабря 1926 г. Тамбов

Муся!

Пишу в вагоне, подъезжая к Тамбову¹.

Сейчас 2 ч<аса> дня. Что там поделявает Тотка?

Спит или шарлатанит? Тресни его по $\text{sir}'\text{y}^2$ за меня. Едем пустыми предосенними полями, но зелени еще много. Не скучай: жить без тебя и Тотки нигде нельзя.

Вечером напишу закрытое письмо³. Трудно писать — трясет. Обнимаю, трясую и целую обоих: тебя и нашего маленького мужичка.

Андрей.

.....

Москва!

Мама!

Ничего еще нет, но Мамбурский
порт. Кроме всего город — нигде
не мог увидеть порт. здания,
потому в лаву в конвент
тебя, написанное в полуд.

Свой "Балада" оставил
в доме Кесслерина и фотия-
ти полтинник (за счет).

Город очень запущенный
и грязный. Гораздо хуже
Воронежа. Но все в зелени
и масса садов и скверов,
где еще даже человек, как
в Москве. Очень тихо и споко-
но кругом. Сейчас 6 ч. веч.
Не знаю, куда мне отправиться.
Уже заходит в 2.34 (проез-
д в Дз. Кесслерина); там никого
нет. Зайду еще через час.

- 1 21 октября Платонова принимают на службу в Наркомат земледелия, зачисляют на должность инженера-гидротехника отдела мелиорации и сельского хозяйства НКЗ. Именно по линии этого ведомства, но уже в новой должности — старшего инженера-торфотехника — Платонов получает в декабре 1927 г. назначение в Тамбов.
Мария Александровна с сыном осталась в Москве. Письма отправлялись на адрес ЦДС: Москва, Б. Златоустинский пер., 6, Центральный дом специалистов сельского хозяйства.
- 2 *Sip'y; sip* — задница (в воронежских и тамбовских говорах).
- 3 Т. е. не на почтовой карточке.
.....

---

[100] М. А. Платоновой
8 декабря 1926 г. Тамбов

Муська! Маша!

Пишу тебе стоя, на тамбовской почте. Прошел весь город — нигде не мог увидеть почт<ового> ящика, поэтому влагаю в конверт письмо, написанное в поезде¹.

Свой “багаж” оставил в Доме крестьянина и заплатил полтинник (за сутки).

Город очень запущенный и глухой. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов, где есть даже песочек, как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом. Сейчас 6 ч<асов> веч<ера>. Не знаю, куда мне деваться. Уже заходил в ГЗУ (рядом с Домом крестьянина) — там никого нет. Зайду еще через час².

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, напр<имер>, с твоим живым характером, здесь жить абсолютно не смогла.

Людей мало. Учреждения по виду жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девушка, на которую ты взирала, оказалась полудеревенской девочкой в возрасте Вали³ — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно: у тебя в этих случаях мозг течет назад и тебя ничем не убедить, не пронять. Даже действительности ты не веришь, как философ Гегель, который говорил (когда факты шли против его теории): ну что ж, тем хуже для фактов!

Жаба философическая!

Тотик спрашивает обо мне? Не в чем везти. Здесь (по дороге) всё страшно дешево: яблоки — 1 к<опейка> за 3 шт<уки>, груши — 5 к<опеек> за 10 шт<ук> и т. д. Раз в пять дешевле Москвы⁴.

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду, посоветуемся.

В Воронеж, наверное, не поеду⁵.

Душа не лежит, и уже тоскую по Вас.

В вагоне к “Осенней поэме”⁶ написал еще 8 строк.

Мешала жлоборатория!⁷

Приеду — загоним поэму⁸.

Поезд шел страшно медленно. Ехали какими-то глухими русскими местами.

Все-таки жалко, что не взял Вас, — можно бы прожить здесь хоть неделю: очень тут тихо и зелено и дешево.

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю. Кончаю писать: почту здешнюю хотят закрывать.

Обними моего мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую. Андрей.
.....

Впервые: Архив. С. 445–446. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 2–3.

1 На почтовой карточке (п. 99) нет почтового штемпеля.

2 8 декабря, в день приезда в Тамбов, Платонов подает рапорт на имя заведующего Тамбовским ГубЗУ: “Доношу, что сего числа я прибыл в Тамбовское губземуправление и вступил в исполнение обязанностей губернского мелиоратора — о чем прошу Вашего распоряжения издать соответствующий приказ. Зачислить меня на жалованье прошу с 5/XII т. г. — дня откомандирования из НКЗема. Время с 5 по 7-е декабря ушло на приглашение персонала в Москве и ликвидацию

- домашних дел” (см.: *Ходякова Г. И.* “Возможно, что меня здесь слопают...” (О пребывании А. Платонова в Тамбове) // *Русская провинция: записки краеведов.* Воронеж, 1992. С. 164. Далее — *Ходякова*).
- 3 Речь идет о младшей сестре Марии Александровны.
- 4 С осени 1926 г. в центральных городах СССР нарастает продовольственный кризис, что было связано с низкими закупочными ценами на хлеб и сельскохозяйственные продукты, которые осенью крестьяне отказывались продавать по установленным государством ценам.
- 5 В Воронеже оставалась родная семья Платонова (Климентовы).
- 6 “Осенняя поэма” — первое название поэмы “Иван да Марья”; первоначально поэма была посвящена Марии Александровне; новые строки, о которых идет речь, вписаны в беловой автограф (см.: *Сочинения*, I (1). С. 608–609. Примечания Е. Антоновой).
- 7 Жлоборатория — платоновский неологизм. В неоконченной повести “Однажды любившие” образ уточнен эпитетом: “балакающая жлоборатория” (см. с. 652 наст. издания).
- 8 При жизни Платонова поэма не была опубликована (впервые: Октябрь. 1999. № 2. С. 131–134).
- .....

[101] М. А. Платоновой
10 декабря 1926 г. Тамбов

Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с тамбовским начальством. Был на конференции специалистов¹, а вечером на сессии губисполкома². Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают³ и начинают немножко ковырять. (Получаете “огромную” ставку⁴, московская “знаменитость”!) На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Те, кто меня здесь поддерживают и знают, собираются уезжать из Тамбова (зав<едающий> ГЗУ и зав<едающий> губмелиоземом). Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задержаны. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу всё каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Тамбова. Плевать! Город живет старушечьей жизнью: шепчется, не-приветлив и т. д.

Зав<едающий> губмелиоземом (секрет — не передавай ни Волкову⁵, никому) уезжает в Сталинград (Царицын)⁶ и зовет меня с собой. Я стараюсь быть пока нейтральным. Ну, плюнем на это! Пишу на службе, меня теребят, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Чемодан мой лежит в мелиорации. Ночевал у Барабанова⁷. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комиссионершей⁸ и женой Барабанова осматривал комнаты. Нашел за 15 р<ублей> с отоплением, необходимой мебелью и двумя самоварами. Сегодня после занятий переезжаю туда. Был у Тихомирова⁹ (в редакции); сами предложили работать. Будут платить, но очень мало. Все равно буду работать. В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни одного поэта, ни одного беллетриста!¹⁰ Удивительный город! Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя писать.

Уверен, что долго не проживу, — чудовищная зверская обстановка.

На днях — подробное письмо. И цены на продукты. И всё прочее. Очень мне тут тяжело. Толкай мои литературные дела.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин. Мой адрес пока: Тамбов, Губземуправление, губмелиоратору Платонову.

Твой Андрей, 10/XII, 12 ч<асов> дня.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 164 (в сокращении).

Печатается по: Архив. С. 446–447. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Платонов присутствует на заседании губземуправления, посвященном вопросам подготовки совещания специалистов сельского и лесного хозяйства (см.: К совещанию специалистов сельского и лесного хозяйства // Тамбовская правда. 1926. 10 декабря. С. 2).
- 2 IV сессия губисполкома открылась 6 декабря. 8 декабря (а также, скорее всего, 9 и 10) Платонов был на заседаниях, посвященных обсуждению доклада по итогам “восстановленческих мероприятий” в сельском хозяйстве. В курируемой им области мелиорации эти итоги были самыми удручающими: план по мелиорации оказался выполнен на 50%,

что объяснялось неполным штатом мелиораторов и распылением государственных кредитов. В связи с провалом мелиоративного плана контрольным инстанциям рекомендовалось обратить внимание на проверку расходования средств на мелиорацию, а ГЗУ — добиться пополнения штата специалистами-мелиораторами (Тамбовская правда. 1926. 11 декабря. С. 2).

- 3 В Тамбове Платонова знали как губернского мелиоратора соседней Воронежской губернии, а также, скорее всего, были осведомлены о его скандальном увольнении из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. За две недели до его приезда Тамбов посетили руководители секции землеустроителей ЦК Союза; обследовались работа и быт тамбовской секции, главное внимание было обращено на взаимоотношения губбюро секции с подотделами землеустройства и мелиорации. 30 ноября в Москве состоялось обсуждение отчета ответственного секретаря Тамбовской секции тов. Шатилова, на котором присутствовали инструктор Наркомзема и начальник Тамбовского ГЗУ тов. Рубцов (см.: Землеустроитель. 1926. № 12. С. 63). Представители землеустроительной секции ЦК Союза присутствовали и на открывающемся в Тамбове совещании специалистов сельского и лесного хозяйства.
- 4 Оклад Платонову (см. ниже) был назначен действительно значительно выше всероссийского и приближался к самым высоким окладам (Московская губерния); максимальный оклад заведующего подотделом мелиорации по России в 1926 г. составлял 150 рублей (см.: Вопросы зарплат мелиораторов // Землеустроитель. 1927. № 3. С. 21. Подпись: А. Т.).
- 5 Волков Иван Васильевич (1886–?) — член ВКП(б) с 1920 г., в 1923–1925 гг. — ректор инженерно-землеустроительного техникума в Киеве и член бюро секции землеустроителей. Был откомандирован в ЦК Всеработземлеса по запросу ЦК с целью “укрепить работниками Всесоюзную землеустроительную секцию”; в это время ответственный секретарь землеустроительной секции ЦК Союза; семья его также некоторое время жила в Центральном доме специалистов. В ЦК Союза Волков появился в одно время с Платоновым. До того в журнале “Землеустроитель” за подписями “Землеустроитель Волков”, “Уездный землеустроитель Волков” были опубликованы четыре его весьма посредственные статьи на организационные темы, в которых он главным образом развивал тему нового типа советского землеустроителя — землеустроителя-общественника (см.: Волков И. В., *земл.* Надо дать землеустроителю возможность быть общественником // Землеустроитель. 1925. № 6. С. 18–20). Волков был чистым функционером и, в отличие от Платонова, совершил стремительную карьеру: в июле 1926 г. на пленуме, освободившем Платонова от должности, Волков возглавил землеустроительную секцию; на пути восхождения на вершину власти он сбросил не только неудобного Платонова; тогда же он сначала вовсе упразднил должность своего заместителя, весьма авторитетного мелиоратора Н. В. Красавина, возложив собственным приказом его полномочия на себя, также убрал того из редколлегии главного журнала ЦК Союза “Землеустроитель”, а себя назначил ответственным редактором журнала (с июньского номера постоянно выступал на страницах журнала

- только с передовицами, из которых нельзя понять его специализацию). Волков принял самое непосредственное участие в увольнении Платонова и назначении на его должность с 1 августа 1926 г. такого же, как и сам, функционера, члена секции А. Тираспольского, среди заслуг которого (судя по информации журнала) стала поездка в Крым в апреле 1926 г., где он удачно снял в аренду дачу для летнего отдыха членов Союза (см.: Хроника // Землеустроитель. 1926. № 7. С. 78). В ноябре 1926 г. Волков посетил Тамбов с инспекционной проверкой.
- 6 Царицын был переименован в Сталинград в 1925 г., в 1961 г. переименован в Волгоград.
  - 7 Барабанов — инженер-мелиоратор губернского земельного управления; до приезда Платонова занимал должность губмелиоратора, заведующего подотделом мелиорации; после передачи дел Платонову (10 декабря) был назначен на должность старшего инженера по с.-х. огнестойкому строительству.
  - 8 Комиссионерша — в значении “посредник”.
  - 9 Тихомиров — работник Тамбовского губисполкома, курировал культурно-массовую работу; в тамбовских газетах не печатался. Судя по письму, Платонов был знаком с ним до приезда в Тамбов. В Тамбове выходило две газеты — ежедневная газета “Тамбовская правда” и еженедельная “Тамбовский крестьянин”. Скорее всего, Платонов был в редакции первой.
  - 10 Литературный Тамбов прославился в 1919–1921 гг. своим Пролеткультом, который представляли многие известные поэты и прозаики (о чем Платонов знал). После распада Пролеткульта многие тамбовские пролетарские писатели (И. Катаев, Г. Якубовский, В. Докукин, Б. Дальний, П. Слетов и др.) перебрались в Москву, стали активными участниками литературной жизни. По официальным данным, в 1927 г. тамбовская ассоциация пролетарских писателей объединяла 12 писателей, которые в основном занимались “проработкой” резолюций ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) и клубно-агитационной работой (см.: Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918–1928. Воронеж, 1983. С. 193). И все-таки Платонова информировали не совсем точно. На страницах газеты печатались “текущие” произведения тамбовских литераторов, а также перепечатывались произведения известных советских писателей (М. Горького, Я. Бердникова, В. Шишкова, М. Колосова, А. Серафимовича, Ф. Панферова и др.).
- .....

[102]

М. А. Платоновой

11 декабря 1926 г. Тамбов

Тамбов, 11/ХІІ, 6 ч <асов> вечера.

Мария!

Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе¹. Улица без-

людна, глуха и занесена снегом. Полная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка: “А. И. Павловъ, Артистъ Императорскихъ Театровъ”. Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий “А. И. Павловъ” и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе.

Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то что квартир и комнат в Тамбове много. Принимают за большевика и чего-то боятся². Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек³.

Мне очень скучно. Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”⁴. В ГЗУ — отвратительно. Вот когда я оставлен наедине с своей собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но я знаю, что всё, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь, искренняя идея), всё это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой “тамбов”.

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе изменю и т. д. Ты посмотри на меня, на Тамбов, на всё — чем я и где живу, — и тебе станет смешно.

Мне как-то стало всё чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение... Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от мысли его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, я боюсь потерять его, потому что боюсь умереть тогда.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь умереть и поэтому берегу вас обоих, как могу.

Помнишь эти годы. Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены? Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения⁵ и не находит его в материальной жизни.

Слушай, Маша, ты обещала мне прислать фотографию — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но ника не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Тамбове. Здесь действительно мерзко. А быть может, мне придется здесь умереть. Кто знает, разве я думал попасть когда-нибудь в Тамбов, а вот живу здесь. Как странно всё, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я постараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня. Вот чего я боюсь. Оба вы беспокожны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тотку, я не скоро его увижу, не скоро я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

До свиданья. Обнимаю и целую обоих и жму твою руку.

Андрей. <Рис.>⁶

Тотик рисует лучше меня!
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 164 (в сокращении); Архив. С. 449–450.

Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 6–7.

- 1 Тамбовские краеведы указывают дом, в котором Платонов снимал комнату: ул. Бебеля, д. 54 (см.: *Овсянников П., Ходякова Г.* “Здесь грустная жизнь” (Сто дней Платонова в Тамбове) // Наш Платонов. Воронеж, 1999. С. 297).
- 2 Антикоммунистическое восстание крестьян Тамбовской губернии (1920–1921) было жестоко подавлено частями регулярной Красной армии. Крестьянская война, в которой, по признанию М. Тухачевского, одного из руководителей карательных частей, борьба шла “не

с бандитами, а со всем местным населением” (см.: *Тухачевский М.* Борьба с контрреволюционными восстаниями // *Война и революция.* 1926. № 17. С. 9), закрепила за Тамбовом статус губернского города, крайне неблагополучного с политической точки зрения. С восставшими новая власть расправлялась со всей жестокостью: в заложники брали семьями; расстреливали тысячами; сжигались целые села (см. документы из архива Тамбовского губисполкома: *Судьбы русского крестьянства.* М., 1996. С. 143–152). Платонов, естественно, знал об этом, тем более что тамбовское восстание перекинулось в соседнюю, Воронежскую губернию, захватив Новохоперский уезд.

- 3 Тамбов — один из центров русской религиозной жизни; до революции на территории губернии насчитывалось: 1191 храм, 6 мужских и 12 женских монастырей, здесь находилась знаменитая Саровская пустынь; только в самом городе было 33 православных храма, 4 монастыря, мужская и женская богадельни.
- 4 “Эфирный тракт” — первая повесть Платонова, над которой он начал работать в ноябре 1926 г.
- 5 Тема отношений “старой веры”, науки и коммунизма становится одной из центральных в идейно-философских текстах Платонова этих лет. См. в неоконченной статье “О любви”: “Вы скажете, что мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит” (*Платонов А.* Возвращение. М., 1989. С. 174).
- 6 См. автограф письма в первой вкладке.
.....

---

[103] М. А. Платоновой
13 декабря 1926 г. Тамбов

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье¹ письмо из своего изгнания.

Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин в моем переложении:

Я помню милый нежный взгляд

И красоту твою земную;

Все думы сердца к ней летят,

Об ней в изгнании тоскую...²

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то.

Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу

свое время. Как будто сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул и мой кошмар — Тамбов.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил.

Завтра утром переезжаю в пригород Тамбова, где нашел себе комнату со столом за 30 р <ублей> в месяц.

Там, правда, грязно, старуха нечистоплотна, но дешево. Будет обед, два чая и ужин — и всё стоит с комнатой 30 руб <лей>. Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода³, бедность, захолустье, керосиновая лампа. Там я буду жить и писать.

Работать (по мелиорации) почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Зачислили меня с 5/XII (дня отчисления из НКЗ)⁴.

Жалованье платят 2 раза в месяц. Буду оставлять себе крайний минимум, остальное переводить тебе. Но все же более 150 р <ублей>⁵ в м <еся>ц переводить не смогу.

30 р <ублей> стоит мне жизнь плюс 10 р <ублей> папиросы, газеты и пр <очее> и 10 р <ублей> в профсоюз, секцию⁶, горнякам⁷ и пр <очее>, это составляет 50 р <ублей>, остается 150 р <ублей>. Постараюсь ездить в командировки, но это едва ли много даст в нынешних условиях.

В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в литературе. Но постараюсь к ним подработаться, буду писать специальные статьи; стихи и рассказы они не признают⁸. Постараюсь так жить, чтобы вам высылать 200 р <ублей> в м <еся>ц.

С 15/XII начинается большое совещание специалистов⁹, продлится 5 дней. Скука будет окаянная.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели и теперь я чужой тебе. Неужели

Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия. Не знаю, будут ли у меня деньги, чтобы приехать на праздник¹⁰, вам же я вышлю. Прилагаю записку о ценах на продукты в Тамбове. Прошу тебя сходить в НКЗ к Цепулину или к Грачеву¹¹ и передать им эту записку. Пусть они напишут, чего и сколько им выслать по этим ценам, и пошлют денег. Сама же напиши мне, чего прислать тебе, сообразуясь с ценами записки. Я тебе вышлю все. Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на всё. Прощай. Отвечай. Жму тебя всю. Андрей.

(Приписка на левом поле листа) Передай приложенную записку Цепулину или Грачеву. Ласкаю тебя во сне. ....

Впервые: Волга, 1975. С. 164 (в сокращении).

Печатается по: Архив. С. 450–451. Публикация Н. Корниенко.

- 1 В повести “Однажды любившие” Платонов слегка поправит эту неточность: “Третье или четвертое письмо” (см. с. 656 наст. издания).
- 2 Цитируется фрагмент из поэмы А. Пушкина “Бахчисарайский фонтан”; в источнике: “Я помню столь же милый взгляд / И красоту еще земную...”
- 3 Родительский дом многодетной семьи Климентовых в Ямской слободе, пригороде Воронежа, описан в рассказе Платонова “Маркун” (1921).
- 4 В рапорте, поданном Платоновым 8 декабря, в день приезда, он просил “зачислить его на жалование” с 5 декабря — “дня откомандирования из НКЗема”.
- 5 Месячный оклад Платонову был установлен в размере 200 рублей.
- 6 Платонов был членом Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих и, согласно решению, принятому июльским пленумом ЦБ Всесоюзной землеустроительной секции, был обязан отчислять в фонд секции взносы в размере 1 % зарплаты (см.: На пленуме // Землеустроитель. 1926. № 8. С. 4).
- 7 Имеется в виду отчисление в фонд помощи бастующим английским горнорабочим; эта всесоюзная кампания была организована ВЦСПС; ЦК Союза рекомендовал отчислять 1 % от зарплаты на все время забастовки (см.: Землеустроитель. 1926. № 9. С. 3). Платонов приехал в Тамбов в разгар кампании поддержки забастовки английских горняков: местные газеты печатали рапорты об отчислениях: не менее 1 % зарплаты — однодневный заработок для служащих и рабочих, даже крестьяне пересылали в фонд по 5–10 рублей — “далеким своим братьям” (см.: Как мы помогаем горнякам // Тамбовская газета. 1926. 9 декабря. С. 3). 22 декабря было объявлено о конце акции в связи с окончанием забастовки.

- 8   Информация не совсем точная. В газете печаталась продукция местных писателей: агитационные стихи, рассказы антирелигиозной тематики, уездные фельетоны на тему старого и нового быта и т. п.
- 9   Первое после 1917 г. губернское совещание всех специалистов, работающих в области сельского и лесного хозяйства, открылось 15 декабря и продлилось 6 дней.
- 10   Ближайшие праздники, т. е. выходные дни в советском календаре — Новый год и Рождество (оставалось нерабочим днем до 1930 г.).
- 11   Цепулин В. А. и Грачев С. Г. — сотрудники отдела мелиорации НКЗ (см.: *Цепулин В. и Грачев С.* Больше внимания советскому мелиоратору // *Землеустроитель*. 1926. № 2. С. 25–27). Перу инженера С. Грачева принадлежит ряд статей о мелиоративных работах, темы и проблематика которых свидетельствуют о весьма близких его отношениях с губмелиоратором Платоновым, см.: *Грачев С.* К итогам всероссийского мелиоративного совещания // *Землеустроитель*. 1926. № 6. С. 21–25; *Грачев С, инженер*. Мелиоративные работы в Центрально-Черноземной области // Там же. 1926. № 12. С. 49–55; *Он же*. Участие мелиораторов в борьбе с засухой в 1925/26 году // Там же. 1927. № 4. С. 20–25. В. Цепулин (судя по его выступлениям в печати) в основном занимался организационными вопросами, при этом был весьма чуток к установкам ЦК Союза (см.: *Цепулин В.* Схема построения мелиоративно-гидротехнического аппарата и потребность в техперсонале на ближайшее пятилетие // Там же. 1927. № 1. С. 58–64).
.....

---

[104]   М. А. и П. А. Платоновым
19 декабря 1926 г. Тамбов

19/х¹, 5 ч<асов> веч<ера>.

Маша и Тотик! Я получил ваши письма, и они, как всегда, подзарядили меня: значит, вы живы, — а это всё для меня.

Вчера послал 70 р<ублей>. Отвечаю по пунктам:

1) к Молотову² пойду с тобой, не настаивай; тебе охота сойтись с Кондрашовым³, а я этого не хочу, впрочем, если ты еще повторишь просьбу прислать письмо к Молотову, я пришлю — и ты пойдешь к Кондрашову. Ты скажешь: мерзко! Но не я строил людей;

2) о Цепулине ничего не могу сказать; дни перед отъездом (и вечера) я проводил с тобой; в НКЗ я был меньше необходимого времени; если этот старый развратник (я имею основания говорить так) хочет спровоцировать тебя,

то он добьется этого при твоём легковесии. Но смотри и думай сама, ты неглупая девчонка! Я ему говорил, что Новаченко⁴ — сволочь. Он ответил, что её устроили служить мелiorаторы после года голодовки. Я ответил, что зря — и её надо выгнать. Всё. К Новаченке у меня одно отношение — избить её; но, к сожалению, она женщина (хоть и жалкая);

3) я тебя никогда не обманывал и не обману, пока жив, потому что любовь есть также совесть, и она не позволит даже подумать об измене;

4) по ночам я обнимаю тебя и даже совокуплялся с тобой во сне, — прошлую ночь у меня вышло то, что бывало у тебя на животе, когда мы жили вместе и спали рядом;

5) да, Тамбов обманул; жить нам стало хуже; я голодаю, и вы тоже. Но остаться в Тамбове или уехать обратно зависит не только от меня. В Тамбове за меня держатся крепко и, что бы я ни сделал дурного, меня не прогонят, чего бы я хотел;

6) жить отдельно я не хочу и не могу (зачем пытаться и мучиться?); в Тамбове жить можно хорошо, если бы мы жили вдвоем; но ты не поедешь, и вот почему: во мне ты разочаровалась и ищешь иного спутника, но, наученная горьким опытом, стала очень осторожна; в Москве поэтому тебе жить выгодней одной, чем в провинции со мной (твоим мужем).

Когда мне стало дурно, я без слова уехал, чтобы давать хлеб семье. А когда мне станет лучше, тогда, быть может, я не оценю ничьих дружеских отношений. Все эти Молотовы, даже Божко⁵ и все другие, позволяют мне быть знакомыми с ними потому, что “боятся” во мне способного человека, который, возможно, что-нибудь выкинет однажды и тогда припомнит им! Никто меня не ценит как человека, безотносительно к мозговым качествам. Когда я падаю, все сожалеют, улыбаясь.

Ты скажешь — я зол! Конечно, милая, зол. Кто же мне примером обучал добру. Что я вижу? Одиночество

(абсолютное сейчас), зверскую работу (6-й день идет совещание, от которого у меня лихорадка), нужду и твои, прости меня, странные письма (служба у Волкова⁶, Келлер⁷ и др.). Пусть любая гадина побудет в моей шкуре — тогда иное запоёт. Пусть я только оправлюсь, и тогда никому не прошу! Каждый живет в свое удовольствие, почему же я живу в свое несчастье! Ведь я здоров, работаю как бык, могу организовать сложнее предприятия, писать и пр<оче>е>.

Еще раз — прости за это письмо, но меня доконала судьба.

Я живу так. Встаю в 8 ч<асов>. Иду на заседание — до 3¹/₂ ч<асов>. Затем обедаю. В 5 ч<асов> снова заседание — до 9 ч<асов>. Совещание разбито на секции. Я председатель одной из них⁸. Пойми, какое я испытываю напряжение. В 9¹/₂ я дома. Сажусь за “Эф<ирный> тракт” — единственное мое утешение, которое я боюсь и не спешу кончать. Что у меня тогда останется? Пишу до 11, до часу или до двух иногда, потом скверно, в полужошмаре, сплю. В комнате очень холодно. Хозяйка (старуха) безжалостно скупа и топит по 4 полена.

Так идут мои дни. Иногда меня охватывают странные чувства утраты всего. Я расскажу тебе о них.

Я работаю много, но не устаю: так много сил у меня остается для тебя.

Я пишу это в перерыве меж заседаниями (утренним и вечерним). Большая аудитория пока пуста. Скоро начнут сходиться. Мне все равно теперь, где жить. Я буду писать лишь большие работы. В Москве растрачиваются люди, а тут копят силы и труды.

Я не могу жить без семьи. Я мужчина и говорю об этом тебе мужественно и открыто. Мне необходима ты, иначе я не смогу писать.

Как хочешь это понимай. Можешь использовать это и мучить меня. Но следует договориться до конца.

Единственная надежда у меня — создать что-нибудь крупное (литература, техника, философия — все равно из

какой области), чтобы ко мне в Тамбов приехали мои “друзья” и предложили помощь.

Тогда, пожалуй, я действительно предпочту свое одиночество и свою провинцию всем друзьям и Москве.

Постараюсь приехать на праздники. Совещание не дает ничего делать — переговорить о командировке.

Любящий тебя и Тотку

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 453–454. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Описка, правильно: XII.
  - 2 В 1926 г. Г. З. Литвин-Молотов переезжает в Москву: член редколлегии и заместитель председателя редакционно-плановой комиссии Государственного издательства (ГИЗ, Госиздат), с 1927 г. — заместитель председателя правления издательства “Молодая гвардия”, фактический руководитель последнего. Как следует из письма, Платоновы встречались в Москве с Литвиным-Молотовым, была достигнута устная договоренность о подготовке к изданию нескольких книг Платонова.
  - 3 Кондрашов — неустановленное лицо; очевидно, работник секретариата Литвина-Молотова в издательстве “Молодая гвардия”.
  - 4 Новаченко — неустановленное лицо; очевидно, сотрудница Отдела мелиорации НКЗ.
  - 5 Божинский-Божко А. Г. См. примеч. к п. 95.
  - 6 Волков И. В. См. примеч. 5 к п. 101.
  - 7 Келлер Владимир Борисович (1898–1954) — воронежский поэт, литературный критик, автор первой монографической статьи о Платонове (1922); входил в ближайшее платоновское окружение. Перебрался в Москву раньше Платонова, работал в редакции “Крестьянской радиогазеты”. Очевидно, в эти дни бывал у Марии Александровны.
  - 8 Платонов руководил секцией мелиораторов, 18 декабря выступал на пленарном заседании.
- .....

---

[105] М. А. и П. А. Платоновым
30 декабря 1926 г. Тамбов

Мусенька и Тотик!

Когда это письмо придет к вам, будет уже Новый Год.

С Новым годом, родимые мои! С новыми надеждами, с новой любовью к старому мужу, с новой и крепкой

радостью и, наконец, с мировым успехом — на который мы с тобой имеем такое большое основание, который мы заслужили своим страданием и своим мозгом, черт возьми!

Приехал сегодня утром¹. Сейчас 5 ч <асов> вечера. Вновь охватила меня моя прочная тоска, вновь я в “Тамбове”, который в будущем станет для меня каким-нибудь символом, в таком же смысле, как “Волков”², как тяжкий сон в глухую тамбовскую ночь, развеваемый утром надеждою на свидание с тобой.

Начал проводить годовой план работ через местные органы. Сопrotивление моей системе работ огромное (я требую больших сумм на техперсонал). Если мой план принят не будет — я поставлю вопрос о своем уходе. Работать без техперсонала³, за гроши — нельзя, отвечать я не буду за то, что обречено заранее на провал. Вопрос весь выяснится в течение 2–3 дней. Возможно, что скоро приеду снова в Москву для защиты плана работ в НКЗ⁴. Обо всем сообщу — пока не всё еще ясно. Дело запутывается, возможно, что удастся вырваться, работать с фокусами я не буду, раз не принимают трезвого плана.

Но как мне тут скучно, Машенька! Как опостылела мне моя комната и всё остальное! Передай поскорее Молотову посылаемое. Пиши сразу. Если завтра (31/XII) получу деньги, переведу 10 р <ублей> телеграфом.

С Новым годом, милые! Ваш Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 164–165 (в сокращении).

Печатается по: Архив. С. 455. Публикация Н. Корниенко.

1 В деле Платонова отсутствуют документы о командировке, однако из логики письма следует, что он был в Москве в НКЗ, где обсуждал годовой план работ.

2 См. примеч. 5 к п. 101.

3 Платонову удастся выбить ставку, о чем свидетельствует помещенное в мартовском номере “Землеустроителя” объявление с приглашением на работу в тамбовский подотдел мелиорации инженера-гидротехника (см.: Спрос и предложение труда // Землеустроитель. 1927. № 3. С. 83).

4 Скорее всего, Платонов рассчитывал поехать в Москву на III Всероссийское землеустроительное совещание (проходило с 24 по 30 января 1927 г.).

.....

[106]

М. А. Платоновой

4 января 1927 г. Тамбов

Тамбов, 4 января.

Маша! Дело твое, но ты напрасно мне не пишешь. Я тебе сделал уже 3 посылки: телеграфный перевод на 75 р<ублей>, письмо (с рукописями рассказов) и поздравительную открытку на имя Тотки.

Как странно ты себя ведешь: скрыто, хитро и дипломатично. Я этого не заслужил. Не следует меня обвинять в том, в чем ты повинна сама. Но я ничего не знаю о тебе уже неделю и беспокоюсь.

Живу я неважно. Мороз 18–25°. В моей комнате 4–6°. Я сижу весь запакованный, ночью невозможно спать от холода. В такой пытке приходится жить. На предложение хозяйке топить больше мне было заявлено, что я могу убраться, если мне не нравится. Таковы здесь люди. И это ясно: от меня нажиться нельзя. То же на службе. Каждое мое распоряжение подвергают шушуканью и злобной критике и т. д. Такого сволочного города я себе не представлял.

В час ночи под Новый год я кончил “Эфирный тракт”¹, а потом заплакал. Сейчас он (и “Антисексус”²) перепечатывается на машинке. Чем платить буду, не знаю.

Как ты встречала Новый год, любимая моя? Хотя мне не жалко этих гнусных условностей. Не изнасиловала тебя там пьяная компания? Ведь ты не скажешь правды все равно.

Ну ладно. Все-таки Тамбов — это каторга. Так тяжело мне редко приходилось. Главное — негде жить. Дома — холод (4°) и одиночество. Единственные мои знакомые — Барабановы³. Но и они люди не из хороших: нервные, больные и жадные. А мадам Барабанова — придурковатая особа. Я невольно сравниваю твою соль и перец с этой несчастной старухой, уверяющей, что она страшная умница и т. д. Скучно, Муська.

Сегодня искал комнату. Нашел одну — 70 р<ублей> со столом. Правда — комната хорошая, но я не имею таких денег и не знаю, что мне делать.

Довольно об этой дряни! Буду участвовать во всех конкурсах⁴. Через неделю или раньше вышлю тебе “Эф<ирный> тр<акт>” — отнеси его, пожалуйста, к Попову⁵. Может быть, спасусь как-нибудь отсюда. Но в Москву больше я не поеду. В Ленинград — возможно⁶. Всего вероятнее, поеду с экспедицией на Алтай или в Забайкалье⁷. Иначе нас задушит нищета. Странно и мучительно пошла наша жизнь. Пять прожитых вместе лет (в декабре было ровно пять лет с того момента в сенях на Нееловской⁸, когда ты стала моей женой), пять лет вспоминаются как счастье. Пусть в этом счастье было много темных пятен, но сердцевина его была горяча и чиста.

Я думал тебе послать подарок на Новый год, но ничего не вышло; в командировку пока не пускают. Но я:

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на земле.
Я одинок и очень беден,
Но для тебя мне нечего жалеть!

(Это песнь из “Эф<ирного> тракта” — она относится, по существу, к тебе.)⁹

Ужасный холод, почти нельзя писать. Но что случилось с тобой? Отчего ты молчишь? Или ты уже забываешь меня? Или другие интересы тебя отвлекают?

Как бывает страшно, когда не знаешь, когда увидишь тебя и Тотку. А я сейчас не знаю этого.

Пиши мне только на губзу.

Я, возможно, скоро перееду с этой квартиры, как только подыщу себе комнату. Здесь жить нельзя. Тогда я сообщу тебе свой новый домашний адрес.

Можешь ли ты сообщить мне какую-нибудь надежду? Или мне нечего надеяться?

Наверно, правда, что ты, как все люди, любишь что-то другое, но только не несчастье другого, хотя бы и близкого.

Видишь, не знаю, чем тебя обрадовать и что пообещать. Если примут “Эф<ирный> тракт” и напечатают фантастику книжкой у Молотова, тогда в апреле ты поедешь на курорт¹⁰.

Ничего не могу сказать тебе хорошего. Ты знаешь (хотя откуда тебе знать?), в какой я заброшенности живу?

В тюрьме гораздо легче. Я двое суток (1 и 2 января<аря>) был один и не сказал ни слова. Хотя, быть может, это подготовка к тому большому страданию, которое меня ожидает в будущем. Поцелуй и поласкай Тоточку и будь радостна сама.

До свиданья. Обнимаю тебя.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 456–457. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Авторская датировка работы над повестью “Эфирный тракт”: “7/XI–1926. Москва 2/I–1927. Тамбов” (даты проставлены в автографе повести).
- 2 В Тамбове Платонов завершает работу над рассказом “Антисексус” (в России впервые опубликован в 1989 г.).
- 3 См. примеч. 7 к п. 101.
- 4 Речь идет о постоянно объявляемых в периодике литературных конкурсах.
- 5 Попов Владимир Алексеевич (1875–1942) — писатель, заведующий редакцией журнала “Всемирный следопыт”, где в 1926 г. (№ 12) был

- опубликован рассказ Платонова “Лунная бомба” (об истории публикации см. комментарии Е. Антоновой: Сочинения I (1). С. 544–545). Подробнее см. примеч. 4 к п. 112.
- 6 Ленинградские связи Платонова этого времени документированы слабо; с Ленинградом он был связан по линии изобретательской и инженерной работы, были у него там и почитатели его литературных произведений; в Ленинграде в это время жил отец Марии Александровны, с которым у Платонова еще в Воронеже сложились дружеские отношения. Вопрос переезда в Ленинград обсуждался им до отъезда в Тамбов; см. письмо Б. Зыкова от 27 октября 1926 г. (Творчество. 1995. С. 165).
- 7 На 1925–1927 гг. приходится огромное количество разнообразных научно-производственных экспедиций, о которых постоянно сообщала пресса. Шло интенсивное освоение Сибири и Дальнего Востока, исследовались культура и производительные силы (экспедиции Академии наук), возможности колонизации и переселения крестьянства из центральных областей России (экспедиции Института землеустройства и переселений при Наркомземе РСФСР).
- 8 Нееловская улица — улица в Воронеже, где жила Мария Кашинцева (Платонов указывает старое название улицы, в 1918 г. она была переименована в улицу 27 Февраля — в память о решающем дне Февральской революции, см.: Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 280). Биографы указывают другие адреса проживания семьи Кашинцевых (см.: Ласунский. С. 94). Нееловская улица фигурирует на конвертах писем 1921 г. возлюбленного Марии Александровны Леонида Александрова в Воронеж.
- 9 В повести “Эфирный тракт” эти стихи принадлежат юному Егору Кирпичникову, они посланы телеграммой его возлюбленной Валентине и аттестуются следующим образом: “Странные, шуточные и жестокие слова”.
- 10 “Эфирный тракт” и книга фантастики не были напечатаны, но на курорт Мария Александровна с сыном поехала, правда, не в апреле, а в июне — июле 1927 г. (см. далее письма Платонова в Крым, п. 123–126).
.....

---

[107] М. А. Платоновой
5–6 января 1927 г. Тамбов

Всю эту саранчу (в том числе и Маркелову²) я гоню. Но ты не представляешь, что значит уволить человека в тамбовских условиях. Тут все так устроено, чтобы люди бога делали (богадельня), а работой не занимались.

“Тамбовское Рождество”³ мне не известно. Почему Анна Францевна⁴ говорила, что Платонов в Москву не поедет, мне неизвестно. Тем более что А. Ф. незнакома с Маркеловой. Вообще, это твоё изобретение.

За Молотовых⁵ я не отвечаю. Они мне нужны постольку, поскольку он издатель. Отношение его ко мне тебе известно: помнишь его письма ко мне в Воронеж из Краснодара?⁶ Экая ты забывчивая девочка!

“Как дела?” — А так, что если бы не было тебя и Тотки, то я бы просто сбежал из Тамбова и потом как-нибудь отдал подъемные понемножку. Ты бы тут не вынесла дня. Нашел комнату — 35 р <ублей> со столом, но у меня в кармане 3 р <убля>, а требуют задаток.

В “Тамб<овскую> правду” приняли 2 статьи⁷. На днях пойдут. Гонорар и газеты вышлю в заказном письме — тебе и Тотке на конфеты.

Все относятся ко мне как потребители: ты дай, у тебя ставка, ты сделай, ты напиши, — а мы слопаем.

Со стихами для Молотова не знаю, как и быть⁸. Постараюсь вырваться хоть на денек в Москву. Без меня нельзя, конечно, набрать сборник⁹. А как бы это нас выручило. Попроси его обождать. Ведь это не от меня зависит. Здешние нравы таковы, что сразу в подвал бросят. Особенно меня, имеющего 2/3 врагов среди своих сослуживцев.

Буду биться дальше. Хотя я учитываю вероятность потерять тебя навсегда. Я ведь не упрекаю тебя, как ты встречала Новый год! А я его встречал за окончанием “Эф<ирного> тракта”. Кроме того, я позаботился получить деньги 31/XII и перевести их тебе по телеграфу, чтобы вам было хорошо на праздники. Как глупа эта моя суетливость для тебя! Как не нужны эти мои письма через день (вдвое длиннее твоих)! Но что же сделать, я не скрою своей любви к тебе, развивающейся с Нееловской улицы. Ты бы не могла мне из Москвы написать это. У тебя совсем не то. Почему мою вещь передают 3-ему (!) рецензенту?¹⁰

Пошли их к черту. Пусть принимают или возвращают. Мне некогда голодать в Тамбове:

“Здесь музу резвую
Заспишь, забудешь!” (Пушкин)¹¹.

Кончаю — меня ждет работа о волго-донском канале Петра¹². Очень мало (совсем нет) исторического материала. Опять придется лечь на свою “музу”: она одна мне еще не изменяет. Полтора ста страниц насиловал я ее в “Эф<ирном> тр<акте>”. Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — “муза” мне не изменит.

С ней мы действительно одно. Она — это мой пол в душе. Пиши, пожалуйста. Меня это сильно поддерживает и ободряет. Твои письма — это настоящая ценность, это ведь голос твой и моего Тотки. Целуй и береги его.

Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 165 (фрагменты).

Печатается по: Архив. С. 458–459. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Отсутствует 1-й лист письма.
- 2 Маркелова — неустановленное лицо; по контексту письма — работник аппарата Тамбовского ГЗУ.
- 3 Очевидно, Мария Александровна в неизвестном нам письме по-своему толковала неприяезд Платонова в Москву на Рождество (7 января официально оставался выходным днем до 1930 г.).
- 4 Анна Францевна — неустановленное лицо.
- 5 Платоновы общались не только с Г. З. Литвиным-Молотовым, но и с его женой — Евгенией Владимировной (урожд. Дьяковой), также редакционным работником.
- 6 Платонов напоминает о времени общения с Г. З. Литвиным-Молотовым в пору его работы главным редактором краснодарского издательства “Буревестник”; там (с задержкой) была опубликована книга стихов “Голубая глубина” (1922) с предисловием Литвина-Молотова; велись также переговоры об издании книги рассказов, которая так и не вышла (см. примеч. 2 к п. 54 и примеч. 1 к п. 55).
- 7 В “Тамбовской правде” были опубликованы две статьи Платонова: “О дешевом водном транспорте Черноземного края” (1927. 12 января) и “Значение торфа как топлива” (1927. 29 января).
- 8 Речь идет о подготовке новой книги стихов; см. далее п. 108.
- 9 В воспоминаниях Мария Александровна пишет, что она собрала книгу стихов Платонова. В фонде Платонова ОР ИМЛИ хранится сборник стихов Платонова, где многие стихотворения представлены копиями, выполненными Марией Александровной.
- 10 В публикации 1975 г. эти строки отнесены к повести “Эфирный тракт”, однако рукопись повести в это время находится в Тамбове и только перепечатывается на машинке. При отсутствии письма Марии Александровны трудно сказать, о каком произведении идет речь. В это время в редакциях находятся статьи Платонова “Фабрика литерату-

- ры”, “Питомник нового человека”, рассказы. Что-то из написанного в Тамбове отправлено Литвину-Молотову только 30 декабря.
- 11 Отсылка к образу Пушкина в Михайловской ссылке, запечатленному в стихотворении Г. Шенгели “Лысец” (1922); в источнике: “А там — сельская глушь. Там нету ни души, / Там музу резвую тоской заспишь, задавишь”. Стихотворение Г. Шенгели печаталось в сменовеховском журнале “Россия” (М.; Л., 1924. № 2. С. 148). Номер журнала содержит и другие пушкинские материалы; хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ.
- 12 Начало работы над исторической повестью “Епифанские шлюзы”; в работе над повестью Платонов пользовался наиболее близким ему как инженеру историческим материалом из книги инженера А. Легуна “Воронежско-ростовский водный путь” (Воронеж, 1909; см.: Антонова Е. О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926–1927 гг. // Страна философов, 2000. С. 460–463).
- .....

[108]

М. А. Платоновой

8 января 1927 г. Тамбов

8 января.

Мария! Мне скучно, а память о тебе укрепляет меня.

Я знаю, что эти буквы увидят через день-два твое лицо, и я завидую им. Завтра я переезжаю на другую квартиру — 40 р <ублей> со столом; за те дни, в которые я буду отсутствовать, платить за стол я не буду. В губзу (мои сослуживцы) меня ненавидят. Я сильно сокращаю штат¹. Денег нет на работы, а штат такой огромный, что пожирает всё.

В моем отделе 21 чел <овек> (из них 9 инженеров), а в уездах сидят по 2 чел <овека>. Кроме того, есть злостные лодыри, лакеи и шептуны. Ко мне пробовали подойти с лаской, я оборвал сразу, а теперь часть сокращаю, часть бросаю в поле на работы. Высшая администрация меня “обожает”: вот, говорят, настоящий хирург, какой нам нужен был. Но я это отметаю, т <ак> к <ак> знаю цену ласке “барина”.

Возможно все-таки, что меня сметут отсюда, чему я буду несказанно рад. Лучше Сибирь, чем Тамбов. Здесь я изолирован кругом. Допускаю возможность доносов и даже худшего. Но пока крушу и буду крушить всё глупое, роскошное и нелепое костяной рукой. А там черт с ними, мне нечего терять. Хуже не будет.

Извини за это “бюрократическое” начало письма. Я хотел тебе пояснить, насколько тяжела моя работа. Два огня жгут меня: тоска по тебе и борьба за успех работ. Не проваливаться же мне в Тамбове! Но тоска по тебе сильнее, и я жертвую ей своей карьерой. Знаешь ли ты, что значит прийти в 4 ч<аса> домой и сидеть в холодной тишине до 12, до 1 ч<аса> ночи! Так я живу каждый день. Отсутствие тебя сказывается и на моей литературной работе. Но какая цена жене (или мужу), которая изменяет, ищет другого и забывает так быстро! Это дешево стоит. Но любим-то мы сердцем и кровью, а не мозгом. Мозг рассуждает, а сердце повелевает. И я ничего поделать не могу, и гипертрофия моей любви достигла чудовищности. Объективно это создает ценность человеку, а субъективно это канун самоубийства. Постараюсь приехать на днях, хотя бы нелегально. Быть может, ты приедешь со мной в Тамбов погостить? Или ты уже занята другим — тогда всё понятно. Время нас разделяет, снег идет кучами. Милая, что ты делаешь сейчас? Неужели так и кончится всё? Неужели человек — животное и моя антропоморфная выдумка² одно безумие? Мне тяжело, как замурованному в стене. Слушай, подбери стихи, как сумеешь³. Когда приеду, чтобы сразу проверить, отобрать и сдать Молотову.

Не спешу кончать письмо. Пиши мне пока на ГЗУ. Я не знаю, как называется улица, где я буду жить. Как Тотик? Наверно, стал забывать меня. Уже месяц, как я не живу дома. Передай Тотику мой поцелуй и скажи, что я скучаю о нем.

Прощайте. Андрей.

P. S. Тебе легче забыть меня, п<отому> ч<то> ты знала Александра⁴.
.....

Впервые: Волга, 1975 (в сокращении).

Печатается по: Архив. С. 460–461. Публикация Н. Корниенко.

1 Платонов принял отдел в составе 45 человек.

2 Отсылка к собственным рассказам и статьям, в которых развивался комплекс идей о новом человеке, человеке сознания, “мозговой” культуры: “Культура пролетариата” (1921), “Симфония сознания” (1923); “Питомник нового человека” (1926); “Родоначальники нации или беспокойные происшествия” (1923, 1926) и др.

- 3 См. примеч. 8 к п. 107.
- 4 Александров Леонид — поклонник Марии Кашинцевой, ее первая любовь. Они познакомились в Петрозаводске, куда из революционного Петрограда перебралась семья Кашинцевых. В пору знакомства с гимназисткой Машей Кашинцевой Александров был уже женатым человеком. После отъезда Кашинцевых в Воронеж Леонид уходит добровольцем в Красную армию, участвует в боях с армией Юденича, получает орден Красного Знамени; после возвращения с фронта разводится с женой и ждет отпуска, чтобы встретиться с возлюбленной Марией... Все это мы знаем из его писем (хранятся в фонде А. Платонова ОР ИМЛИ). Последнее письмо Александрова датируется 14 марта 1922 г. и исполнено тревогой в связи с отсутствием писем от Марии. В это время любовный роман Марии Кашинцевой и Андрея Климентова уже перешел в новое состояние (25 сентября 1922 г. в семье Платоновых родился сын Платон). Однако в пору знакомства Платонова с Марией Кашинцевой и весь 1921 год эпистолярный роман с командиром Красной армии Александровым занимал в жизни Марии не последнее место. Приезжал ли Александров в 1922 г. в Воронеж, нам неизвестно.
- .....

[109] М. А. Платоновой
8–9 января 1927 г. Тамбов

Муся!

Я уже переехал на другую квартиру. 40 р < ублей со столом. Как будто ничего, а там неизвестно.

Мой домашний адрес: Первомайская площ., д. № 20¹, кв. Блюм, Платонову.

Пишу последнюю вещь для сборника рассказов² — “Епифанские шлюзы”^{*} — из времен Петра I. Через неделю, наверное, кончу. Завтра подниму ходатайство о командировке в Москву.

Очень невесело живется. Но всё, быть может, к лучшему. Меня бы, пожалуй, призвали в армию³, если бы я оставался в Москве не у дел. А может, и к худшему.

Пиши мне, синеглазая! Твой Андрей.

* Герой — инж < енер > [Виль] Бертран Перри, у него невеста Мэри Карборунд⁴.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 461. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Второй известный адрес проживания Платонова в Тамбове. По этому адресу он был зарегистрирован в Тамбове только 20 января. Эта дата и адрес отмечены в выданном Платонову удостоверении заведующего подотделом мелиорации Тамбовского земельного управления (ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 82. Л. 1 об.).
- 2 Повесть “Епифанские шлюзы” будет опубликована в книге с одноименным названием и в журнале “Молодая гвардия” (1927. № 6).
- 3 С 1927 г. вводился в действие “Закон об обязательной военной службе”, устанавливающий возраст военнообязанных — с 19 до 40 лет (утвержден ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г.). С 10 января по 25 марта по всей стране проходил переучет военнообязанных с 1893 по 1903 г. рождения (см.: Переучет военнообязанных // Тамбовская правда. 1927. 1 января. С. 2). Платонов обязан был явиться на регистрацию, согласно публикуемым в “Тамбовской правде” объявлениям. Как госслужащий он имел отсрочку от армии.
- 4 Имена героев повести — “Мэри Карборунд и Бертран Перри” — также записаны в правом углу 1-й страницы письма.
.....

---

[110] М. А. Платоновой
10 января 1927 г. Тамбов

¹Получил оба письма сегодня. Здесь каждую минуту ветер меняется: сегодня командируют, завтра отменяют². Поэтому я и писал так — то еду, то нет. Что с нашим Тоточкой? Бьюсь за выезд в Москву. Время горячее, путаница страшная. Я нужен здесь. Но сегодня или завтра выезжаю скорым обязательно. Тоточка мне дороже всех служб, и никакие тюрьмы меня не удержат ехать к нему, больному, а может, умирающему. Посылаю 15 р <ублей> на лечение. Привезу еще немного. Не жалею ничего для его лечения.

Если правда о том, как ты Новый год встречала, — спасибо. Тебя весь НКЗ за это полюбит. Там на моей стороне, а не на Волкова. Что они способны изнасиловать тебя, если им ты сама не отдашься, — я знаю то давно и всего от них ожидаю. Выезжаю. Не заболевай сама. Обо всем переговорим.

Целую обоих. Мне труднее, чем тебе. Теперь нет никогда покоя, после письма. Андрей. 10/1 — 12 ч <асов> дня.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 462. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Начало письма утрачено.
- 2 Платонов добивается командировки в Москву в Наркомзем, с 11 по 19 января (см.: Ходякова. С. 165), однако возвращается на день раньше.
.....

[111] М. А. Платоновой
18 января 1927 г. Тамбов

Маша!

Приехал в свою тюрьму. Очень прошу быстро сделать с Молотовым и постараться поскорее получить все деньги (700 руб<лей>). Посылаю “Антисексус”. Работаю над Епифанами. Хорошо, если Молотов мне напишет о службе¹. С вое<нными> делами мо<ими> <утрач.> Завтра буду выяснять окончательно².

Если придется окончательно остаться в Тамбове, чтобы не попасть в армию, тогда наверняка разрушится моя семья (при твоих угрозах и все же — прости меня — легкомыслии). У Чистяковой³ ведь ты бываешь неспроста. А мне наступила мертвая петля.

Прощай. Поцелуй Тотку.

Твой Андрей.

18/I 27.

Р. С. Про “Антисексус” допустимо еще одно предисловие — сливочное масло изд<ательст>ва, — лишь бы “Антисексус” прошел в сборник⁴. Об этом необходимо убедительно просить Молотова.

А.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 164 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 462. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Ответ Литвина-Молотова неизвестен. Вряд ли он мог обнадежить Платонова возможностью получить работу в издательстве. В это время началась фронтальная проверка Госиздата на предмет сокращения его штата, прежде всего в части редакторов (см.: Итоги обследования Госиздата (По материалам НК РКИ) // Известия. 1927. 23 июня. С. 3).
- 2 Платонов был на переучете военнообязанных, с чем, скорее всего, связано появление в его удостоверении адреса проживания только 20 января (см. выше примеч. 1, 3 к п. 109).

- 3 Чистякова — неуставленное лицо.
- 4 Платонов продолжал работать с машинописью рассказа, но нового “предисловия” он не написал. Правка была внесена в раздел “От переводчика”, в состав отзывов и в “примечания” фирмы (см. комментарии Д. Московской; Сочинения I (1). С. 560–561). При жизни писателя рассказ не публиковался.
- .....

[112] М. А., П. А. Платоновым и В. А. Кашинцевой

19 января 1927 г. Тамбов

Маша! Тотик! Валентина!

Посылаю “Рассказ о потух<шей> лампе Ильича”¹ — его следует отдать Рубановскому² в “малый” сборник рассказов³. Все ж больше будет!

Купила ли ты теплые длинные калоши? — Немедленно купи!

Спроси у Молотова: мол, Попов⁴ (редактор “Всем<ирного> след<опыта>”) просил у Платонова “Эфирный тракт”, кажется, для издания его отдельной книжкой в “ЗиФе”⁵. Можно ли “Эф<ирный> тракт” дать Попову, взяв лишь половину гонорара, т<ак> к<ак> “Эф<ирный> тракт” выйдет в “Мол<одой> гвардии”? И вообще, удобно ли это, следует ли так поступить? Или — не стоит? Если Молотов скажет, что можно и от этого мои отношения с “Мол<одой> гвардией” не ухудшатся, тогда поступи так: позвони к Попову и скажи, что Платоновым написана вещь “Эф<ирный> тракт” в 5 печ<атных> листов, о ней я ему в свое время говорил. Если Попов желает ее пустить, то Платонов может ему предложить сие сочинение на условиях: — Попову вручается вещь; он ее читает не более недели; по прочтении, если вещь подходит, Платонову уплачивается единовременно, немедленно и сразу по прочтении 250 р<ублей> (это составляет примерно 1/2 норм<ального> гонорара; об отношениях моих с “Мол<одой> гв<ардией>” ты Попову ничего не говори).

Если Попов на эти условия согласится, тогда ты отнеси ему “Эф<ирный> тракт” (тот экземпляр, что я положил в стол).

Молотову же не забудь сказать, что я Попову (это действительно так) твердо обещал дать “Эф<ирный> тракт”, но мне, конечно, печататься интересней в “Мол<одой> гв<ардии>” и завязать с ней постоянные отношения, а не с Поповым.

Ровно через неделю после отдачи рукописи Попову ты пойдешь к нему и получишь деньги. Если нужна моя доверенность, заблаговременно сообщи, я вышлю ее⁶.

Если будешь читать “Эф<ирный> тр<акт>” (не будешь, стервь!), поправь, пожалуйста, ошибки — я ведь не читал рукописи из машинки. Наверно, там есть ошибки. Скорбно прошу!

Крой, Машуха, всюю! Может, вывезет нас какая-нибудь кривая.

Как Тотик — прежнее положение или понемногу поправляется? Сообщи точно. Как устроишь все дела, приезжай! Мне очень тяжело. Всю силу хороню в “Епифанские шлюзы”.

Посылаю №^ор тамбов<ской> газеты, где напечатана моя статья. Ты поймешь, что статья написана не так, как она напечатана⁷. Иначе ты потеряла бы уважение к неграмотному человеку (что ни говори, ты любишь тонкую культуру, филигранную работу даже в мелочах!).

О себе лично сообщать нечего. Внешне моя жизнь бесцветна: днем нелепая служба, вечером — писанье. Все это — окунуто в тоску по семье. Живу надеждой на твои деловые успехи.

Не влюбилась ли ты в какую-нибудь знаменитость у Чистяковой? Если — да: пиши. Пошлю подарок и приеду на смотрины. Я шучу, потому что здесь мне не с кем даже улыбнуться, и я это делаю письменно с тобой. Сейчас я улыбаюсь, хотя мне горько и смех — кривой.

Пиши. Ласкай Тотку, как я тебя в своих сновидениях, — Андрей.

19/1–27.

Р. С. Цел ли автомобиль “Штейер”⁸?
.....

Впервые: Архив. С. 463–464. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 11–12.

- 1 “Рассказ о потухшей лампе Ильича” к этому времени был уже опубликован в журнале “Жизнь крестьянской молодежи” (1926. № 21) под заглавием “Как зажглась лампа Ильича” и в сокращении. Платонов, очевидно, отправляет окончательную редакцию рассказа.
- 2 Рубановский Илья Маркович (1900–1976) — редактор издательства “Земля и фабрика” (ЗиФ), цензор Главлита.
- 3 “Малый сборник” рассказов состоял из семи произведений (объем 4 п. л.) и уже был сдан (9 ноября 1926 г.) в издательство “Земля и фабрика”. Платонов предлагает дополнить сборник новым рассказом, что предполагало получить разрешение цензора. Данный сборник не вышел, отосланный текст “Рассказа о потухшей лампе Ильича” (под заглавием “О потухшей лампе Ильича”) опубликован в книге “Епифанские шлюзы” — в издательстве “Молодая гвардия”, т. е. у Литвина-Молотова.
- 4 До революции В. А. Попов был редактором издававшихся Сытиным журналов “Вокруг света”, “На суше и на море”, “Журнала приключений”; с 1922 г. работал в издательстве “Земля и фабрика”, с 1925 г. — редактор журнала “Всемирный следопыт” (выпускался издательством “Земля и фабрика”); в этом же издательстве под редакцией В. А. Попова выходила серия научно-фантастических книг, в которой Платонов, очевидно, и предполагал издать повесть “Эфирный тракт”. На сегодняшний день история отношений Платонова и В. А. Попова документирована слабо. Можно предположить, что Мария Александровна исполнила поручение мужа и отнесла один экземпляр машинописи Попову, и редактор, как и в случае с публикацией рассказа “Лунные изыскания” (см.: Всемирный следопыт. 1926. № 12. Под заглавием “Лунная бомба”, в сокращении), предложил радикальное исправление текста (машинопись повести с редакторскими пометами к сокращению и исправлению текста хранится в фонде Платонова РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 70). Платонов обсуждал с Поповым исправленный им текст повести уже после возвращения из Тамбова.
- 5 “ЗиФ” — государственно-акционерное издательство “Земля и фабрика”; возникло по инициативе ЦУ профсоюза бумажников в 1922 г.; при издательстве выходили серии “Рабоче-крестьянская библиотека”, журналы “30 дней”, “Всемирный следопыт” и др.; в 1930 г. вошло в состав Государственного издательства художественной литературы.
- 6 Доверенность жене на ведение литературных дел была оформлена; хранится в фонде писателя ОР ИМЛИ.
- 7 Речь идет о статье “О дешевом водном транспорте Черноземного края” (Тамбовская правда. 1927. 12 января). Статья печаталась в сокращении; по автографу впервые опубликована: Сочинения I (2). С. 290–295. Экземпляр “Тамбовской правды” хранится в фонде писателя ОР ИМЛИ.

[113]

М. А. Платоновой

25 января 1927 г. Тамбов

Мария!

Я прошу написать мне о том, что ответил Молотов на мое письмо¹ к нему о службе.

30 января решается моя судьба о военной службе. Если всё пройдет благополучно, а в Москве объявится служба, то я уеду из Тамбова. Об этом прошу написать.

“Епифанские шлюзы” написаны, но негде напечатать, т<ак> к<ак> на службе печатать постороннюю работу теперь не разрешают, а машинисток, берущих работу на дом и имеющих машинки дома, в Тамбове вообще нет. Не знаю, что делать. В Москве тоже нельзя перепечатать работу — некому позаботиться и нет денег.

Следует позвонить Бобылеву² и узнать — нельзя ли получить деньги за статью.

Далее. От моего имени надо позвонить Бахметьеву³ и спросить, когда они будут платить деньги за сборник. Они их уже должны платить.

Молотова попроси ускорить оплату книжек. Заключила ли ты договора с “Мол<одой> гв<ардией>”?⁴ Ответь на это. На сколько денег, на каких условиях?

Как вышло у тебя с Поповым? — Как поступить с ним — я точно в свое время писал тебе⁵.

Стихи начал подбирать. Мешает работе сильная головная боль, которой у меня никогда не было. Наверно, я простудил голову почему-то и перенатужился в работе. За 1½ месяца я написал 4 печат<ных> листа (считая с “Епиф<анскими> шлюзами”). Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно.

Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, заброшенной и страстной —
Залог души, любимой божеством...*

* спутал, забыл...⁶

Очень старó, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Епифань из Нью-Кестля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский воевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ не шел на работы или бежал в скиты и жил ветхопещерником в глухих местах.

Вот — “Епифанские шлюзы”. Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим слогом. Это может многим не понравиться⁷.

Мне тоже не нравится — так как-то вышло. Пускай остается.

Так вот, Муся, ответь мне о своих делах по официальной, так сказать, линии. Лично о себе не пишу: все равно зачтется как ломанье моей гаденькой душонки.

Я бы хотел услышать что-нибудь о Тотке. Не скучает ли он обо мне? Очень жалею, что уехал из Москвы. Надо бы жить мне там назло всем “благожелателям”, руководствуясь лишь личными интересами. Посылаю 5 р<ублей> — занял. Беспокоюсь, что вы не доживете там до конца месяца.

Очень плохо всё идет. Целую Тоточку.

Жму твою руку.

26/I 27⁸. Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 165 (фрагменты).

Печатается по: Архив. С. 465–466. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Письмо Платонова к Литвину-Молотову не выявлено. Очевидно, речь шла о работе в издательстве (см. выше п. 111).
- 2 Бобылев Борис Андреевич — воронежский поэт и журналист, входил в платоновское окружение начала 1920-х гг.; как журналист освещал на страницах “Воронежской коммуны”, сотрудником которой он являлся, выступления Платонова в клубе “Железное перо”. О какой статье идет речь, неизвестно. В эти годы Б. Бобылев также жил и работал в Москве.

- 3 Бахметьев Михаил Матвеевич (1898–1929?) — воронежский прозаик и журналист, входил в платоновское окружение начала 1920-х гг.; ему посвящено стихотворение Платонова “Песня” (1921), в соавторстве с ним написан “Рассказ о многих интересных вещах” (1923). В это время Бахметьев жил в Москве, печатался в “Крестьянском журнале” и “Крестьянской газете”.
- 4 Платонов рассчитывал на издание в “Молодой гвардии” двух книг прозы и сборника стихов. Договоры Платонова с издательством не выявлены.
- 5 См. примеч. к п. 112.
- 6 Автограф повести “Епифанские шлюзы” сохранил правку этих строк: “Возможность страсти горестной и знойной трудной (?),
Залог души, любимой божеством” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 34). В повести этими строками обмениваются Мери Карборунд и Бертран Перри; цитата приводится в письме Мери и сопровождается вопросом героини: “Чьи это стихи?” Не исключено, что исправление в рукописи (“знойной” на “трудной”), сделанное синими чернилами, относится именно ко времени настоящего письма.
- 7 Намек на литературно-политическую ситуацию начала 1927 г. — широко-масштабную кампанию борьбы с идеологией новейшего русского национализма в современной жизни и литературе — “есенинщиной” и разными формами поэтизации “рабского исторического прошлого” России (Бухарин Н. Злые заметки // Правда. 1927. 12 января).
- 8 Возможно, ошибочная датировка, см. следующее письмо.
.....

[114] М. А. Платоновой
26 января 1927 г. Тамбов

26/І 27.

Мария! Хочу побеседовать с тобой. Твое письмо от 22/І я получил. Прежде всего — Кирпичников — это не я¹. И вот почему. Мои идеалы однообразны и постоянны. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать. Теперь тебе ясно, почему Кирпичников влюбился в мещаночку Руфь в Риверсайде? Кирпичников носит мои черты только отчасти. Сразу о Валентине. Ты невнимательно читала. Валентина любила не Михаила

Кирпичникова (отца), а сына его — Егора. Кирпичниковых действует два — отец, а потом сын.

Если ты считаешь “Эф<ирный> тр<акт>” сумбуром — твое дело. Тут я ничего пояснять не хочу.

Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему.

Ты права, что М. А. Кирпичникова ценнее своего мужа, как жена и человек. Я нарочно рисовал ее скромными и редкими чертами².

Дальше. У меня никого нет знакомых, и никого я не хочу, несмотря на то, я изнемог здесь не только психически, но и физически. Твои намеки и открытое возмущение бьют мимо цели, т<ак> к<ак> я совершенно одинок и не соответствую твоей оценке. Пока я твой муж, по отношению к тебе я не подлая душа и не гаденькая личность. Работа меня иссасывает всего. А быть физически (хотя бы так!) счастливым я могу только с тобой. Я себе не представляю жизни с другой женщиной. Прожив с тобой всю свою молодость, наслаждаясь с тобой годами — я переделался весь для тебя. Можешь это понимать как хочешь, но я думаю точно.

Я рад за Тотика. Поцелуй его за меня так безумно, как целуется он. Я теперь не знаю, когда я увижу его, если вы ко мне не приедете. Купила ли ты себе ботики? Если не купила, сразу покупай, как я переведу тебе деньги.

Стихами тебя беспокоить не буду — пошлю Молотову.

Что за глупость с Обориной³? Я не знаю такой фамилии. Я передавал печатать вещи старушке-машинистке Отд<ела> мелиор<ации>, а она их действительно кому-то передавала дальше, т<ак> к<ак> у нее нет машинки дома.

Муся, это недостойно тебя. Что могла намекать Оборина? Спроси ее тогда прямо, все равно тебе на ней не жениться.

А зачем ты давала работу в НКЗ? Неужели не нашла машинистки ближе (5 этаж, Валентинина подруга и др.)?⁴ Я ведь тоже могу делать свои заключения, невыгодные для твоей чести замужней женщины.

“Епиф<анские> шлюзы” печатаются, но медленно. Кому их посылать, тебе или тоже прямо Молотову?

По-моему, ты не имеешь права зачеркивать посвящения⁵, написанные не тобой. Когда книга выйдет с посвящением, а ты им будешь возмущена, ты имеешь возможность и право выступить в ежедневной или в журнальной прессе с заявлением, что ты отводишь от себя авторское посвящение, т<ак> к<ак> автор и его сочинения для тебя крайне неприятны, подлы, лицемерны и пр<очее> — в таком духе. Это ты можешь делать и сделаешь, когда наступит твое время. А чужими желаниями распоряжаться нельзя и плевать на них не стоит. Т<ак> к<ак> Тотик разорвал титульный лист⁶, то я посылаю его. Передай его Молотову. Если тебе неудобно, то можешь сказать Молотову, что человек лезет на рожон и посвящает, когда его о том не просят и даже возмущаются.

Наверно, в Москве зима хороша.

Вспомнил стихи, которые спутал во вчерашнем письме:

Возможность страсти, горестной и трудной —
Залог души, любимой божеством...

Это из “Епиф<анских> шлюзов”. Думаю засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5–8 лет примерно)⁷. Может быть, напишу небольшой фантастич<еский> рассказ на тему “Как началась и когда кончится История”⁸. Название, конечно, будет иное.

Моя жизнь застыла, я только думаю, курю и пишу. Если бы ты захотела, ты всё могла изменить. Но ты ничего для меня не хочешь. Твои поступки, твои письма говорят о твоей неприязни ко мне. Пусть нас рассудит сама жизнь.

Письма к тебе — для меня большая отрада. Действительно, они заменяют беседу.

Жду твоих писем, желаю тебе здоровья и жму твою тонкую руку.

Тотику — поцелуй, объятие и катание верхом — в далекой перспективе.

Андрей.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 166 (фрагменты); Архив. С. 467–468. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 15–17.

- 1 Кирпичников — главный герой повести “Эфирный тракт”, которому приданы некоторые автобиографические черты (инженер-изобретатель) и отданы научно-технические идеи и проекты самого Платонова. Далее Платонов растолковывает и пересказывает сюжетную линию отца и сына Кирпичниковых.
- 2 В образе героини повести Марии Александровны Кирпичниковой запечатлелись, кроме очевидных биографических реалий из жизни Марии Александровны (работа учительницей в селе Волошино), идеальные представления самого автора: героиня повести разделяет социально-технические идеи мужа, но при этом остается преданной идее домашнего очага и семейного счастья, она терпелива, все силы отдаст возвращению мужа домой, верна его памяти.
- 3 Оборина — неустановленное лицо; по контексту письма: машинистка Наркомзема.
- 4 Мария Александровна жила в общежитии при Центральном доме специалистов (ЦДС); ЦДС имел несколько отделов и служб; в этом же здании размещалось и другое большое учреждение — Центральный дом колхозника, у которого также имелась своя канцелярия.
- 5 Очевидно, о посвящении Платонов писал в одном из предыдущих, несохранившихся писем. Повесть “Епифанские шлюзы” вышла с посвящением: *М. А. Кашинцевой*.
- 6 Речь идет об обложке для “Епифанских шлюзов”. Ее готовил сам Платонов, набросок обложки сохранился на последнем листе автографа неоконченной поэмы “Про электричество” (см.: Сочинения I (1). С. 435. Примечания Е. Антоновой).
- 7 Не исключено, что уже в Тамбове у Платонова оформляется замысел написать повесть о Ямской слободе, где прошло детство писателя (повесть “Ямская слобода” написана в Москве после возвращения из Тамбова; опубликована в № 11 журнала “Молодая гвардия” за 1927 г.).
- 8 К замыслу о новом фантастическом рассказе о “конце истории” Платонов вернется через несколько дней, в письме от 29 января. Апокалиптическая тема интенсивно разрабатывалась в ранних рассказах

(“Жажда нищего (Видения истории)”, “Сатана мысли”, “Потомки солнца”), “Лунных изысканиях” и “Эфирном тракте”.

.....

[115]

М. А. Платоновой

28 января 1927 г. Тамбов

28/1. Мария!

Получил твое письмо от 25/1. Ты ошиблась: я написал тебе несколько писем. Разве ты их не получила? Проверь.

Отвечаю на твое деловое письмо. Неужели со мной можно говорить, только оскорбляя меня?

Читай внимательно и поступай точно — ради нашего общего интереса.

Почему прежде всего нужно издавать стихи, чтобы прожить 2–3 месяца?

Опять Молотов начинает волынку и канитель, чтобы я поскорее здесь подох.

Надо издать сначала 2 книжки моих, на которые материал полностью имеется:

1) Книгу мелких рассказов¹ и

2) Книгу “Пустые урны”² (могут назвать иначе) — последняя повесть для этой книги — “Епифанские шлюзы” — будет выслана через 2 дня.

Договора на обои <sic> книги можно заключать теперь же и теперь же получать по ним деньги.

Ни в коем случае нельзя ставить издание 2-й книги в зависимости от Пугачева³. Вторая книга должна иметь то, что она имеет. Пугачев и по духу в эту книгу не идет и не пойдет. Это мое окончательное решение. Так Молотову и скажи. Нечего мне сусолить пилюлю. Дайте мне малое, а большое я сам возьму. Не тяните времени.

Что за чепуха? С тобой трудно переписываться. Всегда ты в удивлении и претензии. Пугачева же я начал писать в Москве и читал тебе немного⁴. Ничего не помнишь? Но дальше дело у меня не пошло: занялся “Эф<ирным> трактом” и “Епиф<анскими> шлюзами”.

Пугачева я буду писать долго и старательно, и мне нужно много материала к нему. Это роман, который я закончу к осени⁵. Ни в какой связи он с издаваемыми двумя книжками не стоит.

И что за издевательство! Проси, пишешь мне, 175–150 р<ублей> за лист!⁶ Да пусть они хоть по 100 р<ублей> платят, но скорее! Потом я уполномочил на это тебя. Проси сколько хочешь, но в зависимости от общей обстановки. Не прогадай и не тяни. Лучше 1000 р<ублей> получить сейчас, чем 1500 р<ублей> через месяц. Советуйся с Молотовым в трудных финансовых делах. Но у него есть крупный недостаток (только для твоего сведения) — он — страшный волокитчик, ужасный волынщик и любит обещать горы золота умирающим людям. Бери синицу в руки, бей камнем в журавля на небе! И тогда ты поймашь синюю птицу!

Титульный лист послал вчера.

Говори с художником — — —⁷

Это ты сделаешь хорошо.

Рассказы лучше не пускать в “Кузнице”⁸, а пустить в книжке “Мол<одой> гв<ардии>”. Ты поступила совершенно правильно, сказав это Рубановскому.

На “Новый мир” плюю, на “30 дней”⁹ — тоже.

С “Мол<одой> гв<ардией>” идет убийственно медленно. Пока солнце взойдет¹⁰ и т. д. А всему делу — Молотов: он и помощник, он и волокуша. Он всё хочет выпустить меня в свет обряженным красавцем, но я подохну, пока он меня управится одеть.

Пугачева не ждите — повторяю. Он только начат и будет кончен через полгода минимум. Отрывка я не дам, он бессмысленен и не нужен¹¹. Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!

Пиши ответ.

Я очень устал от болезни, которая только что оставила меня. Осталась одна головная боль. Черт с ней!

Живу плохо. Сократил более 50 % своего штата¹². Идет вой. Меня ненавидят все, даже старшие инженеры

(старые бюрократы, давно отвыкшие что-нибудь строить).
Остатки техников разбрасываю по деревенской глуши.
Ожидаю или доноса на себя, или кирпича на улице.

Я многих оставил без работы и, вероятно, без куска хлеба. Но я действовал разумно и как чистый строитель. А была грязь, безобразие, лодырничество, нашептыванье. Я сильно оздоровил воздух. Меня здесь долго будут помнить как зверя и жестокого человека. А где ко мне относятся лучше? Кто заслужил иного от меня отношения?

У меня есть одно облегчение — я действовал совершенно беспристрастно, исключительно с точки зрения пользы строительства. Я никого здесь не знаю и ни с кем не связан знакомством¹³.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 469–470. Публикация
Н. Корниенко.

- 1 Как следует из дальнейшего содержания письма, речь, скорее всего, идет о книге, составленной из воронежских рассказов начала 1920-х гг. (объем — 2 печатных листа) и переданной 17 декабря 1926 г. в издательство “Кузница” (см. комментарии Е. Антоновой — Сочинения I (1). С. 502–503). Книга не вышла.
- 2 “Пустые урны” — образ из повести “Эфирный тракт”. Книга вышла под названием “Епифанские шлюзы”.
- 3 Речь идет о замысле написать роман о Пугачеве.
- 4 Очевидно, Платонов читал первую главу романа — “Начало пугачевского восстания”, затем вошедшую в текст рассказа “Иван Жох” (опубликован в книге “Епифанские шлюзы”, 1927).
- 5 Неизвестно, когда — в Тамбове или уже в Москве — Платонов все-таки отказался от замысла написать роман о Пугачеве. О связях замысла романа о Пугачеве с первым романом Платонова “Чевенгур” см.: *Корниенко Н.* Между Москвой и Ленинградом: о датировке и авантесте романа “Чевенгур” // Страна философов, 2005. С. 640–644.
- 6 Предельный минимум гонорара в 1926–1927 гг. для начинающих писателей составлял 120 рублей за один печатный лист, для писателей с квалификацией (стажем, изданиями и переизданиями) — 220 р. (см.: *Луначарский А.* О месте писателя в государстве // Журналист. 1927. № 4. С. 8).
- 7 Прочерк. Имя художника, оформившего книгу Платонова 1927 г., остается неизвестно.
- 8 См. выше прим. 1.
- 9 Неизвестно, какие произведения Платонова в это время могли находиться в редакциях журналов “Новый мир” и “30 дней” (в 1927 г. публикаций Платонова в этих журналах не было).

- 10 Это выражение Платонов позже использует в общении с Горьким, в связи с издательской судьбой романа “Чевенгур”. Ср. в письме Горького Платонову, осень 1929 г. (см. примеч. к п. 141): “«Пока солнце взойдет — роса очи выест»? Не выест” (ЛН. 1963. С. 314).
- 11 Фрагмент из неоконченного романа о Пугачеве был использован в качестве 1-й главы при написании рассказа “Иван Жох”.
- 12 В принятом Платоновым подотделе было 45 человек (см.: *Ходякова*. С. 166).
- 13 Отсутствует окончание письма.
.....

[116] М. А. Платоновой
29 января 1927 г. Тамбов

¹Давай рассказы, давай то — пишете вы. Знаете, я имею только одну голову и одно сердце. Я не могу работать как двигатель и не получая денег. Пишу я одну вещь, а не три сразу.

Пусть Молотов и издательство дадут аванс сейчас же — 200–300 р<ублей>, какого черта!

Скажи ему это прямо от моего имени. Что нам, погибать, что ли? Они могут всё, если захотят. Скажи, что я очень болен и трудно жить на 200 р<ублей> на две семьи.

Что сказал тебе Попов? Ответь. Эта гнида, конечно, ничего хорошего не предложит. Пусть даст рублей 200 вперед — через неделю-две дам ему фантастический рассказ (новый, какого нет у Молотова)². Скажи, что я от голода “почти издох”.

С Поповым говори обязательно дерзко.

В любви человек беззащитен и идет на те унижения, на которые иду я ради тебя и Тотки. А следовало бы петлю на горло.

Андрей Платонов.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 471. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Отсутствует 1-й лист письма.
- 2 Через десять дней Платонов примет решение по поводу написания нового фантастического рассказа; см. ниже п. 118.
.....

Тамбов, 30/1, глубокая ночь. Дорогая Муся!

Посылаю “Епифанские шлюзы”. Они проверены мною. Передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость точно-го сохранения моего языка¹. Пусть не спутают.

Как-то ты живешь и чего ешь с Тоткой? Неужели не смогла занять нигде хоть пятерку на несколько дней. Жалованье переведу телеграфом. Я сижу без папирос, а едой, к сожалению, обеспечен: к сожалению потому, что я тоже, как и ты, не должен быть сейчас сытым. Я такую пропасть пишу², что у меня сейчас трясется рука. Я хотел бы отдохнуть с тобой хоть недельку, хоть три дня.

Денег нет, а то бы приехал нелегально в Москву, на день-два. Быть может, удастся взять командировку в Козлов³, и тогда я прикачу домой на один день. Только трудно; ты не знаешь, как сейчас берегут деньги⁴, и хоть в Козлов мне до зарезу нужно съездить, чтобы наладить дело, но дадут сроку дня 2 и денег рублей 15 (от Тамбова до Козлова 60 верст).

А все-таки постараюсь пробиться в Москву на день. Очень я соскучился, до форменных кошмаров. Но вот вопрос — возможна война⁵. Стоит ли бежать из Тамбова, чтобы через месяц-два быть мобилизованным в Москве, чтобы снова покинуть ее и, быть может, навсегда. Оставшись же в Тамбове, я наверняка почти не буду призван. По крайней мере, на год.

Обдумай это, жена. Если бы я был один, я бы не задумываясь удрал из Тамбова мгновенно. Мне здесь так скверно, что на фронте хуже не будет. Но у меня есть жена и ребенок. Это заставляет меня холодно мыслить, не считаясь с личными сегодняшними интересами. Постарайся и ты тоже подумать над этим. В войну, если она случится (а она, по-моему, случится обязательно — я думаю сверх

того, что пишут в газетах), — лучше жить в Тамбове, чем в Москве — во всех смыслах.

Пожалуйста, не выдумывай своих мыслей, а продумай только то, что я написал. Это очень серьезно. А ты всегда понимаешь меня как-то исподволь, и я сам удивляюсь твоему толкованию моих мыслей. Ты мне приписываешь часто то, что мне и в голову не входило.

Напиши-ка мне об этом твое заключение.

Почта, конечно, тебе 5 р<ублей> не возвратила, и ты, вероятно, нарвалась на неприятность. В этом виноват я. Надо было послать переводом. Но сумма была мала, и прошлые 15 р<ублей> дошли благополучно. Поэтому я и второй раз сделал это.

Извини за прошлое письмо. Я был очень растреван твоими выпадами и открытой ненавистью ко мне. Ты знаешь, что дурным обращением даже самого крепкого человека можно довести до сумасшествия. А я ведь работаю как механизм и очень утомлен.

Ответь — ты не хочешь приехать ко мне? Много раз (в трех письмах) я просил тебя об этом. Ты ничего не ответила. Подпиши договора и приезжай. Только приезжай для радости и покоя, а не для дурных драм. Я сделаю всё, что возможно в тамбовских условиях, чтобы тебе тут было хорошо. Всё это возможно тогда, если ты в Москве не сошлась с кем-нибудь. Я ведь догадываюсь, что без меня там “дым коромыслом”. Тем более что ты меня хронически обвиняешь в измене. Это как раз заставляет думать о тебе как нечестной жене. Ты сама вызываешь во мне такие мысли. И эти мысли стали во мне теперь трезвым убеждением, а не бешеной ревностью, как было раньше. Я не знаю, не то я замучился до окостенения, не то на сердце натерся мозоль от мýки, — только я сильно изменился.

В прошлый мой проезд я заметил <в> тебе холодность и отчуждение. <Ты> говорила с Вал<ентиной>, ее подругами, <а я> сидел один. У тебя появились <зна>комые мужчины (Кабе⁶ и еще кто-то). <Тепе>рь их стало больше. Ты начала <заб>ывать⁷ меня.

Два месяца прошло, как я уехал из Москвы. Незаметно, правда? Так же незаметно я становлюсь для тебя чужим и затерянным. Можешь ли ты меня вообразить? Вот я сижу, пишу, комната пуста, и кругом провинциальная тишина. Помнишь ли ты мое лицо? Я твое помню и могу дойти до ощущения твоего запаха, могу представить твои прекрасные волосы и замечательные глаза. Я бескорыстен — видишь, что говорю не комплименты, а личную правду. Ты для меня прекрасна. Комплименты сейчас ведь ни к чему: я далек и ничем не могу воспользоваться.

Я не верю в свое счастье. То <утрач.> я с отупелой тоской вывожу в <утрач.> сочинениях счастье своих героев <утрач.>⁸, но счастье мучительное, очень напряженное, доводящее до гибели.

Герои “Лун<ных> изыск<аний>”, “Эфирн<ого> тр<акта>” и “Епиф<анских> шлюзов” — все гибнут, имея, однако, право и возможность на любовь очень высокого стиля и счастье бешеного напряжения⁹.

Невольно всюду я запечатлеваю тебя и себя, внося лишь детали,¹⁰
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 166 (фрагменты).

Печатается по: Архив. С. 471–473. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Редактором (Молотов) и Главлитом (Рубановский) повесть читалась внимательно. Постороннее вмешательство в текст повести “Епифанские шлюзы” главным образом относится к дроблению платоновского абзаца в русле тенденций популярной тогда ритмизованной прозы и уточнению исторических реалий.
- 2 Не исключено, что именно в этот промежуток Платонов пишет (или монтирует) рассказы на тему “старого” и “нового быта” (“Родоначальники нации или беспокойные происшествия”, “Луговые мастера”, “Песчаная учительница”, “Война”, “Город Градов (Заметки командированного)” и др.), начинает работу над “Ямской слободой”.
- 3 29 января Платонов подал докладную о необходимости недельной командировки в три уезда губернии — Борисоглебский, Козловский и Кирсановский.
- 4 Намек на введенный с апреля 1926 г. “режим экономии”.
- 5 В январе — феврале 1927 г. о скорой грядущей войне империалистической Европы против СССР газеты писали постоянно (страна находилась на грани разрыва дипломатических и торговых отношений

- с Великобританией, разорваны 27 мая); вопрос “действительной угрозы” новой войны занимает большое место в выступлениях лидеров партии и государства Н. Бухарина и И. Сталина (см. комментарии Д. Москвитской к рассказу “Война”: Страна философов, 2003. С. 637, 687–691).
- 6 Кабе — неустановленное лицо.
- 7 Фрагмент листа деформирован; в угловых скобках восстановлены фрагменты слов.
- 8 Фрагмент листа деформирован; утрачены слова и сочетания слов.
- 9 Автобиографический контекст образов героев-инженеров Крейцкопфа (“Лунные изыскания”), Михаила Кирпичникова (“Эфирный тракт”) и Бертрана Перри (“Епифанские шлюзы”): героям фантастических произведений отдаются авторские проекты по гидрофикации, герою исторической повести — тамбовская ситуация, в которой оказался Платонов-инженер; всем героям — гибель вдалеке от любимых и невозможность любви и семейного счастья.
- 10 Окончание письма утрачено.
.....

---

[118] М. А. Платоновой
10 февраля 1927 г. Тамбов

10/II.

Милая Мошка¹!

Сейчас только возвратился из своих командировок² и так соскучился по тебе, что сразу сел тебе писать писулю сию.

Получила ли ты деньги с “Мол<одой> гвардии” и сколько? Если получила, то что покупаешь?

Я хочу это знать, чтобы отсюда радоваться с тобой этой маленькой материальной радостью. Главное — одень себя и Тотку как можно лучше и теплей. Всё — согласно смете, утвержденной мною. Завтра высылаю тебе “Потомки солнца” (для Попова, хотя едва ли эта вещь пойдет у него, но попробуем)³, затем “Епифан<ские> шлюзы”. Вскоре — стихи.

Дела мои по службе резко ухудшились. На местах, где я был, безобразия и беспомощность. А я в своей бюрократической клоаке тоже беспомощен. У меня столько пут на руках, что я бессилен управлять работами⁴. Сделаю последнее усилие и тогда выеду в НКЗ с докладом и просьбой откомандировать меня обратно. Если не найду лучшей службы, то заставлю НКЗ принять меня обратно в Отдел мелиор<ации>.

Служить в Тамбове нельзя остаться. Несмотря на мою силу и зубастость, хладнокровие и опытность — меня здесь затравят⁵. Затем, чего ради тратить силы на мелиорацию, когда я с меньшей затратой сил достигну лучших результатов на другом поприще?

Верно, Мошка?

Здесь можно только тихо служить, а действовать, активно и полезно работать — нельзя. Но я по натуре не служащий.

Прилагаемую записку снеси в отд<ел> мелиор<ации> — управляющему этим отд<елом> Миронову⁶.

Исполнение моей просьбы крайне необходимо.

Я сделаю у них доклад и поставлю вопрос ребром. Пускай в этот ад едут Волковы, Тираспольские и прочие бездельники⁷. Приехав, я всем там наговорю горьких слов и поволную этих фокстротирующих⁸ господ.

Все-таки как легко меня было одурачить! Как замечательно была подготовлена кампания против меня. Профессора⁹, апологеты православия и разврата (напр<имер>, Шульгин¹⁰), и те воевали и усердствовали с одиноким Платоновым. Теперь пускай кто-нибудь тронет меня — зубы выбью и штаны заставлю испортить. Я знаю теперь, чем и кем они были вооружены¹¹.

Прости за скучное письмо: завтра — новое. Все мои силы устремлены на отъезд отсюда и на месть кое-кому.

Привет тебе, моя любимая.

Берегись гриппа. Не ставьте Тоткин горшок в уборную — это же верная зараза.

Береги и балуй Тотку. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 473–474. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Ласковое прозвище Мошка (Мошкара) встречается в стихотворном посвящении жене (см.: Архив. С. 15).
- 2 Со 2 февраля Платонов находился в командировке в Козловском и Кирсановском уездах губернии. Тональность письма позволяет предположить, что Платонов, как и обещал, на день заехал в Москву.

- 3 Отсылаемый В. Попову (в журнал “Всемирный следопыт”) научно-фантастический рассказ “Потомки солнца” является авторской переработкой ранней “фантазии” на тему “конца истории” — рассказа “Сатана мысли” (1922); рассказ не был опубликован в журнале.
- 4 Из докладных записок Платонова следует, что в последние годы поездки руководителей подразделений тамбовского ГЗУ по уездам не практиковались: отсутствие “живой связи” с руководителями работ в уездах и деревнях имело “пагубное влияние на работы”. 29 января Платонов подает докладную о необходимости недельной поездки в Борисоглебский, Козловский и Кирсановские уезды губернии — “для выяснения степени подготовленности уездов к строительной» кампании 1927 г., проверки действительности и целесообразности наших новых инструкций, осмотра работ, проверки технического персонала, выяснения и разрешения на месте всех недоумений и противоречий и т. п.” (Ходякова. С. 165–166).
- 5 О причинах несложившихся отношений в Тамбовском ГЗУ см. также в письме Платонова в высшие профсоюзные инстанции (п. 130).
- 6 12 февраля из Тамбова в Москву ушла телеграмма о согласовании даты обсуждения в Наркомземе вопросов оперативно-технического персонала для Тамбовской губернии; слушание было назначено на 22 февраля. Запиской, переданной А. В. Мионову, мы в настоящее время не располагаем; ее содержание отчасти реконструируется по докладной записке Платонова от 17 февраля на имя заведующего Тамбовским земельным управлением, в которой дается подробное обоснование необходимости его присутствия на слушаниях в Наркомземе: “...в соответствии» с решением Губплана, если ГЗУ добьется от НКЗ резолюции по ходатайству Тамбовского» ГЗУ о том, что НКЗ принципиально не возражает против отпуска небольших средств и кредитов на расселение, на персонал по огнестойкому строительству и на кредиты на оборудование производства — то мы сможем огнестойкое строительство двинуть уже в этом году. Я думаю, что это нам удастся. Я постараюсь сделать доклады начальникам соответствующих управлений, добьюсь их решения, хотя бы осторожного, но не возражающего нашему ходатайству, — тогда наше дело будет выиграно и сельское огнестойкое строительство будет возрождено. Кроме того, вопрос с заготовкой цемента в последние дни затемнился письмом инженера» Зрелова, сообщившего мне, что цемент следует заготовить через местное отделение Госсельсклада. Это после того, как НКЗ взял всю заготовку на себя, успокоил места и т. д. Следует срочно и ясно сговориться на этот счет в НКЗеме. В случае именно такого решения НКЗема, как сообщил инженер Зрелов, нам надо немедленно дать заказ Госсельхозскладу, с таким расчетом, чтобы успеть использовать зимний путь” (Ходякова. С. 167).
- 7 Секцию землеустроителей ЦК Союза Платонов считал едва ли не главным участником развернутой против него кампании. Тираспольский Анатолий Наумович — заместитель ответственного секретаря земле-

- устроительной секции ЦК Союза. Сменил на этой должности Платонова 1 августа 1926 г.; до того был членом тарифно-экономического сектора секции, также являлся секретарем землеустроительной секции Московского отделения профсоюза работников земли и леса.
- 8 В развернувшейся в эти годы борьбе за “новый быт” танец фокстрот числился среди символов буржуазности.
- 9 Членами секретариата землеустроительной секции ЦК Союза были ведущие московские профессора-мелиораторы: Н. П. Рудин (зам. начальника Управления землеустройства, мелиорации и госимущества Наркомзема РСФСР, декан Межевого института; приезжал в Тамбов в декабре 1926 г.), профессора Межевого института и Института землеустройства и переселения М. М. Шульгин и Р. П. Спарро (председатель землеустроительного сектора Центрального дома специалистов сельского и лесного хозяйства; был знаком с мелиоративной практикой Платонова в Воронежской губернии). В набросках к воспоминаниям Мария Александровна несколько раз называет фамилию профессора Спарро в ряду гонителей Платонова — мелиоратора и инженера.
- 10 Шульгин Михаил Михайлович (1885–1955) — профессор, член сельскохозяйственной секции Госплана РСФСР, один из авторитетных исследователей истории землепользования в России и в странах Запада, автор книг “Землевладение в местностях нынешнего Царскосельского уезда в конце XV в.” (1914), “Очерки поземельного быта в Московском государстве (Землевладение церковное и служилое)” (1918), “Земельная регистрация на Западе и в СССР. Под редакцией проф. Рудина” (1927) и др. До назначения Волкова (с № 8, 1926) являлся фактическим редактором журнала “Землеустроитель”, где постоянно выступал со статьями по вопросам землепользования; Платонов опубликовался в журнале уже после увольнения из ЦК Союза — в июльском номере за 1926 г.: статья “О борьбе с оползнями в Крыму” (с. 71–73, подпись: *Ив. Вогулов*) и заметка “Мелиоративное достижение” (с. 73, подпись: *А. П.*). Платонов неплохо знал работы Шульгина, что отразилось и в данных им характеристиках профессора-консерватора. Перу Шульгина принадлежат “Очерки советского землеустройства”, из которых был опубликован лишь первый — “Земельная история Синьковского района и его землеустройство” (Землеустроитель. 1926. № 6). Это опыт реконструкции (на основании летописей и писцовых книг) истории русской деревни и земледелия XII–XVI вв. — от времени расцвета культуры сельского хозяйства в Московском государстве до его кризиса в эпоху царствования Ивана IV (война, голод, запустение, разорение деревни). В 1926 г. Шульгин пишет о “выдающемся значении” в истории развития Синьковского района Троице-Сергиевой лавры и зависимых от нее монастырей (с. 56), подробно анализирует феномен церковного землевладения и его культуру, отводит монастырям едва ли не главную роль в преодолении хозяйственного кризиса в конце XVI — начале XVII в., когда началось возвращение в деревню

и крестьяне вновь “начинают хрестьянствовать” — вести крестьянское хозяйство (с. 63), получая ссуды у монастырей. Платонов писал собственные “Очерки бедной области”, в которых были учтены, иногда полемически, научные исследования профессоров-мелиораторов по широкому кругу интересующих его вопросов — колонизации и переселения, государственного страхования мелиоративных работ, регулирования лугопользования, культуртехники в пойменных и луговых пространствах. Саркастические инвективы в адрес старых профессоров-мелиораторов сочетаются у Платонова с глубочайшим усвоением их научного опыта, что найдет отражение в рассказах “Луговые мастера”, “Песчаная учительница”, повестях “Эфирный тракт” и “Ямская слобода”, романе “Чевенгур”.

- 11 Старая профессура имела мало соприкосновений с возглавляемой Л. Троцким левой оппозицией. Скорее всего, Платонов намекает на другой — “правый” — лагерь оппозиции, связанный с идеологией русской эмиграции, — сменовеховство, к которому и социально, и ментально были близки старые профессора-мелиораторы. В конце 1926 г. все издания сменовеховцев в СССР были закрыты.

.....

---

[119] М. А. Платоновой
13 февраля 1927 г. Тамбов

Тамбов, 13/II, 9 ч<асов> вечера.

Как ты поживаешь, старушка моя? Я неустанно тружусь над стихами. Многие пришлось переработать. Очень устаю на службе — не от работы, а от войны. Все-таки здесь трудно мне. Все время один и один, тебя всё нет и нет. Сегодня (воскресенье) я совсем не выходил из дому. Окруженный враждебными людьми, я одичал и наслаждаюсь одними своими отвлеченными мыслями. Поездка моя по уездам была тяжела¹. В Козлове я ночевал на вокзале. В 4 ч<аса> ночи из I класса меня выдворили (стали убирать помещение), и я спал с безработными в III классе. Я узнал много жестокого и нового от безработных. Они приехали с Кавказа и едут в Сибирь. Утром я с ними пил чай, угощая их за свой счет и слушая их необычайные рассказы. Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и пр<очее>. Но мне кажет-

ся — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье, а не в блестящей, но поверхностной Москве.

Но все-таки здесь грустные места, тут стыдно даже маленькое счастье.

Оставим это...

Любимой женщине судьбою я поручен —
И буду век с ней сердцем неразлучен...²

А телом — надолго разлучен. Какая жестокая и бессмысленная судьба — на неопределенно долгое время оторвать меня от любимой. Утешение мое, что я живу для ребенка и, кажется, способен пережить ради него самую свирепую муку. Хотя я много раз в жизни чувствовал предсмертное холодное страдание. Ты знаешь, как бывает пусто тогда, — как в позднее теплое лето в пустой тишине покинутых полей.

Извини меня, но я ничему хорошему не верю. Всё, что я пишу, питается из какого-то разлагающегося вещества моей души. Ты, конечно, гораздо бóльшая оптимистка, чем я. И это мне нравится в тебе (сам этого не имею). Ты могла бы быть счастливой и с другим, а я нет.

Когда я тебе перевел телеграфом 50 р <ублей>, то ты, не спросив меня (я тебе почтой потом послал еще 40 р <ублей>), сразу заявила — “я быстро найду себе друга и защитника”. А если бы я тебе перевел 500 р <ублей>, ты бы, наверное, мне написала другое. Всё это в сопоставлении с прошлыми фактами заставляет меня сильно тосковать.

Я как-то долго представлял в воспоминаниях нашу первую встречу, наши первые дни. Помню, какая ты была нежная, доверчивая и ласковая со мной. Неужели это минуло невозвратно? Дальше того, как я тебя обнял и поднял твою юбочку в темных сенях, я не хочу вспоминать. Отсюда началась ложь.

Мы прирожденные жених и невеста. Наша любовь была истинным и редким чудом. Многих ли ты знавала, кто

любил так, как мы друг друга. Я даже не читал ничего подобного — так велико и губительно бывшее чувство.

А хорошо с тобою, Мария!

Давай побеседуем о более простом.

Что там подделывает вошка Тошка? Наверно, каверзничает и замучил мамку. Он говорит, что без папы скучно, — скажи, что папе без него еще скучней. А такому маленькому прохвосту, как Тошка, по папе бывает скучно не всегда: его, маленького воробья, на всякой мякине провести можно. А вот папку провести уже ни на чем нельзя: к его, папкину, сожалению.

За тобой, наверно, ухаживают везде и пристают мужички. А если знают, что ты с деньгами, — тем более.

Я ведь твой жених теперь — всё прошлое было лишь испытанием. Будущее наше — верная любовь на всю жизнь, брак и семья. Когда я предлагал тебе это — ты не возражала. Так ли думаешь и теперь, или уже возненавидела снова меня?

Мне не понравилось, что ты спорила и говорила неуверенно о сроке нашей регистрации³. Я знаю, ты ответишь на это бранью и каким-нибудь обличением меня. Но я разубеден этим не буду.

Здорова ли ты, горячая Мошка? Ты написала мне только одно письмо. Я, к сожалению, здоров и страдаю бессонницей от избытка сил. Я беспокоюсь, что ты заболеешь гриппом. Если в Москве разыгрется эпидемия, надо выехать из Москвы обязательно.

Ты знаешь, мне пришло в голову: если собрать твои и мои письма, проредактировать их, переделать, — то можно составить интересный роман⁴.

Хотя это мне не нравится почему-то.

Напиши твое мнение об этом. Ведь была же знаменитая переписка Абеяра с Элеонорой⁵.

Ну, прощай, моя единственная подруга, прощай, забота моей души.

Целую тебя страстно и нежно и вижу твои глаза.
Андрей.

Р. С. Твои цветы лежат у меня на столе и сильно пахнут, посылаю крошку от них.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 167 (фрагменты).

Печатается по: Архив. С. 476–478. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Платонов рассказывает эпизод из своей поездки в Козловский уезд. В 1927 г. безработица и крестьянское отходничество достигли в СССР угрожающих масштабов. Власть рассматривала сложившуюся ситуацию как “проклятое наследие” бывшего господства помещиков и капиталистов; бредущие по стране в поисках работы сезонные рабочие видели в этом антинародный, к тому же антибедняцкий, характер власти и не стеснялись в выражениях (см.: “Совершенно секретно”: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М., 2003).
- 2 Скорее всего, строки Платонова.
- 3 Официально брак с Марией Александровной был оформлен 22 мая 1943 г.; свидетельство о браке хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ.
- 4 Этот проект Платонов попытается реализовать в повести “Однажды любившие”. Повесть осталась незаконченной; было написано “Предисловие собравшего письма”; в качестве источника четырех писем героя Александра использованы первые письма Платонова из Тамбова), действие сдвинуто на 1925 г., Тамбов заменен на Ухожаев, реальный инженер Барабанов — на Богданова и т. п. (см. с. 647–657 наст. изд.).
- 5 Речь идет о романтической эпистолярной повести XIV в., основанной на переписке французского богослова и мыслителя П. Абеляра и его возлюбленной Элоизы. Эта средневековая история послужила одним из литературных источников романа “в письмах двух любовников” “Юлия, или Новая Элоиза” (1761) Ж.-Ж. Руссо; в России стала известна благодаря переводам В. Жуковского. Тема “новой Элоизы” возникает в названии романа в письмах В. Шкловского “Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза” (в фонде Платонова хранится издание романа 1924 г.).

[119*] С. Е. ПРОТАСЕВИЧУ

14 февраля 1927 г. Тамбов

Нижнедевицк Воронежской.

Земуправление.

Протасевичу.

Не выезжайте. Служите Воронежской. Подробно-сти письмом¹.

Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 374.
Публикация Н. Корниенко. Телеграмма.

Платонов принял в Тамбове полуразрушенный подотдел мелиорации, и ему с первых дней пришлось по-новому решать многие вопросы, в том числе и кадровые. Через Наркомзем, куда Платонов выезжает в январе, он добивается объявления конкурса на занятие вакантной должности инженера-гидротехника ГЗУ, принимает на работу новых сотрудников. Учитывая, что во всех документах по проверке Тамбовского подотдела мелиорации говорилось об отсутствии контроля за выполнением работ, он убеждает руководство ГЗУ в необходимости открыть в руководимом им подотделе должность губернского инспектора мелиоративных работ и пригласить человека, на которого он мог положиться. Этим человеком оказывается один из лучших инженеров-мелиораторов Воронежского ГЗУ С. Е. Протасевич, в это время мелиоратор Нижнедевицкого уезда (см. примеч. к п. 83*). Вопросы согласования этой кандидатуры с руководством Тамбовского ГЗУ никак не отражены в архивных документах, но очевидно, что предложенная Платоновым кандидатура Протасевича была поддержан руководством ГЗУ. 4 января 1927 г. датируется письмо за подписью зав. Тамбовского ГЗУ, зав. АФО и зав. подотделом мелиорации А. Платонова “Инженеру С. Е. Протасевичу” “с предложением занять должность губ. инспектора мелиоративных работ (ст. инженера-гидротехника)” с окладом 150 рублей и 100 рублями подъемных: “Приезд для занятия должности — не позже 15/1-192 <7> г. Согласие телеграфируйте” (ГАТО. Ф. 946. Оп. 2. Ед. хр. 1491. Л. 83). Протасевич принимает предложение, 8 февраля отправляет согласие занять предлагаемую должность, подает заявление об уходе и начинает готовиться к переезду. Однако кандидатура Протасевича не получает поддержки в Тамбовской профсоюзной секции землеустроителей, куда на согласование 11 февраля были направлены все документы: “В Губземуправление. Возвращая при сем переписку о приглашении на службу тов. ПРОТАСЕВИЧА, Губотдел союза не находит возможным согласовать прием его на должность инспектора работ, в принципе не возражая против открытия этой должности при П/о Мелиорации” (Там же. Л. 76). Это был прямой вызов Платонову, о чем он напишет в письме жене 15 февраля (см. п. 120). Ну а в Воронеже, конечно, обрадовались, что Протасевич не уезжает. На одном из февральских документов, связанных с его предполагаемым увольнением и поиском нового уездного мелиоратора, появилась следующая виза: “Вопрос улажен. Остается на службе” (ГАВО Ф. 64. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 11). В Тамбове вскоре возобновили переговоры с Протасевичем, но он отказался от предложения: “Спешу уведомить, что после данного мною согласия, несмотря на то, что Воронежское ГЗУ и исполком не хотели меня отпускать, я все же добился к 1 марта освобождения и сдать должность и дела. Но уход А. П. Платонова и его предупредительная телеграмма из ГЗУ №... советовали не оставлять службу в Воронежской губернии, вследствие чего был отменен мой уход со службы Воронеж-

ского ГЗУ. Получив вновь Ваше приглашение 15 марта, я, после того, как продолжаю по-прежнему работать в Воронежской губернии, не смею подымать вопрос об уходе ..." (ГАТО. Ф. 946. Оп. 2. Ед. хр. 1491. Л. 70–71).

- 1 Письма Платонова Протасевичу не выявлены, скорее всего, не сохранились.
.....

[120] М. А. Платоновой
15 февраля 1927 г. Тамбов

Тамбов. 15/II.

Милая Маша!

Письмо это имеет две части: серьезную (официальную) и личную.

I. Часть официальная

Препровождая при сем 40 стихотворений, прошу буквально с ними поступить нижеследующим образом:

- 1) передать их Молотову все и просить выпустить отдельной книжкой¹;
- 2) стихотворений я отобрал немного, но зато они, по-моему, доброкачественны;
- 3) если ты или Молотов найдете необходимым дополнить эти стихотворения другими какими-либо (из моего сборника), то вы можете это сделать по своему усмотрению;
- 4) книжку можно назвать просто, напр<имер>, "Стихи", — или еще как-нибудь;
- 5) книжке может быть предпослано чье-нибудь предисловие или нет — пусть будет так, как ты это согласишься с Молотовым;
- 6) книжку следует издать с наивозможной быстротой — все недоумения и неясности решайте сами, не запрашивайте меня; все новшества вводите также сами без меня — дабы не упускать зря времени. Я заранее согласен на всё (п<отому> ч<то> верю тебе);
- 7) стихи следует разместить по очереди так, как они размещены у меня, но можете и изменить, если тебе или Молотову мое размещение не понравится.

Всё. Действуй быстро, энергично, не обращай внимания на мелочи и не волнуйся. Поступай самостоятельно (в смысле принятия решений) и стремись к главному к наибыстрейшему изданию книжки стихов.

II. Часть неофициальная

Мошка моя! Я окончательно и скоро² навсегда уезжаю из Тамбова.

В Наркомземе предложу или взять меня обратно на службу (дурака валять и гладить), или постараюсь найти работу в Москве, а в крайнем случае уеду в другую какую-нибудь губернию или в Сибирь³.

Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пишу коротко. У нас с тобой есть более важные вещи, чем тамбовские дела, о которых не стоит говорить. Но всё же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников — легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов — гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу связываться и тратить попусту силы. А я и так их здесь потратил много.

Меня, конечно, отсюда ГЗУ пускать не будет. НК будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я уже решил. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и поведут против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто задавят грубым количеством.

Сегодня было у меня огромное сражение с противниками дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фразу, обращенную ко мне:

“Платонов, тебе это даром не пройдет. Нам дома стены помогают”.

Это мне было сказано после того, когда я одного дурака посадил в такую калошу, что он побагровел, и я думал, что у него живот лопнет (он пузатый).

Оставим эту скуку, милая невеста моя, вечное счастье мое! Два дня назад я пережил большой ужас.

Проснувшись ночью (у меня неудобная жесткая кровать) — ночь слабо светилась поздней луной, — я увидел за столом у печки, где обычно сижу я, самого себя. Это не ужас, Маша, а нечто более серьезное. Лежа в постели, я видел, как за столом сидел тоже я и, полуулыбаясь, быстро писал. Причем то я, которое писало, ни разу не подняло головы и я не увидел у него своих слез. Когда я хотел вскочить или крикнуть, то ничего во мне не послушалось. Я перевел глаза в окно, но увидел там обычное смутное ночное небо. Глянув на прежнее место, себя я там не заметил.

В первый раз я посмотрел на себя живого — с неясной и двусмысленной улыбкой, в бесцветном ночном сумраке. До сих пор я не могу отделаться от этого видения и жуткое предчувствие не оставляет меня. Есть много поразительного на свете. Но это — больше всякого чуда. Не помню, где — в Москве или в Тамбове — я видел сон, что говорю с Михаилом Кирпичниковым (я тогда писал “Эфирный тракт”), и через день я умертвил его. Каждый день я долго сижу и работаю, чтобы сразу свалиться и уснуть. Мне кажется, что с той ночи, когда я увидел себя, что-то должно измениться. Главное — это не сон, я как раз проснулся и больше не заснул до позднего утра. Потом забился и встал уже в 10 часов.

Не скучно ли тебе это читать?

Может быть, просто моя бедная голова, работавшая всю жизнь как мотор, начинает уставать и ее терзают яды усталости.

Оставим и это.

Что-то там помышляет Тотка? Я как-то боюсь за его судьбу. И за тебя беспокоюсь, лесная моя Мошка. Хорошо бы еще лет двадцать или хоть пятнадцать протерпеть, чтобы Тотик вошел в силу и без меня бы мог прокормить свою старушку-мать. А ты будешь старушкой, Мошка! Ты об этом не думаешь? А я уже, по сравнению с тобой, пожилой человек.

Ну, прощай, моя далекая невеста, и береги нашего первого и единственного сына.

Андрей.

3 ч<аса> ночи. Сей<час> проверю стихи и спать.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 167 (фрагменты).

Печатается по: Архив. С. 479–480. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Речь идет о составленной Платоновым книге стихов “Поющие думы”; при жизни писателя не была опубликована (впервые: Сочинения I (1). С. 287–335, 600–602).
- 2 Платонов уедет из Тамбова не ранее конца марта 1927 г.: с 19 февраля по 5 марта 1927 г. он находился в командировках: сначала в Москве (Наркомат земледелия), затем с 25 февраля в Курске (областное мелиоративное совещание). 17 марта он передал дела своему преемнику; приказ об освобождении Платонова от должности заведующего подотделом мелиорации Тамбовского ГубЗУ подписан 23 марта (см.: *Ходякова*).
- 3 После возвращения Платонова из Тамбова в Москву ему будет предложена работа губмелиоратора в Туле, но он от нее откажется (см.: *Первый год московской жизни А. Платонова* // Страна философов, 2003. С. 641).
.....

[121] Н. И. Замошкину

14 июня 1927 г. Москва

Тов. Замошкин!

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой рассмотреть посылаемую рукопись¹, и если она подойдет, то напечатать всю повесть в “Новом мире”.

Именно к Вам обращаюсь потому, что когда-то мы познакомились с Вами на квартире С. Малашкина².

Чтение рукописи и заключение о ее пригодности³ желательно получить возможно скорей, т<ак> к<ак> “Молодая гвардия”, возможно, издаст мою книгу⁴, в которую войдет и эта повесть. Так что в журнале она должна быть (если подойдет) напечатана прежде, чем выйдет книга.

С тов. приветом Андрей Платонов.

14/VI–27.

Адрес мой: Москва, Бол<ьшой> Златоустинский пер<еулок>, 6, Центр<альный> дом специалистов.

Тел<ефон> 2–08–84, вызвать Платонова.
.....

Впервые: Волга. Саратов, 1989. № 8. С. 163. Публикация Е. Литвин.
Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 1.

Замошкин Николай Иванович (1896–1960) — литературный критик, входил в группу “Перевал”, редактор отдела прозы журнала “Новый мир”. Все письма Замошкину отправлены на адрес редакции журнала “Новый мир”.

- 1 Речь идет о повести “Сокровенный человек”. Название повести вписано Замошкиным в правом углу листа.
- 2 Малашкин Сергей Иванович (1888–1988) — прозаик, входил в группу “Перевал”, автор повести “Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь” (1926), широко обсуждаемой в 1926–1927 гг.
- 3 Редакционное заключение о повести неизвестно, в “Новом мире” она не публиковалась.
- 4 Рукопись повести уже была передана в издательство “Молодая гвардия”. Дату поступления в издательство — 16 июня 1927 г. — сохранил первый лист машинописи, чистый оборот которой позже был использован при написании “Котлована” (см.: ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 25. Л. 1 об.). Впервые повесть напечатана в книге “Сокровенный человек”, которая выйдет в издательстве “Молодая гвардия” в 1928 г.
.....

[122] А. К. Воронскому
18 июня 1927 г. Москва

Тов. Воронский!

Убедительная просьба прочитать рукопись повести “Сокровенный человек”. Может быть, она подойдет для печатания в “Красной нови”¹.

Если я Вам буду нужен, то меня можно вызвать по телефону 2–08–84.

С глуб<оим> уважением

Андрей Платонов.

18/VI–27 г.

Если рукопись для печатания не подойдет, то просьба сохранить ее — для возвращения мне. У меня нет другой.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 33.

- 1 Летом 1927 г., в ходе кампании по утверждению новой редколлегии “Красной нови”, А. К. Воронский оставляет созданный им журнал и в работе

Мов. Воронский!

Убедительная просьба прочитать
рукопись повести „Сокровенный
Человек“. Может быть она подой-
дет для напечатания в „Красной
Нови“.

Если я Вам буду нужен, то
меня можно вызвать по телефону
2-08-84.

С пр.б. уважением

Андрей Платонов
18/VI-27.

Если рукопись для напечатания
не подойдет, то просьба сократить
её — для возвращения мне. У меня нет др.

новой редколлегии участия не принимает (подробно см.: *Динерштейн Е. А. К. Воронский: в поисках живой воды. С. 174–178*). Повесть Платонова он прочитал, однако не передал рукопись в новую редколлегию, а вернул ее автору вместе с настоящим письмом не ранее второй половины августа. В письме к М. Горькому от 11 августа 1927 г. Воронский не только делится литературными новостями, впечатлением от прочитанной повести Платонова, но также сообщает, что рукопись находится у него: “У меня сейчас положение такое: в «Нови» я числюсь, но давно уже фактически не работаю. Не могу работать с Раскольниковым и Фриче, а отпуска пока не получаю, но надеюсь получить. <...> Хорошо, что я впервые за 7 лет отдыхаю от рукописей. Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове — эдакий русский Уленшпигель, — занятно. Фадеев тоже недурен. Превосходен Олеша. «Она движется». Вот это хорошо и бодрит” (Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. С. 57; цит. по: АГ. КГ-п-18-16-28).

.....

[123] М. А. Платоновой
2 июля 1927 г. Москва

Мария!

По своему обыкновению, ты ничего не написала мне из Симферополя¹. Ты знала, что я беспокоюсь — землетрясение², ты одна, Тотик, — а ничего не сообщила. Дала бы телеграмму в два слова за полтинник. 60 руб<лей> перевел телеграфом на Симферополь 29/VI. Получила ли ты их? В понедельник переведу еще немного* (50 р<ублей> получаю из журн<ала> “Молод<ая> гвардия”³).

Книжечка моя выходит только в понедельник-вторник⁴. Либретто передано на доработку режиссеру совместно со мной. В понедельник у меня свидание с режиссером. В понедельник же — ответ из Совкино по поводу службы⁵. В Ц<ентросою>зе⁶ я служу только до 1/VIII, с жалованьем 150 р<ублей>. Мои не приедут⁷ — послал телеграмму с отказом: нет ни денег, ни настроения их принимать. Что делать с Валентиной⁸?

Я пишу кратко и неинтересно — не уверен, что это письмо дойдет до тебя. Адреса точного твоего нет.

Москва без тебя пуста для меня. Но ты меня не любишь теперь совсем. Я едва ли приеду — ты знаешь, сколько

долгов и потребностей у нас. А я бы хотел пожить с Вами хоть три-четыре дня. Очень скверно — землетрясения. Если что опасно — приезжай немедленно. Снимем дачу и отдохнем под Москвой. Пиши мне, пожалуйста. Я тебе тоже буду писать.

Извини меня, что снова пристаю и мешаю отдыхать тебе.

Прислать ли тебе книжек? Каких — назови поблизительно.

Целую Тоточку и тебя. Пришли карточку⁹. Снимись на пляже.

2/VII. Москва. Андрей.

* Еще не все выплачены твои мелкие долги.

Р. С. Ставить “Песчаную учительницу” будет лучший режиссер — наверно, Пудовкин¹⁰. Я видел заключение правления Совкино¹¹. В понедельник буду с ним говорить. Возможно, что удастся устроить тебя. Тогда и я поеду техническим консультантом. Снимать картину будут в калмыцкой степи в августе и сентябре. Тогда все сообщу.

Я бы считал, что тебе лучше сыграть Гюлизар¹²: у тебя тонкое острое лицо.

Андрей.

.....

Впервые: Архив. С. 482. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

- 1 Мария Александровна с сыном уехала в Крым не позже 24 июня, скорее всего, по полученной Платоновым профсоюзной путевке. На почтовой карточке (см. п. 124) имеется адрес: “Алушта, Крым. Дом отдыха Крымского совета профессиональных союзов. Платоновой Марии Александровне”.
- 2 26 июня произошло землетрясение в Крыму; 28-го об этом сообщили центральные газеты, предоставив страницы московским геологам, которые уверяли читателя, что подобные землетрясения не повторяются и поездка в Крым совершенно безопасна (О землетрясении в Крыму. Что говорят московские геологи // Вечерняя Москва. 1927. 28 июня. С. 1). Однако землетрясение повторилось 29-го.
- 3 Очевидно, за публикацию в журнале повести “Епифанские шлюзы” (№ 6).
- 4 Книга “Епифанские шлюзы” вышла в начале июня 1927 г.

- 5 Совкино — Всесоюзное фото-кинематографическое акционерное общество “Советское кино”. Киношный бум увлек в эти годы многих писателей: сценарии для кино пишут В. Маяковский, В. Шкловский, В. Киршон, И. Бабель, В. Зазубрин, Б. Лавренев, Ю. Тынянов, С. Третьяков и др. Писатели и критики (Б. Арватов, О. Брик, С. Третьяков, Б. Эйхенбаум, И. Эренбург) входят в редколлегию журнала “Советское кино”, являются едва ли не главными теоретиками советского кино. При этом на рубеже 1926–1927 гг. много говорится и пишется о “сценарном голоде” в кино (см.: *Перцов В.* Литература и кино // Советское кино. 1927. № 5–6. С. 10), объявляется новый призыв сценаристов. Где-то с мая Платонов завязывает отношения со сценарным отделом 1-й кинофабрики “Совкино” и включается в работу над киносценариями по собственной прозе (“Песчаная учительница”, “Епифанские шлюзы”, “Лампочка Ильича”). Надежда Платонова на службу объясняется начавшимся реформированием сценарных цехов всех советских кинофабрик, постановкой вопроса о создании при каждой кинофабрике кадров новых сценаристов из пролетарских литературных сил, прикрепленных к производству и работающих по определенному плану.
- 6 Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ, государственная организация, занималась широким спектром вопросов потребительской кооперации; имела солидную издательскую базу. На сегодняшний день этот отрезок биографии Платонова никак не документирован, кроме произведений писателя, в которых нашла отражение его служба в Центросоюзе (либретто сценария “Надлежащие мероприятия”).
- 7 Т. е. Климентовы, родные Платонова, которые жили в Воронеже. Отношения Марии Александровны с семьей Платонова не сложились сразу. Невестку не приняла мать Платонова Мария Васильевна, не были близкими отношения Марии Александровны с братьями и сестрой мужа. Платонов тяжело переживал эту семейную драму, что нашло отражение в лейтмотивном микросюжете его прозы 1927–1928 гг. — трагическом непонимании в отношениях “детской матери” и невесты-жены (“Чевенгур”).
- 8 Кашинцева В. А.
- 9 4 июля (дата устанавливается по штемпелю) Мария Александровна отсылает открытку со своей пометой крестиком: “Привет от Тота! Крест там, где мы снимались” — и фотографию (хранятся в фонде Платонова ОР ИМЛИ).
- 10 Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) — известный советский кинорежиссер (“Мать”, 1926; “Конец Санкт-Петербурга”, 1927; и др.) и теоретик кино (“Кинорежиссер и киноматериал”, 1926; “Как писать сценарий”, 1926; “Киносценарий”, 1927; и др.). На сегодняшний день документами о постановке “Песчаной учительницы” в 1927–1928 гг. и участии В. Пудовкина в работе над фильмом не располагаем.
- 11 Данный документ не выявлен. В фонде Платонова сохранилось более раннее заключение о “Песчаной учительнице”, написанное киноматюром и теоретиком кино В. Туркиным; датировано 12 мая 1927 г.

История постановки “Песчаной учительницы” растянулась не на один год. Весь 1927 г. Платонов переделывает текст. В 1928 г. сценарий включают в тематический план второго полугодия, но работа так еще и не началась, хотя, кажется, и тематически “Песчаная учительница” вполне вписывалась в генеральную линию пролетарской кинематографии. Об этом говорит в своем отчете на заседании ВАППа (декабрь) зав. художественным отделом 1-й кинофабрики “Совкино” А. Тарасов-Родионов: “«Песчаная учительница». Это рабочее название. Мы сейчас придумываем что-нибудь другое. Я беру это название как ориентировочное. Это фильма о переходе наших кочевников отсталых племен на окраинах нашего Союза на оседлую жизнь, на земледелие. Причем тут же разрабатываются и некоторые моменты национального вопроса”; “Нужная тема о продвижении женщины на производство, это есть тема о новой женщине на производстве” (ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 379. Л. 16, 18). Название у сценария сменяют (возможно, и потому, чтобы устранить похожесть на планируемый на 1928 г. фильм “Первая учительница”); да и сам текст сценария переживает еще не одну переработку до выхода в свет фильма “Айна” (1930).

12   Юлизар — героиня киносценария “Песчаная учительница”.

.....

[124]   М. А. Платоновой

3 июля 1927 г. Москва

Москва, 3/VII. Маша!

Я получил открытку и письмо. Еще раньше получения — я послал тебе письмо на Алушту. Зачем ты прислала 6 рублей? Мне никогда денег не присылай — я сам справлюсь. Завтра pošлю Вам с Тоткой немного на гостинцы и фрукты и рассчитаюсь со всеми долгами в окончательный расчет. По некоторым я уже расплатился.

Наверно, в Крыму тебе понравится. Главное мое беспокойство — землетрясения. Никто не знает, будут ли они или нет. Главное — во время землетрясений — не быть в здании или у скал и в море. Скала может деформироваться и задавить человека, море “вздыхнет” на берег так, что погребет под собой людей¹, и т. д.

Смотри, Мария! Если будет тревожно или землетрясение повторится — выезжай в Москву.

Не забудь то, за чем ты поехала — отдохнуть.

Я знаю, что там есть разврат (в большей степени, чем обычно предполагают), к тебе, наверно, пристают и т. д. Это на

курортах было всегда. Я не верю — и это невозможно, — что тебе удастся остаться совершенно чистой в такой клоаке. Но все-таки не забудь своего отдыха.

Что Тот ужасен (ты пишешь) — понятно: он устал ведь с дороги. Но что он вспомнил в С<имферопо>ле о нашем дворе — это знаменито!

Я живу плохо (не в материальном смысле — это пустяки). А так очень скучно и дурно мне. Жизнь моя свелась совсем к примитиву: служба и дом. Новиков² — ерунда. Был у него один раз — совершенно уже не о чем говорить, нет ничего даже для поддержания товарищества. Но одиночество мне страшно — так я привык бессознательно иметь рядом с собой тебя. Я говорю искренно. Я увижу тебя очень нескоро. Мне предстоит переплыть до тебя океаны трудностей. Ты ведь знаешь, как трудно в Москве всё дается.

Самое тяжелое — без тебя мне плохо работается. И так пусто и уныло в Москве. Я не представляю себе, чтобы любящий человек, при всех возможностях, мог вести себя так, как ты вела себя, когда я уехал один в Тамбов.

Значит — не любила. Не обижайся за старое заросшее воспоминание.

Ты вспомнила к чему-то Сокольникова³. Извини, но уж очень глупо. Передаю тебе самый искренний, глубокий и горячий поклон и привет Дениса. Ответ ему надлежит послать непосредственно.

Я работаю. Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую независимую воду жизни. Главное — независимую. Очень мне тяжело зависеть от всех случаев. Это отчасти гадко. Но какая стерва со мной поступала хорошо? Я совсем не хочу быть “общепольным” работником, я хочу быть покойным и счастливым (форменное мешанство!). Всё это я знаю — и дешевкой меня не возьмешь.

Пишу о нашей любви⁴. Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается. Вообще, настоящий писатель это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается.

Но это ничуть не облегчает личной судьбы писателя — он неминуемо исходит кровью. Как всё грустно, однако, Мария!

Завтра я получаю книжку (вышлю тебе сразу), через месяц-два⁵ будет другая и т. д.

В Совкино мне говорят, что на мои вещи нельзя писать рецензий, а надо писать целые исследования и т. д. — до того, дескать, они хороши. Отчасти это преувеличено, но всё же каждому должно быть лестно. А я бы многое отдал, чтобы поспать с тобою ночь. Вот какое животное твой муж! И ничто сейчас меня не утешает. Вот доказательство: книжку я мог получить в субботу, а я не пошел в “Мол<одую> гв<ардию>”, а пошел после службы купаться. Не было никакого интереса разглядывать свою книжку без тебя. От тебя же не было писем, и я решил, что тебе тоже вся эта музыка неинтересна, — и купался, глядя на Кремль.

Ты от меня далека и невозможна. Сейчас читал свои стихи. Предполагаю издать их, но только не в “М<олодой> гв<ардии>”, хотя Молотов просил их дать через неделю.

Помнишь ты такой отрывок:

...Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли,
И небес дремучее молчание,
И всю прелесть милую вдали.
Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста⁶.

Меня это тронуло нынче больше, чем когда я писал эти строки.

Вот что самое страшное в человеке — когда его люди не интересуют и не веселят и когда природа его не успокаивает. Т. е. — когда он погружен весь в свою томящуюся душу. Так обстоит у меня. Сегодня — воскресенье — ездил к аэродрому, должны быть мотоциклетные гонки, но не состоя-

лись⁷. Я пешком дошел почти до Серебряного бора. И ничто меня не тронуло, не успокоило и не обрадовало. Природа отстала от меня. Легко понять — почему, но говорить неохота.

Все равно без самоубийства не выйдешь никуда. Смерть, любовь и душа — явления совершенно тождественные. Это ты знаешь и без меня хорошо.

Брошу об этом. Но я не знаю, как дожидаться тебя, — так долго еще ты там будешь. Я не хочу тебя ни учить, ни просить — не умею, и человека ничему настоящему научить нельзя.

Только не лги мне (об этом ты меня все просишь). Знаешь, ложь как-то выходит, т<ак> ск<азать>, “нелитературно” — ее всегда учуешь, а иногда и просто нечаянно узнаешь. А ты солжешь мне обязательно. Что-то есть в тебе, против чего я всегда протестовал, — ложь, замаскированная лучше правды. Тебя, особенно в последние годы, стали сильно интересоваться и мужчины, и многое другое, к чему раньше ты такого явного интереса не выказывала. Но ты так всегда позоришь меня за это, что я начинаю еще пуще верить в свою правоту.

Кончим об этом. Я не сумел просто сделать из жизни то, о чем мечтал в ранние годы. Перенесу то, что вышло из-под моих неумелых рук.

Теперь о будничном — и конец.

Валентине дал 12 р<ублей>, она, кажется, уезжает. Мои не приедут⁸. (А сколько было ссоры! А вот всё и рассеялось, осталась боль да пустота.)

Опиши мне Крым. У тебя очень хороший стиль в письме из Симферополя, несмотря на то что ты писала его наспех. Вот так и пиши. Какое ощущение оставило море, какие горы, небо, воздух и весь инвентарь тамошней природы. Наверное, очень интересно и необъяснимо. Я отсюда ничего себе не могу вообразить. Что вы едите? Как Тотик встретил море? Как ты проводишь время (я спрашиваю это, чтобы вообразить тебя в Крыму).

И всё остальное. Мне всё будет любопытно. Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной пере-

дачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал⁹. Маша, это захватывающая задача, — страсть к научной истине не только не умерла во мне, а усилилась за счет художественного созерцания.

Я не гармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба без всякой измены себе.

Завтра ответ в Совкино о службе. Денег еще не получил. Получу — вышло, они мне не нужны. Не дадут службы, поищу еще где-нибудь. Не найду — подыскиваю вам комнату и — в провинцию. Чем хуже, тем скорее будет легче.

Пиши мне всё, Машенька. На деле я никогда не был и не буду твоим врагом. А был только на словах.

Будьте живы и здоровы, поправляйтесь, берегите и не обижайте друг друга (Тотка, стервец, слушай маму!) и помните своего старика

Андрея Платонова.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 172–173 (фрагменты; с датировкой: 1936 г). Печатается по: Архив. С. 483–485. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Платонов внимательно следит за информацией о землетрясении в Крыму по газетам, в частности, в данном случае излагает информацию по заметке поэта М. Артамонова, живописавшего первое землетрясение в подробностях (*Артамонов Мих.* После землетрясения в Крыму // *Известия.* 1927. 1 июля. С. 4); ожидалось новое землетрясение, но оно случится не в Крыму, а в Иерусалиме.
- 2 Новиков Андрей Никитович (1888–1941, репрессирован) — прозаик, земляк Платонова, с 1925 г. жил в Москве, входил в группу “Перевал”; в это время Новиков писал сатирический роман “Причины происхождения туманностей”, в котором нашли отражение московские встречи с Платоновым после его возвращения из Тамбова. Дружеские отношения Платонова с Новиковым сохранились вплоть до ареста Новикова в январе 1940 г. (проходил по сфабрикованному делу писательской антисоветской правотроцкистской группы).
- 3 Сокольников Михаил Порфирьевич (1888–1979) — искусствовед, журналист, критик журнала “Молодая гвардия” и сотрудник одноименного издательства; он же автор рецензии на книгу Платонова “Сокровенный человек” (см.: *Молодая гвардия.* 1928. № 3. С. 205).
- 4 В это время Платонов работает над двумя произведениями, в которых нашел воплощение лирический любовный сюжет его жизни: повестями “Строители страны” и “Однажды любившие”. В последнюю, построенную на материале реальных тамбовских писем, вкралась де-

таль из данного письма (см. далее в письме о “нечаянном открытии принципа беспроводной передачи энергии”). В тексте письма из Тамбова от 11 декабря — “Единственное утешение для меня — это писать тебе письма и *кончать «Эфирный тракт»*” — выделенный курсивом текст заменяется на следующий: “...и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии” (см. с. 654 наст. издания).

- 5 В 1927 г. у Платонова выйдет только одна книга (“Епифанские шлюзы”). О планируемых книгах 1927 г. см. далее в п. 128.
- 6 Цитируется стихотворение “Древний мир, воспетый птицами...” из книги “Поющие думы”, составленной Платоновым в Тамбове и переданной Молотову. Это одно из поздних стихотворений Платонова; при жизни не публиковалось (см.: Сочинения I (1). С. 327).
- 7 Одной из примет московского лета 1927 г. стали мотоциклетные пробеги, информация о которых давалась 1 и 2 июля в разделе “Спортхроника” газеты “Вечерняя Москва”; мероприятие, о котором сообщает Платонов, было перенесено на 10 июля, о чем читатели были предупреждены заранее (см.: Спорт-хроника // Вечерняя Москва. 1927. 22 июня. С. 3; О предстоящем 10 июля мотопробеге Москва — Ленинград // Там же. 30 июня. С. 3).
- 8 Очевидно, Платонов получил телеграмму из Воронежа. К сожалению, никаких материалов семьи Климентовых в фонде Платонова не сохранилось.
- 9 Статья Платонова на эту тему неизвестна.
.....

[125]

М. А. Платоновой

5 июля 1927 г. Москва

Машенька!

Посылаю тебе книжку — простой бандеролью¹.

Это так. К пятнице² типография сделает книжки в переплете, тогда вышлю тебе форменно — с личной надписью.

Отчего ты не хочешь писать мне? Разве ты так занята? Напиши, пожалуйста, откровенно. И мое самочувствие, и мои дела ниже нуля.

Привет. Целую жену и сына.

Андрей.

.....

Впервые: Архив. С. 486. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 7.

- 1 Фрагмент книги “Епифанские шлюзы” без переплета хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ. На титульном листе запись — Платонова: “Адресату. Андрей» Платонов». 5.7.27” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 5).

- 2 9 июля (пятница) датируется запись на книге “Епифанские шлюзы” (в переплете), предназначенной для Марии Александровны: “Марии, другу и любимой, — зреющей звезде моего разума, теплоте моего сердца. Андрей Платонов. Москва, 9/VII.27” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 6).

[126] М. А. Платоновой
9–11 июля 1927 г. Москва

¹Долги все отдал. У меня ничего нового. Книга вышла. Либретто — ответ на днях. 15-го июля лишают службы. Возможно, что я подпишу с “Мол<одой> гв<ардией>” договор на роман в 15 листов² по 150 р<ублей> за лист. Тогда служба не нужна.

Положение с войной напряженное³. Но это неважно.

То, что я напишу дальше, тебя удивит. Да, я накануне лучшей жизни. Литературные дела идут на подъем. Меня хвалят всюду. Был в “Новом мире” — блестящая оценка⁴. Либретто — тоже. “Епиф<анские> шлюзы” — также⁵.

Зачем я это пишу? Вот зачем. Оказалось, что это мне не нужно. Что-то круто и болезненно во мне изменилось, как ты уехала. Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Всё как-то потухло и затмилось. Страсть к смерти обуяла меня до радости. Я решил окончательно рассчитаться с жизнью. Я всё обдумал. Тотик и ты? Но ведь ты же в пять минут при желании найдешь себе мужа, попечителя, друга — и полюбишь его. Ты не страдаешь ничуть, оттого что я погибну. Выйдет наоборот. Счастью со мной не бывать. Я болен и неустойчив. А с другим — счастье возможно.

Всюду одно растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога — всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается. Самое тело мое есть орган страдания. Я не могу писать — ну кому это нужно, милая Маша? Что за утешение, дорогой единственный мой друг!

Нежный мой далекий неповторимый цветок. Существо, в котором светилась вся моя надежда!

Грусть моя, мое единственное вдохновение, ты была у начала моей жизни, мой конец совпадает с воспоминанием о тебе. Пучина бессознательного тушит во мне контроль сознания. Как страшен и радостен миг полного освобождения, забвения в прахе немого вещества.

Молятся о плавающих, путешествующих, страдающих. Никто не молится за умирающих, за мертвых⁶.

Помолись о мне, моя любимая,
Мне не перенести ни жизни, ни любви⁷.

И это так тянет — сильнее всего, сильнее самого сильного — твоего тела.

Я сделаю всё, чтобы было удобно тебе. Воскресенье я лежал, думал о тебе. Как хорошо еще бы и в последний раз хоть увидеть тебя. Никого нет совершенно у меня. Ненависть к себе у меня предельная. Я бы изорвал свое тело — и я изорву его.

Что хочешь сделаю для тебя в эти дни. Приеду на день на два в Крым. Еще что-нибудь. Что хочешь. Деньги все переведу тебе. Я их только и жду. Но я же не нужен тебе. Твоя горькая правда поможет мне.

Не утешай, не обманывай, а толкни меня — мне будет легче.

Пиши мне свое последнее письмо. Буду ждать и считать версты поезда. Буду помнить. Унесу тебя в себе навсегда, даже в мертвом теле своем запечатлею твой образ. Касаясь камня, я обниму тебя. Я навсегда оценю тебя так, как не сумел оценить при жизни, болея и мучаясь ненужными вещами.

Живи, мой лунный свет и моя великая ночь.

Напиши мне быстрое письмо.

Твой Андрей.

Напиши мне всю свою жизнь, но так, как надо, — правдиво и беспощадно.

Я тоже напишу. И тогда кончено.

Скажи, кто ты? Познакомимся и обручимся искренно и без всякой пользы. Это наша свадьба. Как жаль, что ее не было.

Я плачу о тебе, моя далекая подруга. Я стал пошлым и глупым.
.....

Печатается по первой публикации. Архив. С. 487–488. Публикация Н. Корниенко.

- 1   Отсутствует 1-й лист письма.
- 2   Не исключено, что именно в эти месяцы Платонов готовит заявку на роман “Зреющая звезда” (образ “зреющей звезды” появляется 9 июля в дарственной надписи на книге “Епифанские шлюзы”, см. выше примеч. 2 к п. 125); текст заявки хранится в фонде Платонова РО ИРЛИ (опубл.: Творчество, 1995. С. 241–243).
- 3   Пик ожидания войны приходится на лето 1927 г., что связано с ухудшением дипломатических отношений с Европой: 7 июня — убийство русским эмигрантом Б. Ковердой в Варшаве советского полпреда в Польше П. Л. Войкова; 15 июня принимается новое “Положение об охране государственной границы СССР”; 22 августа — казнь революционеров-анархистов Сакко и Ванцетти в Америке; доклад Н. Бухарина на пленуме Московского комитета ВКП(б) о международном положении; создается фонд “Наш ответ Чемберлену”, постоянно сообщается о взносах в фонд организаций и граждан; 10 июля начинается “Неделя обороны”; выходит однодневная газета Федерации советских писателей “Против угрозы войны”, на страницах которой выступают писатели, ученые и т. п. (информация дается по газете “Известия”, 18 июня — 30 августа 1927 г.).
- 4   В 1927 г. публикаций Платонова в “Новом мире” не было. 14 июня Платонов отправил в журнал повесть “Сокровенный человек” с письмом Н. Замошкину (п. 121); ко времени настоящего письма Платонову уже было известно решение “Нового мира” не печатать “Сокровенного человека”, и он просит Замошкина в письме от 12 июля напечатать фрагмент повести (см. п. 127).
- 5   Июльские отзывы на либретто “Песчаная учительница” и книгу “Епифанские шлюзы” неизвестны (первый отзыв на книгу появится в июльско-августовском номере журнала “Книга и профсоюзы”).
- 6   Поминовение усопших — один из основных элементов православного богослужения, о чем Платонов хорошо знал. В данном высказывании, символизирующем состояние смертной ночи, одержимости тьмой, речь идет о самоубийстве — смертном грехе, осуждаемом церковью. Самоубийцы в церкви не поминаются и не отпеваются.
- 7   Вариация на тему собственного стихотворения Платонова “Вечерние дороги”, напечатанного впервые 26 августа 1921 г. в журнале “Голодающим детям Поволжья” (Воронеж); позднее было включено в книгу “Голубая глубина”. В обеих публикациях последняя строфа стихотворения выглядела так:

Все слова таит душа незримая,
Нету ей ни хлеба, ни воды.
Наклонись ко мне, моя любимая,
Мне не перенести ни песни, ни звезды.

.....

[127] Н. И. ЗАМОШКИНУ
12 июля 1927 г. Москва

Глубокоуважаемый тов. Замошкин!

Я получил Вашу открытку¹ о моей повести. Если Вам нужны короткие рассказы, то я прошу Вас самостоятельно пустить отрывок из моей повести как самостоятельный рассказ². Это легко сделать.

Если этого никак нельзя сделать, то Вы назначьте мне день и час, когда я могу явиться к Вам за рукописью.

Но я бы просил удовлетворить мою первую просьбу.

С тов. приветом

Андрей Платонов.

12/VII.

.....

Впервые: Волга. 1989. № 8. С. 163. Публикация Е. Литвин. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 2. Почтовая карточка.

- 1 Письмо Замошкина с отзывом о повести “Сокровенный человек” не сохранилось. Частично отзыв критика можно реконструировать по его рецензии на книгу “Сокровенный человек” (1928), большая часть которой посвящена повести; Замошкин поддержит вошедшего в литературу нового большого писателя и выскажет свои замечания именно к повести:

“У А. Платонова следует отметить упорное стремление быть серьезным писателем. Он движется по линии наибольшего сопротивления, иногда даже искусственно создавая на своем пути препятствия. Всё время кажется, что писатель изнемогает в попытках показать «тайное тайных» своих не совсем обычных героев. Кто такой «сокровенный человек» — слесарь Пухов и что в нем особенного? Обратимся для этого к щедрым авторским характеристикам.

Пухов «не враг революции, а какой-то ветер, дующий мимо паруса революции», однако он всегда «ревниво следил за революцией, стыдясь за каждую ее глупость». Перед нами анархическая, смутная натура, не верящая в «организацию мысли», а стремящаяся к синтезу «природной обстановки» с революцией. Таков этот прекрасный опытный слесарь, прямой и храбрый человек, побывавший на фронтах

гражданской войны и, кстати, наделавший там много благоглупостей (история с «песочным десантом» и др.). В конце повести автор водворяет его в трудовую мирную обстановку, где Пухов наконец-то обретает «нечаянное сочувствие к людям». Такой фактический конец повести не может считаться естественным психологическим концом ее, ибо в этом «сочувствии к людям» нет никакого «исхода» душевным смятениям героя, какого-либо завершения судьбы Пухова — ведь мизантропом он никогда не был, да и не мог быть, постоянно тоскуя по человеческой «гармонии». Остается неизвестным: к чему же пришел этот «кустарь советской власти»... Повесть оборвана, не завершена веским, естественным финалом” (Новый мир. 1928. № 3. С. 269).

- 2 Очевидно, редакция отказалась и от этого предложения Платонова. У Платонова был подготовлен для публикации в качестве “самостоятельного рассказа” фрагмент повести “Сокровенный человек”, однако он не будет напечатан.
.....

---

[128] М. А. Платоновой
14 июля 1927 г. Москва

Маша!

Получил два твоих письма. В воскресенье в Крыму был шторм¹. Я беспокоился и послал тебе телеграмму с оплаченным ответом, но пока нет от тебя ответа.

Мое письмо к тебе было простое, а не противоречивое. Я очень далек от зависти, обиды, которую кто-то будто бы мне нанес здесь, и т. д. Это всё неверно. Хвалят меня не по кабакам, а в таких местах, как Совкино. Председатель Шведчиков² прочитал мою книгу (ему дал ее Бляхин³) и говорил со мной.

Затем хорошо отзываются сценаристы (Берроуз и Пушас⁴ — ты их не знаешь). Воронский, “Нов<ый> мир”, писательская орда из “Мол<одой> гвардии” и т. д.⁵ В кино мне говорят, что я смогу стать большим сценаристом, и как только приедет из Л<енин>града Эйзенштейн⁶, то меня познакомят с ним. Воронский назвал вещь первым образцом беспримесной пролетарской литературы. — Никакого комханжества⁷ и комлакейства нет, вещь очень резкая, твердая и даже несколько излишне спрессована, — сказал он. К сожалению, он власть потерял. Завтра —

<в> пятницу — иду к нему в “Круг”⁸. Вчера подписал договор с “Мол<одой> гв<ардией>” на 900 р<ублей>⁹: во вторник что-нибудь получу.

Во вторник же выезжаю к тебе с поездом 8 ч<асов> 25 <минут> вечера. Наверно, в четверг тебя увижу. Я буду рад и счастлив, если ты встретишь меня в Симферополе.

Милая моя, зачем ты меня не хочешь понять? Я не под настроением пишу тебе письма, и в них нет загадок. Мое отчаяние в жизни имеет прочные, а не временные причины. Есть в жизни живущие и есть обреченные. Я обреченный. Кто меня мог так обидеть? Маша, мне нужна ты, а не женщина вообще. И если тело, то тоже твоё — <...> я, наверно, очень сжился с тобой в половом отношении. Но это всё же второстепенное по сравнению с тем, что я без тебя никак не могу писать — теряю вдохновение, выражаясь вульгарно. Да, ты права, что надо писать для себя. Халтурить я совсем не могу. Но мое горе и мое счастье в том, что я пишу для себя и для тебя. И потом, писать могу, когда ты рядом живешь. Душа должна быть верна себе и спокойна, а в такой тревоге, в какой я живу без тебя, она бесплодна.

Ты говоришь, где меня хвалят. Муся, ведь это чепуха. Хотя мне говорил Молотов, очень скупой на похвалы ко мне человек (в педагогических целях), что над “Епиф<анскими> шлюзами” плачут. Это глупость, конечно.

Сейчас только звонили из Совкино (отрывали от письма), чтобы завтра я зашел поговорить о сценарии из жизни сектантов¹⁰. Дадут денег вперед — буду работать, а иначе откажусь.

Ты удивлена, почему меня отовсюду “гонят”. Мария, у нас в Центросоюзе сокращают сразу 300–400 чел<овек>, я попадаю не потому, что я персонально плох, а что сокращают целиком тот отдел, где я нахожусь¹¹. Да ты не бойся, вшинка моя! Я и сам не хочу служить. Я никогда не служил в канцеляриях — это так тяготит меня. Дело такое поганое и ненужное, и т. д. Я служить вообще не буду. С “Мол<одой> гвард<ией>”, вероятно, подпишу договор на роман в 15 лист<ов>¹².

1000 р<ублей> получу в июле и августе. Остальные 1300 р<ублей>, в октябре. Затем 450 р<ублей> по “Сокр<овенному> чел<овеку>” в сентябре. Разве так необходимо и выгодно служить.

Может, с Совкино что выйдет. Разумно ли сидеть по 6–7 ч<асов> в день за 150 р<ублей> в м<еся>ц?

На роман дал план. Он понравился.

Меня больно уязвило то место в первом письме, где ты говоришь о Пироговой¹³. Неужели, если я правильно понимаю, ты заплакала, что твоя подруга — жена богатого начальника верфи? А ты, дескать, жена босняка. Милая, “начальник верфи”¹⁴ — это должность, а не достоинство человека. Это всего-навсего служба. И я бы мог быть не меньшим. Неужели женой поэта быть так низко, что стоит завидовать жене бюрократа. Наверно, тут дело в другом — твоя старая, неизвестная мне любовь оказалась.

Вчера послали с Валентиной тебе костюм.

Гюлизар я сам придумал (кто мне мог советовать?). Мне казалось, что ты в этой роли будешь лучше.

А роль Гюлизар¹⁵ теперь большая. Но пока ничего еще нет — с Совкино, я тебе писал, затяжка. Приеду — расскажу. И т. д.

Вырезок еще нет¹⁶ — литературная Москва отдыхает. В августе начнут съезжаться — вот тогда. Да это неважно.

В четверг я буду целовать тебя в Симферополе!
Приедем в Москву — снимем на август дачу. Как мне легко, когда я пишу тебе письмо. Ты как атмосфера для моего душевного дыхания — уехала, и мне нечем дышать.

Изменишь мне, оставишь меня — всё будет конечно, и я не встану тогда.

Мне скучно без тебя в Москве, как в Тамбове. Я не знаю, куда девать себя. Хожу купаться в купальню, сижу в нашем скверике на Театральной¹⁷ — но всюду — скучно.

Какие мотовелогонки?¹⁸ Ни разу не были. Еще странно: почему ты до 9-го не получала писем? Я тебе их написал штук 8! А ты мне не хотела долго писать. Зачем это разрушение человека?

Маша, если правда, что ты сможешь полюбить меня, когда я стану лучшим, то я благодарен и за то. Но ты говоришь, ты жалеешь, что я не нужен тебе буду, когда надорвусь. Тогда “дряхлость будет верностью”. Ты жалеешь, что тратишь молодость на перевоспитание такого хулигана. Я постараюсь, чтобы ускорить это дело и доставить тебе быстрое счастье, сколько оно зависит от меня. Но не надо жалеть меня, хотя я люблю твою теплоту. Сопьюсь, окоченею и выброшусь с четвертого или шестого (обязательно четного: иначе не умрешь) этажа. Это будет несомненно. Надо ждать удачного часа и копить в себе горе. Как хороши слова “вечная память” и навсегда уставшее сердце.

Вчера я нечаянно задремал с книгой в 7 вечера. И сквозь сон слышу на улице слепого гармониста. Он играл что-то похоронное, но очень хорошее. Я давно не слышал никакой музыки.

Скажи Тотке, что опустел без него наш бедный дворик и в убыток торгуют ларьки — нет главного покупателя. Я буду рад, если ты зажмуришься и будешь только здороветь. Не волнуйся там, Маша, — тебя предадут твои ухажоры, а Тотка пойдет беспризорным. Я не зарегистрирован с тобой, но я тебе муж, а Тотке — отец. Подожди меня — пройдет несколько дней, и я буду сжимать тебя в своих объятиях.

Если бы знала меня настоящего — ты бы была довольна.

Скоро буду. Поговорим и отдохнем немного. Привезу лучшую книжку — я ее выбрал в типографии для тебя.

Этой осенью выйдут у меня еще 3 книжки, а с “Епиф<анскими> шлюзами” — 4.

Целую твои соленые губы и ласкаю милую грудь. Обними Тотика — и прощай до близкого хорошего дня.

Твой Андрей. 14/VII.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 489–491. Публикация Н. Корниенко.

1 10 июля в Крыму прошли ураган и сильная гроза, были повреждены телеграфные и телефонные провода, снесены крыши домов, ливень

- сопровождался крупным градом (см.: Стихийные бедствия // Известия. 1927. 12 июля. С. 2).
- 2 Шведчиков Константин Матвеевич (1884–1952) — старый большевик, с 1924 г. — член коллегии Наркомвнешторга и председатель правления “Совкино”.
- 3 Бляхин Павел Андреевич (1887–1961) — член правления и руководитель Художественного отдела “Совкино”, член правления издательства “Молодая гвардия”, прозаик и сценарист (киноповесть “Красные дьяволята”, 1925; сценарии “Большевик Мамед”, 1925; “Во имя бога”, 1925; “26 бакинских комиссаров”, 1926; “Иуда”, 1927).
- 4 Берроуз и Пушас — таких имен нет среди советских сценаристов 1927 г. Очевидно, мистификация Платонова. Берроуз Эдгар Райс (1875–1950) — американский писатель, создатель знаменитого Тарзана, героя серии экзотико-приключенческих романов, очень популярных во всем мире, в том числе в России: “Тарзан — приемыш обезьяны”, “Возвращение Тарзана”, “Тарзан и его звери”, “Сын Тарзана” и др. О Берроузе-сценаристе Платонов мог знать от Шкловского, посвятившего феномену Тарзана статью 1924 г.: “В книжных магазинах сообщали, что заказы идут из мест Сибири, настолько глухих, что о них не было слышно двадцать лет. Никогда, вероятно, со времен молодого Горького страна не переживала такого массового увлечения литературной повестью”; “Я встретился с Тарзаном в первый раз в Берлине в кинематографе. Шла лента «Тарзан». Народу было очень много, роман был известен всем” (Тарзан // Русский современник. 1924. № 3. С. 252–253. Подпись: В. Ш.). Пушас Иосиф (Осип) Исаакович (1908–1937) — сотрудник ленинградской кинофабрики “Совкино”; в 1927 г. опубликовал в “Новом Лефе” (№ 3) статью “О шаблоне и безграмотности”, в 1928 г. — там же статью “Не заболванивайте ребят” (№ 4). Сведения о Пушасе сообщены А. Галушкиным.
- 5 В июне 1927 г. Платонов предлагал для публикации в журнал “Новый мир” повесть “Сокровенный человек” (см. примеч. к п. 121, 127). О “Молодой гвардии” см. ниже.
- 6 Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) — кинорежиссер (“Стачка”, 1925; “Броненосец Потемкин”, 1925; “Октябрь”, 1927; и др.). В это время в Ленинграде шли съемки фильма “Октябрь”, о чем постоянно писали центральные газеты. Неизвестно, состоялась ли летом 1927 г. встреча Платонова с Эйзенштейном; в рассказе Платонова “Надлежащие мероприятия” появляется образ автора “Октября”: “Режиссер туманных картин т. Эйзенштейн” (см.: Архив. С. 35, 37–38).
- 7 Комханжество — коммунистическое ханжество.
- 8 У А. Воронского (в “Красной нови”) в это время находилась повесть “Сокровенный человек”. Повесть не будет опубликована ни в “Новом мире”, ни в “Красной нови”, ни в “Круге”, а выйдет в “Молодой гвардии” у Молотова, которому Платонов передал повесть 16 июня.
- 9 Текст договора неизвестен.
- 10 Результат переговоров неизвестен. Среди известных сценариев Платонова 1927–1928 гг. нет текста о сектантах.

- 11 После XVIII сессии совета Центросоюза, посвященной обсуждению итогов работы потребкооперации за 1926 — первую половину 1927 г., началась реорганизация аппарата (см.: Сессия совета Центросоюза // Известия. 1927. 22 июня. С. 3); вопрос о реорганизации Центросоюза слушается в правительстве (Известия. 1927. 3 июля), и Платонов попадает под сокращение.
- 12 См. выше примеч. 2 к п. 126. Договор на роман не выявлен. Летом 1927 г. Платонов начинает работать над повестью “Строители страны”, текст которой после его прочтения Литвиным-Молотовым перерабатывается в роман “Чевенгур”.
- 13 Пирогова — неустановленное лицо.
- 14 Здесь и далее в кавычках — цитаты из письма Марии Александровны.
- 15 О Юлизар см. п. 123.
- 16 Имеются в виду отзывы на вышедшую книгу “Епифанские шлюзы”. В 1927-м их было не так много, как ожидал Платонов; всего 3 рецензии — в журнале “Книга и профсоюзы” (№ 7–8, июль–авг.), “Смене” (№ 212, сентябрь) и ленинградской “Красной газете” (веч. выпуск, 12 октября); републ. Е. Антоновой (см.: Страна философов, 2005. С. 527–531). Рецензентами дебютной книги прозы Платонова выступили малоизвестные в литературной среде люди. Главным издателем Платонова в 1927 г. остается Г. З. Литвин-Молотов (основные договоры заключаются с одноименными редакцией и журналом “Молодая гвардия”, гонорары выписываются не без покровительства влиятельного члена редколлегии Госиздата). Не совсем понятно, почему опытный редактор и издатель не организовал кампанию поддержки и рекламы 1-й книги выводимого им в московский свет писателя. Укажем лишь на одну из возможных причин — крайне напряженную внутриполитическую ситуацию в связи с выступлениями партийной оппозиции, к которой весной-летом 1927 г. примкнули некоторые известные литераторы и критики. Всесоюзный дебют Платонова прошел незамеченным.
- 17 Театральная площадь.
- 18 См. выше примеч. 8 к п. 124.
.....

---

[129] В ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих
19 августа 1927 г. Москва

В ЦК Союза с<ельско>х<озяйственных> и л<есных> рабочих.

Ссылаясь на предложение председателя ЦК н<аше-го> Союза, просьба выдать мне 300 (триста) руб<лей> для выезда из ЦД специалистов.

А. Платонов.

19/VIII-27.

Р. С. Выезд будет совершен в течение 2-х недель со дня разрешения ЦК денег к выдаче и через 2 дня с момента получения денег¹.

А. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2003. С. 648.
Публикация Е. Антоновой и Л. Аронова.

- 1 На обороте документа неустановленным лицом сделана запись: "Срок выезда считайте с 20-го августа".

.....

[130] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

Август 1927 г. Москва

В 1926 г. в феврале м<еся>це на Всероссийском мелиоративном совещании после предложения ЦК Союза с.-х. и лесных рабочих я был избран постоянным представителем в ЦК Союза — от 4000 мелиораторов-специалистов, работающих в стране¹. Мое избрание на съезде прошло единогласно. Присутствовало 150 делегатов. Я уехал в провинцию, где жил и работал. Меня еще должен был утвердить президиум ЦК Союза. В апреле м<еся>це 1926 г. я получаю телеграмму за подписью председателя ЦК т. Анцеловича, вызывающую меня на работу в ЦК². Предварительно, до отъезда с совещания домой в провинцию, я был в ЦК — говорил с секретарем ЦК и зав<едующим> орготделом.

Мне этими людьми было заявлено, что мне выдадут подъемные и обеспечат квартиру.

Я спокойно уехал сдавать должность в провинции. После телеграфного вызова председ<ателя> ЦК я выезжаю в Москву на службу, вместе с семьей.

Приезжаю и начинаю работать. Мне временно дали комнату в Центр<альном> доме специалистов сел<ьского> и лесн<ого> хоз<яйства>. Я удовлетворен.

Уезжая из Москвы, за два месяца до своего окончательного переезда в Москву, я подробно говорил с секрета-

рем ЦК Куликовым³ и зав<едующим> орготделом Казаковым⁴ о том, кто я и т. д.

Тогда же я заполнил в ЦК соответствующие подробные анкеты⁵. Председателя ЦК не было. Но и секретарю ЦК, и зав<едующему> орготд<елом>, кроме анкет, я всё передал о себе. Всё было записано и сказано устно.

По образованию я электрик. А по стажу — мелиоратор-гидротехник (5 лет работы в должностях производителя работ и губернского мелиоратора; объем работ, выполненных мною или под моим руководством, равен в рублях — около 3 мил<лионов> руб<лей>; число построенных сооружений — больше тысячи).

За два месяца до приезда в ЦК — в том же ЦК имелась анкета, что я по теоретическому образованию — электрик и лишь практической работой нажил себе звание мелиоратора и приобрел известность в специальных кругах настолько, что мне 4000 специалистов доверили свои профессиональные интересы.

ЦК знало обо мне всё это. И дало телеграмму с приглашением. Я приехал в Москву с семьей из 4 чел<овек>⁶, порвав с провинцией.

В ЦК меня назначили зам<естителем> ответств<енного> секретаря Ц<ентрального> бюро землеустроителей (землеустроители и мелиораторы объединены в одну секцию инж<енерно>-техн<ических> сил). Прослужил я ровно 4 недели, из них 2 просидел в Центр<альной> штат<ной> ком<иссии> РКИ, защищая штатные интересы своих интересов⁷.

Я только что начал присматриваться к работе своего профсоюза. Я был производственник, привык и любил строить, но меня заинтересовала профессиональная работа. Что я производственник, что я небольшой мастер профсоюзной дипломатии, было хорошо и задолго известно ЦК и записано в анкетах⁸. Но меня все-таки сорвали из провинции и поставили на выучку.

А через 2 недели фактической работы в ЦК выгнали. А я занимал выборную должность⁹. Меня избрал съезд

специалистов. С этим не посчитались. Я остался в чужой Москве — с семьей и без заработка. На мое место избрали на маленьком пленуме секции другого человека¹⁰. Причем избрание происходило при полном отсутствии мелиораторов. Присутствовал один я! Было человек пятнадцать землемеров, которые механически избрали одного мелиоратора — раз он полагается, а кого — всё равно.

Это называется профсоюзной демократией! Коллектив инженеров-мелиораторов, узнав о такой неожиданной моей судьбе, остался крайне недовольным. Некоторые внесли предложение о выходе из такого союза всем коллективом, но другие заявили, что так будет только хуже для меня, потому что ЦК подумает, что это я смутил специалистов. И эта мысль была оставлена.

Чтобы я не подох с голоду, меня принял НКЗ на должность инженера-гидротехника¹¹. В ЦК Союза я получал около 200 р<ублей>.

Одновременно началась травля меня и моих домашних агентами ЦК Союза (я жил по-прежнему в Центр<альном> доме специалистов). В этом Доме живут приезжие люди. Бывают мелкие пропажи вещей. Тогда, зная, что я без работы, что я продаю татарину вещи, меня и моих домашних людей называли ворами, нищими, голю перекатной и т. д. Это делали служащие ЦДС. Они, конечно, знали, что я специалист, что я выбран на Всероссийском съезде и что они находятся в Центр<альном> доме, назначенном для специалистов. Ничто их не останавливало и не сдерживало; они, наверное, питались поддержкой высоких кругов профсоюза. У меня заболел ребенок, я каждый день носил к китайской стене продавать свои ценнейшие специальные книги¹², приобретенные когда-то и без которых я не могу работать. Чтобы прокормить ребенка, я их продал.

Меня начали гнать из комнаты. Заведующий Домом слал приказ за приказом, грозил милицией и сознательно не прописывал, хотя раз брали мои документы. Но потом оказалось, что это — нарочно и меня не прописали, чтобы иметь право выбросить с милицией в любой час.

Я стал подумывать о самоубийстве. Голод и травля зашатали меня окончательно.

Я обратился в ВЦСПС к т. Мельничанскому¹³. Тот выслушал меня, и сказал, что лишать комнаты меня ЦК не имеет права, и позвонил Анцеловичу, председателю ЦК. Тот тоже выслушал меня и посоветовал самому найти выход (!).

Так и закружилась моя судьба. Никто не хотел принять во мне участия, только инженеры из НКЗема сочувствовали и поддерживали меня, даже давая без отдачи деньги займы, когда я доходил до крайнего голода¹⁴. Но они были совершенно бессильны и не имели влияния на ход профсоюзных дел.

Затем я уехал в Тамбов¹⁵. Туда меня направил НКЗем. В Тамбовской губ<ернии> большие работы в связи с восстановл<ением> с.-х. ЦЧО. Положение там было грозное. Меня считали хорошим мелиоратором и послали. Семью я оставил в Москве — ее обещали 3 м<еся>ца не трогать. В Тамбове обстановка была настолько тяжелая, что я, пробившись около 4 месяцев, попросил освободить меня от работы, т<ак> к<ак> не верил в успех работ, за которые я отвечал, но организация которых от меня мало зависела.

Это было расценено чуть не как саботаж. А между тем мешала всему делу как раз Тамбовская секция землеустроителей (при ГО¹⁶ профсоюза). Об этой секции великолепно знал ЦК. Он посылал туда для обследования своих людей. Ответств<енный> секретарь секции за что-то был отдан под суд и т. д. Но всё фактически оставалось по-прежнему. Тамбовские инженеры-мелиораторы, с которыми я работал, вполне разделяли мою точку зрения, разделял ее и НКЗем. Но я бился как окровавленный кулак и, измучившись, уехал, предпочитая быть безработным в Москве, чем провалиться в Тамбове на работах и смазать свою репутацию работника, с таким трудом нажитую.

Я снова остался в Москве без работы и почти без надежды.

Меня снова начали гнать из комнаты, назначая жесткие сроки. Замучившись, я послал председателю ЦК

своего Союза большое письмо¹⁷, где просил разрешить мою судьбу окончательно. В письме я доказал совершенно точно, что виновато ЦК, и пусть виноватый, а не жертва, оккупает свою вину. Я просил одного, чтобы меня не лишали крова, т<ак> к<ак> я занят поисками хлеба, что я доведен до последнего отчаяния травлей — или пусть мне дадут денег на переселение. О переселении куда-нибудь за счет ЦК мне когда-то говорили в ЦК.

Скоро я лично встретил председателя ЦК, и он мне заявил, что все равно я должен оставить жилище, но тут же сказал, что ЦК может мне дать пособие в размере “месячного оклада 200 р<ублей> и выше” (буквально)¹⁸.

Я стал искать себе какое-нибудь жилище в Москве за “200 р<ублей> и выше”. Нигде не оказалось такой комнаты. Минимум нужно было 700 р<ублей> — на окраинах, грязные каморки. Я написал короткое письмо председателю ЦК¹⁹, начав его ссылкой на слова председателя.

В письме я написал, что меньше чем за 700 р<ублей> жилища не найти и — или прошу выдать мне эти деньги, или не гнать из комнаты. Больше я ничего не могу поделать. Я обескровлен окончательно. И на том покончить дело. Уступать я — после всего пережитого, — принципиально не хотел и решил бороться до конца. Я был слабый, но правый, ЦК сильно, но неправо. Я решил испытать, победит ли слабая правда сильную неправду.

С письмом я послал жену. Ее принял председатель ЦК. В его комнату пришло еще человека 4 людей — все мужчины. Жене моей 23 года. Она подает письмо. Председатель читает и начинает кричать: он (то есть я) нахал, шантажист, мы его исключим из Союза, это спецовское нахальство²⁰ и т. д. А в письме говорилось, что за 200 р<ублей> нельзя найти жилища, а можно за 700 р<ублей>, и начиналось оно, повторяю, с обещания денег самим председателем при личном моем свидании с ним. Он разорался на молодую испугавшуюся женщину, совсем не ожидавшую такой встречи. Присутствующие сотрудники ЦК ему помогали добивать женщину.

— Вы скажите спасибо, что я вас принял еще! — кричит на женщину председатель.

Жена моя выходит из кабинета, рыдая. Председатель продолжает публично умываться за мой счет, называя меня, десять раз крестить последними словами. Кому это нужно было? Как не стыдно пятерым здоровым мужикам доводить молодую непосредственно не причастную к делу женщину!

Но это ясно — почему. Они чувствовали себя виноватыми и громогласно убеждали себя в собственной невинности.

Разве это не последней марки издевательский мучительный бюрократизм? Разве это люди и товарищи?

Это палачи. Я сам уйду из Союза, где такой председатель. Они привыкли раздумывать о великих далеких массах, но когда к ним приходит конкретный живой член этой массы, они его считают за пылинку, которую легко и не жалко погубить.

Неужели нет нигде защиты? Профсоюз считает это пустяковым делом или дает такой отпор, что остается пропасть из общества и из жизни.

Я прошу вашей защиты. Пусть председатель ЦК большой работник, но человек он, по-моему, очень маленький. И я ему не сдамся.

Я специалист, а не “спец”, я не меньше пролетарий, чем председатель ЦК. Мое прошлое: сын слесаря (отец жив и работает 30 лет²¹); до 1917 г. я тоже был рабочим: литейщиком и электромонтером. А за революцию выучился и стал “спецом” (по-моему, это контрреволюционное слово).

Я все равно не уступлю себя и найду компенсацию за такую травлю и оскорбления.

Прошу у вас помощи.

Андрей Платонов.

Адрес: Москва, Бол<ьшой> Златоустинский

пер<еулок>, 6, Центр<альный> дом специалистов.

.....

Впервые: Архив. С. 591–595. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 81. Л. 1–6. Датируется условно концом августа.

Адресат не указан (оставлено чистое место). Возможные инстанции, в которые Платонов мог отправить письмо с открытыми обвинениями в адрес председателя президиума ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих и кандидата в члены президиума ВЦСПС: ЦКК-РКИ, председателю президиума ВЦСПС М. П. Томскому.

Платонов составил подробный план письма:

- “1) Выборы.
- 2) Предупреждения: электрик, непрофработник } анкета и личные слова
- 3) Мотивы увольнения: электрик непрофработник | ↑
- 4) Отказ от квартиры — непрописка по распоряжению ЦК (Анцелович) в течение 6 месяцев. Несколько предупреждений о выселении с милицией на улицу. Безработица. Голод. Продажа вещей. Травля.
- 5) Невозможность отстоять себя и нелегальное проживание: все последствия отсюда.
- 6) «Мужик». Травля семьи.
- Вор. Нищий. — Сильная поддержка — родственники Анцеловича, связи, моя беззащитность.
- 7) Единственный выход: смерть и устранение себя”.

(Архив. С. 591. В пункте 6 рукой Марии Александровны дописано выражение, использованное в письме: “голь перекатная”).

- 1 Платонов был избран в состав ЦК Союза 20 февраля 1926 г. на Первом Всероссийском мелиоративном совещании, которое состоялось в ходе работы V Всесоюзного съезда сельскохозяйственных и лесных рабочих.
- 2 Телеграмма от 6 апреля 1926 г.: “Воронеж, ГЗУ, Платонову. Выезжайте работы земсекции. Анцелович” (Страна философов, 2003. С. 638).
- 3 Куликов Василий Павлович (1892–?) — член президиума ЦК Союза, заведующий тарифно-экономическим отделом; работал в ЦК до ноября 1926 г.
- 4 Казаков Александр Степанович (1896–?) — член президиума ЦК Союза, заведующий орготделом; секретарь “Всероботземлеса” до июня 1929 г.
- 5 2 экземпляра анкеты датированы 29 марта 1926 г. (см.: Там же. С. 642–645).
- 6 В одном из экземпляров анкеты в графе “Семейное положение” написано: “Женат; на иждивении: жена, ребенок, маленькие брат и сестра жены (сироты) — 4 человека” (Там же. С. 642).
- 7 Платонов утвержден в должности заместителя ответственного секретаря земсекции с 1 мая решением президиума ЦК Союза от 5 июня 1926 г. В марте 1926 г. Платонову была поручена штатно-бюджетная работа. РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция; в сферу ее деятельности входили вопросы руководства и управления деятельностью учреждений, борьба с должностными преступлениями и бесхозяй-

- ственностью. Центральнo-штатная комиссия, в которую входил Платонов, работала в тесной связи со структурно-штатной инспекцией РКИ и подготовила нормативные документы по штатам землеустроителей на 1926–1927 гг. — для краев, губерний и уездов, провела работу по установлению оплаты землеустроительных работ и т. п. Как следует из выступлений руководителя Центрального бюро землеустроительной секции, работа комиссии в апреле–мае направлялась главным образом на подготовку к бюджетно-штатной кампании текущего года (см.: *Землеустроитель*. 1926. № 6. С. 78; № 7. С. 78).
- 8 В анкете Платонов указал, что он является членом Союза сельскохозяйственных и лесных работников с 1921 г., но профсоюзной работой никогда не занимался, являлся членом Бюро секции землеустроителей всего 3 месяца, с февраля по апрель 1926 г. (*Страна философов*, 2003. С. 644).
- 9 Согласно Положению о секциях специалистов сельского и лесного хозяйства, Центральное бюро секции избирается Всесоюзной конференцией сроком на 2 года, до следующей Всесоюзной конференции (см.: *Землеустроитель*. 1926. № 8. С. 77).
- 10 Платонов был смещен с должности на пленуме Всероссийского секретариата секции землеустроителей 18 июля 1926 г. После его увольнения на должность заместителя ответственного секретаря земсекции с 1 августа был назначен А. Тираспольский (*Страна философов*, 2003. С. 647; см. письма из Тамбова, с. 171, 211, 213 наст. издания).
- 11 Платонов был принят на работу в Отдел мелиорации и водного хозяйства НКЗ 21 октября 1926 г. на должность инженера-гидротехника.
- 12 Китайская стена — современный район Китай-города. В районе Китай-городской стены (Старая площадь, между ул. Ильинкой и Никольской) располагались торговые лавки, в том числе букинистические (в 1926 г. началась реконструкция этого района, в 1934-м Китайская стена была снесена). См. об этом в неоконченном рассказе “Административное естествознание”: “Во мне торжествовала скорбь от безработицы. Я продавал свои бесценные технические книги наглым букинистам под Китайской стеной и покупал булки пятилетнему сыну, который признавал только сытую социальную гармонию, а не безработицу. Однажды сын запросил бычков в томате — это грозило сносом остаткам моей технической энциклопедии” (Архив. С. 32).
- 13 Мельничанский Григорий Натанович (1886–1937) — советский партийный и профсоюзный деятель, член президиума ВЦСПС, председатель ЦК текстильщиков, член ЦИК, юрист.
- 14 Речь идет об инженерах-мелиораторах Отдела мелиорации и водного хозяйства НКЗ, с которыми Платонов был связан в пору работы воронежским губернским мелиоратором.
- 15 В Тамбов Платонов уехал 7 декабря 1926 г. (см. п. 99). 3 декабря 1926 г. ответственный секретарь земсекции И. Волков наложил на письме Платонова от 2 декабря (перед отъездом в Тамбов) с просьбой оставить за его семьей комнату в ЦДС “по крайней мере” на 3 месяца “после моего отъезда из Москвы” резолюцию, которой его семье разре-

- шалось жить в ЦДС еще 3 месяца и 7 дней, до 10 марта 1927 г. (Страна философов, 2003. С. 640, 648).
- 16 ГО — губернское отделение профсоюза.
- 17 Письмо, о котором идет речь, не выявлено.
- 18 См. п. 129.
- 19 Письмо, о котором идет речь, не выявлено.
- 20 Спец — распространенное в 1920-е гг. название специалиста, чаще всего употреблялось в отношении выходцев из неproлетарской среды.
- 21 Отец Платонова Платон Фирсович Климентов (1870–1952) — слесарь Воронежских железнодорожных мастерских (см.: Ласунский. С. 17–20).
.....

**[131] В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ ЦК Союза
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ЛЕСНЫХ РАБОЧИХ**
9 сентября 1927 г. Москва

В Управление делами
ЦК сел<ьско>хоз<яйственных> и л<есных>
рабочих.

Ссылаясь на свои переговоры с т. Мартыновым¹, сообщаю, что мой выезд из помещения ЦДС состоится в ближайшие дни, т<ак> к<ак> мне удалось вчера уладить дело со службой.

Но выезд может состояться только при исполнении тех условий, о которых мы в свое время договорились с т. Мартыновым, причем гостиница для задерживающейся в Москве семьи должна быть оплачена за месяц, т<ак> к<ак> двухнедельная оплата, о которой было условлено, не может устроить меня (из простого расчета времени, потребного для выезда меня одного, приискания квартиры на новом месте и т. д.).

Настоящее сообщение вызвано тем, что 3 дня назад мною получена повестка в суд², — и мне неясно — остаются ли в силе те условия, о которых мы договорились с т. Мартыновым, или нет.

Ответ на это просьба сообщить сегодня — хотя бы по телефону.

Если условия, в связи с судом, отменяются, то я вынужден сегодня же отказаться от службы и выезда и ожи-

дать суда. Если условия остаются в силе, то деньги мне должны быть выданы в понедельник — 12/IX, а день оставления квартиры должен остаться 14/IX³.

А. Платонов.

9/IX—27.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2003. С. 649. Публикация Е. Антоновой и Л. Аронова.

- 1 Мартынов — неустановленное лицо; очевидно, сотрудник аппарата управления делами Союза.
- 2 Повестка не сохранилась. Из заявления Платонова от 7 сентября 1927 г. на имя народного судьи Бауманского района Москвы следует, что судебное дело было открыто и слушание назначено на 13 сентября. В заявлении Платонов вновь подробно излагал историю его выселения из ЦДС: «Центральный» Комитет Союза с.-х. и лесных рабочих предъявил ко мне иск о выселении меня из Центрального дома специалистов. Я ознакомился с содержанием искового заявления ЦК-та и приложения к нему и хочу дать краткое разъяснение существа дела — до начала его разбора в судебном заседании.
В феврале 1926 г. на Всероссийском съезде мелиораторов имело место заявление представителя ЦК-та профсоюза — истца о необходимости избрать на Съезде лицо, которое бы служило постоянным представителем мелиораторов — членов Союза — в ЦК Союза (в секции землеустроителей, мелиораторов и геодезистов). Всероссийский съезд мелиораторов таким представителем единогласно избрал меня. Я тогда работал в провинции.
Через 2—3 месяца я по телеграфному вызову председателя ЦК оставляю службу в провинции и квартиру и переезжаю с семьей на постоянное жительство в Москву.
Предварительно я имел переговоры в ЦК, который мне гарантировал квартиру как лицу, едущему на выборную должность.
В Москве я несколько дней жил в гостинице за счет ЦК. Затем меня поместили в Центральный дом специалистов, где я и сейчас проживаю. Мне было сказано: «Временно вы поживите здесь, а потом мы вас поместим во вновь строящийся дом ЦК».
Мне было все равно, поскольку заботу о моем жилище взял ЦК-т профсоюза, и я жил спокойно.
Через четыре недели фактической работы в ЦК-те меня снимают с должности и увольняют — вопреки всем принципам демократизма, вопреки даже собственным заверениям, ранее данным. Это событие не составляет предмета судебного процесса, и поэтому я его далее не излагаю. Сейчас же, после увольнения (с работы, на которую я был избран Всероссийским съездом специалистов-мелиораторов!), мне предложили немедленно оставить занимаемую мною комнату в Центральном доме специалистов.

Я очутился без работы, с семьей (4 человека) и в чужом мне городе. Начался страшный год голода и безработицы.

С тех пор прошло более года. И только половину этого срока я имел службу. Остальное время бедствовал.

Учреждение, заставившее меня столько пережить, теперь добивается последнего — лишить меня жилища, накануне зимы, с семьей и когда я тоже не имею службы и постоянного заработка.

В свое время председателем ЦК мне было устно заявлено, что пока в Центр^альном» доме специалистов живут другие семьи, я тоже имею право там жить. Теперь в этом доме живут несколько семей — за последний месяц имелись случаи даже новых въездов на жительство. А меня, несмотря на обещание лидера профсоюза, выселяет ЦК того же самого профсоюза.

Председатель ЦК подчеркивает мое полное право на пребывание в доме, пока там живет хоть один человек или одна семья постоянно, а секретарь того же ЦК подписывает исковое заявление о выселении. И это происходит в то самое время, когда дом фактически заселяется семейными людьми (сейчас в доме живут 4 семьи, кроме моей). Причем, ни одна эта семья не принадлежит специалисту, а дом называется «Центр^альным» домом специалистов сель^ского» и лесн^ского» хозяйства». Но эти семьи ни одну не трогают — выселяют лишь меня. Приложенное к исковому заявлению приложение — мое обязательство о выезде — имеет следующую историю. Условия моей жизни в доме таковы, что я не знал, куда мне деться. Параллельно меня мучила безработица. В мае-июне у меня явилась перспектива работы. Центральное бюро землеустроительной секции вызвало меня на свое заседание, выслушало меня и предложило: все это дело может рассудить только сам ЦК-т, говорите с ним сами... Жить в доме было трудно — особенно для членов моей семьи, сталкивавшихся со служащими дома. Твердо надеясь на получение заработка в ближайшем будущем, желая избавить свою семью от придирок и зная фактическое бессилие Центр^ального» бюро в моем деле — я дал заявление. Это заявление должно пониматься как доказательство моей доброй воли расстаться с ЦК мирным путем. Оно, заявление, давалось мною именно Центр^альному» бюро секции, а не ЦК. И сам ответственный» секретарь Центр^ального» бюро просто хотел умыть руки (больше он действительно ничего не мог сделать) и даже сказал на заседании Бюро: «А про всё остальное говорите с ЦК». Под «остальным» я понял компенсацию своих бедствий, причиненных мне действиями ЦК. Я охотно тогда дал заявление — обязательство, чтобы освободить бес- сильных людей, и твердо надеясь, что я уберусь через 2 месяца из дома.

Потом надежды на работу исчезли — я физически, при самой большой доброй воле, не мог двинуться с места и, к сожалению, нарушил обязательство. Но опять-таки подчеркиваю, я давал обязательство не истцу, ЦК-ту, а Центр^альному» бюро секции землеустроителей, чтобы успокоить людей, не имевших в деле решающего значения.

По профессиональной этике Центр^альное^е бюро должно прислать на заседание суда своего юриста для защиты моих интересов, но едва ли он прибудет. Меня, вероятно, будет защищать юрисконсульт месткома писателей, ^{как} ^{как} я последнее время живу на литературный заработок — издаю книги в «Молодой гвардии». Только это я хотел разъяснить и добавить к той картине добивания человека, заключительная часть которой — выселение на улицу целой семьи — предстанет на суде 13/IX, как иск Центрального^е ^{комитета}» (Архив. С. 596–598. Публикация Н. Корниенко).

- 3 Управление делами в ответном письме отказалось принять предложение Платонова, настаивало на выплате 300 рублей и немедленном выезде до 13 сентября — назначенного дня судебного разбирательства. Материалы дела Платонова в Бауманском суде в настоящее время не выявлены. Очевидно, что в конце концов конфликтующие стороны нашли решение, и семья Платонова освободила комнату в ЦДС.
.....

---

[132] М. А. Платоновой
Июнь 1928 г. Москва

Муся!

Если тебе там очень хорошо, то все-таки не советую там оставаться. Не писал тебе потому, что ты должна приехать и ни одно письмо тебя не застанет. Но вот прошла неделя, а тебя всё нет. В Москве наступила жара, я хожу купаться, работать можно только вечерами, днем — ад на чердаке. “Кр<асная> новь” еще не вышла¹ (судьба меня жмет нарочно тогда, когда я ее уже не боюсь). Виделся со Шкловским² — все-таки чужой он мне человек.

С Горьким еще не встречался³: неохота афишировать себя — особенно теперь, когда Малашкин⁴ и другие распускают про меня слухи (в “Кр<асной> нови” и др. местах), что я работал писателем еще до войны, что я “очень талантлив”, но... и т. д. Следовательно, мне уже лет 40 и я в литературе старый прохвост. Мне сначала было очень тяжело. Оказывается, зло это большая сила. В воскресенье были Металлов⁵ и Келлер, просидели у меня до часу. Если я сейчас двинусь к Горькому (что он меня сам пригласил, то никто не помнит), то на меня насплетничают черт

знает чего. А я Горького не особенно люблю, — он печатает плохие статьи⁶ (без тебя — последние) и т. д.

Ты извини, что я пишу лишь об этом, но у меня нет сейчас других тем и событий. Малашкиных и прочих буду есть в открытую, т<ак> к<ак> не я, а они пошли на меня войной. Вечерами бывает очень хорошо, хожу за ВАИ⁷ — в поле. Об остальном не беспокойся — Новиков уехал в Самарскую губернию⁸ на 3 недели, одновременно с тобой, и пить пиво мне не с кем. Все-таки дважды я пил пиво, но в одиночку — у нас в Стрешневе⁹, в столовой. Что там делает Тотик: не изменился он к лучшему и не скучает ли по дому?

Приезжай немедленно и вези ребенка. Как-нибудь проживем и на чердаке. Теперь у Тотки, после двух картин¹⁰, будет маленький “капитал” на его воспитание.

Целую обоих чертенят. Твой Андрей.

P. S. С “Нов<ым> миром” условно помирился: обещали “компенсацию”: печатание без поправок и пр<о-чего>.¹¹
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 494. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 1–2. Датируется условно по содержанию письма.

После выселения из ЦДС семья Платонова долгое время не имела постоянного жилья в Москве. В 1928 г. Платоновы живут в районе Покровского-Стрешнева (ул. Щукинская, дом 13), затем в июне съезжают в Ленинград; в июле–августе Платонов находился то в Москве, то в Ленинграде, а Мария Александровна с сыном, очевидно, оставалась в Ленинграде (см. письма Н. Замошину, п. 135); осенью (в сентябре–октябре) Платоновы жили в Москве у Б. Пильняка (2-я ул. Ямского Поля, д. 1а).

- 1 В 6 (июньском) номере “Красной нови” печатается рассказ “Потомок рыбака” (с пометой “Из повести”) — фрагмент романа “Чевенгур”.
- 2 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — прозаик, критик, сценарист, один из ведущих теоретиков кино. Платонов знаком с В. Шкловским с июня 1925 г., когда тот в качестве корреспондента газет “Правда” и “Гудок” посетил Воронеж и встречался с губернским мелиоратором “товарищем Платоновым”, который прочищает реки и борется с наступлением пустыни (Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926. С. 129–130). Отношения писателей возобновляются после возвращения Платонова из Тамбова, в пору его работы над сценарием “Песчаная учительница”

(о взаимоотношениях Платонова и Шкловского см.: *Галушкин А. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Воспоминания. С. 172–183; комментарии Д. Москowsкой к рассказу Платонова “Антисексус”, см.: Сочинения I (1). С. 558–559, 568–569*). В библиотеке Платонова того времени находились следующие книги В. Шкловского, сохранившиеся в архиве писателя (фонд Платонова в ОР ИМЛИ): “«Тристрам Шенди» Стерна и теория романа” (Пг.: ОПОЯЗ, 1921); “Эпилог” (Пг.: ОПОЯЗ, 1922), “Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза” (Л.: Атены, 1924), “Гамбургский счет” (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928), “Сентиментальное путешествие” (М.: Федерация, 1929). В фонде также находится книга А. П. Мюллера “Быт иностранных художников в России” (Л.: Academia, 1927), имеющая непосредственное отношение к общению Платонова и Шкловского этого времени. На титульном листе имеется подпись Шкловского с датой: “1927/V”. Майская дата может свидетельствовать, что Платонов встречался со Шкловским сразу после возвращения из Тамбова и тот читал повесть “Епифанские шлюзы” еще в рукописи. Книга, несколько страниц которой посвящены историческому прототипу героя “Епифанских шлюзов” — Джону Перри, в некоем смысле является ненаписанной рецензией Шкловского на повесть “Епифанские шлюзы”, в которой ее автор демонстративно отступил от исторического “факта”, придумав не соответствующий исторической реальности трагический финал жизни героя (1927 г. проходит в ЛЕФе под знаком утверждения “теории факта” и борьбы с литературным пассаизмом). На титуле обложки книги Мюллера сделана запись Платонова, корреспондирующая с содержанием публикуемого письма: “Эта книга подарена мне высокоуважаемым трагическим маэстро жизни и кинематографии В. Б. Шкловским, и притом даром и навеки. Привет изобретателю формализма — бюрократизма литературы! Аллилуия и аминь! 1928 /год моей смерти./ Андрей Платонов” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 255).

- 3 28 мая 1928 г. А. М. Горький возвращается из-за границы, где он находился с октября 1921 г., и активно включается в общественно-литературную жизнь.

Горький открыл Платонова еще в 1927 г., ознакомившись с книгой “Епифанские шлюзы”; упоминает его имя среди новых фигур “молодой русской литературы” (письма Е. Д. Кусковой, С. Н. Сергееву-Ценскому, И. А. Груздеву, Д. А. Лутохину и др.). Из воспоминаний Платонова “Первое свидание с А. М. Горьким” следует, что летом 1928 г. он встречался с Горьким: “Алексей Максимович Горький жил тогда в Машковом переулке; он только что приехал в Москву из заграницы”. В “Летописи жизни и творчества А. М. Горького” (Вып. 3. 1917–1929. М., 1959. С. 618) указано, что по приезде в Москву Горький “с вокзала едет на квартиру Е. П. Пешковой — Машков пер., д. 1, кв. 16”. Другими свидетельствами о встрече Платонова с Горьким летом 1928 г. не располагаем.

- 4 С. И. Малашкин являлся одной из колоритных писательских фигур первого советского десятилетия: входил в Пролеткульт, затем в группы “Молодая гвардия”, “Перевал”; одновременно являлся членом РАППа,

постоянно выступал там на различных заседаниях; в 1927 г. выдвинул программу учебы пролетарских писателей у Бальзака. Платонов был знаком с Малашкиным, его имя он вспоминает в письме Н. Замошкину от 14 июня 1927 г. (см. п. 121). Пик популярности Малашкина приходится на 1927–1928 гг. и связан с читательским успехом повести о любви комсомольцев “Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь” (опубликована в журнале “Молодая гвардия” в 1926 г.); повесть выдержала более 10 изданий, имела большой круг подражателей в среде комсомольских писателей, широко обсуждалась на страницах центральной печати. Через год подобные обвинения (“старый писатель”) последуют из того же пролетарского лагеря в адрес М. Шолохова; не исключено, что в письме М. Шолохова от 29 марта 1929 г. (см.: *Шолохов М.* Письма. М., 2003. С. 29) в списке его обвинителей назван не А. Г. Малышкин, а именно С. И. Малашкин. В фонде Платонова ОР ИМЛИ хранится книга С. Малашкина “Мускулы” (1919) с пространческими ироничными комментариями Платонова.

- 5   Металлов Яков Михайлович (1900–1976) — литературовед, журналист, переводчик с немецкого, земляк Платонова. Знаком с Платоновым с Воронежа начала 1920-х гг.; один из активных участников воронежского Коммунистического союза журналистов и литературной жизни города; в 1924-м “от журналистского клана” рекомендовал Платонова в партию (см.: Ласунский. С. 125–126, 213).

- 6   На четвертый день по возвращении в Москву (1 июня) в правлении ВСП состоялась встреча Горького с писателями, на которой он выступил с изложением проекта издания журнала “Наши достижения”. Как свидетельствует запись в дневнике присутствовавшего на встрече Н. Ашукина, писатели (а ВСП представлял в основном попутчиков, противостоящих РАППу) без восторга отнеслись к этому горьковскому проекту: “Узнав, что сегодня в правлении Союза писателей будет Горький, пошел. О посещении его почему-то не было известно всем членам правления. <...> Встретили Горького аплодисментами. Он быстро прервал хлопки, с каждым здороваясь. Сам во главе стола. Минут десять разговор не вязался. Спрашивали его, что думает о пролетарской литературе, о том-то и о том-то. Но Горький сразу ввел разговор в определенное русло.

— Вот что, товарищи, — сказал он, — давайте говорить о журнале. Журнале советской интеллигенции.

Говорил он на эту тему около часу, затем рассказывал о пионерах, о том, какую «чудесную ему сказали речь», на что Огнев заметил:

«Это, Алексей Максимович, что — речи мы все научились говорить» (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 87–87 об.)

В июне–июле 1928 г. Горький печатает в центральных газетах (“Правда” и “Известия”) статьи, проникнутые духом беспощадной борьбы с русским и мировым мещанством, в которых развивает идеи глобального проекта создания “второй природы” — человека, культуры и страны. К явно “плохим” (Платонов) может быть отнесена статья Горького “О наших достижениях” (Известия. 1928. 1 июля). К програм-

- ме Горького по собиранию и изданию неоспоримых “достижений” Страны Советов отнеслись скептически не только многие писатели, но и рабочие-корреспонденты “Рабочей газеты”; откровенные иронические аллюзии на горьковский проект журнала “Наши достижения” становятся сюжетообразующими в пьесе “Дураки на периферии” (подробно об этом см.: *Корниенко Н.* Драматургическое и киносценарное наследие А. Платонова: проблемы эдиции, текстологии и комментирования // Страна философов, 2011. С. 443–447).
- 7 ВАИ — Всероссийская ассоциация инженеров (ул. Ильинка, д. 6).
- 8 Скорее всего, речь идет о командировке; А. Новиков, как и Платонов, в это время сотрудничает с “Крестьянской радиогазетой”.
- 9 С осени 1927 г. (после выселения из ЦДС) Платоновы снимают жилье в районе Покровского-Стрешнева.
- 10 Имеются в виду гонорары за фильмы, поставленные по его сценариям.
- 11 См. п. 133, 135.
.....

[133] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “НОВЫЙ МИР”

11 июня 1928 г. Москва

В редакцию журнала “Новый мир”.

В №ре шестом напечатан мой рассказ “Приключение”. Я за него несую только часть ответственности, потому что он значительно изменен редакцией — в отношении размеров и внутреннего чувственного строя¹.

Андрей Платонов.

11/VI-28.

Просьба обязательно напечатать эти четыре строчки в 7 №ре “Нов<ого> мира”².
.....

Впервые: Волга, 1989. № 8. С. 163. Публикация Е. Литвин. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 3.

- 1 Рассказ “Приключение” представляет фрагмент из романа “Чевенгур” (первые эпизоды из поездки Дванова по губернии). При публикации большому сокращению и произвольной перемонтировке подвергся текст о Петропавловке (1-й эпизод), также была проведена большая правка унификационного характера. Приведем некоторые примеры (вычеркнут сокращенный текст Платонова, дважды подчеркнутое — редакторский вариант): “...она не столько текла продольно, сколько ширилась расплывалась болотами. Над болотом стояла уже ночная осенняя тоска. <...> птицы улетели в глушь гнезд...”; “В этом затухающем, наклонившемся мире В этой глуши Дванов разговорился сам с собой. Он любил беседовать один в открытых местах, но, если бы его кто услышал,

Дванов застыдился бы, как любовник, захваченный в темноте любви со своей любимой. Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует. Но беседовать... Беседовать...”; “Природа все-таки деловое событие — основа дела...”; “... мочливые молчаливые трясины...”; “Он не потерял ясного сознания и, когда катился вниз, слышал страшный шум в населенном веществе земли, прикладываясь к нему поочередно ушами катящейся головы к которой на ходу прикладывались поочередно его уши”; “Природа не упустила взять от Дванова то, зачем он был рожден в беспамятстве матери создан; семя размножения, чтобы новые люди стали семейством” и т. д. (Новый мир. 1928. № 7. С. 136–138; Платонов А. Чевенгур. М., 1991).

2 Письмо Платонова не будет опубликовано.

.....

[134]

А. М. СТУПНИКЕРУ

30 июня 1928 г. Москва

Тов. Ступникер.

Напечатать, по-моему, нужно поскорей — в июльском номере. Не надо ни править, ни спорить — пускайте всё так¹. Через 3 дня я вам позвоню.

Привет.

А. Платонов.

30/VI-28.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 1.

Ступникер Александр Максимович (1902–?) — журналист, редакционный работник; в это время — заведующий редакцией журнала “Молодая гвардия”. Сохранилась записка Ступникера Марии Александровне от 24 октября 1949 г. (на бланке журнала “Огонек”): “Уважаемая Мария Александровна. Рассказ Андрея Платоновича, как всегда, написан хорошо. Всё оторвано от сегодняшней действительности и перенесено в какой-то условный мир. Поэтому в «Огоньке» напечатать его невозможно. Прошу передать привет Андрею Платоновичу. «Подпись»” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 21. Л. 1).

Письмо-записка Платонова выполнено на титульном листе машинописи рассказа “Областные организационно-философские очерки” (название рассказа “Че-Че-О” в автографе). Возможно, Платонов предлагал в журнал первую редакцию рассказа (автограф хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ).

1 Платонов, очевидно, рассчитывал на бесспорное принятие рассказа к публикации (в 1927 г. в “Молодой гвардии” напечатаны повести “Епифанские шлюзы” и “Ямская слобода”). Рассказ в журнале прочи-

тали, один из отзывов вписан на титульном листе: “К сожалению, — трудно не спорить с некоторыми «организационно-философскими» построениями автора. А. Платонов поехал к себе на родину, увиделся с хорошими людьми, разволновался, — написал хороший очерк, но сгоряча, вместо того чтобы размахнуться по бюрократу, — размахнулся и по кое-каким вещам, по которым не надо бы размахиваться, — похоже, что «в условиях пролетарской» диктатуры» именно они-то и могут помочь вывести бюрократизм. Жаль, что Платонов этого недооценивает...” С данной внутренней рецензией очерк был возвращен Платонову. Очевидно, в октябре, когда Платонов жил у Пильняка, он показал тому отклоненный журналом рассказ. Под названием “Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)” и в новой редакции рассказ был опубликован в № 12 журнала “Новый мир” за 1928 г. В качестве авторов указаны А. П. Платонов и Б. А. Пильняк. Развернувшаяся в печати критика рассказа подтвердила правоту безымянного рецензента “Молодой гвардии”, не рекомендовавшего рассказ к публикации. Рапповская критика квалифицировала рассказ как “политически-реакционное выступление”: “Вместо того чтобы указывать конкретные факты бюрократизма в госаппарате, Пильняк и Платонов в очень неприятном тоне подсмеиваются над областным строительством” (Классовая борьба обостряется // На литературном посту. 1929. № 1. С. 69. Подпись: Н. Н.). Осенью 1929 г. рассказ “Че-Че-О” оказался в центре полемики Платонова с критиком В. Стрельниковой (опубл.: Воспоминания. С. 246–254).

.....

[135] Н. И. Замошкину

18 июля 1928 г. Ленинград

Уважаемый тов. Замошкин!

Одну из тех двух рукописей или сразу две, соединенные в одну¹, я прошу напечатать не позднее сентябрьской книги журнала “Н<овый> м<ир>”. Но перед завершиванием в журнал надо обязательно рукопись или гранки ее показать мне (как мы с вами условились)².

Если это случится до 5/VIII, до пятого августа, то пришлите мне всю эту вещь по адресу: Ленинград, Орловский пер<еулок>, д. № 2, комн<ата> 452, Л. Н. Ховановой — для А. Платонова.

Если (всё может быть!) редакция “Нового мира” раздумала печатать мои рукописи, то их надо вернуть мне³.

После 5/VIII я буду уже в Москве.

Если случайно увидите Бор<иса> Андр<еевича> Пильняка⁴, то скажите, что я его помню и соскучился по нем, но его нет, наверно, в Москве.

До свидания. Андр. Платонов.

18/VII 28 г.

.....

Впервые: Волга. 1989. № 8. С. 163. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 4—4 об.

- 1 Очевидно, речь идет о публикации фрагментов романа “Чевенгур”, которые Платонов с начала 1928 г. представлял в столичные журналы (“Молодая гвардия”, “Красная новь”, “Новый мир”). В № 6—7 “Молодой гвардии” (задняя обложка) анонсируется публикация фрагментов повести “Чевенгур”; летом фрагмент-рассказ “Сочельник коммунизма” читается в “Красной нови”, 20 сентября редколлегия принимает решение отклонить рассказ Платонова (см.: РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 417. Л. 25—26). В 1928 г. “Новый мир” (№ 6) уже напечатал фрагмент романа — рассказ “Приключение” (см. п. 132). В июне 1928 г. в “Новый мир” могли быть представлены рассказ “Два рассказа из жизни города Чевенгура” или другие (“Путь в Чевенгур”, “Прочие в Чевенгуре”), которые тематически также можно объединить в мини-цикл. Первые “два рассказа” (“Ребенок в Чевенгуре” и “Смерть Копенкина”) Платонов в 1929 г. отдал в “Красную новь”. На машинописи рассказа “Путь в Чевенгур” сохранилась редакторская виза с датировкой 11 июня: “Прочитать у автора др. отрывки — это не самый «нрзб» лучший” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 34. Л. 169). В августе в редакции читался уже другой фрагмент романа — рассказ “Двое людей”; поддержал публикацию рассказа Н. Замошкин (“Без всякого увлечения я склонен считать этот рассказ большим произведением советской литературы”), против публикации высказался В. Соловьев: “Копаете не ко двору и не ко времени” (Воспоминания. С. 217).
- 2 Платонов, очевидно, не хотел повторения истории с публикацией рассказа “Приключение”. См. п. 133.
- 3 “Новый мир” отказался от публикации представленных рассказов, рукописи были возвращены Платонову.
- 4 Пильняк Борис Андреевич (1894—1937, репрессирован) — прозаик. В июле 1928 г. Пильняк находился на Кавказе. В сентябре—октябре 1928 г. Платонов жил в доме у Пильняка, где были написаны пьеса “Дураки на периферии” и новая редакция рассказа “Че-Че-О” (см.: Пильняк Б. Письма: В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 355—356). В № 12 “Нового мира” за 1928 г. был опубликован рассказ “Че-Че-О”, очевидно, благодаря настойчивости Б. Пильняка, постоянного автора журнала, выступившего соавтором рассказа Платонова (автограф рассказа выполнен Платоновым).

.....

20 августа 1928 г. Ленинград

Уважаемый тов. Замошкин!

Прошу сообщить, когда будет (в каком №ре) моя рукопись напечатана¹. Мне, как Вы знаете, нужно ее еще просмотреть. Мне очень желательно, чтобы рукопись пошла в сентябрьском №ре. Ввиду болезни я пишу Вам письмо, т<ак> к<ак> не могу пока приехать в Москву.

Мой адрес:

Ленинград, Моховая, 42, кв. 3, д-ру Блюменау, для
Платонова.

Ваш Андрей Платонов.

20/VIII-28.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 6.

[137]

А. М. Горькому

19 августа 1929 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я у вас был два месяца назад¹. Теперь я прошу прочитать мою рукопись². Ее не печатают (в “Федерации” отказали³), говорят, что революция в романе изображена неправильно, что всё произведение поймут даже как контрреволюционное⁴. Я же работал совсем с другими чувствами и теперь не знаю, что делать. Обращаюсь к Вам с просьбой прочитать рукопись и, если будет Ваше согласие, сказать, что автор прав и в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества.

С уважением Андрей Платонов.

19/VIII 1929 г.

Адрес: Москва, 57, Щукинская ул., д. № 14,
кв. Пустоваловой, для А. Платонова.

.....

Впервые: ЛН, 1963. С. 313–314 (в сокращении). Публикация Е. Коляды.
Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-1.

Платонов лично передал письмо секретарю Горького П. П. Крючкову. На конверте указан только адресат — “А. М. Горькому”; помета П. П. Крюкова: “Андрей Платонов / писатель”.

- 1 Второе возвращение Горького в СССР (30 мая 1929 г.) было предельно насыщено самыми разными мероприятиями, встречами и выступлениями писателя, которые широко освещались на страницах центральных газет. В “Летописи жизни и творчества А. М. Горького” встреча с Платоновым в июне не отмечена.
- 2 Речь идет о романе “Чевенгур”. К этому времени в “Красной нови” и “Новом мире” были напечатаны отдельные фрагменты романа. Летом обычно формировались планы издательств на будущий год; для того чтобы попасть в план, необходимо было заручиться положительными отзывами-рекомендациями.
- 3 Издательство “Федерация” создано в 1928 г. на базе нескольких кооперативных издательств; орган Федерации объединений советских писателей (ФОСП). Первая, дореволюционная, часть романа (“Происхождение мастера”) даст название сборнику избранной прозы, который выйдет в издательстве “Федерация” в январе 1930 г. (см.: Книжная летопись. 1930. № 4. Январь. № 1642). Не исключено, что сборник вышел вместо планируемого Платоновым к изданию романа (планы издательства на 1930 г. не выявлены). Очевидно, при поддержке Г. З. Литвина-Молотова в конце 1929 г. издательством “Молодая гвардия” был подготовлен типографский набор романа “Чевенгур” и даже проведена большая редакторская работа (многие фрагменты сокращены или исправлены), однако роман так и не был опубликован. На одном из двух экземпляров переплетенных в книгу гранок “Чевенгура” Платонов проставил: “Тираж 1 экземпляр” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 17).
- 4 См. донесение в ОГПУ от 13 января 1932 г.: “Был роман в читке МТП, за напечатание романа выступили коммунисты — ПАРФЕНОВ <sic>, КУДАШЕВ и еще кто-то, кажется, даже Артем ВЕСЕЛЫЙ <...> Роман, надо прямо признать, отклонен беспартийными, фракция не сумела себя показать, фракция оказалась постыдно слабой для такой простой вещи, как доказать автору, что он контрреволюционер от начала до конца. Роман «ЧИВИНГУР» <sic> настолько характерен, что его надлежало бы напечатать на ротаторе в 100 экземплярах и дать почитать нашим вождям — может быть, вплоть до т. Сталина и других. Это вещь редчайше острая и редчайше вредная. И мне почему-то кажется, что эта вещь еще может наделать скандалов. Лучше было бы купить эту вещь у автора и законсервировать ее лет на десять. ПЛАТОНОВ, повторяю, неисправимо консервативен и человек чужой” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 851–852).
.....

---

[138] А. М. ГОРЬКОМУ
12 сентября 1929 г. Москва

Москва, 12/IX 29.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Месяц, приблизительно, тому назад я отнес Вам рукопись своего

романа “Чевенгур”. Вы тогда уехали¹. Теперь я узнал, что Вы возвратились.

Прошу Вас прочитать рукопись² и помочь тому, чтобы она была напечатана, — если Вы найдете, что рукопись заслуживает этого.

Уважающий Вас

Андрей Платонов.

Мой адрес: Москва, Варварка, Псковский
пер<еулок>, д. № 13, б<ывшие> меблиров<анные>
комн<аты>, комн<ата> 4, А. Платонову.
 .....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 175. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-2.

- 1 17 июня Горький едет в Ленинград, затем на Соловки; 20 августа вновь уезжает в поездку по стране (Нижний Новгород — Самара — Саратов — Астрахань — Сталинград — Владикавказ — Грузия) и возвращается в Москву 11 сентября (Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 3. 1917–1929. С. 722–748).

- 2 Горький читал роман после возвращения из путешествия по стране. В ответном письме от 18 сентября он писал:

“Человек вы — талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком. Роман ваш — чрезвычайно интересен, технический его недостаток — чрезмерная растянутость, обилие «разговора» и затушеванность, стертость «действия». Это особенно замечаете со второй половины романа.

Но, при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помешает анархическое ваше умонастроение, видимо свойственное природе вашего «духа». Хотели вы этого или нет, — но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры. При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателями не столько революционерами, как «чудачками» и «полоумными». Не утверждаю, что это сделано сознательно, однако это сделано, таково впечатление читателя, т. е. — мое. Возможно, что я ошибаюсь.

Добавлю: среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по его достоинствам. Это мог бы сделать А. К. Воронский, но, как вы знаете, он «не у дел».

Это всё, что я могу сказать вам, и сожалею, что не могу сказать ничего иного. <...> Куда направить рукопись?” (ЛН, 1963. С. 313).

.....

[139] В. П. Полонскому
16 сентября 1929 г. Москва

Тов. Полонский!

Мои маленькие рассказы под назв<анием> “Рассказы про население в сельских местностях”¹ убедительно прошу отдать для напечатания в “Красную ниву”, и пусть там это напечатают².

С тов. приветом
Андр. Платонов.
16/IX.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 2. Датируется условно.

Полонский Вячеслав Павлович (1886–1932) — критик, редактор журнала “Новый мир”, соредaktor тонкого журнала “Красная нива”.

1 О каких рассказах идет речь, установить не удалось. Возможно, это серия былей из современной крестьянской жизни, созданная Платоновым в конце 1928 — первой половине 1929 г.: “Умственный хутор”, о Филате-батраке, о Верещагине, похождениях Пашки и др. (машинописи рассказов будут включены в рукопись повести “Впрок”). 12 сентября Н. Замошкин сообщал Полонскому о находящемся в редакции рассказе Платонова: “Самая ценная и даже безусловно ценная вещь — рассказ Платонова” (цит. по: Очерк Платонова “Кухонный мужик Советского Союза” / Публикация и примечания В. Перхина // Творчество, 2004. С. 462).

2 Журнал “Красная нива” был адресован прежде всего читателю советской деревни. Публикации Платонова в журнале не выявлены. В 1930 г. “Красная нива” анонсировала публикации Платонова в “Новом мире” на 1930 г. (см.: Красная нива. 1930. № 1. С. 24) и на 1931 г. (см.: Красная нива. 1930. № 32. С. 24).

.....

[140] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “НОВЫЙ МИР”
18 сентября 1929 г. Москва

В редакцию “Нового мира”.

Если отдельные слова или фразы рассказа¹ покажутся мало приемлемыми, а в целом рассказ будет подходящ, то автор согласен две-три фразы изменить.

Андр. Платонов.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 2. Датируется условно.

- 1 См. примеч. 1 к п. 139. Название рассказа не установлено. Судя по письму Полонского Н. Замошкину (датировано августом 1929 г.), Платонов осенью посылал какой-то рассказ в журнал, но Полонский отказался его печатать: “Конечно, Платонов талантлив и остер. Но рассказ этот ведь нельзя сейчас печатать в «Н. м.»” (*Вяч. Полонский*. На взгляд редактора / Публикация М. Вашкевич и К. Эюн-Бессер // *Новый мир*. 1986. № 7. С. 215).
- .....

[141]

А. М. ГОРЬКОМУ

21 сентября 1929 г. Москва

Алексей Максимович!

Благодарю Вас за письмо и за труд по чтению романа “Чевенгур”. Хотя Вы сказали мне однажды, что благодарить не за что, т<ак> к<ак> мы все делаем одно коллективное дело — советскую литературу, но я Вас все-таки благодарю. У многих людей есть коллективистское сознание, но редко еще есть у кого коллективистские чувства и действия. Поэтому можно благодарить за такую, к сожалению, редкость. Может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства “овеществятся” в Сов<етском> Союзе, и тогда будет хорошо. Этой идее посвящено мое сочинение, и мне тяжело, что его нельзя напечатать.

Рукопись просьба направить мне; если же это технически трудно (рукопись велика), то оставьте ее дома и скажите тому лицу, которое чаще всего присутствует на Вашей квартире, чтобы рукопись мне отдали, когда я приеду.

Глубоко уважающий Вас

Андрей Платонов.

21/IX-29.

Адрес: Москва, Варварка, Псковский пер<еулок>,

<д.> № 7, б<ывшие> меблир<ованные>

комн<аты>, комн<ата> 4, А. Платонов.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 175. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-3.

Очевидно, после получения этого письма Горький решил как-то помочь Платонову. В письме, отправленном не ранее декабря, он сообщал Платонову, что говорил с директором 2-го МХАТа о переделке части романа в пьесу, и советовал написать комедию:

“В психике вашей, — как я воспринимаю ее, — есть сродство с Гоголем. Поэтому испытайте себя на комедии, а не на драме. Драму оставьте для личного удовольствия.

Не сердитесь. Не горюйте... «Всё — минется, одна правда останется». «Пока солнце взойдет — роса очи выест»?

Не выест” (ЛН, 1963. С. 314).

В декабре Платонов относил рукопись романа в театр, однако там отказались от инсценировки “Чевенгура”, мотивируя это тем, что интересный, но “чисто беллетристический материал” романа невозможно использовать для пьесы (Письмо зав. литературной частью МХТ-2 от 18 декабря 1929 г. // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 14).

.....

[142] А. М. Ступнику

3 декабря 1929 г. Москва

Тов. Ступникер.

Пишу вам для памяти:

во-первых —

дайте мне 150 р <ублей>, аванс за очерк¹, т <ак>

к <ак> мне сейчас остро нужны средства;

во-вторых —

у Фадеева² есть две моих рукописи³, которые он собирался печатать, но мне неизвестно. Будьте любезны узнать у него судьбу их. Если их судьба тяжела, то возвратите эти 2 рукописи мне, и —

в-третьих —

статья Авербаха⁴ берет меня не за разум, а за ухо⁵.

Самое грустное для меня — сопоставление с Бодом⁶ и Сельв-Зелинским⁷.

Я этих людей уважаю как литераторов, но не люблю тех, кого они выражают, — советских дельцов-американцев⁸.

Ожидаю вашей открытки.

Андр. Платонов.

3/ХІІІ-29.

Варварка, Псковский <переулок>, 7,

мебл<ированные> комн<аты>, комн<ата> 4.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 2—2 об.

- 1 В настоящий момент не установлено, о каком очерке идет речь.
- 2 Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — прозаик, критик, один из лидеров РАППа; в 1929 г. — член редколлегии журнала “Октябрь”.
- 3 В настоящий момент не установлено, о каких произведениях идет речь. Можно предположить, что одна из рукописей — очерк “Первый Иван”, который будет опубликован в февральском номере “Октября” (1930. № 2).
- 4 Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937, репрессирован) — критик, ответственный редактор журнала “На литературном посту” (1926–1932), генеральный секретарь РАППа. После публикации “Усомнившегося Макара” (Октябрь. 1929. № 9) по указанию И. Сталина развернулась кампания критики рассказа. В письме к Р. С. Землячке Фадеев признавался: “...в «Октябре» я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина — рассказ анархистский...” (Фадеев А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1971. С. 40). 11 ноября 1929 г. на заседании комфракции секретариата правления РАППа было принято постановление: “...констатировать ошибку, допущенную редакцией «Октябрь» <с> напечатанием рассказа Андрея Платонова «Усомнившийся Макар». <б> Предложить редакции принять меры к исправлению ошибки. Выступить в «На литературном посту» с соответствующей статьей” (цит. по: Галушкин А. Андрей Платонов — И. В. Сталин — “Литературный критик” // Страна философов, 2000. С. 816). В ноябре на страницах журналов “На литературном посту” (№ 21–22), “Октябрь” (№ 11) публикуется статья Авербаха “О целостных масштабах и частных Макарах”; 3 декабря в сокращенном и несколько измененном виде эта статья печатается в газете “Правда” (№ 283). Платонов ответит критику в письме в редакцию “Правды” (см. п. 143), а также в не опубликованном при жизни писателя рассказе “Отмежевавшийся Макар”.
- 5 Ср. с текстом письма в редакцию газеты “Правда”: “...учат меня этому не добрым советом, а «за ухо». Возможно, это своеобразный ответ писателя на утверждение Авербаха о неприменении в партийной критике “заушательства” (т. е. оскорбительной, грубой критики с целью унижить, опорочить кого-либо).
- 6 Название эссе К. Л. Зелинского (опубл.: Октябрь. 1929. № 6). Произведение построено в форме телефонного разговора рассказчика с человеком, которого он называет Бодом. В монологах персонажа

(в “потоке чувств, едва спрессованных логикой”) раскрываются его взгляды на социалистическое строительство: “...всякая политическая, религиозная или социальная идея — хищник и антропофаг. Важно, чтобы она не пожирала в человеке человеческого, не коптила и не вялила его... каждый шаг мы должны чувствовать радость бытия” (185); “...для построения социализма нужны люди полнокровного самочувствия, веселого жизнеощущения” (187); “Не завтра, а сегодня нужно начинать жизнь так, как она начнется при социализме”. В конце своей речи собеседник расшифровывает аббревиатуру “БОД” — “это банк общественного доверия”, однако из-за “плохо работавшего телефона” разъяснить это понятие не успевает: разговор прерывается, и Бод, по признанию автора, остается неразгаданным: “За многосложностью его речи, мне кажется, я уловил одну идею — человека” (188). Классовая оценка идеологии Бода была дана в том же номере “Октября”, где печаталось эссе Зелинского: “Вы же говорите от имени небольшой группы, которая занимает подлинно «узенькое место»”; “Вы чувствуете себя навозом потому, что Вы не активный строитель, а наполовину духовный эмигрант”; “Мы здесь имеем вариант «трагедии» спеца, деформированного практикой Октября” (*Гроссман-Рощин И.* Открытое письмо-поручение Корнелию Зелинскому // Октябрь. 1929. № 6. С. 192–194). В статье “О целостных масштабах и частных Макарах” Авербах, сопоставляя мысли платоновских героев с рассуждениями Бода, определяет их как “правоуклонистские и кулацкие лозунги”, а творчество двух авторов — как прозу “тех социальных групп, которые сопротивляются величайшей работе пролетариата, строящего новое общество” (На литературном посту. 1929. № 21–22. С. 11).

- 7   Контаминация фамилий Сельвинского и Зелинского. Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968) — поэт, прозаик. Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературовед, критик, ведущий теоретик Литературного центра конструктивистов (существовал с 1924 по 1930 г.). Авербах цитирует эссе Зелинского “Бод” и пьесу Сельвинского “Командарм 2” в качестве произведений, идеологически близких рассказу Платонова: “Мелкий буржуа — вот действительное содержание абстрактного человека наших «гуманистов». Это мелкий буржуа, еще не успокоившийся, еще не обеспечивший себе безмятежного пользования «куском хлеба с маслом», еще не перешедший к нигилизму пассивному. <...> Это, иначе говоря, тот «нигилист» эпохи выкорчевывания корней капитализма, который пролетарской организованности противопоставляет мелкобуржуазную расхлябанность и распущенность, который социалистической идейности противопоставляет иронию и издевку антиобщественного индивидуалиста” (На литературном посту. 1929. № 21–22. С. 15–16).
- 8   В работах конструктивистов Америка провозглашалась “технической мировой вершиной”, у которой необходимо “научиться технике, понять и усвоить ее созидательные методы” (Бизнес. Сборник литературного центра конструктивистов. М., 1929. С. 53). Задача социально-

го конструктивизма (“советского западничества”) — раскрыть в бизнесе то, “что является высшим завоеванием культуры, высшим видом труда, рассказать и объяснить особые и новые свойства этого высшего вида” (с. 52): “«Американское делячество», которое у нас часто любят с презрением поминать как символ мелкобуржуазного мещанства, — плохая и вредная вещь, если это делячество преследует индивидуальные выгоды человека, и превосходная, чудесная вещь, если американское делячество соединено со всем делом социализма” (Там же. С. 61–62); “Здесь рождается новая формула жизни. Она возникает из противопоставления нашей нищей земле конструктивной энергии социализма, высшей техники и разума культуры. Это новый вид оплодотворяющего труда — гибкого, точного, быстрого, это формула нового мироотношения — совбизнес или, еще шире, — социалистический бизнес” (С. 64).

.....

[143] В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ “ПРАВДА”

Декабрь 1929 г. Москва

В редакцию “Правды”.

Просьба напечатать мое письмо¹.

В “Правде” № 283 напечатана статья Авербаха “О целостных масштабах и частных Макарах”². В ней т. Авербах совершенно прав. Чувства, изложенные в “Усомнившемся Макаре”, имели в виду как раз “частного” Макара, а не общего (про “общего”, целостного Макара я еще не сумел написать). Рассказ именно так был и задуман, чтобы ясно обнажить частного Макара, потому что он еще живет на свете, и я не мог о нем не написать, и еще потому, что Макар бессознательный враг социализма, но потенциальный друг и участник его. Это переходная, идущая вперед фигура живет на советском свете весьма многочисленным количеством. Его, человека типа Макара, весьма важно разглядеть и познать, чтобы помочь ему измениться в социалистическую сторону. То, что сказал Л. Авербах, я знал еще до написания рассказа. Но Авербах напрасно так пишет статью, что меня можно понять как единомышленника Макара. Я несколько сознательней его. А то, что я пишу о Макаре сочувственно, так ведь сочувствие есть способ честности в искусстве. Кроме того, Л. Авербах проглядел

Петра, спутника Макара, спутника, уже близко подошедшего к пролетариату из крестьянства.

Словом, обвинения Макара в анархизме и мелкобуржуазности вполне уместны: Макар родился и вырос в крестьянской России. Не могу же я писать иначе, чем чувствую и вижу. Но надо еще писать, что хочет мой класс, — этого действительно я пока не умею, а учат меня этому не добрым советом, а “за ухо”. Но можно выучиться и стерпя боль, и помимо учителей.

Перенос чувств и мыслей Макара на меня — это лежит вне литературной критики, я не герой своего рассказа, а всего лишь автор его, старающийся дать полную “волю” изображаемым людям, дабы их тем лучше читатель увидел и ориентировался.

Андр. Платонов.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

1 Письмо не было опубликовано.

2 См. примеч. 4 к п. 142.

.....

1930

.....

[144]

В. П. Полонскому

7 февраля 1930 г. Москва

Тов. Полонский.

Написал совершенно идеологически точный рассказ¹ и прошу его напечатать в “Красной ниве”.

С т. прив<етом> Андр. Платонов.

7.II.30.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1.

- 1 О каком рассказе идет речь, установить не удалось. Публикаций Платонова в “Красной ниве” в 1930 г. не было. К “идеологически двусмысленным” (определение А. Фадеева, 1929) и порочным рассказам Платонова критика причислила в 1929 г. рассказы “Че-Че-О” и “Усомнившийся Макар”. К “идеологически точным” можно отнести рассказ “Первый Иван” (опубликован в № 2 журнала “Октябрь” за 1930 г.), а также неопубликованные производственные очерки (“Товарищ пролетариата”, “Факт”, “Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику” и др.).
- .....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

[145] М. А. и П. А. Платоновым

6 августа 1930 г. Село Средний Сентемир

6/VIII.

Колхоз им. Ленина,
в 7 верстах от Выры¹.

Дорогие дети!

Еще не отправил вам вчерашние две открытки — отправлю завтра, п<отому> ч<то> здесь нет нигде почтовых отделений. Завтра вечером уеду в Чердаклы. Весь сегодняшний день был среди трактористов на колхозной пахоте². Работа совершается героическая и скромная по форме. Был на лугах, смотрел, как колхоз убирает сено. Сейчас вечер, огромная луна восходит над степью... Очень многое приеду расскажу. Если б сюда Тотика, он был бы в восторге, он бы ездил на тракторе. Сегодня один жеребенок заблудился (отбилсЯ от матери) и жалобно метался между двумя пашущими тракторами: он, видимо, привык, что мать его пашет, и подбегал к плугам³. Пиши мне письмо на ст<анцию> Якушка Сам<аро>-Злат<оустовской> дороги, — только сегодня же отправь его, чтоб оно меня наверняка застало там. Полный адрес у тебя есть. Пиши о себе и о Тотике. Поскорее только, а то далека отсюда Москва. ТОТИКА и тебя целую. Буду писать теперь послезавтра — завтра не знаю, где проведу ночь, вероятно, на глухой станции Чердаклы, т<ак> к<ак> приеду туда среди ночи.

Ваш Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 496. Публикация Н. Корниенко.

Почтовая карточка отправлена по адресу: Москва, ул. Центральная, д. 40. Этот адрес очередного съемного жилья фигурирует и в других документах 1930 г.

- 1 В августе 1930 г. Платонов едет в совхозы Средневолжского края от газеты “Социалистическое земледелие” и Сельхозгиза. В феврале–марте 1930 г. при НКЗ был создан штаб по мобилизации сельскохозяйственных специалистов Москвы для направления их в области сплошной коллективизации; в эти же области отправлялись и писательские бригады. Наибольшее количество московских специалистов (12 %) было направ-

лено в три области — ЦЧО, Уральскую область и районы Средней Волги (см.: Социалистическое земледелие. 1930. 2 марта). В этих трех областях были перевыполнены контрольные цифры коллективизации (в ЦЧО этот процент уже в феврале достиг 84 %, а в отдельных районах — 94 %); к началу посевных работ 1930 г. в этих основных зерновых районах России сложилось крайне бедственное положение, отчасти и продиктовавшее партийные постановления марта 1930 г. Маршруты и материалы поездки Платонова по районам Уральской (Ульяновской) области (Выры — Чердаклы — Якушка — Мелекесс) отразила записная книжка (см.: Записные книжки. С. 46–57), очерки “За большевистского счетовода в колхозе” (опубл.: Записные книжки. С. 295–301) и “По завожжским МТС” (в сокращении: журнал “На стройке МТС”. 1930, № 7–8. Разыскание Н. Умрюхиной; полностью: Записные книжки. С. 302–308).

- 2 Записи, сделанные в этот день в записной книжке, не столь патетичны; ср.: “Трактористы без спецовки. Колхозы (беднота) правления колхозов не в силах оборудовать”; “В колхозе Ленина — председатель Заварилин середняк-опытник. Ленинкец усердный, деловитый”; “Лошади колхозов, лошади бедноты, т. е. очень истощенные, худые животные. Стало быть, они срывают тракторные работы”; “— Дай кусок сахара, а то выйду из колхоза! Я и вошел в колхоз из-за сладкого! Исключительно!!” и др. (Записные книжки. С. 46–48).
- 3 В записной книжке: “Жеребенок отбилсЯ от матери и мечетсЯ меж двух пахущих тракторов, подбегая к ним поочередно, привыкнув, что пашет мать” (Записные книжки. С. 48).

---

[146] М. А. и П. А. Платоновым
8 августа 1930 г. Станция Чердаклы

Чердаклы, 8/VIII.
Дорогие Муся и Тотик!

Сегодня ночью переехал через Волгу. В первый раз увидел я ее, и впечатление мое больше, чем я ожидал. Сейчас ночи лунные, и вся Волга была освещена луной. По воде идет много пароходов, на высокой горе стоит весь в огнях Ульяновск. Но все же мне невесело, к тому же я сильно утомился. Все время езжу либо на подводах, либо в поезде и почти не сплю. Поезд здесь ходит всего раз в сутки. Ехать мне еще далеко: оказывается, не 150 верст за Ульяновск, а 250. Чем я дальше от вас, тем у меня сильнее беспокойство за ушко¹ и за тебя. Отослала ли ты либретто²? Если нет, то поспеши. Скоро возвращусь. Тотка, жди меня! Живите с матерью дружно.

Ваш старший Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 497. Почтовая карточка.
Публикация Н. Корниенко.

- 1 Подробно о болезни сына см.: *Суровова Л.* Семейная трагедия Андрея Платонова // Архив. С. 649–652.
- 2 Скорее всего, речь идет о либретто киносценария “Машинист” (см.: *Корниенко Н.* Киносценарии в творческой истории “Котлована” // Андрей Платонов. Котлован: Текст, материалы творческой истории. СПб., 2000. С. 323–363).
.....

---

[147] М. А. и П. А. Платоновым

9 августа 1930 г. Мелекес

Дорогая Муся и Тотик!

Я в Мелекесе, в маленьком заволжском городке. Сегодня ночью поеду еще дальше — в Погрузную, в свой крайний пункт. Здесь очень жарко, ветер и пыль. Сегодня обедал в Доме крестьянина и ночевал в нем же. Здесь всюду миллионы мух, и в полях летают слепни, которые кусают сквозь чулок. Почти не приходится спать: поезд идет ночью; вчера я приехал в 2 ч<аса> ночи и сегодня еду тоже в 2 ч<аса> н<очи> (с тем же поездом). Днем занят разговорами, ездой на телеге по ближним колхозам, ночью же сижу на вокзалах и в поезде. Тотик, наверно, без меня много делов натворил — приеду, так спрошу с него отчет. Целую обоих. Андрей.

Мелекес, 9/VIII 30. Средневожский край.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 497. Почтовая карточка.
.....

---

[148] А. Н. Новикову

29 октября 1930 г. Ленинград

Ленинград, 29/х. Дорогой Андрей!

Здравствуй, товарищ! Обращаюсь к тебе с просьбой — старой и жалобной, как существование жизни.

Я мирно трудился на почве бригадного ударничества¹ — и вдруг 22 сего месяца прибывает в Л<енин>град мой мальчишка с женой. Коротко говоря, оказалось следую-

щее: мальчишку моего изуродовали в кровь те хулиганы той щели, в которой я живу в Москве². Жену тоже обидели до безобразия, т<ак> что они бросили проживание в Москве и сбежали куда попало. А я сам здесь в воздухе (кино же мне ничего не платит³, Союз писателей⁴ тоже не дал ни копейки, как я уехал, приходится жить в долг, что стало невыносимым).

Перед отъездом из Москвы, как-то в первых числах октября я передал письмо Авербаху⁵, где говорил, что он должен мне помочь получить площадь для жилища. Ответа еще не получил.

Я прошу тебя — не может ли Союз писателей все же дать мне комнату или две. На всякий случай при этом посылаю заявление — с просьбой принять в члены.

Я слышал здесь, что Страуян⁶ уезжает. Неужели Союз не может поступиться формальностями? Я даже не знаю, что писать, потому что ты всё знаешь, — я только хочу сообщить, что стало тяжело и невыносимо. В самом деле, нельзя долее так жить, когда некуда деться, негде сесть за стол. Я далек от той крайней печали, когда надо просто кончать жизнь; так же я далек от упрашивания, чтобы разжалобить какого-нибудь мордастого бюрократического черта, — лучше и в самом деле погибнуть, чем идти на это.

Прошу тебя передать заявление в Союз и спросить их — не могут ли они (Союз) дать мне жилище, ведь я сейчас работаю в бригаде Союза и т. д. (это имеет некоторое формальное значение).

Если будет что мне написать, то напиши по следующему адресу:

Ленинград, Уральская, 13, бумажная фабрика
им. Зиновьева, редколлегия газеты, для Платонова.

Привет Екатерине Семеновне⁷ и (написал “и”, а больше не знаю, кому привет, разве что Петрушке⁸, так ведь он не чувствует ко мне ничего, как и я к нему).

А. Платонов.

Письмо не показывай никому, оно мне кажется каким-то “жалобным”, а я жаловаться могу не каждому.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 35.

Письмо хранилось в личном архиве Платонова; возможно, не было отправлено.

- 1 С 10 октября по 10 ноября 1930 г. Платонов в составе писательской бригады из трех человек (А. Архангельский, С. Городецкий и А. Платонов) находился на ленинградской писчебумажной фабрике им. Зиновьева. В 1929–1932 гг. подобные бригады направлялись на различные стройки первой пятилетки, в том числе на предприятия бумажной промышленности как наиболее важные для культурной революции — для изучения причин “прорывов” в производстве и помощи в их ликвидации, участия в художественно-агитационной деятельности данного предприятия, отображения работы предприятия и его проблем в собственных произведениях писателей. Эти литературные бригады получили эпитет “ударные” — по тому же принципу, что и называвшиеся “ударными” стройки пятилетки: ударные — значит ответственные участки социалистического строительства, требующие к себе повышенного внимания и участия. Основная цель писательских бригад заключалась в организации “ударной” работы на отстающем предприятии и агитации в литературу ударников производства. Бригада, в деятельности которой в октябре–ноябре 1930 г. принял участие Платонов, была организована по инициативе Всероссийского союза советских писателей (ВССП). Подробно об участии Платонова в работе ленинградской бригады и его тяжелом материальном положении в этот период см.: *Московская Д.* К истории производственного очерка (1929–1930) // *Текстологический временник. Русская литература XX в.: вопросы текстологии и источниковедения*. Кн. 2. М., 2012. С. 622–632. В записной книжке Платонова 1930 г. среди записей, сделанных во время командировки на Зиновьевскую писчебумажную фабрику, имеются записи о семейном бюджете и получении от ВССП 170 рублей (см.: *Записные книжки*. С. 66).
- 2 В 1930 г. семья Платонова проживала в меблированных комнатах. См. адрес в п. 141, 142.
- 3 В 1930 г. Платонов пишет сценарий “Турбинчики” (не завершен) и либретто киносценария “Машинист” (о работе Платонова в 1929–1930 гг. над несколькими кинозамыслами см.: *Корниенко Н.* Киносценарии в творческой истории “Котлована”. С. 323–363).
- 4 Имеется в виду Всероссийский союз советских писателей.
- 5 См. примеч. 1 к п. 150.
- 6 Страуян Ян Яковлевич (1884–1938) — советский писатель. В 1930 г. входил в так называемую Мобилизационную комиссию ВССП, задача которой заключалась в мобилизации писательских сил союза на работу по ликвидации прорывов промфинпланов. О деятельности Мобилизационной комиссии ВССП см.: *Московская Д.* Указ. соч.
- 7 Екатерина Семеновна — жена А. Новикова.
- 8 Помета Марии Александровны в тексте письма: “Павленко”. Павленко Петр Андреевич (1899–1951) — советский писатель. Входил в группу

“Перевал”, из которой, как и А. Новиков, вышел в 1930 г. Вскоре вступает в ВССП, где довольно быстро занял место в руководстве московского отделения Союза; на этой почве, очевидно, Новиков и поддерживал с ним общение. Знакомство Платонова и Павленко состоялось предположительно в 1928 г., возможно, при содействии Б. Пильняка (в 1928 г. совместно с Пильняком Павленко пишет рассказ “Лорд Байрон”).

.....

[149] В СЦЕНАРНЫЙ ОТДЕЛ “СОВКИНО”

1930 г. Москва

В сценарный отдел фабрики “Совкино”.

Посылая при этом либретто <пропуск>¹, сообщаю следующее.

1. Место натуральных съемок, удовлетворяющее содержанию либретто, это пойма р<еки> Тихой Сосны, между г<ородами> Острогжском и Коротояком (120 км от г. Воронежа, где имеется производственная база “Совкино”, 700 км от Москвы); в этом же месте работает экскаватор². Местные организации и начальник осушительных работ, в ведении которых находится экскаватор, пойдут на встречу “Совкино” в деле организации съемок.

2. Либретто написано без подразделения на части или эпизоды. Это подразделение лучше сделать в сценарии, а лучше — совсем не делать и дать картину общим потоком.

3. Если будут указания в отношении исправления либретто, то желательно для ускорения всей работы эти исправления вносить не в либретто, а прямо в сценарий. Ибо обычно бывает так, что либретто несколько раз передушивается, а затем пишется сценарий, в котором бывают уже совершенно новые изменения, не предугаданные в либретто, и повторная работа над либретто вся пропадает, — к невыгоде всех работающих и при огромной потере времени.

4. В части засъемок электростанции, паровозного завода и некоторых других частей картины — съемки могут быть организованы как в Москве, так и в Воронеже, где есть паровозоремонтный завод.

Мой адрес есть в договоре³.
С тов. приветом <А. Платонов>.

.....

Печатается по первой публикации: Андрей Платонов. “Котлован”. Текст, материалы творческой истории. СПб., 2000. С. 346–347. Публикация Н. Корниенко.

Датируется условно — по содержанию письма — второй половиной 1930 г.

Московская кинофабрика “Совкино” создана в 1926 г., на базе нескольких кинофабрик; в 1930-м преобразована в Московскую объединенную кинофабрику “Союзкино”.

- 1 Оставлено место для заглавия. Речь идет о либретто сценария “Машинист”, в автографе которого также первоначально не было заглавия; оно появляется позже на отдельном листе с окончательным списком действующих лиц (подробно об истории создания “Машиниста” см.: *Корниенко Н.* Киносценарии в творческой истории “Котлована”. С. 343–361).
- 2 В либретто место действия лишено примет реальной топонимики Воронежа (ремонтные мастерские) и Воронежской губернии (Острогожский уезд, где проводились мелиоративные работы в пойме реки Тихая Сосна), однако в истории с экскаватором, который как спаситель появляется в финале “Машиниста”, отразилась история приобретения экскаватора, которой “губмелиоратор” Платонов занимался в 1924–1926 гг. (см. п. 74).
- 3 Договор не выявлен.
.....

1931

.....

[150]

Л. Л. АВЕРБАХУ

7 февраля 1931 г. Москва

Товарищ Авербах!

Я обращаюсь к тебе с частной просьбой¹, потому что у нас пока и для маленьких дел требуется совершать большие движения, п<отому> ч<то> аппарат плох, а бедность еще велика.

Прошу тебя дать распоряжение (при плохом аппарате приказы необходимы) — т. Тарасову-Родионову² (тел. 2-63-01) и еще кое-кому, если нужно, чтобы мне дали жилище. Переселение в дом должно совершиться сегодня-завтра. Я же далее никак не могу существовать. 3 с лишним года без квартиры — это предел любому человеку. Я не могу доказать некоторым людям, что имею первоочередное право на жилище. Легче доказать что-нибудь более трудное.

Если ты, тов. Авербах, не скажешь Кореневу³ и Тарасову-Родионову в категорическом смысле, то я один с ними не справляюсь. Секретарь Горького⁴ (А<лексей> М<аксимович> читал мои рукописи⁵) сказал мне, что А<лексей> М<аксимович> желает, чтобы я не исчез от бесприютности в пустом пространстве, и просит дать мне место⁶. Об этом, кроме того, есть бумага Халатова⁷ к Кореневу⁸.

С тов. приветом Андр. Платонов. 7/II 31.
.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Впервые: Волга. 1989. № 8. С. 164. Публикация Е. Литвин. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 1319.

- 1 Платонов обращается к Авербаху как ответственному секретарю ФОСПа (Федерации объединений советских писателей). Речь идет о получении квартиры в писательском доме в Камергерском переулке по адресу: проезд Художественного театра, 4. В 1928 г. правительство приняло решение о выделении средств на жилищное строительство для писателей; в октябре 1928 г. в ФОСПе была утверждена специальная жилищная комиссия, рассматривавшая списки на квартиры, представленные писательскими организациями, входившими в ФОСП. Строительство дома началось только в конце 1929 г., дом сдавался и заселялся в два этапа: в 1930 и 1931 гг. Распределением квартир весь 1930 г. занималась жилищная комиссия ФОСПа; были составлены два списка: в красный входили писатели, которые должны были получить квартиры в новом доме, в синий — вселяемые на площадь, освобождающуюся после переселения в новый дом. Списки постоянно уточнялись. Так, 24 июля 1930 г. на заседании жилищной комиссии, по предложению рапповца Ф. Березовского, отдельным пунктом (4) было принято постановление об исключении из синего списка «лиц, не имеющих тесной связи с общественно-литературной жизнью» (в списке значились ведущие представители разгромленной в 1930 г. группы «Перевал»: А. Воронский, Д. Горбов, А. Лежнев, П. Слетов). На этом же заседании со ссылкой на пункт 4 принимается постановление о включении Платонова в синий список; ему должны были отойти комнаты прозаика А. Богданова и поэта А. Суркова, переведенных в красный список (ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 29).
Как свидетельствует переписка, Платонов обращался за помощью к Авербаху в 1930 г., однако ответа не получил (см. п. 148). К новому обращению Платонова могли подтолкнуть сообщения в «Литературной газете» о юбилейном (5-летие) специальном пленуме Литературного фонда, на котором не раз остро звучал квартирный вопрос: «Большинство писателей живет сейчас в скверных жилищно-бытовых условиях»; «...задачи Литфонда сейчас значительно расширяются в связи с тем, что к нему переходит от Федерации писателей весь комплекс материально-бытовых проблем советского писательства РСФСР» (Пятилетие Литфонда РСФСР // ЛГ. 1931. 4 февраля. С. 4). Все упоминаемые в письме Платонова литературные деятели присутствовали на пленуме; А. Халатов и Г. Коренев — избраны в президиум.
- 2 Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885–1938, репрессирован) — прозаик, секретарь ФОСПа; в 1929 г. — председатель Литфонда, руководитель жилищной комиссии ФОСПа; именно он докладывал вопросы жилищного строительства для писателей на заседаниях исполкома ФОСПа (см.: ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1, 73).
- 3 Коренев Геннадий Ефимович (1896–1960) — критик (печатался в журналах «На посту», «На литературном посту»), член редколлегии «Литера-

- турной газеты”, секретарь исполнительного бюро ФОСПа; оргсекретарь Московского отделения ФОСПа.
- 4 Имеется в виду Крючков Петр Петрович (1889–1938), личный секретарь М. Горького.
- 5 Речь идет о романе “Чевенгур” (см. п. 141).
- 6 В настоящее время материалы об обращении Платонова к Горькому по квартирному вопросу не выявлены. Горький жил тогда в Сорренто (о его возвращении в СССР 23 апреля сообщила “Литературная газета”).
- 7 Халатов Артемий Багратович (1896–1937, репрессирован) — советский партийный деятель, с 1927 г. — член коллегии Наркомпроса; в 1927–1932 гг. — председатель правлений Госиздата и ОГИЗа РСФСР; член правления Литературного фонда РСФСР; в эти годы входил в ближайшее окружение Горького.
- 8 Письмо, о котором идет речь, в настоящее время не выявлено. Платонов, очевидно, встречался с Г. Корневым, и квартирный вопрос был решен в марте–апреле 1931 г. (до начала кампании с “Впрок”). Платонов получил квартиру в новом писательском доме (по адресу: проезд Художественного театра, д. 2), которую затем обменял на квартиру из двух комнат в Доме Герцена (Тверской бульвар, д. 25, кв. 27). Обмен был утвержден жилищной комиссией; в феврале 1932 г. это решение оспаривал С. Третьяков, претендовавший на комнаты в Доме Герцена; по заявлению Третьякова принимается резолюция об отмене решения жилищной комиссии об обмене Платонова (ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 73), однако она не будет исполнена. Семья А. П. Платонова проживала в квартире из двух комнат на Тверском бульваре (д. 25) до 1975 г. После капитального ремонта дома писательские квартиры были превращены в аудитории и подсобные помещения Литературного института им. А. М. Горького; большая комната бывшей квартиры Платонова в 1990-е гг. получила статус “Аудитории А. П. Платонова”, в маленькой комнате некоторое время располагался обменный пункт валюты, затем — издательский отдел института. Ходатайства дочери писателя Марии Андреевны Платоновой и литературной общественности об открытии в квартире А. П. Платонова на Тверском бульваре, 25 музея А. П. Платонова не увенчались успехом; они были заблокированы решением ректора Литературного института прозаика С. Н. Есина и не поддержаны Министерством культуры (министр М. Е. Швыдкой).
- .....

[151]

И. В. Сталину

8 июня 1931 г. Москва

Товарищ С т а л и н.

Я прошу у вас внимания, которого делами пока еще не заслужил. Из необходимости беречь ваше время я буду краток, может быть, даже в ущерб ясности дела.

В журнале “Красная новь” напечатана моя повесть “Впрок”. Написана она более года тому назад¹. Товарищи из рапповского руководства оценили эту мою работу как идеологически крайне вредную². Перечитав свою повесть, я многое передумал; я заметил в ней то, что было в период работы незаметно для меня самого и явно для всякого пролетарского человека — кулацкий дух, дух иронии, двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики и т. д. Получилась действительно губительная работа, ибо ее только и можно истолковать во вред колхозному движению³. Но колхозное движение — есть самый драгоценный, самый, так сказать, “трудный” продукт революции. Этот продукт, как ребенок, требует огромного, чуткого внимания, даже при одном только приближении к нему. У меня же, коротко говоря, получилась какая-то контрреволюционная пропаганда (первичные намерения автора не меняют дела — важен результат). Вам я пишу это прямо, хотя тоска не покидает меня. Я увидел, что товарищи из РАППа — правы, что я заблудился и погибаю.

В прошлом году, летом, я был в колхозах Средне-волжского края (после написания “Впрока”)⁴. Там я увидел и почувствовал, что означает в действительности социалистическое переустройство деревни, что означают колхозы для бедноты и батраков, для всех трудящихся крестьян. Там я увидел колхозных людей, поразивших мое сознание, и там же я имел случай разглядеть кулаков и тех, кто помогает им. Конкретные факты были настолько глубоки, иногда трагичны по своему содержанию⁵, что у меня запеклась душа, — я понял, какие страшные, сумрачные силы противостоят миру социализма и какая неимоверная работа нужна от каждого человека, чья надежда заключается в социализме. В результате поездки, в результате идеологической помощи ряда лучших товарищей, настоящих большевиков, я внутренне, художественно отверг свои прежние сочинения, — а их надо было отвергнуть и политически, и уничтожить или не стараться печатать. В этом было мое заблуждение, слабость понимания обстановки. Тогда я начал ра-

ботать над новой книгой⁶, проверяя себя, ловя на каждой фразе и каждом положении, мучительно и медленно, одолевая инерцию лжи и пошлости, которая еще владеет мною, которая враждебна пролетариату и колхозникам. В результате труда и нового, т. е. пролетарского, подхода к действительности, мне становилось всё более легко и свободно, точно я возвращался домой из чужих мест.

Теперь рапповская критика объяснила мне, что “Впрок” есть вредное произведение для колхозов, для той политики, которая служит надеждой для всех трудящихся крестьян во всем мире. Зная, что вы стоите во главе этой политики, что в ней, в политике партии, заключена забота⁷ о миллионах, я оставляю в стороне всякую заботу о своей личности и стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести “Впрок”. Этот способ состоит в написании и опубликовании такого произведения, которое бы принесло идеологической и художественной пользы для пролетарского читателя в десять раз больше⁸, чем тот вред, та деморализующая контрреволюционная ирония, которые объективно содержатся во “Впроке”.

Вся моя забота — в уменьшении вреда от моей прошлой литературной деятельности. Над этим я работаю с осени прошлого года, но теперь я должен удешевить усилия, ибо единственный выход находится в такой работе, которая искупила бы вред от “Впрока”. Кроме этого главного дела, я напишу заявление в печать⁹, в котором сделаю признание губительных ошибок своей литературной работы — и так, чтобы другим страшно стало, чтобы ясно было, что какое бы то ни было выступление, объективно вредящее пролетариату, есть подлость, и подлость особенно гнусная, если ее делает пролетарский человек.

Ясно, что такое заявление есть лишь обещание искупить свою вину, но не само искупление. Однако я еще никогда не делал таких заявлений и не сделал бы, если бы не был уверен, что выполню.

Товарищ Сталин, я слышал, что вы глубоко цените художественную литературу и интересуетесь ею.

Если вы прочитали или прочитаете “Впрок”, то в вас, как теперь мне ясно, это бредовое сочинение вызовет суровое осуждение, потому что вы являетесь руководителем социалистического переустройства деревни, что вам это ближе к сердцу, чем кому бы то ни было.

Этим письмом я не надеюсь уменьшить гнусность “Впрока”, но я хочу, чтобы вам было ясно, как смотрит на это дело виновник его — автор, и что он предпринимает для ликвидации своих ошибок.

Перечитав это свое письмо к вам, мне захотелось добавить еще что-нибудь, что бы служило непосредственным выражением моего действительного отношения к социалистическому строительству.

Но это я имею право сделать, когда уже буду полезен революции.

Глубоко уважающий вас — АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.

8 июня 1931 г.

.....

Впервые: Новая газета. 1999. 1–7 марта. С. 21. Публикация Т. Дубинской-Джалиловой.

Печатается по машинописной копии: АГ. ПТЛ-12-113-1. Оригинал опубликован; см.: Документы советской эпохи // <http://sovdoc.rusarchives.ru>.

На машинописи Архива А. М. Горького имеется запись ближайшего помощника Сталина И. П. Товстухи: “т. Горькому А. М. По поручению т. Сталина посылается письмо Платонова. [Подпись]”.

И. В. Сталин впервые заметил Платонова в конце 1929 г., прочитав рассказ “Усомнившийся Макар” в журнале “Октябрь” (см. примеч. к п. 142). Писатель вполне адекватно воспринял кампанию вокруг рассказа, что нашло отражение в печальном завершении судьбы героя — смерти Макара Ганушкина (рассказ “Отмежевавшийся Макар”, 1930). Повесть “Впрок” Платонов предлагал в журналы “Октябрь” и “Новый мир”, однако там отказались от ее публикации. Повесть напечатана в № 3 журнала “Красная новь” за 1931 г. Этот номер вышел под грифом ФОСПа с обновленной редакцией, ответственным редактором журнала являлся А. Фадеев. Журнал с публикацией “Впрок” вышел в апреле и тут же попал на стол Сталина. Вождь внимательно прочитал повесть, оставив на полях следующие красноречивые оценки автора: “Дурак”, “Пошляк”, “Балаганщик”, “Беззубый остряк”, “Это не русский, а какой-то тарабарский язык”, “Болван”, “Да, дурак и пошляк новой жизни”, “Мерзавец; таковы, значит, непосредствен-

ные руководители колхозного движения, кадры колхозов?! Подлец”. Записка Сталина в редколлегию журнала датирована маем 1931 г.: “К сведению редакции «Красная новь».

Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту.

И. Сталин.

P. S. Надо бы наказать и автора и головотяпов так, чтобы наказание пошло им «впрок»” (Власть. С. 150).

Наказание редколлегии ограничилось принятием резолюций пленума МАППа (4 мая) и постановлением коммунистической фракции секретариата РАППа от 26 июня 1931 г.: “Отметить грубую политическую ошибку т. Фадеева, пропустившего в «Красной нови» «Впрок» Платонова, получивший достаточную оценку на страницах партийной печати <...> Отметить совершенно недопустимый <факт>, что рапповская критика не реагировала на «Впрок» Платонова” (ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 85). В истории “Впрок” вопрос редколлегии “Красной нови” весьма значим. До № 3 состав редколлегии был иной: И. Беспалов (ответственный редактор, критик), Вл. Васильевский (критик), Вс. Иванов (прозаик), С. Канатчиков (представитель агитпропа ЦК ВКП(б); член исполнительного бюро ФОСПа). Именно номер с публикацией “Впрок” вышел как орган ФОСПа с обновленной редакцией, в которую, кроме оставшегося в ней прозаика Вс. Иванова, вошли еще два прозаика: Л. Леонов (от ВССП) и А. Фадеев (от РАППа), а также некий А. Горохов (очевидно, из агитпропа ЦК). Кроме Вс. Иванова, в первой редколлегии были только рапповцы, причем из левой группы “Литфронт”, находившейся в оппозиции руководству РАППа. Одним из идеологов Литфронта являлся И. Беспалов. Не исключено, что кто-то из прежней редколлегии журнала, выступавшей за боевую партийность пролетарской литературы, и положил № 3 с повестью Платонова на стол Сталина. Вот, к примеру, некоторые подробности прохождения повести Платонова в “Красной нови” в изложении С. Канатчикова (письмо Сталину от 6 июня): “Вызывая на это заседание меня и т. Васильевского, как бывших редакторов журнала «Красная новь», меня почему-то не нашли, хотя я находился в момент вызова вместе с тов. Васильевским. Во избежание всяких кривотолков считаю своим долгом заявить: я считал и считаю этот рассказ возмутительно издевательским, контрреволюционным. При обсуждении его я категорически протестовал против его напечатания. Ныне по редакциям журналов путешествует такой же возмутительный рассказ об ударничестве того же автора. Боюсь, что найдется «великодушный» редактор, который его напечатает” (Власть. С. 751). Однако никаких решений по новой редколлегии “Красной нови” не будет принято, и весь удар критики обрушится на Платонова. Это было удобно еще и потому, что он не был членом РАППа. К тому же новая редколлегия “Красной нови” фактически не могла нести прямой ответственности за публикацию повести, потому что решение о передаче журнала “Красная

новъ” в ведение ФОСПа и создании новой редколлегии (“в составе т. Фадеева, Вс. Иванова, Л. Леонова, Горохова и Феликса Кона”) было принято на заседании исполнительного бюро ФОСПа 21 февраля 1931 г., и весь март шло письменное согласование с членами правления состава новой редколлегии (см.: ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 21). Ситуация вокруг публикации “Впрок” широко обсуждалась в московских литературных кругах. 11 июля 1931 г. осведомитель ОГПУ сообщал о рассказе П. Васильева: “Потом сообщил, что СТАЛИН прислал письмо в «Красную Новь» из трех слов: «Дурак, идиот, мерзавец» — это относилось к ПЛАТОНОВУ. ВАСИЛЬЕВ сказал, что ПЛАТОНОВ может быть кем угодно, только не дураком. Такие дураки не бывают. <...> Потом он опять вернулся к ПЛАТОНОВУ, сказал, что ПЛАТОНОВ это предсказатель, что он гениален <...>” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 851).

- 1 Повесть “Впрок” была написана весной 1930 г., в октябре 1930 г. обсуждалась на заседании рабочего редсовета ГИХЛа (см.: Первая редакция повести “Впрок” / статья и публикация Н. Умрюхиной // Архив. С. 81–82). В донесении в ОГПУ, датированном 10 декабря 1930 г., приводится следующая оценка Платоновым написанной им повести: “Платонов работает над этой рукописью с тем большей неохотой, что не придает ей большого значения. Он не считает ее и правильной, но говорит, что она имеет для него значение завершения определенного периода развития и начала нового. <...> Платонов рассказывал об изменении своей политической позиции. Он сам говорил о задачах, которые ставил перед собой как писателем раньше так: показать, как много сволочей населяют землю, сколько их и какие они в Советском Союзе, и как они вредят правительству социализма. Ошибкой своей он считает то, что говорил только о моментах отрицательных” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 849–850).
- 2 4 июня пленум МАППа принимает специальную резолюцию по публикации “Впрок”; повесть аттестуется как “активизация враждебных элементов на литературном участке идеологического фронта” (На литературном посту. 1931. № 22. С. 2. Редакционная статья). Первый печатный отклик на публикацию “Впрок” датирован 10 июня (статья А. Селивановского “В чем «сомневается» Андрей Платонов” в “Литературной газете”). Автограф статьи А. Фадеева “Об одной кулацкой хронике” датируется 9 июня (см. об этом: Воспоминания. С. 270. Разыскание Е. Шубиной). Не исключено, что Платонов встречался с Фадеевым (об этом в 1970-е гг. говорила М. А. Платонова).
- 3 См. примеч. 1. Платонов прекрасно осознавал политическую несвоевременность написанной весной 1930 г. повести. Ее публикация весной 1931 г. совпала с новыми политическими процессами разоблачения последних “правых” (открытый процесс по делу “вредительской партии” меньшевиков в марте и закрытый процесс по делу Крестьянской партии), а также широким обсуждением в газетах итогов “второй большевистской весны”, разоблачениями “наглых вылазок классовых врагов” и кулацкого террора в деревне, а заодно с ними — и пред-

ставителей “кулацких чаяний” (Есенина, Клюева, Клычкова) в советской литературе. Всё это была артподготовка к принятию 12 июня 1931 г. постановлений пленума ЦК ВКП(б) по колхозному строительству, дезавуировавших выступление Сталина и партийные документы весны 1930 г. о перегибах в проведении коллективизации. На пленуме был заслушан доклад Средневолжского крайкома партии (материалы по ходу коллективизации в районах этого края печатались в центральных газетах в марте-апреле 1931 г.) и доклад наркома земледелия Я. Яковлева. Формулировки принятой пленумом резолюции представляют партийно-политический контекст, определивший реакцию Сталина на повесть “Впрок”, последующую ее критику и в целом политический статус “Бедняцкой хроники” Платонова. В резолюции отмечалось, что в итоге весны 1931 г. колхозное движение одержало “решающие победы в большинстве районов и областей по основным отраслям сельского хозяйства” — на 80 % завершена коллективизация в основных зерновых районах страны; что не позже весны 1932 г. коллективизация будет завершена по всей стране; и делался политический вывод: “Всё это означает, что темпы коллективизации, намеченные решением Центрального комитета партии от 5 января 1930 г., решениями XVI съезда партии и VI съезда Советов, уже *превышены*” (Правда. 1931. 12 июня. С. 1).

- 4 Летом 1930 г. Платонов находился в командировке в совхозах Нижней и Средней Волги (см. примеч. к п. 145–147). Маршруты и материалы этой поездки сохранила записная книжка 1930 г. (см.: Записные книжки. С. 46–57, 334–338);
- 5 В записной книжке Платонова 1930 г. нашла отражение кампания раскулачивания лета 1930 г., в которой лозунг “ликвидации кулака как класса” дополнился новым — разоблачением “нового в тактике классового врага”, “загримированного кулака”, “раскулаченного кулака”, на которого теперь возлагается вся ответственность за срыв сплошной коллективизации и выход середняков и бедноты из колхозов: “О кулаке. Кулак сейчас скрывается в колхозе — и выходит из него последним, стравив на выход других”; “% коллективизации 45 %”; “Кулак стал религиозником” (Записные книжки. С. 48, 51–52). Платонов делает запись и о двух крестьянских восстаниях 1930 г., вызванных перегибами в проведении коллективизации: “Восстания в 2-х селах. Это дало дрожь по всему району. Было это в марте. Сев. Население против МТС, против колхоза, против советской власти. Ходят толпами. Все враз вышли из колхоза. Осталась номинальная группа бедняков и комсомольцев. МТС не сдалась: она послала тракторные отряды под охраной в эти бушующие села. В трактористов начали бросать топоры. Одного поранили. Директора избили. Трактора всё же вспахали. Настроение изменилось” (Там же. С. 54).
- 6 28 июня 1930 г. Платонов подписал договор с издательством “Молодая гвардия” на небольшую книгу (6 п. л.) с условным названием “Пятилетка в полях” (срок сдачи — 1 декабря 1930 г.), которую должны были составить колхозные очерки на тему “как техника вооружает бедноту

и середняков для борьбы с кулачеством и подъема сельского хозяйства” (см. договор: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4). Судьба этого издания неизвестна. Во второй половине 1930 г. Платонов работает над повестью “Котлован”, пьесой “Шарманка”, пишет производственные сценарии (“Машинист”, “Турбинщики”). О том, что радикальной мировоззренческой перестройки у Платонова не произошло, свидетельствует донесение в ОГПУ от 6 мая 1931 г.: “ЗЕЛИНСКИЙ сказал мне, что последние вечера он проводит с Андреем ПЛАТОНОВЫМ <...> ПЛАТОНОВ производит на него впечатление совершенно гениального человека. <...> ЗЕЛИНСКИЙ сказал, что ПЛАТОНОВ читал ему и АГАПОВУ пьесу, в высшей степени интересную, которая, однако, никогда не сможет быть напечатана и поставлена, ибо политическая ее установка по меньшей мере — памфлет. Вообще, сказал ЗЕЛИНСКИЙ, у ПЛАТОНОВА множество рукописей, которые никогда не смогут быть напечатаны. Замечу, что мне лично известны две таких рукописи: колхозные очерки, отвергнутые «Федерацией» и «Октябрем», и сценарий, отвергнутый фкабрижкой Культурфильм...” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 850–851).

- 7 В копии: “работа”; скорее всего, опечатка.
8 Речь идет о пьесе “Объявление о смерти” (“Высокое напряжение”).
См. примеч. к п. 162.
9 См. п. 152.
.....

[152] В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ “ПРАВДА” И “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”

9 июня 1931 г. Москва

В РЕДАКЦИЮ “ПРАВДЫ”

и “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”¹. Просьба поме-

стить следующее письмо. Нижеподписавшийся отрекается от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных².

Автор этих произведений, в результате воздействия на него социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики, пришел к убеждению, что его прозаическая работа, несмотря на положительные субъективные намерения, приносит почти сплошной контрреволюционный вред сознанию пролетарского общества.

Противоречие — между намерением и деятельностью автора — явилось в результате того, что субъект авто-

ра ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения, — тогда как он таковым не являлся, тогда как это мировоззрение ему предстоит еще завоевать.

Нижеподписавшийся, кроме указанных обстоятельств, почувствовал также, что его усилия уже не дают больше художественных предметов, а дают пошлость, вследствие отсутствия пролетарского мировоззрения.

Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, освещающая, ведущая сила партии, — все это не находило в авторе письма тех художественных впечатлений, которых эти явления заслуживали. Кроме того, нижеподписавшийся не понимал, что начавшийся социализм требует от него не только изображения, но и некоторого идеологического опережения действительности — специфической особенности пролетарской литературы, делающей ее помощницей партии.

Автор не писал бы этого письма, если бы не чувствовал в себе силу начать всё сначала и если бы он не имел энергии изменить в пролетарскую сторону свою собственное вещество идеологию. Главной же заботой автора является не продолжение литературной работы ради ее собственной “прелести”, а создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом.

Разумеется — настоящее письмо не есть самоискупление моих вредоносных заблуждений нижеподписавшегося, а лишь гарантия их искупить — и разъяснение читателю, как нужно относиться к прошлым моим сочинениям автора.

Кроме того, каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо.

Москва. 9 июня 1931 г.

Андрей Платонов.

.....

Впервые: Русская литература. 1990. № 1. С. 230. Публикация В. Перхина. Печатается по авторизованной машинописи, с восстановлением по автографу пропущенного машинисткой фрагмента (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 1–2).

Правка Платонова приводится по экземпляру машинописи, переданному им в редакцию газеты “Правда” (Архив РАН. Ф. 520. Оп. 2. Ед. хр. 294. Л. 1–2); хранится в фонде ответственного редактора “Правды” М. А. Савельева.

- 1 В автографе письма сначала указан один адресат — газета “Правда”, второй (“Литературная газета”) вписан позже. В 1930–1931 гг. в “Литературной газете” (раздел “Письма в редакцию”, с. 4) регулярно печатались письма писателей с признанием допущенных ими политических ошибок.
- 2 Далее в автографе следовал недописанный и вычеркнутый фрагмент с перечислением ненапечатанных произведений: “(романы «Чевенгур» и «Котлован», рассказы, очерки, пьеса «Шарманка»)”.
.....

[153] М. А. и П. А. ПЛАТОНОВЫМ

10 июня 1931 г. Москва

Москва. 10 июня. Дорогая Муся и Тотик!

Письмо твое воздушной почтой получил в 4 часа дня сего дня. Послано оно, судя по сочинскому штемпелю, 7-го. Значит, письмо шло почти 3 дня, т. е., наверно, поездом, а не самолетом, хотя и послано возд<ушной> почт<ой>.

Изложу всё дело. Телеграмму получил. Устроил дебош в Литфонде¹. Литфонд связался с ЦК профсоюза. ЦК сказал следующее: “Того, кого послал Литфонд (ребенка), те не виноваты. Виновата Лечкомиссия (этот дурень Беляев)² и Литфонд. Виновных надо отдать под суд” и т. д. Дело шло весь день. Литфонд, желая все же вывернуться, послал две телеграммы: одну тебе, другую Мих. Алексееву³ (валету с бородой — он в Сочи). Я тебе тоже послал телеграмму. Все это ты уже получила и знаешь, в чем дело. Телеграммы эти лишь косвенно могут воздействовать на этих гадов, мучающих тебя с ребенком, а не прямо. Я это, конечно, понимал и вдарился к Аболину⁴. Но тот напустил важность и категорически отказался помочь: дело, мол, маленькое, ему неудобно вмешиваться в распоряжки домов отдыха и т. д. и т. п. Я отказался от его помощи, видя, что ее быть не может. Содействие Георгия Захаров<ича>⁵ несколько не помогло.

Кругом виноваты Литфонд и Лечкомиссия. Они выдали путевку ребенку и на путевке даже написали: “8 лет”. Жми на этого Мих. Алексеева. Другого выхода я прямо не знаю. Другой выход — возвращение, но это из-за Тотки, из-за перенесенных мучений нежелательно.

Другой выход еще в том, чтобы снять комнату в колхозе, если уж в Доме отдыха жить никак нельзя, если в нем над тобой и Т<откой> издеваются, — снять комнату в колхозе за 50 р<ублей> и ночевать в ней с мальчиком, а столоваться и проводить время дня в Доме отдыха. Я не знаю, как это удобно, мне ведь трудно отсюда представить. Но если это абсолютно невозможно, невыгодно и т. д., то возвращайся. Если же жить так, поправляя ребенка и себя, все же можно, то следует остаться. Вот как я думаю. Если в Доме отдыха будут травить, придираются, то лучше переехать на частную комнату сразу, чтобы не трепать нервов. Вообще — считай это пустяками и не волнуйся, хотя я представляю, что это за пустяки!

Подумай над моими соображениями и ответь письмом или телеграммой — как ты поступила или думаешь поступить.

Деньги, что у тебя есть, можешь потратить все. На обратную дорогу я тебе переведу.

Теперь о своем приезде. Сказать ничего не могу сегодня. В день твоего отъезда я узнал, что меня будут сильно критиковать за “Впрок”⁶. Сегодня уже есть подвал в “Лит<ературной> газете” против “Впрока”⁷. Наверно, будет дальнейшая суровая критика. Перемучившись, обдумав все (думать над коренным изменением своей литературн<ой> деятельности я начал еще с осени; ты знаешь про это), — я решил отказаться, отречься от своего литературного прошлого и начать новую жизнь⁸. Об этом я напишу в газеты “Правда” и “Лит<ературная> газ<ета>”, — пришлю тебе напечатанное письмо⁹. Когда увидимся, я тебе всё объясню и ты поймешь, что это высшее мужество с моей стороны. Другого выхода нет. Другой выход — гибель.

В результате всего для меня настали труднейшие времена. Так тяжело мне никогда не было. Притом я совершенно один. Все друзья — липа, им я не нужен теперь.

Уехать я хочу страстно, но нужно достать деньги. С краеведами¹⁰ еще ничего не вышло. Все обещают на днях, а дни идут. Ты, Муся, мужайся там. Мне приходится здесь напрягаться до отказа, до болезни, но я выдержу всё.

Если тебе и Тотке там худо, то возвращайтесь. Будем как-нибудь жить здесь. Обдумай всё спокойно.

Я постараюсь приехать немедленно же, как только заработаю деньги, но если ты решишь вернуться, то, конечно, я не поеду, — деньги будут целей.

Отвечай мне подробным письмом, как живешь. Я буду писать часто. Завтра пошлю еще письмо.

Часто ночую у Вали¹¹ на даче, п<отому> ч<то> дома заедает тоска, особенно в моем состоянии.

Твоя мать¹² прислала тебе документы, какие ты просила. Других новостей нет.

Сильно скучаю по вас, с вами было бы мне легче перенести свой крест.

Пусть Тотик пишет открытки, какие обещал — каждый день, а через день — обязательно.

Крепко обнимаю обоих.

Андрей.

10 /VI. 7 час<ов> вечера.

Посылаю воздушной почтой.

Не волнуйся ни о чем и отдыхай.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 497–499. Публикация Н. Корниенко.

На сохранившемся конверте указан адрес отправления: “Сочи, Дом отдыха «Работник печати», а также первый постоянный московский адрес А. Платонова: проезд Художественного театра, д. 2, кв. 14.

1 Литфонд — Литературный фонд, профсоюзная писательская организация, создан в 1927 г. Средства фонда формировались из отчислений писателей, объединенного госиздательства и дотаций Наркомпроса. Литфонд располагался в Доме Герцена (Тверской бульвар, д. 25).

2 Беляев Сергей Михайлович (1883–1953) — писатель, автор научно-фантастической прозы. По первой профессии — врач (окончил медицинский

- факультет Юрьевского университета); совмещал врачебную практику с литературной работой. Речь идет о Лечебной комиссии Литфонда, в которой работал Беляев; в июле 1931 г. был избран в правление Литфонда.
- 3 Алексеев Михаил Алексеевич — председатель Литфонда РСФСР.
- 4 Аболин — неустановленное лицо.
- 5 Литвин-Молотов Г. З.
- 6 Судя по письму, Мария Александровна уехала из Москвы 4–5 июня, перед началом кампании критики “Впрок” (см. примеч. 2 к п. 151).
- 7 10 июня “Литературная газета” опубликовала большую статью одного из ведущих пролетарских критиков А. Селивановского “В чем «сомневается» Андрей Платонов”. Проведя социологический анализ фигуры “душевного бедняка” и основных крамольных эпизодов повести, Селивановский (вслед за статьей Л. Авербаха о рассказе “Усомнившийся Макар” — “Об общих масштабах и частных Макарах”, 1929) так резюмировал смысл творческого пути Платонова-прозаика: “Платонов есть «анархистствующий обыватель», все более отчетливо превращающийся на деле в литературного подкулачника. Юродствуя и кривляясь, он дал себе правильную характеристику. Путь от «ЧЧО» и «Усомнившегося Макара» к «Бедняцкой повести» завершен. Этот путь является одновременно и путем творческого вырождения Платонова: убогое, утомительное, повторяющее себя юродство — таков стиль произведения, именуемого «Впрок». Статья завершалась осуждением редакции опубликовавшего повесть журнала и почти ультимативным требованием: “Редакция «Красной нови» совершила грубейшую ошибку. Будем ждать ее исправления” (ЛГ. 1931. 10 июня. С. 3).
- 8 Письмо с отречением “от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных произведениях”, уже было написано; см. п. 152 от 9 июня 1931.
- 9 Письмо Платонова не было опубликовано в газетах.
- 10 Речь идет о поездке Платонова на юг от Общества краеведов, с которым он активно сотрудничал.
- 11 Сестра Мария Александровны Валентина вышла замуж за москвича и инженера П. А. Трошкина.
- 12 Мать Марии Александровны — Мария Емельяновна Кашинцева — в это время жила в Ленинграде.
- .....

[154] М. А. и П. А. Платоновым

11 июня 1931 г. Москва

11/VI. 6 ч<асов> веч<ера>.

Дорогая Муся, дорогой Тотик!

Как вы там устроились, я все время беспокоюсь, а вы пишете мало. Что же, Тотик, обещал мне присылать

открытки, а сам не присылаешь ничего. Ишь ты, лодырь какой! Наверно, ржешь там как жеребчик, а я сиди тут и мучайся за тебя. Пиши мне каждый день обязательно. Муся, опиши мне всю обстановку, стол и проч<ее>. Мое положение пока без перемен.

Целую обоих. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 500. Почтовая карточка.
Публикация Н. Корниенко.
.....

[155] В РЕДАКЦИЮ “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ” И “ПРАВДЫ”

14 июня 1931 г. Москва

В РЕДАКЦИЮ “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ” И В “ПРАВДУ”.

Просьба поместить следующее письмо. (Предыдущее на ту же тему прошу считать недействительным, ввиду ряда ошибочных формулировок¹, допущенных автором по субъективным причинам.)*

Я считаю глубоко ошибочной свою прошлую литературно-художественную деятельность. В результате воздействия на меня социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики я пришел к убеждению, что моя работа, несмотря на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред. Противоречие — между намерением и деятельностью автора — явилось в результате того, что автор ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения, — тогда как это мировоззрение ему предстоит еще завоевать.

Это убеждение явилось во мне не сразу, а началось еще с прошлого года, но лишь теперь вылилось в форму катастрофы, благодетельной для моей будущей работы. (“Впрок” написан более года тому назад, что не может, конечно, служить каким-либо оправданием.)

Кроме указанных обстоятельств, я почувствовал также, что мои усилия уже не дают больше художественных

предметов, а дают пошлость, вследствие отсутствия пролетарского мировоззрения.

Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, освещающая, ведущая сила партии, — всё это не находило во мне тех художественных впечатлений, которых эти явления заслуживают. Кроме того, я не понимал, что начавшийся социализм требовал от меня не только изображения, но и некоторого идеологического опережения действительности — специфической особенности пролетарской литературы, делающей ее помощницей партии.

Я не мог бы написать этого письма, если бы не чувствовал в себе силу начать всё сначала и если бы не имел энергии изменить в пролетарскую сторону свое творчество — самым решительным образом. Главной же моей заботой является теперь не продолжение литературной работы ради ее собственной “прелести”, а создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом.

Разумеется — настоящее письмо не есть искупление моих заблуждений, а лишь гарантия их искупить и разъяснение читателю, как нужно относиться к прошлым моим сочинениям.

Кроме того, каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо.

14 июня 1931 г. Андрей Платонов.

* Фразу в скобках печатать не следует.

.....

Впервые: Русская литература. 1990. № 1. С. 230–231. Публикация В. Перхина.

Печатается по машинописи с авторской правкой: Архив РАН. Ф. 520. Оп. 2. Ед. хр. 294. Л. 3.

- 1 Новая редакция письма составлена после публикации в центральных газетах первых откликов на повесть “Впрок”: статьи члена правления РАППа и редколлегии “Литературной газеты” А. Селивановского “В чем «сомневается» Андрей Платонов” (ЛГ. 1931. 10 июня. С. 3) и партийного критика Д. Ханина “Пасквиль на колхозную деревню” (За коммунистическое просвещение. 1931. 12 июня. С. 2). Не исключено,

что Селивановский ознакомился с первым письмом Платонова, выполненным в откровенно “юродской” стилистике, что нашло отражение в формулировках его статьи: “Сей «душевный бедняк», «единственное имущество которого — сомнение», полно и всесторонне развивает мысли Андрея Платонова последнего периода его литературной работы, и мы можем в данном случае, ни в малой степени не опасаясь вульгаризации, поставить знак равенства между автором и лицом, ведущим повествование в «Бедняцкой хронике»”. Статья второго рецензента, постоянного автора рапповских изданий и представителя агитпропа ЦК ВЛКСМ, напечатана в правительственной газете (орган ЦК Союза работников просвещения СССР) и представляет первый развернутый социально-политический анализ повести Платонова. Именно вторая статья, с которой Платонов, безусловно, ознакомился, определила характер корректив и исправлений, внесенных им в новую редакцию письма. В первой главе статьи (“Человек прохожий”) критик сразу снял литературный вопрос об авторе и герое повести и поставил знак равенства между “душевым бедняком” и автором: “Оставим путника в стороне. Его глаза — это глаза Платонова. Здесь полное тождество автора и героя, которого, собственно, нет. Да и сам автор быстро отмахивается от подставного путника, ведя рассказ от первого лица. Это Платонов едет по колхозным полям и свои впечатления описывает”. Критик не ставит под сомнение ни талант Платонова (в отличие от других), ни его искренность и во второй главе (“О классовой правде”) переводит вопрос о содержании повести в социологическую плоскость: “Искренний путник говорит правду. Но вправе спросить читателя: о какой правде идет речь? Ибо нет абсолютной правды, абсолютной оценки явлений. <...> Нет абсолютной правды, есть правда классовая. Одна правда у рыцаря, тешащегося погоней за крестьянами, другая — у гонимого рыцарем крестьянина; одна правда у рабочего, выбивающего из Кремля офицеров, другая правда у офицера, выбиваемого из своего убежища; одна правда у бедняка и середняка, идущего в колхоз, другая — у кулака, которому строительство колхозов несет гибель. Какая же правда у Платонова, бредущего по колхозным полям? Глазами какого класса смотрит она на перестройку деревни?” Третья глава уже своим названием (“Чужими глазами”) дает ответ на поставленный вопрос. Проанализировав эпизоды повести и ее героев, критик резонно заключает, что Платонов видит в коллективизирующейся деревне только уродливые стороны и перегибы коллективизации, представляет последнюю “дикой, странной и непонятной”, в результате чего объективно получилось, что колхозная волна ничего хорошего в деревню не принесла: “Партия, партийная организация отсутствует. Она не организует, не руководит движением. Где-то есть рик, но директивы его деревне не подходят, деревня живет вопреки им”. В заключительной главе статьи (“Удар в спину”) критик погружает этот вполне справедливый социологический вывод о содержании повести в политический контекст лета–осени 1931 г. (см. примеч. 3 к п. 152). Платонов написал правди-

вую повесть, но это, с точки зрения генеральной линии партии, “правда классового врага”: “Это — правда человека, воспринимающего массовый прилив в колхозы как нелепость, дикое насилие над крестьянской волей, стремлениями, привычками. Вздрыбли деревню — и ходит она взбаламученная, беспокойная, волнующаяся, а для чего вздрыблили — неизвестно, что из этого выйдет — неизвестно. <...>

Именно этим словом — пасквиль — вынуждены мы назвать произведение Платонова. Колхозная деревня показана в нем, как в кривом зеркале, действительность преобразена так, что она звучит лживо для нас и правдиво для классово чуждых нам людей. <...> острие его сатиры направлено не против врагов колхозного строительства, а против самого строительства.

Вместо «бедняцкой хроники», вместо правдивого рассказа о великом движении к новой жизни, охватившем многомиллионное крестьянство, получилось злое и уродливое отображение перегибов, глупостей, издевательств и ошибок. И все это подается как искреннее, правдивое описание колхозной стройки. Чья это искренность? Чья это правдивость? <...> Его устами говорит правда классового врага — это кулак, ненавидящий колхозную стройку, водил его пером. <...>

Рассказ-пасквиль. Его помещение на страницах «Красной нови» — серьезная политическая ошибка редакции журнала. <...>

Против нас — весь капиталистический мир. Против нас — остатки капитализма внутри страны. И когда из наших же рядов люди, вместе с нами строящие, внезапно обрушивают удар против нас, мы должны ответить двойным ударом.

Ибо — это удар в спину, неожиданный, а потому и опасный. Однако Платонов опубликовал в «Октябре» рассказ «Усомнившийся Макар», вызвавший отпор советской общественности. Удар, как видно, не был усвоен писателем и не пошел ему впрок. Так и запишем”.

.....

[156] И. МАРТЫНОВУ

14 июля 1931 г. Москва

Москва, Пушечная ул., д. № 3 (или 5). Сельколхозгиз, агитмассовый отдел¹, 3-й этаж, Тов. Мартынову.

Тов.! Посылаю вам рукопись очерка², котор<ый> я обязан сдать по договору к 10/VII, но задержал по технич<еским>, внешн<им> причинам; рукопись у меня была готова 8/VII. Если что в рукописи плохо, неверно, то выправьте сами и сделайте улучшения.

С приветом, Андр. Платонов.

14/VII 31.

.....

Мартынов Иван — редактор агитмассового отдела Сельколхозгиза. В июне–июле 1931 г. участвовал в писательской поездке на Северный Кавказ. Несколько его очерков вышли в коллективных сборниках 1931 г.: “Героика будней: очерки о людях социалистических полей”, “На обновленной почве: очерки о героях и ударниках”. В 1932 г. Сельколхозгиз издал очерки Мартынова отдельной книгой “Ковбои на Маныче”, в которой освещались актуальные вопросы коневодства. С 20 июня по 5 июля по постановлению крайисполкома по Северному Кавказу был проведен колхозный поход за социалистическую реконструкцию животноводства (см.: В поход за социалистическую реконструкцию животноводства // На стройке социалистического животноводства. Ростов-на-Дону. 1931. № 5. С. 1). В записной книжке Платонова сохранились записи 1931 г., посвященные различным проблемам коневодства (см.: Записные книжки. С. 88–93).

- 1 Сельколхозгиз — Государственное издательство сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы (находилось по адресу: Москва, проезд Художественного театра, д. 4). Было образовано в 1929 г. на базе издательства “Новая деревня” и сельскохозяйственного отдела Госиздата (об истории издательства см.: *Раскин Л.* Издательство “Колос” // Книга: исследования и материалы. Вып. 16. М., 1969). На основе постановления ЦК ВКП(б) “О работе Госиздата и реорганизации советского издательского дела” создается сеть отраслевых издательств с единым руководящим органом, ОГИЗом. В результате реорганизации 1931 г. Сельколхозгиз становится главным сельскохозяйственным издательством (в него вошли издательства Сельхозгиз, Книгосоюз, “Новый агроном” и Крестьянский сектор Госиздата РСФСР). В 1930–1931 гг. издательством было выпущено свыше 400 миллионов экземпляров книг по различным отраслям сельского хозяйства. В качестве центральной задачи Сельколхозгиза выдвигается создание массовой сельскохозяйственной книги, в которой отразился бы опыт социалистического преобразования сельского хозяйства. На смену “вредительским”, “оппортунистическим” изданиям 1930 г., проповедующим неонароднические, чаяново-кондратьевские буржуазные теории, должна была прийти идеологически выдержанная, агротехнически грамотная и доступная для массового читателя книга. В начале 1931 г. публикуется соответствующее обращение Наркомзема РСФСР и Сельколхозгиза “ко всем низовым специалистам сельского хозяйства и низовым земельным работникам” о привлечении новых кадров к составлению сельскохозяйственной книги.

В структуре Сельколхозгиза существовало несколько отделов, в том числе агропроизводственный, учебный, социально-экономический и агитационный, который располагался по адресу: Москва, ул. Пушкинская, д. 5.

- 2 16 июня 1931 г. проходило Объединенное совещание писателей, представителей сельскохозяйственных центров и работников Сельколхоз-

гиза, посвященное отправке писательских бригад в совхозы, колхозы и на МТС. 17 июня Платонову было выдано командировочное удостоверение для поездки на Северный Кавказ, в котором отмечалось: “Предъявитель сего тов. Платонов Андрей Платонович командирован Сельколхозгизом на Северный Кавказ с целью отобразить в печати ход социалистической реконструкции сельского хозяйства и показать образцы совхозного и колхозного строительства, героев ударничества и соцсоревнования и культурной революции в деревне. Просьба ко всем партийным, советским и общественным организациям, работникам совхозов, МТС и колхозов оказывать тов. Платонову всяческое содействие в выполнении возложенных на него задач” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 1).

Из публикуемой в журнале “Сельскохозяйственная книга” хроники известно, что 18–20 июня в разные районы страны выехали 15 бригад писателей и инструкторов Сельколхозгиза. Среди писателей — представители московского и ленинградского объединений пролетарских и колхозных писателей. В июле 1931 г. заведующий Сельколхозгизом Д. Шварц писал о задачах посланных 15 писательских бригад: “Возникла мысль о создании бригад, которые должны отправиться на места, в гущу социалистической стройки, и в своих произведениях в форме производственного очерка отобразить процессы социалистической реконструкции сельского хозяйства, отобразить, каким образом наша партия, наше государство, широкие массы трудящихся разрешают сложнейшие хозяйственные и политические проблемы” (Шварц Д. Показ опыта и процессов социалистической реконструкции сельского хозяйства // Сельскохозяйственная книга. 1931. № 7. С. 5). По результатам писательских командировок в июле–сентябре планировались публикация сборников, а также выпуск отдельными изданиями “8 очерков о героях второй большевистской весны и уборки урожая” (Казанцев И. Страна должна знать героев соцстройки // Сельскохозяйственная книга. 1931. № 7. С. 11). “Каждый писатель обязан прислать к 15 июля один лист — очерк на тему: герои колхозов и совхозов, а в сентябре — 5 листов, посвященных одной из проблем сельского хозяйства: хлеб, мясо, хлопок, свекла, свиноводство... типы с.-х. артелей, коммун, МТС, район сплошной коллективизации. <...> Каждая бригада привезла из поездки одну коллективную рукопись. <...> Каждая бригада проведет на местах показательный суд над с.-х. книгой и вечер вопросов и ответов по поводу этой книги” (Хроника // Там же). 15 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление “Об издательской работе”, в котором говорилось о необходимости “обратить особое внимание на издание сельскохозяйственной литературы для широких колхозных масс, в особенности литературы, передающей конкретный опыт социалистического переустройства деревни и вооружающей совхозно-колхозный актив необходимыми сельскохозяйственными техническими знаниями” (Сельскохозяйственная книга. 1931. № 10. С. 4). В Сельколхозгизе выходят сборники, составленные по материалам писательских поездок, но в них нет очерков Платонова. На страни-

цах журналов за 1931 год, издававшихся при Сельколхозгизе (“Социалистическая реконструкция сельского хозяйства”, “Коллективист”, “На стройке МТС”, “Техника социалистического земледелия”, “Коневодство и коннозаводство”, “Скотоводство”), также не обнаружено его произведений. Однако в этот период в издательском портфеле Сельколхозгиза находилось 30 журналов, обследование которых может дать результаты. В фонде Платонова РГАЛИ (Оп. 1. Ед. хр. 131) хранятся листы записей о состоянии совхозов Северного Кавказа, сделанных во время командировки Платонова от Сельколхозгиза летом 1931 г. Июлем 1931 г. отмечена поездка рассказчика в очерке “Кухонный мужик Советского Союза” (см.: Очерк Платонова “Кухонный мужик Советского Союза” / Публикация и примечания В. В. Перхина // Творчество, 2004. С. 470). Не исключено, что редакции изданий Сельколхозгиза просто отказались от очерков автора крамольной повести “Впрок”.

.....

[157] А. М. ГОРЬКОМУ

24 июля 1931 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вы знаете, что моя повесть “Впрок”, напечатанная в № 3 “Красной нови”, получила в “Правде”¹, “Известиях”² и в ряде журналов³ крайне суровую оценку.

Это письмо я Вам пишу не для того, чтобы жаловаться, — мне жаловаться не на что. Я хочу вам лишь сказать, как человеку, мнение которого мне дорого, как писателю, который дает решающую, конечную оценку всем литературным событиям в нашей стране⁴, — я хочу сказать вам, что я не классовый враг, и сколько бы я ни выстрадал в результате своих ошибок, вроде “Впрока”, я классовым врагом стать не могу и довести меня до этого состояния нельзя, потому что рабочий класс это моя родина и мое будущее связано с пролетариатом. Я говорю это не ради самозащиты, не ради маскировки, — дело действительно обстоит так. Это правда еще и потому, что быть отвергнутым своим классом и быть внутренне все же с ним — это гораздо более мучительно, чем сознать себя чуждым всему, опустить голову и отойти в сторону.

Мне сейчас никто не верит, — я сам заслужил такое недоверие. Но я очень хотел бы, чтобы вы мне поверили; поверили лишь в единственное положение: я не классовый враг.

“Впрок” я писал более года назад — в течение 10–12 дней⁵. Отсюда его отрицательные качества технического порядка. Идеологическая же вредность, самое существо дела, произошла не по субъективным причинам.

Но этим я не снимаю с себя ответственности и сам теперь признаю, после опубликования критических статей, что моя повесть принесла вред. Мои же намерения остались ни при чем: хорошие намерения, как известно, иногда лежат в основании самых гадких вещей⁶. Ответственности за “Впрок”, повторяю, я с себя не снимаю, — это значит, что я должен всею своей будущей литературной работой уничтожить, перекрыть весь вред, который я принес, написав “Впрок”.

Лично для вас, Алексей Максимович, я должен сообщить следующее. Много раз в печати⁷ упоминали, что я настолько хитрый, что сумел обмануть нескольких простых, доверчивых людей. Вам я должен сообщить: эти “несколько” равны минимум 12-ти человекам; причем большинство из них старше меня возрастом, старше опытом, некоторые сами уже видные литераторы (во много раз сделавшие больше, чем я)⁸. Рукопись проходила в течение 8–10 месяцев сложный путь, подвергалась несколько раз коренной переделке, переработкам⁹ и т. д. Все это совершалось по указаниям редакторов. Иные редактора¹⁰ давали такую высокую оценку моей работе, что я сам удивлялся, ибо знал, что по художественным качествам этот “Впрок” — произведение второстепенное. Теперь я понимаю, что такие редакторы были неквалифицированные люди. Но тогда мне было понять это трудней. Член одной редколлегии сказал мне следующее: “Ты написал классическую вещь, она будет жить долгие годы” и т. д.

Я редко видел радость, особенно в своей литературной работе, естественно, что я обрадовался, тем более что другие редактора тоже высоко оценили мою работу (не в таких, конечно, глупых словах, как упомянутый член редколлегии). Однако я умом понимал: что-то уж слишком! Жалею теперь, что я поверил тогда и поддался ред-

кому удовольствию успеха. Нужно было больше думать самому.

Теперь же вышло, что я двенадцать человек обманул — одного за другим¹¹. Я их не обманывал, Алексей Максимович, но вещь все же вышла действительно “обманная” и классово враждебная. Я не хочу сказать, что 12 человек отвечают вместе со мной перед пролетарским обществом за вред “Впрока”. И чем они могут ответить? Ведь никакой редактор не станет писать таких произведений, которые поднялись бы идеологически и художественно на такой уровень, что “Впрок” бесследно бы исчез.

Я автор “Впрока”, и я один отвечаю за свое сочинение и уничтожу его будущей работой, если мне будет дана к тому возможность. У редакторов же было не одно мое дело, и они могли ошибиться, но только я их не обманывал. Некоторых из них я не перестал уважать и теперь.

Если же допустить хитрый сознательный обман с моей стороны, то напрашивается юмористическая мысль: не сделать ли того, кто сумел последовательно обмануть 12 опытных людей, самого редактором, ибо уж его-то не обманет никто!..

Я хотел бы, чтобы вы поверили мне. Жить с клеймом классового врага невозможно, — не только морально невозможно, но и практически нельзя. Хотя жить лишь “практически”, сохраняя собственное туловище, в наше время вредно и не нужно.

Если вас заинтересует что-нибудь в связи с моим делом, если я здесь сказал не то, что нужно, то я вам напишу дополнительно.

Глубоко уважающий вас
Андрей Платонов.

24/VII 1931.

Адрес: Москва, проезд Художественного театра,
д. № 2, кв. 14.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 179. Публикация
Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-4.

В автографе письма красным карандашом отмечен текст для перепечатки (от “Мне сейчас никто не верит...” до “Если вас заинтересует что-нибудь...”); к автографу приложен один экземпляр машинописи; другие, очевидно, отправлены в какие-то инстанции. Письмо осталось без ответа. 14 мая 1931 г. Горький окончательно вернулся из Италии в СССР. Приезд Горького был ознаменован масштабными кампаниями; в сентябре на государственном уровне широко отмечалось сорокалетие литературной деятельности писателя.

Летом 1931 г. Горький много выступает в центральной печати с публицистическими статьями, встречается с молодыми писателями-ударниками, пишет всевозможные приветствия рабочим фабрик и заводов, проводит встречи с писателями и критиками; 12 июня принимает участие в работе пленума ЦК ВКП(б) и т. п. Безусловно, Горький был осведомлен о ситуации с публикацией “Впрок” Платонова, по крайней мере, листал “Правду”, где в мае–июле постоянно печатаются его публицистические статьи и где 18 июня напечатана статья журналиста В. Дятлова (см. далее прим. 1), выполненная в логике и стилистике горьковских высказываний в знаменитой статье “Если враг не сдается — его уничтожают” (1930). В статьях мая–июля 1931 г., опубликованных в “Правде” и “Известиях” (часто одновременно), Горький не раз выскажется в поддержку проводимой партией коллективизации и в целом идеологии реконструктивного периода (“Ответ интеллигенту”, “12 миллионов 838 тысяч хозяйств в колхозах”, “О литературе и прочем”, “Об антисемитах”, “О трудколониях ОГПУ” и др.).

- 1 Имеется в виду статья журналиста В. Дятлова “Больше внимания тактике классового врага” (Правда. 1931. 18 июня. С. 2. Введена в библиографию Е. Шубиной), в которой повесть Платонова прочитана в политическом контексте колхозной весны 1931 г.: закрытый процесс по делу Трудовой крестьянской партии, по которому проходили арестованные летом 1930 г. служившие в Наркомземе известные ученые-аграрники (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и др.); борьба с “правым” уклоном в колхозном движении; новая волна раскулачивания 1931 г., которая, как свидетельствуют документы (см.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. М., 2005. С. 270–350), по своему масштабу не уступала кампании раскулачивания рубежа 1929–1930 г., осужденной в известных статьях И. Сталина весны 1930 г. Именно в этом политическом контексте определял критик “Правды” феномен высказывания Платонова в повести “Впрок”: “Победно развивающееся наступление социализма по всему фронту, крупнейшие успехи генеральной линии партии вызывают бешеную злобу и отчаянное сопротивление со стороны наших классовых врагов. Формы сопротивления, тактика классового врага требует в себе пристального внимания и изучения, ибо «социальная мимикрия» классово враждебных элементов гибка и многообразна. Невнимание к этой быстро меняющейся под давлением все новых и новых побед социализма тактике классового врага приводит порою отдельные наши организации прямо к постыдным промахам. Кулак-кондратьевец вдруг получает воз-

мжность полным голосом изложить свое «кредо», например, со страниц... советской печати. В данном случае речь идет о «Красной нови», напечатавшей в третьей книге за этот год *«Бедняцкую хронику» Андрея Платонова*, под многозначимым заголовком «Впрок». В конце статьи была дана жесткая партийная оценка самому факту публикации повести «Впрок» в советской печати: «И с либеральным отношением к «проблеме беспартийности», непосредственно вытекающим из правооппортунистической «теории» затухания классовой борьбы на нынешнем этапе, должна вестись решительная борьба на всех участках строительства. Должна быть повышена пролетарская классовая бдительность и в советской художественной культуре. Больше внимания надо уделить изучению тактики и конкретных форм сопротивления классового врага».

- 2 В «Известиях» (3 июля) была напечатана статья А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» (с незначительными поправками перепечатана в журнале «Красная новь», № 5–6). Фадеев, подписавший к печати номер «Красной нови» с повестью Платонова, не скупился на политические оценки автора «Впрок»: «кулацкий агент», «уже несколько лет разгуливающий по страницам советских журналов в маске «душевного бедняка», простоватого, беззлобного, юродивого, безобидного, «усомнившегося Макара»»; «Повесть Платонова «Впрок» с чрезвычайной наглядностью демонстрирует все наиболее типичные свойства кулацкого агента самой последней формации — периода ликвидации кулачества как класса и является контрреволюционной по содержанию»; «Озлобленная маска классового врага вылезает из-под «душевной» маски. Платонов распоясывается»; «Омерзительно фальшивый кулацкий Иудушка Головле...» (Воспоминания. С. 273, 276–277) и т. п. Публикацию статьи Фадеева в журнале «Красная новь» сопровождало заключение «От редакции»: «Редакция присоединяется к оценкам «очерков» Платонова, данной в статье т. Фадеева, и считает грубой ошибкой напечатание их в «Красной нови»».
- 3 В журнале «На литературном посту» (1931. № 18. С. 22–27) была напечатана статья И. Макарьева «Клевета», также выполненная в погромной стилистике: «Кулацкий писатель», прикрывший свое «кулацкое нутро» вымышленными им героями — «идиотами, юродивыми, блаженными дураками» — и «юрдствующим философствованием»; «Наши кадры выглядят в свете «художества» Платонова как длинная галерея дураков и проходимцев, оторванных от действительности блаженных идиотов и перегибщиков. <...> Над борьбой партии с перегибами Платонов издевается, выдумывая «разгибы», «отжимы» и так далее. Оклеветана вся советская действительность» (Указ. соч. С. 26–27).
- 4 См.: «...в наши дни невозможно писать ни о чем, забывая главное, а главное — это непримиримая борьба классов, из которых один отжил свой век, другой — только что начинает жить» и живет и героически работает для того, чтобы завоевать весь мир» (*Горький М.* О трудколонирах ОГПУ // Правда. 1931. 14 июля. С. 2).

- 5 Платонов действительно быстро написал повесть весной 1930 г., используя не опубликованные к этому времени рассказы, были и очерки 1928–1929 гг. и монтируя их с новым рукописным текстом (см. динамическую транскрипцию автографа “Впрок”: Архив. С. 81–146. Публикация Н. Умрюхиной). См. также примеч. 1 к п. 151.
- 6 Переложение крылатого выражения: “Благими намерениями вымощена дорога в ад”.
- 7 Предложение (от “в печати...” и до конца) Горький подчеркнул красным карандашом. Практически во всех критических статьях 1931 г. на разные лады варьировалась тема “хитрого” классового врага в лице автора повести и его героев, тем самым как бы повышался политический и эстетический статус критика-разоблачителя, сумевшего сорвать маску с клеветника на советскую действительность: “...кулацкие агенты всё реже решаются выступить с открытым, ничем не замаскированным нападением на колхозное строительство. Они всё чаще принуждены надевать маску сочувствующих, «в общем и целом», но только сомневающих, колеблющихся. Они норовят прикинуться безобидными чудачками, юродивыми, которые режут «правду-матку», мучаясь и тревожась <...>. Они же — простые и прямые люди, они «способны ошибиться...» Всякий наблюдающий классовую борьбу в нашей деревне и участвующий в ней знает этот тип хитрого, пронырливого классового врага, знает, как часто пытается кулак надеть маску «душевного бедняка», заботящегося о народе. <...> Одним из кулацких агентов указанного типа является писатель А. Платонов” (Фадеев А. Указ. соч. С. 3). Наиболее концентрированное воплощение тема классового врага обрела в статье Макарьева: “Перед нами — *наглое выступление* классового врага. Но враг этот хитер и изворотлив. Он не везде говорит прямо, не везде выступает открыто. Он знает, что в наше время трудновато. И он скрывается за частоколом намеков, прикидывается болеющим за наше строительство простаком. <...> Классовый враг прикидывается «*душевным бедняком*», измученным заботой за всеобщую действительность <...>. Классовый враг хитренько объявляет себя «*дураком новой жизни*». С дурака, дескать, и спроса нет, если сболтну что не так! И обман удался. Замаскированное выступление классового врага (отноюдь не дурака, а ловкого и хитрого!) напечатано в советском журнале, да еще как «бедняцкая хроника»! Только излишней доверчивостью редакции можно объяснить, что ее так облапошили. Иначе объяснить нечем, *ибо никакими художественными достоинствами очерки Платонова не обладают*. Классовый враг может быть и талантливым художником. Здесь, к счастью, мы этого не видим. Все 40 страниц очерков — сплошное сухое, серое, скучное сукно! Убогий, с претензией на оригинальничание *юрдствующий язык* лесковских дьяконов, *вымученное и противостественное словосочетание*, словесное манерничество, фиглярство и кривляние, *абсолютное незнание быта и языка деревни* <...> — всё это говорит о том, что вылазка произведена хитрым, но малоталантливым представителем кулачества. Но тем более трудно найти оправда-

- ние для редакции «Красной нови», сделавшей совершенно недопустимую политическую ошибку, позволившей врагу использовать для клеветы на нас нашу же печать» (Указ. соч. С. 26–27).
- 8 Повесть читалась главными редакторами по крайней мере трех журналов — Ф. Панферовым («Октябрь»), В. Полонским («Новый мир») и А. Фадеевым («Красная новь»), а также редакторами 4-х издательств («Федерация», «Земля и фабрика», ОГИЗ, ГИХЛ).
- 9 Повесть начала читаться в редакциях летом 1930 г. Рецензенты подчеркивали, что книга написана «очень талантливо» (И. Сац), отмечали недостатки платоновского «наблюдателя», указывали на необходимость ее доработки (см.: Воспоминания. С. 282–285; Протокол заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы / статья и публикация Н. Умрюхиной // Архив. С. 600–619; Андрей Платонов в донесениях ОГПУ. С. 849–850). В ходе переработки первой редакции «Впрок» Платонов учел замечания читавших повесть редакторов и рецензентов: отказался от открывающего повесть текста «От составителя», переписал несколько эпизодов, снял фразы, вызывавшие вопросы и возражения (см. об этом: Андрей Платонов: «Меня убьет только прямое попадание по башке» / Публикация М. А. Платоновой. Подготовка текста и очерк творчества Н. В. Корниенко // Новый мир. 1993. № 4. С. 112–117).
- 10 Высокую оценку повести дал Я. З. Черняк, редактор отдела русской литературы издательства «Земля и фабрика», на обсуждении «Впрок» в октябре 1930 г.: «Новая вещь Платонова — бедняцкая хроника «Впрок», которую он предложил издательству, — представляет собою исключительно талантливое произведение, которое показывает нам строительство, колхозное движение в деревне, причем автор вырабатывает на протяжении многих лет свой стиль, свой особый метод в литературе, он пошел также путем соединения сатирических приемов с реальными показами действительности. Как он иллюстрирует эту хронику? Из каких углов он показывает колхозное строительство? Он взял человека, который как бы бродяга, он — душевный бедняк. Человек, который во всем сомневается. Ничему на слово не верит. Хочет сам во всем убедиться и во всем сомневается. Это — душевный бедняк. В один прекрасный день он отправляется с какого-то вокзала, в неизвестном направлении, по стране. И начинаются описания. В вагоне у него показана замечательная сцена со случайным попутчиком. <...> Путешествуя далее, он встречает различные типы. Описана замечательная встреча с кузнецами, где жили партизаны. Очень своеобразная история с лжебогом. Автор занятно показывает, как один из кузнецов перевел святого на сторону антирелигиозной пропаганды» (Протокол заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы // Архив. С. 601–602). Рекомендовал повесть к изданию и такой опытный редактор, как В. И. Соловьев (член редколлегии «Нового мира», редактор отдела прозы издательства «Федерация»): «Сквозь насмешку, а порой издевательство над головотяпами чувствуется любовь автора к тому грандиозному строительству,

11

которое происходит в деревне. <...> Книгу следует издать, поручив автору сгладить отдельные шероховатости и исключить редко, но встречающиеся эпизоды, построенные на беспринципном зубоскальстве” (Воспоминания. С. 283–284).

История с “Впрок” использовалась как один из аргументов в литературной борьбе 1931 г. как внутри РАППа, так и между различными писательскими группировками. 4 июля 1931 г. В. Полонский, один из последовательных оппонентов РАППа и ЛЕФа, записывает в дневнике: “Вчера статья А. Фадеева о повести Платонова «Впрок». Повесть он и печатал в «Красной нови». Повесть оказалась контрреволюционной. Когда рукопись эта была у меня, я говорил Платонову: «Не печатайте. Эта вещь контрреволюционна. Не надо печатать». Фадееву нужен был материал для журнала — он хотел поднять «Красную новь» до уровня, на котором она была «при Воронском». Ну, — взял, может быть, рассчитывал на шум в печати — поднимет интерес к журналу. Но «Впрок» прочитал Сталин — и возмущился. Написал (передает Соловьев) на рукописи: «Надо примерно наказать редакторов журнала, чтобы им это дело пошло “впрок”». На полях рукописи, по словам того же Соловьева, Сталин будто бы написал по адресу Платонова: «мерзавец», «негодяй», «гад» и т. п. Словом — скандал. В «Правде» была статья, буквально уничтожившая Платонова. А вчера сам Фадеев — еще резче, еще круче, буквально убийственная статья. Но, заклеив Платонова как кулацкого агента и т. п., — он ни звуком не обмолвился о том, что именно он, Фадеев, напечатал ее, уговорил Платонова напечатать. В статье он пишет: «Повесть рассчитана на коммунистов, которые пойдут на удочку...» и т. д. Кончает статью призывом к коммунистам, работающим в литературе, чтобы они «зорче смотрели за маневрами классового врага» и «давали ему своевременный и решительный большевистский отпор». Это всё превосходно — но ни звука о себе, о том, что он-то и попался на удочку, он-то и не оказался зорким и т. д. Это омерзительно — хочет нажиться даже на своем позоре” (Полонский В. “Моя борьба на литературном фронте”. Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Публикация, подготовка текста и комментарии С. В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 5. С. 140). При этом, являясь давним оппонентом РАППа и “Красной нови”, после того как журнал был захвачен рапповцами, тот же Полонский не преминул использовать идеологический промах журнала с публикацией “Впрок” в своем выступлении на дискуссии о творческом методе в сентябре 1931 г.: “Ему (журналу «Новый мир». — Н. К.) предъявлялись различные обвинения, он подвергался такой придирчивой <...> критике, как никакой журнал. И тем не менее «Новый мир» в последнее время дал ряд передовых произведений попутнической прозы. <...> Все это происходило в то время, когда другой журнал (речь идет о «Красной нови». — Н. К.) <...>, находившийся фактически в руках напостовцев, был на деле журналом, отражавшим правое реакционное крыло попутничества. Разве «Впрок» был напечатан в «Новом мире», а не в «Красной нови»?” (Новый мир. 1931. № 10. С. 149; Воспоминания. С. 272).

Дорогая Муся и киноспец Тотик! Пишу вам в поезде где-то около Пензы, сильно трясет. Здесь хорошие места — мелкие леса, степи, колхозы. В вагоне я прочитал справочник. От Нижнего до Самары ехать на пароходе немного больше 2-х суток. Стоимость проезда на жестком парох<одном> месте тебя и Тотки (двоих) не более 30 р<ублей> (по справочн<ику> руб<ля> 22). Из Нижнего пароход (ускор<енный>) уходит в 11 ч<асов> 30 м<инут> утра, а поезда из Москвы приходят: скор<ый> № 8 в 9 ч<асов> 20 м<инут> утра (но он не кажд<ый> день, справься), почт<овый> № 76 (кажд<ый> день) в 8 ч<асов> 45 м<инут> утра, т<ак> что можно с поезда успеть на пароход. Билеты на пароход постарайся взять в Москве, если можно. В Самаре буду сегодня 26/VIII в 12 ночи. Привет. Напишу еще. Ваш Андрей.

<Запись на правом поле> Стоимость проезда М<осква> — Нижний вас обоих — 25–28 р<ублей>.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 501. Почтовая карточка. Публикация Н. Корниенко.

Первое сохранившееся письмо из командировки Платонова в совхозы Средней Волги и Северного Кавказа. Поездка осуществлялась в рамках договора о сотрудничестве между правлением Всероссийского союза советских писателей и Всесоюзным государственным объединением мясных советских хозяйств “Скотовод”; сохранилось командировочное удостоверение Платонова, выполненное на бланке “Скотовода”, в котором отмечается, что “тов. Платонов, занимающий должность члена Общества Советских писателей-краеведов, командировается в Средневожжский край по совхозам” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6). Командировка должна была начаться 15 августа; судя по отметке в командировочном удостоверении, Платонов выехал из Москвы 16 августа.
.....

[159] М. А. и П. А. Платоновым

27 августа 1931 г. Самара

Самара, 27/VIII. Дорогие Муся и Тотик!

Приехал в Самару. Сейчас 7 ч <асов> утра. Пишу на почте. Ходил на Волгу, — мне она не понравилась здесь. Дон под Воронежем лучше. Город тоже средний, хуже Воронежа. Пароходы, как я узнал, ходят не очень регулярно по расписанию. Обо всем этом я напишу потом, когда устроюсь оседло и узнаю подробней. На станциях ночью верещат сверчки, сейчас с утра уже жарко, крупные мухи жужжат над нечистотами, — встает в памяти почему-то детство, летние долгие дни, прошедшее утро жизни, прошедшее навсегда. Если возможно будет, вы приедете. Я сейчас не уверен, что здесь хорошо, что вы не намучаетесь с поездкой. Если же я выясню, что поездка будет трудна, мучительна (я напр<имер>, ехал мучительно), то ехать не стоит. Об этом напишу завтра. Сейчас напишу в ГИХЛ, попробую, чтобы тебе оттуда передали деньжонок¹.

Как там Тот?

Твой Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 501. Почтовая карточка.
Публикация Н. Корниенко.

1 Письмо Платонова в ГИХЛ в настоящее время не выявлено. Судя по пометам в записной книжке 1931 г., 14 июня (т. е. сразу после начала кампании вокруг публикации “Впрок”) Платонов встречался с председателем правления ГИХЛа В. И. Соловьевым (см. его телефон в записной книжке: Записные книжки. С. 93). С ГИХЛом у Платонова к этому времени были заключены договоры на издание повестей “Впрок”, “Сокровенный человек” и пьесы “Дирижабль” (“Шарманка”). После истории с “Впрок” договоры были расторгнуты (см. примеч. 4 к п. 167).
.....

¹уехать (писал открытку потому, что нигде здесь и на почте нет конвертов, — сейчас, исписав открытку, достал у товарища из ОД радио²). Вообще на пароходы здесь, как говорят, можно достать билеты с обеспечением только на палубу, а жесткие — трудно, мягкие — еще трудней. М<ожет> б<ыть>, от Нижнего будет легче, поскольку пароходы, кажется, начинают свои рейсы оттуда. Все это надо иметь в виду заранее, чтобы потом не было огорчений. А лучше всего узнать — нельзя ли пароходные билеты от Нижнего купить в Москве.

Завтра к вечеру я буду в совхозе. Завтра же постараюсь узнать — можно приехать тебе или нет, и сообщу телеграммой или спешным.

Меня уполномоченный “Скотовода” просил поехать в Орск (за Оренбургом)³ — часов 20 езды на восток от Самары, в глушь южноуральских степей, но я пока отложил это дело. Я устал, далеко, вам, если придется, надо ехать по ж. д. от Москвы 3-е суток, а Ставрополь — пристань на Волге, и сам совхоз всего 7 килом<етров> от реки.

Значит, если я тебе сообщу, чтоб выезжала, тебе придется ехать:

- 1) Москва — Нижний по ж. д.
- 2) Нижний — Ставрополь на пароходе.

Ты не удивляйся, что я пишу тебе на разных листках, чернилами и карандашом⁴. У меня же нет нигде пристанища, всё время на ногах, очень утомился. Вчера вечером проезжал место крушения товарного поезда — мучительное впечатление.

Самара мне окончательно не нравится. Завтра утром выеду, ночью в клубе ОДР — один в жуткой, громадной, гулкой комнате.

Работаю по командировкам. Для ОДР кое-что уже сделал. Сейчас отправляю корреспонденцию⁵, организовал ударную бригаду из двух корреспондентов.

Муся, завтра я буду в совхозе, — туда нет железной дороги, пароходы идут медленно, долго, — протелеграфируй кратко, как Тотка, итак, здоровы, мол, все благополучно или — наоборот. Я беспокоюсь. Вдалеке хуже, острее чувствуешь. Муся, если б ты знала, как тяжело живут люди, но единственное спасение — социализм, и наш путь — путь строительства, путь темпов, — правильный.

Мой адрес тебе известен. Завтра напишу или протелеграфирую.

Обнимаю тебя, целую Тотика.

Андрей.

27/VIII, Самара, 5 ч<асов> вечера.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 502. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Отсутствует 1-й лист письма.
- 2 ОД радио — Общество друзей радио, общественная организация.
- 3 “Скотовод” — Всесоюзное государственное объединение. Платонов все-таки едет в Орск, о чем свидетельствуют записная книжка (см.: Записные книжки. С. 81–82, 352–353) и автограф записки о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1–4). Не исключено, что последний документ готовился для уполномоченного “Скотовода”. Записка составлена на основе увиденного во время данной командировки (в ней встречаются записи, датированные 20 августа) и представляет анализ состояния животноводства в контексте принятых в 1930–1931 гг. многочисленных постановлений о развитии животноводства, ветеринарного дела и мясной промышленности. Контрольные цифры по социалистической реконструкции животноводства и в целом народного хозяйства предстали в записке Платонова в далеком от официальных сводок виде: “Емелевский совхоз (Средняя Волга). 1) Хозрасчета нет. Рабочим ничего не разъясняют о значении хозрасчета. Соцсоревнование и ударничество отсутствуют. Сдельщиков нет, исключая транспорт в момент уборочных кампаний (Харитонов). Холмогорский племсовхоз № 10 на 20/VIII, план строительства выполнен на 15 %; невыполнение плана против намеченного свыше 30 %. Соцсоревнования и ударничества на строительстве не существует. Работают по старинке артелью <...> Северный Кавказский край. Совхоз “Свиновод” № 22. Социалистического строительства и ударничества тут нет. <...> Строительство выполнено на 25 % плана. Нет гвоздей. Нет железа и леса. Рабочком плох. Имеются случаи, что рабочие, не получая зарплат, уходят с работы. <...> Доярки из гуртов убежали, их догоняли верхами и заставляли рабо-

тать — имеются случаи самоубийства на этой почве. <...> По займу пятилетки рабочие подписались на 300 % <...> Утрата поголовья 85–90 %. Падеж прекратился до 1 %” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1–4). Подчеркнем, что этот текст составлен Платоновым через полтора месяца после его писем Сталину и в центральные газеты.

- 4 До этого предложения написано чернилами, далее — карандашом.
5 Материалы к корреспонденции о работе провинциальных ОДР см. в записной книжке (Записные книжки. С. 85–86). Зачеркнутые в записной книжке записи о работе ОДР в районах нижней Волги свидетельствуют об их использовании в каком-то тексте; среди неиспользованных — запись с народной оценкой ОДР: “Отношение к ОДР, как к забаве” (Там же. С. 86). Подготовленный и отправленный Платоновым текст в настоящее время не выявлен; возможно, он был написан для изданий ОДР — газеты “Радио в деревне” и журнала “Радиофронт”.

[161] В. П. Полонскому
8 декабря 1931 г. Москва

Вяч<еслав> Павлович.

Убедительно прошу решить 9-го вопрос с моей пьесой¹. Я больше едва ли что принесу, т<ак> к<ак> вы не хотите решать (редакция в целом)². Нужно решать. Если будет спор о мелочах, то я исправлю и улучшу спорные или сомнительные фразы.

С приветом
Андр. Платонов.
8/ХП.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 4. Датируется условно — по содержанию письма.

- 1 Речь, скорее всего, идет о пьесе “Объявление о смерти”, написанной Платоновым во второй половине 1931 г. и представленной литературному сообществу как текст, свидетельствующий об исправлении им политических ошибок, допущенных в повести “Впрок”. В ноябре В. П. Полонский находился в отпуске; 9 декабря, после возвращения из отпуска, он встречался в редакции “Нового мира” с К. Зелинским, к этому времени уже прочитавшим пьесу Платонова (см.: *Полонский В. Моя борьба на литературном фронте. Дневник. Май 1920 — январь 1932* / Публикация, подготовка текста и комментарии С. В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 6. С. 153); Андрей Платонов в донесениях

ОГПУ. С. 850–851; Воспоминания. С. 304). Ситуация вокруг “Нового мира” и его редактора была крайне тяжелой, Полонскому инкриминировались политические ошибки, допущенные им в редакционной политике журнала; литературная общественность ожидала отставки Полонского с поста главного редактора журнала; 17 декабря он был освобожден от занимаемой должности.

- 2 Публикаций Платонова в “Новом мире” в 1930 и 1931 гг. не было, хотя журнал анонсировал его имя среди своих авторов (см. примеч. 2 к п. 139).
.....

1932

.....

[162]   Вс. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

21 июля 1932 г. Москва

Глубокоуважаемый тов. Мейерхольд.

По просьбе Д. Л. Тальникова¹ посылаю Вам рукопись пьесы “Высокое напряжение”. Эта рукопись — один из 4-х вариантов.

Желательно, чтобы Вы ознакомились с пьесой² и возвратили ее мне в течение 3-х дней, т<ак> к<ак> после этого срока я уезжаю в командировку³.

С глуб<оким> уважением Андр. Платонов.

21/VII-32.

Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27,

А. П. Платонов.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2208. Л. 1.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940, репрессирован) — театральный режиссер, художественный руководитель Государственного театра им. Вс. Мейерхольда (ГосТиМ).

1 Тальников Давид Лазаревич (1882–1961) — литературный и театральный критик, в это время заведующий литературной частью Московского драматического театра (б. Корш). Телефон Тальникова имеется в записной книжке Платонова 1931 г. (см.: Записные книжки. С. 116). 5 июня 1932 г. на заседании худполитсовета театра прошло обсужде-

ние пьесы Платонова “Высокое напряжение”. Выступавшие, а это в основном были представители так называемой “рабочей критики”, инженеры и рабочие московских заводов, дали высокую оценку пьесе Платонова и рекомендовали ее к постановке (подробно см.: Борьба за постановку пьесы “Высокое напряжение”. Документы 1932 г. / статья и публикация Н. Корниенко // Страна философов, 2011. С. 610–618). Ко времени этой встречи с Платоновым Тальников уже был знаком с его прозой, положительно отзывался об опубликованном в “Новом мире” рассказе “Приключение”: “Язык Платонова — крепкий, сжатый, свежий, как и весь динамический стержень рассказа” (Тальников Д. Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1; републ.: Рожнецова Е. Печенеги в Чевенгуре // Страна философов, 2005. С. 558).

Выступление Тальникова на обсуждении в театре пьесы “Высокое напряжение” представляет, по сути дела, первое авторитетное суждение о специфике драматургического искусства Платонова: “Правильно было отмечено, что пьеса необычная. Она — пьеса условного реализма, не бытовая, но и не схематическая, что надо точно усвоить. Ее условные образы, вместе с тем реалистические, полны художественной типичности и значимости идеологической. Это пьеса идей, идеологических образов-знаков, социально обнаженных идей, показанных в экспрессионистическом напряжении. Идея основная пьесы — рабочий класс и интеллигенция в совместной товарищеской работе на строительстве социализма. Ведущую роль в пьесе имеет не Мешков, конечно, как думает Никифоров, а новый человек: он ведет жизнь через машину. Машина, высокое техническое напряжение строительства нашего — не есть обожествление вещи, — машины, а только утверждение воли человека — Крашениной, Пужаковых, Абраментовых, воли классового человека, воли класса к победе. 4-й акт надо изменить, в нем падает высокое напряжение всей пьесы. Пьеса дает целеустремленность. Пульт — это образ высокого напряжения всех наших путей, всего нашего строительства жизни, она дает пафос героики — отсюда ее идеологическое значение” (Страна философов, 2011. С. 618). Платонов продолжал встречаться и общаться с Тальниковым и позже, о чем свидетельствует адрес критика в записной книжке 1934 г., а также дарственные надписи на книгах “Река Потудань” (1937) — “Давиду Лазаревичу Тальникову — моему старшему товарищу и другу. Андр. Платонов. 29/IX 37 г. (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 10. Книга была передана Марии Александровне П. Трошкиным, которому ее подарил сын Тальникова); “Рассказы о Родине” (1943) — “Давиду Лазаревичу Тальникову — Вы меня узнали, когда я был никем не узнанным. Декабрь 1944. А. Платонов” (РГБ. Ф. 487. К. 36. Д. 10). Тальников высоко ценил новаторскую режиссуру Мейерхольда, однако не раз критиковал сценарную политику театра, особенно в части выбора современных пьес (“Клоп” В. Маяковского, “Выстрел” А. Безыменского, “Вступление” Ю. Германа и др.). О постановке “Клопа”: “Всё это первостепенная халтура, технически грамотная ввиду наличия опыта и всяких лабораторных возможностей театра Мейерхольда,

- но вполне отвечающая идейной и литературной халтурности пьесы. Впрочем, справедливость требует отметить, что спектакль как таковой, в своих заданиях сделанный опрятно и технически точно, все же выше самого материала пьесы” (Жизнь искусства. 1929. № 11. С. 10).
- 2 Ответ Мейерхольда не выявлен. С новым спектаклем к юбилею революции Гостим уже определился, в это время шла работа над сценарием по роману Ю. Германа “Вступление” (премьера состоялась 28 января 1933 г.). Тальников дал резко отрицательную оценку сценарию Германа: “Он [Мейерхольд] — один истинный творец и истинный актер своего театра, он и есть «театр Мейерхольда» даже при плохом выполнении и осуществлении его идей. В этом можно было лишний раз убедиться в настоящем сезоне на таком преплохом спектакле, как «Вступление». Пьеса — вернее, совершенно ничтожный сценарий, — никак не могла вдохновить Мейерхольда. Чувствовалось, что он увял здесь как-то, автоматически разрешал задачи своей постановки. Но стоит прослушать весь вечер из-за тех двух-трех моментов подлинного театрального искусства, по-настоящему высокоталантливых и острых озарений в этом спектакле, которые не так часто найдешь в чистых, гладких и примазанных спектаклях других театров” (Тальников Д. Драматургия Сухова-Кобылина и театр Мейерхольда // Театр и драматургия. 1933. № 4. С. 37).
- 3 С 26 июля по 13 августа Платонов находился в командировке в Ленинграде от треста “Росметровес”, где он в это время служил (см.: А. Платонов — инженер треста “Росметровес” / статья и публикация Е. Антоновой // Страна философов, 2000. С. 789).
- .....

[163] А. М. ГОРЬКОМУ

26 июля 1932 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

При этом посылается Вам моя пьеса “Высокое напряжение” и протокол рабочего худполитсовета театра б<ывшего> Корш”¹. Посылаемая рукопись — один из 4-х вариантов пьесы, на котором остановился театр, но этот вариант, по моему мнению, не самый лучший из 4-х, а лишь самый краткий².

Я не стал бы Вас затруднять своей просьбой о прочтении, если бы у меня оставался другой какой-либо выход. Но все пути мною испробованы. Они оказались безрезультатными благодаря моим прошлым крупным литературно-политическим ошибкам.

Теперь положение таково. Рабочие, члены худполитсовета, меня поддерживают³, а работники репертуарных

органов держат пьесу без ответа⁴, создавая этим атмосферу неясности, определенно отрицательным образом действующую на театр.

Люди, очевидно, не хотят брать на себя ответственности или не доверяют собственной квалификации. По-моему — они не хотят брать ответственности, и для меня ясно почему.

Дирекция театра также колеблется в таком положении. А пьесу театр желает ставить к Октябрю⁵, стало быть — времени нельзя терять ни одного дня.

Когда-то — в 1928 г. — Вы мне рекомендовали писать пьесы⁶. Я понял, что это правда, и написал их несколько. Я писал и пишу также прозу, т<ак> к<ак> убежден, что преодолею непрерывной работой свои ошибки.

Если Вы найдете, что в пьесе достоинства перекрывают ее недостатки, то я передам Вашу оценку в театр — и пьеса будет поставлена⁷.

Если Вы найдете, что пьеса плохая, то я сообщу об этом театру и возьму оттуда пьесу.

С глубоким уважением

Андр. Платонов.

26/VII-32.

Извините, что письмо написано карандашом — чернила расплываются на этой бумаге⁸.

Ваше мнение о пьесе желательно получить в письменном виде⁹, чтобы — в обоих случаях — театр поверил мне, как ему поступить.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 15, кв. 27.

А. П. Платонов.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 153. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-5.

1 Платонов отослал Горькому протокол обсуждения пьесы “Высокое напряжение” на заседании худполитсовета Московского драматического театра (б. Корш) от 5 июня 1932 г. (см. примеч. 1 к п. 162). В 1930 г. во всех театрах были созданы худполитсоветы, призванные решать главные идеологические задачи реконструктивного периода. Не только

театры брали шефство над заводами и фабриками, давали шефские спектакли, но и рабочие и инженеры заводов и фабрик наделялись высокими шефскими полномочиями. Так, шефом Ленинградского театра оперы и балета являлся Путиловский завод; МХТ — трамвайный парк, театра Революции — завод “Электросвет” и т. п. Худполитсоветы театров наделялись большими полномочиями — проводили чтение и “художественно-политический разбор” пьес, давали заключение о пьесе и ее рекомендации к постановке; участвовали в обсуждении репертуара театра и подготовке спектакля; были случаи, когда рабочий с завода, возглавивший худполитсовет театра, становился по совместительству заместителем директора театра и т. п. (информация дана по журналу “Рабис” за 1932 г.). Обсуждения пьес на худполитсоветах вошли в литературную и театральную жизнь, о них постоянно сообщала литературная и театральная пресса. В литературных кругах (и в печати) 1932 г. широко обсуждалось выступление Ю. Олеши на Всесоюзной конференции драматургов в Ленинграде (январь 1932 г.). Олеша дерзко заявил, что, несмотря на все обвинения критики в адрес его пьесы “Список благодеяний”, он считает себя пролетарским писателем и работает для пролетариата, а уверенность в этом ему дали рабочие ленинградского Путиловского завода: / “...критики ошибаются; пьеса великолепно чувствуется, смотрится хозяевами жизни. Хозяин жизни чрезвычайно радушен, чрезвычайно гостеприимен <...>. Вот когда я понял, что пишу для хозяина. Я получил глубочайшее удовлетворение, когда видел, как смотрят рабочие — хозяева жизни — эту пьесу. В результате у меня получилось глубокая, святая, музыкальная уверенность в том, что я пишу именно для пролетария, и эту уверенность во мне никто не разобьет” (Советский театр. 1932. № 3. С. 30). Для многих писателей апелляция к рабочему читателю оставалась едва ли не главным аргументом защиты написанных произведений.

- 2 Над пьесой “Высокое напряжение” Платонов начал работать летом 1931 г. — в разгар кампании вокруг “Впрок”; одна из ее первых редакций (“Объявление о смерти”) была завершена в конце 1931 г. Производственная пьеса предлагалась литературной общественности как зримый реальный материал, свидетельствующий о мировоззренческой перестройке писателя после ошибочной колхозной хроники “Впрок”. Платонов продолжал работать над пьесой все тридцатые годы (дописывал и переписывал отдельные эпизоды, вносил правку, давал новые названия), предлагал к изданию (пьеса даже включалась в планы издательств) и постановке (впервые опубликована в 1984 г.).
- 3 Рабочие и инженеры московских заводов поддерживали пьесу Платонова: “Вещь сильная, но необычная, и сразу захватить ее трудно, не в пример другим пьесам. Это — уже будущее, социализм. Для постановки трудна. Здесь не только люди, но и вещи играют (пульт). Удастся ли, хватит ли сил у театра осилить эту пьесу”; “Это первая из всех читанных нами пьес, которая всех заинтересовала, очень и очень хорошая.

В других театрах нет таких пьес о будущей технике и технической интеллигенции. Но нужно, чтобы лирика была и на заводе, не только в 1-м акте. Многие выражения пьесы сделаются крылатыми. Нужно смягчить немного ужаса (гробы, огонь). В пьесе не только конец 2-й пилитетки. У нас уже имеются кольца районных включений. Театр на этой пьесе только выиграет”; “Пьеса очень талантлива. 1-й акт превосходен. <...> Эта пьеса — настоящее острое талантливое искусство”. Идеологических пороков в пьесе пролетарии не выявили и, высказав ряд пожеланий присутствующему на обсуждении автору, единогласно рекомендовали пьесу к постановке в театре. К мнению рабочих и инженеров присоединились зав. литературной частью театра Д. Тальников, присутствующая на обсуждении прозаик А. Караваяева, а также Л. Леонов, приславший позже свой положительный отзыв, включенный в стенограмму.

- 4 Платонов регулярно отсылал пьесу в Репертком, но так и не получил решения к постановке.
- 5 Летом 1932 г. театры готовились к празднованию 15-летия Октябрьской революции. В марте газеты и театральные журналы печатают обращение Наркомпроса и Всероскомдрама — “Работникам искусств, драматургам, писателям и композиторам” — с призывом создать спектакли о героике социалистического строительства и рождении социалистического общества, сочетающие высокое художественное мастерство с “чистотой и непримиримостью большевистской идейности”: “...Театральная общественность представляет счет советской драматургии. До исторической даты XV годовщины остается немного. Первое июня — крайний срок представления пьес театрам для того, чтобы они могли увидеть свет в Октябрьские дни. Драматурги, писатели, композиторы, рабочие-ударники, призванные в литературу! <...> Страна ждет от вас не только деклараций и заявлений, но и в первую голову творческих художественных документов перестройки, готовности бороться бок о бок с рабочим классом под руководством ленинской партии за социалистическое общество (курсив наш. — Н. К.)” (Советский театр. 1932. № 3. С. 1; Рабис. № 7. 5 марта. С. 13). Летом (с 15 августа) в журнале “Рабис” вводятся рубрики “Хроника театра”, “Дневник театра”, “Театры к XV годовщине” с подробной информацией о том, как драматурги и театры готовятся к годовщине “мировой революции”, о новых пьесах и их обсуждении в театрах и т. п. Имя Платонова-драматурга, написавшего пьесу, отвечающую, кажется, всем канонам юбилейного драматургического текста, в этих рубриках не выявлено.
- 6 Горький рекомендовал Платонову писать пьесы осенью 1929 г.; см. примеч. к п. 141.
- 7 Судя по информации “Рабиса”, с репертуаром к юбилею революции у театра всё было не просто. Только в сентябре театр приступил к обсуждению пьесы Н. Равича “Чай”, пока лишь намеченной в качестве октябрьской постановки (см.: Театры к XV годовщине Октября // Рабис. № 26. 15 сентября. Задняя обложка), однако юбилейным спекта-

клем театра стала одноименная пьеса по повести В. Катаева “Время, вперед” (см.: Парад советского искусства // Вечерняя Москва. 1932. 9 ноября. С. 3). По воспоминаниям режиссера театра Л. Волкова, эту пьесу театр получил только 15 сентября и объявил “эту постановку ударной” (Волков Л. Подлинная героика соцстройки // Рабис. 1932. 30 нояб. С. 9). Не исключено, что задержка с выбором юбилейного спектакля связана с тем, что в планах театра оставалась постановка пьесы Платонова. Очевидно, положительному решению не помогла даже рекомендация Горького (см. ниже примеч. 9).

- 8 Платонов писал в основном карандашом, в редких случаях (письма, официальные бумаги, некоторые беловые автографы небольших по размеру текстов) — ручкой. Желто-серая бумага, на которой выполнено письмо, среднего качества, но вполне пригодна для написания чернилами. Скорее всего, Платонов писал письмо карандашом (сохранившиеся черновики писем Сталину, Горькому, в государственные инстанции выполнены карандашом), текст получился без правки, и он не стал его переписывать чернилами.
- 9 Горький никак не отозвался на присланные Платоновым вместе с пьесой суждения московских инженеров и рабочих о “Высоком напряжении”, хотя и использовал некоторые их замечания в письме Платонову от 26 июля: “Уверенно судить о достоинствах вашей пьесы мешает мне плохое знание среды и отношений, изображенных вами. А рассматривая пьесу с ее литературной, формальной стороны, нахожу ее своеобразной, интересной и достойной сцены. Недостатками являются: обилие монологов, покойники и гроба на сцене, слишком аллегорически назойливо сделанный Мешков с его «самоубийством», которое у вас похоже на «жертвенный отказ индивидуалиста от самого себя». Забыл сказать: очень хороший язык” (ЛН, 1963. С. 314).

---

[164] М. Э. Козакову
12 августа 1932 г. Москва

Глубокоуважаемый тов. Козаков!

При этом посылаю вам рукопись пьесы “Высокое напряжение”¹ и рассказ “Русский воин”² — для напечатания в журн<але> “Ленинград”. Здесь же прилагаю отзыв (копию) А. М. Горького о пьесе³. Должен сказать, что пьесу я писал — по просьбе театра — в 4-х вариантах. Тот вариант, который читал А. М. Горький, — это театральный вариант: он короче и проще. Вам же я посылаю более развитой вариант и прошу печатать пьесу именно в таком виде. Тов. Лаврухин⁴ знает, в чем дело.

Всего хорошего. Благодарю вас за дружественное отношение.

12/VIII 32. Андр. Платонов.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27.

.....

Впервые: Волга, 1989. № 8. С. 164–165. Публикация Е. Литвин. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 189.

Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — писатель, активный участник литературной жизни Ленинграда 1920–1930 гг.: член редколлегии журналов “Ленинград” (1930–1932) и “Литературный современник” (1933–1941), правления “Издательства писателей в Ленинграде”; входил в оргкомитет Ленинградского отделения Союза советских писателей, созданного в 1932 г. Журнал “Ленинград” анонсировал публикацию произведений Платонова в 9 и 10/11 номерах за 1932 г., “Литературный современник” — с 1 по 10 номер 1933 г., однако публикации не состоялись. Платонов дал уничижительную оценку художественному уровню произведений Козакова в рецензии на его пьесу “Чекисты” (1938). Пьеса посвящена контрреволюционному заговору 1921 г. в Петрограде, среди участников которого в пьесе фигурируют Н. Гумилев (расстрелян в 1922 г.), З. Гиппиус (в эмиграции с 1922 г.), Н. Клюев (в ГУЛАГе с 1934 г.) и А. Ахматова (в ГУЛАГе сын); журнал “Литературное обозрение” отказался от публикации рецензии Платонова (подробно см.: Воспоминания. С. 353–357).

- 1 В “Ленинграде”, а затем и в “Литературном современном” печатались пьесы, однако от публикации “Высокого напряжения” журнал отказался.
- 2 Рассказ Платонова “Русский воин” анонсировался в 9 номере журнала “Ленинград” среди публикаций журнала “Литературный современник” на 1933 год (см.: Ленинград. 1932. № 9. Задняя обложка).
- 3 Речь идет о письме М. Горького Платонову, см. примеч. к п. 163.
- 4 Лаврухин Дмитрий Исаевич (1897–1939) — писатель из рабочих. До 1917 г. — слесарь на Балтийском, Шлиссельбургском и др. заводах Петербурга; в августе 1930 г. принят в Ленинградское отделение ВССП, в декабре 1930 г. — в РАПП (до этого входил в группу “Кузница”); член редколлегии ленинградских журналов “Резец” и “Ленинград”; автор повестей о рабочем классе (“Повесть в очерках”, “По следам героя”, 1930) и рассказов на темы современного быта (“Речь по поводу”, 1931 — в “Издательстве писателей в Ленинграде”). В мае 1932 г. Платонов был в Ленинграде в командировке от “Известий” и, очевидно, встречался с Д. Н. Лаврухиным. Лаврухин курировал работу литературных групп ленинградских заводов, и поэтому его могла заинтересовать как история создания пьесы “Высокое напряжение” (материалом пьесы послужили события на Ленинградском металлическом заводе им. Сталина в 1930 г.), так и оценка пьесы

Платонова московскими инженерами и рабочими (см. рецензию на творчество Д. Лаврухина, написанную членом литературной группы завода им. Сталина, входившим в редколлегию “Ленинграда”: *Никольский А.* Заметки о творчестве Д. Лаврухина // Ленинград. 1932. № 1). В редколлегию журнала “Литературный современник” Лаврухин уже не вошел.

[165]

П. А. ПАВЛЕНКО

12 августа 1932 г. Москва

Тов. Павленко, Петр Андреевич!

Вот всё посылаю тебе — как мы договорились¹. Ответ нужно получить максимум к 15/VIII. Ответ — разрешение облреперткома (т. Залесского²) на постановку пьесы в 15-ю годовщину Октября³. Срочность разрешения нужна для театра, т<ак> к<ак> у него и так не хватит времени на подготовку пьесы⁴. Если дело будет касаться изменения фраз, то не надо задерживать — я переработаю и улучшу отдельные места. С прив<етом> А. Платонов. 12/VIII.
.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2011. С. 618–619. Публикация Н. Корниенко.

Платонов был знаком с П. А. Павленко с 1928 г., однако отношения не сложились. Павленко председательствовал на вечере Платонова в ВССП 1 февраля 1932 г. и, как свидетельствует стенограмма вечера, неплохо ориентировался в ситуации, сложившейся вокруг Платонова после публикации “Впрок” (см.: Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова // Воспоминания. С. 293–294, 307–308). После постановления “О перестройке литературно-художественных организаций” (от 23 апреля 1932 г.) статус Павленко в литературной жизни только укрепился и повысился: он включен в оргкомитет Союза советских писателей, принимает активное участие в самых разных мероприятиях 1932–1933 гг. В 1933 г. в редактируемом Павленко журнале “30 дней” печатается рассказ Платонова “Любовь к дальнему”; от публикации других рассказов Павленко откажется. В 1934 г. Павленко выступит рецензентом рассказа Платонова “Стройматериалы и оборудование”; рассказ представляет собой переработанный фрагмент повести “Ювенильное море”: “Рассказ полон графомании, написан — с начала до конца — с издевкой. Можно напечатать в известиях Психоневрологического института — и нигде больше. Я против категорически” (ГЛМ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 9 об.).

- 1 Речь идет о пьесе “Высокое напряжение”, эта пьеса под другим названием (“Объявление о смерти”) фигурировала на вечере Платонова в ВССП (см. примеч. 2 к п. 188). Очевидно, Платонов также передал Павленко и протокол худполитсовета театра (см. примеч. 1 к п. 163).
- 2 Залесский Виктор Феофанович (1901–1963) — театральный критик, один из руководителей Всероскомдрама; в 1931–1932 гг. — член редколлегии “Литературной газеты”, в 1932 г. — зам. директора МХАТ-2; печатался в журналах “На литературном посту”, “Рабис”, “Литературной газете”. Заключение облреперткома в настоящее время не выявлено.
- 3 См. примеч. 5 к п. 163.
- 4 См. примеч. 7 к п. 163.

[166] И. В. Сталину

Сентябрь–октябрь 1932 г. Москва

ТОВАРИЩ СТАЛИН.

Полтора года тому назад я написал вам письмо, касающееся моей повести “Впрок”, напечатанной в “Красной нови”¹.

Теперь я обращаюсь к Вам по другому вопросу. Занятый работой в том направлении, о котором я писал Вам в первом письме, я между прочим написал небольшую пьесу “Высокое напряжение”. При этом прилагаю копию протокола худполитсовета театра б. Корш, где эта пьеса заслуживалась². Откровенно вам скажу, что я заинтересован в постановке этой пьесы, т<ак> к<ак> она дала бы мне средства для жизни, чтобы продолжать работу над основными рукописями, о характере которых я вам писал в первом письме.

Несмотря на положительную оценку пьесы театром и группой рабочих (худполитсовет), пьесу фактически не разрешили к постановке.

Далее моя просьба, наверное, вызовет у вас улыбку. Эта просьба действительно имеет комический и одиозный характер — я это сознаю. Я вас прошу дать указание о постановке моей пьесы.

Вы можете сказать: при чем же тут Сталин. — Для этого есть у нас соответствующие органы, туда и обратитесь.

Я обращался всюду, я никогда не отнял бы у вас времени этим письмом, если бы у меня был другой выход. Дело в том, что история с “Впроком” стала известна достаточно широко в литературных кругах. История эта мрачна для меня, и она имеет такие подробности (не могу судить, сколько в них правды и сплетни), что я никогда уже не выкарабкаюсь к литературной общественной работе.

При деловых отношениях со мной люди всегда вспоминают “Впрок” и то, что вами эта вещь оценена резко отрицательно (литераторам и это известно в подробностях).

Коротко говоря, никто никогда теперь не решится опубликовать что-либо, написанное мною, поскольку существует убеждение, что вы относитесь ко мне отрицательно. Только я один не думаю этого, потому что я отделил себя от “Впрока” и от других своих ошибочных произведений. Кроме того, глупо представлять вас в положении человека, “ненавидящего Платонова”. Это значит вовсе не знать вас даже в своем воображении.

Таково мое мнение, но оно не имеет никакой силы.

Можно это письмо понять как бестактность с моей стороны. Нет, несмотря на кажущуюся его юмористичность или бестактность — когда я прошу у вас, руководителя всемирного рабочего движения, содействия к разрешению какой-то пьесы, — письмо вызвано действительной безвыходностью моего положения, абсолютной невозможностью обойтись без вашей помощи.

Каково бы ни было ваше суждение, я прошу Вас сообщить мне его непосредственно по почте, если вы найдете нужным, вообще ответить мне как-либо. Через литераторов отвечать, по-моему, нецелесообразно, потому что в случае отрицательного ответа мое положение ухудшится до крайних пределов, сверх возможности его терпеть одним человеческим сердцем.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2011. С. 619–620. Черновой автограф. Публикация Н. Корниенко. Датируется условно — по содержанию письма — осенью 1932 г.

- 1 См. п. 151.
- 2 О протоколе заседания худполитсовета театра см. прим. 2 к п. 162, примеч. 3 к п. 163. В протоколе содержались важные для объяснения со Сталиным аргументы. Рабочие и инженеры не просто поддержали пьесу Платонова, но отметили, что в пьесе нашли отражение “шесть новых условий” хозяйствования, сформулированных Сталиным в его речи на совещании хозяйственников (23 июня; опубл. в газете “Правда” 5 июля 1931 г.).
.....

1933

.....

[167]

М. Э. Козакову

5 марта 1933 г. Москва

Уважаемый товарищ Козаков!

Мне сказали, что облит¹ не пропустил рассказ “Русский воин”², прошу поэтому возвратить рукопись мне. Но я должен заявить Вам как редактору, что считаю поступок облита неправильным. Вы сами знаете, что в рассказе не было идеологических ошибок. Я просто не знаю, что делать, т<ак> к<ак> я еще написал многое — совершенно полезное с точки зрения идеологии, — и все равно политредактора снимают.

Через месяц-полтора я буду в Ленинграде³ и представлю небольшой роман (листов 8–10)⁴, в исполнение своего прошлого договора с “И<здательством> п<исателей> в Л<енингра>де”⁵. Думаю, что эта рукопись должна быть пропущена обязательно, конечно, если ко мне будут относиться без особой предвзятости.

Привет тов. Лаврухину. С тов. уважением
Андр. Платонов.

5/III 33.

Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27.

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 453. Ед. хр. 437. Разыскание Т. Кукушкиной.

- 1 Облит — областное отделение Главлита (Главное управление по делам литературы и издательств); создано в 1922 г., объединяло все виды цензуры и выдавало разрешение на право публикации произведений.
- 2 См. примеч. 2 к п. 164. Заполняя 11 февраля 1933 г. анкету группкома Московского товарищества писателей, Платонов указал рассказ “Русский воин” в графе произведений, принятых к печати (см.: Воспоминания. С. 318). Очевидно, имеется в виду именно журнал “Литературный современник”.
- 3 Речь идет о командировке в Ленинград от треста “Росметровес”, где Платонов служит с 29 мая 1932 г. Согласно приказам начальника треста от 29 мая и 11 июня 1933 г., “помощник главного инженера Платонов А. П.” с 28 мая по 4 июня находился в служебной командировке на Ленинградском заводе по производству подшипников (см.: А. Платонов — инженер треста “Росметровес” / статья и публикация Е. Антоновой // Страна философов, 2000. С. 790).
- 4 Роман, о котором идет речь в письме, это, скорее всего “Технический роман”. 31 июля 1933 г. Платонов подписал соглашение с издательством “Художественная литература”, по которому “в связи с расторжением автором издательских договоров от 1930 и 1931 г. за №№ 1693, 1917, 1970 на рукописи «Впрок», «Сокровенный человек» и «Дирижабль» автор представляет исключительные права на издание и переиздание авторского труда под названием «Технический роман»; срок представления — 1 октября 1933 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7). “Технический роман” включен в первые варианты тематического плана издательства на 1934 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 31, 162). До нас дошла только 1-я часть романа (“Хлеб и чтение”); впервые в сокращении опубликована в 1991 г. (см.: Платонов А. Технический роман / предисловие, составление, публикация В. Шенталинского. М., 1991), полностью — в 2000 г. (см.: Страна философов, 2000. Публикация В. Гончарова и Н. Корниенко).
- 5 Судя по сохранившемуся договору с “Издательством писателей в Ленинграде” (№ 424), Платонов 16 мая 1932 г. подписал с издательством договор на повесть “Степное дело” (один из вариантов названия повести “Ювенильное море” / “Море юности”): сроки представления — 25 мая 1932 г., объем произведения — 6 п. л. От издательства договор подписал заведующий издательством С. М. Алянский (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7). В настоящее время никакими документальными источниками о прохождении повести в “Издательстве писателей в Ленинграде” не располагаем. Судя по письму, Платонов уже знал об отказе издательства от публикации повести и предлагал новое произведение — “Технический роман”. Однако от этого предложения издательство также откажется. Имени Платонова нет в планах издательства на 1934 г. (см.: Издательство писателей в Ленинграде. Редакционный тематический план на 1934 г. Проект. Л., 1934).

.....

[168] М. Э. Козакову
25 марта 1933 г. Москва

Уважаемый тов. Козаков!

Я Вас просил возвратить мне рукопись рассказа “Русский воин” (“Кубы с горячей водой для воинских команд”)¹. Еще раз прошу Вас поручить канцелярии сделать это.

С тов. приветом
Андр. Платонов.

25/III 33.

.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 453. Разыскание Т. А. Кукушкиной.

Дата и характер письма (записка) могут свидетельствовать, что Платонов в это время был в Ленинграде и оставил записку в редакции журнала (с 7 марта по 9 апреля инженер треста “Росметрорес” Платонов находился в очередном отпуске).

- 1 Неизвестно, была ли машинопись рассказа возвращена писателю. В мае 1933 г. Платонов передал рассказ “Русский воин” в воронежский журнал “Подъем” (см. письмо ответственного секретаря журнала Б. Пескова Платонову от 27 мая 1933 г.; РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 15), однако и эта попытка не увенчалась успехом. В настоящее время текст рассказа не разыскан.

.....

[169] А. М. Горькому
23 мая 1933 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Прошу Вас назначить мне время и место для свидания с Вами¹, если Вы, конечно, ничего не имеете против этого.

Время, которое я у Вас займу, будет коротким. Предмет, о котором я хочу с Вами посоветоваться, касается вопроса, могу ли я быть советским писателем или это объективно невозможно².

Обычно я сам справляюсь со своей бедой и выхожу из трудностей, но бывают случаи, когда это делается немыслимым, несмотря на крайние усилия, когда труд и дол-

гое терпение приводят не к их естественному результату, а к безвыходному положению.

Андрей Платонов.

23/v-33.

Адрес: Москва, 9, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

А. Платонов.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 180. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-6.

- 1 17 мая “Литературная газета” (с. 1) сообщила о возвращении Горького в СССР; 18 мая в Конотопе Горького встречает делегация оргкомитета ССП (Вс. Иванов, Ф. Панферов, Л. Леонов, П. Павленко), которая сопровождала его до Москвы; 19 мая “любимого пролетарского писателя” встречали на Брянском вокзале “представители партийных, советских и общественных организаций, писатели, артисты, представители советской печати” (Правда. 1933. 20 мая. С. 1). Несмотря на воспаление легких, Горький в мае–июне отвечает на письма, выступает в печати, встречается с писателями (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 4. 1930–1936. М., 1960. С. 297–304).
- 2 С начала 1933 г. шла интенсивная подготовка к Первому всесоюзному съезду советских писателей: открывались новые писательские проекты; объявлялись конкурсы; при оргкомитете формировались различные комиссии; проходили литературные вечера; президиум оргкомитета готовил повестку съезда, открытие которого было назначено на 20 июня (см.: В оргкомитете // ЛГ. 5 апреля. С. 1). Имя Платонова не встречается ни в одном из этих проектов литературной жизни начала 1933 г., о которых регулярно сообщала “Литературная газета”; все его попытки опубликовать новые произведения закончились неудачей.

.....

[169А] А. М. ГОРЬКОМУ

12 июля 1933 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Месяц тому назад я Вам послал по почте письмо, в котором просил разрешения увидеться с Вами, чтобы поговорить о своей литературной работе¹.

Письмо либо не дошло до Вас, либо Вы не имеете времени — что понятно каждому. Сейчас я посылаю Вам свою небольшую рукопись, с просьбой прочитать ее и на-

править куда-либо для напечатания² (в один из журналов или — в “Год шестнадцатый”³), или же, если рукопись Вы найдете недостойной для напечатания, возвратить мне.

Дело в том, что без Вашей помощи, и только Вашей, я ничего не смогу напечатать. При других обстоятельствах я бы не стал Вас затруднять.

Искренне преданный Вам

Андр. Платонов.

12/VII 33.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 36. Л. 1.

Письмо, скорее всего, не было отправлено, на что указывает его отсутствие в АГ.

1 См. п. 169.

2 Точно неизвестно, о каком произведении идет речь.

3 “Год шестнадцатый” — литературно-художественный и общественно-политический альманах, основанный М. Горьким. В состав редколлегии входили М. Горький, Л. Авербах, Е. Габрилович, В. Емилов, Вс. Иванов, В. Кирпотин, П. Павленко, Н. Тихонов, А. Фадеев. Название альманаха обозначало годовщину Октябрьской революции: № 1 альманаха “Год шестнадцатый” вышел в 1933 г., на шестнадцатом году революции; № 2 альманаха “Год шестнадцатый” — в начале 1934 г. Весь 1933 год Платонов пытается наладить отношения с новым изданием. Как свидетельствуют документы фонда альманаха, осенью 1933 г. в редакции находились пьеса “Высокое напряжение” и “Технический роман”. Оба произведения рецензировались критиком В. Емиловым. Пьеса в целом получила положительную оценку и рекомендацию к печати с условием, что автор исправит образ инженера Абраментова (“Только невозможно, чтобы Абраментов был бывшим белогвардейцем — это необходимо автору изменить”); роман не был рекомендован к печати в альманахе и по формальным причинам (была представлена 1-я часть, “Хлеб и чтение”), но главным образом — по идеологическим: “...пока же ничего принципиально нового в повести Платонова нет, ее попрежнему населяют печальные юроды и неправдоподобные чудачки, действительность гражданской войны и начала нэпа предстает весьма мрачной, в этой действительности не существует главное — коммунистическая партия, ее представляют глуповатые, хотя и с большим запасом эмоциональности, странные юродствующие чудачки” (РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 235, 238). В финансовых документах фонда редколлегии отложилась информация о выплате Платонову гонорара в 1000 рублей за публикацию в № 2 альманаха “Год шестнадцатый” (документ датирован 23 августа

Глубокоуважаемый Алексей
Максимович!

Месяц тому назад я Вам послал
по почте письмо, в котором просил разрешения
увидеться с Вами, чтобы поговорить
о своей литературной работе.

Письмо либо не дошло до Вас, либо
Вы не имеете времени — это понятно каж-
дому. Сейчас я посылаю Вам свою небольшую
рукопись, с просьбой прочитать ее и
направить куда-либо для напечатания
(в один из журналов или — в „Год шестнадца-
той“), или же, если рукопись Вы найдете
недостойной для напечатания, вернуть мне.

Дело в том, что без Вашей помощи,
и только Вашей, я ничего не смогу напечатать.
При других обстоятельствах я бы не стал
Вас затруднять.

Искренне преданный Вам

12/IV 33. Андр. Платонов.

Адрес: Москва, Тверской Бульв., д. 25, кв. 27.

1933 г.) и ведомость, в которой в графе “Списать” значится А. Платонов с указанной выше суммой (см.: РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–2).

.....

[170]

А. М. ГОРЬКОМУ

13 июля 1933 г. Москва

Алексей Максимович!

В статье своей “О кочке и точке” Вы, между прочим, написали: “Вот сейчас под Москвой строятся бараки для тысяч рабочих по каналу Москва — Волга. Эти тысячи разнообразных людей — прекрасный материал для изучения. Я не уверен, что кто-либо из «собратьев по перу» обратит внимание на этот богатейший материал”¹.

Должен Вам сообщить, что недели две-три назад я написал об этом т. Авербаху². Написал в том смысле, чтобы мне была дана возможность изучить Беломорстрой или Москва — Волгу и написать об этом книгу³. Я бы, конечно, возможности этой не просил (кому у нас она запрещена?), а сам бы “взял” ее, если бы хотя бы некоторые мои рукописи печатались и я имел бы средства к существованию. Интерес к таким событиям у меня родился не “две недели назад”, а гораздо раньше. Больше того — несколько лет тому назад я сам был начинателем и исполнителем подобных дел⁴ (подобных — не по масштабу и не в педагогическом отношении, конечно).

Цель настоящего письма — вовсе не оспаривать Вашего правильного, вообще говоря, мнения о “собратьях по перу”, а попросить Вас, чтобы мне была дана возможность исполнить эту работу через “Историю заводов”⁵ или еще как-либо.

Глубоко уважающий Вас

Андр. Платонов.

13/VII-33.

Адрес: Москва, 9, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27,

А. Платонову.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 180–181. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-9.

- 1 Статья Горького “О кочке и точке” (Известия. 1933. 10 июля) посвящена теме создания “второй природы” и ее отражению в советской литературе. Горький упрекал писателей в равнодушии в отношении к великим стройкам, инженерным работам и научным открытиям, сетовал, что многие актуальные темы, “будучи взяты наскоро, поверхностно, скомпрометированы, то есть испорчены”.
- 2 Письмо к Л. Авербаху не выявлено. После роспуска РАППа Горький приблизил к себе бывшего ее генерального секретаря; в 1932–1934 гг. Авербах входил в ближайший круг общения Горького, занимался организацией работы над проектами горьковских коллективных изданий и подготовкой к писательскому съезду (см.: Горький и Л. Авербах. Неизвестная переписка / вступительная статья, подготовка текста и примечания О. В. Быстровой // Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 564–578). В начале июня президиумом оргкомитета было принято решение об отсрочке писательского съезда до осени, о создании писательских бригад и их отправке на предприятия Москвы и в другие регионы страны (см.: Лето на подготовку к съезду // ЛГ. 5 июня. С. 1; Литературные факты // Там же. 11 июня. С. 4); 11 июля сообщается о встрече группы писателей с Горьким и его пожеланиях по подготовке съезда (В оргкомитете // Там же. 11 июля. С. 4). Съезд сначала был назначен на 10 сентября, затем перенесен на следующий год.
- 3 Скорее всего, Платонов был знаком с очерками В. Шкловского, написанными в результате его поездки на строительство Беломорско-Балтийского канала (см.: *Шкловский В.* Беломорстрой. От нашего специального корреспондента // Вечерняя Москва. 1932. 2, 9 ноября. С. 3). В конце июня 1933 г. группа писателей (Авербах, Афиногенов, Корабельников) была делегирована на Беломорстрой, в поездке их сопровождал заместитель начальника ГУЛАГа С. Фирин (см.: Горький и Л. Авербах. С. 648). Л. Авербах входил в оргкомитет по организации поездки писателей на Беломорско-Балтийский Канал. “Писательская экскурсия” в столицу ГУЛАГа началась 17 августа (Писатели и Беломорстрой // ЛГ. 17 августа. С. 4); 29 августа “литературный поезд” вернулся в Москву (Там же. 29 августа. С. 4) и участники поездки приступили к созданию масштабного коллективного труда “Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг.”, который выйдет (под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирин) в 1934 г. — к двум историческим событиям: XVII съезду ВКП(б) и Первому всесоюзному съезду советских писателей.
- 4 Имеются в виду общественно-мелиоративные работы в Воронежской области 1924–1925 гг., которые проводил Платонов. Горький вспомнил Платонова в письме Авербаху от 22 февраля 1933 г. при обсуждении новых тем для советской литературы: “Хорошо бы Вы сделали, прочитав доклад о новых темах. Кстати, в рассказе Платонова «Епи-

фанские шлюзы» задушен англичанин-инженер. Есть еще рассказы об иностранцах, погибших в российской тьме болотной. Может быть, эта тема достаточно «использована» (Горький и Л. Авербах. С. 615); в ответном письме Авербах никак не прореагировал на упоминание имени автора «Епифанских шлюзов» и «Усомнившегося Макара».

- 5 С 1931 г. по инициативе Горького при государственных издательствах создавались специальные редакции («История фабрик и заводов», «Две пятилетки»), призванные объединить писателей в работе над книгами об исторических достижениях СССР. В июне 1933 г. в издательстве «История заводов» вышел 1-й том этой серии — «Люди Сталинградского тракторного» (с предисловием Горького). Горький являлся одним из главных руководителей политической редакции и редакционного совета новых редакций, Авербах — секретарем редакции и главным редактором выходившего в 1932–1933 гг. информационного бюллетеня «История заводов: Сборники».

Письмо Платонова осталось без ответа, однако не исключено, что не без содействия Горького, много общавшегося в это время с Авербахом, Платонову была назначена встреча с Авербахом. Скупая информация о возможности подобной встречи содержится в записях Платонова на обороте письма Б. Пескова от 27 мая 1933 г.: «История Заводов // Авербах // 15-90-40 // 39751 // Авербах // 31/VIII // 4–6 ч. дня» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 15 об.). Т. е. встреча планировалась на 31 августа — на время после возвращения писателей с Беломорско-Балтийского канала. В донесении осведомителя от 20 октября имеется следующая информация: «Л. АВЕРБАХ познакомил Платонова с ФИРИНЫМ и они сейчас ведут переговоры о работе Платонова на Беломорско-Балтийском Канале, где он хочет реализовать интересный проект...» (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 853).

[171] А. М. ГОРЬКОМУ

20 сентября 1933 г. Москва

Алексей Максимович!

В начале лета я написал Вам письмо¹. Это письмо, наверно, до Вас не дошло — Вы мне не ответили.

Прошу Вас, как председателя Оргкомитета писателей Совет<ского> Союза², помочь мне, чтобы я мог заниматься литературой. Меня не печатают 2¹/₂ года. Все это время я, однако, усиленно писал. Но мои рукописи отклонялись и отклоняются, — отчасти потому, что я действительно не вышел еще из омраченного сознания, отчасти — автоматически³. При этом никто никогда со мной не гово-

рит теперь — в чем именно порочность моих сочинений, так что я работаю как в запертом сундуке. Вся причина этого положения — опубликование “Впрока” 2¹/₂ года тому назад.

Я прошу Вас, если Вы не считаете нужным поставить на мне крест, оказать мне содействие. Мне оно нужно, чтобы я мог физически жить дальше и работать. Это содействие в наиболее легкой и достойной форме можно осуществить следующим образом.

Во-первых, ставится хотя бы в небольшом театре (напр<имер>, Завадского⁴) моя пьеса “Высокое напряжение” (Вы ее читали в прош<лом> году, причем оценка Ваша сводилась к тому, что пьеса эта достойна сцены⁵; пьеса получила также весьма положительные отзывы коллектива рабочих — худож<ественного> совета — театра б<ывшего> Корш и актерской труппы⁶).

Во-вторых, переиздается одна моя книжка рассказов и повестей (произведения идеологически уже апробированные). Сейчас довольно много переиздают книги, только меня переиздавать никто не станет.

Мне это нужно не для “славы”, а для возможности дальнейшего существования. Существование же мне нужно для того, что я еще буду полезным работником в советской литературе (мне 33 года, все, что я написал до сих пор, — 100 листов прозы — лишь подготовительная по существу работа, ученическая или ошибочная по своему качеству).

Прошу извинить за некоторый настойчивый тон этого письма и не понять письмо иначе, кроме как оно написано⁷.

Глубоко уважающий Вас

Андрей Платонов.

20/IX.1933 г.

Адрес: Тверской бульвар, д. 25, кв. 27,

А. П. Платонов.

.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 180–181. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-7.

- 1 См. п. 170.
- 2 Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1932 г. Горький был утвержден почетным председателем оргкомитета Союза советских писателей по РСФСР, И. М. Гронский — председателем (Между молотом и наковальней. Союз советских писателей. Документы и комментарии. Т. 1. М., 2011. С. 139). В отсутствие Горького все заседания оргкомитета проходили под председательством Гронского. 17 августа “Литературная газета” информировала читателей о прошедшем 15 августа заседании Всесоюзного оргкомитета ССП, переносе съезда на май 1934 г. и выступлении Горького. Сообщение о заседании оргкомитета печаталось под большим заголовком “Горький — председатель Оргкомитета Союза советских писателей СССР” (ЛГ. 17 августа. С. 1).
- 3 С Платоновым в 1932 г. были заключены несколько договоров, но издания не состоялись. Журналы также принимали произведения Платонова, иногда даже анонсировали публикацию (см. примеч. к п. 164), но не печатали. Так, к примеру, редактор журнала “Подъем” Б. Песков в письме от 27 мая 1933 г. уверял Платонова, что рассказ “Русский воин” будет напечатан, и просил присылать его другие рассказы (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 15). См. также прим. 1 к п. 168. В начале 1933 г. ГИХЛ заключает с Платоновым договор на роман “Счастливая Москва”, который должен быть представлен к концу года; однако, судя по выявленным письмам издательства от 9 декабря 1933 г., 5 и 10 июля 1934 г., а также тематическим планам ГИХЛ на 1934 и 1935 гг., Платонов откладывал сдачу романа (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 113–118; Ед. хр. 21. Л. 7, 143, 166; Ед. хр. 22. Л. 27); в тематическом плане издательства также значатся “Технический роман” и пьеса “Высокое напряжение” (Там же. Ед. хр. 21. Л. 31; Ед. хр. 22. Л. 127).
- 4 Театр-студия под руководством Ю. А. Завадского (1894–1977) — один из молодых театральных коллективов Москвы, существовал с 1924 до 1936 г.; постановки театра отмечены приемами сценического гротеска и иронии. Из письма Ю. Завадского к Платонову от 5 декабря 1931 г. (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 13) следует, что театр был “чрезвычайно” заинтересован в “талантливой работе” Платонова-драматурга (очевидно, читали “Шарманку” и “Объявление о смерти”), однако о постановке речь в письме не шла. Упомянутое Завадским письмо Платонова к нему (“открытка”) в настоящее время не выявлено.
- 5 См. примеч. 9 к п. 162.
- 6 См. примеч. 1 к п. 162, прим. 3 к п. 163.
- 7 Письмо осталось без ответа. Не исключено, что это обращение Платонова как-то способствовало его привлечению к работе в проекте “Люди пятилетки” (“Две пятилетки”) и включению в состав коллективной писательской бригады, отправившейся в марте 1934 г. в Туркмению.
.....

1934

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

[172] А. М. ГОРЬКОМУ
19 февраля 1934 г. Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

При этом посылаю Вам свой рассказ “Мусорный ветер”¹ и прошу Вас прочитать его. В случае, если Вы найдете рассказ подходящим для напечатания, то прошу поместить его в альманахе “Год семнадцатый”².

Обращение мое непосредственно к Вам вызвано моим тяжелым положением и сознанием того, что Вы поймете всё правильно³. Обычно же я избегаю быть назойливым.

Если рассказ плох, то прошу вернуть его мне и он будет брошен⁴. Искренно уважающий Вас

Андрей Платонов.

19/II 34.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27,

А. Платонов.
.....

Впервые: Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 182–183. Публикация Е. Литвин.

Печатается по автографу: АГ. КГ-п-57-10-8.

1 Рассказ “Мусорный ветер” написан летом 1933 г., читался в редакциях московских журналов и альманахов. В заполненной 3 января 1934 г.

справке для группкома МТП Платонов указал, что рассказ “Мусорный ветер” принят к публикации (см.: Воспоминания. С. 318).

- 2 7 декабря 1933 г. № 3 альманаха “Год семнадцатый” подписан к печати и готовился следующий номер. Выпуск “Год семнадцатый. Альманах 4” сдан в производство 19 мая 1934 г. В картотеке поступивших в редколлегия альманаха произведений рассказ “Мусорный ветер” не зарегистрирован.

- 3 Несмотря на официально поддерживаемую властью антифашистскую тему рассказа, он читался с предвзятостью, так как это был текст Платонова. Более того, после двух лет отсутствия в литературной печати даже упоминания имени автора “Впрок” его наконец-то вспомнят в январе 1934 г. в связи с кампанией вокруг стихотворений и поэмы “Торжество земледелия” Н. Заболоцкого. Статья члена дирекции Института литературы и искусства Коммунистической академии, члена редколлегии “Литературной газеты” критика Е. Усиевич “Литературное сегодня” печаталась на первой странице газеты “Правда” (26 января 1934 г.) рядом с портретом Сталина и сообщением об открытии XVII съезда партии, который в этот же день был назван “съездом победителей”. Это была уже третья статья Усиевич о Заболоцком. Первая статья “Под маской юродства (О Заболоцком)” вышла в 1933 г. и была посвящена стихотворению “Меркнут знаки Зодиака”. За “поэтической пропагандой субъективного идеализма” колыбельной Заболоцкого критик обнаружила “проявление классово-враждебных тенденций в классической для этапа классовой борьбы форме, т. е. в форме, тщательнейшим образом замаскированной” (Литературный критик. 1933. № 4. С. 81). Во второй статье “Классовая борьба в литературе” (Там же. 1934. № 1. С. 13–28; под названием “Новые формы классовой борьбы в советской литературе” статья открывала сборник “Советская литература на новом этапе”, выпущенный в 1934 г. Институтом литературы и искусства Коммунистической академии. С. 3–32) критик сопоставляла два типа классовых врагов в советской литературе: “Классовый враг в художественной литературе, на предыдущих этапах, проявлял себя — если взять таких его типичных представителей, как Клычков, Клюев, — довольно открыто: плачем по пятистенным избам, протестом против «железного чудовища» — города, воспеванием прелестей кулацкого (выдаваемого за крестьянский) быта, стилизованным крестьянским мистицизмом, свечечками, иконками, богородицыными слезками и т. д. Этот классовый враг со всеми его проявлениями настолько изучен, знаком в лицо, настолько примелькался, что потерял половину своей вредности уже хотя бы потому, что, будучи хорошо изученным, не проникает в нашу печать. <...> За пышными и колоритными (правда, за последнее время немного полинявшими) фигурами Клычковых и Клюевых не видим иногда новых, настоящих проявлений классового врага, проявлений хитрых, замаскированных и тем более опасных. И только этим можно объяснить себе проникновение в печать трех последних стихотворений Заболоцкого, напечатанных во 2–3 номере ленинградской «Звезды» за 1933 год. <...> Юродская форма не является специфической

особенностью Заболоцкого, а именно одной из основных форм, используемых на данном этапе для классово враждебных выступлений, об этом следует твердо помнить. Чрезвычайно характерно, что такого рода юродские выступления в художественной литературе начали появляться именно в реконструктивный период, начиная с повести «Впрок» Платонова, Вагинова и кончая юродскими баснями Эрдмана <...> В юродские формы вырождается сейчас и враждебное течение формализма, ярким представителем которого является Заболоцкий” (Литературный критик. 1934. № 1. С. 24–25; автограф, с еще более жесткими формулировками: РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 15–16). Набор критических формул и определений Усиевич напоминает язык критики “Впрок” 1931 г., статья написана с целью актуализации самой темы классовой борьбы в современной литературе. В статье в “Литературной газете” писательский ряд Платонов — Вагинов — Заболоцкий (Эрдман уже не упоминается) представлен как идейно-эстетический канон классового врага нового типа. На фоне портрета Сталина обращенные к критике призывы Усиевич перестать понимать классовую борьбу упрощенно — “лишь в виде прямой борьбы с прямым классовым врагом” — звучали для Платонова вполне угрожающе, тем более что именно его имя открывало ряд писателей, использовавших новые изощренные формы для своих классово враждебных выступлений.

- 4 В ответном письме (начало марта) Горький, внимательно прочитавший рассказ, писал: “Рассказ ваш я прочитал, и — он ошеломил меня. Пишете вы крепко и ярко, но этим еще более — в данном случае — подчеркивается и обнажается ирреальность содержания рассказа, а содержание граничит с мрачным бредом. Я думаю, что этот ваш рассказ едва ли может быть напечатан где-либо. Сожалею, что не могу сказать ничего иного, и продолжаю ждать от вас произведения, более достойного вашего таланта” (ЛН, 1963. С. 315). Машинопись рассказа “Мусорный ветер” с пометами Горького хранится в Архиве А. М. Горького ИМЛИ. Платонов пытался несколько раз опубликовать рассказ в годы Великой Отечественной войны, провел тщательную правку, освобождая текст от физиологичности и экспрессивности, изменил название на более понятное “В 1933 году (Повесть о судьбе одного западного человека)” (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 73), однако и эти попытки окажутся безуспешными. Впервые рассказ опубликован в 1966 г.
- .....

[173] М. А. и П. А. Платоновым

27 марта 1934 г. Рязань

2 ч<аса> дня 27/III¹.

Дорогие Муся и Тотик!

Я очень скучаю о вас, — до того, что, задремав, почувствовал, что у меня на плече повис Тотик и что-то

не говорит. Проснувшись, я чуть не заплакал. Все время меня тянет выйти из поезда и уехать обратно; но буду трудиться для вас. Судьба “Корни-Злосчастье”¹ вполне применима ко мне. Уже был зрителем двух небольших происшествий, но я останусь цел еще надолго и приеду к Тотику — играть в поддавки. В полях весна, течет вода, снегу мало, на Оке ледоход. Поезд уже идет с опозданием на 2 ч <аса>. Люблю вас, будьте здоровы и держитесь Друг за друга.

Ваш Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 503. Публикация Е. Роженцевой.

Первое письмо из поездки Платонова в Туркмению. Впервые писательская бригада посетила Туркмению весной 1930 г., в ее состав входили Н. Тихонов, П. Павленко, Л. Леонов, В. Иванов, Г. Санников и В. Луговской. Когда осенью 1933 г. началась подготовка Первого Всесоюзного съезда советских писателей, деятельность республиканских бригад снова оживилась. Был составлен план работы комиссии по туркменской литературе, включавший в себя переводы и изучение литературы союзной республики, организацию постоянной связи между писательскими союзами, систематическое освещение литературной жизни ТССР, издание лучших произведений, и, наконец, выезды в Туркменистан для знакомства с его литературной жизнью и помощи местным литературным организациям. Комиссию Союза писателей в полном составе планировалось отправить в начале 1934 г.

В это время рассматривается заявка Платонова на участие в поездке: “Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходуя свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов, — в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой” (ЛГ. 1989. 8 ноября. Публикация Д. Г. Санникова). 13 марта Платонов был включен в состав бригады. Писатели выехали из Москвы 27 марта и 2 апреля прибыли в Ашхабад. Здесь была проведена встреча с оргкомитетом Союза писателей Туркмении; московские писатели побывали в Госплане Туркмении, посетили лабораторию физика В. Федосеева (подробно см.: Корниенко Н. В. Примечания // Записные книжки. С. 364–387; Антонова Е. А. Платонов — инженер треста “Росметровес” // Страна философов, 2000. С. 791–792; Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. Платонова. Архив. С. 398–407).

1 Источник названия не установлен.

.....

---

[174] М. А. и П. А. Платоновым

28 марта 1934 г. Самара

28/III. 3 ч<аса> дня.

Дорогая Муся и Тотик!

Я всё еду. Переехали Волгу. Всюду большие и печальные степи; они покрыты еще снегом и освещены солнцем. Изредка видны татарские деревушки с башнями мечетей. Ехать мне еще долго-долго. Только завтра к вечеру я увижу Азию и пустыню. Ехать мучительно, воздух в вагоне душный, на душе тоска по вас стоит, как свеча. Как-то вы там живете, всё ли у вас тихо и хорошо. Пиши мне, Муся, — пусть будет у вас всё благополучно. Береги нашего единственного храброго смельчака — ведь на самом деле <он> еще жалкий и беззащитный. Целую вас обоих. Андрей.

Возьми дом сторожить своего, верного человека.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 503–504. Публикация
Е. Роженцевой.

.....

---

[175] М. А. и П. А. Платоновым

30 марта 1934 г. Станция Аральское море

30/III. Ст<анция> Аральское море.

Дорогие Муся и Тотик!

Кругом пустыня, жарко, растет саксаул, верблюды с милыми мордами — Тотик бы их сразу полюбил. И вот в жарких песках — море, рабочий поселок, мачты рыбачьих кораблей. Я смотрю жадно на всё, незнакомое мне. Всю ночь светила луна над пустыней — какое здесь одиночество, подчеркнутое ничтожными людьми в вагоне. На станциях продают рыбу киргизы и их дети — много рыбы. Если б ты видела эту великую скудость пустыни. Мне нравятся люди на станциях — киргизы. Изредка видны глиняные жилища вдалеке с неподвижным верблюдом. Я никогда не понял бы пустыни, если бы не увидал ее, — книг таких нет. Завтра

вечером я в Ташкенте и еду дальше. Будьте здоровы, помните обо мне.

Р. С. Слушается ли тебя Тотик? Будьте здоровы.

Целую обоих. Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 168 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 504. Публикация Е. Роженцевой.

.....

[176] М. А. и П. А. ПЛАТОНОВЫМ

1 апреля 1934 г. «Аральское море — Ташкент»

1 апреля, утро.

Дорогая Муся, дорогой сын Тотик!

Шесть суток я еду и приеду в Ашхабад только завтра к вечеру. Вчера в Ташкенте пересел на другой поезд — до Ашхабада. Сейчас подъезжаю к Самарканду¹ (см. на карте). Здесь выпал снег, но встало солнце и снега не будет.

Много продают черепах (самая маленькая — 20 к<опеек>, большая — 1 р<убль>). Вчера весь день были видны снеговые, ослепительные горы (Тау²) — снег там лежит всегда.

Видеть приходится слишком много — не только природу, и всё — большого значения и интереса. Тотик! Как ты живешь, милый мой? Я по тебе сильно скучаю здесь вдалеке. Живи с матерью как можно дружнее и как мы с тобой говорили. Целую и обнимаю тебя и маму.

Ваш Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 504. Публикация Е. Роженцевой.

1 Самарканд — один из древнейших городов мира, второй по величине город Узбекистана.

2 Тау — имеется в виду горный хребет Каратау на юге Казахстана.

.....

[177] М. А. и П. А. Платоновым

2 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад, 2/IV, 8 ч<асов> веч<ера>.

Дорогие Муся и Тотик!

Сегодня в 4 ч<аса> дня я приехал в Ашхабад. На горизонте горы, покрытые снегом. Здесь лето теплое, играют дети за окном, и я вспоминаю своего Тотика. Мне дали номер в гостинице, где живут другие писатели; пока в номере я один, но вскоре ко мне вселят второго писателя, когда подъедут (вероятно, Тришин¹ или т. п.). Ашхабад несколько напоминает Сочи. Недавно в первый раз обедал — кормят так обильно, что стыдно есть. Но мне не нравится так праздно пребывать, и я что-нибудь придумаю. Кроме того, и публика не по мне — я люблю смотреть всё один, тогда лучше вижу, точнее думаю. Правда, я в Ашхабаде всего 4–5 часов. Сильно мучает меня скука по тебе и по Тотик-ку, все время напрягаешься в борьбе с собственным сердцем. Одного лишь прошу — устрой всё так, чтобы с тобой и Тотиком всё было благополучно. Адрес мой ты знаешь. Отдохну — напишу подробней, — я ехал 6 ночей и 7 дней. Сейчас вечер, мы идем на заседание в Госплан Туркмении.

Целую вас. Андрей.

Адрес: Ашхабад, ул. Свободы, 102, гост<иница>

Горкомхоза, мне.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 168 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 505. Публикация Е. Рожenceвой.

¹ Тришин Николай Никитович (1899–1968?) — прозаик, участник туркменской писательской бригады. Платонов знаком с Тришиным с середины 1920-х гг., когда печатался в редактируемом им “Журнале крестьянской молодежи”. См. запись Платонова, сделанную в это время: “Тришин говорит, что из него вышел Шолохов, а Тришин откуда вышел? Ха-ха-ха!” (Записные книжки. С. 139).

.....

Вагон, 4/IV 34, вечер.

Здравствуйте, елдаши (товарищи)!

Только 3 неполных дня я пробыл в Ашхабаде. Сейчас сижу в салон-вагоне председателя СНК Туркмении Атабаева¹. Я еду в Красноводск². Все остальные писатели остались в Ашхабаде, завтра, кажется, приезжает Санников³ и др., но я уже оторвался ото всех. Из Красноводска мы уедем далее на Нефтедаг⁴ (я не знаю, где это точно). В Красноводск приехал академик Губкин⁵; с ним состоится встреча на нефтяных промыслах. Из Нефтедага мы поедем еще куда-то, так что в Ашхабад я вернусь дней через 6. Красноводск на берегу Каспийского моря со стороны Азии, туда пресную воду привозят на пароходах из Баку. Всё это интересно видеть, только я очень переутомился и поэтому плохо себя чувствую.

Купил несколько туркменских открыток — лучше не было; выучился нескольким словам по-туркменски. Ты моя хелей мухаббат! — любимая жена. Ты — моя курбаша! — жаба. А Тотик — мой хелей балала, жигит, т. е. любимый ребенок, юноша. Моя шан, дирэк (душа и сердце) тоскуют по вас.

Это я уже второе письмо пишу вам сегодня. Не знаю, где его сумею отправить.

Сильное беспокойство охватывает меня за вас. Ведь я очень далеко. Еще позавчера отправил тебе телеграмму, а ответа нет. Неужели не дошла? Вернусь — отправлю срочную.

Ну, хошлашма (прощай), моя хелей, мой балала!

Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 168 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 505–506. Публикация Е. Роженцевой.

1 Атабаев Кайгисыз Сердарович (1887–1938) — председатель Совета Народных Комиссаров Туркменской ССР.

Варан, 4/IV. 34, вечер.

Здравствуй елдани (товарищ)

Только 3 человека мне я пробол в
Амхабаде. Сейчас сижу в самол-варан
председателя СНК Туркмени, Атабава.
Я еду в Красноводск. Все остальные
писатели остались в Амхабаде, завтра
навероятно приезжает Санников и др., но я
уже сорвался от всех. Из Красноводска
мы едем далее на Кермеди (я не
знаю где это точно). В Красноводск
приехал академик Губкин, с ним
соорудят вертега на нефтяных промыс-
лах. Из Кермеди мы поедем еще
куда-то, так что в ~~Красноводске~~ я
Амхабад я вернусь дней через 6.
Красноводск на берегу Каспийского
моря со стороны Азии, куда ^{плеснуть} воду приво-
зят на пароходах из Баку. Все это
интересно видеть, только я очень переуто-
мился и поэтому плохо себя чувствую.

Купил несколько туркменских
открыток - лучше не было; выписал
несколько слов по туркменски.

В записной книжке Платонова 1934 г. встречается несколько записей об Атабаеве: “Председатель, большевик (напр., Атабаев): нужно возбудить сердце масс, настроение, их душу на дело, а если вперед сомневаться, то потом обязательно дело провалишь. Хозяйственные страсти: поливка улиц, фисташковые рощи, субтропики, ширпотреб, конфеты, рыба, птица, травы, озимая рожь, орошение.

Наши трудности так велики, что нам мало энергии, мало преданности, мало знания, машины, нам нужно вдохновение, воодушевление и страсть — тогда мы победим.

Окружение Атабаева: тов. Истина (хитроумная преданность, напряженная лесь, хозяйственная «премудрость» рядом с авантюрным прожектерством, дабы не походить на мещанина-оппортуниста и т. д.). Другой — испуганный дурак, готовый броситься с поезда ради уважения”; “Он, Атабаев напр., не искал, как многие умники, одну, ясную, «умную» причину прорывов — умники, которые полагают, что достаточно ликвидировать эту одну причину, чтобы дело поправилось, — он брал многие факты, создавал «серые» картины в своем сознании, трудно уместяющиеся в голове, но зато действительно близкие к действительности. Ликвидировать прорывы без «основного звена», а взявшись за многие звенья сразу, было трудно, иногда невозможно, но зато успех был серьезным”;

“— В Москве, Нью-Йорке... шум, чад, опасность для жизни, истерика, невроз...

Жена Атабаева: — Ах, как хорошо! Вот где прелесть-жизнь! (Влюблена в «Вечёрку», прочитывает даже объявления)...”;

“Сам Атабаев не был нигде, кроме пустыни и Москвы–Ленинграда. Не имел отпуска с начала революции”;

“Атабаев обожает Туркмению и бережет каждый стебелек ее пустынь: он с жалобным сердцем смотрит даже на песчаные вьюги, развевающие тело родины в бесследном пространстве” (Записные книжки. С. 127–128).

- 2 Красноводск (в наст. время Туркменбаши) — порт на Каспийском море.
- 3 Санников Григорий Александрович (1899–1969) — поэт, руководитель Туркменской комиссии Союза писателей СССР.
- 4 Нефтедаг (в наст. время Балканабад) — город, построенный среди пустыни; центр нефтегазодобывающей промышленности.
- 5 Губкин Иван Михайлович (1871–1939) — геолог, один из основателей отечественной нефтяной геологии, академик АН СССР; возглавлял научные экспедиции по разработке природных богатств Туркмении; упоминается в очерке Платонова “Горячая Арктика”. Знакомство Платонова с Губкиным состоялось в Красноводске (см. п. 179). См. записи Платонова о Губкине:
 “Губкин (!) — примитивно-хитрый человек, наигравший на себя достоинство”;
 “Помкошник» Губкина — живущий за счет угождения Губкину, как Губкин — Атабаеву («надстройка» паразитизма”;
 “Губкин: — Кто расстрелял 26 комиссаров?

Я: — Англичане.

Губкин: — Ах, мерзавцы!";

"Мне тяжело (вчера Губкин» сказал...)" (Записные книжки. С. 127–129).

.....

[179] М. А. и П. А. Платоновым

5 апреля 1934 г. Красноводск

5/IV.

Я в Красноводске¹. Вижу зеленое, взволнованное Каспийское море. На берегу жалкий город в песчано-глинистых горах. Завтра уеду отсюда обратно в Ашхабад.

Море совсем не похоже на Черное, оно более ядовитое, пена белей и яростней. Я пишу это, сидя на камне на берегу, и другой камень служит мне столом. На другом берегу — Кавказ.

Целую вас. Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 168 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 506. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 См. описание города в записной книжке: "Над пустыней, над плоскогорьями — облака желтые, смертные, над морем — светлые, ясные (Красноводск)" (Записные книжки. С. 128).

.....

[180] П. А. Платонову

10 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогой Тотик!

Открытку¹ я твою получил. Пиши мне еще поскорее, потому что я по тебе так сильно скучаю, что часто вижу тебя во сне.

Я тебе послал 50 руб<лей> — дала тебе их мамаша или нет. Послал открытки из г. Красноводска (см. по карте, как он далеко) и еще посылаю 2 открытки.

Я ездил далеко в пустыню, где дует вечный песчаный ураган, где люди ходят всегда в особых очках. Я был без очков, и у меня глаза сильно разболелись. Видел страшную змею и фалангу².

В песчаной пустыне, где я был (пустыня называется Каракум³ — черный песок), в этой пустыне только ночью слабеет ветер, а днем нельзя выйти наружу. Дети, такие как ты, целый день сидят в юртах и глиняных домиках. Вот где скучно жить! Воды мало, она плохая, жарко, купаться негде.

Еще нескоро мы с тобой увидимся, мой дорогой мальчик. Веди себя смирно без меня, не балуйся на дворе, чтоб тебя не обижали.

Ты напрасно пишешь, что я пьянствую с Костичкой⁴. Он живет в другой комнате. Я с ним не пил ни разу. Кроме того, я всё ездил и живу в Ашхабаде всего 4 дня. Всего я пропил 15 руб<лей> за все время. А когда ездил в пустыню и ехал в вагоне правительства, там давали 3 раза в день вино бесплатно.

Здесь пить много стыдно и есть вкусно тоже нехорошо, потому что страна песчаная, бедная, людей объедать совестно.

Ну, в общем, до свиданья. Целую и обнимаю тебя. Слушайся мать. Передай ей привет от странствующего женишка.

Будь здоров.

Андрей.

Пиши мне по адресу:

Ашхабад в Туркмении, гостиница бывшая Эрмитаж, Платонову, —

либо так:

Ашхабад, до востребования, А. П. Платонову, —
я буду спрашивать.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 169 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 506–507. Публикация Е. Роженцевой. Датируется условно — по содержанию письма.

1 Открытка не сохранилась.

2 Ср. запись о фалангах, использованную затем в рассказе “Такыр”: “Фаланги бежали так шумно, что слышно, как они топали ногами” (Записные книжки. С. 133).

- 3 Каракумы (от тюрк. кара — “черный” и кум — “пески”) — обширная песчаная пустыня в Средней Азии (Туркменистан) площадью около 350 000 км². См.: “В Каракумах — по всей их площади — не был никто. Там можно встретить нечто неизвестное и даже великое” (Записные книжки. С. 129)
- 4 Костичка — Большаков Константин Александрович (1895–1938, репрессирован) — поэт и прозаик; участник туркменской писательской бригады. См. в записной книжке 1934 г.: “Большаков, что-то неизъяснимое, проклятое, четырех п-личное...” (Записные книжки. С. 140).
- .....

---

[181] М. А. и П. А. Платоновым

12 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад 12/IV.

Дорогая Муся и милый Тотик!

Ваше письмо от 30/III я получил лишь сегодня. Сегодня же получена телеграмма, я на нее ответил телеграммой тоже¹. Два экземпляра пьесы² — в окончательной, обработанной мною редакции — находятся в секретариате Литовского³ (я сам их туда передал). Один экземпляр останется навсегда в Главреперткоме⁴, другой экземпляр должен быть передан Булгакову⁵ вместе с визой или письмом, разрешающим печатание пьесы. Булгаков отлично в курсе дела, так что твоя телеграмма не совсем для меня ясна. Какие новые экземпляры пьесы? Есть только два таких экземпляра, проверенных, отредактированных мною и переданных в Главрепертком. Оттуда, из Главреперткома, один экземпляр должен взять Булгаков для набора. Вот всё.

Тотика поздравляю и целую, что он перешел в 4-ю группу. Что он хоть как-нибудь учится и неплохо ведет себя — это для меня лучшая радость.

Я не писал вам три дня, потому что как вернулся из Каракумов, так пролежал три дня, простудившись (я был на горячих ветрах в Нефтедаге — около Красноводска, затем попал в дожди, спал однажды в холоде). Теперь я оправился совершенно и абсолютно здоров.

Здесь — после двух, трех дней дождей — полное лето. Летают птицы⁶ и бабочки, темно-синее небо. Сего-

дня 32°. Теперь дождей не будет уже до декабря месяца. Ты спрашиваешь о быте здешних людей, особенно женщин.

Я этого еще не изучил в такой степени, чтобы ответить полностью.

В чадрах здесь не ходят и не ходили никогда. В чадрах и паранджах ходят женщины в Узбекистане и в др. азиатских странах. А в Туркмении — и раньше, и теперь иногда — женщины носят только темные покрывала, закрывающие их подбородок и рот, а остальное лицо открыто.

Чтобы мужики прижимали баб — это что-то незаметно. М<ожет> б<ыть>, это было у баев (кулаков), имевших помногу жен, но баев давно раскулачили, многие из них сбежали в Персию и Афганистан. Кроме того, я видел женщин-работниц на ковровых фабриках и на текстильной фабрике, так что мужьям трудно их “прижимать”. Но в аулах я еще не жил, только был проездом, и не знаю, как там устроен быт.

Женщины есть на общественных постах и в правительстве (в Ашхабаде), так что радуйся. В этой части тут делается много. Предсовнаркома К. С. Атабаев (я с ним провел 4 дня в салон-вагоне) — туркмен и, кажется, брат того полпреда Атабаева⁷, который был у нас на вечеринке, — исключительно одаренный человек, с простым и обаятельным характером. Но только окружение его не то, которого он заслуживает. Здесь вообще, как нигде, нужны культурные, честные, мужественные люди. На людей здесь страшный голод, но зачастую сюда приезжают те, которые изгнаны отовсюду в России, “брак продукции”.

Братья-писатели надоели друг другу ужасно⁸. К 15–16 числу все разъедутся. Бригада более чем наполовину состоит из барахла или из таких хлюстов, как Коська или Козин-дурочок⁹.

Отношение ко мне постоянно имеет тот оттенок, о котором ты знаешь, но я не обращаю внимания. Я приехал ради серьезного дела, ради пустыни и Азии.

Ты написала, что я врал — был у Келлера и тебе не сказал. Неправда. Я был у Новикова, где видел Келлера,

а у самого Келлера не был. Да и что за смысл про это врать. Ты опять слышала какой-то пустой звон.

Адреса “всему тресту”¹⁰ я также не давал. Сказал Ник<олаю> Мих<айловичу>¹¹, что мне можно писать: Ашхабад — до востреб<ования>. Что тут за ложь, за преступление или событие? Ведь я тут совершенно один, мне дорого получить письмо. Ведь писатели — это не друзья. Кроме того, я прожил с ними в общей сложности дня 4 или 5.

Новиковы родились не в рубашках, а просто подлецы. Я их и тут вижу целые кучи. Да еще какие! Люди из пещера сливки делают.

Присылать мне, кроме писем и телеграмм, ничего не нужно. А я вам кое-что постараюсь выслать. Тришина до сих пор нет здесь. Жуликоватый парень оказался.

Береги крепче мальчика, не допускай его до опасности.

Вчера, кажется, была пасха¹². “Христос воскрес”! Вчера вечером мы посетили местного композитора Ант<она> Ал<ександровича> Эйхенвальда¹³ и весь вечер слушали туркменскую, персидскую, китайскую, афганскую, узбекскую и татарскую музыку. Ты знаешь — это превосходно, настолько, что нельзя представить. Эйхенвальд собирает музыку 35 лет! Это не подделка, а натуральная народная музыка. Он водит знакомство с народными певцами (бахшй) и записывает.

Я принял меры, чтобы списать несколько песен (ноты) и прислать тебе. Ты придешь в восторг. Это не хуже, а м<ожет> б<ыть> и лучше песен Шуберта и Грига. Есть совершенно воздушные, невесомые мелодии, как будто воздух летит над пустыней.

Обязательно постараюсь стащить для тебя 2–3 вещи. Уже 18 дней, как я уехал от вас!¹⁴ И еще осталось мне быть в одиночестве много дней.

Целую тебя... Целую Тотика в лоб.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 507–509. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 Письмо и телеграммы не сохранились.
- 2 Речь идет о пьесе “Высокое напряжение”. Накануне отъезда в Туркмению (26 марта 1934 г.) Платонов заключил договор на издание этой пьесы с Государственным издательством художественной литературы; в договоре отмечено, что пьеса представлена (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9).
- 3 Литовский Осаф Семенович (1892–1971?) — драматург, критик, театровед.
- 4 Главрепертком — Комитет по контролю за зрелищами и репертуаром; создан 9 февраля 1923 г.
- 5 Булгаков К. Г. — заведующий сектором искусства театра и кино ГИХЛа.
- 6 Ср. размышление Платонова о птицах, перешедшее в рассказ “Такыр”: “Птицы в пустыне. Не они ли самые счастливые: они могут улететь на дальние реки” (Записные книжки. С. 132).
- 7 Атабаев О. Г. — постпред Туркменской республики в Москве.
- 8 См. в записной книжке: “Помни «бригаду» — это ж не проще государства”; “Бригада писателей — собрание несчастных (изредка жуликов)” (Записные книжки. С. 130, 137).
- 9 Козин Владимир Романович (1898–1967) — прозаик; участник туркменской писательской бригады.
- 10 Имеется в виду трест “Росметровес”, в котором Платонов в это время работает.
- 11 Николай Михайлович — вероятно, Тарасов, инженер треста “Росметровес”.
- 12 Православная Пасха в 1934 г. приходилась на 8 апреля.
- 13 Эйхенвальд Антон Александрович (1875–1952) — композитор, дирижер, режиссер, педагог, фольклорист. С 1928 г. работал дирижером и педагогом во многих городах СССР. Возможно, записи о бахши появились в записной книжке писателя после этой встречи:
“Тема:
 Происхождение бахши: бедняк-батрак, ктр. хотел заработать на невесту 20 верблюдов; заработал к старости, оставаясь девственником, — но потерял способность к женитьбе и стал плачущим бахши (любовь — лирика прозотериста, лишенного половой жизни)”; “Бахши-девственник: буду работать, как самовар в чайхане, всегда...”; “Наиболее почетное лицо — бахши; он не только певец, он и судья, и друг-утешитель и советник” (Записные книжки. С. 129–131).
- 14 Вероятно, Платонов дописывал письмо 13 апреля.
 .....

---

[182] М. А. и П. А. Платоновым
 15 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогая Муся, дорогой Тотик!
 Завтра 16-го я уезжаю на 10 дней в Центральные
 Каракумы. Вернусь в Ашхабад дней через 10–11.

Сегодня перевел тебе ко дню рождения 400 р<ублей>¹ (раньше перевел 500 р<ублей>). Получила ли ты все 900 р<ублей>?

Еду я в пустыню один с автомобилем-грузовиком, который везет рабочих на серные рудники где-то в Дарвазе². Путь будет идти по пескам, по линии колодцев³ (через каждые 50–70 <километров> колодезь: яма с остатком весенней воды). Что увижу — напишу. Вчера был вместе с 3-мя писателями и археологом в ауле Багир⁴ (30 км от Ашхабада). Там есть развалины двух древнейших городов: Несы Александрийской и мусульманского города. Древность этих городов — 2000–3000 лет. Нашел несколько маленьких осколков посуды того времени с расцветкой, привезу их в Москву.

Развалины очень красивы. Они лежат у подножья гор Копетдага, за этими горами персидский Хороссан (область), а лицом и укреплениями эти крепости-города обращены в пустыню Каракумов. Мы долго смотрели в пустыню с высот развалин Александра Македонского. Развалины (стены) глиняные, но страшно прочные. Вся Азия ведь глиняная, бедная и пустая⁵.

Мы были до первых звезд. Пустыня под звездами произвела на меня огромное впечатление. Я кое-что понял, чего раньше не понимал.

Несколько раз мы пили кок-чай (зеленый чай без сахара) в чайханах аулов. Сидели на коврах среди стариков и беседовали. Здесь довольно много персов и курдов.

Муся! Напиши мне — стоит ли мне остаться здесь до 20/V (приеду в Москву тогда 26–27/V), тогда мне дадут еще денег и я смогу тебе перевести еще 1000–1500 руб-<лей>, или не стоит и лучше выезжать 2–3/V домой. Напиши, мне трудно решить. Правда, мы очень бедные, но у нас кроме бедности есть еще и сердце, которое может сильно тосковать.

Как быть? Пиши. Вернувшись из пустыни, я застану твой ответ.

Целую вас, мои милые. Держитесь там благополучно. Живите мирно, не деритесь.

Андрей.

За несколько минут до отъезда в пустыню пишу эту записку.

Мне здесь вчера в достаточно серьезной форме было сделано предложение остаться надолго работать в Туркмении в качестве “министра без портфеля”. Это пустяки. Но важно, что я здесь, следовательно, не на плохом счету. Да это еще писатели мне мешают. Вот убогие люди! Здесь я их еще яснее разглядел, даже более, чем в Москве.

Ну, до свиданья, мои милые. Я несколько волнуюсь и не скрываю этого. Мне предстоит трехсуточная езда в Центральные Каракумы, а Каракумы не менее Сахары.

Трое суток на грузовике в глубь Сахары! Говорят, европеец обязательно по условиям климата покрывается фурункулами. Так что я буду первую неделю ходить в нарывах. Куда я еду, там нет ничего, кроме редких мутных колодцев, гадов-рептилий, неба и порожнего песка.

Целую обоих крепко и долго.

Андрей.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 169 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 510–511. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 День рождения Марии Александровны — 27 апреля 1903 г. Сохранился талон к почтовому переводу от 15 апреля на указанную сумму с текстом письма: “Самой дорогой для меня имениннице <sic> — ко дню рождения — на приобретение того подарка, который она себе пожелает. А.” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 20).
- 2 Реальный маршрут писателя, судя по его записной книжке, отличался от предполагаемого в письме. Дарваз (Дарваза) — газовый кратер в Каракумах, который называют также “Врата ада”, находится в 90 км от кишлака Ербент на северо-востоке от Ашхабада. Платонов же едет на юго-восток, так как в дороге он записывает иной маршрут: Азал-Текин (Ахалтекинский оазис; Ашхабад до 1881 г. был главным аулом Ахалтекинского оазиса), Теджен (юго-восток, 195 км от Ашхабада), Мерв (совр. Мары, юго-восток, 319 км), Чарджуй (совр. Туркменабад, северо-восток, 575 км), Амударья.
- 3 Платонов с интересом изучал специфику колодцев в пустыне (сказался собственный мелиоративный опыт), о чем свидетельствуют сделан-

- ные им в поездке по Туркмении записи: “Кяризы — подземные коллекторы грунтовых вод, с 1–2 выходами на свет”; “Все колодцы пустыни шахтного (шатрового преимущественно) устройства”; “Колодцы с саксауловым креплением шахт” (Записные книжки. С. 129); “Колодцы: старшина на колодце. Глиняный резервуар; поильные корыта. Гигантская работа по заготовке воды для стад. <...> Искусство колодезного дела. Глубина колодцев с саксауловым стволom доходит до 40–50 метров — как их роют и содержат. Воду достают кожаными мешками, тягой верблюдов — веревкой через блок” (Там же. С. 134).
- 4 14 апреля Платонов посетил аул Багир и развалины древнего города Ниса, или Неса, руины которого расположены в 18 км от Ашхабада. Город был основан у подножия Копетдага в III в. до н. э. парфянами, razoren монголами и заброшен жителями в XIII в. Из статьи Г. Шенгели “Преодоление пустыни” известно, что он также принимал участие в этой поездке: “Вот в двадцати километрах от Ашхабада, близ аула Бачуг <sic>, отделяются от почти вертикальных обрывов Копетдага две проросшие травой низкие усеченные пирамиды. Грани — полтора, два километра, высота — пятиэтажного дома. Это развалины парфянской столицы Несы — старой и «новой». У последней можно различить башни, стену внутреннего форта, цитадели; там раскопаны фундаменты храмов и дворцов, найдены остатки водопровода; там находят посуду, персидские и арабские монеты, оружие; старая же Неса — просто плоский холм, поросший травой, где пасутся верблюды” (Шенгели Г. Преодоление пустыни // Наши достижения. 1934. № 10. С. 19).
- 5 Ср.: “Мечта о предгорьях Копетдага, о берегах Аму, как о прохладном рае. Страшная жизнь на глинистых раскаленных такырах, как на сковородках ада. Даже куст саксаула — куща”; “Сколько бы ни лить воды в пустыню, она не повеселеет. Пустыня — мать скудная и худая. Худая пустыня, давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер” (Записные книжки. С. 132). Тема преобразования пустыни оставалась в это десятилетие одной из дискуссионных в научном сообществе, где не все разделяли оптимистический взгляд на скорейшее превращение пустыни в цветущий сад. Среди тех, кто в это десятилетие будут объявлены “вредителями”, находился Д. Н. Кашкаров, коллега академика Б. А. Келлера, с сыном которого, В. Б. Келлером, Платонов многие годы был дружен. Платонов, вероятно, был знаком если не лично с профессором, то с его работами о Туркмении. Кашкаров настаивал на сохранении природного равновесия пустыни. В одной из работ он высказал мысль, бесспорно, близкую Платонову: “...центральные Каракумы полны жизни, но людей и скота здесь лишь такое количество, какое пустыня может прокормить, не больше. А пустыня — мать суровая и худосочная. И кормовыми возможностями, и животными, и людьми она очень бедна” (Цит. по: Арбеков П., Ершов С. Об одной убогой “теории” “незыблемости” Каракумов // За социалистическую Туркмению. 1932. № 1–2).
- .....

[183] М. А. Платоновой
20 апреля 1934 г. Байрам-Али

Телеграфируй срочно Байрамали. <До> востребования мне. Все ли благополучно.
.....

Печатается по: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 25. Телеграмма.
.....

[184] П. А. Платонову
27 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогой Тотик!

Сегодня я приехал из пустыни и получил твое письмо, где ты меня ругаешь. Я послал вам много писем. И тебе послал 50 р<ублей> еще 4 или 5 апреля. Неужели ты не получил еще денег? Это виноват не я, а почта. При этом посылаю в 2-х конвертах растения и цветы. Я их собрал в самой середине Каракумской пустыни. Они цвели, некоторые пахли. Но теперь уже посохли и их трудно узнать. Они живут мало, только весной; потом сохнут и ветер их сметает.

Сейчас я ехал трое суток и очень устал. Завтра отдохну и напишу большое письмо тебе и маме.

Твой отец

Андр. Платонов.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 511. Публикация Е. Роженцевой.

Датируется условно — по содержанию письма.
.....

[185] М. А. и П. А. Платоновым
28 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад, 28/IV 34.

Дорогие Муся и Тотик!

Я вернулся из своих поездок по Туркмении. Больше, может быть, не поеду никуда. Возвращаться думаю

2 или 3 мая. 2-го кончается мой срок. Но здесь в обязательном порядке оставляют пробыть на съезде туркменских писателей, который откроется 8/v¹, тогда я выеду в Москву 10 или 11/v (поезд идет в Москву 2 раза в неделю). Однако я думаю вырваться и уехать еще до съезда — 2 или 3 мая, тогда приеду 8, 9 или 10 мая в Москву. Как это выйдет — на днях сообщу.

От своих путешествий я сильно утомился. Ездить очень трудно, в особенности по пустыне, хотя я очень терпеливо переношу жару. В юго-восточных Каракумах (на карте ниже Чарджуя² по р<еке> Амударье) я первый увидел два ярких глаза в темной песчаной норе³. Бывший со мной директор песчаной станции⁴ сказал, что это каракурт — редкий черный паук. А узбек-инженер, тоже бывший в нашей группе, убежал от страха: каракурт прыгает и укус его, говорят, смертелен.

Здесь еще сильно утомляешься оттого, что весной Туркмения как теплица под стеклом — трудно дышать от горячего влажного воздуха. Чтобы жить, здесь надо еще долго привыкать.

Сегодня мне привили черную оспу — другим привили ее раньше. Говорят, здесь это обязательно.

Я сильно соскучился по тебе и Тотуку. Вы мне почти не пишете: ты написала только одно письмо, Тотик два. Мне трудно понять, что это значит. Я вам послал в три приема (как только получал деньги) 500 + 400 + 250 = 1150 р<ублей>. А Тотик в письме от 18/IV пишет, что еще и первых 500 р<ублей> не получали и что он там голодает, а я пьянствую. Когда я был 18–19/IV в Репетеке⁵ (потом был два дня в Байрам-Али, откуда посылал телеграмму⁶), то мне пришлось почти два дня не есть, а пить я хотел только воду.

15 или 16 я послал в чужой посылке сапоги Тотуку. Открыткой я написал, где и когда нужно получить эти сапоги. Получили вы эту открытку?

Рассказывать о Туркмении в письме слишком длинно и может выйти даже непонятно. Например, был случай на днях. Женщина-туркменка, член партии, известный ра-

ботник, развелась со своим мужем, тоже туркменом, и стала жить одна. Проходит время. Туркменка сходится с другим туркменом и выходит, кажется, за него замуж. Тогда бывший муж приходит к ней, застает ее одну и начисто, в один удар, отрезает бывшей жене голову⁷. “Изменя”, жена, даже оформленная по советскому закону в виде развода, здесь не всегда прощается. Вместе с тем нигде, наверно, нет такого уважения к женщине, нигде она так высоко не ценится, как здесь, но взамен от нее требуется абсолютная верность. Здесь нельзя, например, спросить обычную вещь у знакомого туркмена: как здоровье вашей жены? Он ответит: а тебе какое дело? — и станет врагом, а то и пустит в дело силу⁸.

М<ожет> б<ыть>, это мое последнее письмо, если я не останусь здесь дольше. Я тебя ведь спрашивал в одном письме — оставаться ли мне дольше или нет? Ты по обычаю ничего не ответила. Все это чудно, но неприятно.

Попроси Тотика, чтобы он не баловался там, не попадал ни в какие <часть листа утрачена> пусть он слушается тебя и бережет мать, а ты береги его.

Скоро я приеду домой.

Целую вас обоих.

Поздравляю тебя с днем рождения вторично.

Целую крепко...

Андрей.

Вот на всякий случай еще раз сообщаю адрес, где нужно получить сапоги Тотика:

Старая Башиловка, д. 8, кв.1, Ел<ена>

Як<овлевна> Новицкая (жена Трабского⁹) —

остановка у бегов. Телефон<он> Д-1-75-81.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 169 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 511–513. Публикация Е. Роженцевой.

1 В задачи писательской бригады входила также помощь в организации всетуркменского писательского съезда. Еще будучи в Москве, в феврале месяце делегация туркменских писателей сообщала, что республиканский съезд намечается на середину апреля, но сроки будут

- уточняться в связи с проведением Всесоюзного съезда. Открылся съезд только 8 мая. Платонов не планировал присутствовать на съезде, и ему удалось уехать раньше.
- 2 Чарджуй (название существовало до 1924 г. и в 1927–1940 гг.) — город, центр Чарджоуской области Туркменской ССР, пристань на левом берегу Амударьи. В советское время неоднократно переименовывался: Ленинск (1924–1927 гг.), Чарджоу (1940–1992 гг.). В настоящее время — Туркменабад.
- 3 Похожую запись о встрече с каракуртом Платонов сделал до поездки в юго-восточные Каракумы: “Каракурт, глядящий из колодца норы парой ясных глаз” (Записные книжки. С. 136). Каракурт — вид пауков из рода черных вдов. На животных и человека не нападает, если его не потревожат. Укусы самки могут быть смертельными для человека, верблюда и лошади.
- 4 Вероятно, что в этой поездке Платонов был вместе с Семеvским Борисом Николаевичем (1907–1976), в 1934–1938 гг. — директором Репетекской песчано-пустынной станции.
- 5 Репетекская песчано-пустынная станция (ныне Репетекский государственный биосферный заповедник) была основана в 1927 г. для охраны уникальных черноморско-каспийских лесов Восточных Каракумов и прилегающих к ним участков пустыни; на ней проводились эксперименты по закреплению песков и разведению деревьев и кустарников в районах ирригационных сооружений. Записная книжка дает представления о том, насколько сильное впечатление произвел на писателя заповедник: “Жалкое кладбище среди культурного опытного поля Репетека. Покойники лежат среди заповедной зоны — как их проводить родственникам” (Записные книжки. С. 136). Покидая Туркмению, он вспомнил это необычное кладбище еще раз: “Кладбище из 4-х крестов, огороженное колючей проволокой, в центре растительного заповедника, защищаемого сторожами с ружьями и собаками. Как тут поминать усопших и любить родителей?” (Там же. С. 145). О встрече в Репетеке с учеными Туркмении Платонов писал в очерке “Горячая Арктика”.
- 6 См. п. 183. Записи, сделанные Платоновым в Байрам-Али или после поездки, т. е. после 20 апреля: “Калым (цена невесты) у туркмен Бхайрам-алкийского района достигал 5000 р.”; “Босой худой нищий туркмен, целующий ребенка на своих руках. (Байрам-Али)” (Записные книжки. С. 139).
- 7 См.: “Член» партии, туркмен, [убил] отрезал голову своей бывшей разведенной жене, когда она сошлась с другим мужем” (Записные книжки. С. 138).
- 8 О положении женщины в Туркмении Платонов оставил в записной книжке 1934 г. множество записей к будущим произведениям азиатского цикла: “Туркменки» — последние люди, человеческие, глубокие, добрые, но уже губимые, размазываемые «фата-морганой...” (Записные книжки. С. 128); “Туркмен за жену убивает” (Там же. С. 133); “Очень» важно. Женщина в Туркмении» лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел

общественных битв”; “Женщина — царица животных, и насекомых, и рептилий”; “Важнейшая тема: Туркменка, которая никогда не любила и не могла любить по условиям жизни, — человек абсолютно без любви, сердце которого все время сжимали, мертвили, давили, — трагедия совсем другого порядка, чем обычно, — мирового типа” (Там же. С. 138); “Нестерпимость жизни у Джумаль даже физическая” (Там же. С. 140) и др.

9 Трабский И. Г. — кинодраматург.

[186] М. А. и П. А. ПЛАТОНОВЫМ

1 мая 1934 г. Ашхабад

1 мая, Ашхабад¹.

Дорогие дети!

С утра сегодня ясная и уже жаркая погода. На горах лежит нежный туман, на верху их — ослепительный снег. Я ушел один за город, на холмы, лежащие перед горами, где пасутся верблюды. Я часто, когда нахожусь в Ашхабаде, совершаю длинные, одинокие прогулки. Они мне доставляют большое удовлетворение. Так же я поступал когда-то в юности. Потом я смотрел местный парад. Зрелище красивое и яркое по одежам. Остальной день прошел довольно скучно. Собираюсь уезжать домой, но вопрос решится только 3-его. Разная тут архимудия. Дело свое — сбор матерьяла — я сделал. Причем нашел — правда, в еле уловимой форме — фольклорную тему. Так же как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что еще у меня выйдет, — это сказка о Джальме². Сильно стосковался о тебе — душевно и физически. Дни идут всё более долго и тягостно. Стоит тягостная жара, от писателей изжога и т. п. Однако это к Азии не относится, она велика и интересна. Если бы ты с Тотиком могла хорошо переносить жару и пустыню, мы бы легко могли здесь устроиться на 2–3 месяца все вместе. Для тебя это многое бы дало.

Целую — твой А.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 169 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 513. Публикация Е. Рожenceвой.

1

Это последнее письмо из Ашхабада. Записные книжки позволяют дополнить информацию, отсутствующую в письмах. Так, в первых числах мая Платонов побывал в Фирюзе (в настоящее время Арчабил) — населенном пункте, расположенном в горах Копетдага в 35 км к западу от Ашхабада. Писатель видел там самое большое в Средней Азии дерево — тысячелетний платан (чинара) Семь братьев, названный так потому, что на высоте нескольких метров его ствол разветвляется на семь стволов: “Фирюза. Чинара «7 братьев и 1 сестра», тысяча лет. Дерево въело себе в тело огромные камни, окружило их корой, освоило и выросло дальше”; “Чинара 7 братьев» + 1 сестра — вся сила ее и прелесть, что она знает и молчит, что прошлое безмолвно” (Записные книжки. С. 140–141). Эти впечатления вошли в рассказ “Такыр”. Вероятно, именно здесь Платонов нашел фольклорную тему — сказку о Джальме. Следующая записная книжка была начата писателем в первых числах мая. В ней сохранились записи, отмечающие посещение Платоновым города Аннау, он был в городе, по всей вероятности, проездом по пути домой: “Аннау: Ребенок, воспитанный в нищете, в говне, в песчаном ветру, в развалинах пятисотлетней мечети, на руинах веков”; “Аннау: мечеть под Копетдагом; изразцы: цвет неба пополам с сумраком глубокого колодца” (Там же. С. 144). Записные книжки помогают также уточнить дату отъезда писателя: “Утро 7/V. Туркменка на станции» Теджен — похожа на Джумаль”. Так как утром Платонов находится за 200 км от Ашхабада, значит он покинул столицу Туркмении около полуночи 6 мая: “Прощай, Туркмения! <...> 6 часов» вечера» 7/V, мост через Амударью у Чарджуя” (Записные книжки. С. 145). После возвращения писателей из ТССР в “Литературной газете” (18 мая) сообщалось о состоявшемся в оргкомитете ССП СССР отчете ряда писательских бригад о результатах поездок. Отчитывалась и туркменская бригада: “Находившаяся в Туркменистане бригада писателей основной целью своей поездки имела составление литературно-художественного сборника, приуроченного к 10-летнему юбилею Туркменской республики. Бригада разработала тематический план своей работы, уточнив его на месте.

Каждый из участников бригады взял себе определенную тему и, напившись в район, собрал нужный ему материал. Все стороны социалистического строительства Туркмении должны быть, по мысли участников бригады, отображены в этом издании: проблема индустриализации страны, развитие туркменского пролетариата, новостройки, туркменский молодежь в науке и т. п. <...>

Наряду со своей основной творческой работой бригада приняла энергичное участие в подготовке к 1-му съезду писателей. Участники бригады совместно с представителями туркменского оргкомитета выезжали в районы для подготовки и проведения окружных и районных писательских конференций <...>.

Вернувшись из поездки по районам к открытию всетуркменского писательского съезда, члены бригады приняли участие в подготовительных совещаниях. Большое совещание по актуальным вопросам

туркменской литературы состоялось в ЦК КП(б)Т при участии секретаря ЦК т. Попок и предсовнаркома т. Атабаева” (отчет подписан Г. Санниковым, И. Бороздиным, В. Луговским).

Массовое “наступление” на туркменскую литературу “по всему фронту” началось накануне Всесоюзного съезда писателей. Дальнейшие события показали, что не все начинания оказались жизнеспособными. Но импульс, данный развитию туркменской литературы, образованию писателей, продвижению туркменской литературы на всесоюзный издательский уровень, был, бесспорно, очень значимым.

- 2 Имя Джальмы в записных книжках из туркменских поездок не упоминается; постоянно встречается имя Джумаль, которая станет главной героиней рассказа “Такыр”.

.....

[187]

Л. А. Инденбому

17 июня 1934 г. Москва

Тов. Инденбом!

Как условились, к 17/VI я приготовил темы. Одну из них — наиболее надежную и универсальную¹ — посылаю Вам через т. Металлова, т<ак> к<ак> ехать ради одной передачи на фабрику² — ни к чему. Ожидаю Вашего ответа.

С т. прив<етом> А. Платонов.

Вообще можно сделать много тем, но дело не в темах, а в сценарии.

17/VI 34.

А. П.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 1–1 об.

Инденбом Лев Аронович (1903–1970) — режиссер, директор 4-й студии художественных фильмов киностудии “Мосфильм”. Его имя встречается в записной книжке Платонова 1934 г. (Записные книжки. С. 384).

- 1 Речь идет о либретто с условным названием “Свет на горизонте”; датировано 15 июня 1934 г. и адресовано также Инденбому (опубл.: Страна философов, 2011. С. 591–593. Публикация Е. Антоновой).

- 2 Киностудия “Мосфильм” находится на Мосфильмовской улице, до 1939 г. — улица Потылиха.

.....

1935

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

[188] К. Л. Зелинскому

1 января 1935 г. Москва

Дорогой Корнелий!

При этом посылаю Вам сборник рассказов “Такыр”¹. Там не хватает одного рассказа (8-го по оглавлению), я не могу найти его рукописи. Если найду, добавлю, если нет — пойдет без него. В сборнике есть пьеса “Почта-льон”² — Вы ее знаете и Вам она не нравилась, но имейте в виду, что предлагаемый вариант в очень сильной степени разнится от того, который Вы знали.

Я на днях уезжаю в Азию³. Мне хотелось бы, чтобы по сборнику было уже решение изд<ательст>ва⁴ до моего отъезда.

С Новым годом! Привет Вашей супруге и Бор<ису> Никол<аевичу>⁵.

А. Платонов. 1/1 35.

<На полях>: В рукописях, наверно, есть ошибки, опечатки машинистки. Я их не правил, т<ак> к<ак> спешу, выправлю в том случае, если сборник будет принят.
.....

К. Л. Зелинский был членом редсовета издательства “Федерация”, а после его реформирования работал редактором издательства “Советский писатель” (см.: Список сотрудников издательства “Советский писатель” на 1 марта 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1).

- 1 Состав сборника не сохранился. Кроме заглавного рассказа “Такыр” (опубликован в журнале “Красная новь”, 1934, № 9 и в альманахе “Айдинг-гюнлер”, 1934) в него могли войти рассказы из книги “Епифанские шлюзы” (1927), рассказ “Любовь к дальнему” (опубликован в журнале “30 дней”, 1934, № 2), написанные к этому времени для разных изданий очерки и рассказы “Семейство”, “Скрипка” (“Московская скрипка”), “Стройматериалы и оборудование” (переработанный в рассказ фрагмент повести “Ювенильное море”), а также эссе “О первой социалистической трагедии”.

- 2 Пьеса “Почтальон” представляет одну из редакций пьесы “Высокое напряжение” (1931). Зелинский был знаком с пьесой, читал первую редакцию (под названием “Объявление о смерти”) и высказался о ней в докладе на творческом вечере Платонова в ВССП 1 февраля 1932 г. Коренной мировоззренческой перестройки Платонова после ошибочной колхозной хроники “Впрок” критик в пьесе не обнаружил: “В этой пьесе автор субъективно старался дать сущность социалистического строительства в этом заводе, его страшное напряжение, которое захватывает все силы у человека. Но эта нота какой-то жертвенности довлеет над всей пьесой. Это ее порок, основной идеологический порок. Рабочий класс нес большие жертвы, и в социалистическом строительстве он вовсе не ощущает, что был ущемлен и что это есть такой груз, который лежит свинцом на плечах. <...> И рабочие у него получились тоже лишенные как раз тех качеств, которые характеризуют именно пролетариев, строящих социализм в нашей жизни, участников ударных бригад <...>. Есть нота известной пониженности, угнетенности труда, а не нота оптимизма” и т. п. (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском союзе советских писателей // Воспоминания. С. 304–305). К этому времени Платонов уже не раз переписал пьесу и пытался ее опубликовать, заручившись положительным отзывом М. Горького и художественно-политического совета Московского драматического театра (см. примеч. к п. 162, 163). В марте 1934 г. он подписал договор с ГИХЛом на ее издание (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9), пьеса была включена в “Тематический план Гослитиздата на 1935 г.” с пометой: “У автора на переработке” (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 35). Всё это позволяло включить пьесу в сборник избранных.

- 3 Речь идет о 2-й командировке Платонова в Туркмению, которая была оформлена в декабре 1934 г.; 14 января 1935 г. он выехал из Москвы в Ашхабад.

4

В 1934 г. Платонов, вероятно, не раз встречался с К. Зелинским в редколлегии “Двух пятилеток” и обсуждал с ним возможность издания своей книги. Мы не располагаем материалами прохождения книги “Такыр” в издательстве “Советский писатель”, нет книги Платонова и в “Сведениях о состоянии портфеля редакции на 25/II-35” (см.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 5. Ед. хр. 3. Л. 1–3). Очевидны лишь итог этой попытки опубликовать пьесу в книге избранных произведений и причины отказа Зелинского поддержать сборник “Такыр”. В то время, когда Платонов находился в Туркмении, в Москве проходит Второй пленум правления ССП СССР, на котором Зелинский не выступал, однако речь секретаря ССП А. Щербакова он, конечно, читал в “Литературной газете”. В своем выступлении Щербаков приводил рассказы Платонова (“Такыр”, “Скрипка”, “Семейство”) и эссе “О первой социалистической трагедии” как яркие образцы произведений, в которых в “формах скрытых, тонких и завуалированных” проявляются “чуждые и антипролетарские настроения” (ЛГ. 1935. 10 марта. С. 3). Можно быть уверенным, что все названные в докладе Щербакова произведения входили в состав книги “Такыр”. У Зелинского в январе 1935 г. слегка испортились отношения с редколлекцией “Двух пятилеток”, которая по рекомендации Горького отклоняет его статью вместе с “пессимистической «Эклогой»” Платонова (“О первой социалистической трагедии”), а в письме ответственного секретаря издания Г. Корабельникова партийным кураторам издания (Бухарину, Мехлису, Стецкому) он упоминается вместе с Платоновым среди “некоторых писателей”, навязывающих коллективу “чуждую и враждебную нам этику и эстетику” (см.: Аннинский Л. Откровение и сокровение // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 16). Для Зелинского сложившаяся ситуация особых последствий не имела. В большом письме Горькому (от 21 января 1935 г.) он объяснит, что его статья (“О понимании исторического и показе противоречий”) предназначалась для специального бюллетеня редакции “Две пятилетки” — “т. е. была адресована только литераторам, которые будут работать над книгой”, и признает справедливость оценки Горького (РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1). Данная статья Зелинского входит в литературный контекст создания эссе “О первой социалистической трагедии” и свидетельствует об общении Платонова и Зелинского в 1934 г. С конца 1934 г. Зелинский работал над большой книгой “Движение советской литературы (Историческая панорама)”, однако ни в черновых редакциях (см.: РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 27), ни в опубликованном очерке “Вопросы построения истории советской литературы” (Литературный критик. 1935. № 12. С. 5–34) имени Платонова нет.

5

Очевидно, Агапов Борис Николаевич (1899–1973) — писатель, автор производственных очерков об инженерах и ученых, дружил с К. Зелинским; в 1920-е гг. входил в группу конструктивистов; принимал участие в подготовке издания “Две пятилетки”.

.....

Дорогая Муся и умный Тотик!

Второй день¹ я в мутных снегах, в скуке и всё больше тоскую по Мусе и Тотуку. Ехать мне еще долго-долго. Но — ничего. Зато я вас кормлю и одеваю. Позвони Чернявцуку² (1-43-31) — я ему забыл сказать на вокзале, — не может ли он по тещиной книжке или через Шарика³ (он приехал в Москву) достать для Тотика стол и кровать, а также приличный патефон. Особенно — патефон. Тотик шалить меньше будет, меньше скучать, когда будет патефон.

Купила ли ты себе пальто, и нравится ли оно тебе? Что случилось нового? Как ведет себя Тотик? Как наш дом?

Берегите друг друга, не психуйте, живите настолько смирно, как будто у вас обоих случилось большое горе. Пишите мне сегодня же в Ашхабад до востребов<ания>.

Целую и обнимаю обоих. Прилагаю маленький рассказ для Тотика.

15/1 35, вагон. Андрей.

Билет⁴

(рассказ)

Неизвестно на какой станции, ночью, в поезд сел мужичок-старичок. В руках он держал маленькую синюю бумажку и от волнения все время совал ее куда-то в бороду.

Входит кондуктор.

— Ваш билет.

— Какой билет? — пугается старичок.

— По какому в поездах ездят — вот какой. Старичок обомлел от страха и непонятности.

— А? — спрашивает он. — Билета нету.

— Синяя бумажка-то была у тебя? — допытывается кондуктор. — Ты ее покупал на станции, аль нет?

— А-а! — обрадовался пассажир-старичок. — Синяя бумажка была, как же, она была: я ее сжал...

Конец.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 513–514. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 В 1935 г. состоялась очередная поездка писателей в Туркмению, но уже по новым правилам: вместо коллективных бригад в республику должны были выехать отдельные писатели, среди которых был и Платонов. 3 декабря 1934 г. постпреду Туркмении в Москве О. Г. Атабаеву из Туркмении была прислана телеграмма с распоряжением о заключении договора с Платоновым: “Заключите договор «на» двухмесячную поездку «в» Туркмению «с» писателем Платоновым «на» тех условиях, «на» которые были приглашены участники прошлогодней писательской бригады «с» уплатой всей суммы «в» Москве «по» подписании договора” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 41). В декабре договор был подписан Платоновым и постпредом О. Г. Атабаевым. В договоре записано: “1. Товарищ» А. П. Платонов обязуется: а) включить в круг своих ближайших творческих занятий работу на тему о культурном и хозяйственном строительстве ТССР из числа тем, выдвинутых Совнаркомом ТССР; б) с целью собирания необходимых для указанной работы материалов товарищ» Платонов обязуется лично выехать в Туркменистан не позднее 30 декабря 1934 г.” (Там же. Ед. хр. 15. Л. 10). По условиям договора созданное Платоновым в результате поездки произведение должно было иметь объем “не менее 2-х авторских листов”, а также “кроме опубликования или постановки произведения в московских журналах или театре” Платонов должен был сдать рукопись в Совнарком Туркменской ССР. Срок сдачи — 1 июля 1935 г. Со своей стороны правительство ТССР обязывалось оплатить труд писателя “за время его творческой поездки по ТССР из расчета в две тысячи рублей (2000 руб.) в месяц”, а также оплатить ему проезд, жилье, питание. Деньги за 2 месяца работы и на проезд — всего 4600 рублей — уплачивались писателю в Москве после подписания договора. 14 декабря 1934 г. Платонову было выдано удостоверение “в том, что он по приглашению Правительства Туркменской ССР направляется в Туркмению для литературной работы”. Удостоверение, подписанное Атабаевым, сопровождалось просьбой “ко всем советским и партийным организациям оказывать товарищу» Платонову А. П. всяческое содействие для успешного выполнения им своих задач” (Там же. Ед. хр. 16. Л. 8). 14 января 1935 г., в понедельник, Платонов выехал в командировку, в Ашхабад прибыл 20-го вечером. Как долго длилась командировка писателя в этот раз, до конца не ясно — не установлена точная дата его возвращения в Москву. Последняя телеграмма из Ашхабада, сохранившаяся в фонде Платонова, датирована 25 января, а с 10 марта он, как предполагалось, должен был находиться в командировке от

треста “Росметровес” на одном из ленинградских заводов (см.: *Антонова Е. В.* А. Платонов — инженер треста “Росметровес” // Страна философов, 2000. С. 792).

Таким образом, вернуться в Москву он должен был до 9 марта, а выехать из Ашхабада — не позднее 3-го.

- 2 Чернявщук Г. Е. — инженер, начальник административно-хозяйственной части “Росметровеса”, с которым Платонов долгие годы поддерживал дружеские отношения. Его номер телефона встречается в записных книжках Платонова в 1933–1942 гг.

- 3 Шарик — неустановленное лицо.

- 4 См. запись к рассказу в записной книжке 1935 г.:

“Сел человек откуда-то в поезд, мял и вертел какую-то синюю бумажку.

— Ваш билет?

— Какой билет...

.....

— Сжалвал!” (Записные книжки. С. 162).

.....

[190] М. А. и П. А. Платоновым

16 января 1935 г. Ак-Булак

16/1, за Оренбургом.

Дорогие Муся и Тотик.

Еду по снежной степи. Здесь сильные морозы, поезд наш сильно опаздывает. Купила ты себе то, что хотела, или не управилась? Будешь или нет покупать Тотику стол и кровать — тогда прежде позвони Чернявщ<уку> (1-43-31), м<ожет> б<ыть>, он поможет купить в распределителе его тещи.

Если хочешь — подпишись с 1/II на “Веч<ернюю> Москву”. Квитанция (талон) для подписки лежит в мелких щелях бюро. Подписываться нужно в Гл<авном> почтамте на Тверской.

Сегодня Тотику последний день отпуска¹, завтра ему тоже на работу. Пусть получше старается учиться. Да, не забудь также справиться у того же Черн<явшука> насчет патефонов, но прежде нужно спросить в Литфонде. Просто войди и спроси — Платонов делал заявку (там она записана) на патефон, есть, мол, он, можно ли получить.

Если есть — получай сама по доверен<ности>, плати деньги и пр<очее>.

Как у тебя там прочие дела? Пиши мне подробно в Ашхабад, и поскорей, т<ак> к<ак> я в Ашхабаде долго оставаться не намерен. Я беспокоюсь за Тотика, как бы он чего не нашалил такого, что принесет и ему, и нам несчастье. Тотик! Говорю тебе издалека, серьезно, слушайся мать и брось баловаться, пока я не приеду. Учись, занимайся, читай, играй на ковре — один и с ребятами. А ты, Муся, не гуляй по подругам, занимайся больше с сыном, переведи к моему приезду “Бум-Бум”² — обязательно.

Тотик! Как приеду, будем опять в войну играть каждый день.

Ст<анция> Ак-Булак³. Ваш Андрей
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 514–515. Две почтовые карточки. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 Имеются в виду школьные каникулы.
- 2 Речь идет о рассказе французского беллетриста конца XIX — начала XX в. Ж. Кларети. История о смертельной болезни и чудесном выздоровлении мальчика Франсуа из рабочей семьи является традиционным рождественским рассказом. Мария Александровна сделала новый перевод произведения (печаталось в 1910 г. в различных изданиях рассказов французских писателей) и по его мотивам написала пьесу “Маленький мечтатель” (машинописи хранятся в фонде Платонова ОР ИМЛИ: Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 152). Платонов знакомился с литературным творчеством своей жены, на некоторых машинописях рассказов встречается его правка. Информацией о публикациях Марии Александровны (они могли быть подписаны ее девичьей фамилией) не располагаем.
- 3 Ак-Булак — железнодорожная станция в Казахстане.
.....

---

[191] М. А. и П. А. Платоновым
18 января 1935 г. Арысь — Ташкент

Дорогие жена и сын!

Здравствуйте! Как вы оба живете, всё ли благополучно? Я еду ничего, только поезд сильно опаздывает. Здесь очень холодно, морозы 30–40°, окна вагона запушены и разрисованы как тропические леса. Днем бывает солнце. Кругом — пустота, снег, солнце блестит. Ночью в вагоне очень холодно, иногда мучительно. Тотика брать никак

нельзя было. Сегодня поздно ночью я доеду только до Ташкента, а еду уже почти 5 суток. А за Ташкентом еще 2-е суток езды. Ничего, что бы стало интересным для Тотика, написать не могу. Я сижу в том самом купе, в котором и ты сидела в Москве, сижу, как наша черепаха, и как-то изнемог от длинной дороги и без воздуха и движения. Но это всё скучно — мне писать, а тебе читать. Хорошо, что я не взял черепаху; если бы я ее выпустил в том месте, где купил ее когда-то (у Аральского моря), она бы замерзла, там 38°, когда я проезжал. Пусть живет и меня дожидается.

У вас, наверно, дома без меня развал — кто печку топит и ведро выносит?

20-го во второй половине дня я буду в Ашхабаде, если поезд не опоздает еще сверх уже имеющегося опоздания. Ты мне обязательно дай телеграмму — до востребования, — как у вас дела, с тем чтобы я получил ее в Ашхабаде не позже 25/I.

Тотика я прошу вести себя дома, в школе и на улице так, чтобы это было похоже, что он сын Платонова и по-хозяйски замещает отца во время его отсутствия.

Если я узнаю, что он вел себя скверно, учился лениво, тогда у нас дружба пойдет врозь. Я для него стараюсь, так пусть он не хулиганит.

Если же Тотик там без меня ведет себя хорошо, с матерью не дерется, учится хорошо, то я, как приеду, сделаю ему такой подарок, которого он еще никогда не имел, и буду ходить с ним гулять по кино десять дней подряд.

Пусть он привыкает побольше читать, тогда никогда ему скучно не будет.

А ты, Муся, занимайся лучше по-французски дома, возьми учителя, надолго с Тотиком не разлучайся.

Ну, до свиданья, самые дорогие мои, целую вас обоих долго и крепко, обнимаю и скучаю по вас.

Андрей.

За Арысью¹, под Ташкентом, 18/I, 7 ч<асов>
веч<ера>.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 515–516. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 Арысь — железнодорожная станция под Ташкентом, в настоящее время город в Казахстане.
.....

[192] М. А. и П. А. Платоновым

20 января 1935 г. Ашхабад

Ашхабад, 20/1, 9 ч<асов> веч<ера>.

Дорогая Маша и Тотик!

Я только приехал, 2 часа назад. Поезд опоздал на 18 часов из-за морозов и снегов.

Я сижу в номере гостиницы. Из окна вижу горы Копетдага, на них снег, над ними ночной свет луны, серебрящиеся облака. Опять я все это вижу, как 10 месяцев назад, как будто я сам участник “Такыра”¹.

Виделся сейчас только с Рабиновичем² и некот<о-рыми> другими (писателями). “Такыр” они очень одобряют, но, по-моему, не вполне (и далеко не вполне) понимают его. Сказывается просто отсутствие квалификации. Но это мне все равно. Встретили меня внимательно и приветливо, но довольно сдержанно. Просто у здешних людей много есть своих дел и забот. Но ведь я не очень избалован такими вещами, это пустяки.

В конце концов, я здесь совершенно одинок. Абсолютно. Глубокая грусть, подобная здешней тишине гор и пустынь, охватывает меня. Сказывается, конечно, и дорога, которая зашатала меня. Но ты почему-то мне кажешься такой далекой, как будто я обратно тебя никогда не достигну. И действительно, я очень далеко нахожусь, здесь медленно тянется время. Стараюсь занимать себя работой, и в вагоне сколько возможно занимался ею. Но беспокойство за вас обоих никогда не оставляет меня, и неподвижность, в которой я нахожусь всего несколько часов, уже тяжело гнетет.

В Ашхабаде я думаю пробыть 5–6 дней, после чего тронусь в путешествие, а потом — после путешествия — поеду в Воронеж или Ленинград, не знаю сам, как решить.

Здесь лежит снег, но днем светило ясное солнце
и снег, наверно, завтра растает.

Ну, будьте здоровы, целую и обнимаю вас обоих.
Андрей.

Тотик, ты там гляди!!

Муся!

Фельдману (“30 дн <ей>”)³ посылаю одновременно
подстегивающую открытку, чтоб он скорее перевел деньги
на сберкассау ГИХЛа. Дней через 7–8 ты (Тотик знает где)
зайди туда и спроси, имея на руках мою доверенность
и профбилет. А про меня скажи, что я уехал и, стало быть,
деньги должна получать ты. Фельдману я пишу также
о пьесе. Возможно, что он зайдет к тебе для подписания до-
говора. Вообще я стараюсь и помню о всех своих оставлен-
ных делах и веду их при помощи корреспонденции.

Твой Андрей.

Тотик?

Дай отчет в письме — куда ты истратил деньги, ко-
торые я тебе подарил? Не ври только.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 169 (фрагмент, с датировкой: 1936). Печата-
ется по: Архив. С. 516–517. Публикация Е. Рожenceвой.

- 1 Имеется в виду рассказ “Такыр”, написанный Платоновым по материа-
лам поездки в Туркмению и опубликованный в журнале “Красная
новь” (1934. № 9) и в сборнике “Айдинг-Гюнлер” (1934).
- 2 Рабинович — неустановленное лицо.
- 3 Фельдман Д. А. — заместитель ответственного редактора журнала
“30 дней”.
.....

---

[193] М. А. Платоновой
21 января 1935 г. Ашхабад

21/1, 8 ч <асов> веч <ера> (6 ч <асов> по москов-
скому), Ашхабад.

Дорогая моя Муся!

Только это у меня и осталось — писать тебе письма
и вспоминать о вас обоих.

Я живу здесь плохо во всех отношениях. Мне совершенно даже некуда пойти, я все время один. Сегодня искал Эйхенвальда, но забыл, где он живет, так и не нашел. Тут рано темнеет, электрическая станция еще не пущена, у меня в номере горит маленькая керосиновая лампа, и я при ней пишу это письмо.

Снег сегодня стаял. Горы стоят темные, лишь на верху их белеет снег. Ночь еще очень долга, и у меня к тому же бессонница, несмотря на утомление дорогой. Тотика, конечно, нельзя было бросить в эти условия, но как было бы мне нескучно и хорошо с ним. Ты для меня хорошая жена, хотя у нас у обоих с тобой есть крупные недостатки, но они все же меньше достоинств нашего брака, поэтому он и существует.

Я здесь стараюсь спешить работать, в том смысле, чтобы найти, открыть что-либо действительно стоящее, годное как косвенное сырье для пьесы. Но всегда надо больше рассчитывать на себя, чем на внешний материал. Пока ничего ясного еще не нашел, но это ведь всегда бывает так у меня: я нахожу нужное неожиданно и часто не тогда, когда ищу.

Я очень бы хотел увидеть хоть на минуту, как вы там живете с Тоткой, есть ли кто у тебя в помощниках, как Тотик учится и ведет себя без меня. Мне кажется, что без <меня> он должен вести себя солидно. Поцелуй его за меня и обними сама себя. Холодно, сейчас здесь — 10...15°, а рама в окне одна, и печь не топят. Ложусь спать с памятью о вас.

До свиданья, дорогие. Андрей.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 168–169 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 517–518. Публикация Е. Роженцевой.

.....

[194] М. А. Платоновой
25 января 1935 г. Ашхабад

| ПИСЬМА | 1935 |

Телеграфируй немедленно срочной, какая критика¹.
Не отчаивайся.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 518. Телеграмма. Публикация Е. Роженцевой.

- 1 Речь идет о публикации в газете “Правда” разгромной рецензии на рассказ “Такыр” (Никитин Н. Дремать и видеть наполовину // Правда. 18 января. С. 4). После знакомства с рецензией Никитина Платонов записывает: “От страха мне сначала показалось, что у Н. Никитина не одна голова барана, а две головы” (Записные книжки. С. 166). Подробно о контексте появления рецензии в газете “Правда” см.: Корниенко Н. “Размышления читателя”: Николай Никитин — рецензент рассказа “Такыр” // Страна философов, 2003. С. 727–740.

.....

[195] М. А. и П. А. Платоновым
12 июня 1935 г. Москва

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

М<осква>, 12/VI, 1 ч<ас> ночи.

Дорогие дети!

Не знаю — дойдет или нет эта открытка до вас: точный адрес ваш мне еще неизвестен¹. Пишите скорей — как вы устроились, чем вас кормят, хорошо ли море, — обо всем, даже о мелких делах и событиях.

На другой день после вашего отъезда явился Жорж, а 9-го он уехал в Ростов². Заходил Сац³. В 6 №ре “Лит<ературного> крит<ика>” все же идет его положительная статья обо мне⁴, — он ожидает для себя некоторых неприятностей. Чувствую себя плохо без вас, я привык жить только в семье и любить вас обоих. Все время очень скучно. Кошка Тихон и то тоскует по вас, мяукает, 3 дня ничего не ела, даже колбасу, — купил молока, теперь ест по-прежнему. Сижу до света за письменным столом, пишу про ад и рай в пустыне⁵, пока не застыну от усталости и ночного холода. Погода здесь, как и при вас, частые

дожди и пр<очее>. Валя⁶ ночует. Петя⁷ уехал. Целую и обнимаю вас. Жду длинных писем. Нужны ли деньги?

Ваш А.

.....

Впервые: Архив. С. 519. Почтовая карточка. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 1.

- 1 Мария Александровна с сыном уехали на отдых в Крым 6–7 июня по путевке, полученной по месту службы Платонова в “Росметровесе”. Адрес на открытке: “Крым. Алушка-Сара, Дом отдыха Наркомата местной промышленности РСФСР” (“Росметровес” находился в ведении данного наркомата).
- 2 Жорж (Малюченко Георгий Степанович) с конца 1920-х гг. жил в Ростове-на-Дону; ростовский адрес Малюченко имеется в записной книжке 1935 г. (см.: Записные книжки. С. 153).
- 3 Сац Игорь Александрович (1903–1980) — литературный критик, входил в московское окружение Платонова 1930–1940-х гг.
- 4 Речь идет о статье И. Саца “Художественная проза в «Красной нови» (№ 1–12 за 1934 г.)” (Литературный критик. 1935. № 6. С. 183–215). Большая обзорная статья о прозе журнала включает два небольших фрагмента о Платонове. Первое упоминание о Платонове связано с отрицательной оценкой критиком повести Андрея Новикова “Встреча у колодца” как произведения откровенно слабого в художественном отношении, к тому же содержащего “несколько двусмысленных острот и домыслов, изложенных в манере, представляющей собой беспомощное и скучное подражание наименее удачным произведениям Андрея Платонова” (с. 197). Второй “платоновский” фрагмент статьи посвящен анализу рассказа “Такыр” (Красная новь. 1934. № 9). Этот рассказ был подвергнут жестокой критике сначала на страницах газеты “Правда” (см. примеч. к п. 194), а затем в выступлении оргсекретаря Союза писателей СССР А. Щербакова на 2-м пленуме Союза писателей (5 марта 1935 г.; опубли. в “Литературной газете” и в книге: Второй пленум правления Союза советских писателей. М., 1935. С. 321–323; см. об этом: Корниенко Н. “Размышления читателя”: Николай Никитин — рецензент рассказа “Такыр”. С. 727–740). Под заглавием “Итоги второго пленума правления ССП” выступление Щербакова также печаталось в “Литературном критике” (1935. № 3). В отличие от Щербакова, для которого рассказ “Такыр” представляет яркий пример того, как “в формах скрытых, тонких и завуалированных” проводятся “чуждые и антипролетарские настроения в литературе”, замаскированно “проведена философия обреченности людей и культуры” (с. 7), Сац в истории героини рассказа видит высокий гуманистический пафос (“Эта человечность сурова и воинственна, она далека от мягкости и всепрощения” (с. 203). Критик доказывает, что именно рассказ “Такыр” предельно ясен в мировоззренческом

отношении, потому что в нем нет прежней платоновской порочной “двузначности”: “Но Платонов пишет про женщину из советской Туркмении. Почему же даже там, где он говорит о Джумали, уже десять лет живущей в советских условиях, <...> его рассказ по окраске почти так же мрачен, как в начале? Заключительные слова рассказа разъясняют это: нельзя забывать проклятого прошлого, надо помнить о нем. <...> Недвузначность и определенность рассказа «Такыр» имеют для Платонова большое значение”. Правда, финальное обобщение выполнено в статье Саца вполне в духе призыва Щербакова к советской критике вовремя ставить вопрос о творческом пути писателя, указывать ему на ошибки и предупреждать их: “В его творчестве были тяжелые ошибки, главным образом в тех сочинениях, которые, будучи по заданию сатирическими, срывались в политически вредное зубоскальство. <...> Сатирические опыты Платонова не удались. Но и в других, хороших и талантливых вещах часто была какая-то неясность, двойственность, которая отклоняла произведение от явно поставленной перед ним цели. Вот почему ясность «Такыра», которую мы уже подчеркивали, — большая удача для его автора. Эта ясность и прямота сделали «Такыр» произведением большой художественной силы. Нам в этом рассказе видно то, что может стать опасным для Андрея Платонова. Иронический элемент хорошей повести «Сокровенный человек» приобрел самостоятельное бытие и привел через малоудачное подражание Щедрина («Город Градов») к литературно слабой и политически вредной «хронике» — «Впрок». Если глубокий трагизм «Такыр» станет самоцелью и будет дальше развиваться в некий культ страдания, он неизбежно превратится в идейное декадентство. Настоящий путь откроется для Платонова лишь в том случае, если чувство исторической перспективы, которое, несомненно, есть в «Такыре», окрепнет и даст писателю умение правильно видеть социалистическую действительность нашей страны” (с. 203).

- 5 В это время Платонов работал над повестью “Джан”.
- 6 Трошкина В. А.
- 7 Трошкин Петр Артемьевич — муж В. А. Трошкиной; инженер-строитель, был дружен с Платоновым. См. п. 256–257.
- .....

[196] М. А. Платоновой
15 июня 1935 г. Москва

Дорогая Мария.

Почему ты не пришлешь письма? Или ты поступаешь по-старинному — “с глаз долой — из сердца вон”?

Мне же ведь очень скучно. Хотя и велика Москва на глаз, но она бывает пустой, когда нет в ней того, кого любишь.

Я всегда удивлялся твоему поведению. Как будто ты в глубине души лишь лицемеришь со мной. Всё это странно. Ты ведь знаешь, в каком положении я остался, как много у меня заботы и работы. А я прошу только об открытках хотя бы. Я тяжело переношу неизвестность и сам, как ты знаешь, никогда не мучаю другого тем, что скрываюсь без вести.

Открытку я тебе уже послал¹. Не знаю — дойдет ли она: точного адреса у меня нет. Это письмо тоже пойдет наудачу. Сейчас 2 ч <аса> ночи, т. е. уже 15/VI.

Удивительно тяжело работать силой сердца, т. е. в литературе, когда само сердце непокойно и тебя, которую я люблю навсегда (это не фраза), нет со мной. Ты подозреваешь, что я люблю у тебя только тело. Это неверно. Верно то, что я люблю тебя вдвойне: тебя самоё, т. е. твое существо человека, и тело как бы отдельно. Физическая привязанность моя к тебе сильна, но она лишь небольшая часть моего чувства.

Не случилось ли с вами чего худого? 16/VI дам телеграмму², которую ты будешь иметь вперед этого письма.

Что там делает сын? Опиши его состояние — доволен ли он, или так себе?

Пишу и смотрю на твой портрет в овале над столом. Целую обоих вас.

“Офелия, о нимфа,

Помяни меня в твоих святых молитвах”³. —

Ваш Андрей.

15/VI, 35, Москва.

P. S. Написал, и стало легче немного, как будто говорил с тобою вблизи.

Отчего у тебя нет этой необходимости?
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 520–521. Публикация Н. Корниенко.

1 См. п. 195.

2 В фондах Платонова не выявлена.

3 Строки из “Гамлета” У. Шекспира; в источнике: “...помяни меня в своих молитвах”.

Москва, 19/VI.

Здравствуй, Муся, Муза моих рукописей и сердца. Ты действительно моя Муза во плоти. Как мне трудно (внутренне трудно) без тебя; если бы я знал, что мне придется так тосковать без тебя, так болеть, я бы не пустил тебя. Без тебя мне не дышится. Я ничего не скрываю от тебя, — даже не знаю, как дожить до того дня, когда я тебя встречу в Москве. Дорогая Муза, — давай я тебя буду звать всегда этим именем, я нашел для тебя подходящее определение лишь на 14 году супружества. Это именно так. Я не могу поручиться, сумею ли я тебя дождаться, не заболев.

Извини меня за назойливость любовника, но вторая молодость моя, вторая весна далеко не кончилась, — та, которая началась в феврале. Она, может быть, лишь начнется, эта весна, и она причиняет сердцу такую жестокую боль, что ни работа, ни сон меня не берет. Засну, и вижу тебя во сне рядом, сжимаю тебя, а это сбившееся одеяло. Эта постоянная галлюцинация замучила меня, нервы расшатались вдребезги, я, вероятно, безболезненно не дождусь тебя. Сегодня залил простынь и свое белье семенем, причем в ужасном количестве, и не вставал, пока Валя не ушла, тогда я вымыл, как мог, под краном, а белье себе надел другое из чемодана.

Наверно, я расшатаюсь совсем. Если я тебя буду когда-либо и почему-либо лишен надолго, я кончу сразу жизнь. Ведь это смешно, — 35-летний человек терзается как юноша, у него трясутся руки, он не может справиться со своим воображением, у него стоит фаллос от одной мысли о той, кто находится за 1¹/₂ тысячи верст.

Милая моя, помни о том, кто тебе предан будет до последнего дыхания, кто, может быть, и умрет из-за тебя, из-за этой странной, “старинной”, вечной любви. Ни друг, ни работа, никто не заменит мне мою Музу, живую Музу,

тебя, дорогая девочка. Я рвался к тебе, ходил в издательство¹, на фабрику² и т. д. — хотел денег. Редактор Колесникова³ больна, второй месяц в больнице. И когда я кончу для них рукопись, то деньги получу не раньше, как выздоровеет эта Колесникова и, т<ак> сказать, завизирует рукопись, что она хороша. А когда это будет! Разве я дождусь? То же на фабрике (кино). В лучшем случае деньги будут в середине июля, — тогда поедем, м<ожет> б<ыть>, все вместе куда-нибудь. Не на юг, а хоть в псковскую деревню, я буду так счастлив быть с тобой.

Муза, возвращайся ко мне, не ожидая конца твоего срока, мне очень тяжело. Божинский⁴ и Ник<олай> Мих<айлович>⁵ советуют мне заняться лечением и отдыхом⁶; я изменился с тех пор, как ты уехала. Но тресту я должен, работы еще много, — как же я поеду, все подгоняют — давай скорей. А как я могу скорей работать с таким сердцем, когда оно думает лишь одно. Все видят, что я нездоров, но причина неизвестна. Впрочем, иногда люди догадываются правильно, но трудно сказать громко всем: “Товарищи, я сильно болен оттого, что слишком сильно люблю свою жену и ее нет со мной. И эта болезнь труднее, мучительней чумы!”

А на самом деле это так.

Я не знаю, что тебе, как тебе сказать об этом. М<о-жет> б<ыть>, это всё смешно для тебя и ты там живешь своим веселым способом с мужчинами. Ты не хочешь мне написать, одно это уже показывает твоё хладнокровие, твоё равнодушие ко мне. Так сделай что-нибудь сразу самое тяжкое для меня, а я всегда пойму свой выход. Как чудно жить с таким сердцем, как у меня, — это, наверно, глупо со стороны. Человек всё больше и больше влюбляется в свою жену. До чего ж это дойдет! Как будто дело идет не на возраст, а на юность.

Как бы я хотел любить тебя легко, беззаботно! Нет, я люблю тяжело. Помнишь хорошие слова:

“Ты любишь горестно и трудно”⁷.

Оттого и моя литературная муза печальная, что ее живое воплощение — ты — трудно мне достается.

Когда ночевал Жорж и вечером еще пришел Келлер, они упросили меня читать. Я им прочел кое-что из “Счастливой Москвы”, они удивились этой горести и трудной радости, духом которых проникнуто сочинение.

Ну приезжай ко мне, к нам домой.

Напиши же мне. Перевел сегодня по телеграфу сто рублей. Извини, что мало. Сколько нужно, сообщи, я как-нибудь достану. Для тебя я сделаю всё. Не забудь брать билеты в Москву. Я жду вас и считаю дни. Целуй и береги Тошку, я скучаю по нем, скажи это ему, пожми ему руку за меня, поцелуй в лоб.

Вспомни обо мне, ведь ты так бываешь нежна и чутка, что тоскуешь о мертвой черепахе. Я тоже сейчас одинок и скучен, как наша черепаха, когда она была живая⁸.

До свидания, милая теплая моя.

Я люблю тебя вечно и верно.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 521–523. Публикация Н. Корниенко.

- 1 В 1935 г. у Платонова были подписаны договоры с издательством “Советский писатель” на повесть “Инженер”; с 1934 на 1935 г. в план ГИХЛа (позже — издательство “Художественная литература”) перешли романы “Технический роман” и “Счастливая Москва” (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4410. Л. 115), а также пьеса “Высокое напряжение” (Там же. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9, 11).
- 2 Т. е. на кинофабрику “Совкино”.
- 3 Колесникова Галина Алексеевна — редактор издательства “Художественная литература”. Не ясно, о каком конкретно произведении Платонова идет речь (см. примеч. 1); не исключено, что о романе “Счастливая Москва”. Роман “Счастливая Москва” не был опубликован при жизни Платонова (впервые: Новый мир. 1993. № 9).
- 4 Божко-Божинский А. Г. — это время управляющий трестом “Росметровес”.
- 5 Тарасов Николай Михайлович — инженер треста “Росметровес”, руководитель Отдела технического контроля; записи о Тарасове имеются в “Записных книжках” Платонова. В фонде Платонова ОР ИМЛИ (Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 168. Л. 11) сохранилась фотография Тарасова с его дарственной надписью: “Андрею Платонову, первому, который меня начал понимать, как я сам себя понимаю. Н. Тарасов”.
- 6 Лето 1935 г. оказалось крайне тяжелым для Платонова. Он не так давно (март) вернулся из командировки в Туркмению, по которой у него

были немалые обязательства перед приглашающей стороной, а также перед московскими редколлегиями. Необходимо было срочно дорабатывать повесть “Джан”, сдавать запланированный киносценарий на туркменскую тему. Накапливались долги и на службе в “Росметровесе”. Совмещать литературную работу с ежедневной службой становилось всё труднее. В сохранившемся автографе заявления в “Росметровес” об увольнении (от 3 июня) Платонов пишет, что “ложное” положение в тресте доводит его до “болезненного состояния, при котором работать чрезвычайно трудно” (РГАЛИ. Ф. 2124, о Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1). Судя по содержанию письма, перед отъездом Марии Александровны в Крым он обсуждал с ней вопрос возможного ухода из треста (Платонов оставит службу в феврале 1936 г.).

7 Отсылка к строкам из повести “Епифанские шлюзы”; см. п. 113, 114.

8 Платонов, очевидно, привез черепаху из первой поездки в Туркмению 1934 г.; см. упоминание о ней в п. 191. Сюжет смерти черепахи запечатлен в рассказе 1936 г. “Любовь к Родине, или Путешествие воробья”.

.....

[198] М. А. Платоновой
20 июня 1935 г. Москва

5-е письмо.

Муза!

Валя¹ получила письмо и сказала мне, что ты от меня не получаешь писем вовсе, что я, наверно, пьянствую.

А я думаю, что мне придется лечь в больницу.

У меня окончательно разошлось сердце и по ночам льется измощающий пот. Сегодня я выясню, в чем дело. Я не беспокоюсь, только мне некогда болеть. Думаю, что врач скажет о покое, отдыхе и пр<очем>, о том, чего я иметь не могу. Они же умеют лечить лишь понос.

Оставим это. Никакой телеграммы от тебя я не получал. Получил одно простое письмо. А тебе послал открытку и три заказных (прилагаю в доказательство квитанции). Это — пятое письмо. Перевел вчера телеграфом сто руб<лей>. Взамен всего я имею одно письмо. Вот как обстоит дело.

Позавчера заходила Зина², взяла твой адрес. Она глухо сказала, что ты ей написала о плохой пище. Я сейчас же достал денег и перевел. Правда, мало. Но ты знаешь мое по-

ложение. Напиши телеграммой, сколько тебе еще нужно. Вообще я узнаю о тебе от других, что мне крайне неприятно.

Если там плохо, приезжай немедленно, не беспокойся ни о чем. Но ты все равно не приедешь. Там флирт и любовь, наверно, распустились вовсю, я тебя знаю.

Как бы я тоже хотел уехать из этой пустой квартиры, но кому я нужен. Ты круглые сутки свободна, но так, оказывается, занята, что тебе некогда прислать даже открытку. Какая-то ненависть у всех ко мне.

15 лет я не показывался врачу и боюсь идти. Я не верю и знаю, что бесполезно. Но я иду не радикально лечиться, а чтобы он дал что-нибудь для поддержки меня на ногах, т<ак> к<ак> мне нужно работать. Но трудно работать без тебя, трудно писателю быть без Музы. Я уже привык к твоему новому имени, которое я сам дал тебе и говорю с тобой в воображении, называя только так. Еще ни разу я не говорил тебе его в лицо.

Дорогая Муза! Что мне сделать такое, чтобы ты меня действительно любила и была готова на многое не ради долга, а ради страстного верного сердца. Не знаю что.

Вчера часа в четыре зашел Келлер, затем почему-то Божинский. Келлер просил почитать из новой вещи³.

Я прочел один кусок, Келлер заплакал, и я сам увидел, что пишу правильно. Было странно видеть, как у него молча из-под очков шли слезы. Я не видел никогда, чтоб он плакал, не помню.

Но получаешь ли ты мои письма? Кому же я пишу? Получила ли ты сто рублей?

Вот пишу, пишу и не могу оторваться. Как будто я с тобою вблизи.

Будь здорова и счастлива, моя Муза, и не забывай меня среди той красоты природы, о которой ты писала, среди всех людей, с кем ты сейчас делишь свое время и жизнь.

Скажи сыну, что я его люблю, что я по нем скучаю и часто смотрю на его игрушки, на столик, которые теперь пустые и ждут его. Андрей. 20/VI.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 523–524. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Трошкина В. А.
- 2 Зина — скорее всего, Зинаида Васильевна Смелякова, сестра поэта Я. Смелякова, подруга Марии Александровны с воронежских времен; крестная сына Платона.
- 3 В этот раз Платонов читает повесть “Джан”.

.....

[199] М. А. Платоновой
23 июня 1935 г. Москва

Москва 23/VI, 6 <часов> веч<ера>.

Дорогая Муза!

Утром послал тебе телеграмму¹, сейчас только получил второе письмо от 19/VI. Давай покончим о деле. Телеграммы твоей я не получал. В адресе был не уверен. Вот почему я открытку первую и, кажется, первые два письма писал, ничего от тебя не имея. Вот почему я лишь 12-го написал открытку. Время у меня, конечно, для тебя всегда есть, но силы мои пропадают.

Сердце мое совсем сдало. Я чувствую такое обмiration его, потерю ощущения его, что несколько раз в такие припадки плакал, — не оттого плакал, что испугался смерти, а оттого, что не увижу тебя больше. Утром я просыпаюсь мокрый от пота и чувствую, что все цветы во мне съела корова — болезнь. Одновременно у меня полная потеря аппетита, я обедал 3–4 раза, как ты уехала. Что касается завтрака, чая, ужина, то я это вовсе отменил, несмотря на настояния Вали. Это состояние усиливается твоим отсутствием. Усиливается настолько — буду писать сейчас всё, — что я несколько раз порывался дать тебе телеграмму, чтобы ты немедленно выезжала. Но потом думал, что вам там очень хорошо, нельзя разрушать твой отдых, звать тебя на помощь, — буду пока один. Извини меня за это кажущееся малодушие, но, может быть, я и прав.

Во всяком случае, я еще немного подожду. Если так пойдет, <со> слабым и больным телом, но с полной ду-

шой, с любящим тебя сердцем, но угнетенным, печальным, — я жить не буду. Это решено. Это мне соответствует. Ты говорила мне когда-то, что счастьем твоему мешать не надо, если я его дать не могу. Так вот, я попробую. Если не выйдет, я исчезну.

В груди у меня стоит дикая физическая боль, эта штука истерлась вдребезги, чинить ее не умеет никто.

Если Тотику плохо, он падает в обморок — присылай его немедленно ко мне домой с кем-нибудь из курортников. От москитов, которые тебя искушали, есть простое средство — не ходить много по ночам по глухим заросшим местам. Это не ревность, это гибель.

Дорогая моя. Скажу тебе сразу, как в юности, как в своем первом письме тебе. Я пропадаю без тебя, но ты приедешь нескоро. Когда совпадают припадки недомогания и тоски, то я борюсь с собой, чтобы не кончить все это разом.

Работоспособность моя исчезает. Я все время сижу за столом, но думаю о тебе. Муза моя, подумай обо мне и помощи. Ты умница и знаешь, что нужно делать в самых трудных случаях.

Тебе интересно, что — во-первых — творится дома, затем, что у меня (во вторую очередь). Дома ровно ничего не творится. Мне неохота занимать бумагу пустяками, поэтому я обычно не пишу об этом. Мне охота говорить о тебе и о себе, а не о ерунде.

Странно, мне всё кажется, что я тебя больше не увижу или увижу как-то особо, когда ты будешь близко от меня, но недостижима. Не знаю, что это.

Сейчас вечер. Предстоит страшная ночь слабости и пота — шестая ночь сегодня будет, как это началось.

Хочу пойти к Серг<ею> Александровичу² (2-90-00), но он мне не поможет. Может быть, пойду завтра, там увижу. Я опять пишу пустяки, как в прежних письмах, и ты будешь обижаться.

Если увидимся нескоро или не увидимся, то сохрани обо мне память навсегда. Я тебя любил и люблю всею

кровью, ты для меня не только любима, ты — священна и чиста, какая бы ты ни была в действительности.

Еще раз прошу прощения, что порчу тебе настроение и радость отдыха этим письмом.

Кинофабрика дала отсрочку на сценарий на месяц³. Фельдман⁴ и директор⁵ предложили путевку в санаторий, но я отказался. Без тебя не буду отдыхать и лечиться. И куда я поеду? — в Алушке-Саре нет их домов. В другое место мне не нужно.

С повестью идет недоразумение. Туркмены не признают, что я болен, они говорят, что душа их новой книги⁶ — в моей повести. А моя душа — в Алушке-Саре. Наверно, будет напечатано не полностью. Кончить я ее могу только с тобой. Будь же другом моим и литературы, милая моя Муза!

Приехали редактора из Туркмении. Я сказал — ждите, если я не лягу в больницу; мертвые не пишут. Ждите, я сказал, пока я не увижу свою Музу.

Телеграфируй мне, пиши, спасибо за последнее письмо.

Пойми меня как можно лучше. Не жертвуй ничем для меня. Любовь исполняет, что хочет, но не раскаивается никогда и не жалеет ничего.

Целую тебя. Целую сына.

Андрей.

Получила ты перевод на сто рубл <ей> по телеграфу? Сколько еще нужно денег? Телеграфируй. Я переведу телеграфом.

.....

Впервые: Архив. С. 524–526. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 16. л. 10–13.

1 Телеграмма не сохранилась.

2 Возможно, Сергей Алексеевич Гуревич — семейный врач; см. примеч. 5 к п. 220.

3 Точно не известно, о каком сценарии идет речь. В 1935 г. Платонов подработал переработкой чужих сценариев (см. п. 212), а также начал работать над туркменскими сценариями “Священная жизнь” (хранится в фонде Платонова в ОР ИМЛИ) и “Аяз” (опубл.: Страна философов, 2011. С. 495–511. Публикация Е. Роженцевой).

- 4 Фельдман — очевидно, Владимир Фельдман, сотрудник Московской кинофабрики, с которым Платонов в 1935–1936 гг. вел переговоры о судьбе “туркменского” киносценария (см.: Рожнецова Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив. С. 406).
- 5 Судя по телефонным адресам в записных книжках, Платонов в 1934–1935 гг. вел переговоры с двумя студиями художественных фильмов киностудии “Мосфильм” — со 2-й студией (директор З. Ю. Даревский) и 4-й студией (директор Л. А. Инденбом).
- 6 Речь идет о повести “Джан”, работа над которой началась во время 2-й поездки Платонова в Туркмению. Возможно, повесть планировалась для включения в издаваемый туркменской комиссией ССР литературно-художественный альманах “Туркмения” (вышел в начале 1936 г.).
.....

[200] М. А. Платоновой
27 июня 1935 г., Москва

27/VI.

Моя милая Муза!

Ты знаешь всё из моих писем и телеграмм. Зачем ты говоришь, что иначе ведь тебе нужно работать (если я не буду). Нет! Пока я жив, ты будешь лишь рожать моих детей. Я это твердо решил. Довольно халтурной жизни. Довольно болезненных суррогатов любви.

Ты мне прислала два письма — от 23 и 24/VI — издательство. Одно я возвратил простым письмом и послал телеграмму¹. Другое возвращаю при этом. Стыдно. Кто это делает. Почтальон мне передал эти письма в руки. Значит, если это делаешь не ты (что чудовищно), значит — твои доверенные люди в Алушке. И над кем они издеваются? Над тем, кого не знают, — надо мной. Кто же они, эти пошляки и подлецы, с которыми ты водишься? По своему уменью и обычаю ты всегда выбираешь самых негодных, самых глупых и мерзких людей себе в друзья. Они тебе потом кое-что сотворят на память. Никогда я не был так оскорблен, как получив эти два твоих конверта с такими вложениями. Какой я падший и любящий, если пишу тебе и после таких корреспонденций, — боже мой!

Что бы сделала ты?

Ты пойми: я получаю два конверта сразу. В одном бланк (грязный, оборванный) почтового перевода, в другом лист бумаги со словом, которое не идет к устам любимой женщины.

Ты одна, которая можешь хоть приблизительно разгадать это издевательство над твоим мужем — безобразное, тупое, оскорбляющее. Тот, кто это делает, не понимает, что он имеет дело совсем с другим человеком, чем это ему даже может присниться. Если б он очутился в Москве, он бы был проучен однажды и навсегда. Передай ему это. Пусть приезжает ко мне в гости.

Единственно верное предположение это то, что ты даешь кому-то относить твои письма на почту, этот кто-то явно не желает, чтобы ты писала письма мужу. Он их просто изымает из конвертов и вкладывает туда что попало, иногда же решается на матерное слово по отношению ко мне. Возможно, что он имеет некоторое право на это. Но право ему дала только ты. Другой разгадки этих удивительных корреспонденций я придумать не мог. Но сделано это хотя и глупо, но зло. Сообщи мне — кто же это делает, как его фамилия, кому ты, м<ожет> б<ыть>, “нечаянно” позволила смеяться над человеком, который тебя долго и верно любит. Пусть ты его (т. е. меня) не любишь, но ведь подлость необязательна. А это — подлость!

Больше я об этом не упомяну. И вот — опять я пишу тебе эти страницы, и целую их, и привыкаю к новой жестокости.

Но я не обвиняю тебя, а делюсь с тобой, м<ожет> б<ыть>, жалею тебе как женщине, сестре, почти как матери.

Не считай меня безнадежным безумцем.

Нет, всё кончено во мне, когда тебя нет со мной. Ты знаешь, что я нездоров и я еле-еле влачу свои дни в ожидании тебя.

Ты всё думаешь, что я тут вожусь с Костькой², что меня дома нет. Это неверно. Я вижусь с Келлером, с Сацем, виделся со Степ<аном> Мих<айловичем>³ (Катя его уехала в лагерь, он едет к ней тоже). Дома меня не бы-

вает фиктивно: я не откликаюсь на один звонок, а всем, кому вход не запрещен, велел звонить условным звонком (несколько раз). Верно, позавчера приходила Зина с Петром Васильевичем, был звонок, я вышел спустя время, увидел записку в дверях. Я бы их, конечно, впустил, но ошибся, думал, что Симонов⁴. Такие ошибки возможны, но иначе люди мешают заниматься.

С Костькой я не вижусь по простой причине. Мы серьезно поссорились как-то, стоя на дворе, в присутствии Луговского⁵. Он (Костька) изволил меня упрекнуть (потом он говорил, что это он иронически) в некотором недостатке революционности. Я его отпел так, что он завизжал, забрызгал слюной как прапорщик. Луговской был на моей стороне. Так что К<остька> отпал к чертовой матери.

Мое литературное положение улучшилось (в смысле отношения ко мне). Сказал один человек, что будто бы мною интересовался Сталин в благожелательном смысле. Сказал человек осведомленный⁶. Это возможно.

Ну, пиши же мне, дорогая. Я тебе пишу почти каждый день. Береги себя и сына для меня. Так болит душа, что при всем напряжении воли трудно справиться сразу и с разлукой с тобой, и с недомоганием.

До свиданья, милая моя.

Твой Андрей.

Я знаю, что ты непричастна к мерзким пустым конвертам. Это не может быть, чтоб моя Муза так “шутила” со мной.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 526–528. Публикация Н. Корниенко.

1 Телеграмма не сохранилась.

2 Константин Большаков, как и Платонов, жил в писательском доме на Тверском бульваре, 25. См. записи о нем в записной книжке Платонова 1935 г., после возвращения из Туркмении: “Когда видишь многих современных людей (К. Большакова, Тришина) etc.), то признаешь необходимость Тамерлана” (Записные книжки. С. 146); в записной книжке 1936 г.: “Одержимые достоинством, бегущие по двору бегом (мимо дворников и комендантов) etc. — Большаков и пр.” (Там же. С. 188).

- 3 Скорее всего, речь идет о драматурге Степане Михайловиче Луние и его супруге, чьи московский адрес и телефон встречаются в записных книжках Платонова 1935 г. (см.: Записные книжки. С. 161, 177). В фонде Платонова ОР ИМЛИ хранится книга С. М. Лунина “Распутин. Пьеса в 4-х действиях” (Л.: Издание автора, 1927) с дарственной надписью: “А. П. Платонову. Автор”, а также фотография Лунина с женой с дарственной надписью, сделанной 11 июля 1935 г., т. е. после возвращения Марии Александровны с отдыха: “Марии Александровне Платоновой с нежной любовью от друзей. Лунин. 11/VII-35”.
- 4 Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — поэт, прозаик, драматург; в это время — начинающий советский поэт, дебютировал в сборнике молодых литераторов “Смотр сил” (1934) фрагментами из поэмы о строительстве Беломорско-Балтийского канала (“Беломорцы”).
- 5 Луговской Владимир Александрович (1901–1957) — поэт, участник 1-й (1930) и 2-й (1934) коллективной поездки советских писателей в Туркмению; автор книг “Сполохи” (1926), “Мускул” (1929), “Страдания моих друзей” (1930), “Большевикам пустыни и весны” (1931), “Европа” (1932), “Жизнь” (1933).
- 6 Можно предположить, что “осведомленным” лицом являлся оргсекретарь Союза писателей А. Щербаков, который в январе 1935 г. передал Сталину статью Платонова “О первой социалистической трагедии” (см.: *Галушкин А.* Андрей Платонов — И. В. Сталин — “Литературный критик” // Страна философов, 2000. С. 817). Судя по донесениям ОГПУ, Платонов встречался с Щербаковым в марте 1935 г. (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 857).

---

[201] М. А. Платоновой
28–29 июня 1935 г. Москва

Дорогая Музочка!

Сейчас получил (в 9 ч<асов> веч<ера>) твое письмо от 25/VI.

Я жалею, что дал телеграмму по поводу двух твоих пустых конвертов и написал два раздраженных письма по этому поводу. Письма твои я получил все, кроме этих двух. С ними какая-то загадка. Я давно договорился с почтальоном. Все твои письма я либо получаю сам, либо мне он их бросает в форточку кухни, когда я отсутствую (в тресте). Что случилось, когда ты мне прислала пустой бланк перевода и чистую бумажку с ругательным словом, — для меня, вероятно, навсегда останется тайной. Если это остроумие или символика, то оно достойно лишь пошляков. И, кроме

того, непонятно, непонятно! Я бы сильно подозревал Костыку, но нет данных, фактов для этого.

Извини меня за телеграмму по этому поводу. Я тогда сильно расстроился, был оскорблен, не сообразил сразу, что ты, возможно, об этом деле знаешь столько же, сколько я, — ничего.

Если ты передаешь там кому-то письма (заказные) для сдачи на почту, то больше не делай этого. Лучше отправляй почаще простые, и сама, они тоже доходят. Пиши всё и не бойся, что какой-то стервец читает их. Читаю и перечитываю их только я.

Итак, не обижайся на меня. Подумай, как тебе было бы тяжело, если б ты получила от меня пустую бумажку со словом “пизда”, или грязный обрывок какого-то бланка.

Ты пишешь “уверена, что пьешь много, а ешь мало”¹. Вот что. Я не пью совсем, хотя бы потому, что нездоров, да и не на что.

Ты спрашиваешь, что делают мои герои — “Лида и пр.”. Лиды у меня нет. Ты путаешь. Есть Вера, которая уже умерла от родов, когда Н. И. Чагатаев² был в Сары-Камыше. Вещь не мрачная. Келлер плакал не от этого, а оттого, что вещь — человеческая, что в ней совершаются действия и страсти, присущие настоящим мужественным и чистым людям. Плачут не всегда от того, что печально, а оттого, что прекрасно, — искусство как раз в этом. Слезы может вызвать и халтурщик, а волнение, содрогание — только художник.

Ты пишешь, что я сплавил вас, а теперь — история. Какая же история? Я не знал, что тебе неприятно, когда тебя любит муж.

“И ради всех святых (наших) не сходи с ума”.

Смотри, разумные не любят. Ты как раз чрезвычайно умна, что мне и нравится, и нет. И какая ты злая. “Вдруг рукопись не примут? Столько потеряно времени. Что будем делать тогда? На авансы надежды уже нет”. Разве можно меня упрекать в этом? Неужели, ты только и связана со мной одними материальными интересами? Как мало, в сущ-

ности, в тебе любви и как много хозяйственных соображений. Не бойся ничего, ты будешь жить хорошо. Только не задавай мне таких вопросов, я их не люблю слышать от тебя.

Сегодня встретил Павленко на дворе. Он мне опять говорил о даче для меня³ (я тебе уже писал об этом). Как будто дело реальное. Я думаю, это тебе приятно знать. М<ожет> б<ыть>, на будущее лето ты уже будешь жить на своей просторной даче и мы вдвоем разведем сад и огород, потом ты родишь для меня девочку, похожую на тебя. Неужели не хочешь?

Когда же ты приедешь? У меня дрожит сердце от одного воображения — что будет тогда между нами на нашем спальном ложе! Как я буду питаться тобой! Дождусь ли я этого, или что-нибудь неотвратимо помешает приблизиться тому времени. Не сердись на меня больше никогда.

Я понимаю, что зря пишу такие сплошь любовные, неинтересные для тебя письма. Любовь ведь завоевывается иначе — тактикой, незаметной хитростью и т. д., но я иду напрямик, дуром, как безумный, и результаты не могут быть хорошими.

До свиданья, милая, первая и последняя моя Муза, прекрасная чистая жена и друг.

Целую тебя в губы, в глаза, в щеки <нрзб>⁴.

Твой Андрей.

Привет и рукопожатье дорогому сыну.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 529–530. Публикация Н. Корниенко.

Датируется условно — по содержанию письма.

1 Здесь и далее цитируется несохранившееся письмо Марии Александровны.

2 Вера и Назар Иванович Чагатаев — герои повести “Джан”.

3 Решение о строительстве дачного писательского поселка в Переделкине было принято правительством в 1933 г., в преддверии Первого Всесоюзного съезда писателей; строительство началось в 1934 г.; весной 1935 г. президиумом ССП и Литфондом рассматривались списки претендентов на первые тридцать дач. Павленко являлся председателем правления членов товарищества “Городок писателей”. Платонов дачу в Переделкине не получил; на сегодняшний день документы, свиде-

4   тельствующие о том, что Платонов был включен в список тридцати, не
 выявлены.
 Окончание предложения тщательно вымарано Марией Александровной.
 .....

---

[202]   М. А. Платоновой
 2 июля 1935 г. Москва

Прошу телеграфировать здоровье. Когда приедете.
 Целую обоих. Андрей.
 .....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 530. Телеграмма. Публи-
 кация Н. Корниенко.
 .....

---

[203]   М. А. Платоновой
 3 июля 1935 г. Москва

Вторично прошу телеграфировать твое положение.
 .....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 530. Телеграмма. Публи-
 кация Н. Корниенко.
 .....

---

[204]   В РЕДКОЛЛЕГИЮ ИЗДАНИЯ “ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ”
 25 июля 1935 г. Москва

В гл<авную> редакцию “Две пятилетки”.

В редакцию “Красной нови” мною 18/VII была отда-
 на рукопись “Джан”¹ — для напечатания. После того я был
 вызван т. Корабельниковым², который сказал мне, что эта ру-
 копись “Джан” предназначалась для издания в книге “Две пя-
 тилетки” и я совершил недостойный поступок. Я ответил
 т. Корабельникову, что если поступок недостойный, то я его
 в состоянии исправить и согласен исправить, лишь бы унич-
 тожить неприязнь в отношении ко мне со стороны редакции.

Теперь я дам несколько объяснений этому своему
 действию.

В начале года главная редакция решила издавать
 бюллетень. Мне предложили написать статью³. Я ее напи-

сал, отдал рукопись на машинку и выехал из Москвы на 2 месяца. Рукопись была перепечатана на машинке в мое отсутствие, и перепечатанного экземпляра я уже не видел. Эта рукопись затем была публично проработана, и оценка ее была напечатана в газетах⁴. Я допускаю наличие грубых опечаток машинистки, за которые я тоже ответил, но не в этом дело. Дело в том, что творческий коллектив писателей и моих товарищей, составляющий “Две пятилетки”, поступил не в духе коллективизма, не в духе товарищества. Этот коллектив, прочитав мою статью, должен мне прямо сказать, в чем ошибки статьи, — я бы тогда понял это ясно, потому что в среде коллектива находится ряд людей высоко квалифицированных, особо уважаемых мною. Но дух коллективизма в данном случае не действовал, тот дух, о котором с таким эмоциональным напряжением говорили члены коллектива на многих совещаниях.

Второе. Было несколько собраний. Говорили об издании книг, посвященных двум пятилеткам. Я каждый раз, когда получал повестку, посещал эти собрания. В конце концов выяснилось, что будет издана в первую очередь книга “Картины жизни страны” и что в ней участвует часть коллектива — группа писателей в 7–10 человек⁵. Я остался вне этой группы.

Затем обсуждается и принимается план 2-й книги “Взгляд в будущее”. На первое собрание я повестки не получил случайно (моя фамилия была, кажется, спутана с фамилией другого писателя). На второе собрание — в “Правде” — я был не вызван сознательно, хотя я, советский инженер, — имел двойной интерес для присутствия на таком собрании⁶.

Из этих трех фактов, пришедших мне на память, мне стало ясно, что я неполноценный член писательского коллектива, человек “из милости”.

Итак, в первой книге “Картины жизни страны” я не участвую, потому что это участие было, очевидно, признано нецелесообразным.

В отношении второй книги — “Взгляд в будущее” — я и название ее узнал только из газет. Ясно, что

и в этой книге я также участвовать не буду: мое участие не нужно.

Я спросил сам себя: куда же я готовлю свое сочинение? Этому сочинению по плану и темам первоочередных книг некуда попасть, оно там неуместно. Да и кроме того, вторая книга выйдет лишь в 1936 году, я же по разным обстоятельствам не могу ожидать 3-й книги, куда я, возможно, попаду со своим произведением. Ведь будет конец 1936 года или начало 1937-го?

Вот поэтому я отдал свою рукопись, назначенную для “Двух пятилеток”, в журнал “Красная новь”, а для “Двух пятилеток”, как для издания, мое участие в котором не носит срочного характера (не по моей вине, как видно из изложенного выше объективного материала), у меня есть еще две рукописи — одна совершенно отделанная и готовая (антифашистская по своему характеру)⁷, другая — повесть — не вполне законченная, но которую я с избытком управлюсь закончить ко времени нужды в ней⁸.

Я прошу главную редакцию принять от меня по договору эту повесть. Размер ее — 20–25 авт<орских> листов; но если она удовлетворит тем предельно высоким требованиям, которые поставлены перед участниками коллектива “Двух пятилеток”, то, я думаю, размер рукописи не послужит препятствием к ее изданию. Если это не годится, прошу принять готовую небольшую вещь на антифашистскую тему.

Если оба мои предложения непригодны, то прошу выдвинуть свое предложение, которое я постараюсь исполнить.

В заключение должен сказать, что это письмо написано не затем, чтобы излить свою личную обиду — я не принадлежу к обиженным и обижающимся, — а затем, чтобы Вы вместо маленькой рукописи приняли большую и чтобы впредь у Вас все члены коллектива были равноправными — в смысле подготовки к той качественно совершенной работе, которую Вы им предложили, а они приняли.

С тов. приветом Андр. Платонов.

25/VII 35.

.....

Печатается по машинописи с авторской правкой: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 5. Л. 5–7.

“Две пятилетки” (др. названия — “20 лет”, “Люди второй пятилетки”, “Люди пятилетки”) — коллективный труд, который должен был стать художественным памятником 20-летия Советской власти. Издательский проект был задуман А. М. Горьким в январе 1934 г. В состав редколлегии входили Горький, Л. Мехлис, А. Стецкий, Г. Корабельников (отв. секретарь). В течение 1934–1935 гг. собирались совещания редакторов и авторов, часто с присутствием Горького, который вел активную переписку с членами редколлегии по поводу издания. А. Платонов, как и многие писатели: А. Афиногенов, И. Бабель, М. Зощенко, Вс. Иванов, А. Малышкин, Л. Леонов, К. Паустовский, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов и др., — входил в состав коллектива. В фонде Платонова сохранилась папка с документами “Альманах «Люди пятилетки»”, включающая проект программы издания, ориентировочный состав коллектива (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 31). Материалы, очевидно, раздавались писателям на одном из совещаний в начале 1935 г. (см.: Архив А. М. Горького. Т. X. Ч. 1. М., 1964. С. 344–348). В параграфе программы “Герой книги, формы его изучения и изображения” сделаны, вероятно Платоновым, пометы чернилами (отмечено курсивом): “Предметом изучения должны явиться *новые мотивы человеческого поведения*, новые чувства, страсти, понятия, так как они возникли в процессе социалистического строительства и получили новое историческое развитие” (Л. 8).

- 1 Повесть “Джан” не была напечатана в журнале “Красная новь”. При жизни писателя опубликован фрагмент повести под названием “Возвращение на родину” (ЛГ. 1938. 5 августа). Впервые: Простор. 1964. № 9 (в сокращении).
- 2 Корабельников Григорий Маркович (1904–?) — партийный и издательский работник, ответственный секретарь издания “Две пятилетки”.
- 3 В бюллетень “Записные книжки”, который задумывался как приложение к серии книг “Две пятилетки”, Платонов предложил статью “О первой социалистической трагедии”. В самом начале января 1935 г. Корабельников отправил рукописи статей Платонова и К. Зелинского (“О понимании исторического и показе противоречий”), предназначенные для бюллетеня, М. Горькому (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Т. 4. 1930–1936. М., 1960. С. 438). Разъясняя Корабельникову “непригодность” обеих статей, Горький писал: “Издавать эти книжки я не вижу оснований” (АГ. ПГ-рл-20-7-1). См. также примеч. 4 к п. 188.
- 4 См. выступление А. С. Щербакова на Втором пленуме правления ССП СССР 5 марта 1935 г.: “Другой литератор поставил перед собой такой вопрос: «В чем смысл современной исторической трагедии?» — и отвечает: «Смысл, по-моему, в том, что техника решает всё». Эти мысли,

кроме как реакционными, никак назвать нельзя. Эти мысли перекликаются с Шпенглером, хотел этого автор или не хотел. Эти мысли отражают философию враждебных социализму элементов” (ЛГ. 1935. 10 марта. С. 3).

- 5 По плану начала 1935 г. книга “Картины жизни страны” предполагалась как вступительная к изданию “Две пятилетки”, в которой “будет рассказано о событиях великого десятилетия 1927–1937 гг. и она послужит как бы фоном для произведений многотомника” (ЛГ. 1935. 24 мая. С. 2). В авторский коллектив книги входили Б. Агапов, В. Галин, А. Гарри, С. Диковский, Г. Корабельников, Л. Рубинштейн, В. Шкловский. Как сообщала “Литературная газета”, предваряя публикацию отрывков из глав книги, “Картины жизни страны” пишутся на основе подробного плана, составленного Агаповым и Шкловским, коллектив уже приступил к работе, и к октябрю книга будет готова к производству (Там же).

- 6 Книга “Взгляд в будущее” должна была представить Советский Союз в будущем. На обсуждения будущего издания приглашались, наряду с писателями, известные ученые. По этому поводу Горький писал Л. Мехлису 26 апреля 1935 г.: “...я убедительно прошу Вас организовать на протяжении апреля–мая четыре или пять собраний, на которых литераторы могли бы ознакомиться с итогами работы в разных областях науки и техники. На одно из собраний попросить т. Кржижановского в качестве докладчика по электрификации Союза, на другое хорошо бы привлечь А. Н. Баха и еще кого-нибудь из крупнейших химиков, затем следует послушать геолога, агронома и военспеца” (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 387). В письме Горькому от 31 мая Мехлис предлагал провести ближайшее собрание 8 июня. Реально совещание по тому состоялось 10 июня 1935 г. в помещении редакции “Правды”; на нем выступили А. Н. Бах, И. Г. Александров, Л. Н. Федоров, Вера Инбер, С. Я. Маршак.

Возможно, для одного из таких собраний А. Платонов готовил текст выступления (сохранился черновой автограф):

“Некоторые из присутствующих» здесь помнят, что я писал произведения глубоко вредоносные и был за них бит с такою силой, что с трудом выживал. Но я вышел сейчас не для раскаяния — оно никому не нужно; советская» литература достаточно сильна, чтобы обойтись без одного человека. Кроме того, признание своих ошибок заключается в написании таких новых вещей, которые своими положительными качествами перекрывают вред, нанесенный старыми порочными сочинениями. Мне кажется, я теперь выучился уже или по крайней мере доучиваюсь писать вещи, полезные и достойные быть напечатанными. Доказательство тому то, что мои вещи начинают печатать.

Не скрою, я вылез из своей беды лишь благодаря тому простому средству, что вновь ушел на производство, из которого когда-то вышел. Но меня занимает не моя судьба, а судьба рабочего класса и роль советской литературы в этой судьбе.

А. М. Горький говорил в докладе и раньше о самой глубокой и универсальной теме современности — о труде. Сталин назвал писателей

инженерами» человеческих» душ. Еще ранее Маркс, Энгельс и Ленин написали самые пронцательные страницы о труде, технике, в частности об электричестве.

Я нарочно назвал пять имен самых больших работников новейшей истории человечества, чтобы показать родственность или совпадение их точек зрения на будущее время.

А. М. говорил о труде, но ведь в наше время труд — это техника, и в социализме техника заменяет старое понятие труда нацело. Техника в период реконструкции» решает все: следовательно понятие труда целиком поглощается техникой. Техника делается самым эффективным и совершенным способом труда, т. е. техника является новым основанием жизни людей.

Ясно, что А. М. имел в виду технику, говоря о труде. И техника для нас великая тема не в смысле Уэллса, Жюль Верна и др. писателей. Нет, техника сейчас приобретает еще большую силу, чем это думалось фантастам прошлого времени. Мне, инженеру — правда, пока еще мертвой материи, а не живой человеческой души (последнее звание еще не соответствует моим силам), — мне приходится много заниматься техникой. И мне кажется, что время почти полного практического господства человека над природой весьма близко. Если бы сейчас назвать точно начало этого времени, мало кто поверил бы. Если нас не затормозит мировая война, можно назвать четверть века, и это будет сроком начального момента практически абсолютной власти человеческого коллектива над природой. Я, конечно, имею в виду советского социалистического человека, наших, специфически советских людей, новое поколение работников, воспитанных коммунизмом, и наши всё более нарастающие скорость и страсть в труде.

Я возьму один только пример. Магнито-оптический трансформатор. Энергия пространства. Тьма есть невидимый свет. Максвелл. Гауи — Дирак.

Практически бесконечная энергия в любых формах — смертельных и животворящих. Сейчас ведутся в этом направлении работы» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 5. Л. 1–4).

7 Вероятно, речь идет о рассказе “Мусорный ветер” (1933).

8 Какое произведение Платонов имел в виду, точно сказать нельзя. На рабочем столе писателя в это время находится несколько проектов. Это повесть “Инженер”, текст которой на сегодняшний день не обнаружен; по договору от 13 марта 1935 г. с издательством “Советский писатель” Платонов должен был сдать повесть в 8 п. л. не позднее 15 апреля 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 11–11 об.). Роман “Счастливая Москва” Платонов должен был представить в издательство “Советский писатель” не позже 1 июня 1936 г. (РГАЛИ. Ф. 2121. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 17–17 об.). В записных книжках 1934 г. упоминается также повесть (роман) “Македонский офицер” (см.: Записные книжки. С. 148, 150).

.....

Тов. Мехлис!

Недавно я передал в “Правду” несколько глав из своей повести¹. Это я сделал для того, чтобы видно было, что моя литературная работа приобретает положительный характер (в идеологическом и художественном смысле).

В литературном отделе “Правды” приняли к печати один отрывок, спросив, не та ли это повесть, что была в “Кр<асной> нови” и которая была предназначена для печатания в сборнике “Две пятилетки”². Я сказал, что да, та самая. Здесь я Вам должен дать краткое разъяснение как редактору “Правды” и руководителю “Двух пятилеток”. (Жалею, что не догадался — по своей вине — сделать их вам лично.)

Мною заготовлено для “Двух пятилеток” три рукописи³. Причем я не знаю, которую именно я дам туда, т. е. какую одну из трех. Для себя же решил, что лучшую. Перепечатав часть одной повести на машинке, я дал ее в “Кр<асную> новь” т. Ермилову⁴. Ермилову она понравилась — и об этом он мне заявил, сказав, что напечатает ее осенью в журнале.

Я, откровенно говоря, обрадовался, особенно тому, что повесть хороша и в идеологическом отношении, что я переработал в себе этот главнейший недостаток.

Меня вызывает (через 2–3 дня) Корабельников⁵ и заявляет, что я поступаю дурно, ведь та повесть, которая выходит сейчас в “Кр<асной> нови”, намечается в “Две пятилетки”. Я говорю, что да, конечно. Я согласился тем скорее, что произведение мне идеологически, очевидно, удалось, т<ак> к<ак> есть апробация хотя и одного ее читателя, — т. Ермилова, но этот читатель — коммунист, литератор и, как вам известно, человек в этом отношении высокой квалификации.

Затем я узнал — печатать вещи, назначенные для “Двух пятилеток”, нигде нельзя⁶. Я же предполагал, как обычно, что в периодических журналах можно.

Тогда я заявляю т. Корабельникову: беды здесь нет, пусть эта вещь печатается в “Кр<асной> нови”, т<ак> к<ак> мне надо как можно скорей печатать хорошие вещи, чтобы уничтожить тот вред, который я принес в прошлом своими плохими вещами. А для “Двух пятилеток” у меня есть еще два произведения, которые я писал тоже изо всей силы. Да и кроме того, ведь книга, куда попадет моя рукопись, выйдет лишь к осени 1937 г. (в книгах “Картины жизни страны” и “Взгляд в будущее”⁷ я не участвую, не знаю почему). Ведь есть время, я напишу еще новые сочинения, и не одно. Ведь мое положение не легкое, не нужно его усугублять. Кроме того, почему надо считать, что именно эта вещь, которая передана в “Кр<асную> новь”, назначается и подходит для “Двух пятилеток”. Ведь это я сам сказал так, а редакция “Двух пятилеток” ни одной рукописи из трех не имеет и не читала их.

Но т. Корабельников упорствовал на своем, хотя и не читал ни одной строки моих новых рукописей в том числе.

Тогда я написал письмо в гл<авную> редакцию “Две пятилетки”⁸ и принес его на второй день Корабельникову. В письме я объяснил это же положение. Тов. Корабельникова письмо на имя гл<авной> ред<акции> не удовлетворило, он сказал, что лучше будем считать инцидент исчерпанным. Я согласился. Через несколько дней состоялось заседание гл<авной> редакции, где вы присутствовали, а я читаю в “Правде” отчет и узнаю, что т. Корабельников доложил там мой “исчерпанный” инцидент⁹.

Затем Корабельников вызывает меня снова. Я уже тогда запутался. Ермилов до того сказал мне, что печатать вещи не будет, и я взял ее обратно. Корабельникову я сказал, что как отделаю все рукописи, так принесу их ему. Он мне показал протокол гл<авной> редакции, где изложено то, что вы знаете.

Но если бы вы знали действительное положение дела и мое положение, то, конечно, такой путаницы из пустика (по существу говоря) не получилось бы.

Теперь я прошу Вас помочь мне следующим. Рукопись, которая была в “Кр<асной> нови”, не считать назначенной для “Двух пятилеток” (ведь это я сам посчитал ее так и сам же сказал об этом Корабельникову) и разрешить ее к печатанию в “Кр<асной> нови” (название повести “Джан”). Я же представлю в “Две пятилетки” две новые рукописи и кроме того третью — к концу этого, 1935, года. Всего 25–30 авт<орских> листов (договор у меня на 3 листа). Ведь практически для гл<авной> редакции это совершенно приемлемо, ее интересы полностью обеспечиваются, время не проигрывается¹⁰.

Затем сообщить т. Кантору¹¹ в “Правду”, что печатать отрывок из повести “Джан” можно, а эти специфические обстоятельства отпадают.

Для вас эти действия совершить нетрудно, а для меня их значение огромно.

~~Я бы не стал Вас беспокоить этим по необходимости длинным письмом, если бы обстоятельства моей жизни и работы были хотя бы в небольшой степени хороши.~~

С тов. приветом и уважением

Андрей Платонов.

.....

Печатается по черновому автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 1–3.

Датируется условно — по содержанию письма — не ранее 4 августа (см. ниже примеч. 9).

Мехлис Лев Захарович (1889–1953) — партийный и издательский работник, главный редактор газеты “Правда”; принимал участие во многих общественно-политических проектах А. М. Горького: “История гражданской войны”, “История фабрик и заводов”, “Две пятилетки”, “Творчество народов СССР”. В 1934 г., в преддверии писательского съезда, Мехлис настраивал Горького против некоторых писателей — М. Пришвина, П. Васильева, А. Платонова, стараясь подвигнуть его на публичное выступление против них. В ответном письме Мехлису по поводу этого предложения Горький высказался обо всех названных редактором “Правды” писателях, в том числе о Платонове: “Ан. Платонов — даровитый человек, испорченный влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним” (цит. по: *Примочкина Н.* Писатель и власть. М., 1998. С. 62–63).

- 1 Имеется в виду повесть “Джан”. В архиве ФСБ сохранились записи комментария Платонова к этому факту его биографии: “...я сдал «Джан» печатать в редакцию «Правды», *пропуск* принял у меня отрывки, но, узнав, что это та повесть, о которой говорили у *пропуск*, — отказался печатать. А для меня в «Правде» напечататься было интересно” (Андрей Платонов в документах ОGPU. С. 859).
- 2 См. п. 204.
- 3 Одна из рукописей — “Джан”, о двух других см. примеч. 7 и 8 к п. 204.
- 4 Ермилов Владимир Владимирович (1904–1968) — литературовед, критик, издательский работник. В 1932–1938 гг. — член редколлегии журнала “Красная новь”.
- 5 См. примеч. 2 к п. 204.
- 6 Хотя на совещании Главной редакции 10 апреля 1936 г. было заявлено, что предназначенная для “Двух пятилеток” “работа не может больше нигде печататься”, и отмечено, что “у некоторых товарищей были такие настроения: он почти не успел написать своей вещи, он еще не сдал рукопись в «Две пятилетки», а хочет где-то печататься” (Стенограмма совещания Главной редакции “Двух пятилеток” совместно с правлением ССП и редакцией “Правды” // АГ. КГ-изд. 16-1-10. Л. 83), очевидно, что члены коллектива авторов не были четко осведомлены об этом. См., например, выступление И. Лежнева на том же совещании: “Мне кажется, что если надо брать все лучшее, то нет беды, если печатается большой роман и оттуда будет кусок перепечатан” (Там же. Л. 65).
- 7 См. примеч. 5 и 6 к п. 204.
- 8 См. п. 204.
- 9 Имеется в виду заседание Главной редакции, проходившее 2 августа 1935 г. у М. Горького, на котором присутствовали Л. Мехлис, А. Стецкий, А. Щербаков, Вс. Иванов, Бр. Ясенский и др. В сообщении о прошедшем заседании отмечалось: “Имеются факты, когда некоторые писатели принимают предложенную им Главной редакцией тему, берут командировку, пишут якобы для «Двух пятилеток», а потом отдают свои произведения в другие издательства. Главная редакция категорически осудила эти вредные, недостойные советского писателя «нравы»” (Правда. 1935. 4 августа. С. 4).
- 10 Реально ситуация с изданием сложилась так, что по новому плану много-томника “Две пятилетки”, составленному в январе 1936 г., в первый том, тема которого “Родина”, Платонов попадал по-прежнему со среднеазиатской темой: “А. Платонов — Средняя Азия. Превращение пустынного нищего раба в передового человека современности, в существо, на которое пала вся ответственность за будущую историю” (см.: Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 1. М., 1964. С. 349). На совещании 10 апреля 1936 г. по тому “Родина” Корабельников докладывает “состав авторов и тем”: “Артем Веселый — рассказ о «Ленине» <...> Дальше идет речь тов. Паустовского на тему «Родина». Затем повесть Слоновского о «Пограничниках». Затем повесть Павленкова о «Дальнем Востоке», повесть Никулина о «Советском дипломате» <...> Затем вещь Федина о нашем Севере. Вещь Бабеля — путешествие по Башкирии,

повесть Бергельсона — строительство Биробиджана, Эренбурга — о «комсомоле». Вещь Андрея Платонова на материале Средней Азии, вещь Пасынкова на материале Дагестана, повесть Берзина о Казахстане, рассказ Тарского о Кубани...” (АГ. КГ-изд. 16-1-10. Л. 4–5). В выступлении Платонова на этом совещании речь идет о “вещи на среднеазиатском материале”, которая “требует радикальной переработки”, как это согласовано с Корабельниковым, т. е. о “Джан”, и о второй “небольшой вещи”, которая написана к этому времени и которую Платонов предлагает в издание вместо первой (см.: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 14).

Несмотря на то что в итоговом выступлении на совещании Мехлис констатировал, что “положение серьезное”, к работе “некоторые товарищи <...> отнеслись более чем легкомысленно” и “надо работать по-иному, чтобы не осрамиться на всю страну” (АГ. КГ-изд. 16-1-10. Л. 78–79), том “Родина” “намечено сдать в производство не позже 1 ноября этого года” (Там же. Л. 7). Проведенное 10 апреля 1936 г. совещание по “Двум пятилеткам”, судя по “Летописи жизни и творчества А. М. Горького”, стало последним. 26 мая Горький возвращается в Москву, 1 июня заболевает. После смерти Горького (18 июня 1936 г.) большая часть его проектов закрывается. Из запланированных томов “Двух пятилеток” осуществляется замысел только четвертого — “Творчество народов СССР” (М., 1937. Под. редакцией А. М. Горького, Л. Мехлиса, А. Стецкого).

- 11 Кантор Хаим Натанович (1895–1938) — партийный редактор, заведующий литературным отделом газеты “Правда”.

[206]

А. В. Фосьо

26 августа 1935 г. Москва

Тов. Фосьо!

При этом передаю Вам книгу “Происхождение мастера” — для переиздания¹.

Переиздать нужно не всю книгу, а только несколько вещей из нее: “Происхождение мастера”, “Елифанские шлюзы” и “Ямскую слободу”!

Причем повести эти, в случае, если будет решено об их переиздании, будут мною просмотрены, переработаны и т. п.

Прошу дело это решить поскорей. С тов. приветом
Андр. Платонов.

26/ VIII 35.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 1.

Фоньо Александр Васильевич (1901–1941) — редактор, заместитель председателя правления издательства “Советский писатель”, в это время — исполняющий обязанности председателя правления.

- 1 Вопрос о переиздании книги Платонова не рассматривался; нет Платонова и в “Списке переизданий на 1936 г.”, утвержденном в январе 1936 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 29. Ед. хр. 13. Л. 55). В редакционном плане издательства на 1936 г. (заявки к плану принимались летом 1935 г.) значится повесть Платонова “Инженер”, с поздней пометой о переносе издания на 1937 г. (Там же. Л. 38, 61, 72).
- .....

[206*] И. А. Сацу

1/2 октября 1935 г.

Дорогой Игорь.

Я забыл тебе сказать, что ведь на рукописях (и сценария, и рассказа¹) нужна надпись, либо отдельный письменный знак (записка), рекомендуемый их со стороны Г.Д.², иначе ведь мне не поверят. В случае отрицательного результата, таких знаков, понятно, не нужно, а самые вещи ты возьми к себе. Не знаю, удобно ли вообще с этим возиться тебе, м<ожет> б<ыть> — не надо? М<ожет> б<ыть>, ограничиться запиской относительно лишь сценария на фабрику “Рот Фронт”³, а другую вещь похерить? Келлера еще не видел, наверно, увижу сегодня. Желаю тебе скорее подняться, однако сам ты не вскакивай, поскольку ты способен выглянуть даже из гроба.

Привет Рае⁴.

Жму твою руку.

А. П.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 623. Публикация Е. Антоновой.

Датируется по штемпелю на почтовой карточке (3.10.1935). Отправлено на домашний адрес И. Саца (Арбат, 54, кв. 17).

- 1 Возможно, речь идет о туркменских текстах Платонова, созданных после второй поездки писателя в Туркмению. К 1935 г. относится работа Платонова над киносценариями “Аяз” (второе название — “Карагез”), “Священная жизнь” и “Отец-мать”.

- 2 Г. Д. — неустановленное лицо, с которым Платонов связывал получение рекомендации к публикации.
- 3 Киностудия “Рот-Фронт” — филиал кинофабрики “Межрабпомфильм”. В записной книжке Платонова 1935 г. имеются адреса и телефоны московских киностудий, в том числе акционерного общества “Межрабпомфильм” (см.: Записные книжки. С. 384).
- 4 Линцер Раиса Исаевна (1905–1990?) — жена И. Саца, переводчик.
.....

---

[207]   Вс. В. ИВАНОВУ
22 января 1936 г. Москва

Уважаемый Всеволод Вячеславович!

Я к Вам обращаюсь с одной просьбой. Если она трудно выполнима, то оставьте ее без последствий.

От В. Шкловского¹ я случайно узнал, что Вы едете к А. М. Горькому². И у А. М. Горького можно решить мою небольшую просьбу.

По договору с редакцией “Две пятилетки”³ я написал повесть под названием “Джан” (душа). Договор был на три листа, в повести — 8. Повесть эта, если она подойдет, будет напечатана в специальных книгах, выпускаемых к 20-летию Октябрь<ьской> револ<юции>, т. е. в 1937 г.

У меня есть надежда, что, если бы эта повесть была опубликована, она бы сняла с меня тяжесть, которую я ношу за многие свои ошибки. Но опубликование ее категорически запрещено впредь до издания книги “Люди пятилетки”, т. е. до 1937 г.

По-моему, если эта вещь удовлетворительная, то нужно ее напечатать теперь же, хотя бы в альманахе “Год девятнадцатый”⁴. А я даю гарантию, что через два-три месяца напишу для редакции “Люди пятилетки” другую вещь.

Ведь если они издадут книги в 1937 г., то рукописи им нужны не ранее осени 1936 г. Какой деловой смысл в том, что моя рукопись будет лежать в столе редакции год-два, а для меня будут действовать всё те же плохие обстоятельства, которые вышли из моей плохой работы в прошлом.

Я обещаю, что для редакции “Люди пятилетки” дам другую рукопись и нисколько не повлияю на задержку в выпуске книги, куда моя рукопись предназначена.

Дело это простое и ясное. Я пробовал всячески уяснить его другим людям, ничего не вышло⁵, и теперь у меня осталась последняя инстанция — А. М. Горького.

Я прошу Вас, Всево<олод> Вячесл<авович>, передать эту информацию А. М. Горькому. От него потребуется всего две-три секунды размышления, потому что дело пустяковое. А для меня это очень важное дело: мне будет сильно облегчена жизнь и главное — дальнейшая работа.

Если Вы согласны и есть надежда на успех, то поговорите с Ал<ексеем> Макс<имовичем>, если нет, то бросьте это письмо куда хотите. Извините, что затрудняю Вас, другого пути не мог придумать.

С тов. приветом Андр. Платонов.

22/1 36.

Адрес (если он понадобится): М<осква>,

Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27. А. Платонов.

.....

Впервые: Волга. 1989. № 8. С. 165. Публикация Е. Литвин. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 673. К. 45. Ед. хр. 35. Л. 2—2 об.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель, с осени 1927 г. — член редколлегии журнала “Красная новь”, с 1934 г. — председатель Литфонда, один из секретарей СП СССР. Знакомство Иванова с Платоновым состоялось, видимо, в середине 1926 или в 1927 г. (см.: Творчество, 2008. С. 281–284). В 1929 г. Иванов поддержал публикацию в журнале фрагментов из романа “Чевенгур” (см.: Воспоминания. С. 218). Свое письмо с просьбой Платонов не случайно адресует Иванову: в писательских кругах было известно, что Иванов, при поддержке Горького приехавший в 1921 г. из Сибири в Петроград, был человеком, близким к семье Горького, и после его возвращения в СССР считал необходимым участвовать в его общественных и литературных проектах.

- 1 В январе 1936 г. Платонов встречается с Шкловским в редколлегии проекта “Люди железнодорожной державы”, а также в издании “Две пятiletки”, для которого Шкловский совместно с Б. Агаповым составляли план вступительной книги (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Т. 4. М., 1960. С. 481).
- 2 В конце января — начале февраля 1936 г. Вс. Иванов с семьей живет у Горького в Крыму, в Тессели. О предполагаемой поездке Вс. Иванов 25 января рассказал А. И. Вьюркову (см. запись в дневнике Вьюркова: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2). Достоверной информацией о том, передал ли Иванов просьбу Платонова, не располагаем.
- 3 См. п. 204.
- 4 7 февраля 1936 г. Платонов получил из редакции альманаха письмо: “Говорят, у Вас есть повесть на 3–4 листа — если бы Вы дали, обещаю Вам ответ очень скоро (забудьте о том, как мы читали раньше)” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 45). 29 февраля повесть “Джан” поступила в редакцию альманаха, а 8 апреля ее вернули автору (Там же. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 12).
- 5 См. п. 204, 205.
.....

[208] М. А. Платоновой

12 февраля 1936 г. Станция Красный Лиман

Кр<асный> Лиман¹, 12/II, вечер.

Дорогая Муся!

Вчера в 6 ч<асов> утра я приехал в Лиман с рабочим поездом из Славянска (18 км). Было холодно, ночь я не спал (в Славянск из Москвы поезд пришел в 3 ч<аса> ночи), и я простудился. В ж. д. поселке мне дали комнату, я лег в кровать и пролежал два дня. Сейчас мне лучше. Завтра осмотрю станцию, поеду на ФД² до ст<анции> Основа и обратно (350 км). Мне “повезло”: пропало два дня. Здесь, говорят, было тепло, а сейчас вьюга, мороз. Цейтлин³ — человек умный (правда, я говорил с ним пока минут 10), очень похож на свой образ в моем рассказе. Приеду — расскажу. Мне очень скучно, я совершенно один лежу вторые сутки. Но простуда прошла, завтра утром выйду и займусь делами.

Целую тебя и сына, твой А.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 531. Почтовая карточка. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Красный Лиман — железнодорожная станция Донецкой железной дороги (Харьковская область). В январе 1935 г. Платонов был включен в состав писательского коллектива для работы над рассказами о героях-железнодорожниках, награжденных 5 августа 1935 г. высокими правительственными наградами. 27 января 1936 г. на совещании в Союзе писателей за Платоновым были закреплены в качестве героев два орденоснца станции Красный Лиман — главный кондуктор Краснолиманского отделения службы эксплуатации А. П. Ворон и ее начальник Э. Г. Цейтлин (см. комментарии к стенограмме обсуждения рассказа А. Платонова “Среди животных и растений” — Воспоминания. С. 327–329). Поездка в Красный Лиман связана с началом работы над радиопьесой “Станция Красный Перегон” (опубл.: Страна философов, 2011. С. 521–538. Публикация Н. Дужиной).
- 2 ФД — грузовой паровоз, разработанный в транспортном отделе ОГПУ и названный в память первого руководителя ВЧК-ОГПУ Феликса Дзержинского.
- 3 Цейтлин Эммануил Григорьевич (1901–1941, репрессирован) — начальник станции Красный Лиман, в 1935 г. награжден орденом Ленина, стал прототипом героя рассказа “Бессмертие” Эммануила Семеновича Левина (об истории публикации рассказа см. комментарии Н. Дужиной: Страна философов, 2003. С. 741–744). Как следует из письма, рассказ о Цейтлине-Левине был уже написан (не исключено, что в первой редакции); для работы над рассказом Платонов использовал материал книги “Люди великой чести” (1935). С 1938 г. Цейтлин работал в аппарате Центрального управления движения Наркомата путей сообщения; арестован 1 сентября 1939 г. по сфабрикованному “делу” антисоветской право-троцкистской организации; расстрелян в 1941 г. ....

[209] А. В. КОЖЕВНИКОВ
9 июля 1936 г. Коктебель

Дорогой товарищ Кожевников!

Рассказ “Среди животных и растений”¹ набирайте и печатайте в той редакции, которую (редакцию) Вы сделаете для этого рассказа². Т<ак> к<ак> я вне Москвы и т<ак> к<ак> я совершенно доверяю Вашему вкусу и уменью, то печатайте рассказ без согласования со мной, — я спорить и прекословить не буду, останусь лишь благодарным.

Ваш Андр. Платонов.

9/VII 36.

.....

Печатается по автографу: архив Р. Чандлера (Лондон). Почтовая карточка.

На карточке указан адресат: “Москва, Воздвиженка, редакция «Крестыанской газеты», журнал «Колхозные ребята». Тов. Кожевникову”. Отправлено из Коктебеля, где Платонов отдыхал с Марией Александровной и сыном Платоном.

Кожевников Алексей Венедиктович (1891–1980) — прозаик; в это время — редактор журнала для детей “Колхозные ребята”.

- 1 Рассказ “Среди животных и растений” написан весной 1936 г. для книги о героях-железнодорожниках; в апреле первая редакция рассказа предлагалась Платоновым в альманах “Год девятнадцатый”, в мае в новой редакции рассказ отдается в журналы “Октябрь” (под названием “Жизнь в семействе”) и “Новый мир” (под названием “Среди животных и растений”). Журналы приняли рассказ к публикации, но с условием его доработки. В середине июня Платонов забрал рассказ из “Нового мира” и, очевидно, перед отъездом в Коктебель отдал его в журнал “Колхозные ребята”. Одновременно рассказ 3 июля был вновь передан в редакцию альманаха “Год девятнадцатый” (см.: РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 134).
- 2 Скорее всего, Платонов рассчитывал на публикацию в ближайшем номере журнала, однако этого не произошло. 13 июля (Платонов все еще в Коктебеле) рассказ обсуждали в Союзе писателей на заседании коллектива книги о героях железнодорожного транспорта. Общее мнение: Платонов неправильно описал подвиг героя (рассказ был посвящен реальному герою-железнодорожнику — стрелочнику станции Медвежья Гора Ивану Алексеевичу Федорову, предотвратившему аварию); тональность рассказа далека от героической; неуместными были признаны иронические реплики в адрес советских писателей и дискуссии о формализме и т. п. (см.: Совещание в Союзе писателей. Чтение и обсуждение рассказа А. Платонова “Среди животных и растений” для журнала “Люди железнодорожной державы” // Воспоминания. С. 327–347). В редакции “Колхозных ребят” не могли не учесть мнения столь авторитетного совещания, что отразилось в редакторской правке текста, и придерживали публикацию рассказа до возвращения Платонова из отпуска (см. п. 211).

[210] В. В. ИВАНОВУ

30 сентября 1936 г.

Приветствую старшего товарища. Андрей
Платонов.

.....

Печатается по: РГБ. Ф. 673. К. 35. Ед. хр. 45. Л. 2.

Телеграмма. Телеграмма отправлена в связи с отмечавшимся в сентябре 1936 г. 20-летием литературной деятельности В. В. Иванова. 30 сентября состоялось юбилейное заседание Президиума правления СП СССР, в этот же день “Литературная газета” и “Известия” напечатали Приветствие СП СССР и поздравления писателей.

.....

Уважаемый товарищ редактор.

В 12-м номере журнала “Колхозные ребята” за 1936 г. был напечатан мой рассказ “Стрелочник”¹. Рассказ этот предназначался для другого издания² и вовсе не подходил, по-моему, для “Колхозных ребят”. Но редакция этого журнала заявила мне, что рассказ будет ею (редакцией) сокращен и переработан таким образом, что станет пригодным для журнала³. Действительно, моя рукопись была сильно изменена редакцией, сокращена и переработана⁴. Однако после такой обработки я сомневался в полезности печатания этого рассказа, о чем говорил с сотрудником редакции⁵, редактировавшим рассказ. Дело в том, что рассказ выпадал или отклонялся из того потока работы, из той серии сочинений, которые я написал за последнее время: он был хуже и не сообщал читателю воодушевления⁶. Я был почти убежден, что этот рассказ — брак. Но редакция журнала “Колхозные ребята” и главный редактор того издания, для которого первоначально назначался рассказ, этого не считали; главный редактор написал на рукописи рассказа: “Рассказ хорош, но нет конца”⁷. Все же я более точно, чем мои редакторы⁸, ощутил порочность моего рассказа и написал в конце концов редактору “Колхозных ребят” письмо, в котором категорически требовал снять мой рассказ из очередного номера и не печатать его вовсе⁹. А поскольку к этому времени рассказ уже был набран, то я просил стоимость набора, разбора и прочие типографские расходы отнести за мой счет, а вместо этого рассказа я напишу другой (что я и сделал).

Однако через некоторое время рассказ все же появился в журнале. Я не обвиняю редактора — им руководили хорошие соображения и подвела, вероятно, лишь перегруженность работой, вследствие чего он не имел возможности применить всю силу своей квалификации к оценке

рассказа. Но вместе с тем я не могу нести никакой ответственности за опубликование рассказа “Стрелочник”.

Андр. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации (Литературное обозрение. 1937. № 6), с исправлением опечаток по черновому автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 6. Л. 1–2).

Датируется условно — декабрем 1936 г.

Очевидно, Платонов писал письмо, зная, что рассказ уже подписан к печати, однако журнала с публикацией у него еще не было. Первое предложение в автографе: “В 11-м или 12-м номере журнала...” (рассказ был опубликован в № 12).

- 1 Под таким названием в журнале печатался переработанный текст рассказа “Среди животных и растений”.

- 2 См. примеч. к п. 209.

- 3 См. п. 209.

- 4 Рассказ был сокращен почти в два раза; опущен финальный эпизод о поездке героя в Москву за орденом; имя подлинного героя-орденоносца И. А. Федорова заменено на вымышленное, Петра Алексеевича Попова, реальный топоним Лобская гора — на Волозерскую гору, при этом сохранена станция Медвежья Гора. Редакторы освободили текст от иронических аллюзий на московскую культурную жизнь и от психологических углублений семейной темы. Сокращения затронули почти каждый абзац рассказа, также последовательно правился стиль: усекались фразы героя; предложения освобождались от лирических и философских углублений смысла. Только несколько примеров (вычеркнут сокращенный или переписанный текст Платонова, дважды подчеркнутое — редакторский вариант): “Свисток паровоза, тонкий, далекий, разрываемый вихрем скорости, раздался в лесах и в тумане; как жалобный голос бегущего измученного человека”; “На Лобской Волозерской горе, как созвездие бедных звезд, стояла деревня в чetyре избышки”; “Петр Алексеевич приуныл в домашних условиях”; “Попов относился к металлу и машинам, как к животным и растениям, осторожно и дальновидно”; “Она согнулась над колыбелью с дочерью и затихла в печали своей судьбы”; “В тихий краткий кроткий день глубокой осени...”; “Шесть человек, целая бригада, лежали под вагонами и дремали не тратя сил на пустую жизнь, когда нечего делать” и т. п. Лишними для детского журнала почему-то оказались даже описания леса и жизни зайчонка, этот экспозиционный фрагмент рассказа был нещадно сокращен и произвольно перемонтирован редактором.

- 5 Редактор, готовивший рассказ к публикации в журнале “Колхозные ребята”, неизвестен.

- 6 См. критические высказывания о рассказе “Среди животных и растений”, прозвучавшие на обсуждении в Союзе писателей, о котором Платонов, безусловно, узнал после возвращения из Коктебеля: “Недо-

- статков здесь довольно много. Причины недостатков лежат именно в тональности этой вещи. <...> В самой радости героя нет ничего радостного, а есть рассказ чрезвычайно грустный, да и сюжет грустный”; “Такой рассказ должен наводить тоску на тех, кто работает на железнодорожном транспорте, а тот, кто не работает, ни за что не пойдет работать на железнодорожный транспорт” (Воспоминания. С. 332–334).
- 7 Имеется в виду альманах “Год девятнадцатый”, куда Платонов сдал первую редакцию рассказа (см.: РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 229). В этой редакции рассказа еще не было кульминационного эпизода о подвиге героя.
- 8 В мае 1936 г. рассказ был принят к публикации журналом “Октябрь”; виза редактора В. Ильенкова на первой странице “Жизни в семье”: “Печатать” (РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 1482. Л. 1). За публикацию высказался также редактор “Нового мира” И. Гронский, о чем он сообщил в письме Платонову от 16 мая: “Дорогой тов. Платонов! Рассказ Ваш — «Среди животных и растений» — написан прекрасно. Сдаю его для очередной книги журнала и Вас поздравляю с успехом. Г. Санников говорил мне, что «Среди» Вы относили в «Октябрь» и не хотите печатать. Зря. Поправки, о которых я говорил, не меняют основной идеи рассказа и не ослабляют рассказ. Если хотите, давайте я внесу эти поправки, и Вы увидите, что Ваши опасения ни на чем не основаны. Жму руку” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 21–22).
- 9 Данное письмо Платонова в настоящее время не выявлено.
.....

[212] НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ 1936 г. Москва

В ноябре м<есяце>це пр<ошлого> г<ода>¹ я был экстренно, с нарочным вызван на 1-ю звуковую кинофабрику “Межрабпомфильма”² (Москва, Лихов пер.).

На фабрике завед<ующий> худож<ественно>производ<ственным> управлением Д. А. Фельдман предложил мне срочно, в течение 3–4 дней переделать весь диалог (реплики) только что законченной съемкой картины “Джюльбарс”³, чтобы не задержать ее озвучание. Срок для работы был очень краток, но я согласился. Надо сказать, что перед этим я производил на той же фабрике переработку другого сценария (“Глюкауф”)⁴, гораздо более глубокую и обширную по объему и тоже в очень короткие сроки. Моя работа по “Глюкауфу” была высоко оценена режиссерами этой картины и руководством фабрики.

Через 3–4 дня я выполнил всю работу по “Джультбарсу” и передал свою рукопись режиссеру этой картины Шнейдерову. Должен сказать, что при чтении сценария “Джультбарса” меня удивила чрезвычайная наивность ~~т<ак> сказать,~~ “голубая глупость” этой картины, лишенной каких бы то ни было литературных или драматургических достоинств.

Но критика, как мне сказали, была уже снята, — моя работа заключалась лишь в улучшении диалогов. Это улучшение было произвести очень трудно, ~~т<ак> к<ак>~~ я имел дело с совершенно мертвым материалом (в смысле характеров героев картины), драматургически предопределенным с первого же кадра: что хорошо, что плохо. И выправлять картину радикально я уже не имел права, и было уже поздно: картина снята. Картина, как произведение сценического искусства, — ясно было, — не могла иметь никакой цены. Больше того, здоровое пропагандистское намерение темы картины могло бы быть выполнено ~~средствами искусства~~ совершенно иначе, и тогда бы картина была возможна как искусство. После я убедился в своем мнении: в “Джультбарсе”, кроме превосходной работы оператора (действительного искусства), ничего нет. Агитационный ее замысел погиб благодаря неспособности режиссера, чрезвычайно простецки понявшего свою задачу.

В узких, “железных” пределах сценария (поскольку он заснят) я постарался сделать свою работу, т. е. попытался через диалоги “голубые”, мертвые роли сделать насколько возможно живыми. Непосредственному моему “заказчику” Д. А. Фельдману работа моя понравилась. Шнейдеров же (режиссер), получив мою работу, ни разу не поговорил со мной о ней, а ограничился тем, что резко отрицательно оценил мою работу в присутствии третьих лиц. Его оценку я не привожу, потому что сам ее слышал лишь от третьих лиц. Скажу только, что эта оценка была груба, некорректна, и я понял, что имею дело с человеком, ~~имеющим / одинаково чуждым искусству и человеческим отношениям~~ обладающим лишь невысокой квалификацией как в области искусства, так и в области человеческих отношений.

Далее. Перед работой я предложил, чтобы со мной заключили, как обычно, договор. Но мне сказали: разве ты нам не веришь? Я ответил, что верю, конечно. Затем мне была предложена со стороны кинофабрики зарплата: 3000 р <ублей> — я согласился.

После же сдачи работы со мной, нигде не консультируя мою работу (кроме грубо-оскорбительного отзыва Шнейдерова), фактически отказались заключать договор на уже проделанную работу и ничего не заплатили за нее.

Вышло так, что сначала представитель кинофабрики упрасивал меня сделать работу, сам назначил за нее плату, а после того как я сделал работу в самые краткие сроки, чтобы не задержать выпуска картины, меня оскорбили и отказались платить деньги, причем качество моей литературной работы никем и не проверялось, кроме двух людей — Фельдмана и Шнейдерова, вынесших моей работе полярно противоположную оценку.

Формально я виноват, что не заключил с кинофабрикой соглашения, доверившись ее представителю, которому не было смысла и расчета меня обманывать. Но по существу это дело ясное: я ведь сделал всю работу в назначенные мне сроки.

Поэтому я прошу Вас предложить 1-й звуковой кинофабрике “Межрабпомфильма” уплатить мне за проделанную в ноябре м <еся> це 1935 г. работу по сценарию “Джюльбарс” 2000 р <ублей>, т. е. 60 % от условленной с представителем фабрики Д. А. Фельдманом суммы.

При этом я прошу найти эффективный способ выплаты этой суммы фабрикой, иначе — в случае Вашего положительного решения — эти деньги придется получать в течение неопределенно долгого времени с огромными, мучительными затруднениями.

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2011. С. 508–510. Черновой автограф. Публикация Е. Рожenceвой. Датируется условно по содержанию письма — концом 1936 г.

- 1 Платонов оказался втянутым в скандальную историю вокруг сценария к фильму “Джюльбарс”, написанном Г. А. Эль-Регистаном. По договору от 17 января 1935 г. Эль-Регистан написал сценарий и получил гонорар в размере 8 000 рублей. Режиссером фильма был назначен В. А. Шнейдеров, который решил, что произведение нуждается в сценарной разработке. Но в это время Эль-Регистан улетел в Арктику. В отсутствие сценариста 28 марта 1935 г. режиссер представил руководству “Межрабпомфильма” план работ по картине, предложив “считать аннулированным” договор с Эль-Регистаном и “заключить договор на написание сценария с новым сценаристом”. Через 3 дня такой договор был заключен с самим режиссером и его помощником Н. Верховским. При этом гонорар был назначен больше, чем за оригинальный сценарий, — в размере 10 000 рублей. После возвращения Регистан обвинил Шнейдерова в нарушении авторских прав. Таким образом, через полгода оценив наконец объем и сложность работы, киностудия (а возможно, и Шнейдеров лично) поручила Платонову написание диалогов фильма — без заключения договора. Платонов пишет письмо после начала обсуждения сложившейся ситуации на группном драматургов; в декабре 1936 г. группком признал, что в работе над литературным сценарием принимали участие Верховский и другой помощник режиссера — оператор А. Шеленков. Выяснение отношений между режиссером и сценаристами завершилось лишь в следующем году, после выхода фильма в прокат (см.: РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 520).
- 2 “Межрабпомфильм” — советско-германская киноорганизация, созданная в 1928 г. в Москве на основе акционерного общества “Межрабпом-Русь”. В 1936 г. преобразована в киностудию “Союздетфильм” (с 1948 г. — киностудия им. М. Горького).
- 3 Фильм “Джюльбарс” (режиссер В. Шнейдеров, производство “Межрабпомфильма”) вышел в прокат в феврале 1936 г.
- 4 По договору с кинофабрикой “Рот-Фронт” “Межрабпомфильма” Платонов должен был выполнить до 15 декабря 1935 г. работу по “написанию заново диалогов, переработку сцен и разработку ролей сценария «Глюкауф»” (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 16). Сценарий был написан по одноименной повести В. С. Гроссмана. Съемки начались, но до конца не были доведены: летом 1936 г. “Межрабпомфильм” ликвидируют и фильм снимают с производства.

---

[213] М. М. Розенталю
23 февраля 1937 г., Ленинград

Выехал на Москву¹. Привет всем товарищам.
Платонов.
.....

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 177.

Телеграмма. Розенталь Марк Моисеевич (1906–1975) — литературный критик, в 1933–1941 гг. — заместитель ответственного редактора журнала “Литературный критик”. С “Литературным критиком” Платонов начал сотрудничать в 1936 г., когда на страницах журнала критики были напечатаны его рассказы “Фро” и “Бессмертие”; в № 1 журнала за 1937 г. опубликована статья Платонова “Пушкин — наш товарищ”.

1 Поездка Платонова по маршруту романа А. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” входила в план его работы над романом “Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году”. Платонов выехал из Ленинграда в Москву 23 февраля, в день торжественного открытия в Москве Пушкинского пленума ССП.
.....

---

[214] М. А. и П. А. Платоновым
24–25 февраля 1937 г. Станция Тосно

Тосно, 24/II, вечер.
Дорогая Муся, дорогой Тотик!
Ехали весь день до вечера. Остановились на плохой
ночлег: лошадей поставить некуда (нет здесь сараев), сами,

т. е. ямщик и я, будем спать в кухне на полу, где ночуют еще и другие колхозники. Точно — с точки зрения не скорого поезда — совсем другое. Выехали мы из Л<енингра>да в метель. Ал<ександр>р Сем<енович>¹ проводил меня до заставы и, прощаясь, заплакал.

В поездку я еще не втянулся, поэтому мне пока еще трудно. Интересного много, хотя я еду всего сутки².

Завтра напишу еще. Утром — на Любань, м<ожет> б<ыть>, успеем до Чудова.

Обнимаю обоих. Андрей. Р. S. Утро 25/II.

Выезжаем на Любань.

Идет густой снег.

До свиданья, мои дорогие. А.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 532. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Кашинцев Александр Семенович — отец Марии Александровны; жил в Ленинграде.
- 2 Во время поездки Платонов делал отметки на карте поездки Радищева из издания "Путешествия из Петербурга в Москву" 1935 г. и вел записную книжку; из записей первого и второго дня: "В пивной спорят каменщики-кладчики: кто больше складет. Кабак на развилке Московского и Варшавского шоссе"; "Точно: хулиганство, рассеянность..."; "Вера — сирота горбатая, брошенная всеми"; "29 к. трудовень — потом оказалось, что это ошибка, ничего не причитается (слова счетовода) — по балансу. Что такое?"; "«Главспирт» в каждой, кажется, деревне, ктр. я проехал до Чудова. В одной деревне «Главспирт» открыт рядом с разрушенной церковью — нехорошо"; "Дома строятся, колхозы расширяются, много ремонта, везде — новые доски"; "Шоссейные» дороги расчищаются наравне почти с ж. д.: через определенную небольшую дистанцию — ремонт и дорожный мастер"; "Мещанство все еще бушует — повсюду здесь"; "Совхозы, свинарки, силосные» башни, аптеки, школы, детишки в метель, во вьюгу идут с сумками книг" (Записные книжки. С. 193).

.....

Дорогая жена Муся и сын Тотик!

Мы едем по метелям. Приехали в Чудово. Ночуем в Доме крестьянина. Лошади прошли 150 км от Л<енин>-града и затомились. Днем сегодня стояли в Любани, до этого проезжали Ушаки. Вижу много хорошего, героического в истинном смысле народа¹. Метель, целый день дующая в лицо, затрудняет поездку. Приходится сильно уставать. Я очень скучаю по тебе и Тошке, не знаю, как вы живете, какие у вас события. Еду по сосновым и березовым лесам. Встречаются деревянные деревни, ребятишки идут в школы сквозь метель². Каждый день бывают случаи, встречи с людьми, когда необходимо помогать (дать 1, 2, 3, 5 рублей). Без этого нельзя. Такие люди каким-то образом возвращают свой долг мне посредством хотя бы того, что я люблю их и питаю от них свою душу.

Сейчас вечер. Я сильно устал, завтра с 6–7 ч<асов> утра опять нужно в путь. Жму руку и целую Тошку. Обнимаю тебя.

Ваш А.

Чудово, 25/II.

P. S. 25/II я буду в Новгороде. Телеграфируй мне до востребования: всё ли у вас хорошо и благополучно, если нет, то, что именно (подробно) случилось плохого.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 532–533. Публикация Н. Корниенко.

- 1 См. в записной книжке: “Народ весь мой бедный и родной. Почему чем беднее, тем добрее. Ведь это же надо кончать — приводить наоборот. Как радость от доброго, если он бедный?”; “Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ — и дети тоже, как ангелы”; “Народ — святой и чистый — почти сплошь. Деревянные избы с жильем на «втором этаже»” (Записные книжки. С. 194–196).
- 2 Образы деревенских стариков и детей занимают значительное место в записной книжке: “Девочка-ученица Нина в доме ночлега: лапти плетет, уроки учит, краюшку хлеба в школу берет, на меня всё смотре-

ла непонимающими опечаленными и любопытными глазами”; “Катя, вставая: — Ну, долежались до белого дня! (Было $5\frac{1}{2}$ часов утра, еле брезжило); “Мальчик трогает снег и говорит: когда ж ты растаешь, чтоб хлебу было тепло вырастать!” и др. (Там же. С. 197–201). Записи, сделанные во время этой поездки, будут использованы при создании рассказов о детях 1938–1940 гг. (“Июльская гроза”, “Великий человек”, “Корова” и др.).

.....

[216] М. А. и П. А. Платоновым

27 февраля 1937 г. Великий Новгород

Новгород, вечер 27/II, Дом крест<ьянина>.

Милая Муся и дорогой Тотик!

Я пишу вам уже третье письмо. Послал недавно телеграмму¹, жду ответа от тебя². Свет здесь горит так тускло, что трудно писать.

Спрашивал себе писем и телеграмм до востребования: конечно, ничего нет. Ты и товарищи только обещали мне писать, но писать, очевидно, не будете. Я ведь давал еще в Москве свой адрес на Новгород до востребования.

Следующий мой адрес: Вышний Волочек (кажется, Калининской обл.), почтамт, до востребования — мне.

Но писать надо туда сразу, а то письмо твое может там меня не захватить. Мне трудно рассчитать время вперед, где и когда я буду. Это зависит от метелей, морозов, состояния лошадей, наличия кормов для них и пр<очего>. Больше писать не буду, пока сам не получу вестей от тебя.

Трое суток мы ехали в метелях, четвертые — в морозе, — неизвестно, что лучше. Поездка нелегка. Теперь предстоит взять самый трудный участок Новгород — Тверь (400–500 км), а с Твери будет уже “видна” Москва и ты с Тошкой.

Из Новгорода выезжаю 1/III утром. Лошади сильно притомились, даем им отдых — две ночи и день. Особенно сдает Зорька, Сончик еще тянет. Устали немножко и мы с ямщиком (он как ямщик и человек — среднего качества). По-немногу сдают с тела все четыре члена “экспедиции” (2 чел<овека> + 2 лош<ади>). Вчера стали на ночёвку рано,

часа в 3 дня, из-за метели (“глушь и снег навстречу мне”³) — в избушке маленького колхоза. Там сидит семейство и плетет лапти. Вижу много хорошего народу⁴. Приеду — расскажу.

Много мешает моему здоровью какое-то тяжелое, необоснованное предчувствие, ожидание чего-то худого, что может случиться с тобою и Тошкой в Москве.

Целую дорогую жену и большого сына.

Ваш друг, муж и отец Андрей.

(*Приписка на левом поле листа*) Колхоз, где я ночевал пр<ошлую> ночь, назыв<ается> “Любино Поле”⁵. Хорошее название.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 533. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Телеграмма на имя Марии Александровны не сохранилась. Очевидно, речь идет о телеграмме, отправленной в “Литературный критик” (см. п. 217).
- 2 В ответ на это письмо Мария Александровна отправила телеграмму по указанному ниже адресу — в Вышний Волочек: “Все посылали письма на Новгород. Затребуи. Шлем на Волочек. Напрасно сердиться, овес устроен. Есть ли деньги. Сколько выслать. Береги себя. Просим. Крепко целуем. Мартот” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 45). Мартот — составное имя: Мария и Тот.
- 3 Вольное цитирование стихотворения А. Пушкина “Зимняя дорога” (1826) с эффектом смыслового сдвига за счет смены синтаксиса; в источнике: “Ни огня, ни черной хаты / Глушь и снег... Навстречу мне / Только версты полосаты / Попадают одна...”
- 4 Речь идет о встречах в селе Спасская Полисть, которым посвящено несколько страниц записной книжки: “Спасская Полисть. Любино Поле. Дети в 5–10 лет плетут лапти из лыка. Кооператив платит 1 р. за пару. В школу ходят не все, за отсутствием одежды-обуви”; “Во всех почти избах постояльцы, пришедшие на заработки из других колхозов, и еще какие-то люди, живущие иногда по 1–2 года. Это чаще женщины, живущие у родственников. Можно лишь догадаться, кто это такие”; “Дети усердно плетут лапти, потом тщательно делают уроки. Девочка в Любино Поле”; “Раньше спичечные коробки делали — по 8 тыс. в день”; “Брак — это не кровать, а сидят рядом муж и жена, плетут лапти на продажу день и ночь и рассказывают друг другу сказки, воспоминания, истории”; “Стоят деревянные деревни в деревянных лесах”; “Старые люди — лучшие сторонники и деятели колхозов: вспоминай Любино Поле, веселую, гуторливую старуху, как она в старое время по 10 тыс. штук спичечных коробок в день клеила и думала умереть на коробках” и др. (Записные книжки. С. 191–194).

- 5 Название колхоза в селе Спасская Полисть. Понравившийся топоним использован в сценарии 1941 г. “Июльская гроза” (первое название “Любино Поле”; впервые опубл.: Страна философов, 2011. С. 539–575. Публикация Л. Суровой).
.....

---

[217] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК”

28 февраля 1937 г. Великий Новгород

Просьба перевести телеграфом <в> Валдай тысячу¹. Платонов.
.....

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 178. Телеграмма.

- 1 Как свидетельствует ответная телеграмма редакции “Литкритика”, запрошенная Платоновым сумма была переведена 2 марта (РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 175).
.....

**[218] В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАВОДСКУЮ КОНЮШНЮ
“ЛУЖСКАЯ”**

Апрель 1937 г. Москва

1) Соглашение, заключенное между ГЗК¹ и мною, почти сплошь состоит из пунктов, обязывающих к разным расходам лишь меня, но не обязывающих ГЗК, несмотря на то что при заключении соглашения присутствовал один из специалистов НКЗ СССР, командированный для консультации из Москвы и хорошо осведомленный о цели моей поездки. И несмотря на это, т. е. на присутствие консультанта и наличие специалистов-конников на самой ГЗК, мне, несведущему человеку, ставят в столь большую и трудную поездку совершенно непригодную лошадь (Зорьку), которая вовлекла меня в большие ненужные расходы (прокормление, обслуживание — вплоть до лечения, ж. д. транспорт и прочее). Я же заключал соглашение в расчете на особых лошадей и нес в дороге расходы и заботы о лошадях, не считаясь ни с чем, лишь бы сохранить лошадей здоровыми. Достаточно сказать, что за 19–20 дней пути лошади съели одного овса 350 кг, т. е. гораздо более той

нормы, которая мне предписана договором. Во всех остальных отношениях лошади были также в наилучших условиях — насколько это от меня зависело, конечно. Поэтому не формально, а по существу я бы должен вовсе не платить аренду за Зорьку, а заплатить за одного Сончика² — действительно ценную и пригодную для такой дальней поездки лошадь. То есть уплатить по 50 р<ублей> в сутки вместо ста, — 1350 р<ублей> вместо 2700 р<ублей> (ведь и при этих условиях я несу очень серьезные, хотя и бесполезные для меня, расходы по содержанию Зорьки, обслуживая ее, ж. д. транспорт и пр.). Возможно, что Зорька ценная лошадь как производительница, но ведь я ее арендовал не для производства потомства, а для тяги. Однако я считаю, что и специалисты (в данном случае ГЗК) изредка могут ошибаться. Поэтому арендную плату за Зорьку разделим пополам ($1350 : 2 = 675$ р<ублей>), а из этой половины я <бы> взял на себя несколько больше, именно 700 р.

Следовательно, с меня причитается:

2847 р<ублей> 55 к<опеек> — 650 р<ублей> = 2197 р<ублей> 55 к<опеек>. Две тысячи я уплатил, остается 197 р<ублей> 55 к<опеек>.

2) Лошади были задержаны отправкой из Москвы (со двора дома, где я живу) в Московскую ГЗК, где они должны грузиться в поданный вагон, на 1–1½ суток. Это случилось потому, что кучер Д. Д. Яковлев запил и был в невменяемом состоянии. Естественно, в этом состоянии я не мог отпустить его проехать через всю Москву (ГЗК далеко за городом), т<ак> к<ак> боялся за лошадей, а формальная расписка его, что он, Яковлев, лошадей принимает на свою ответственность мне была не нужна. Разве он мог фактически за что отвечать? Я вынужден был ожидать, пока Яковлев придет в нормальное состояние. Свидетелем его поведения был служащий Московской конюшни, который был вызван мною для сопровождения Яковлева на погрузку. Больше того, я вынужден был нанять на сутки специального человека (дворника-крестьянина), чтобы ухаживал за лошадьми, т. е. кормил их, поил, пока Яковлев

не опомнится. Это навлекло на меня снова лишние расходы — арендную плату за лошадей, их содержание, обслуживание и пр. Ясно, что эти расходы, превысившие, конечно, 197 р<ублей>, были понесены мною по вине вашего агента и я их принять на себя не могу.

Я прошу вас не взыскивать этих денег с Яковлева и не налагать на него взысканий какого-либо другого рода, но в дальнейшем иметь в виду, что особо ответственных заданий Яковлеву поручать нельзя.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 87. Л. 1–3. Датируется условно — по содержанию письма.

- 1   ГЗК — Государственная заводская конюшня “Лужская”; создана в 1930-е гг. в поселке Калгановка. В письме речь идет о выплате денег за лошадей, предоставленных конюшней Платонову для поездки по маршруту Радищева — из Ленинграда в Москву. Счет на сумму 2847 рублей 55 копеек, включавший такие пункты, как перевозка лошадей от Луги до Ленинграда и их дальнейшая эксплуатация с 22 февраля по 22 марта, овес, сено, подковные гвозди и шипы, — был направлен писателю 24 марта 1937 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4–5). Удалось ли Платонову добиться от ГЗК снижения предъявленной ему суммы, неизвестно.
  - 2   Мерин Сончик и кобыла Зорька выведены позднее Платоновым в рассказе “Великий человек”.
- .....

[219]   В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК”

12 декабря 1937 г. Москва

В редакцию “Лит<ературного> критика”. Просьба возвратить мне папку с моей рукописью¹. Рукопись “Путешествие” следует считать непредставленной, а деньги, которые затрачены на поездку и которые редакция считает авансом, Вы можете истребовать с меня законным путем, а не путем произвольных вычетов из гонорара за другие рукописи.

А. Платонов.

12/XII.

.....

Печатается по машинописи: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Датируется условно — по содержанию письма.

Скорее всего, речь идет о фрагменте романа “Путешествие из Ленинграда в Москву”. 14 октября 1937 г. на заседании секретариата правления ССП рассматривалось заявление Платонова о выделении ему средств в сумме 3 тысяч рублей для окончания и обработки рукописи романа “Путешествие из Ленинграда в Москву”. Из выписки следует, что Платонов получил аванс за роман в 4 тысячи рублей от журнала “Знамя” (выступление заведующего “Гослитиздатом” Н. Н. Накорякова); было принято решение “оставить вопрос открытым” и просить редакцию журнала “Знамя” “в срочном порядке” заслушать отчет Платонова о “результатах его поездки по пути Радищева” и о состоянии рукописи романа. Выписка из протокола заседания секретариата была переслана Платонову (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 21). Предполагаем, что выписка зафиксировала ошибку выступающего и речь должна идти не о журнале “Знамя”, а о “Литературном критике”. Как следует из февральских писем Платонова (см. п. 213–217), в финансовой поддержке поездки Платонова участвовал журнал “Литературный критик”, и, скорее всего, писатель представил именно в этот журнал начало романа под названием “Путешествие”; в апреле 1937 г. Платонов делал сообщение о своей творческой командировке на совещании в “Литературном критике” (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 16). Роман “Путешествие из Ленинграда в Москву” значился в планах издательства “Советский писатель” до 1941 г. Рукопись романа не выявлена; сохранились только его наброски (хранятся в фондах Платонова ИМЛИ и ИРЛИ).

.....

[220]

Н. И. Ежову

20 июля 1938 г. Москва

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Народному комиссару внутренних дел
Николаю Ивановичу Ежову.

В конце апреля м<еся>ца т<екущего> г<ода>, т. е. почти три месяца тому назад, вне дома, органами НКВД был арестован мой пятнадцатилетний сын — Платонов Платон Андреевич. 4-го мая 1938 г., в связи с арестом сына, у нас был произведен обыск (ордер № 2915 от 4 мая 1938)¹.

Причина ареста моего несовершеннолетнего сына была и остается для меня совершенно неизвестной². Я просил несколько раз (подавал заявления)³, чтобы меня вызвали к следователю для объяснений, но меня не вызвали.

Так как сын мой несовершеннолетний подросток, я очень прошу Вас, Николай Иванович, чтобы он был освобожден или отпущен мне на поруки — под любые гарантии с моей стороны. Если органы НКВД поставят мне в качестве условия для освобождения сына особые требования, то я все эти требования согласен буду выполнить и строго выполняю⁴.

Уже прошло три месяца, как сын сидит в Бутырской тюрьме. Но ведь пятнадцатилетний подросток это еще мальчик, и к нему полностью могут быть применены основные законы и принципы советской власти, обеспечивающие интересы и благосостояние детей.

Кроме того, мой сын обладает одним, опасным для его жизни, дефектом⁵. У него несколько лет назад была три раза произведена операция — трепанация черепа (в связи с гнойным заболеванием среднего уха), и сейчас он страдает постоянным гноетечением левого уха. При каком-либо небольшом заболевании, которое может дать осложнение на ухо, гной легко проникнет в мозг (большая кость за ухом удалена) и дело кончится быстрой смертью. Я говорю об этом с полной уверенностью потому, что уже дважды мой сын был в таком смертельно опасном положении, дважды он лежал по нескольку суток в предсмертной агонии, не просыпаясь⁶.

Все эти обстоятельства позволяют мне рассчитывать, что Вы уделите немного своего времени, чтобы ознакомиться с делом моего сына, и дают мне надежду, что мой сын, как советский несовершеннолетний подросток, встретит с вашей стороны снисхождение и помощь.

Глубоко уважающий Вас <А. Платонов>.

20/VII 1938 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27.

А. П. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 637. Публикация Л. Суровой.

Ежов Николай Иванович (1895–1940) — с сентября 1936-го по ноябрь 1938 г. — нарком внутренних дел СССР.

- 1 Платона арестовали 28 апреля 1938 г. Несколько дней Платоновы находились в полном неведении, куда пропал их сын, и терялись в догадках. Только 4 мая, когда пришли с ордером на обыск, выяснилась причина исчезновения сына. При обыске были изъяты: детское духовое ружье, плоскоствольное охотничье ружье “Фроловка”, две рукописи, выполненные рукой Платона (киносценарий “Наша любовь” и пьеса “Героиня”). Платонов обращается с просьбой в НКВД вернуть рукописи, не принадлежащие сыну, объясняет, что приучал Платона к грамотности, давая переписывать свои произведения (см.: *Шента-*

линский В. Предисловие и комментарии // Платонов А. Технический роман. М., 1991. С. 41). Изъятый сценарий неожиданно всплывает на допросе Платона в его показаниях от 9 июня 1938 г.: "...числа 10 апреля этого года я в баре встретился с АРХИПОВЫМ Игорем. Незадолго до этого я направил в «Ленфильм» свой сценарий, который был мне возвращен с отрицательной оценкой. Этим актом я был озлоблен и рассказал об этом случае АРХИПОВУ. В дальнейшем мы говорили уже о политике советской власти в отношении искусства, а затем и о политике вообще" (ЦА ФСБ. Дело № 19067. Л. 11).

- 2 Почти каждый, кто оставил об Андрее Платоновиче свои воспоминания, обмолвился так или иначе о причинах ареста его сына. У одних сохранилось в памяти, что Платона вместе с друзьями забрали на вечеринке, другие свидетельствовали, что сын-школьник собирался убить вожда, а третьи утверждали, что виной всему донос одноклассника, которому нравилась та же девочка, что и Платону. В 1994 г. Л. Разгон сообщил, что сидел с Платоном в одной тюремной камере и что сын писателя за короткий срок совместного пребывания в застенках НКВД поведал ему о себе и о причинах своего ареста: "Это был счастливый и несчастливый мальчик. Счастливый потому, что судьба наградила его красотой, любовью к музыке, приятным голосом, умением играть на гитаре, способностью рассказывать занятные истории, петь модные блатные песни и быть душой любой компании. А несчастливым он был потому, что родился и вырос в бедной и неудачливой семье. Странноватый отец — писатель, со своей отчужденной от семьи жизнью. Случайные, не всегда литературные заработки, вечная нужда в доме, тяжкие запои. Сына любит, но кричит на него и не хочет понять, чего ему не хватает. А ему не хватает модной курточки, какие носят все ребята в округе; а ему не хватает хоть немного своих денег, чтобы не опускать глаза, когда вся компания расплывается в кафе или ресторашке; ему даже своих папирос не хватает, и он должен делать вид, что только что выбросил опустевшую пачку..." (Разгон Л. Отрок Платон // Литературная газета. 1994. 1 июня. С. 12). Смелая фантазия Разгона рисует картину преступления Платона. Случай будто бы столкнул юношу с немецким резидентом, и он за солидное вознаграждение согласился передавать все разговоры, ведшиеся в компании молодых военных летчиков из Военно-воздушной академии. Под маской немецкого резидента скрывался, разумеется, сотрудник НКВД, о чем наивный "отрок" не догадывался. Разгон бросил незаслуженное обвинение в адрес не только Тоши, но и Платонова, который, по его мнению, своим невниманием и непониманием толкнул сына на шпионаж в пользу немецкой контрразведки. Вскоре это облако клеветы было рассеяно в статье журналиста И. Кутиной и сотрудника архива ФСБ В. Гончарова. Версия ареста воспроизводилась со слов самого Платона, допрошенного следователем: "Поводом для ареста послужила история, начавшаяся на вечеринке в баре на Тверской. Платон с приятелем, студентом рабфака А., написали глупое письмо, адресованное жившему в том же доме, где и семья Платоновых, корреспонденту немецкой газеты, с которым ребята не только

не были знакомы, но и фамилии его не знали. Иностранному журналисту предлагалось заплатить деньги в обмен на «интересы», которые «безусловно, заинтересуют» получателя» (*Кутина И., Гончаров В.* Платонов. Прерванный полет // *Московская правда.* 2000. 21 янв. С. 8). Арест Платона пришелся на самый разгар борьбы с «контрреволюционными» молодежными организациями. Официально чистка в комсомоле началась после 21 июля 1937 г., когда Сталин вызвал генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева и объявил, что в комсомоле «орудуют» враги народа и необходимо принять меры по их выкорчевыванию.

Вал репрессий прокатился по совсем юным, только начавшимся жизням. Жертвами становились школьники, вузовцы, учащиеся техникумов. Кого приговаривали к 8 годам ИТЛ, кого ставили к стенке (см. *Самосудов В. М.* Воспитание молодежи 30-х годов жестокостью сталинского режима // *Гуманитарное знание.* Серия «Преемственность». Ежегодник. Вып. 2. Кн. 1. Исторические исследования. Омск, 1998. С. 159). Работники НКВД без устали раскрывали по всей стране, в учебных заведениях, городах и колхозах, молодежные объединения самой разной направленности и фабриковали политические дела юных врагов народа. Так, школьники г. Куйбышева вполне безобидно хотели поднять успеваемость и с этой целью составили свою группу — форму пионерской организации они считали несостоятельной для выполнения такой задачи. В Киеве комсомольцы учредили «Союз мыслящей интеллигенции», претендовали на более строгое следование заветам Ленина, чем сами высшие органы власти. Донецкие студенты собирались, чтобы покритиковать политику партии. «Истинные коммунисты» Киргизии были настроены против политики правительства в отношении рабочих. Ученики средней школы Иркутской области будто бы даже призывали рабочих отстаивать свои права и назвали свой кружок «Союз революционной борьбы». Костромские юноши ради шутки выдумывали «республику независимых парт», выбирали своего президента и комиссара иностранных дел. Сведения о «контрреволюционных» молодежных, т. е. не пионерских и комсомольских, организациях, собранные органами НКВД, должны рассматриваться в свете того страшного времени. Нельзя принимать за чистую монету обвинения, предъявляемые сотне тысяч молодых людей (см.: *Россия. XX век. История России. 1917–1940.* Челябинск, 1994. С. 299–300). Чекисты специализировались на сочинительстве доносов от лица обвиняемого, просто давали подписать грубо и дешево состряпанную ложь. Отличается «богатой» фантазией и обвинительное заключение по делу Платона Платонова (№ 19067). Заканчивается оно так: «При обсуждении методов борьбы с советской властью, АРХИПОВ предложил также заразить водохранилище гор. Москвы холерными и тифозными бациллами. Для исполнения этого предполагалась вербовка в организацию врача-бактериолога и устройство своего человека на фильм» (Обвинительное заключение от 7 июня 1938 г. // ЦА ФСБ. Дело № 19067. Л. 2–3).

- 3 Речь идет о заявлении А. Платонова в НКВД от 4 мая 1938 г.:
“Следователю, ведущему следствие
по делу Платона Андреевича Платонова
Заявление
4-го мая 1938 г., по ордеру № 2915 от 4/V 1938 г., у меня был произведен обыск по делу моего сына, Платона Андреевича Платонова, задержанного органами НКВД.
Ввиду того, что сын мой — несовершеннолетний (ему сейчас 15¹/₂ лет), прошу Вас передать мою просьбу следователю, ведущему дело моего сына, чтобы он вызвал меня, как отца, для объяснений. Кроме того, прошу принять во внимание следующее: мой сын подвергался троекратной трепанации черепа (в связи с болезнью — мостеидитом среднего уха) и нуждается в известных условиях для лечения и ухода за больным ухом, иначе даже небольшое заболевание грозит ему полной потерей слуха, а при более серьезном осложнении болезни — смертью.
Мой сын был задержан при неизвестных для меня обстоятельствах, поэтому на нем осталась только та одежда, которая была на нем, — ветхое, изношенное белье, рваные башмаки и т. п., пальто на нем не было вовсе.
Прошу принять во внимание, что он подросток, и разрешить мне передать сыну необходимые вещи — белье, носки, верхнюю одежду и прочее.
Андрей Платонов,
член Союза совет. писателей.
4/V 1938 г.
Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27” (Архив. С. 636).
- 4 Согласно советскому законодательству, органам милиции предоставлялось право штрафовать родителей в пределах 200 рублей за озорство и уличные хулиганства их детей (см.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1935 г. М., 1947. Вып. 32. Ст. 52. С. 503).
- 5 Среди документов, собранных самим Платоновым для ходатайства об освобождении сына, находилась справка за подписью доктора С. А. Гуревича, подтверждающая факт оперирования Платона:
“СПРАВКА
Дана сия гр-ке Платоновой М. А. в том, что я постоянно лечил ее сына Платона с детского возраста. Платон с детства был очень слабый, нервный ребенок. Из болезней, от которых я пользовал его, были: корь, скарлатина, осложнившаяся судорогами (эклампсия), четыре гриппа, воспаление почек, два раза воспаление легких в тяжелой форме. Во время болезней у него было воспаление среднего уха с осложнением на мозг. По этому поводу был несколько раз оперирован. В последнее время я пользовал его от частых гриппов и ангины, что очень ослабило его организм.
Москва, 1939 года, Августа 31-го.
[подпись] Доктор С. А. ГУРЕВИЧ” (Архив. С. 648)

Первыми шагами Платонова на пути к облегчению участи сына становится подробное изучение Уголовного кодекса. Во всех его заявлениях, куда бы он ни писал, звучит фраза о болезни арестованного: “троекратная трепанация черепа”. Писатель попытается развить версию о влиянии нагноения в области уха на психику Платона. В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 г., лица с нездоровой психикой выделены в особую категорию. Пункт 11 общих начал уголовной политики РСФСР гласил: “Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. К этим лицам могут быть применяемы лишь меры социальной защиты медицинского характера” (Уголовный кодекс с изменениями на 1 октября 1934 г. ОГИЗ, 1934). Следующий пункт тех же общих начал определяет возрастные рамки лиц, подвергаемых наказанию, т. е. тот самый пункт о несовершеннолетних, который должен был автоматически освободить Платона от наказания наравне с лицами, не достигшими определенного возраста.

До 1935 г. комиссии по делам несовершеннолетних помещали подростков от 14 до 16 лет в трудовые дома. Но в 1935 г. комиссии упразднили и несовершеннолетних поделили на малолетних и подростков с 14 до 16 лет, поэтому на Платона чиновники НКВД не смотрели как на ребенка и могли обращаться с ним пусть и не со всей строгостью, но с применением известных мер для получения нужных для следствия результатов.

.....

[221]

Л. И. ТИМОФЕЕВУ

27 июля 1938 г. Москва

Уважаемый товарищ Тимофеев!

Издательство мне прислало Ваше письмо от 25/VI¹. Первые три вопроса, т. е. три пункта В<ашего> письма не имеют того значения, чтобы отвечать на них длинно и подробно. Т. е.: 1) Биографией Н. Островского книжку можно дополнить; 2) Редакторов книжки можно указать (рекомендую Мих. Ал. Лифшица² или Вл. Б. Александрова³); 3) О псевдониме или авторстве книжки — мы согласуем с Вами вопрос: это пустяки; 4) этот пункт единственный и самый важный: из него, этого пункта, видно, что литературоведческие книжки вроде не нужны⁴. Тут уж

я ничего не могу поделать. Тут Ваше дело. Если Вы тоже ничего не можете поделать, то я буду очень огорчен.

Жму Вашу руку. Привет.

27/VII 38. Андр. Платонов.

P. S. Просьба ответить на последний вопрос.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 423. Публикация М. А. Платоновой. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 1.

Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, критик; в это время заведующий отделом критики и литературоведения издательства “Советский писатель”.

- 1 В одном из сохранившихся писем Тимофеева (не датировано) речь идет о последнем этапе работы над книгой “Н. Островский” перед ее сдачей в набор. Кроме “мелких замечаний” и исправлений, Тимофеев обращал внимание Платонова и редактора книги (имя не называется) на то, что в книге нет биографии писателя: “Не могу на этом настаивать. Однако я думаю, что какие-либо возражения не могут быть выдвинуты против предложения дать основные биографические данные о Н. Островском в конце книги, в приложении”. Тимофеев также обратил внимание на псевдоним, под которым, очевидно, планировалось издавать книгу: “Ваш» редактор заменил подпись «Концов» подписью «Андреев». Остается, по-моему, сделать еще один шаг!.. Я не адресуюсь к Вашему редактору, чтобы не задерживать книжки, вопросы несущественные, и я не нарушаю его прерогатив” (Переписка А. П. Платонова и Л. И. Тимофеева. Публикация Н. Корниенко // Воспоминания. С. 423). Договор на книгу “Н. Островский” был заключен 16 февраля 1937 г., срок представления — 16 апреля; 22 мая издательство напомнило Платонову о необходимости сдать рукопись; летом рукопись была представлена в издательство (см.: Там же. С. 421). При написании книги Платонов использовал статью “Электрик Павел Корчагин (Памяти Н. А. Островского)” (опубликована в сокращении к журналу “Литературный критик” под названием “Павел Корчагин”, 1937, № 10–11) и эссе “Образ будущего человека” (не публиковалось). Издание книги было приостановлено в конце августа. 1 сентября 1939 г. редактор-организатор издательства сообщила Платонову: “«Н. Островский» задержана Главлитом и передана в ЦК” (Воспоминания. С. 422). В настоящее время рукопись книги не разыскана. Сохранился только черновой вариант книги, представляющий монтаж указанных текстов с правкой Платонова и редактора (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 101).
- 2 Лифшиц Михаил Александрович (1905–1983) — философ и критик, постоянный автор журнала “Литературный критик”.
- 3 Александров — псевдоним критика В. Б. Келлера, под которым он печатался в московских журналах. Скорее всего, именно Келлер (Александров) являлся редактором книги “Н. Островский”.

4 Очевидно, в одном из предшествующих (утраченных) писем Тимофееву речь шла о заключении договора на сборник литературно-критических статей и рецензий Платонова.

В письме от 1 августа 1938 г. Тимофеев писал о сложностях с изданием второй литературно-критической книги, советовал заручиться поддержкой правления ССП: “Иначе дело может затянуться. У меня есть книги, на которые не заключаются договора уже больше года, несмотря на мои усилия” (Воспоминания. С. 423). Неизвестно, в каких инстанциях решался вопрос второй книги, но 10 августа Платонов представил в издательство сборник “Размышления читателя”, Тимофеев в целом поддержал новое издание (письмо от 14 августа); 22 октября издательство заключило договор с Платоновым “на представленную рукопись” книги. Сигнальные экземпляры “Размышлений читателя” вышли в конце августа 1939 г.; тираж книги был уничтожен.

.....

[222] В КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КИНЕМАТОГРАФИИ ПРИ СНК СССР

Апрель–август 1938 г. Москва

В сценарный отдел Комитета по делам кинематографии.

Два года тому назад “Ленфильм” предложил мне написать сценарий на современную бытовую тему (причем было выражено желание, чтобы действие происходило среди железнодорожников)¹. Такой сценарий был мною написан и послан в “Ленфильм”.

Вскоре я получаю официальное заключение по своему сценарию, подписанное заместителем директора “Ленфильма” — Пиотровским². В этом заключении было сказано следующее (точной формулировки я не помню, но за смысл ее ручаюсь): что ваш (т. е. мой) сценарий настолько своеобразен и талантлив, что не может быть и речи о его постановке³.

Удивленный таким откровенно антинародным суждением, я специально поехал в Ленинград⁴: в Ленинграде я увиделся с Пиотровским и заявил ему, что я согласен переработать сценарий, если он (сценарий) страдает какими-либо дефектами. Но я не понимаю, почему талантливое, по мнению “Ленфильма”, произведение в то же время не пригодно для экрана. Мне ответили, что сценарий перерабатывать не нужно, т<ак> к<ак> он все равно поставлен не будет.

Спустя некоторое время я все же переделал этот сценарий⁵, но до сих пор никуда его не предлагал, потому что был обескуражен отношением “Ленфильма” к моей работе.

Если этот мой сценарий представляет для Вас интерес, то он может быть представлен Вам немедленно.

По этому сценарию мною получен в “Ленфильме” аванс (25 %), который должен быть учтен на тот случай, если со мной будет заключен новый договор.

<А. Платонов>.

.....

Печатается по машинописи: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 8. Подпись отсутствует.

Датируется условно — по содержанию письма.

Сценарный отдел Комитета по делам кинематографии был создан в марте 1938 г. в результате преобразования Главного управления кинематографии (ГУК) Комитета по делам искусств при СНК СССР в Комитет по делам кинематографии при СНК СССР (Постановление СНК СССР № 382 от 23 марта 1938 г.).

Реорганизация системы управления государственным кинопроизводством проходила на фоне развернувшейся с конца 1936 г. кампании борьбы с “вредителями” в кино, “групповщиной” творческих работников (“самостийников”, “богемщиков” и т. д.) (см.: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 372–490). К началу 1938 г. были обвинены во “вредительстве” и репрессированы руководители, члены ГУКа, ряда киностудий (“Востокфильм”, “Мосфильм”, “Ленфильм” и др.). Вместо председателя ГУКа Б. Шумяцкого (1886–1938) назначен сотрудник НКВД С. Дукельский, который был инициатором создания Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (см. его докладную записку В. М. Молотову и И. В. Сталину: Кремлевский кинотеатр. С. 487–488). Комитет должен был обеспечить централизацию всех процессов в области кинематографии. В его ведение переходили задачи управления производством, планированием, финансированием, прокатом, образованием, разработкой норм эксплуатации кинооборудования и т. д. Комитету были переданы в подчинение все кинематографические предприятия и организации страны, включая киностудии “Мосфильм”, “Ленфильм”, “Украинфильм”, “Белгоскино”, “Туркменфильм”, “Союздетфильм”, “Союзмульфильм” и т. д.

Одним из первых шагов нового подразделения стало объявление конкурса на написание киносценариев. Обсуждение условий конкурса начинается уже с марта–апреля 1938 г., а 14 июня принимается соответствующее Постановление СНК СССР (“Об организации конкурса на киносценарии”), утверждаются правила участия, премирования кон-

курсантов (РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 22–26). В средствах массовой информации (печать, киножурнал) запущена широкая агитационная кампания. В очередной раз была объявлена “мобилизация” писателей на фронт киноискусства. “Плачевное” положение дел в сценарном производстве теперь связывалось с “деятельностью” бывшего вредительского руководства кинематографией” (Писатель и кино // ЛГ. 1938. 20 июня. С. 5).

По всей видимости, широкое распространение информации о востребованности сценариев — на фоне общей радикально изменившейся ситуации в кинематографе — подтолкнуло Платонова к обращению в сценарный отдел (правда, предложенной писателем “железнодорожной” темы не было заявлено в конкурсных документах).

- 1 Вероятно, в 1936 г. Платонову действительно поступало предложение от “Ленфильма” написать сценарий на железнодорожную тему (см.: Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 861). Каких-либо документов, указывающих на официальное оформление договоренностей с кинофабрикой (заявка, договор и пр.), на данный момент не обнаружено. Однако в архиве “Ленфильма” сохранился экземпляр платоновского сценария “Священная жизнь”, датированный октябрём 1936 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 511). Фабульную основу произведения составляет история из жизни железнодорожников. Примечательно, что в этот же период Платонов готовил сценарий на железнодорожную тему для кинофабрики “Мосфильм” (договор от 7 мая 1936 г.; РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19). В архиве Госфильмофонда РФ сохранился подготовленный к дальнейшему производству экземпляр этого сценария — “Воодушевление” — с отметкой о поступлении — 20 декабря 1936 г. (ГФФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 738).

Как и другие киноматюргические произведения Платонова, сценарии “Священная жизнь” и “Воодушевление” не прошли цензурной проверки. В 1937 г. в условиях ужесточения контроля за кинематографической деятельностью со стороны партийных организаций и органов государственной безопасности экранизация этих произведений не могла быть осуществлена по политико-идеологическим причинам.

- 2 В машинописи опечатка: “Петровский”. Пиотровский Адриан Иванович (1898–1937) — театровед, киновед, литературовед, переводчик, критик, специалист в области античного театра и литературы. В 1920-е гг. работал в различных организациях Ленинграда в сфере просвещения, науки, искусства: зав. отделом художественной агитации и пропаганды Губполитпросвета; председатель художественного совета, зав. литературной частью Большого драматического театра; зав. театральным отделом “Петроградской правды”; председатель художественного совета, зав. литературной частью Ленинградского театра рабочей молодежи (ТРАМ); директор Высших государственных курсов искусствознания; научный сотрудник государственного НИИ искусствознания и др. С января 1927 по 1937 г. работал на киностудии “Ленфильм” (руководитель художественной части). В июле 1937 г. арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности, в ноябре 1937 г.

- 3   расстрелян. Ссылаясь на отрицательный отзыв Пиотровского, Платонов, возможно, учитывает произошедшие организационно-кадровые перемены и надеется на возобновление работы по его сценарию, отвергнутому прежним руководством кино.
- 3   Отзывы о сценарии “Священная жизнь” в настоящее время не обнаружены. Однако схожие высказывания содержатся в письме замдиректора “Мосфильма” Е. Соколовской Платонову по поводу сценария “Воодушевление”:
     “Уважаемый Андрей Платонович.
     Представленный Вами сценарий является пока еще только неорганизованной записью отдельных, очень талантливо сделанных, эпизодов, интересно намеченных (в отдельных случаях) образов и характеров, очень хорошо, за отдельными исключениями, сделанного диалога. Эти талантливо и мастерски сделанные места в Вашем сценарии сюжетно, к сожалению, никак не организованы, а намечающаяся иногда сюжетная линия дана настолько неясно, что в результате целый ряд эпизодов и ситуаций вызывает недоумение, а отдельные поступки героев, некоторые реплики, а иногда и вся линия поведения вызывают категорическое возражение” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 2). При этом студия не отвергала сценария, а, наоборот, настаивала на продолжении работы: “Придавая очень большое значение созданию идейно и художественно полноценного сценария о людях нашего ж. д. транспорта, мы считаем необходимым продолжать работу над первым вариантом Вашего сценария <...> Сознывая всю трудность Вашей попытки в художественной форме, обобщающе, показать зрителю работу наркома Л. М. Кагановича, мы все же считаем необходимым попытаться решить эту задачу” (Там же. Л. 2).
- 4   Информацией об этой поездке не располагаем. Известно, что Платонов был в Ленинграде в феврале 1937 г., правда, по другому поводу (см. примеч. к п. 213).
- 5   Указание на переработанный “некоторое время спустя” сценарий отсылает к истории неудачного сотрудничества Платонова с киностудией “Туркменфильм”. Летом 1937 г. писателем был сдан в туркменскую студию сценарий “Песнь колес” (для постановки режиссером А. Ледащевым). В основу этого сценария положен материал произведений “Священная жизнь” и “Воодушевление” (см. примеч. выше); железнодорожная тема в новом сценарном варианте была реализована на фоне туркменской действительности (ГФФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 738). Работа над “Песнью колес” не была доведена “Туркменфильмом” до экранизации.
     .....

В сценарный отдел Комитета по делам кинематографии.

Обращаюсь к Вам с предложением написать сценарий, основным героем которого будет великий творческий работник практического социализма. Исходным материалом для создания такого героя послужит образ Л. М. Кагановича¹. При этом темой послужит деятельность Л. М. Кагановича на жел<лезно>дор<ожном> транспорте² либо в тяжелой промышленности. И в той, и в другой области своего творчества Л. М. Каганович дал благодарный повод для создания полноценного произведения искусства. Какую именно эпоху — на транспорте, или в тяжелой промышленности — из деятельности Л. М. Кагановича взять для нашей темы — об этом следует договориться.

Ясно, что в проектируемой сценарии я не предлагаю писать Л. М. Кагановича в его конкретном, точном образе. Л. М. Каганович является основой, взятой из действительности, для создания героя драматургическими, художественными средствами.

В этом направлении я уже делал неоднократные попытки (главным образом в прозе³), и мне отчасти удалось кое-что сделать. Поэтому мысль о таком сценарии для меня не нова и я имею для его написания большой, уже освоенный мною материал.

Андр. Платонов.

27/VIII 38 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар> ,

д. 25, кв. 27, А. П. Платонов.

.....

Печатается по авторизованной машинописи: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1.

1 Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) — советский партийный и государственный деятель; с 1935 г. возглавлял наркомат путей сообщения, с 1937 г. — наркомат тяжелой промышленности.

- 2 Образ Л. Кагановича разрабатывался Платоновым ранее в сценарии “Воодушевление” (см. примеч. 1 к п. 222). Возможно, Платонов решил новым способом реанимировать этот текст.
- 3 Речь идет о рассказе “Бессмертие”, получившем высокую оценку секретаря ЦСП В. Ставского.
.....

[224] И. А. Сацу

30 августа 1938 г. Москва

30/VIII.

Дорогой Игорь!

Сейчас сразу получил и открытку и закрытое письмо¹.

Это меня очень обрадовало (не потому, что даже письма без марок доходят, а по другой причине).

Тошка болен тяжело², может быть, и не выздоровеет. Диагноз его болезни мне известен довольно точно. Больше всего я занят тем, что думаю — как бы помочь ему чем-нибудь, но не знаю чем. Сначала придумую, вижу, что хорошо, а потом передумую и вижу, что я придумал глупость. И не знаю, что же делать дальше. Главное в том, что я знаю — именно теперь мне надо помочь Тошке (некому ему помочь, кроме меня, как ты знаешь), и не знаю, чем же помочь реально — не для успокоения себя, а для него. Он болен уже пятый месяц, и болен, может быть, смертельно. Я не по-отцовски преувеличиваю, а говорю объективно. И посоветоваться мне не с кем. Вл<адимир> Бор<исович>³ занят своими делами. Ты ошибся, что я деликатничал. Дело хуже, Вл<адимир> Бор<исович> расписывался до того, что даже наше детище остерегается редактировать⁴. Я (и ты тем более) не обижаюсь на него. Что же делать? Пусть так будет. Я не хочу продолжать эту тему, п<отому> ч<то> у меня есть тема своя и более серьезная, и степень серьезности этой темы знает Вл<адимир> Бор<исович>, и все же тем более (тем более — для него) он не изменил своего решения. Мне очень жалко. Но для меня, и для тебя, я думаю, тоже, это пустяки.

Твое письмо очень хорошее. Я читал его вслух М<арии> А<лександровне>⁵ и Сергею (брату)⁶ — о собаках и о Воронеже — Чернигове⁷. Увижу Вл<адимира>

Бор<исовича> — прочту и ему. Ты заметил, что я все время поминаю Вл<адимира> Бор<исовича>, но это потому, что я с ним 16–17 лет дружу, и потому, что он не совсем понял, что есть разная степень горя — его и моего.

Выше я написал, что Тошка болен, м<ожет> б<ыть>, смертельно, и здесь нет преувеличения. Он действительно болен опасно для жизни. Я здоровый человек и не шучу в этих вещах.

Ты писал в письме, что Вл<адимир> Бор<исович> и Е<лена> Ф<еликсовна>⁸ будут на тебя обижаться, п<о>тому что> ч<то> ты им не пишешь. Это еще не предмет для обиды. Ты мне мог бы не писать ничего, и я на тебя ничуть бы не обиделся. Да тебе и нельзя, и не к чему писать, иначе бы твой отпуск превратился бы в чепуху, в деловую суету. Я тебе писал открытки только по делу, и такие, которые требовали от тебя тоже деловых и спокойных открыток, т. е. пустяковых усилий. Привет Рае⁹ и Жене¹⁰.

Обнимаю тебя, дорогой мой. Андрей.

М<ожет> б<ыть>, 31/VIII или 1/IX поеду в Воронеж на 1–2 дня. Дело выяснится завтра, 31/VIII.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 41.

- 1 В московских и ленинградских фондах Платонова данные письма И. Саца не выявлены. В фонде Платонова ОР ИМЛИ отложились письма Саца Платонову военного времени.
- 2 В иносказательной форме Платонов говорит об аресте сына; см. примеч. к п. 220.
- 3 Келлер В. Б.
- 4 Речь идет о книге Платонова “Н. Островский”. Эту книгу, как свидетельствует переписка Платонова и заведующего отделом литературоведения издательства “Советский писатель” Л. Тимофеева, редактировал В. Б. Келлер (см. примеч. к п. 221).
- 5 Платонова М. А.
- 6 Климентов С. П.
- 7 Воронеж и Чернигов, вероятно, входили в число тех мест, где Сац проводил отпуск в 1938 г. Воронеж — родной город Платонова; родом из Чернигова был сам Сац.
- 8 Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) — советский литературный критик; член редколлегии журналов “Литературный критик” и “Литературное обозрение”, в которых постоянно работал Сац и сотрудничал Платонов.

- 9 Рая — Линцер Раиса Исаевна (1905–1990-е) — жена И. Саца, переводчи-
ца с испанского.
- 10 Женя — неустановленное лицо; возможно, подруга Р. И. Линцер Евгения
Михайловна Лысенко (1919–2005), музыкант и переводчик; родом
с Украины, как И. Сац и Р. Линцер; с 1938 г. жила в Москве.
.....

[225] В НКВД

19 сентября 1938 г. Москва

В конце апреля т<екущего> г<ода> вне дома был арестован мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич (ордер на обыск № 2915 от 4 мая 1938 г.).

Ввиду того, что мой сын — несовершеннолетний, что он обладает плохим здоровьем (в частности потому, что он несколько раз перенес трепанацию черепа), и, наконец, ввиду того, что он уже почти пять месяцев сидит в Бутырской тюрьме, — убедительно прошу вас разрешить мне и моей жене, матери арестованного, — или одному из нас — свидание с сыном и разрешить сделать передачу для сына — белье, верхнюю одежду и башмаки, а также деньги. Мы надеемся, что эта просьба родителей несовершеннолетнего заключенного будет удовлетворена.

Андр. Платонов, писатель.

19/IX–38 г.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27,

А. П. Платонов.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 638. Публикация Л. Су-
ровой.

[226] М. П. Фриновскому

26 сентября 1938 г. Москва

Заместителю народного комиссара внутренних дел тов. Фриновскому.

Секретарь Союза советских писателей А. А. Фадеев был ознакомлен с обвинительным материалом по делу мо-

его несовершеннолетнего сына¹, Платона Андреевича Платонова, арестованного в конце апреля с<его> г<ода> (ордер на обыск № 2915 от 4.05.1938), и сообщил существо этого дела мне².

Тов. А. Фадеев сказал, что, по его впечатлению, дело моего сына идет к окончанию. Возможно поэтому, что участь моего сына близка к решению.

Я вновь обращаюсь к Вам с убедительной просьбой — облегчить участь моего сына. Я прошу об этом не только потому, что я его отец и что положение сына заставляет меня страдать. Мой сын болен. У него несколько раз была трепанация черепа в связи с мастоидитом среднего уха: очаг болезни до сих пор окончательно не залечен, и я думаю, что продукты этого гнойного очага проникают в мозг (место трепанации — на голове, за левым ухом), отчего происходит отравление мозга; последнее обстоятельство, конечно, должно болезненно влиять на психику сына и предвещать ему смерть от любой, даже неопасной болезни, если это заболевание даст осложнение в пораженное место.

Сын — несовершеннолетний подросток переходного, трудного возраста (он родился 22 сентября 1922 г.)³. По этой естественной причине он не может нести полной ответственности за свое поведение. И затем — ведь у него еще жизнь впереди, ему надо учиться, он будет в Красной Армии, и он уже достаточно наказан тем, что пять месяцев просидел в тюрьме.

Я прошу освободить моего сына — под мое поручительство, под любые гарантии с моей стороны. Все условия, которые мне поставит НКВД в отношении воспитания сына, режима его содержания, места его жительства и т<ому> п<одобное>, я заранее принимаю и обещаю их в точности выполнить.

И еще я прошу, пока будет решаться судьба моего сына, чтобы Вы сделали указание о разрешении мне и моей жене, матери арестованного, или одному из нас, дать свидание с сыном и сделать передачу для него — белье, верхнюю одежду, башмаки и деньги.

Прошу Вас принять меня.

Уважающий Вас <А. Платонов>.

26/IX 1938 г.⁴

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 638–639. Публикация Л. Суrowовой.

Фриновский Михаил Петрович (1898–1940) — с октября 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР. В сентябре 1938 — апреле 1939 гг. — нарком военно-морского флота СССР. Арестован 6 апреля 1939 г., приговорен 4 февраля 1940 г. к высшей мере наказания.

- 1 См. секретное донесение НКВД от 1 апреля 1939 г.: “Андрей Платонов после ареста своего 15-летнего сына долго не мог о нем ничего узнать. Единственный ответ, какой он косвенно получил (через А. А. Фадеева — ответ на заявление, адресованное наркому внутренних дел), — что дело серьезное, но малолетство обвиняемого будет учтено” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 864). Обвинительное заключение Платону Платонову было вынесено 7 июня 1938 г.; его осудили по ст. ст. 58–1а, 17-58-8, 58-7 УК: “Формируя организацию, Платонов и Архипов поставили перед собой задачу активной борьбы с Соввластью средствами террора, шпионажа и диверсии, ориентируясь в своей антисоветской работе на германский фашизм, войну Германии с СССР и поражение последнего. Для установления контакта с германскими разведывательными органами Платонов написал германскому корреспонденту Перцгену письмо, по которому Архипов должен был наладить с Перцгеном контакт в антисоветской работе” (ЦА ФСБ. Дело № 19067. Л. 38).

- 2 См. прим. 1 к п. 220.

- 3 Платон Платонов родился в г. Воронеже 25 сентября 1922 г.

- 4 Машинописная копия датирована 7/Х 38 г.

.....

---

[227] Я. З. ЧЕРНЯКУ
1938 г. Москва

Яков Захарович!

У вас есть мой сценарий “Воодушевление”¹, он уже давно у вас. Когда же будет решение по нему? Сообщите мне, пожалуйста: Тверской бульвар <ар>, 25, кв. 27, — или вызовите меня.

Привет. А. Платонов.
.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 407. Л. 1. Датируется условно — концом 1938 г.

| ПИСЬМА | 1938 |

Черняк Яков Захарович (1898–1955) — литературовед, редактор. В 1922–1929 гг. — ответственный секретарь журнала “Печать и революция”; в 1929–1931 гг. — редактор отдела прозы издательства “Земля и фабрика”; с конца 1938 г. — редактор сценарного отдела Комитета по делам кинематографии. Черняк высоко ценил прозу Платонова, о чем свидетельствует оставшаяся неопубликованной его статья “Сатирический реализм Андрея Платонова” (РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 10), а также выступление на обсуждении повести “Впрок” в 1930 г. (см. примеч. 10 к п. 158).

- 1 Сценарий “Воодушевление” написан в 1936 г. в рамках государственно-культурного проекта по созданию произведений о героях железнодорожного транспорта, по договору с “Мосфильмом” от 7 мая 1936 г. (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19); несколько раз рассматривался в сценарной студии “Мосфильма”, но так и не был принят к постановке. См. примеч. к п. 222.
- 2 Решение сценарного отдела Комитета по кинематографии в настоящее время не выявлено. В фонде Черняка в РГАЛИ хранится несколько папок с автографами и машинописями его отзывов на сценарии; отзыв на “Воодушевление” среди них не выявлен. Сценарий “Воодушевление” впервые опубликован в 1992 г. (Здесь и теперь. 1992. № 1. Публикация М. Немцова и Д. Кудри).

.....

[228] И. В. Сталину

1938 г. Москва

–1–

Я обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с отцовской просьбой¹. В конце апреля этого года арестован мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич. Он был арестован вне дома, и я узнал об аресте 4/V, когда пришли делать обыск.

До последнего времени мой сын сидел в Бутырской тюрьме, а недавно мне сказали, что он выслан. Приговор и место, куда его выслали, мне неизвестны.

Мне кажется, что плохо, если отказывается отец от сына или сын от отца, поэтому я от сына никогда не могу отказать, я не в состоянии преодолеть своего естественного

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

чувства к нему. Я считаю, что если сын мой виновен, то я, его отец, виновен вдвое, потому что не сумел его воспитать, и меня надо посадить в тюрьму и наказать, а сына освободить.

Сын мой ведь всего подросток. В его возрасте бывают всякого рода трудности, связанные просто с формированием тела человека. Кроме того, сын мой болен.

Если же нельзя меня посадить в тюрьму в качестве заложника ради освобождения сына, то прошу освободить его под <залог>².

Иосиф Виссарионович! Я и мать моего сына просим Вас понять наше глубокое горе и облегчить его.

Верящий Вам <А. Платонов>.

-2-

Обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с отцовской просьбой. В конце апр<еля> прошлого г<ода> органами НКВД был арестован мой сын — мальчик пятнадцати л<ет>, Пл<атонов> П. А. С тех пор прошло 9 месяцев, но ни я, ни моя жена, мать арестованного, не имеем от сына никаких известий и даже место его заключения нам не известно.

Я считаю, что пятнадцатилетнего мальчика нельзя считать политическим преступником и подвергать его полному и суровому наказанию, как врага народа. Он, мой сын, и так уже достаточно настрадался в девятимесячном тюремном заключении.

Кроме того, мой сын тяжело и опасно болен. У него три раза была трепанация черепа (за левым ухом), в результате мастеидита среднего уха, и очаг болезни до сих пор не удалось залечить, отчего, возможно, происходит отравление мозга продуктами гнойного очага болезни. Последнее обстоятельство должно, конечно, болезненно влиять на психику сына и предвещать ему смерть от любой, даже неопасной болезни, если это заболевание даст осложнение в поражении мозга.

Мать сына (он у нас один) по естественным материнским человеческим причинам дошла до очень тяжелого душевного состояния. Два раза я предупреждал ее попытки к самоубийству, но может оказаться, что я не смогу убедить ее. Сам я еще держусь и не отчаиваюсь, потому что верю в человечность советской власти и в Вас, и никогда мое большое горе не перейдет в мелкое ожесточение.

Я прошу Вас указать, чтобы дело моего сына было пересмотрено и чтобы он был освобожден.

Верящий Вам <А. Платонов>.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 640–641. Публикация Л. Суровой.

- 1 Черновики прошений на имя Сталина составлялись Платоновым приблизительно в конце 1938 г. В секретном донесении, направленном в НКВД 1 апреля 1939 г., сообщается: “ШОЛОХОВ обещал передать письмо тов. СТАЛИНУ и сам советовал, что́ писать; он говорил: «Прямо проси освобождения». Ответа ПЛАТОНОВ не получил. Через 2 месяца ШОЛОХОВ приехал снова, удивился, почему нет ответа, и взялся передать еще одно письмо; кроме того, он обещался лично переговорить с тов. БЕРИЯ, которого уже однажды видел” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 864). Скорее всего, это не первое обращение Платонова к Сталину по делу сына.
- 2 В 1939 г. детскую беспризорность пытались предотвратить, привлекая к ответственности родителей; см. соответствующие статьи советского законодательства:
“18. Предоставить право органам милиции штрафовать родителей в административном порядке в пределах до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство детей.
19. Установить материальную ответственность родителей и опекунов за действия детей, причинившие материальный ущерб.
20. Обязать органы Наркомпроса и милиции доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. <...>
22. В случаях, когда родители не обеспечивают надлежащего присмотра за поведением ребенка, органы Наркомпроса обязаны возбуждать вопрос перед судебными органами об изъятии ребенка от родителей и о помещении его в детский дом с оплатой стоимости содержания за счет родителей” (Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1935 г. М., 1947. Вып. 32. Ст. 252. С. 503).
Платонов имел в виду как раз возможность замены наказания денежным штрафом.
.....

1939

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

---

[229] В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛАГЕРЕЙ НКВД

23 февраля 1939 г. Москва

Мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич, был арестован органами НКВД в конце апреля 1938 г. (ордер ГУГБ № 2915 от 4 мая 1938).

Теперь, спустя 10 месяцев, от сына получено письмо, что он находится в Вологде¹.

Так как мой сын — малолетний подросток и так как он обладает плохим здоровьем (в свое время он три раза перенес трепанацию черепа), убедительно прошу Вашего разрешения на следующее:

1. Послать сыну вещевую посылку — верхнюю одежду, белье и обувь.
2. Послать сыну продовольственную посылку.
3. Дать возможность мне или моей жене — матери сына — увидеться с заключенным сыном.

А. Платонов, писатель.

23/II 1939 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27,

А. П. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 641–642. Публикация Л. Суровой.

- 1 В феврале Платоновы получили первое несохранившееся письмо сына с извещением, что он содержится в Вологодской тюрьме. До этого времени родители были склонны предполагать наихудшее: что Платон умер в тюрьме, а в лучшем случае — сослан на Соловки. Вологодское тюремное управление находилось в ведении Москвы, поэтому Платонов поспешил обратиться в Главное тюремное управление НКВД, чтобы центральная инстанция спустила вниз директиву и в Вологде дали разрешение на свидание родителей с сыном. Изменения во внутренней политике СССР давали шаткую надежду семье Платоновых на освобождение их сына. В государственном аппарате произошли передвижения. Ежова сместили с поста наркома, и 29 сентября 1938 г. НКВД передали в ведение Л. П. Берии. Политбюро утвердило строго секретное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” (17 ноября 1938 г.). Теперь ликвидировались “тройки”, возлагалась ответственность за неправильный арест и на прокурора, дающего на него свою санкцию. Была создана видимость сокращения репрессий, заслуги по якобы устранению несправедливости приписывали Л. Берии.
.....

[230] В ГЛАВНОЕ ТЮРЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД

11 марта 1939 г.

Моя жена, мать арестованного несовершеннолетнего (15 лет) Платонова Платона Андреевича (ордер № 2915 ГУГБ от 4 мая 1938 г.), в конце февраля 1939 г. обратилась в ГУЛАГ с просьбой, чтобы ей, матери заключенного, было разрешено сделать передачу сыну — вещи и продукты — и увидеться с ним¹. Сын наш находится в Вологде, в тюрьме № 2.

На эту просьбу матери было отвечено, что она может поехать в Вологду и там, у местной тюремной администрации, добиться разрешения на передачу и свидание.

Мать поехала в Вологду с вещами, послушавшись этого совета, но в Вологде получила на свою просьбу категорический отказ. При этом ей было указано, что тюрьма № 2 подчинена Москве, и только Москва может дать такое разрешение.

Мать заключенного и сейчас еще находится в Вологде².

Поскольку дело касается заключенного подростка, больного (он три раза перенес трепанацию черепа) и арестованного почти год тому назад, убедительно прошу Вас дать распоряжение в Вологду, чтобы Платонову Платону Андреевичу было разрешено передать одежду, обувь, белье, продукты и чтобы к нему на свидание была допущена его мать — Платонова Мария Александровна.

А. Платонов, отец заключенного.

11/III 1939 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27,

А. П. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 643. Публикация Л. Суровой.

- 1 Данное прошение М. А. Платоновой не выявлено; упоминается в ее заявлении от 11 марта 1939 г.:

“Областному Прокурору

г. Вологда

гражд. Платоновой Марии Александровны,

прожив. в гор. Москве, по Тверскому бульвару, д. 25, кв. 27.

Заявление

Убедительно прошу Вас, тов. Прокурор, дать мне разрешение на свидание со своим сыном и на передачу ему одежды, обуви и некоторых продуктов.

Мой сын, Платонов Платон Андреевич — несовершеннолетний, сейчас ему всего 16 лет, он находится в тюрьме уже одиннадцать месяцев. 22 марта сего года я получила от него письмо, где сын сообщает, что он получил разрешение получать деньги и письмо, что он находится в тюрьме № 2, по Чернышевскому просп., в гор. Вологде. После получения письма от сына я обратилась в Главное Управление Лагерями в гор. Москве с просьбой о разрешении сделать сыну передачу вещей и продуктов.

Там, в ГУЛАГе, мне сказали, что это разрешение может дать начальник тюрьмы, где находится сын, или же областной прокурор. Приехав в гор. Вологду, я дважды обращалась к дежурному тюрьмы № 2, по Чернышевскому проспекту, где мне категорически заявляли (не прочитав моего заявления), что сына здесь нет, и никакие мои просьбы о том, чтобы заявление передали начальнику тюрьмы или дали бы мне возможность переговорить с нач. тюрьмы, не привели ни к чему, несмотря на то что я пыталась объяснить дежурному, что я приехала хлопотать о сыне из Москвы, что жить мне здесь негде и трудно ориентироваться в незнакомом городе. Убедившись, что я не смогу передать мое заявление начальнику тюрьмы № 2, я обращаюсь к Вам,

тов. Областной Прокурор, и прошу Вас дать мне разрешение на передачу сыну продуктов, белья и одежды и, если возможно, — свидания с сыном, которого я не видела в течение целого года и который в момент ареста находился в болезненном состоянии: он дважды перенес трепанацию черепа после воспаления среднего уха при скарлатине. И в последнее время у него открылась гнойная течь из оперированного уха, что грозит ему полной глухотой, что в сильной степени влияет на его психику, по определению врачей.

Еще раз убедительно прошу Вас дать мне разрешение на передачу и свидание с сыном.

М. Платонова.

11/III-39 г. г. Вологда” (Архив. С. 642–643).

- 2 Эта поездка оказалась безрезультатной, и Платон так и не увидел мать, не получил даже домашней посылки. 13 июня 1939 г. датировано заявление Марии Александровны на имя Л. П. Берии:

“Наркому внутренних дел тов. Берия

Платонова Мария Александровна,

прож. в гор. Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

Заявление

Мой несовершеннолетний сын, Платонов Платон Андреевич, 14 месяцев тому назад (в апреле 1938 г.) был арестован и затем осужден. Сейчас он находится в гор. Вологда, тюрьма № 2. В момент ареста моему сыну не было пятнадцати лет. Я прошу Вас, тов. Берия, дать мне разрешение на свидание с сыном, а также на передачу ему одежды и продуктов. Дело касается заключенного подростка, к тому же больного (он три раза перенес трепанацию черепа после воспаления среднего уха) и уже второй год лишенного свободы, — поэтому я убеждена, что моя просьба на свидание с сыном будет удовлетворена. М. Платонова” (Архив. С. 645).

.....

[231] Г. А. Виноградову

22 апреля 1939 г. Москва

Жорж!

Устрой мне, пожалуйста, чтобы я завтра, если это технически возможно, получил бы деньги за рецензию о Сталинградском сборнике¹.

Может, упрямишься послать талон Анаиде Ервандовне²?

Привет. Поклон.

Твой А. Платонов.

22/IV 39 г.

.....

Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 189. Л. 1. Бланк издательства “Художественная литература”.

- 1 Виноградов Георгий А. — журналист, критик, в 1938–1939 гг. сотрудничал в журналах “Литературный критик”, “Литературное обозрение”. Рецензия А. Платонова на сборник “Литературный Сталинград: литературно-художественный сборник произведений писателей Сталинградской области” (Сталинград, 1939) опубликована в журнале “Литературное обозрение” (1940. № 14. Подпись: Ф. Человеков) — критико-библиографическом двухнедельнике при журнале “Литературный критик”.
- 2 Анаида Ервандовна — неустановленное лицо. Возможно, речь идет об А. Е. Мазе — машинистке журнала “Литературный критик”.

---

[232] М. И. ПАНКРАТЬЕВУ
Май 1939 г. Москва

При этом посылаю Вам письмо моего сына, полученное мною из Вологодской тюрьмы¹. Сын мой — Платонов Платон Андр<еевич> — арестован более года тому назад (в апреле 1938 г.) и сейчас находится в Вологодской тюрьме (почтовый адрес: г. Вологда, почт<овый> ящ<ик> № 6).

В момент ареста моему сыну было всего 15 лет. Я уже несколько раз писал в разные высшие государственные инстанции, излагая в своих заявлениях ту неоспоримую точку зрения, что мой сын невиновен, что он не может быть виновен (хотя бы потому, что он еще мальчик, ребенок), что его надо немедленно освободить. Теперь пишу Вам.

Из письма моего сына видно, что он был оговорен, использован, стал жертвой наиболее гнусной провокации (дело касается подростка, мальчика)².

Все это вместе взятое, т. е. — оговор, использование несовершеннолетнего подростка, больного и трижды подвергавшегося тяжелейшим операциям мальчика, дает представление о злодеянии, в результате которого мой несчастный сын сидит второй год в тюрьме. Я бы мог более подробно аргументировать это свое заявление на Ваше

имя, но дело обстоит настолько остро и нестерпимо и настолько ясно, что я пишу более короткое заявление, надеясь, что оно для Вас будет убедительным, и в таком коротком виде, надеясь, что Вы не замедлите произвести действия, в результате которых мой сын будет быстро освобожден³.

С глубоким уважением Андрей Платонов, член
Союза совет<ских> пис<ателей>
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 643–644. Публикация Л. Суровой.

Панкратьев Михаил Иванович (1901–1974) — с 1938 г. прокурор РСФСР, с 1939 г. — прокурор СССР.

- 1 В настоящее время письмо не выявлено. Вероятно, именно это письмо Платона упомянуто М. А. Платоновой в заявлении областному прокурору от 11 марта 1939 г. (см. примеч. 1 к п. 229).
- 2 На допросе 25 сентября 1940 г. Платон заявил, что его ответы следовательно при даче показаний 9 июня 1938 г. не соответствовали действительности, следовательно заставил его подписать ложные показания, угрожая тем, что пострадают родители. Основной уликой для обвинения послужили два письма, якобы написанные Платоном немецкому корреспонденту, жившему на Тверской, 25, там же, где и Платоновы. В протоколе от 18 октября 1940 г. зафиксировано следующее признание Платона: “Я, будучи 15-летним мальчиком и в нетрезвом виде, написал действительно письмо корреспонденту немецкой газеты под диктовку АРХИПОВА, признаю в этом себя виновным, но прошу учесть мой возраст” (ЦА ФСБ. Дело № 19 067. Л. 68). Вероятно, что и это показание написано под диктовку следователя: дело Платона пересматривалось уже в Москве, речь на допросе шла о его освобождении и об окончании следствия; властные органы не могли признать, что “дело” Платона Платонова было полностью ими сфабриковано.
- 3 Справка об освобождении Платона из Бутырской тюрьмы датирована 29 октября 1940 г.
.....

[233] П. А. Платонову
24 июня 1939 г.

Москва, 24/VI 1939 г.
Дорогой сын Тоша!

Почти два месяца прошло, как от тебя нет никакого письма. Последнее твое письмо было от 27/IV 1939 г.¹

Москва, 24/IV 1939.

Дорогой сын Паша!

Почти два месяца прошло как от
тебя нет никакого письма. Последнее
твое письмо было от 27/IV 1939г.

Что с тобой случилось? Может быть
ты болен? — Тогда почему не напи-
шешь об этом нам? Напиши пожалуйста
сразу — и возможно скорее — в чем
причина твоего молчания. Давно
мы тебе переводим регулярно.

Дело твое пока довольно подви-
гается. И по моему мнению —
успешно. Но только — медленно, и когда
это закончится, т.е. приведет к
окончательному и положительному
результату — мы с матерью
сказать сейчас не можем. Нужно
терпеть еще некоторое время.
А тебе — учиться, заниматься и
вести себя хорошо и спокойно.
Главное — не тратить время твое
на пустую, то-есть бесполезную
учебу, заниматься и вести себя

Что с тобой случилось? Может быть, ты болен? — Тогда почему не напишешь об этом нам? Напиши, пожалуйста, — и возможно скорее, — в чем причина твоего молчания². Деньги мы тебе переводим регулярно³.

Дело твое помаленьку подвигается. И по нашему мнению — успешно. Но только — медленно, и когда оно закончится, т. е. приведет к окончательному и положительному результату, — мы с матерью сказать сейчас не можем. Нужно терпеть еще некоторое время. А тебе — учиться, заниматься и вести себя хорошо и спокойно. Главное — не трать время там по-пустому, то есть больше читай, учись, занимайся и веди себя образцово. Готовься к тому, что тебя ожидает более лучшая, свободная судьба, а пережитое тобою больше никогда не повторится.

У нас жизнь идет без особых событий. Мать здорова, я тоже, только все мы нуждаемся в отдыхе, а ты, конечно, и в отдыхе, и в лечении больше нас всех. Твой бывший друг⁴ действительно поступил в отношении тебя как самый худший враг, но это ему даром не прошло. Соответствующие люди разгадали его полностью. Мы с матерью вначале жалели его родителей, теперь — нет и не видимся с ними. Это чужие нам люди.

Ну, до свидания, мой мальчик, может быть — до скорого свидания. Но нужно еще терпеть нам всем троим, чтобы встретиться хорошо. Целую и обнимаю тебя, давно утраченного сына, в надежде, что снова вскоре найду его.

Твой отец⁵.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 645–646. Публикация Л. Суровой.

- 1 В фонде А. Платонова ОР ИМЛИ находятся пять писем от сына, все они отправлены из Норильлага; первое письмо датировано 11 ноября 1939 г. Указанное письмо не сохранилось.
- 2 Денежные переводы от родителей доходили до Платона, но были трудности с получением вещевых посылок. В письмах Платон постоянно просит прислать одежду. Но даже в Москве, находясь уже на доследовании в Бутырской тюрьме (сентябрь 1940 г.), он был лишен возможности переодеться в сносное платье. И ему — очень, по-видимому,

гордому юноше — приходится признаться в заявлении к следователю: “Моя обувь и верхняя и нижняя одежда настолько износились, что мне придется, идя к Вам на допрос, предварительно обернуться одеялом” (см. опубликованные В. Шенталинским материалы “дела” Платона Платонова: *Платонов А. Технический роман. М., 1991. С. 43*).

Тридцать лет спустя после трагических событий Мария Александровна вспоминала, как ее сын ходил по двору Бутырской тюрьмы в одних чулках, обернувшись одеялом, о чем ей рассказывал матрос, несколькими неделями ранее Платона выпущенный на свободу. Вернувшись домой, Платон не таил от родителей, чем встретили его тюрьма и лагерь. Письма перлюстрировались, и поэтому в них писалось только дозволенное. Вологодская тюрьма чуть не погубила юношу, там его заперли в карцер на двадцать дней за непослушание: вылил баланду на пол. Платон в таком безнадежном положении выдумал приручать крысу, делясь с ней крохами хлеба — единственной пищей, даваемой в карцере. Мария Александровна была уверена, что ее сын терпел жестокое наказание как раз в то время, когда она приехала в Вологду, и безрезультатно бродила вокруг тюрьмы, громко звала Платона, кричала от безысходности. Будто бы ее стоны услышал охранник, выводивший сына в уборную. Платон не умер благодаря хлебу, который охранник прятал за пазухой. В Вологде юноша переболел цингой и уверял, что к здоровым людям специально подсаживали в камеры туберкулезников с тяжелой формой болезни.

В памяти Марии Александровны остался другой эпизод — уже из лагерной жизни Платона. В Норильске слабого юношу определили в шахту, выполнять норму не удавалось, хотя какой-то паек ему полагался. Но и тот отнимали уголовники. Мария Александровна запомнила рассказ Платона о драке с уголовником из-за пайка. “Доходяга” Платон, доведенный до истощения постоянным недоеданием, из последних сил одолел того, кто напал на него, окровавил этому человеку лицо. Кучка уголовников наблюдала за дракой, не вмешиваясь. После этого случая Платона оставили в покое, и никто не покушался на его скудное пропитание (информация дается по наброскам воспоминаний М. А. Платоновой; хранятся в фонде А. П. Платонова ОР ИМЛИ).

3 Сохранилось несколько квитанций Бутырской тюрьмы о принятии денег для Платона Платонова (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 112).

4 Имеется в виду Архипов Игорь Николаевич (1920–1938), сын писателя Н. А. Архипова, студент IV курса Московского института инженеров коммунального строительства. Арестован 4 мая 1938 г., расстрелян 15 сентября 1938 г.

5 Далее следует письмо Марии Александровны:

“Мой любимый, далекий мальчик!

Что с тобой, почему ты ничего не пишешь? Два месяца, как ничего нет от тебя, я так боюсь за твоё здоровье, за твою жизнь. Ты еще не успел стать взрослым, вырасти, как жизнь начала хлестать тебя. Как я хочу тебя увидеть! Ты устал, наверное, бедняжка?

Папа тебе написал все верно — дело твоё очень подвинулось, и скоро ты поедешь в лес, увидишь друзей и снова будешь жить с нами. По

последнему письму я поняла, что ты скучаешь, томишься, — бодрись, мой бедный сын, собери свои силы, скоро, скоро мы увидимся. Все свои силы я кладу теперь на одно — это оправдать тебя; освободить скорее. Об одном прошу — не отчаивайся, иначе это может тяжело отразиться на твоём здоровье; а здоровье, ты ведь это знаешь, очень трудно восстановить. О друге твоём я знаю и о его родителях. Раньше я жалела его мать — теперь просто не хочу их видеть. Видимо, Яня большой негодяй. Тоже не лучше Игоря.

Но все страшное и тяжелое пройдет, мое солнышко, ты найдешь хороших, настоящих друзей, забудешь горе — ведь вся жизнь у тебя еще впереди. Не правда ли?

Смотри же, держись. Ты всегда говорил, что ты крепкий, каленый, — ну вот, так держись, занимайся, читай больше, не падай духом. Ты ведь знаешь, что твоя жизнь нужна родителям, что без тебя они не живут, а двигаются только. У нас сейчас сидит Верочка. Она так ждет тебя к себе, на Истру. У них там хорошо, и я надеюсь, что мы с тобой туда поедем скоро.

Ну, прощай, мое солнышко. Целую тебя крепко, крепко. Если бы наше письмо могло вдохнуть в тебя бодрость и надежду!

Будь здоров! Твоя мать М. Платонова” (Архив. С. 646).

.....

[234]

А. А. ФАДЕЕВУ

10 августа 1939 г. Москва

Александр!

Я хочу только спросить, передал ты или нет мое письмо Панкратьеву¹ и что он сказал, когда я могу с ним говорить?

Я тебя здесь дождаюсь². Твой А. Платонов.

10/VIII 39 г.

.....

Впервые: Архив. С. 625. Публикация Л. Суровой.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 429. Л. 111.

25 января 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило А. А. Фадеева секретарем нового состава президиума правления Союза советских писателей (см.: Власть. С. 424). В 1939–1940 гг. Фадеев не раз писал ходатайства в высшие инстанции (прокуратуру, НКВД) об освобождении невинно осужденных деятелей культуры; помог пересмотру “дел” Е. Таратуты, Н. Заболоцкого (см.: Александр Фадеев. Письма и документы / Составление, вст. статья и комментарии Н. И. Дикушиной. М., 2001).

1 См. п. 232. Фадеев упоминается в донесении в НКВД от 5 октября: “ПЛАТОНОВ находится в депрессивном состоянии вследствие ареста

его сына, содержащегося в Соловках. От сына нет писем. За сына хлопотали ФАДЕЕВ и ШКЛОВСКИЙ, причем первый хлопотал лишь формально..." (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 867).

2 То есть в приемной А. Фадеева в Союзе писателей.

[235] А. И. ВЬЮРКОВУ

27 августа 1939 г. Москва

Здравствуй, дорогой Александр Иванович!

Оба твоих письма получили¹ и благодарим за них. Рады, что ты отдыхаешь². Тебе отдых, как ты сам знаешь, совершенно необходим. В последнее время — мы замечали — у тебя временами было совсем белое, даже зеленое, лицо, что говорило о каком-то глубоком недомогании.

"Бублика"³ не видели ни разу, — очевидно, у твоей подруги появилась серьезная, строгая Муза — Государственная Служба⁴.

На Дмитровке⁵ есть некоторое прояснение, виделись с главным шефом учреждения⁶. Но наше дело едва ли пойдет быстро, так что мы не надеемся на быстрый результат. Сегодня или завтра приедет Михаил Ал<ексан>дрович⁷, буду с ним видаться. Он кое-что для меня сделал — увижусь и поговорю, а там видно будет.

Книжка моя (сборник статей) вышла⁸: на днях будет тираж⁹, книжку пришлю тебе, придумал даже надпись (из твоего же рассказа): "Тебе — я". Митрофанову¹⁰ позволю и все попытаюсь сделать. Живу по-прежнему в жаре и в пыли Тверского бульвара и занимаюсь сочинениями на бумаге¹¹. Работы делается почему-то все больше и больше, так что можно никогда не вставать из-за стола.

Жму твою руку, посылаю сердечный привет и передаю слово одной Особе¹².

Твой А. Платонов.

27/VIII.

Приедешь — поедem на денек к Старому Юшке¹³. Будешь ему писать — сообщи, что я приветствую этого труженика¹⁴, что существует где-то в Мамонтовке, охраняемый одним сонным кобелем¹⁵.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 434. Публикация Е. Шубиной. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 1–2.

Вьюрков Александр Иванович (1885–1956) — прозаик; участник Первой мировой войны, был в немецком плену (1915–1918); по возвращении из плена работал бухгалтером в различных организациях; в 1926 г. признан инвалидом II группы и переведен на пенсию. Рассказы Вьюркова печатались в журналах “Безбожник” (1930), “Крестьянка” (1931), “Колхозник” (1932–1933), “Красная новь” (1933). В 1930–1933 гг. работал в горкоме писателей, с 1935 г. — секретарь группкома издательства “Советский писатель” (информация дается по документам фонда Вьюркова в РГАЛИ, см.: Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 46, 202). Судя по сохранившимся материалам группкома, Платонов являлся не только членом группкома, но и с 1940 г. входил в его бюро (Там же. Ед. хр. 205. Л. 30, 61).

1 Из двух писем выявлено только одно — от 24 августа 1939 г:

“Привет вам, мои хорошие!

Как вы поживаете? Письма от вас нет. Был ли у вас Бублик? Звонила она мне сюда. И не порадовала. Сообщила, что неожиданно умер муж моей сестры. <...> Сижу за «Проточным переулком» (рассказ Вьюркова. — Н. К.). Сделал из написанного материала пока что на 12 стр., а всего их около полсотни. И погулять хочется, и почитать, а я сижу.

Кстати. Андрей Платоныч, дорогой. Не в службу, а в дружбу: встретишь Митрофанова — спроси, как у них мой «Жила»? Если они отклонили, то сообщи мне сюда открыткой. Я тогда попрошу Анну Васильевну переслать рассказ в «Новый мир». Телефон Митрофанова в редакции такой: КО-37-09 и КС-13-90.

Как дела на Мкалой? Дмитровке и с ремонтом квартиры?

Завтра сюда приезжает председатель Литфонда Новиков Ивкан» Алексеевич и я буду говорить с ним, по-серьезному.

Ну, желаю вам добра, здоровья и успехов. Бублика моего повидайте.

Привет Марии Александровне.

Ваш Ал. Ив. Вьюрков” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 2–3 об.).

Письмо Платонова с припиской Марии Александровны является ответом на вопросы Вьюркова.

2 Вьюрков в это время отдыхал в Доме творчества в Малеевке.

3 Прозвище жены Вьюркова Анны Васильевны.

4 Речь идет о новой службе Анны Васильевны в управлении Главлесохраны.

5 Имеется в виду прокуратура СССР (М. Дмитровка, д. 15а); см. п. 232. Подпись Вьюркова стоит под письмом группкома на имя прокурора СССР от 27 июля 1939 г. с просьбой обратить особое внимание на “дело” находящегося в заключении сына Платонова: “Мы, общественная организация, наблюдаем в течение последнего года крайне тяжелое душевное состояние Андрея Платонова, отца арестованного. Такое состояние писателя Платонова чрезвычайно отрицательно отражается на его творчестве, между тем как писатель Платонов представляет из себя крупнейшего и талантливого советского писателя. Мы убедительно просим Вас принять во внимание это обстоятельство, так

- к«ак» здоровая и плодотворная работа тов. Платонова находится в зависимости от судьбы его сына” (Архив. С. 647). Судя по стилистике обращения, скорее всего, письмо написано Вьюрковым.
- 6 Все лето Платоновы хлопотали о судьбе сына Платона, добивались встречи с главным прокурором СССР М. И. Панкратьевым (см. примеч. к п. 232).
- 7 Речь идет о М. А. Шолохове, принимавшем участие в освобождении сына Платонова. В 1939 г. осведомители трижды (в феврале, марте и апреле) в своих донесениях в НКВД сообщали о встречах Платонова с Шолоховым, во время которых обсуждалась судьба Платона: Шолохов рассказывал Платонову о “массовых беззакониях, практиковавшихся органами НКВД, и о том, что, следовательно, Тошка страдает безвинно”, советовал писать письма Сталину и “что писать” (см.: Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 863–865).
- 8 Речь идет о сборнике статей “Размышления читателя”. О выходе книги в день написания письма сообщила газета “Вечерняя Москва”: “Издательство «Советский писатель» выпустило книгу публицистических и критических статей Андрея Платонова” (Вечерняя Москва. 1939. 27 августа. С. 3).
- 9 После выхода сигнальных экземпляров “Размышлений читателя” (сохранились два экземпляра) печатание тиража было приостановлено. 1 сентября редактор-организатор издательства сообщала Платонову, что в книге необходимо срочно заменить статью “Пушкин и Горький” (именно эта статья вызовет в 1939 г. шквал политических обвинений Платонова в искажении русской истории и образа Горького). В ответном письме Платонову от 9 сентября Вьюрков сетовал: “Книгу свою ты мне не прислал сюда. Ну да ладно. Держи ее дома, как приеду — возьму” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 5). В день получения письма Вьюркова в “Литературной газете” (10 сентября) печатается большая статья В. Ермилова “О вредных взглядах «Литературного критика», в которой Платонов-критик обвинен в антипатриотизме, антинародности, “клевете на русскую литературу”, М. Горького и прочих идеологических пороках; выступление газеты с критикой “антимарксистских размышлений” Платонова тут же поддержит партийный журнал “Большевик” (редакционная статья “О некоторых литературно-критических журналах”, 1939, № 17). Платонов проведет предлагаемую издательством замену, однако книга не выйдет в свет (подробно об истории издания сборника статей “Размышления читателя” см.: Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 246–260; История одной “погибшей книги”. Статья и публикация Н. Корниенко // Архив. С. 660–672).
- 10 Митрофанов Александр Георгиевич (1899–1951) — прозаик, автор произведений о рабочем классе первых пятилеток; редактор отдела прозы издательства “Советский писатель”; внутренний рецензент различных изданий. См. рецензию Митрофанова 1933 г. на рассказ “Стройматериалы и оборудование”: “Рассказ написан мастерски, всем

Габриловичам даст фору, но... печатать можно, кое-какие строки выбросив вовсе, кое-какие радикально переделать. Обязательно. 24/VI" (ГЛМ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1). Платонов написал положительную рецензию на повесть Митрофанова "Ирина Годунова" (ЛГ. 1939. 30 мая. Подпись: Ф. Человеков). Судя по письму Вьюркова (см. выше примеч. 1), речь идет о рассказе "Жила", который находился, очевидно, сначала в журнале "Красная новь", а затем передан в "Новый мир" (см. п. 240).

- 11 Речь идет о пьесе "Избушка бабушки" для Центрального детского театра. Согласно договору с театром от 28 марта 1939 г., Платонов должен был представить пьесу в июне, однако пьеса не была представлена, и юристы потребовали вернуть полученный писателем аванс; в ходе переговоров договор был продлен до 1 августа (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–2). Вьюрков был осведомлен о сложившейся ситуации, что следует из его письма Платонову от 8 сентября: "Пьесу, конечно, ты закончил. Рад я этому" (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 46. Л. 5). Неизвестно, была ли летом завершена работа над пьесой и была ли она представлена в театр, сохранились только ее фрагменты, свидетельствующие о нескольких этапах работы над текстом (см. опубликованный фрагмент 1-го действия: Платонов А. Дураки на периферии. М., 2011). Кроме работы над пьесой и регулярных рецензий, Платонов с весны 1939 г. пишет для журнала "Индустрия социализма". Договором от 29 апреля он передал издательству "Индустрия" право впервые напечатать рассказы "Высокое напряжение" и "Почтальон" (именно так!), 13 апреля подписывает с издательством договор на рассказ с условным названием "Первая советская электростанция", и после публикации рассказа (под названием "Родина электричества") в июньском номере журнала "Индустрия социализма" с ним 31 июня подписывается новый договор на написание двух публицистических статей с условными названиями: "Человек, природа, техника" и "Философия социалистического труда", которые по договору он должен был сдать 20 июля (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 40, 42). Кроме того, в издательстве "Художественная литература" лежал принятый и одобренный сборник "Рассказы" (Договор от 26 мая 1939 г. // Там же. Л. 41) и шла работа с редактором (книга в свет не выйдет).
- 12 Речь идет о Марии Александровне. Ее приписка имеется в конце письма: "Здравствуй, милый мышьяк! Спасибо за память, за привет. Очень хорошо, что работаете, а дурака валяйте между прочим, после работы, а то сборник еще не выйдет сотню лет. О делах Юшка все написал, пока утешаться нечем, всё — надежда. Хочу увидеть Бублика, но так заматываюсь за день, что вечером никому не хочется идти; на днях увидимся. Ремонт — ни с места, не то бюрократизм, не то еще что-то — не пойму. Надежда только на Вас. Поправляйтесь хорошенько.

Как-то не хватает вас в Москве, вероятно, это многие чувствуют: отныне Вы можете подписываться: я — Бодрость!

Целую!

Мария Крашенина. 28/VIII 39.

(На полях) Вам завидую, так хочется побыть в лесу, но только с сыном; скоро и осень пройдет!”

Именно Мария Александровна отвечает на вопрос Вьюркова о ремонте квартиры. Документы к этой странице жизни семьи Платонова сохранились в фонде Вьюркова. Ярчайший документ представляет акт обследования квартиры писателя, составленный 28 июля 1938 г.: “В квартире пол ходит под ногами и Платоновы рискуют каждую минуту провалиться. В кухне и уборной пол уже провалился. Стена в большой комнате висит над опустившимся полом. Крысы бегают, не боясь присутствия людей. Возня их и писк слышны днем и ночью. В общем впечатление такое: вот-вот рухнет стена, а за ней потолок. Наступает зима. Квартира вообще холодная, зимой же будет еще холоднее. Необходимо срочно приступить к ремонту квартиры и вынести из нее сооружения МОГЭСа — электробудку. Чтобы обеспечить т. Платонову творческую обстановку и создать нужные ему для работы удобства, мы считаем также необходимым перенести в квартире на другое место ванную, уборную и переставить стену в кухне” (РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 3). В машинопись акта рукой Вьюркова вписана новая дата — 20 июля 1939 г. Летом 1938 г. в связи с арестом сына Платоновым явно было не до ремонта. У Платонова, в отличие от других его современников, дачи не было никогда, квартира в Доме Герцена (Тверской бульвар, 25) также была очень маленькой и практически лишенной удобств. Однако и в 1939-м ситуация с ремонтом разрушающейся квартиры практически не изменилась. Об этом свидетельствует письмо председателя группкома Г. Тарпана Вьюркову от 5 сентября 1939 г., представляющее к тому же любопытную зарисовку из жизни писателей в Доме Герцена:

“О Платонове не знаю, как ремонт. Но вообще капитальный ремонт по дому будет проводиться в мае 40 года, так сказали в Литфонде. А пока ремонтируют себя. Ну, ребята пьют по-старому. На днях Кауричев, Чернев и еще один завалились к Новикову, а там уже с Платоновым шла «смычка». Все насмыкались. Кауричев там же уснул, а Чернев ушел домой, держась за стенки и заборы. Я говорил с Черневым, сказал, что сообщу в ССП о нем и Кауричеве. Может, что получится. Кауричев пьяный ругал всех в издательстве, в том числе и Ярцева. Меня там не было в это время. В общем, мне эта лавочка не нравится” (Там же. Ед. хр. 178. Л. 5). Добавим, что именно из подобных посещений и “встреч” с Платоновым рождались донесения его современников в НКВД; неразговорчивый Платонов только в этой ситуации (по русской пословице: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке) проговаривался на самые запрещенные и крамольные темы современной политической и литературной жизни. Из упоминаемых в цитируемом письме трех писателей дружескими у Платонова оставались отноше-

ния с воронежцем Андреем Новиковым (арестован и расстрелян в 1941 г.) и Николаем Кауричевым (арестован в январе 1940 г., расстрелян в 1941 г.); оба в донесениях на Платонова в НКВД упоминаются как близкие приятели писателя (см.: Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 853–877). Письмо от Тарпана Вьюрков получил в Малеевке, и его крайне встревожил рассказ руководителя группкома о писательской пирушке у Платонова. Об этом свидетельствует его письмо Платонову от 8 сентября. Вьюрков вскользь сообщает Платоновым о ремонте, которому, собственно, посвящено письмо Тарпана, нерв письма — описание увиденного им сна об участниках пирушки в Доме Герцена Николае Кауричеве и Илье Черневе (настоящее имя — Александр Леонов). Именно сообщение Тарпана позволяет понять в письме Вьюркова подоплеку придуманного им сна. Традиционный литературный прием для построения назидательного рассказа, обращенного к Платонову:

“А вчера видел тебя и Марию Александровну. Сидим это бытто <sic> мы и пьем чай укрادкой. Вдруг в дверь стук. Ты кричишь: — Мария, убирай посуду! Я в угол. В один, в другой. Все углы заперты! Мечусь по комнате и вдруг поднимаюсь вверх к потолку! Ты меня за ноги. — Стой! — кричишь. — Не пугайся. Это Кауричев с Черневым. — Я смотрю на тебя и удивляюсь. На лице твоём такое спокойствие — не испугался ты их. Я тоже взял себя в руки. А Мария Александровна стоит и вся, бедная, от страха дрожмя дрожит. Гляжу — у ней в руках в одной три рубля, в другой пятиалтынный. И сует она эти деньги Кауричеву и кричит: — Изыди, изыди, окаянный! А Сашка, как злой, длинный дух, стоит сзади него и улыбается. А улыбка добродушно-сладко-ехидная! Ты, конечно, стоишь. Растерялся. Я — тоже. И берет эти 3-15 Колька в руки, глядит так на нее, на Марию Александровну, строго и что-то сказал. Я разобрал одно только слово: — Пока. Проснулся и не мог понять, прощался он этим словом или намекнул, что он за остальными зайдет. Проснулся весь в поту. Думая, слава богу! Сон. Теперь они к нему уже не таскаются, он работает и не треплют они по Москве твоё имя со своими одиозными именами” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 5).

- 13 Юшка — герой одноименного рассказа Платонова. Кроткий и добрый Юшка являлся ответом писателя на новую волну критики, начало которой положила статья критика А. Гурвича “Андрей Платонов” (Красная новь. 1937. № 10). Гурвич доказывал, что мировоззрение автора идеологически порочных произведений “Усомнившийся Макар” и “Впрок” не изменилось, потому что герои его новых рассказов (“Бессмертие”, “Фро”, “Нужная родина”) заражены достоевщиной, христианским смиренномудрием и по существу “антинародны”. В опубликованном в “Литературной газете” (20 декабря 1937 г.) ответе критику, с характерным названием “Возражение без самозащиты”, Платонов так аргументировал свой отказ от борьбы: “Я бы тоже сумел ответить Гурвичу в его же стиле и интонации, но не стану это делать — не потому, что мы, очевидно, литературные противники, а потому, что мы с ним

члены одного общества и одной страны”. Рисунок защиты тот же, что у героя рассказа, терпеливо сносящего “злобу и глумление” окружающих — “безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство”. Лишь после смерти Юшки все вдруг понимают, что “без Юшки жить людям стало хуже”, узнают про добрые дела Юшки-Ефима и его отчество: Андреевич. Просторечное имя Юшка является распространенной формой двух имен — Юрия и Ефима. Отчеством Андреевич Платонов делает героя своим литературным сыном. Юшкой Мария Александровна называет Платонова, это же имя для своего мужа она не раз использовала и после смерти Платонова (в устных рассказах и набросках воспоминаний).

“Старый Юшка” — известный советский поэт Демьян Бедный. Платонов поделился именем своего героя с когда-то всемогущим и вельможным советским поэтом (жил в Кремле до 1933 г., в поездках пользовался специальным вагоном), а в эти годы забытым и гонимым. В конце 1936 г. на Демьяна обрушивается критика, в 1937-м — он исключен из партии, его перестают печатать. Однако жизнь героя платоновского рассказа мало похожа на жизнь Бедного, для него — даже в этот период — больше подходит областное значение слова “юха”, к которому восходит “юшка”: “ухо-парень, пролаз, бойкий, продувной” (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 2003. С. 670).

- 14 Скорее всего, именно от Вьюркова Платонов знал, над чем в это время работал Бедный. Все лето 1939 г. Бедный жил на своей даче в Мамонтовке и перекладывал в стихи сказы из книги П. Бажова “Малахитовая шкатулка” (вышла в Свердловске в 1939 г.), будучи свято уверенным, что Бажов являлся простым собирателем уральских сказов. 8 сентября Вьюрков записывает в дневнике о посещении Бедного: “7 сентября» 1939 г. в 5 часов» дня Демьян Бедный кончил свою эпопею (1 часть) в 12 000 строк. Начал он ее 22 июня. Вчера мы с ним подсчитали, что фактически он работал над ней 74 дня, не считая дней выходных, неск»ольких» дней болезни и поездки в Москву. С 28/VI он сидел буквально без выезда в Мамонтовке, на своей даче, где и писал эпопею. Были у него намерения назвать ее, так» как» эпопея состоит из ряда рабочих сказок, «Терновый венок», потом «Золотой венок», но вчера он остановился на названии «Горная порода». Эпопея состоит из опозитизированных рабочих сказаний Урала, которые» записал и издал отдельной книгой П. П. Бажов под названием «Малахитовая шкатулка». Вчера я был у Демьяна на даче и горячо поздравил его с окончанием работы. Я был первый, кто его поздравил” (РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 12). Очевидно, Платонов с Вьюрковым были среди первых слушателей эпического полотна Бедного “Горная порода”.

- 15 Речь идет о собаке Бедного, ставшей темой шуточных высказываний в переписке лета 1939 г. (подробно об этом см.: *Корниенко Н.* Пролетарские писатели Андрей Платонов и Демьян Бедный // Кипарисовый лапест. М., 2012. С. 278–280). Неизвестно, ездили ли Платоновы в сен-

тябре 1939 г. в Мамонтовку и в Малеевку, куда их звал Вьюрков. В начале 1941 г. Бедный был среди гостей, приглашенных Платоновыми на свадьбу сына.
.....

[236]

М. И. ПАНКРАТЬЕВУ

Октябрь 1939 г. Москва

Убедительно прошу Вас указать пересмотреть дело моего сына и его освободить немедленно, ввиду того, что мой сын пятнадцатилетний подросток, что он трижды перенес (до заключения) трепанацию черепа, что он уже почти полтора года находится в тюремном заключении (для его возраста и болезненного состояния это смертельно опасное, во всяком случае, чрезвычайно серьезное и мучительное наказание).

Почти полтора года мы, т. е. я и моя жена — мать заключенного, тщетно добиваемся пересмотра дела н<аше-го> сына и освобождения его. Мы даже ни разу не получили разрешения на свидание с ним и на передачу ему вещей (одежды, обуви и пр.). Если возможно, то дайте разрешение на поездку матери в Соловец<кую> тюрьму и сделать сыну вещевую передачу — одежду, обувь, белье и прочее¹.

Теперь мы обращаемся к Вам, Прокурору Союза, с настоятельной просьбой — освободить нашего несчастного сына, пересмотреть и прекратить дело в отношении подростка, давно томящегося в заключении.

Для защиты и пересмотра этого дела просим Вашего разрешения, чтобы был допущен член Коллегии защитников, тов. Островский².

Печатается по первой публикации: Архив. С. 648. Черновой автограф. Публикация Л. Суrowой.

1 В донесении в НКВД от 5 октября 1939 г. зафиксирован новый приступ тревоги и отчаяния Платонова, узнавшего, что его сын на Соловках (см. примеч. 1 к п. 234). Когда Платон находился еще в Вологде, Соловки не воспринимались как действительная угроза. Тем не менее именно Соловки возникли как серьезная опасность перед Платоновыми, когда с апреля 1939 г. они перестали получать письма от сына.

- 2 В городскую Коллегию защитников Платонов обращался предположительно в ноябре 1938 г. В заявлении от 2 декабря 1938 г., написанном им на имя председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР В. В. Ульриха, упомянут в качестве защитника Э. А. Гиллер (см.: Архив. С. 639–640). Коллегия защитников занималась оказанием юридических услуг населению; первое ее заседание состоялось 8 сентября 1922 г. в Богословской аудитории Московского университета.
.....

[237] М. И. ПАНКРАТЬЕВУ
Октябрь 1939 г. Москва

Мой сын, Платонов Пл<атон> Анд<реевич>, в апреле месяце 1938 г. был арестован, имея пятнадцать лет от роду. Затем он был осужден и до сих пор почти полтора года находится в тюремном заключении. Недавно он был в Вологодской тюрьме, но теперь по справке в НКВД переведен в Соловецкую тюрьму.

Малолетство сына, тяжелые болезни и травмы, перенесенные им в детстве (он три раза подвергался тяжелым операциям — трепанация черепа), наконец — длительное тюремное заключение, которому он подвергается сейчас (несомненно губительное для жизни человека в таком возрасте) — всё это заставляет меня, и как отца, и как человека, обратиться к Вам с просьбой, чтобы Вы приняли меры к облегчению участи моего сына — мальчика, чтобы он был освобожден. Он уже достаточно наказан, достаточно пострадал.

Со своей стороны я сознаю свою ответственность за ту участь, которая постигла моего сына, и принимаю полную ответственность за его будущее воспитание как советского человека, перед которым вся жизнь еще впереди. Я сделал все выводы, понятные само собой, из страшного горя, переживаемого мною и матерью сына.

Мы, родители заключенного, согласны принять и выполнить любые условия, которые нам могут быть поставлены как залог для освобождения сына.

Очень прошу Вас принять меня и мою жену, мать заключенного.

А. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. Черновой автограф. С. 649.
Публикация Л. Суровой.

.....

[238] М. И. ПАНКРАТЬЕВУ
Октябрь 1939 г. Москва

Прокурору Союза ССР
тов. Панкратьеву.

Получив теперь возможность ознакомиться с характером и существом дела моего несовершеннолетнего сына Платона Андреевича Платонова, имею сообщить Вам следующее.

~~В следственных материалах не видно, что следствие~~
~~отдает себе отчет в трагической специфике обстановке этого~~
~~дела; именно, что Дело касается пятнадцатилетнего подростка,~~
~~к тому же трижды перенесшего тяжелейшие операции —~~
~~трепанацию черепа, оставившие в мальчике тяжкие психиче-~~
~~ские и физические травмы. К подростку, к больному мальчи-~~
~~ку устанавливаются отношения как к совершенно взрослому,~~
~~зрелому человеку. Ни один человек, знавший арестованного~~
~~подростка достаточно хорошо, ни разу не был вызван ни~~
~~к следователю, ни на суд. Наоборот, к следователю вызыва-~~
~~лись юноши¹, лишь очень отдаленно знавшие моего сына,~~
~~а м<ожет> б<ыть>, и совсем не знавшие его, но зато хоро-~~
~~шо знавшие другого подсудимого, Игоря Архипова², бли-~~
~~жайшие товарищи последнего. Они, конечно, были заинтере-~~
~~ресованы в том, чтобы выгородить, защитить своего друга~~
~~И. Архипова и очернить, оболгать моего сына, что они~~
~~и сделали. Это было тем легче сделать, что все они, и И. Ар-~~
~~хипов, и его друзья, значительно старше моего сына, и они~~
~~между собою хорошо знакомы а мой сын проходил в этом~~
~~деле в полном одиночестве и беспомощности. Я помню фра-~~
~~зу из следственных материалов~~ Мне известно, что на след-

ствии следователь задает вопрос моему сыну: что вас заставило сделать (или попытаться сделать) то-то? — И мальчик (пятнадцати лет) ему отвечает: я совершенно морально разложился... Я не знаю, может быть, здесь запись неточна, но ведь это же абсурд³. Нелепо даже записывать такие ответы пятнадцатилетнего подростка (тем более доверять им), находящегося под стражей, испуганного и больного. Что это значит — он морально разложился? Никогда такой фразы мальчик не мог произнести ~~Нет, не было и не могло быть и не бывает в природе такого “полного” разложения. Если даже его и тронуло “моральное разложение”, то ему надо помочь морально сложиться~~ Мальчик ребенок находится в переходном трудном возрасте; кто не понимает человека в этом возрасте физиологически, тот не поймет его и юридически. ~~Если даже его и тронуло “моральное разложение”, то ему надо помочь морально сложиться, не губить его. Достаточно простого житейского опыта, чтобы опровергнуть такое положение о разложении, принятое следователем, очевидно, всерьез. Надо же понимать точно, что в действительности означает полное моральное разложение и у кого, по каким причинам оно может быть, а у кого не может, даже если бы человек сам сознавался в этом. Сознание своей вины не всегда есть правда — наоборот, в некоторых обстоятельствах особенно когда мы имеем дело с натурой подростка, оно противоположно истине. Как признак этого разложения, в следствии приводятся слова сына, что он~~ В деле указано, будто мой сын пил алкоголь. Я его отец знаю своего <сына> со дня его рождения до дня разлуки с ним. Ни я, ни мать ни разу не видели его в состоянии опьянения. ~~Но здесь есть возможная нить к правде~~ Допускаю, что те мерзавцы, под вредное влияние которых случайно попал мой сын, спаивали его, одурманивали, провоцировали, разжигали в нем детское самолюбие и мальчишеское влечение к позе и этим его состоянием пользовались. Это было тем легче сделать, что подросток не умел ни пить, ни курить, и эти яды действовали на него тем сильнее. Возможно, что именно в этом состоянии они подговорили сына написать глупое, нелепое пись-

мо⁴, объяснив, что, дескать, тебе, как малолетнему, ничего не будет за это и т. д., а мы, думали они про себя, останемся в случае чего в стороне: которое по смыслу совершенно беспредметно. Ясно, что здесь мы имеем дело с форменной и отчетливой провокацией, совращением малолетнего подростка. Но зачем жертву квалифицировать как преступника? К чему в невменяемость, использованную в провокационных целях, вкладывать понятие преступности.

Я убежден, что мой сын написал был в одурманенном состоянии, если он действительно написал то письмо, которое фигурирует в деле. Я даже допускаю. Понятно, что он был в то время полностью невменяемым. настолько это дело безумно и противоречит всей натуре моего сына. Но в этой своей невменяемости виноваты другие — мой сын, естественно, абсолютно не виноват, т<ак> к<ак> его невменяемость или одурманенное состояние были кем-то искусственно вызваны. Правда, эту невменяемость в моем сыне, может быть, легче было вызвать, чем в другом. Невменяемое состояние сына легко объясняется тройной операцией малолетством, а особенно болезненностью и последствиями перенесенных операций головы. Да и разве мог бы несложившийся человек, не имеющий никакого житейского опыта, противостоять провокации, возможно даже, умелой и хитрой провокации?

Другой момент, отмеченный в следственных материалах, как “доказательство” морального разложения моего сына, заключается в том, что мой сын два года назад сделал попытку украсть пишущую машинку и часы — вместе с другим своим товарищем⁵. То, что написано в следственных материалах, совершенно неправильно. Я это дело точно знаю, я был у следователя милиции, читал дело, был в нарсуде и т. д. В деле было выяснено полное бескорыстие сына, помощь товарищу и т. п., и он понес наказание. Вот истинная картина дела (все это можно проверить по документам). Некий юноша (старше моего сына лет на 5–6) плохо жил со своей матерью. Он задумал уехать жить к своему отцу, который живет в разводе с его матерью на Украине.

Мать, видимо, тоже плохо относилась к своему сыну и не обращала на него внимания, вплоть до того, что даже не кормила достаточно своего сына. Я сам видел, как мой сын часто давал этому юноше хлеб, колбасу и пр., потому что тот парень голодал. Уехать к отцу, экипироваться (в смысле одежды) тот юноша не мог. Тогда он задумал скверное дело — сделать воровство, продать машинку и уехать на вырученные деньги к отцу. Он подговорил кого-то из товарищей, чтобы тот постоял “на стреме”, пока он полезет в помещение за машинкой. Его товарищ согласился, потом ушел домой. Тогда этот юноша встретил моего сына, шедшего из кино, и сказал ему, что он жить больше дома не может, он измучился, он уезжает к отцу, но денег у него нет — так пусть мой сын постоит “на стреме”. Мой сын постоял “на стреме” и за это потом заплатился (он получил год условно, а в следственных материалах написано — два года; даже здесь, в простой детали, ошибка). Вот как было дело. Сын же мой непосредственно никакой кражи не совершал. В этом деле, которое проводилось через народный суд, было выяснено полное бескорыстие моего сына и рыцарское отношение к одному своему более старшему товарищу, который дурно использовал наивность моего сына (сыну было тогда всего 14 лет). Сын мой непосредственно никакой кражи не совершал. Во всяком случае, упоминаемое дело не имеет никакого отношения к нынешнему делу. То прошлое дело закончено и сын понес наказание (1 год условно).

В деле фигурируют, кроме И. Архипова и моего сына, еще шесть фамилий. Все они, кроме одного, друзья или знакомые И. Архипова и составляли его окружение. Мой сын некоторых из них либо совсем не знал, либо знал очень мало, поскольку он и с самим Архиповым начал встречаться лишь за месяц до ареста. Я узнал в семействе Архиповых возраст и некоторые данные об этих лицах. Смирнову Сергею — 21 год. Якубовскому Михаилу — 25 лет, он сын арестованных и высланных родителей. Болтянскому Борису — 21 год. Генину (сокращенно его зовут Яня) — 22 года. Московскому — неизвестно сколько лет,

он учился в одной из школ вместе с И. Архиповым. Карлсон Дмитрий семейству Архиповых неизвестен. Кто такой Все эти люди, кроме неизвестного Карлсона, проживают, очевидно, в Москве, и, кажется, все они свободны со слов родителей И. Архипова. Я ~~вынес заключение~~ ~~относительно~~ ~~Мих<аил>~~ ~~Якубовский~~ и Бор<рис> Бол-
тянский представляют из себя отрицательные фигуры. Сам я их никого лично не знаю, но мне известно, что некото-
рые из них вызывались к следователю, и я представляю, ка-
кая может быть цена их показаниям — в том числе и пока-
заниям осужденного И. Архипова — против моего сына,
которого они все еле знали, а некоторые и совсем не знали.

Видимо, была кому-то какая-то выгода, чтобы раз-
вращать, провоцировать и губить советских подростков,
повергая одновременно их родителей в жестокое отчаяние.
Это мое ~~догадка~~, ~~близкая~~ ~~теперь~~ к твердое убеждение.

С моей точки зрения, следственный материал в от-
ношении моего сына порочен, и дело, беря его по существу
и во всей глубине, произведено неправильно, с нарушени-
ем основных принципов советского государства в отноше-
нии детей.

Полтора года, которые мой сын томится по тюрь-
мам, — срок больше чем достаточный, который может вы-
нести больной подросток ~~если мы не хотим вовсе его иска-~~
~~лечить и погубить.~~

Поэтому я прошу Вас приговор в отношении мое-
го сына опротестовать, а сына освободить.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 648–652. Черновой ав-
тограф. Публикация Л. Суровой.

- 1 К письму приложен крохотный фрагмент листа, на котором Платонов записал, видимо, во время знакомства с “делом” Платона, фамилии молодых людей, проходивших свидетелями по делу его сына. В записной книжке 1939 г. имеются телефоны некоторых из них (см.: Записные книжки. С. 213, 214).
- 2 См. примеч. 4 к п. 233.
- 3 Как свидетельствует запись в протоколе допроса от 9 июня 1938 г., Платон признавался, что совершил свое первое преступление, кражу,

- потому что нуждался в деньгах для развлечений, признался в особом пристрастии к алкоголю: “Я от родителей скрывал свое поведение” (ЦА ФСБ. Дело № 19 067. Л. 10).
- 4 На левом поле листа — гневная запись Платонова: “Провокация, бес- предметное письмо!” Очевидно, писатель выразил свое отношение к следующим строкам письма, находящегося в “деле” его сына: “Дорогой господин! Простите, не узнал вашего имени. Осмеливаюсь по- слать к Вам человека, надежного и преданного мне. У нас с ним со- вершенно сошлись интересы, и поэтому для пробы посылаю его к Вам. И эти «интересы» мы, в частности, мой друг можем делать и да- вать. Если мы в Вас найдем человека, который поддержит нас в духов- ном и, главное, в материальном смысле, то Вы этого никогда не пожа- леете и, наоборот, будете нам в еще больше мере помогать” (письмо адресовано неизвестному немецкому гражданину за подписью “Пла- тон Платонов” и датой “13 апр. 1938”).
- 5 На допросе 9 июня 1938 г. Платон признавался: “Примерно в августе 1937 г. я со своим приятелем Черняховским Юрием Григорьевичем совершили кражу стальных часов и пишущей машинки в обществе «Гранат». Мы были уличены в краже, и нас осудили: Черняховского на 2 года тюремного заключения, а меня на 2 года условно. Мне тогда было 15 лет” (ЦА ФСБ РФ. Дело № 19067. Л. 8).
- .....

[239]

И. Т. Голякову

Октябрь 1939 г. Москва

Председателю Верховного Суда СССР
тов. Голякову.

Получив теперь возможность ознакомиться с ха- рактером и существом дела моего несовершеннолетнего сына Платона Андреевича Платонова, имею сообщить Вам следующее.

Дело касается пятнадцатилетнего подростка, к тому же трижды перенесшего тяжелые операции — трепанацию черепа, — оставившие в мальчике тяжкие психические и физические травмы. К подростку, к больному мальчику устанавливаются отношения, как к совершенно взрослому, зрелому человеку. Ни один человек, знавший арестованно- го подростка достаточно хорошо, ни разу не был вызван ни к следователю, ни на суд. Наоборот, к следователю вызыва- лись юноши, лишь очень отдаленно знавшие моего сына (а может быть, и совсем не знавшие его), но зато хорошо

знавшие другого подсудимого, Игоря Архипова, — ближайшие товарищи последнего. Они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы выгородить, защитить своего друга И. Архипова и очернить, оболгать моего сына, что они и сделали. Это было тем легче выполнить, что все они, и И. Архипов, и его друзья значительно старше моего сына и они между собою хорошо знакомы.

Мне известно, что на следствии был задан вопрос моему сыну: что вас заставит сделать (или попытаться сделать) то-то. И мальчик отвечает на следствии: я совершенно морально разложился. Я не знаю, может быть, здесь неточна запись, но ведь это же абсурд. Нелепо даже записывать такие ответы пятнадцатилетнего подростка (тем более доверять им), находящегося под стражей, испуганного и больного. Что это значит: он морально разложился. Никогда такой фразы мальчик не мог произнести. Подросток находится в переходном, трудном возрасте; кто не понимает человека в этом возрасте физиологически, тот не поймет его и юридически.

В деле указано, будто мой сын пил алкоголь. Я знаю моего сына со дня его рождения до дня разлуки с ним. Ни я, ни мать ни разу не видели его в состоянии опьянения. Допускаю, что те мерзавцы, под вредное влияние которых случайно попал мой сын, спаивали его, одурманивали, провоцировали, разжигали в нем детское самолюбие и мальчишеское влечение к позе и этим его состоянием пользовались. Это было тем легче сделать, что подросток не умел ни пить, ни курить, стало быть, эти яды действовали на него тем сильнее. Возможно, что именно в этом состоянии они подговаривали сына написать глупое, нелепое письмо, которое по смыслу совершенно беспредметно. Ясно, что здесь мы имеем дело с форменной и отчетливой провокацией, совращением малолетнего подростка. Но зачем жертву квалифицировать как преступника. К чему в невменяемость, использованную в провокационных целях, вкладывать понятие преступности. Понятно, что он был в то время полностью невменяемым. Невменяемое состояние сына

легко объясняется малолетством, особенно болезненностью и последствиями перенесенных операций головы.

Другой момент, отмеченный в следственных материалах как “доказательство” морального разложения моего сына, заключается в том, что мой сын два года назад будто бы сделал попытку украсть пишущую машинку и часы — вместе с другим своим более старшим товарищем. Однако в этом деле, которое проводилось через народный суд, было выяснено полное бескорыстие моего сына и рыцарское отношение к своему товарищу, который дурно использовал наивность моего сына (сыну было тогда всего четырнадцать лет). Сын мой непосредственно никакой кражи не совершал. Во всяком случае, упоминаемое дело не имеет никакого отношения к нынешнему делу. То прошлое дело закончено, и сын понес наказание (один год условно).

В деле фигурируют, кроме И. Архипова и моего сына, еще шесть фамилий. Все эти люди, кроме одного, друзья или знакомые И. Архипова и составляли его окружение. Мой сын некоторых из них либо совсем не знал, либо знал очень мало, поскольку он и с самим Архиповым начал встречаться лишь за месяц до своего ареста. Я узнал в семействе Архиповых возраст и некоторые данные об этих лицах. Смирнову Сергею — 21 год. Якубовскому Михаилу 25 лет, — он сын арестованных и высланных родителей. Болтянскому Борису — 21 год. Генину (сокращенно его зовут Яня) — 22 года. Московскому — неизвестно сколько лет, он учился в одной из школ вместе с И. Архиповым. Карлсон Дмитрий семейству Архиповых неизвестен. Все эти люди, кроме неизвестного Карлсона, проживают, очевидно, в Москве, и, кажется, все они свободны. Со слов родителей И. Архипова я понял, что Якубовский и Болтянский представляют из себя отрицательные фигуры. Сам я их никого лично не знаю, но мне известно, что некоторые из них вызывались к следователю, и я представляю, какая может быть цена их показанию — в том числе и показаниям осужденного И. Архипова — против моего сына, которого они все едва знали, а некоторые и совсем не знали.

Видимо, была кому-то какая-то выгода, чтобы раз-
вращать, провоцировать и губить советских подростков,
подвергая одновременно их родителей жестокому отчая-
нию. Это мое твердое убеждение.

С моей точки зрения, следственный материал в от-
ношении моего сына порочен и дело, беря его по существу
и во всей его глубине, проведено неправильно, с наруше-
нием основных принципов советского государства в отно-
шении детей.

Полтора года, которые мой сын томится по тюрь-
мам, срок более чем достаточный, какой только может вы-
нести больной подросток. Поэтому я прошу Вас приговор
в отношении моего сына опротестовать, а сына освободить.

Приложение:

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

Андрей Платонович Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 652–654. Публикация
Л. Суровой.

Голяков Иван Терентьевич (1888–1961) с мая 1938 г. — председатель
Верховного Суда СССР.

[240]

В. П. СТАВСКОМУ

13 декабря 1939 г. Москва

Владимир Петрович¹.

Я прочитал рассказ тов. Вьюркова “Жила”². По-моему,
рассказ очень хорош, и я самым серьезным образом рекомен-
дую этот рассказ Вам — для напечатания в журнале. На днях
приду к Вам — принесу рукопись своего нового рассказа³.

Еще раз очень прошу прочитать рассказ

А. И. Вьюркова и опубликовать его.

Жму Вашу руку.

Привет.

А. Платонов.

13/XII 39.

.....

33/

Прокурору Союда ССР тов. М. А. Танкредову.

Три года Вам свои глубокую
благодарность — за то, что в результате
Ваших действий приговор по делу
моего малолетнего сына Ткаченко,
Петра Андреевича, был отменен, —
прошу Вас принять во внимание
следующее —

1. Письмо сына, которое находится в деле
и которое вменяет сыну в вину поступок,
единственно верно можно охарактеризовать лишь
как мальчишескую выходку, причем сын
~~обвиняет~~ мой сын, конечно, не отдавая себе
отчета в том факте, которое может
иметь. Придаю такую ценность, и не ~~каким-то~~
сознавая, и не мог сознавать, смысл своего
поступка. Да и поступок — это абсолютно
бессмысленный и не мог иметь никаких
вредных ~~или обвиняющих~~ последствий. Мне, правда,
неизвестен точный текст письма,

Впервые: Воспоминания. С. 434 (без указания адресата). Публикация Е. Шубиной.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 1. В автографе первоначальная дата “13/V” исправлена на “13/XII”.

Ставский Владимир Петрович (1900–1943) — прозаик, редактор журнала “Новый мир”. В 1936 г. Ставский (в то время секретарь президиума правления ССП) дал высокую оценку работы Платонова в коллективном труде “Люди железнодорожной державы” (см.: Воспоминания. С. 328).

- 1 Адресат установлен по первому автографу письма, вписанному Платоновым в дневник Вьюркова: “Письмо А. П. Платонова редактору журнкала» «Новый мир» Ставскому”, этот документ датирован 13 мая 1939 г. (РГАЛИ. Ф. 1452. Ед. хр. 47. Л. 47, л. 10). С этого источника письмо было переписано Платоновым на отдельный лист, внесено одно исправление (вместо “рукопись моего нового рассказа” стало: “...своего...”), изменены пунктуация и месяц в дате.
- 2 Рассказ А. В. Вьюркова “Жила” в журнале не публиковался (хранится в фонде Вьюркова).
- 3 В 1939 г. публикаций Платонова в журнале не было.
.....

[241] М. И. ПАНКРАТЬЕВУ
28 декабря 1939 г. Москва

Прокурору Союза ССР тов. М. И. Панкратьеву
Принося Вам свою глубокую благодарность — за то, что в результате Ваших действий приговор по делу моего малолетнего сына Платонова Платона Андреевича был отменен¹, — прошу Вас принять во внимание следующее.

1. Письмо сына, которое находится в деле и которое вменяется сыну в проступок, единственно верно можно охарактеризовать лишь как мальчишескую выходку, причем мой сын, конечно, не отдавал себе отчета в том значении, которое могут придать такому письму, и не сознавал и не мог сознавать смысла своего поступка. Да и поступок-то этот абсолютно бессмысленный и не мог иметь никаких вредных последствий. Мне, правда, неизвестен точный текст письма, но о сущности его я имею представление. Я убежден, кроме того, что письмо это написано под влиянием других, более старших, развращенных людей, уже, вероятно, осужденных, и является с их стороны провокаци-

онным актом по отношению к подростку, совращением последнего. Далее, мне известно опубликованное в газетах разъяснение Пленума Верховного Суда СССР² (в конце лета тек<ущего> года), по точному смыслу которого нельзя привлекать к ответственности по политическому обвинению подростков до 16-ти лет; моему сыну в момент ареста было 15 лет с несколькими месяцами (в деле есть нотариальная копия выписи из метрической книги). Письмо, о котором идет речь, если даже его принимать всерьез, невозможно квалифицировать иначе, как некий политический проступок, и, следовательно, и с этой точки зрения, на основании разъяснения Пленума Верховного Суда, сын не подлежит ответственности.

2. Скоро будет два года, как мой сын томится по тюрьмам и лагерям. Сейчас он находится в Норильском лагере (Таймырский округ), за Полярным кругом, где работает плотником³.

По форме и по духу советских законов, по существу нашего общества — не следует детей содержать в заключении столь значительный срок, да еще за полярным кругом, во мраке Полярной ночи. Но поскольку это уже случилось, необходимо немедленно прекратить такое наказание, о чем я и прошу Вас, прокурора Советского Союза.

3. Я прошу Вас, чтобы мой сын был освобожден без последствий, уменьшающих его гражданские права. Ведь заключенному и сейчас всего 17 лет; ему надо жить учиться⁴; он не должен быть лишенным права пойти в Красную Армию, когда наступит его срок; он не должен быть лишенным возможности жить вместе со своими родителями.

Заклученный мальчик слишком многое перестрадал и утратил, чтобы дополнительно нести страдания, как неполноценный в гражданском смысле человек. Мы, родители, убеждены, что Вы предпримете дальнейшие действия для скорого освобождения нашего сына — без всяких последствий, которые могут отяготить его дальнейшую судьбу. Пусть он как можно скорее забудет пережитое им тяжкое наказание — он ведь еще только вступил в свою

юность — и не будет более чувствовать себя обездоленным омраченным человеком.

С глубоким уважением <А. Платонов>.

28/ХІІ 1939 г. Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27. А. П. Платонову.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 655–656. Публикация Л. Суровой.

- 1 23 сентября 1938 г. Верховная коллегия Верховного Суда приговорила Платона Платонова к 10 годам ИТЛ.
10 декабря 1939 г. по протесту прокурора СССР приговор 1938 г. отменен и “дело” Платона возвращено на доследование. Обратили внимание на имеющиеся в деле медицинские документы и по ним заключили, что арестованный не был психически полноценным, но когда шло следствие, на это не обратили внимания.
20 марта 1940 г. “дело” направлено на доследование, Платона перемещают из лагерей в Бутырскую тюрьму.
- 2 Упомянутое “разъяснение” не найдено.
- 3 Из Норильска Платон сообщает родителям о своей работе следующее: “Сейчас бурю бурки для подрывников, которые взрывают аммоном”. В письме отцу от 17 августа 1942 г. он признавался: “Я ночью в штреке рубил и нагружал уголь в вагонетки” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. 48. Л. 21).
- 4 В “деле” Платона находится его заявление от 10 ноября 1940 г., в котором он просит вернуть ему изъятую при аресте справку об образовании; после возвращения из лагеря (с 2 декабря 1940 г. по 1 июля 1941 г.) учился в университете марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б).
.....

[242] П. А. Платонову

Декабрь 1939 г. Москва

Поздравляем дорогого сына с освобождением¹. Телеграфируй, как ты думаешь устроиться до того, как представится возможность выехать в Красноярск, не спеши, не делай этим отъездом ошибочных шагов, не принимай решений без нашего совета — сейчас полярная ночь, поездка далека, трудна. Сколько тебе куда нужно перевести денег. Всего тебе в Норильск переведено восемьсот пятьдесят рублей. Есть возможность временно устроить тебя в Дудинке <на> квартире учительницы средней школы Александры

Афанасьевны Васильевой², ей послана телеграмма писателем Александром Кожевниковым³ с просьбой принять тебя, если ты поедешь, она знает Кожевникова, согласен ли ты. Мы принимаем меры <в> Москве для отправки тебя <в> Красноярск самолетом — сообщим, как добьемся результата. Мать будет встречать тебя <в> Красноярске, при надобности выедет в Дудинку. Отвечай подробно телеграммой, все ожидают этой телеграммы. Передаем поздравление с освобождением от всех родных и знакомых.

Целуем. Отец, мать.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 656. Публикация Л. Суровой.

- 1   См. примеч. 1 к п. 241.
- 2   Васильева Александра Афанасьевна — учительница начальных классов в Дудинке, крупном населенном пункте близ Норильска; награждена орденом Трудового Красного Знамени.
- 3   А. В. Кожевников в пору работы в журнале “Колхозные ребята” познакомился с А. А. Васильевой, написал очерк о ее первых педагогических опытах (“За краем света”). Черновик телеграммы Кожевникова, о которой идет речь в письме, составлен Платоновым (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 112). Платонов от лица Кожевникова обращается к учительнице Васильевой с просьбой приютить у себя Платона до наступления весны и оказать ему моральную поддержку.
.....

**[243] В РЕДАКЦИИ “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”
И ЖУРНАЛА “ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК”**

15 апреля 1940 г. Москва

В редакцию “Литературной газеты”.

В редакцию журнала “Литературный критик”.

Просьба напечатать мое нижеследующее письмо¹. В последнее время — уже в течение полугода или более — моя фамилия часто употребляется разными литераторами, которые, стремясь доказать свои теоретические положения, ссылаются на меня как на писателя — по любой причине и без особой причины². Убогость аргументации именем Платонова — очевидна. Поэтому я здесь не хочу вступать с этими людьми в какой-либо спор: у меня есть более полезная работа, чем употреблять те средства подавления и коррупции, которые применяют ко мне люди, считающие меня своим противником. Кроме того, я бы и не смог употребить эти средства, потому что для того я бы должен превратиться из писателя в администратора³. Например, я бы не смог (да и не стал бы, если даже мог) ликвидировать напечатанные и разрешенные к опубликованию книги, как поступили недавно с моей книгой⁴, не стал бы зачеркивать каждое слово в печати, если оно не содержит резкого осуждения Плато-

нова, и прочие подобные поступки я не позволил бы себе совершить и отговорил бы от таких поступков других людей, активность которых опережает их разумение.

В заключение я приведу слова Гоголя, которые в точности излагают мою мысль и просьбу: “Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории... Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: оставьте меня”⁵.

..... 15 /IV 1940 г. Андрей Платонов.

Впервые: Октябрь. 1991. № 10. С. 204. Публикация М. А. Платоновой. Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 1.

- 1 Письмо не было опубликовано. Неизвестно, было ли оно отправлено адресатам (в фондах “Литературного критика” и “Литературной газеты” не выявлено).
- 2 Речь идет о дискуссии вокруг журнала “Литературный критик”, автором которого был Платонов. Она началась в сентябре 1939 г. с публикации статьи Ермилова “О вредных взглядах «Литературного критика»” в “Литературной газете” (см. примеч. 8 к п. 235) и продолжалась весь 1940 г. Практически все номера “Литературной газеты” 1940 г. печатали материалы дискуссии. Со стороны “Литературного критика” выступали критики Г. Лукач, М. Лифшиц, В. Александров (Келлер), Е. Усиевич и др.; оппонентами журнала — В. Ермилов, Е. Книпович, В. Кирпотин (руководитель секции критики в ССП) и др. Имя Платонова — одно из упоминаемых: “Лукач даже не упоминает в своих статьях ни одного имени советского писателя (кроме имен Горького и... А. Платонова)” (Красная новь. 1940. № 4. С. 162–172); “...под видом рецензий (Платонова. — Н. К.) — превратные представления, губительные для искусства” (ЛГ. 1940. 5 марта). В апрельском номере “Красной нови” за 1940 г. в качестве редакционной печатается расширенный вариант статьи Ермилова 1939 г. “О вредных взглядах «Литературного критика»”. 28 марта 1940 г. датируется развернутое сообщение в НКВД об отношении Платонова к новому витку “литературных споров” (название рубрики в “Литературной газете”), в которых постоянно фигурировало его имя: “По мнению ПЛАТОНОВА, эта литературная дискуссия является отголоском дискуссии по вопросам всего культурного фронта, имевшей место несколько лет тому назад, когда громили вульгарных социологов. <...> ПЛАТОНОВ сообщил, что на днях обе спорящие стороны подали докладные записки в ЦК ВКП(б) с изложением существа спора” (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 864). В на-

чале 1940 г. за подписью А. Фадеева и В. Кирпотина в ЦК ВКП(б) направлена записка “Об антипартийной группировке в советской критике”, в которой также фигурирует Платонов: “«Лит[ературный] Критик» сделал Платонова своим знаменем. Его противопоставляют другим писателям. На него указывают как на образец. <...> Платонов стал публицистом и критиком группы. На страницах «Лит[ературного] Критика» он доказывает, что вся русская литература после Пушкина — сплошной упадок <...> Сборник статей Платонова, редактировавшийся Е. Усиевич, был изъят как антисоветская книга” и т. п. (Власть. С. 442–443; *Галушкин А.* Андрей Платонов — И. В. Сталин — “Литературный критик” // Страна философов, 2000. С. 819–821).

- 3 В эссе “Об административно-литературной критике (Письмо в редакцию)”, написанном в разгар полемики между Г. Лукачем и В. Ермиловым осени 1939 г., Платонов дал определение и обоснование новой разновидности критика: “Административный критик, адмкритик”, который борется с другими критиками (критиками-писателями, критиками-философами) “путем их подавления разнообразными оргмероприятиями”. К такому типу критики он отнес выступление Ермилова: “Никакой литературно-критической работы — в ее точном смысле — в его статье «Об ошибочных взглядах “Литературного критика”» нет. Но там есть работа административная. Ермилов пишет свою рецензию о статье Платонова «Пушкин и Горький» спустя два с лишним года после опубликования последней, потому что Ермилов, как администратор, учел литературно-организационную конъюнктуру. Далее — цитата из любого произведения, если ей пользуются неумелые или злостные руки, всегда походит на членовредительство; но у административного критика как раз часто бывает нужда в членовредительстве цитируемого им автора, иначе в чем же смысл работы адмкритика; именно так цитирует Ермилов статью «Пушкин и Горький»: служебную иллюстрирующую фразу текста он цитирует, основные же положения опускает; адмкритик выдергивает из человека ноготь и хочет охарактеризовать им всего человека. И последнее соображение — непреодолимое для адмкритика: всякий критик обязан быть художником органически, иначе он никогда не соединится с предметом своей работы и всякое его исследование роковым образом будет давать ложные или бесплодные результаты. Администратор вовсе не исследователь и не руководитель: он берет «предмет» не за душу и не за руку, а за ухо. Администратор же хотя и думает про себя, что он полный и ученый хирург, все же не является им, потому что между хирургией и поркой есть разница, невзирая что обе они «нрзб». Однако отвечать Ермилову, оспаривать положения его рецензии нет расчета, потому что мы с ним люди разных областей деятельности, и, очевидно, ни один из нас не является специалистом для другого. Это не значит, что я не уважаю административную деятельность. Наоборот, я ее уважаю настолько, что, не чувствуя способности к ней, не занимаюсь ею. Этому примеру могут следовать и работники других областей, например административных. Литературная критика — область

- 4 работы не менее достойная, чем административная, поэтому критика требует к себе такого же отношения, как, допустим, я отношусь к административным мероприятиям, по неспособности не занимаясь ими” (Впервые опубли.: Октябрь. 1991. № 10. Публикация М. А. Платоновой).
- 5 См. примеч. 9 к п. 235. Очевидно, в эти дни Платонов узнал, что издательство “Художественная литература” приостановило выпуск подготовленной книги рассказов. Сохранился титульный лист сборника Платонова “Рассказы” с визой редактора книги Е. Усиевич: “В печать. 22/III 40” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 49б. Л. 3 об., 4 об.).
- 5 Цитируется фрагмент повести “Шинель” Н. В. Гоголя, с редукцией евангельских контекстов описанной ситуации; в источнике: “Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкой на лбу, с своими проникающими словами: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным” (Гоголь Н. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3. Л., 1938. С. 144–154).
- .....

---

[244]**А. А. ФАДЕЕВУ**

10 мая 1940 г. Москва

Дорогой Александр Александрович!

При этом посылаю тебе книжку “Размышления читателя” (нечто вроде верстки, которую я взял в издатель-

стве)¹. Это сборник нового состава, то есть порочная статья “Пушкин и Горький” из сборника изъята, вместо нее поставлены другие вещи². Вообще сборник теперь может быть еще более обновлен новыми статьями, а может быть оставлен так, как есть, — как хочешь³.

Очень прошу тебя сказать издательству, чтобы выпустили книгу в свет. Отговорка, что бумаги нет, несостоятельна по многим причинам, в том числе и по той, что находится бумага для выпуска книги Гурвича⁴ “Поиски героя” вторым изданием; значительную часть этой книги занимает статья под названием “Андрей Платонов”, самому же Платонову трудно выпустить свою книгу даже одним первым изданием.

Ты понимаешь, что это несправедливо. Однако без тебя книга эта не увидит света. И я прошу тебя помочь мне. Если нужны разъяснения какие-нибудь, вызови меня.

Товарищеский привет. Андр. Платонов.

10/V 40.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 666. Публикация Н. Корниенко.

- 1 Платонов передал Фадееву переверстаный сигнальный экземпляр книги “Размышления читателя” (1939).
- 2 В сборник введены статьи-рецензии: “Лазурная реальность (о повести Л. Кассиля)”, “Стахановец Басов (по поводу романа «Танкер Дербент» Ю. Крымова)”, “Роман о детстве и юности пролетария”, “Несолёное счастье”.
- 3 Фадеев книгу не читал и сразу отправил ее на заключение руководителю секции критики ССП В. Я. Кирпотину, входившему в группу, которая вела борьбу с “Литературным критиком” (см. примеч. 2 к п. 243). В 1940 г. Кирпотин не раз вспоминал Платонова в дискуссии о критике, которая в 1940 г. шла на страницах “Литературной газеты”. “Это чудовищная, неслыханная никогда раньше клевета на Горького” — это о статье “Пушкин и Горький” (*Кирпотин В. О народности в искусстве // ЛГ. 1940. 30 янв.*). Кирпотин написал развернутый отзыв, которым подтвердил правильность издательства, отказавшегося выпустить книгу Платонова (подробно см.: История одной погибшей книги. Статья и публикация Н. Корниенко // Архив. С. 660–672).
- 4 Гурвич Абрам Соломонович (1897–1962) — литературный и театральный критик, активный участник литературной жизни второй половины 1930-х гг., входил в состав первого Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (1940); автор большой статьи

“Андрей Платонов” (Красная новь. 1937. № 10), в которой доказывалось, что художественное мировоззрение Платонова стабильно и “не-полноценно”, никаких радикальных изменений в его художественной методологии со времен “Усомнившегося Макара” и “Впрок” не произошло и что “Платонов антинароден”. Опубликованная в журнале статья вошла в книгу Гурвича “В поисках героя” (М.—Л.: Искусство, 1938). Информация о подготовке второго издания книги Гурвича не выявлена. В 1951 г., уже после смерти Платонова, Фадеев написал рекомендательное письмо в Гослитиздат об издании книги Гурвича “В поисках героя”: “Работа А. С. Гурвича написана талантливо, с любовью к советскому человеку...” (Фадеев А. Письма: 1916–1957. М., 1973. С. 369). Третья попытка переиздания книги также не состоялась. С 1949 г. А. Гурвич попадает в немилость, его имя фигурирует в документах и публикациях об антипатриотической группе театральных критиков-космополитов. Публикация статьи Гурвича “Сила положительного примера” в “Новом мире” (1951. № 9) подверглась жестокой критике на страницах газеты “Правда” (28 октября 1951 г.) в редакционной статье “Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике” (подробно см.: Александр Фадеев. Письма и документы. С. 14–15, 106).

[245] В издательство “Советский писатель”

29 июля 1940 г. Москва

В издательство “Советский писатель”.

На Ваше письмо № ЮР-13 от 25/VII т<екущего> г<ода> сообщаю следующее свое предложение об урегулировании своего долга изд<ательст>ву — 4921 р.¹

По не зависящим от меня обстоятельствам книга “Путешествие из Ленинграда в Москву” будет представлена в изд<ательст>во осенью этого года. Поэтому, чтобы немедленно ликвидировать свой долг изд<ательст>ву, я предлагаю изд<ательст>ву для издания сборник своих рассказов объемом в 12–13 авт<орских> листов.

Рукопись книги может быть представлена в течение 5 ближайших дней². Гонораром за эту книгу с избытком покроется мой долг.

29/VII 1940 г.

Андр. Платонов.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 5. Ед. хр. 28 (2-й том). Л. 26.

На письме имеются отметки секретаря издательства: “Распоряжение Разина. Просить автора представить рукопись на просмотр. 9/VIII. [подпись]”; “Автору послано письмо 10/VIII” (Там же). 10 августа за подписью главного редактора издательства Разина Платонову направлено письмо: “Уважаемый тов. Платонов! В ответ на Ваше письмо от 29/VIII-40 г. издательство просит предоставить рукопись

«Сборник рассказов» — для ознакомления” (Там же. Л. 9).

- 1 Долг Платонова издательству исчислялся по нескольким статьям: затраты, включая выплаченный аванс, на издание книги “Размышления читателя” (1939) и ее переверстку осенью 1939 г. (см. лицевые счета Платонова в издательстве: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 6. Ед. хр. 123. Л. 32, 33), а также выплаченный аванс за роман “Путешествие из Ленинграда в Москву” (план 1940 г.).
- 2 Рукопись была представлена в издательство в августе, однако в утвержденный осенью 1940 г. план изданий 1941 г. не вошла. См. примеч. 1 к п. 251. ....

[246] А. И. ВЬЮРКОВУ

10 августа 1940 г. Москва

Дорогой Александр Иванович!

Я прочитал Вашу книгу “Москва-матушка”¹. Статью о книге я напишу после того, как книга выйдет в свет², сейчас же сообщу о рукописи лишь свое краткое мнение.

Книга представляет собою большую ценность — не только в познавательном смысле, но и в литературно-художественном отношении. Ваше умение пользоваться русским языком стоит на превосходном уровне; Ваше мастерство в построении сюжета произведения (редкое качество у современных писателей) достигает временами того же искусства, что и у О’Генри (знаменитого американского мастера сюжетной новеллы).

Познавательное (и, следовательно, — воспитательное) значение книги также очень велико. Мне лично не приходилось читать другой подобной книги, изображающей в столь живых образах сердце России — Москву. Еще один момент, важный, чтобы его отметить. Даже люди заблудшие, изображенные Вами, имеют черты человеческого очарования. Это доказывает наличие в Вас сердца писателя, это является результатом объективности художника.

Я считаю необходимым выпустить Вашу книгу в свет в улучшенном издании, снабженном иллюстрациями и рисунками.

Искренний привет.

Благодарный за Вашу книгу

Андр. Платонов.

10/VIII 1940 г.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 435. Публикация Е. Шубиной. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 5; заверенные машинописные копии — там же, л. 6; см. также: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 12. Ед. хр. 167. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 595. Л. 3.

- 1 Речь идет о книге рассказов Вьюркова, представленной в издательство “Советский писатель”. Рассказы о старой Москве Вьюрков начал писать с 1935 г., когда стал работать секретарем группкома. Писал Вьюрков трудно, о чем признавался Платонову: “Написал на 3 страницы рассказа «На озере». Чертовски трудно. Полведра чернил вымазал, и кажется, ни черта не получилось” (письмо А. Платонову от 8 сентября 1939 г.). Он читал рассказы на вечерах в группкоме и у себя дома, заносил машинописи известным писателям, когда посещал их дома; о московских рассказах Вьюркова тепло отзывались П. Романов, М. Пришвин, Л. Леонов, Н. Телешов, Т. Щепкина-Куперник, И. Араимлев, Д. Бедный, Н. Замошкин, С. Беляев и др. (их письма и отзывы хранятся в фонде Вьюркова).

8 августа 1940 г. (летом издательства всегда начинали формировать план следующего года) Вьюрков предлагает книгу рассказов “Москва-матушка” в издательство “Советский писатель”, в группкоме которого он служит, и начинает собирать отзывы в поддержку ее издания. 23 августа Н. Замошкин сообщает Вьюркову, что отрицательный отзыв на книгу написал редактор отдела прозы А. Роскин, и рукопись будет направлена на отзыв другому редактору (РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 11). Платонов и Пришвин первыми написали письма с поддержкой издания, об этом свидетельствует письмо Платонову 1940 г.: “Андрюша, дорогой мой. Сегодня утром в издательстве я встретил Митрофанова. Он третий читал мою «Москву» и сказал мне, что он за то, чтобы книга была напечатана. Повидай его без меня. Он против «Чуда», «Кукольников» и еще какого-то рассказа. Я ему показал твою рецензию и Пришвина. Он очень ценит тебя. Пусть он меньше считается с моими героями. Дело не в них, они у меня больше для сюжета, на них я наматываю Москву и ее быт. В «Москве» дело, а не в том, что Стеша такая или саякая или Горбун такой или саякой” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 10).

- 2 Вьюрков собрал более десяти положительных отзывов о своей книге (подобного количества рецензентов не имела ни одна книга), однако редсовет до конца года так и не примет положительного решения. В декаб-

ре книга отправляется на дополнительный отзыв В. Шкловскому. В отличие от других рецензентов, в целом поддерживающих книгу Вьюркова, Шкловский представил в издательство разгромную рецензию: “Эту толстую книгу ни в коем случае издавать не надо, потому что она плохо написана” (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 5. Ед. хр. 3. Л. 13—14 об. Отзыв датирован 11 декабря 1940 г.). Однако Вьюрков продолжал бороться за издание. Судя по дневниковым записям, 27 марта 1941 г. Вьюрков был приглашен на заседание редсовета издательства, на котором рассматривался дополнительный список к плану изданий 1941 г. Запись в дневнике 1 апреля: “Сегодня знаменательный день. На редсовете принята моя книга «Москва-матушка». Против был литературный «Тамерлан» — Шкловский. Ох и тип! За книгу были Замошкин, Леонид Соловьев, Митрофанов, Щипачев, Граник и докладчик Шторм, так что мне не пришлось говорить, что у меня на руках имеются отзывы Новикова-Прибоя, Пришвина, А. Платонова, А. Тарасова, Никандрова, П. Замойского...” (РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 28—28 об.). 6 апреля 1941 г. “Литературная газета” сообщила о принятом редакционным советом издательства решении включить в план 1941 г. девять новых книг, среди которых названы книги рассказов Вьюркова и Платонова (Новые книги // ЛГ. 1940. 6 апр. С. 1). Работа над изданиями книг Платонова и Вьюркова была прервана войной, уже в августе издательство вернуло авторам принятые в редакции книги. Вьюрков тяжело переживал эту ситуацию. Книга “Рассказы о старой Москве” выйдет в свет в издательстве “Московский рабочий” в 1948 г.
.....

[247]

А. И. ВЬЮРКОВУ

Сентябрь—октябрь 1940 г. Москва

Дорогой Александр Иванович!

Очень прошу тебя позвонить в Литфонд (мне почему-то тяжело туда ходить). Я подавал туда заявление о выдаче мне материала на пошивку летнего костюма. Но я ведь получил только что костюм, поэтому мне, конечно, не дадут второй (хотя бы и летний). А дело в том, что я жду сына и его надо срочно одеть. Ты знаешь, откуда я его жду и что его нужно прямо сразу переодеть¹.

Если это тебе неудобно или трудно, то мы обойдемся, конечно. Это не относится к нашей дружбе.

Жму руку. Напиши привет своему Бублику на берег Черного моря — от нас.

Твой Андрей.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 435. Публикация Е. Шубиной. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 165.

- 1 Решение об освобождении Платона было принято 29 октября 1940 г. (см. примеч. 3 к п. 232). Платонов получил в Литфонде ссуду в 6700 рублей, которую он обязан был вернуть к концу 1940 г.

[248] В. Б. Шкловскому
6 ноября 1940 г. Москва

Дорогой Виктор Борисович!

Я прошу тебя понять мою статью¹ — она написана больше всего для тебя². Если она, статья, доставила тебе хотя бы небольшое огорчение (Наталии Як<овлевне³> она доставила значительное огорчение), то я буду считать свою рецензию ошибочной.

Искренний привет.

6/XI 40 г.

А. Платонов.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 664. Л. 1.

- 1 Имеется в виду рецензия Платонова на книгу Шкловского “О Маяковском” (1940), опубликованная в журнале “Литературное обозрение” (1940. № 17. Подпись: Ф. Человеков). В рецензии впервые публично обозначены линии полемики Платонова с Шкловским, которая восходит к 1926–1927 гг. и запечатлелась в не опубликованных при жизни произведениях писателя: рассказе “Антисексус” и эссе “Фабрика литературы”, а затем и в романе “Чевенгур”. В целом высоко оценивая “новый литературный жанр”, созданный Шкловским (“...проза Шкловского действует как сила поэзии”), Платонов достаточно жестко высказался по поводу некоторых результатов любимых литературных приемов критика, когда “литературный прием работает отдельно, вне своей служебной нагрузки”. Результатом этой игры приемом становится, по Платонову, не только небрежность письма, но и искажение образа поэта Маяковского и сущности его открытий в поэзии: “...поскольку вся книга посвящена поэту, поскольку Маяковский не повод и не может служить поводом для лишнего доказательства или упражнения таланта и ума какого бы то ни было одаренного писателя. Нельзя и не надо стараться быть постоянным любимцем публики или «милым грешником» ее. Это занятие не для нас. Мы не «у ковра», а в литературе”; “Увлечение же В. Шкловским литературным искусством, это его увлечение затушевывает в книге образ Маяковского”; “...играя мета-

форой, автор и выигрывает одну метафору”. Другой сквозной темой рецензии является тема литературной судьбы самого Шкловского как “одного из самых производительных советских писателей”. По Платонову, опытный Шкловский много пишет, боится рисковать и совершить ошибку, превратив открытый им жанр в “механизм”. На этом пути, утверждает Платонов, шедевры не создаются: “Писатель в каждой своей новой вещи должен быть готовым на риск ошибки и провала, потому что он не только строитель, но и исследователь”.

- 2 В 1940 г. широко отмечалось десятилетие смерти Маяковского. Статья Платонова “Размышления о Маяковском” печаталась в юбилейном (апрельском) номере журнала. В ноябре в Союзе писателей проходило обсуждение главных книг о Маяковском, вышедших в 1940 г. (см. стенограмму дискуссии “На обсуждении книг о В. В. Маяковском” в “Литературной газете”). Рецензия Платонова написана не ранее начала августа (№ 17 сдан в набор 26 августа, подписан к печати 14 октября). Номер журнала с рецензией Платонова вышел как раз в разгар дискуссии, на которой в адрес книги Шкловского были высказаны многочисленные критические замечания, в том числе идеологического характера — в не преодоленном критиком формализме (официально осужден в 1936 г.). Критика Платоновым формалистических приемов Шкловского носит литературный характер, что подчеркнуто им в конце рецензии: “Мы отдаем В. Б. Шкловскому свое большое уважение — в признание того, что он и сам отлично понимает правду того, о чем мы тут написали. Мы пишем здесь не ради поучения, а ради напоминания”.
- 3 Наталия Яковлевна — неустановленное лицо.
.....

---

[249] Р. И. и В. С. ФРАЕРМАНАМ
31 декабря 1940 г. Москва

Здравствуй, Рувим Исаевич и Валентина Сергеевна!

Поздравляем Вас с Новым Годом, желаем здоровья и успеха на избранных нивах просвещения и искусства.

А. Платонов.
.....

Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 48. Л. 1. Датируется условно.

Фраерман Рувим Исаевич (1896–1972) — писатель, автор повестей для детей “Васька-гиляк” (1932), “Дикая собака динго” (1938) и др., статей и очерков о детской литературе; член редколлегий детских журналов и издательств.

Фраерман (Скрыльникова) Валентина Сергеевна (?–1981) — жена Р. Фраермана, журналист, издательский работник. В 1920-е гг. работала вместе с мужем в РОСТА, в 1930-е гг. — зам. редактора журнала “Пионер”.

До войны Платонов бывал в доме Фраерманов в Москве (ул. Пушкинская, д. 20, кв. 52). По воспоминаниям Ю. Нагибина и А. Кривицкого, Платонова и Фраермана в предвоенные годы связывали дружеские отношения, осложнившиеся после совместной работы над пьесой “Волшебное существо” (1944) (см.: Воспоминания. С. 74, 116).

.....

[250]

А. И. ВЬЮРКОВУ

7 марта 1941 г. Москва

Дорогой Александр Иванович!

Ты уже знаешь, что у Виктора Бокова¹ родился ребенок². По-моему, обязательно нужно помочь ребенку, матери и отцу. Я тебя очень прошу устроить ему безвозвратную ссуду — в честь рождения нового человека. На роды всегда нужно помогать. Я думаю, что ты в этом поможешь человеку.

Привет. А. Платонов.

7.III.41.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 435. Публикация Е. Шубиной. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 9.

- 1 Боков Виктор Федорович (1914–2009) — писатель, активный участник московской литературной жизни второй половины 1930-х гг. Платонов познакомился с Боковым в 1936 г., когда тот учился в Литературном институте (окончил в 1938 г.) и начал печататься в журнале “Дружные ребята”; в эти же годы между ними сложились дружеские и доверительные отношения. В 1939 г. в статье-рецензии “Два рассказа” (Детская литература. 1939. № 10–11. Подпись: Человеков) Платонов тепло отозвался о рассказе Бокова “Дорога”, похвалил молодого писателя за “глубину искреннего чувства” в подходе к жизни, “творческое от-

ношение к русскому языку” и “чистое и глубокое воодушевление”. Боков не скрывал своего восхищения прозой Платонова, в чем неизменно признавался ему в письмах и публично говорил на обсуждении его рассказов в феврале 1941 г.: “Платонов принадлежит к тем писателям, которые не гонятся за остротой сюжета и не острота сюжета отличает его рассказы. В рассказах даже серьезные события, катастрофы не так порой замечаются, как вообще вся ткань рассказа <...> потому что в каждом его рассказе, помимо какого-то сюжета, от первой до последней строчки, присутствует какой-то сильный дух, какая-то большая духовная мощь, с которой автор пишет о чем угодно, пусть о листе, о червяке (речь идет о рассказе «Ты кто?». — Н. К.), о чем бы он ни написал, исключительная сила, исключительное чувство меры отличает его рассказ. Весь мир скрыт от человека, он ничего не знает, и всё, что он видит в мире, вызывает у него вопрос: ты кто? Даже сам он — ты кто? Это обращение держит весь рассказ. «Гроза» (речь идет о рассказе «Июльская гроза». — Н. К.) — если взять этот рассказ и разобрать, то в продолжении рассказа все время описывается, как идет дождь, но вы не чувствуете утомления, вы не чувствуете этого однообразия. Это есть подлинная литература, когда вы не чувствуете сюжета, а чувствуете такое, когда человек берет не сюжетом, а исключительно силой ощущения мира, мощи духовной, которая чувствуется в каждой строке” (РГАЛИ. Ф. 2194. Оп. 1. Ед. хр. 474). Литературная биография Бокова складывалась в те годы вполне успешно, он принимает активное участие в работе самых разных комиссий ССП (фольклорной, по детской литературе) и даже выступает ходатаем по продвижению произведений высоко ценимого им Платонова. См., к примеру, письмо Бокова от 27 марта 1941 г.:

“Дорогой друг!

Спешу сообщить Вам, что на днях с Вами будет заключен договор на пьесу. Из мрака ярящихся, но не яростных сил вдруг за Вас были поданы голоса двух мэтров — М. Светлова и Вс. Иванова. Новицкая торжествует, что Боков ее не обманул и дал ей настоящего писателя. Оба они ей сказали, что этот только хорошо может писать. <...> Рассказ «В прекрасном и яростном мире» — своего рода шедевр. Прекрасен он тем, что вся вселенная в нем работает, в том числе и тучи. Ничего нет в мире напрасного. Я прослезился не один раз, читая его. Когда я сделаюсь богатым, я буду платить вам 5000 рублей» в месяц — только пишите на славу еще. Приезжайте ко мне «в» воскресенье в Переделкино. Ваш Викт. Боков” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 1–2). Боков был посвящен в истории изданий Платонова конца 1930-х гг.; антигерои этих историй (А. Фадеев, В. Ермилов, В. Кирпотин) запечатлелись в стихотворном памфлете Бокова, подписанном псевдонимом “Дунькин классик” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 125).

2

6 февраля у В. Бокова родился старший сын Константин.

.....

[251]   **Г. А. ЯРЦЕВУ**
11 апреля 1941 г. Москва

т. Г. А. Ярцеву.

Директору издательства “Советский писатель”

Со мною должен быть заключен договор на принятую книгу¹. Я должен издательству 4900 руб<лей>. Прошу Вас при составлении договора на принятую книгу сделать (в смысле расчета) таким образом, чтобы из первого платежа (60 %) было удержано 3000 р<ублей>, а остальные деньги — 1900 р<ублей> — были удержаны из второго платежа (40 %)².

Андр. Платонов.

11/IV 1941 г.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 6. Ед. хр. 117. Л. 14.

Ярцев Георгий Алексеевич (1904–1955) — директор издательства “Советский писатель”.

- 1   6 апреля 1941 г. “Литературная газета” сообщила о принятом редакционным советом решении включить дополнительно в план 1941 г. 9 новых книг, среди которых “Рассказы” А. Платонова. 15 апреля Платонов подписывает договор на представленную им в 1940 г. книгу рассказов (см. договор № 1145: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 6. Ед. хр. 114. Л. 76. Объем книг — 10 п. л.).
- 2   Судя по лицевому счету Платонова в издательстве, именно этим договором он погасил свой долг издательству за 1940 г. Работа над книгой началась сразу после подписания договора, однако она не выйдет в свет по не зависящим от Платонова причинам. С началом войны, уже в июле 1941 г., издательство начнет возвращать рукописи авторам. 7 июля датируется письмо Платонову из издательства: “Уважаемый тов. Платонов. Возвращаем второй экземпляр Вашей рукописи «Течение времени»; материал, не вошедший в сборник рассказов, и рукопись «Размышления читателя»” (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 6. Ед. хр. 117. Л. 205).
.....

[252]   **В. Н. ЛОБАНОВУ**
15 мая 1941 г. Москва

Тов. Лобанов!

Вы обещали мне выписать средства на 14/V, но, конечно, ничего не выписали. Я прошу Вас выписать мне

эти средства, а я когда-нибудь гожусь Вам для написания сочинения.

Привет.

А. Платонов.

15 /V 41.

.....

Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 331. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

Лобанов Виталий Николаевич (1903–?) — журналист, издательский работник, член Союза журналистов, с 1934 по 1937 г. — корреспондент “Литературной газеты”, во 2-й половине 1930-х гг. сотрудничал в журналах “30 дней”, “Литературное обозрение”.

Письмо Платонова связано с подготовкой в 1940 г. в издательстве “Советский писатель” сборника памяти А. М. Горького — к пятилетию со дня смерти. В течение 1940 — весны 1941 г. Лобанову, как члену редколлегии сборника, прислали свои материалы К. Федин, А. Серафимович, К. Чуковский, Н. Никитин, И. Сельвинский. Платонов дал для сборника воспоминания “Первое свидание с А. М. Горьким” (авторизованная машинопись без даты хранится в ГЛМ; ф. 333, оп. 1, ед. 151). Исходя из упомянутой в письме даты, 14 мая, можно предположить, что статья была передана Платоновым Лобанову 10–11 мая: в письме А. К. Виноградова от 22 апреля 1941 г., которое также касается сборника воспоминаний о Горьком, упомянуто, что “по договоренности с В. Н. Лобановым (при заказе) было решено оплату полностью осуществить в трехдневный срок после сдачи материала” (ГЛМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 169. Л. 5–6). Из документов следует, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. намечалось несколько разных изданий воспоминаний о Горьком: альманах “Год двадцатый” (собирался с 1937 г., ответственный редактор Н. Накоряков приглашал Платонова принять участие в издании; авторизованная машинопись воспоминаний “Первое свидание с А. М. Горьким” хранится в РГАЛИ), сборник Гослитиздата (собирался в 1940 — начале 1941 г.), сборник в издательстве “Советский писатель”. Ни один из проектов не осуществился.

.....

[253] Н. В. Ильиной

4 августа 1941 г. Москва

Наталья Владимировна!

Посылаю Вам “По небу полуночи”¹ — в таком виде, в каком он был сокращен и отредактирован для “Мол<одой> гвардии”². Если рассказ и в таком виде

не подходит для “Пионера”³, то я дам на этой неделе — обязательно — два рассказа, оба антифашистские и современные: 1) “Божье дерево”⁴, 2) “Мальчик на плотине”⁵.

Что-нибудь подойдет, наверное.

Но я прошу Вас об одном одолжении: выпишите мне денег, руб<лей> 400–500, чтобы я завтра, 5-го, мог их получить — под любой из этих трех рассказов.

Я Вам буду очень благодарен. Иначе мне трудно работать.

С тов. приветом

А. Платонов.

4/VIII 41.

Рукопись, если рассказ будет Вами отклонен, просьба возвратить мне⁶.
.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2 об. На обороте листа вписан адресат: “Наталье» Владимировне» Ильиной / редакция журнала «Пионер»”.

Ильина Наталья Владимировна — редактор журнала “Пионер”.

1 Антифашистский рассказ “По небу полуночи” публиковался в журнале “Индустрия социализма” (1939. № 7); отрывок — в “Литературной газете” (1939. 5 июня).

2 Новая, сокращенная и исправленная, редакция рассказа была подготовлена, но не опубликована.

3 В ответном письме от 5 августа 1941 г. Ильина писала: “Уважаемый Андрей Платонович, мы — всем коллективом — еще раз посмотрели рассказ. Боюсь, что он слишком труден для ребят. Едва ли можно его будет так облегчить (без ущерба для самого рассказа), чтобы он стал в какой-то мере детским. Лучше уж допишите для нас поскорей «Божье дерево».

Всего лучшего. Н. Ильина” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 27).

4 Рассказ “Божье дерево” впервые опубликован в сборнике рассказов Платонова “Под небесами Родины” (Уфа, 1942) под названием “Дерево Родины”.

5 Под названием “Дед-солдат” опубликован в журнале “Пионер” (1941. № 10).

6 Машинопись рассказа вместе с письмом Платонова были возвращены писателю (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3–17).
.....

[254] С. С. Виноградской
16 сентября 1941 г. Москва

Радиоцентр. Литературный отдел. Ув<ажаемая> тов. Виноградская!

При этом посылаю Вам рассказ (сокращенный и переделанный) “По небу полуночи” для передачи по радио¹. При надобности — можете сократить его еще.

Если рассказ не подойдет — возвратите его мне. В более расширенном, полном тексте этот рассказ печатается (скоро выйдет в свет) в журнале “Новые горизонты” на польском языке². Привет.

А. Платонов. 16/IX.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1.

Виноградская Софья Семеновна (1901–1964) — журналист, прозаик.

- 1 Рассказы Платонова с началом войны передавались по радио, что подтверждает письмо В. Ермилова и С. Виноградской, отправленное Платонову уже в Уфу, очевидно, из Куйбышева, где в конце 1941 — начале 1942 г. начал работать резервный радиоцентр: “Дорогой Андрей Платонович, гонорар мы Вам стараемся изо всех сил выслать (за московские передачи), — но это очень сложно, потому что документы остались в Москве. Что касается гонораров за те вещи, которые Вы нам будете посылать, — то с этим дело обстоит просто, будем переводить телеграфом. Свяжитесь с Долгополовым (гостиница «Башкирия») — он наш представитель в Уфе. Очень жду Ваших рассказов. С товарищеским приветом В. Ермилов. Желаю здоровья!

Андрей Платонович.

Сообщите телеграфом, или через Долгополова, или с Минкиной название Ваших вещей, прошедших в Москве, — и количество страниц в каждой. Мы немедленно вышлем Вам деньги телеграфом. Но без названия вещей и их размера — не платят.

Рукописи шлите всюю, мы передаем много. Привет.

С. Виноградская” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 10–11).

Письмо Платонова Ермилову и Виноградской из Уфы о выплате гонорара в настоящее время не выявлено.

- 2 Информацией о данной публикации не располагаем.

.....

[255] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ЗНАМЯ”

15 ноября 1941 г. Красноуфимск

Уваж<аемый> товарищ!

В Москве редакцией были приняты в печать два моих рассказа “По небу полуночи” и “Божье дерево” (“Дерево родины”)¹. Прошу Вас перевести мне за эти рассказы гонорар по адресу: г. Уфа, почтаamt, до востребования, Платонову.

Андр. Платонов.

Я нахожусь в таком положении, что настоятельно прошу исполнить эту мою просьбу без промедления.

С тов. приветом

Андр. Платонов.

Уфа, 15/XI 41.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 7. Ед. хр. 3. Л. 4 об. Почтовая карточка со штампом Красноуфимска.

Помета редактора для членов редколлегии журнала: “Прочестъ Ващенкоу и Тимофееву”.

1 См. примеч. к п. 253.

.....

[256] П. А. Трошкину
17 января 1942 г. Уфа

Дорогой Петя!

Сегодня получил от Вас письмо от 31/ХІІ.¹ Благодарю Вас, дорогой мой милый лучший друг. Благодарю за все. В лучшее время я с благодарностью отвечу Вам постоянной привязанностью и любовью, — сейчас же моя благодарность Вам может быть только словесной. Я рад, что мои родственники в Москве пережили всё сравнительно благополучно; но за Сергея² мне тяжело. Не может ли брат Петр³, взяв адрес Мили⁴ у Веры⁵, сообщить этот адрес мне? Я бы мог тогда написать Миле сам.

Тошка собирался приехать к нам, но не приехал⁶; он прислал письмо, что живется ему там почти так же, как в Норильске, — сюда же надо добавить тяжелые обстоятельства в семье, в которой он живет, нужду и пр<очее>. Он пишет, что хочет сделать “срывку” и приехать к нам один. Вот какова его судьба! Тяжко за него, и помочь ему трудно.

Мои товарищи — скорее только по профессии, а не по перу — один за другим срываются в Москву. Но я пока не могу поехать, хотя тоска и желание хоть отчасти разделить общую участь, участь борющихся с фашизмом, — снедают

меня. Здесь трудней, но трудность-то другая и противная. Для меня нетрудно было одевать каждый вечер пожарный комбинезон и лазить ночью по пожарным лестницам на дрожащих (от возраста и газа) ногах. Все это минуло для меня.

На днях уезжает отсюда в Москву один писатель. Возможно, он повезет сборник моих оборонных рассказов под общим названием “Как боец Курдюмов одолел четырех немцев — Голод, Холод, Вошь и Блат”⁷. Я вскоре Вам сообщу адрес и имя работника в издательстве, у которого я попрошу Вас справиться затем о судьбе своей работы.

Игорь⁸ живет в доме на углу Арбата и Смоленской площади (где магазин “Гастроном”), вход с Арбата-улицы, прямо у остановки троллейбуса, 4-й этаж, кв. 86. Его едва ли Вы застанете дома, оставьте ему просто записку с моим адресом. О Вл<адимире> Бор<исовиче> Келлере можно узнать по тел<ефону> Д13288; если его нет, попросите его соседку-хозяйку сказать, где он; скажите, что прошу я, она меня знает.

Башкирия — прекрасная страна, а Уфа на реке Белой — красивый город. Здесь повсюду район мягких холмов, словно степь была однажды взволнована ветром и так осталась навсегда; здесь чувствуется уже Урал. Здесь редкий цвет неба — краски из спектра появляются прямо в чистом идеальном виде, без примеси другой краски. Но холодно здесь. Сейчас, например, 40°. И это тут не редкость. Я работаю в пальто, в калошах и даже в шапке. Кровь стареет и пища жидка — не согреваешься. Водка тут есть. Но мне достается выпить крайне редко. Лишь на днях посчастливилось быть приглашенным на встречу украинских писателей⁹ с командирами. На меня там было потрачено очень мало усилий, чтобы упросить выпить. Среди командиров есть очень интересные и превосходные люди. Один генерал обладал поразительным знанием литературы и вкусом.

Что мы дальше тут будем делать, не знаем пока. Я хочу, во всяком случае, облегчить положение Тоши и помочь ему. Один я могу уехать в Москву теперь же. Все наши организации и отдельные товарищи уже там. Но быстрота

не всегда добродетель. Я тут услышал одну поговорку: “Когда караван поворачивает обратно, хромые верблюды оказываются впереди”.

Целую и обнимаю Вас.

17/I-42.

Ваш Андрей.

Петя, очень прошу, зайдите к Миле Павловне, дайте ей мой адрес и скажите ей, что я прошу ее написать мне.

Привет от Маши.

.....

Печатается по машинописной копии из архива Е. Д. Шубиной (ИМЛИ. Ф. 659. Доп. опись).

П. А. Трошкин после окончания в 1938 г. Инженерно-строительного института им. Куйбышева был направлен в распоряжение Управления государственных материальных резервов при СНК СССР, где и работал по 1943 г.

- 1 Переписка Платонова с Петром Трошкиным в конце 1941 — начале 1942 г. была довольно интенсивной: сохранились 4 письма Трошкина в Уфу — от 5 декабря 1941 г., 10 января, 14 февраля и 17 февраля 1942 г. (находятся в ОР ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 66; частично опубликованы, см.: *Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову: По материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // *Творчество*, 1995. С. 177, 182–183). Достоверно устанавливается, что существовало еще как минимум одно письмо Трошкина Платонову от 31 декабря 1941 г. и три письма Платонова — от 17 ноября, 26 декабря 1941 г. и 2 февраля 1942 г. Находясь в Москве, Трошкин неоднократно выполнял поручения Платонова, связанные с его издательскими делами, — передавал по назначению присланные рукописи, узнавал о местонахождении интересовавших Платонова знакомых.
- 2 Климентов Сергей Платонович, брат А. Платонова.
- 3 Климентов Петр Платонович (1904–1985) — профессор, доктор геолого-минералогических наук; в годы войны занимался организацией резервного водоснабжения объектов Москвы, в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Подземные воды г. Москвы и их значение для реконструкции и обороны столицы”.
- 4 Миля — неустановленное лицо.
- 5 Климентова Вера Платоновна, сестра А. Платонова.
- 6 Сын Платонова с женой Тамарой и ее родителями находился в это время в поселке Астаховка, недалеко от Караганды. Приехать в Уфу Платону удалось лишь в марте 1942 г.
- 7 Сведениями о сборнике рассказов Платонова с таким названием не располагаем.
- 8 Сац И. А.

В 1941 г. в Башкирию был эвакуирован Союз писателей Украины. В частности, во время войны в Уфе находились Павло Тычина, Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Юрий Яновский, Петро Панч, Иван Кочерга, Натан Рыбак, Александр Копыленко и др.

[257] П. А. Трошкину

6 марта 1942 г. Уфа

Уфа. 6/III. Дорогой Петя!

Получил сегодня Ваше закрытое письмо (с запиской Колтуновой)¹. Бесконечно Вам благодарен за все, что Вы сделали для меня в Москве. Если будет попутная возможность — скажите Колтуновой, что у меня есть еще три новых рассказа:

1) “Неодушевленный враг” — он уже послан в Москву — Вл<адиимиру> Елагину², редактору журн<ала> “Дружные ребята” (изд<ательст>во “Мол<одая> гвардия”, Новая площ<адь>, д. 6/8 — на Лубянской площ<ади>);

2) “Генерал Бабай” — на машинке;

3) “Хлебная Крошка и Печная Теплушка” (или “Грамм и Калория”) — заканчивается.

Последние два рассказа тоже будут посланы в Москву — м<ожет> б<ыть>, с оказией, м<ожет> б<ыть>, почтой, если okazji не будет скоро. Эти три рассказа могут быть доставлены к сборнику “Под небесами родины”³, но Елену Ивановну Колтунову надо предупредить, чтобы это не повлияло на скорость решения изд<ательст>ва по поводу уже переданного материала. А то они (изд<ательство>во) будут задерживать решение, выжидая от меня всё новых и новых рассказов, а я к тому времени умру с голода. Пусть изд<ательство>во выносит свое решение, а новые рассказы будут просто в резерве. Их можно издать второй маленькой книжкой. Теперь ведь важно издавать быстро небольшие книжки. Пусть издадут пока первую.

Тоша все еще не приехал. Положение наше грустное. Я стараюсь работать изо всех сил, чтобы устоять на ногах.

Мих<аилу> Александровичу следует позвонить по тел<ефону> К 42500, добавочный — его фамилию⁴. Или так: вызывать по этому телефону портье и узнать, останавливался ли у них М. А. Шолохов. Возможно, что он теперь в “Национале” (гостинице) не останавливается. Тогда больше не надо разыскивать его; передайте только мою просьбу (можно письменно) Игорю, что я не могу приехать в Москву при помощи Фадеева. Игорь поймет и сам разыщет Мих<аила> Ал<ексан>др<овича> или другой какой-либо путь. Особа, проживающая у Игоря, видимо, быстро связывается с Игорем, так что это всё просто⁵. Целую Вас, дорогой друг.

Ваш Андрей.

Тоша приезжает 11–12 марта к нам.

Спасибо за табак⁶ — подарите его пока Игорю.

Увидимся — я Вам привезу подарок более влажной консистенции.

.....

Печатается по машинописной копии из архива Е. Д. Шубиной (ИМЛИ. Ф. 629. Доп. опись).

- 1 Речь идет о письме П. Трошкина от 14 февраля 1942 г. Колтунова Елена Ивановна (1903–1984) — редактор издательства “Советский писатель”.
- 2 Елагин Владимир Дмитриевич — писатель.
- 3 Сборник рассказов Платонова под названием “Под небесами родины” был выпущен Башкирским государственным издательством в 1942 г. Сведений о прохождении одноименного сборника в издательстве “Советский писатель” на настоящий момент не имеется.
- 4 В своем письме от 14 февраля Трошкин писал о готовности помочь Платонову связаться с Шолоховым: “Если Вы найдете нужным написать и передать Михаилу Александровичу через меня письмо, я это сделаю с готовностью. В другом случае могу передать Вашу просьбу устно” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 66. Л. 3).
- 5 В письме Трошкина подробно описывался его визит по поручению Платонова на квартиру находившегося в армии И. Саца: “Эти и другие сведения дала мне особа, живущая в комнате Игоря, мне неизвестная, смуглая, с черными волосами и глазами, с приятным лицом и медлительными движениями. Видимо, из родственников Игоря. Спросить, кто она, я не осмелился, чтобы не показать себя излишне любопытным” (Там же).
- 6 Речь идет о табаке, отложенном Трошкиным до приезда Платонова.
.....

[258]   **В. Р. ЩЕРБИНЕ**
23 мая 1942 г. Уфа

Тов. Щербина!

Если этот очерк подойдет, напечатайте его в “Нов<ом> мире”¹. В отдельных местах очерк можно отредактировать и поправить, если это будет нужным.

С тов. приветом
Андр. Платонов.

23/V 42.

г. Уфа, Амурская, 35.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 6.

Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — литературовед, критик, в это время — ответственный редактор журнала “Новый мир”.

- 1   Неизвестно, о каком рассказе идет речь. В фондах “Нового мира” рассказы Платонова 1942 г. не зарегистрированы. В августе 1941 г. Платонов передал в журнал рассказ “Дед-солдат” (машинопись рассказа вместе с отзывом члена редколлегии В. П. Ставского хранится в фонде Ставского в РГАЛИ). Из Уфы Платонов мог прислать в журнал рассказы “Неодушевленный враг”, “Крестьянин Ягафар” и “Рассказ о мертвом старике”. В 1942 г. публикаций Платонова в “Новом мире” не было.

.....

[259]   **М. А., П. А. и Т. Г. Платоновым**
8—9 июля 1942 г. Москва

Москва. 8/VII.

Дорогая Муся, дорогой Тоша, дорогая Тамара! Сегодня приехал благополучно в Москву. Сажу в маленькой синей (зеленой) комнате. Наружи бьют зенитки...

Квартира наша, насколько я осмотрел ее, в полном порядке. В ней никого нет из “жильцов”¹. В большой комнате стоит печь “беднота”. Мебель и утварь исправны и целы. Везде и сейчас видны следы работы, следы уюта, который создавала ты, моя дорогая. Сидеть в нашей общей квартире, где всюду еще пахнет нашей семьей, очень тяжело.

Собираюсь идти сейчас к тете Нате² и Петру³, но зенитки не унимаются, и я устал от дороги. Я еще никого не видел, но составил уже представление в том, что вам всем пока что лучше жить в Уфе. Это необходимо. Мне здесь скучней, чем вам там, — вы вместе, а я один⁴. Я не знаю, что меня здесь ожидает — куда придется ехать, что делать и т. п.⁵ Постараюсь работать много, чтобы посылать вам достаточно денег. Москву я еще не разглядел. Всё, по-моему, как было, только люди не те, что были; они стали, пожалуй, более серьезными, более глубокими, и внешний вид их изменился.

Теперь — главное. Опиши мне положение Тоши — в смысле его здоровья. Я проезжал Шафраново⁶. Это 4–5 часов езды от Уфы по дороге в Куйбышев⁷. Место очень красивое. Завтра я начну действовать в помощь Тоше отсюда (Литфонд).

Забыл еще сказать, что Джека нет. Ершов⁸ сказал, что он пропал еще зимой. Возможно, что так, но мне жалко нашей собаки.

Жутко сидеть в наших хоромаш в полном одиночестве. Я нарочно поселился в самой маленькой комнате.

Большаковы⁹ живут по-прежнему. Новикова¹⁰ тоже такая же. Но Клягин¹¹ и Молчановы¹² (отец и сын Ваня, вы помните их) погибли за нашу родину. Павел¹³ на фронте. Ершов болеет — он попал под автомобиль и лежал в больнице. Вот все новости, что я узнал во дворе, т<ак> к<ак> нигде еще не был.

Ждите следующего письма.

Целую и обнимаю вас всех, дорогие мои, по отдельности и вместе сразу.

Пошел к Петру и к Нате. Стало тихо.

Ваш супруг, отец и свекор

Андрей.

Утро 9/VII. Конверта нет. Посылаю письмо лишь сегодня. Был сейчас у тети Наты, отдал ей посылку. Вчера вечером заходил Петр Трошкин. Тут я узнал от Наты, что Тамара и Платон писали или пишут кому-то письма с просьбой их вызвать в Москву¹⁴. Надо им понять наконец,

что их безудержное своеволие дорого стоит другим людям. Никакого им вызова, конечно, не будет. Они сами понимают мало, а другим верить не хотят; Тамара ссылалась на тетю Нату, что она, дескать, живет себе в Москве. Хорошо бы теперь Тамару поставить дня на два на место тети Наты — для уяснения, кому из них лучше и кому хуже.

Вообще им обеим пора понимать больше в действительности. На днях тетя Ната соберет вещи из квартиры Тамары, а я их постараюсь быстро направить вам.

Заходили с Петром Трош<киным> к Анне Павл<овне>. Соседи ее сказали, что она давно эвакуировалась с дочерью¹⁵, но не знают куда. Узнаю, тогда сообщу. Гумилевский¹⁶ — около Саратова. Я застал дома его письмо от февраля месяца. Сегодня вечером увижу брата, мож<ет> быть — и Веру.

Отец мой погиб¹⁷. Петя глухо мне сказал об этом, желая, чтобы подробности сказал брат. Я сильно любил и люблю своего отца, и меня мучает теперь раскаяние, что я ничем не помогал ему, а теперь уже не нужна ему моя любовь и помощь и его нет на свете.

До свиданья. Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 534–535. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Одна из реалий военного московского быта — в квартиры эвакуированных на время их отсутствия вселялись граждане, по той или иной причине нуждавшиеся в жилье.
- 2 Кириллова Наталья Савельевна — тетя Тамары Тарновецкой, жены Платона Платонова.
- 3 Скорее всего, речь идет о П. А. Трошкине. Возможно, впрочем, что здесь имеется в виду родной брат Платонова — Петр Платонович Климентов, который также в это время находился в Москве (см. примеч. 3 к п. 256).
- 4 Жена и сын Платонова находились в Уфе до начала октября 1942 г., возвратились в Москву около 10 октября (информация дается по письму М. А. Платоновой сестре и матери от 8–15 января 1943 г.; см.: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 53 Л. 5 об.).
- 5 Формально Платонов был вызван в Москву для работы в военно-санитарной бригаде с целью создания “произведений на темы героической работы военно-медицинского персонала в Отечественной войне”. Кроме Платонова в состав этой бригады должны были войти писатели Сей-

- фуллина, Бородин, Маркиш, Никитин, Слетов и Львова (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 96. Л. 7. Протокол заседания Военной комиссии ССП СССР от 10 апреля 1942 г.). Однако к этой работе Платонов так и не приступил. 19 июля Главное управление шоссейных дорог совместно с Дорожным издательством направило в Военную комиссию просьбу о выделении писателей для работы над сборником «Дорожники в Отечественной войне», и Платонов получил новое задание, см. письмо, адресованное ему из Дориздата от 31 июля 1942 г.: «По сообщению Военной комиссии Союза советских писателей Вы выделены в бригаду писателей по созданию сборника очерков и рассказов «Дорожники в Отечественной войне». <...> В нем должны быть показаны лучшие люди автодорожного строительства как в прифронтовой полосе, так и в тылу» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10). Однако этот проект также не осуществился.
- 6 Вблизи железнодорожной станции Шафраново, расположенной в 138 км к юго-западу от Уфы, находился одноименный климато-кумысолечебный санаторий. В июле 1942 г. сыну Платонова, больному туберкулезом легких, удалось получить путевку для лечения в Шафраново, где он пробыл около месяца — до конца августа 1942 г.
- 7 Ныне Самара.
- 8 Ершов — неустановленное лицо, вероятно, кто-то из соседей Платоновых по дому на Тверском бульваре, 25.
- 9 Сестра и, вероятно, племянница репрессированного писателя К. А. Большакова (см. примеч. 2 к п. 200), соседи Платоновых по дому.
- 10 Новикова Екатерина Семеновна — жена репрессированного писателя А. Н. Новикова, соседка Платоновых по дому.
- 11 Клягин Константин Иванович (1894–1941) — поэт, сосед Платоновых по дому, пропал без вести в октябре 1941 г.
- 12 Молчанов Иван Никанорович (1903–1984) — поэт, сосед Платоновых по дому; закончил войну в Праге военным корреспондентом фронтовой газеты «Суворовский натиск», сведений о судьбе его сына не имеется.
- 13 Трошкин Павел Артемьевич (1909–1944) — родной брат Петра Артемьевича Трошкина, фотокорреспондент газеты «Известия».
- 14 Письма не сохранились.
- 15 Вероятно, речь идет о писательнице Анне Павловне Ивановой-Весниной (1890–1972), первой жене писателя Вс. Иванова, и их дочери Марии Всеволодовне Ивановой-Весниной (1929–1974).
- 16 Гумилевский Лев Иванович (1890–1976) — писатель, входил в московский круг общения Платонова (см. воспоминания Л. Гумилевского о Платонове: Воспоминания. С. 52–73). Письмо Гумилевского от 12 февраля 1942 г., посланное из с. Турки Саратовской области, опубликовано В. А. Шошиным, см.: Из писем к Андрею Платонову: По материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // Творчество, 1995. С. 178–179.
- 17 Это известие оказалось ошибочным. В начале июля 1942 г. немецкофашистские войска прорвались к Воронежу и захватили плацдарм на левом берегу Дона в районе Воронежа. 6 июля начались уличные бои, в результате которых советские войска удержали левобережную часть города и плацдарм на правом берегу в районе Чижовки. Из ок-

купированной части города было изгнано все гражданское население. Вследствие этих событий отец Платонова, Платон Фирсович Климентов (1870–1952), оказался в городе Смела Киевской области, где и находился с июля 1942 г. по февраль 1943 г. (см.: Ласунский. С. 21).
.....

---

[260] М. А. Платоновой
17 июля 1942 г. Москва

17/VII.

Моя дорогая Муся!

Только что ушел В. В. Шкваркин¹. Он посетил меня, мы поговорили — о тебе он говорил самые лучшие вещи и просил тебе передать свой почтительный привет, что я и делаю. В<асилий> В<асильевич> всё такой же — вежливый, учтивый, тонкий, хорошо и с любовью относящийся к тебе, к сыну и ко мне. Я его угостил черным хлебом, он ел его просто и охотно, как и я. Узнав, что я обедаю не в той столовой, которая мне полагается по рангу, он решил принять меры (говорить с Фадеевым). Но Фадеев и так уже сделал для меня порядочно — ему мы обязаны оплатой путевки для сына². Целую тебя. Твой Андрей.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 537. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 Шкваркин Василий Васильевич (1894–1967) — известный советский драматург, автор популярной комедии “Чужой ребенок” (1933).
2 Речь идет о путевке в санаторий Шафраново, см. примеч. 6 к п. 259.
.....

---

[261] М. А. Платоновой
27 июля 1942 г. Москва

Дорогая Муся!

Ответь: как устроился Тоша в Шафранове, где Тамара, как ты живешь?¹

Я только что вернулся — несколько дней не был в Москве, был на фронте². Достал письмо Тоши от 16/VII и прочел его³. Я рад, что с путевкой у него устроилось бла-

гополучно. Получили вы наконец 1600 р<ублей> из Литфонда?

Я видел грозную и прекрасную картину боя современной войны. В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое тявканье минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепахивает всё в прах.

Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

Представь себе — в земле укрыты тысячи людей, тысячи пар глаз глядят вперед, тысячи сердец бьются, вслушиваясь в канонаду огня, и поток чувства проходит в твоей груди, и ты сам не замечаешь, что вдруг слезы странного восторга и ярости текут по твоим щекам. Я привык к машинам, а в современной войне сплошь машины, и от этого я на войне чувствую себя как в огромной мастерской среди любимых машин. Ночью я видел пылающий в небе самолет врага. От скорости полета и ветра огонь распускался за ним, как космы у ведьмы. Сейчас я устал, деловое письмо напишу потом, а это так — впечатления.

Я уже знал раньше от П. Трошкина, что скончался Ал<ексан>др Семенович¹. Сожалею и сочувствую тебе. Ты знаешь, что я любил его и был ему товарищем — особенно в последние годы. Я вспоминаю, как мы были с ним в Луге⁵, как он приезжал к нам в Москву. Теперь его нет.

Целую и обнимаю тебя.

Твой Андрей.

27/VII.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 174 (в сокращении).

Печатается по: Архив. С. 537–538. Публикация Е. Антоновой.

1 На момент написания письма Платон находился в санатории Шафраново (см. примеч. 6 к п. 259), его жена Тамара осталась в Уфе вместе с Марией Александровной.

- 2 Речь идет о поездке на Западный фронт, осуществленной Платоновым между 17 и 27 июля, см. сообщение в п. 265.
  - 3 Письмо Платона Платонова от 16 июля 1942 г., в котором помимо прочего излагалась история получения им путевки в Шафраново, сохранилось (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 6–7).
  - 4 Кашинцев Александр Семенович, свекор писателя, умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. Сообщение о его смерти содержалось в вышеупомянутом письме Платона.
  - 5 При публикации в журнале “Волга” после слов “в Луге”, вероятно, по настоянию М. А. Платоновой, добавлено пояснение “нанимали лошадей”. В таком случае речь может идти о каких-то событиях, связанных с поездкой Платонова по маршруту Радищева в 1937 г. (см. прим. к п. 218).
- .....

[262] П. А. Платонову

28 июля 1942 г. Москва

Дорогой мой Тотик!

Где ты теперь — в Уфе или в Шафранове¹? Я ничего от вас давно не получал, ничего не знаю. В своем последнем письме ты пишешь мне — не ходили ли по клавишам рояля ногами мои собутыльники?² Мать тоже думает в этом роде. Неужели не пора уже поумнеть? Неужели так и нельзя себе представить, какова сейчас жизнь, особенно в Москве? Я никак не найду человека, который свез бы вам в Уфу кое-что. М<ожет> б<ыть>, кто-нибудь из Уфы поедет в Москву, — с возвращением в Уфу. Пусть идет ко мне. У меня есть что вам послать: конфеты, сахар, консервы, белье и др<угие> вещи. Как твое здоровье, милый мой, неужели ты таешь там? М<ожет> б<ыть>, лучше будет Тамаре поехать к родителям, а то и ей плохо, и ты, глядя на нее, выздороветь не можешь.

До свиданья, мой дорогой. Целую тебя.

Твой отец.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 538. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

Датируется по проставленному в Москве почтовому штемпелю.

- 1 См. примеч. 6 к п. 259.
- 2 Отсылка к одной из “шутливых” реплик Платона в его письме от 7 июля 1942 г., см.: “Прошу тебя сообщить детально и подробно, в каком состоянии наша квартира и события нашего дома и той среды, где ты будешь. <...> Топали ногами по клавишам рояля или нет? Напиши свое первое вхождение в нашу обитель” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 629. Л. 1 об.).

.....

[263] М. А. Платоновой

10 августа 1942 г. Москва

10/VIII. Дорогая Муся!

Ты спрашиваешь, чем я так занят. Я работаю много, и не перечислишь. Самая важная моя работа сейчас: я пишу повесть о пяти моряках-севастопольцах¹. Помнишь — о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага. Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. И это произведение, если оно удастся, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев. Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвига, и я работаю, обливая иногда слезами рукопись, но это не слезы слабости. Вот чем я занят.

Целую тебя. Андрей.

(*Приписка сбоку листа*) У меня получается нечто вроде Реквиема² в прозе.

.....

Впервые: Волга, 1975. С. 174 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 539. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Речь идет о рассказе, известном под названием “Одухотворенные люди” (публиковался также под другими названиями: “Слава”, “Одушевленные люди”, “Бессмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин”). Рассказ посвящен одному из главных — наряду с подвигом 28 героев-панфиловцев — героических событий советской историографии начального периода Великой Отечественной войны. 7 ноября 1941 г. в районе села Дуванкой (позднее

село Верхнесадовое) группа моряков (Красносельский И. М., Одинцов Д. С., Паршин Ю. К., Цибулько В. Ф.), стрелков 18-го отдельного батальона морской пехоты Береговой обороны Черноморского флота во главе с политруком Фильченковым Н. Д., начальником клуба 18-го отдельного батальона морской пехоты Береговой обороны Черноморского флота, отразили атаки противника, пытавшегося пробиться к Севастополю. В воспоминаниях маршала Н. И. Крылова, бывшего одним из руководителей обороны Севастополя, начальником штаба Приморской армии, рассказывается, как в сложной обстановке того времени распространилось известие об этом подвиге: “Должен тут же сказать, что о подвиге у Дуванкоя, которому суждено было стать бессмертным, мы узнали не сразу. Санитар, добравшийся туда, когда один из пяти героев — Василий Цибулько — был еще жив, сам получил тяжелое ранение и не успел никому передать до отправки в госпиталь то, что он услышал от умирающего краснофлотца. Как все было, выяснилось лишь через некоторое время. Но что какие-то бойцы остановили вражеские танки, видели с соседних высот, из расположения других подразделений, и о подвиге этих бойцов разнеслась молва. На войне не раз бывало, что в легенду превращалось событие, уже хорошо известное. Здесь же получилось наоборот: подвиг группы Фильченкова сначала стал героической легендой, передаваемой из уст в уста, из окопа в окоп, а потом уже обрел достоверность восстановленного во всех подробностях факта” (*Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1984. С. 276). В печати об этом подвиге впервые было рассказано в статье М. Когута “Подвиг пяти черноморцев” (газета “Маяк коммуны” от 19 мая 1942 г.). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1942 г. “за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм” морякам, погибшим у Дуванкоя, было присвоено звание Героев Советского Союза.

- 2 Под названием “Реквием” рассказ “Одухотворенные люди” упоминается в характеристике А. Платонова от 19 сентября 1942 г., представленной Военной комиссией ССП в ГлавПУРККА (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 449) и в п. 265.

[264] М. А. Платоновой

24 августа 1942 г. Москва

24/VIII. Дорогая Муся!

Напиши мне подробно, что ты послала в посылке с Лебедевым, кто такой этот Лебедев, откуда он появился у вас?¹ Его я не знаю, и он ко мне не заходил. Я опять прошу — не присылать мне ничего. У меня есть всё достаточное для жизни. Сегодня я перевел тебе телеграфом

400 руб<лей>. Получила ты их? Надо постараться, чтобы Тоша был в Шафранове до конца сезона, до октября². Что нужно сделать для этого с моей стороны из Москвы. Напиши, я сделаю. Теперь у вас хозяин Кононов³, бюро нет. Передай ему привет. Перцова⁴, вероятно, скоро приедет в Уфу. Целую тебя. Андрей.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 540. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 О намерении передать в Москву продукты с неким писателем Лебедевым сообщается в одном из писем Платона Платонова из санатория: “Папа, дорогой, как я хотел послать тебе масла или меда. Но я этого не имею. В середине августа едет в Москву из Шафранова молодой писатель Лебедев. Он тебя знает. К тому времени я достану и жиры, и мед” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 18–19. Б/д).
- 2 См. примеч. 6 к п. 259.
- 3 Кононов Александр Терентьевич (1895–1957) — детский писатель, автор неоднократно издававшихся “Рассказов о Ленине”, некоторое время — главный редактор Детгиза; находился в эвакуации в Уфе. В письмах Платона Платонова обнаруживаются упоминания о посильной помощи Кононова при получении путевки в Шафраново (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 3, 6). В данном случае речь, по-видимому, идет об изменении формы руководства эвакуированными писателями (см. также п. 265). Официальных сведений об этом назначении пока не обнаружено, поскольку в документах архивного фонда ССП СССР практически отсутствует информация о небольшой московской писательской группе в Уфе, насчитывавшей всего 9 человек (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 573. Л. 43).
- 4 Вероятно, жена критика В. О. Перцова, также какое-то время находившегося в эвакуации в Уфе (возвратился в Москву не позднее марта 1942 г.); сведения о ее поездке в Уфу не выявлены.

[265] М. А. и П. А. Платоновым

30 августа 1942 г. Москва

Москва. 30/VIII.

Здравствуйте, милые мои Муся и Тотик!

Спасибо вам за телеграммы — с поздравлением по случаю моего давнего дня рождения. Вчера мне исполнилось 43 года¹. Нечаянно удалось даже отпраздновать его. Пришли трое студентов Литинститута, которые не чают

во мне души (я никак от них не отвязжусь); они принесли литр водки в подарок; пришел Петя Трошкин, брат Петр, Вера, Кожевников² и Натан Абрамович³. В магазине я получил колбасу, — и мы немного выпили. Я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил такой факт из фронтовой действительности: один наш командир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь противника, у командира оторвало миной левую руку; тогда он взял свою оторванную руку в правую, поднял свою окровавленную руку над своей головой, как меч и как знамя, воскликнул: “Вперед!” — и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого русского солдата.

Этот факт — с рукой — я описал в рассказе “Реквием” (памяти пяти моряков-севастопольцев)⁴.

Дела мои в литературе начали складываться пока что блестяще. На днях будут напечатаны мои рассказы в “Красной звезде” — самой лучшей газете всей Красной Армии — “Броня” (новый рассказ) и “Божье дерево”⁵. В журнале “Октябрь” печатается “Крестьянин Ягафар”⁶. В журнале “Красноармеец” — “Дед-солдат”⁷.

Я приглашен как постоянный сотрудник в “Красную звезду” (это большая честь), затем в “Красный флот” и в журналы “Красноармеец” и “Краснофлотец”⁸. И еще, и еще — работы уйма. Скоро поправятся наши и денежные дела: я смогу выслать денег побольше.

Рассказ “Броня” произвел на редакцию огромное впечатление, он привел их в “дикий восторг”, как мне они сами говорили. Когда я по их просьбе прочел его вслух, то по окончании чтения большинство моих слушателей плакало, а один разрыдался. Вы сходите в библиотеку и там почитайте “Красную звезду”.

Теперь о вашем вызове. Я уже поставил об этом вопрос ребром — перед теми, от кого это зависит. Мне обещали это сделать твердо: “ваша жена и сын будут зимовать с вами”, сказали мне. В течение сентября, я думаю, это все решится, если позволит общая обстановка. На всякий слу-

чай, однако, жилище вам будет обеспечено и в Уфе. Туда уже дважды посланы соответствующие категорические распоряжения. Это будет сделано обязательно.

Я уже писал вам, что был на зап<адном> фронте⁹. В десятых числах сентября я, видимо, поеду на воронежское направление, как военный корреспондент, и уже надеюсь на шинель¹⁰. Посмотрю, что стало с моей родиной. Схожу на могилы, поплачу над всеми мертвыми.

Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могли ни слушать музыку, ни видеть цветы, — плакали. Вообще, Муся и Тотик, повидать пришлось многое даже за краткое время. Увижу и переживу еще больше. Пишите мне, дорогие мои.

Привет Кононову. По моей просьбе Фадеев назначил его секретарем всех уфимских москвичей, а бюро распустил¹¹. Но вы это уже знаете.

Будем жить, работать и ожидать, когда мы опять будем неразлучны. Как действительно здоровье Тоши? Почему он так мало был в санатории? И дало ли это хоть маленькую пользу? — (большой, конечно, и не могло быть). При всякой возможности буду посылать вам посылки. У меня сейчас есть масло слив<очное>, сахар, крупа, — сверх того, что мне нужно, — но не знаю, с кем послать. Будем жить друг для друга, мы еще будем счастливы. А если уж что случится, если суждено, то смерть моя будет непостыдной, она будет смертью русского солдата. Жалко, что не всё еще написал и сердце еще полно силы.

Целую и обнимаю вас. Ваш Андрей.

<Приписки сбоку листа> P. S. Посылку Тамаре взяла тетя Ната, она уже отправила ее в Свердловск¹².

P. P. S. Ел<ена> Виктор<овна>¹³ обещала на днях принести туфли для Муси, но не приходила пока.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 175 (фрагмент).

Печатается по: Архив. С. 540–542. Публикация Е. Антоновой.

1 Андрей Платонов родился 16 августа 1899 г. (по старому стилю).

2 Кожевников А. В.

- 3 Натан Абрамович — неустановленное лицо, упоминается в записной книжке Платонова 1941–1942 гг. (Записные книжки. С. 222).
- 4 Речь идет о рассказе “Одухотворенные люди”; см. также примеч. 1 к п. 263.
- 5 Рассказ “Броня” опубликован в “Красной звезде” (1942. 5 сентября); публикация рассказа “Божье дерево” в “Красной звезде” не состоялась.
- 6 Рассказ опубликован в № 10 журнала “Знамя” за 1942 г.
- 7 Рассказ опубликован в № 18 журнала “Красноармеец” за 1942 г.
- 8 На настоящее время известны три публикации Платонова в журнале “Красноармеец”: “Дед-солдат” (1942. № 18), “На минном поле” (= “О советском солдате”; 1944. № 6), “Сержант Шадрин” (1945. № 18); а также единственная публикация в журнале “Краснофлотец” — “Слава” (= “Одухотворенные люди”; 1942. № 21). Публикаций в газете “Красный флот” не обнаружено.
- 9 См. п. 261.
- 10 Официальная мобилизация Платонова состоялась 8 марта 1943 г., приказы НКО об утверждении его спецкором газеты “Красная звезда” (№ 02757) и присвоении звания капитана административной службы (№ 02505/п) датируются 22 апреля 1943 г. Процесс аттестации Платонова в ГлавПУРККА начался в сентябре 1942 г. В высшую аттестационную комиссию ГлавПУРККА были представлены автобиография писателя, отзывы о нем С. Бородина, Л. Леонова, В. Шкловского, общая характеристика за подписями секретаря президиума ССП СССР по оргвопросам П. Скосырева и оргсекретаря Военной комиссии президиума ССП СССР Любанского. Отзывы о Платонове были весьма высокими: “один из лучших русских писателей” (Бородин), “один из пятнадцати лучших советских писателей” (Шкловский), “чрезвычайно интересный и очень талантливый литератор нашего времени” (Леонов), “может быть смело причислен к наиболее талантливым и своеобразным советским писателям” (характеристика ССП СССР). Кроме того, в высшую аттестационную комиссию ГлавПУРККА было направлено отношение председателя Военной комиссии Президиума ССП СССР бригадного комиссара Петра Павленко, в котором тот выразил свое мнение о возможности присвоения Платонову звания интенданта 2-го ранга с использованием в качестве спецкора во фронтовой печати. По свидетельству самого Платонова, уже в 20-х числах октября 1942 г. он был прикомандирован ГлавПУРККА к редакции “Красной звезды”.
Сведений о поездке Платонова в Воронеж осенью 1942 г. не имеется, вероятно, она не состоялась. В августе 1942 г. Воронеж оставался частично захваченным немецко-фашистскими войсками, см. примеч. 17 к п. 259; город был освобожден от оккупантов лишь 25 января 1943 г.
- 11 См. п. 264.
- 12 Ныне Екатеринбург, место пребывания жены Платона на то время.
- 13 Елена Викторовна — неустановленное лицо.
.....

[266] М. А. и П. А. Платоновым

5 сентября 1942 г. Москва

5/IX-42.

Дорогие Муся и Тоша!

Сегодня в “Красной звезде”, общей газете Красной Армии, напечатан (в сильно сокращенном виде) мой рассказ “Броня”, прочтите его. Он завтра будет передан и по радио¹. Как бы я хотел повидать вас. Делаю все возможное, чтобы вызвать вас домой. Но сейчас — новые строгие правила. Надеюсь, что все же это удастся. Вы не волнуйтесь, живите терпеливо и спокойно. Я забочусь о вас. Скоро мне дадут военное звание (думаю, надо бы шпалы три); вероятно, я получу звание по флоту и на старости лет одену форму моряка².

Обнимаю вас. Ваш А.

(Приписка сбоку листа) Весь день не работал: ко мне началось форменное паломничество. Завтра спрячусь к брату Петру.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 543. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 Для Платонова упомянутый случай сотрудничества с радио не был единственным. Известно, например, что во время пребывания в Уфе его рассказ “Дерево родины” был снят с областного радиовещания цензурой, о чем и было доложено в Главлит в сводке “важнейших вычерков предварительной цензуры по Главлиту БАССР за период с 1-го июня по 30-е июня 1942 года”. Неприемлемость рассказа была обоснована цензором Зямилевой следующим образом: “Рассказывается о том, как красноармеец Трофим без всякой трудности преодолел врага, обезоружил немецкого солдата, мучил, а потом ударом приклада убил его. Между тем немец просил пощады, умолял и, следовательно, сдался в плен, хотел остаться в живых. В то же время Трофим сам попал в плен немцам, а немцы обращались с Трофимом вежливо, не били и не убили, а посадили в тюрьму. Рассказ не выдержан, своим содержанием противоречит политическим установкам. Рассказ снят” (ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 55). Тот же рассказ “Дерево родины” был передан по центральному радио 4 октября 1941 г. (упоминание об этом см.: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 59. Л. 2).

- 2 Три шпалы в петлицах соответствовали званию подполковника. По результатам аттестации ГлавПУРКА Платонов в апреле 1943 г. получил звание капитана административной службы. О возможности аттестации по флоту, а позднее — о переводе во флот Платонов упоминает также и в ряде последующих писем, вплоть до августа 1943 г. Вероятно, это желание во многом подпитывалось сложностью взаимоотношений писателя с редактором “Красной звезды” Вадимовым (Д. Ортенбергом), так как после смены редактора тема перехода во флот из писем исчезает.

[266*] В. О. ПЕРЦОВ

30 октября 1942 г.

Дорогой Виктор Осипович!

Не забудь пожалуйста возвратить мне рукопись “Рассказ о мертвом старике”¹. Ее можно оставить у девушки в Клубе² на мое имя или зайти с ней (с рукописью, а не с девушкой) ко мне в гости.

Жму руку.

Твой Андр. Платонов. 30/X-42.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 624. Публикация Е. Антоновой.

Письмо выполнено на почтовой карточке, отправленной Платоновым с домашнего адреса (Тверской бульвар, 25, кв. 27) на московский же адрес Перцова (ул. Горького, д. 15, кв. 172). Как можно определить по штемпелю, письмо, которое должно было, между прочим, пройти обязательную военную цензуру, достигло адресата лишь 4 ноября.

Перцов Виктор Осипович (1898–1980) — критик. Перцов, как и Платонов, оказался в эвакуации в Уфе, где число эвакуированных писателей было самым малым в сравнении с другими отведенными для этой цели населенными пунктами (Чистополь, Ташкент). Естественно предположить, что это могло поспособствовать большему, чем в предшествующей московской жизни, сближению между ними. Ощущая свою изолированность и заброшенность в этом городе, Перцов совместно с критиком К. Зелинским, тоже находившимся в Уфе, в самый канун нового 1942 г. обратились с письмом к секретарю обкома БАССР И. С. Аношину. Примечательно, что в качестве примера тяжелого положения эвакуированных ими был выбран Платонов: “Мы должны обратить Ваше внимание на ненормальное положение, в котором оказались эвакуированные в Уфу московские писатели. Оно выражается прежде всего в нежелании соответствующих орга-

низаций создать хотя бы минимальные условия для продолжения литературной работы, в нежелании использовать наши силы, хотя бы даже в тех ограниченных возможностях (издательских и др.), какие имеются здесь. Мы обращались и в Отдел агитации и пропаганды Обкома. Но и здесь мы натолкнулись на глухую стену полнейшего равнодушия к нашей судьбе. Оно выражается в том, что никто не заинтересовался даже взять прибывших на учет, познакомиться с их творческими возможностями, узнать хотя бы кто что написал. Всем до единого московским писателям, эвакуированным в Уфу, отказано даже в такой элементарной вещи как столовка (не говоря уже о снабжении, лечебной помощи). Ответственный работник Отдела прямо заявил нам: «Мы вам ничего не обещаем». <...> Замечательный мастер художественного слова Андрей Платонов, чьи новеллы с таким успехом передавались (и передаются) по радио в Москве и в Куйбышеве, — ютится с семьей в хибарке на окраине города, в комнате с температурой в 2–3 градуса и без всяких средств к существованию. Мы просим в первую голову помочь ему (комнатой, столовкой). Нельзя, чтобы зазря пропадал такой выдающийся талант, хотя есть все возможности его сохранить. <...> В Уфе любой заезжий джаз, какой-нибудь модный исполнитель цыганских романсов пользуется куда большим вниманием и заботой местных организаций, нежели русский писатель» (Страна философов, 2017. С. 625–626). Перцову удалось возвратиться в Москву уже в марте 1942 г., где он оказался в новой для него атмосфере, о чем и сообщил Зелинскому в письме от 10 апреля: «Живу в напряженной работе, учусь работать по новому. <...> Все еще хожу вокруг да около темы, ищу. То есть нахожусь на службе, меня вызвали в ЦК и поручили мне заведовать литературным отделом «Литературы и искусства» (выходила с января 1942 г. вместо «Литературной газеты» и газеты «Советское искусство». — Е. А.). Встречи с людьми дают много, все, черти, поумнели страшно — Сурков, Симонов, Н. Тихонов — рассказывают больше и интереснее, чем пишут. Не поймешь в их писаниях, если с ними не поговоришь. <...> Все это развернется после войны. <...> Писать страшно трудно, а хочется. Все требует мыслей, вопросов, и уже кое-что начинаешь понимать, но сказать еще нельзя. А в то же время давно не испытанная жажда знания и торопливость, ведь неизвестно, по правде говоря, успеешь ли высказаться. Вот этого-то мне и не доставало. Состояние смутное и беспечное» (Там же. С. 626).

- 1 В 1942 г. рассказ печатался три раза — газ. «Красная звезда» (20 сент.; под названием «Старик»), журн. «Октябрь» (№ 12; под названием «Рассказ о старике»), сборник «Под небесами родины» (под названием «Рассказ о мертвом старике»). Примечательно, что, хотя рассказ к этому времени уже был напечатан в «Красной звезде», критик получил возможность прочесть его непосредственно в рукописи. Об этом свидетельствует упоминание еще не опубликованного рассказа в статье Перцова в газете «Литература и искусство» (1942. 14 февр.).

Подтверждением того, что “Рассказ о мертвом старике” действительно произвел на критика сильнейшее впечатление, может служить и упоминание о нем в статьях Перцова 1943 г. (Писатель и его герой в дни войны // Октябрь. 1943. № 6–7) и 1945 г. (Подвиг и герой // Знамя. 1945. № 9), а также в его книге “Подвиг и герой. Этюды о советской литературе” (М.: Советский писатель, 1946. С. 57–59): “Человек, который решал судьбу Сталинграда, который буквально добивался в те дни поворота мировой истории, все силы своей души мобилизовал на решение поставленной перед ним военной задачи. Никогда значение личности, осознавшей себя творцом истории, не вырастало до таких размеров, как в Отечественной войне. В одном из рассказов Андрея Платонова — «Старик» — выведен маленький сердитый дедушка Тишка, оставшийся один в деревне, после того как все жители ушли от немца.

«Я тут буду, — сказал он. — Я, может, один окорочу всего немца!» Боль за поруганную врагом, онемевшую, тоскующую об ушедших людях землю вызывает в нем такое ожесточение, которое превращает слабого безоружного старика в сильного и опасного противника. Тишка поджиг родную деревню так ловко и умело, что она сразу вся занялась огнем, и обезумевший от страха враг покинул ее.

«Ошалел конопатый, — подумал Тишка. — Озорства в них и алчности много, а силы настоящей нету, нет — нету! Да откуда ж взяться у них настоящей силе-то! Неоткуда: ни одна живая душа не прильнет к их нему делу...»

Это было напечатано в «Красной звезде» в 1942 году в тягчайшие дни Сталинграда. Если по произведению художника можно уяснить себе социальные процессы, происходящие в народной толще, то разве этот рассказ, несмотря на известные его недостатки, не свидетельствовал о том, как активно народ понял призыв товарища Сталина «Ни шагу назад»? Досадно, конечно, что в рассказе Андрея Платонова Тишка слишком чуждаковат, целесообразность иных его «юродских» поступков вызывает сомнение. Но в конце концов соглашаешься с тем, что такой Тишка «окоротил» неприятеля-врага в своей деревне. Один в поле не воин — веками учила пословица. Но когда воюет весь народ, защищая свою родную землю, то каждый отдельный человек, каждый «один» — воин. Разве не является образ Тишки символом того, что только в подвиге личность дорастает до своих собственных возможностей?» (Знамя. 1945. № 9. С. 123–124).

2 Имеется в виду ЦДЛ (Центральный дом литераторов, ул. Б. Никитская, 53).

[267] Г. Э. СОРОКИНУ

31 октября 1942 г. Москва

Григ<орий> Эм<мануилович>!

Я Вас не застал, к моему сожалению. Если возможно, оформите всё дело без меня¹, а я зайду в 3 ч<аса> в клуб², чтобы увидеться с Вами.

Ваш А. Платонов.

31/Х.

.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 519. № 151. Л. 2. Разыскание Т. Кукушкиной.

Сорокин Григорий Эммануилович (1898–1954) — поэт, крупный издательский работник, сотрудник Военно-морского издательства.

1 Речь, возможно, идет об оформлении договора на сборник рассказов Платонова “Броня” (см. примеч. 1 к п. 268).

2 Московский клуб писателей (Центральный дом литераторов).

.....

[268] Г. Э. СОРОКИНУ

13 ноября 1942 г. Москва

Дорогой Григорий Эммануилович!

Убедительно прошу Вас устроить таким образом, чтобы моя жена смогла в ближайшие дни получить гонорар по договору¹. Я ей оставил доверенность. Как это сделать? Я сказал, чтобы она как-нибудь позвонила Вам. Но к Вам трудно звонить. Может быть, если для Вас нетрудно, Вы напишете ей открытку — когда она может прийти в изд<ательств>во за получением денег? В рукописи действуйте по своему усмотрению, т<ак> к<ак> я Вам вполне доверяю и меня нет. Заранее благодарный и преданный Вам

Андр. Платонов.

13/ХІ.

.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 519. № 151. Л. 1. Почтовая карточка. Разыскание Т. Кукушкиной.

- 1 Речь идет об издании сборника “Броня” в Военно-морском издательстве. Ситуация с получением гонорара по доверенности связана с намеченным отъездом Платонова во фронтовую командировку. Сохранилось два письма Г. Сорокина на имя М. А. Платоновой, в которых он лично сообщает ей о текущем состоянии дел. Первое письмо было отправлено 19 ноября 1942 г.: “Уважаемая тов. Платонова, по поручению Андрея Платоновича сообщаю Вам о его книге и гонорарных делах. Рукопись в ближайшие дни сдаю в набор. Все исправления, которые сделаны редактором Гослитиздата, я снял и оставил авторский текст. Договор на первую книгу будет изменен. Всего в рукописи 4 листа. О дне выплаты гонорара сообщу Вам дополнительно. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Андрею Платоновичу и мое большое уважение к его работе. Г. Сорокин” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 1). Следующее письмо датировано 27 ноября 1942 г.: “Уважаемая тов. Платонова! Гонорар за книгу Андрея Платоновича выписан, но деньги можно будет получить только 6 декабря (день выплаты). Позвоните по телефону 3-05-31, добавочный 06, начальнику управления тов. Найде и попросите, чтобы он устроил выплату раньше. М^{ожет} б^{ыть}, он согласится. Книга Андрея Платоновича, по-моему, большое событие в нашей литературе. Но именно поэтому всё проходит не так скоро, как этого бы хотелось. Всего доброго. Г. Сорокин” (Там же. Л. 2). Книга вышла из печати лишь в мае 1943 г. Дарственная надпись на книге из домашней библиотеки Платонова сделана 3 мая 1943 г. А. Кривицкий в своих воспоминаниях о Платонове сообщает, что его экземпляр сборника был подписан автором 4 мая 1943 г. (Воспоминания. С. 115).

[269] М. А. и П. А. Платоновым

19 ноября 1942 г.

19/XI.

Дорогая Муся, дорогой Тоша!

Я приехал сюда вчера вечером, но поеду еще дальше, я пока всё время нахожусь в движении и адреса у меня пока нет поэтому¹. Чувствую себя ничего. Муся и Тоша! Дороже вас у меня никого нет на свете. Меня сильно мучает болезнь Тоши². Как он там один. Муся, поспеши там, пожалуйста, сделать мои дела. Увидишь Григ<ория> Эмман<уиловича> Сорокина (Военмориздат), попроси его — пусть он постарается выпустить книжку в этом году³.

Буду писать еще. Целую и обнимаю обоих. Ваш Андрей.

(Приписка сбоку листа) Ваню⁴ пока не видел. Питают здесь очень хорошо, я не поедаю.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 543. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 Как устанавливается по записной книжке писателя, во время этой поездки Платонов перемещался в районе Калининского фронта, в частности, посетил город Торжок (Записные книжки. С. 238–240). Отъезд Платонова из Москвы состоялся 14 ноября (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 5 об.), одна из последних записей, сделанных Платоновым в этой командировке, датирована 27 ноября.
- 2 По возвращении в Москву Платон был вынужден лечь в больницу, однако состояние его здоровья продолжало ухудшаться. По этой причине командировка Платонова была в конце концов прервана. П. А. Платонов умер 4 января 1943 г.
- 3 См. примеч. 1 к п. 268.
- 4 Ваня — неустановленное лицо.
.....

---

[270] М. А. и П. А. Платоновым
23 ноября 1942 г.

Действующая армия, 23/XI.
Милая Муся, дорогой Тотик!

Я езжу здесь, ночую по разным местам¹. Написал один рассказ, сейчас его посылаю в редакцию. Сильно скучаю по вас. Я немного утомился, но чувствую себя спокойно. Многое увидел, многое еще увижу. Жалко, что нет у меня адреса — я все время мчусь, как Агасфер, и я не могу узнать от тебя, как наш Тотик, как ты живешь, моя милая. Не обижает ли тебя там кто? У тебя найдутся защитники. Здесь совсем другая жизнь. Я впитываю ее в свою душу — жалко только, что душа моя довольно стара и не совсем здорова. Привет Пете Трошкину. Обнимаю тебя и сына. Твой А.

(Приписка сбоку листа) Рассказ называется “Русская матрешка”².
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 544. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 См. примеч. 1 к п. 269.
- 2 Рассказ под таким названием на настоящее время неизвестен. В записной книжке 1942 г. обнаруживается частушка, вероятно, имеющая какое-то отношение к упоминаемому рассказу: “Ах ты, русская матрешка, / Не пеки свои лепешки: / Я их сам испеку / Из горячего песку (Торжок)” (Записные книжки. С. 238).
- .....

[271] М. А. Платоновой

24 ноября 1942 г.

Действующая армия, 24/XI.

Дорогая моя Муся!

Живу я здесь неплохо, но постоянно в трудах, в езде и походах. Иногда бывает и тяжело, но — ничего. Я даже управляюсь писать здесь художественные более или менее вещи. Каждый день здесь равен не московскому дню, а побольше. Не знаю, удастся ли мне от тебя получить хоть одну весть — у меня нет адреса, я нигде долго не нахожусь. М<ожет> б<ыть>, мне удастся вызвать тебя к телефону, но я не уверен — возможно ли это. Больше всего я беспокоюсь за нашего Тотика. Будем его хранить, а после войны у нас с тобой еще будет ребенок.

Прошу тебя передать две прилагаемые записки адресатам. А самой сделать следующее:

1) Из второго экземпляра сборника рассказов вынуть рукопись “Железной старухи” и отдать его Михайловой¹ (“Знамя”) — для набора, а та рукопись “Жел<езной> стар<ухи>”, которая есть у Михайловой, не совсем точная и неполная; этот новый экземпляр лучше. Пусть Михайлова печатает в очередном №ре “Жел<езную> стар<уху>” и “Божье дерево” (у нее есть “Бож<ье> дер<ево>”), — скажи, я очень прошу напечатать эти вещи².

2) Увидишь Григ<ория> Эмм<ануиловича> Со-рокина — попроси его выпустить мою книжку быстрее³ (он обедает в 2–3 часа в Клубе, он в морской форме, спроси у привратницы, она тебе его покажет). Передай ему мой привет; скажи, что поправки он может сделать по своему

усмотрению, не ожидая меня. Я ему верю, он человек чуткий и тактичный.

Обнимаю тебя и целую крепко тебя и сына солдатским поцелуем.

Твой Андрей.

(*Приписка сбоку листа*) Когда приеду, еще не знаю. Сообщу, наверно, в след<ующем> письме⁴.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 544–545. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Михайлова Екатерина Николаевна (1897–1952) — литературовед и редакционный работник. Окончила Институт красной профессуры в 1932 г.; начала печататься в 1930 г. В 1930–1937 гг. преподавала русскую литературу в московских вузах; в 1937–1941 гг. — ученый секретарь редакции “Литературной энциклопедии”; в 1942 — начале 1944 г. — ответственный редактор журнала “Знамя”.
- 2 Рассказ “Железная старуха” был напечатан в № 4 журнала “Знамя” за 1943 г. По сохранившимся редакционным материалам устанавливается, что рассказ читался рецензентами “Знамени” В. Смирновой и Е. Ковальчик в феврале 1943 г. Рассказ “Божье дерево” в “Знамени” опубликован не был, рукописи сохранились в архиве журнала. Всего в 1942–1943 гг. в “Знамени” было опубликовано пять произведений Платонова: “Броня”, “Одушевленные люди”, “Железная старуха”, “Оборона Семидворья”, “Гроза под Орлом”. Михайлова достаточно высоко оценивала творчество Платонова (см.: Антонова Е. В. Платонов в 1942–1945 гг. // Архив. С. 425–428).
- 3 Речь идет о сборнике “Броня”. См. примеч. 1 к п. 268.
- 4 В записной книжке Платонова одна из последних записей этой командировки датирована 27 ноября. Командировка была прервана из-за ухудшения состояния сына Платона.

[272] М. А. Платоновой

25 ноября 1942 г.

Действующая армия¹, 25/XI–42.

Дорогая Мусенька!

Как ты там поживаешь одна? Сейчас на дворе сильная выюга. Как она прекратится или стихнет — пойду за 6 километров получать харчи и табак для себя. Снабжают меня тут бесплатно, так что деньги мне совсем не нужны. Что с Тотиком? Нет у меня никакой возможности получить

от тебя сведения о его здоровье и о твоём положении — это меня мучает здесь и доводит до галлюцинаций.

Забыл тебе вчера написать несколько “указаний”:

1) В зеленой комнате, в левом ящике стола, за которым я работал, найди экземпляр (лучше выбери) “Дед-солдат”. Отдай его Михайловой (“Знамя”), предупредив ее, что “Дед-солдат” печатался сокращенный чуть не втрое (т. е. печатался маленький отрывок), а полностью он не печатался ни разу, нигде. Таким образом, пусть Михайлова печатает в очередном №ре сразу 3 рассказа: “Жел<езную> старуху”, “Божье дерево” и “Дед-солдат”².

2) В журнал “Октябрь” и в изд<ательст>во “Молодая гвардия” позвони или напиши им открытки, что я “Стрельца” им напишу, как приеду с фронта³. Здесь писать “Стрельца” некогда и нет условий.

3) У доктора Сергея Алексеевича⁴ надо потребовать паек для сына. Ты, наверно, это уже сделала.

Лишь вчера узнал о нашей победе под Сталинградом⁵ и очень обрадовался. Здесь все торжествуют по этому случаю. Я старательно вникаю в войну, вижу много людей, целый день занят, много хожу (десятки километров иногда), очень устал, но сплю плохо, вижу часто тебя и сына во сне. Будь здорова, води себя кротко, не вступай в дискуссии с писателями, они тебя могут обидеть без меня.

Привет П. Трошк<ину>, В. Шварк<ину>, Л. Гумил<евскому>, Э. А. Гиллеру⁶. Целую, обнимаю обоих. Твой А.

(Приписка сбоку 1-го листа) P. S. Как ты ходишь без пальто? Настоятельно попроси Ел<ену> В<икторовну> от моего имени устроить это дело. Ведь ты обязательно заболеешь.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 545–546. Публикация Е. Антоновой.

1 На сохранившемся конверте письма указан почтовый адрес Платонова на тот момент: “1485 полковая” почта, часть 40”, соответствующий полевой почте штаба Калининского фронта.

- 2   См. примеч. 2 к п. 271. Рассказ “Дед-солдат” в “Знамени” опубликован не был; по сохранившимся редакционным материалам журнала устанавливается, что рассказ читался рецензентами “Знамени” В. Смирновой и Е. Ковальчик в феврале 1943 г.
- 3   Стрелец Филипп Евдокимович (1919–1942) — лейтенант, Герой Советского Союза (посмертно), участник войны с июня 1941 г. Попав в окружение в ходе боев за Киев в октябре 1941 г., с группой бойцов продолжил борьбу в тылу, в январе 1942 г. присоединился к партизанским отрядам Брянской области. Погиб во время налета отряда на станцию Полужье.
О реализации намерений Платонова написать о Ф. Стрельце на настоящее время известно совсем немного. В фонде Платонова ОР ИМЛИ сохранились наброски либретто “Рабыня” (или “Любино Поле”) и краткое изложение темы одноименного сценария, где одно из действующих лиц — партизанский командир Филипп Стрелец (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 37).
- 4   С. А. Гуревич наблюдал Платона с детского возраста; см. примеч. 2 к п. 199.
- 5   С 19 ноября 1942 г. под Сталинградом началась наступательная операция советских войск под кодовым названием “Уран”. 23 ноября подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калач-Советский и завершили окружение главных сил противника, действовавших непосредственно под Сталинградом. С подходом стрелковых соединений был создан сплошной внутренний фронт окружения.
- 6   Гиллер Эмиль Александрович (1892–1962) — юрист, автор романа “Одинокий мятежник” о жизни В. С. Печерина. Будучи членом Московской городской коллегии защитников, принимал участие в судьбе осужденного Платона Платонова.

.....

[272*]

В. О. ПЕРЦОВУ

10 марта 1943 г. Москва

Дорогой Виктор Осипович!

Посылаю то, что у меня есть под рукой¹. Печатались еще рассказы в журналах “Красноармеец” (“Дед-солдат”) и в “Краснофлотце”. У меня нет этих журналов. Новых рассказов — печатающихся, но еще не вышедших в свет, у меня много, но перепечатывать их специально на машинке долго. На днях выйдет в свет новая книжка в Военно-морском издательстве; туда же сдастся вторая книжка².

Однако у тебя умелая рука — и ты обойдешься с тем, что я тебе посылаю, а остальное вообразишь.

Жму твою руку. Почтительный привет супруге.

А. Платонов.

10/III-43.

По миновании надобности возврати, пожалуйста, эти журналы.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 624–625. Публикация Е. Антоновой.

Письмо написано на небольшом листке бумаги, в верхнем правом углу которого имеется еще помета “В. О. Перцову”. Никакого конверта при этом письме не имеется, а из его содержания ясно, что оно прилагалось к каким-то публикациям Платонова, передаваемым критику. Передача

этой “посылки” осуществлялась без посредничества почты — через тот же Клуб (Центральный дом литераторов) или с чьей-то помощью.

- 1 Письмо Платонова Перцову, очевидно, связано с подготовкой последнего к совещанию писателей “Художественная проза Отечественной войны”, состоявшемуся в Союзе писателей 24 марта 1943 г. Стенограмма совещания зафиксировала выступление Перцова: “Тов. Скосырев уже правильно отмечал здесь то значение и интерес, которые (пока еще по преимуществу писательской средой) проявляется к творчеству Андрея Платонова. Он в прозе об Отечественной войне занял уже определенное место. Война помогла ему почувствовать в русском народном характере черту упорства, воли к победе. Но здесь Платонов сбилсЯ на ложную позицию — позицию страдания, и здесь с ним можно очень спорить, поскольку это поэтизирование, не сопротивление страданию (единственная форма страдания, которую можно поэтизировать), а страдание как таковое. В своих новых рассказах Платонов преодолевает свою оторванность от практических задач литературы. Его рассказы становятся доходчивыми и целеустремленными. Творчество Платонова — слишком серьезная тема, чтобы поставить ее в рамки моего сообщения. Это один из чрезвычайно важных и интересных для нас авторов. Его путь к читателю, удача у читателя — все это будет огромной победой нашей литературы. Каждый рассказ Платонова является подтверждением того, что свой счет перед читателем Платонов может и должен будет оплатить. Я бы хотел только сказать, что удача Платонова во время войны связана с раскрытием в его произведениях образа русского упорства, т.е. того, чего раньше Платонову не доставало. В этих новых рассказах, например, «Одушевленные люди», эпизод с овечьей отарой может быть назван образцом писательского мастерства. В этих рассказах показывается борьба старых, довоенных ощущений человека с тем новым ощущением, что ему дала война. Но, повторяю, что это тема самостоятельная, в которую здесь не могу уложиться. Рассказ «Старик» — замечательное произведение, написанное во время войны. Я его прочел в «Красной звезде» в сентябре 1942 г., когда сводки сообщали о тяжелых днях, когда шли уличные бои в Сталинграде. Я прочитал о том, как невооруженный старик задумал один выкурить немцев, как поджег деревню и немцы в панике бежали, очевидно представляя, что на них напали большие силы, как старик отрывал землянку и утверждался на родной земле, когда я все это читал и вдумался, что это идет от глубокого ощущения народа, и почувствовал, что Сталинград мы отстоим, что сразу запечатлелось в моем восприятии” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 615. Л. 29–30).
- 2 Речь идет о выходе книги “Броня”, состоявшемся все же не в марте, “на днях”, а в первых числах мая. Вторая книга, речь о которой заходит в письме, имела сначала ориентировочное заглавие “Оборона Семидворья”, затем — “Дорога на закат солнца”, однако издание не состоялось, см. об этом п. 274 и примеч. к нему.
- .....

Мичуринск. 24/V-43¹.

Здравствуй, дорогая моя жена Муся!

Приехал в полдень в Мичуринск. На Воронеж выеду только завтра, как будет поезд. Проезжал Кочетовку, всё мне показалось там другим — с тех пор, как мы когда-то там с тобой ходили вдвоем². Завтра или послезавтра буду, наверно, в Воронеже. Из Воронежа тебе напишу, потом поеду далее.

Скучаю я по вас обоим — по тебе и по нашему сыну — сильно и грустно. Для меня мертвый Тотик³ — все равно вечно живой.

Береги там себя. Делай дела, тебе я много их поручил, а я приеду месяца через 1¹/₂–2, если прежде этого срока меня не переведут из “Кр<асной> звезды” во флот⁴.

Мичуринск — это б<ывший> Козлов! Я здесь был когда-то давно, но забыл его⁵. Скучно здесь, пыльно, жарко, и я совершенно один. Сижу в общежитии, думаю о тебе и о могиле на кладбище. Поцелуй землю на его святой могиле за меня.

Целую тебя.

Твой Андрей.

Муся! Ты прости меня. Я забыл тебе сказать в Москве. Отдай, пожалуйста, Лидии Аристарховне Большаковой (отдай лучше через ее девчонку Наташку)⁶ 1 килограмм черного хлеба. Я недели 1¹/₂–2 назад взял у Большаковой, в общем, четвертинку (меньше, граммов 200) за килограмм черн<ого> хлеба. А хлеб так и не отдал, всё боялся тебя. Отдай Наташке, пожалуйста, и прости твоего пьяницу.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 547. Публикация Е. Антоновой.

1 Это и следующие 10 писем (п. 274–283) написаны Платоновым из его первой поездки на Центральный фронт.

- 2 Платоновы проезжали через станцию Кочетовка в октябре 1941 г., по пути в эвакуацию (см.: Записные книжки. С. 221); описание произошедшей в этом месте встречи с Платоновым содержится в воспоминаниях Ф. Ф. Сучкова (см.: *Сучков Ф. Каравай черного хлеба* // Воспоминания. С. 90–91).
- 3 Платон Платонов умер 4 января 1943 г.; похоронен на Армянском кладбище (входит в Ваганьковское кладбище).
- 4 Еще 9 марта 1943 г. Платонов подал заявление начальнику управления “Военно-морского издательства” полковнику С. Ф. Найде, в котором сообщал о своем активном сотрудничестве с “Военмориздатом” и просил в связи с этим о зачислении во флот:
 “Мною написаны две книги, посвященные людям военно-морского флота; одна из них получила одобрительный отзыв и издается в Вашем изд-ве. Вторая книга будет сдана на днях.
 Желая продолжать работать над военно-морской темой, прошу Вашего содействия о прикомандировании меня к издательству и зачислению в кадры военно-морского флота” (ИРЛИ. Ф. 519. Ед. хр. 524. Разыскание Т. Кукушкиной).
- 5 Платонов бывал в Козлове во время своей работы в Тамбовском ГЗУ в начале 1927 г.
- 6 Речь идет о соседях Платоновых по дому — сестре и, вероятно, племяннице писателя Константина Большакова, расстрелянного в апреле 1938 г.
 .....

---

[274] М. А. Платоновой

28 мая 1943 г.

2-е письмо (1-е было из Мичуринска) 28/v.

Милая моя Муся!

По воле обстоятельств я сейчас под Воронежем — тут мы с тобой и Тошей давно когда-то жили на даче.

Я ищу возможности ехать дальше, одновременно остановился на два-три дня для работы. Вчера был в Воронеже немного (проехал его на грузовике). У дома, где мы жили¹, и у дома отца не был. Завтра, наверно, поеду или пойду туда, чтобы посетить родные места. Вчера мне было очень тяжело. Город стал призраком, как дух, — таким он мне представился. Я даже плакал. Вот какое тут было сражение, родная моя. Как-то ты там поживаешь в одиночестве?

Поцелуй за меня могилу в изголовье нашего святого сына.

Делай там свои и мои дела, которые я тебе поручил, и ожидай меня. Если будут деньги, не забудь уплатить за квартиру и за электричество. Счета лежат у меня на бюро с правой стороны.

Затем скажи Г. Э. Сорокину, чтобы у второй моей книги (сборника) — название было такое — “Дорога на закат солнца”, а не “Оборона Семидворья”². Это скажи ему обязательно (позвони: Д 12504). Далее спроси у него — как у меня дела с переводом во Флот³. Я не оставил этой надежды. Может быть, и выйдет что. Я чувствую, что мне надо много писать, а эту возможность даст мне только флот, а в “Кр<асной> звезде” это гораздо труднее, да и работа (разъезды по фронтам) мне уже, может быть, не по возрасту, я уже стар так мотаться.

В материальном смысле (питание) я живу очень хорошо. Ем много, кормят здесь хорошо. Я стараюсь не пасть в физических силах, чтобы вытерпеть все трудности своей жизни. Ты тоже, гляди, питайся там как можно усердней, чтобы не зачахнуть в теле и в духе. Нам придется еще, наверно, детей растить и воспитывать — внука, а может, и своего второго Тошу.

Одновременно с этим письмом пошлю тебе из Воронежа телеграмму и, может, успею там получить от тебя ответ. Я очень тоскую по тебе и сыну, и тоска от того, что я вижу и переживаю здесь, удваивается и гнетет меня, хотя я стараюсь держаться бодро, работаю (пишу для “Кр<асной> звезды”) при всякой даже малой возможности.

Обнимаю мою единственную.

Твой Андрей.

Р. С. Возьми через Сорокина 45 экз<емпляров> книжки “Брони”. Выпить не пришлось нигде, никто не предложил и капли. Да я и не буду искать этого ложного утешения.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 547–548. Публикация Е. Антоновой.

1 Перед отъездом в Москву Платонов с семьей проживал в Воронеже по адресу: ул. 9 Января (совр. ул. Платонова), дом 18 (не сохранился).

- 2 Издание, о котором идет речь, не состоялось. Единственным сборником рассказов Платонова, выпущенным Военно-морским издательством, осталась книга “Броня” (см. примеч. 1 к п. 268). В фонде писателя в РГА-ЛИ сохранилось оглавление другого сборника, сданного, за исключением пунктов 1а и 7, Г. Э. Сорокину 31 марта 1943 г.: “1а. Святая земля (дополнительно будет представлен); 1. В сторону заката солнца; 2. Сампо; 3. Седьмой человек; 4. Добрый Кузя; 5. Взыскание погибших; 6. Как боец Курдюмов <четыре немцев одолел>; 7. Малый полководец (дополнительно будет представлен); 8. В 1933 году; 9. Путешествие воробья” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 13). Если в письме подразумевается именно этот сборник, остается неясным, почему он мог получить название “Оборона Семидворья”, так как данный рассказ в первоначальном составе сборника не значится. Возможно, впрочем, что рассказ был введен в книгу позднее. Примечательно, что Платонов пишет об изменении названия сборника практически сразу после публикации 26 мая 1943 г. сокращенного варианта “Обороны Семидворья” в газете “Красная звезда”. Приблизительно в то же время рассказ находился и в редакции журнала “Знамя” — 14 мая рассказ был направлен журналом для визирования в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Военный отдел Совинформбюро (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 9. Ед. хр. 3. Л. 47–48). Хотя при публикации в “Знамени” рассказ прошел все необходимые инстанции, это не гарантировало его от “высокой” критики (см.: Лукин Ю. “Неясная мысль” // Правда. 1943. 8 июля). Более того, в конце 1943 г. рассказ “Оборона Семидворья” (среди произведений других авторов, также удостоенных негативной оценки) в выражениях, заимствованных из статьи Лукина, был упомянут в докладной за подписями начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, его заместителя А. А. Лузина и заведующего отделом художественной литературы А. М. Еголина. Эта докладная известна тем, что именно в ней прозвучала идея “принятия специального решения ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах” (см. об этом: *Бабиченко Д.* Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // *Вопросы литературы.* 1993. № 3. С. 203). Название “Дорога на закат солнца” / “В сторону заката солнца” позднее перешло к сборнику Платонова, выпущенному в издательстве “Советский писатель”.
- 3 См. примеч. 4 к п. 273.
.....

---

[275] М. А. Платоновой

4 июня 1943 г.

<нрзб> 4¹/VI.

Дорогая моя Муся!

Я всё время разъезжаю. Очень много вижу и много переживаю событий. Постоянно думаю о Тоше: задумал

одну вещь написать о нем, очень важную, как только вернусь в Москву, — важную и для всех. Мне бывает трудно, бывает и страшно, но я теперь всегда спокоен. Как ты там одна живешь, милая моя? Передай привет Петру Артемьевичу. Поласкай за меня внука, если он приехал². Напишу тебе письмо побольше, как остановлюсь где-либо прочней и дольше. Обнимаю свою законную жену³.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 543. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Цифра 4 написана поверх 2. Дате предшествовало название населенного пункта из двух слов (возможно, Старый Оскол); вымарано цензурой.
- 2 Тамара Платонова с сыном Александром, родившимся в Свердловске, вернулась в Москву лишь 10 сентября 1943 г.
- 3 Официальное оформление брака между Андреем Платоновым и его женой состоялось 22 мая 1943 г.

.....

[276] М. А. Платоновой

6 июня 1943 г.

6/VI-43.

Дорогая моя жена Маша!

Я под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие воздушные бои¹. Однажды попал в приключение.

На одну станцию немцы совершили налет. Все вышли из эшелона, я тоже. Почти все легли, я не успел и смотрел стоя на осветительные ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило головой о дерево, но голова уцелела. Дело окончилось тем, что два дня болела голова, которая у меня никогда не болит, и шла кровь из носа. Теперь всё это прошло; взрывная волна была слаба для моей гибели. Меня убьет только прямое попадание по башке. Как-то ты там живешь, одинокая моя! Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так много есть чего писать. И главное — я так тоскую о холмике земли на Армянском кладбище². Когда я еще буду там — я сам не знаю. Что у вас

там нового? Я тут редко что слышу, п<отому> ч<то> бываю в дальних местах. Задумал одну вещь, очень важную и связанную с судьбой нашего Тоши. Но где тут ее писать! Знай же, что я люблю тебя и буду стараться жить, пока ты жива. А Тоше принадлежит вторая половина моей души и весь мой талант. Я сделал здесь, на войне, столь важные выводы из его смерти, о которых ты узнаешь позже — и это тебя немного утешит в твоём горе.

Целую тебя. Андрей.
.....

Впервые: Волга, 1975. С. 174–175 (в сокращении). Печатается по: Архив. С. 549–550. Публикация Е. Антоновой.

- 1 На внешней стороне письма указан почтовый адрес Платонова на тот момент: “Полкевая” почта 23387”, соответствующий полевой почте 1551-го аэродромного зенитного артиллерийского полка. Платонов оказался свидетелем боевых действий авиации в период, предшествующий началу Курской битвы. Так, например, 2 июня авиация противника совершила наиболее крупный массированный налет на железнодорожный узел Курск, имевший решающее значение в общей системе железнодорожных коммуникаций Курского выступа. В книге подполковника И. В. Тимоховича “Советская авиация в битве под Курском” об организации этого налета сообщается следующее: “Днем 2 июня по курскому железнодорожному узлу действовало около 560 самолетов противника, которые шли последовательно пятью эшелонами с интервалами от 1 часа 30 минут до трех часов. Эшелоны состояли из 2–6 групп, каждая из которых насчитывала от 5 до 48 самолетов. Боевой порядок самолетов противника при подходе к объекту состоял из колонны звеньев. Налет носил звездный характер, однако главные силы фашистской авиации следовали к Курску с востока. Основными маршрутами полета были: Орел — Курск; Косоржа — Курск; Брянск — Дмитровск-Орловский — Курск и Обоянь — Курск. В ночь на 3 июня налет продолжался; в нем участвовало 350 вражеских бомбардировщиков. В отражении налета принимали участие 386 советских истребителей... Соотношение истребителей составляло 3,2:1 в нашу пользу. Благодаря этому наша истребительная авиация могла выделить значительное количество самолетов для уничтожения бомбардировщиков противника. При отражении массированного налета противника всеми средствами противовоздушной обороны было уничтожено 155 вражеских самолетов, в том числе сбито истребителями 114 и зенитной артиллерией 41. Потеряв большое количество самолетов и не достигнув намеченной цели, противник вынужден был отказаться от массированных налетов днем. В дальнейшем такие налеты совершались преимуще-

ственно ночью” (Тимохович И. В. Советская авиация в битве под Курском. М., 1959. С. 34). Июньским боям под Курском посвящен очерк Платонова “Земля и небо Курска” (Красная звезда. 1943. 12 июня).

2 Речь идет о могиле Платона Платонова.

[277] М. А. Платоновой

8 июня 1943 г.

8/VI-43.

Здравствуй, дорогая Муся!

Давно я не видел тебя. Я жив и здоров. Поклонись за меня могиле моего сына и поцелуй за меня землю на ней. Я живу здесь хорошо. Буду много писать, особенно когда вернусь. Я волнуюсь за тебя, ты ведь все же беспомощная, и без моей заботы тебе трудно. Что тебе еще сказать. Многого не напишешь на этом клочке бумаги. Поставь от меня цветок на могилу сына и скажи ему, что я его люблю всё больше и больше.

Твой А.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 550–551. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

[278] М. А. Платоновой

8 июня 1943 г.

8/VI-43.

Дорогая Муся!

В день получения этой открытки напиши мне, отведь немедленно по адресу: Действующая армия, полевая почта 48251А¹, Платонову А. П.

Привет тебе, моя дорогая.

Андрей.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 551. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

1 Полевая почта политуправления Центрального фронта.

[279] М. А. Платоновой

10 июня 1943 г.

10/VI.

Здравствуй, моя дорогая.

Я тут живу ничего — жив и здоров, только очень сильно устал. Питаюсь очень хорошо и жалею, что ты не можешь делить со мной трапезу. Ты, наверно, часто ходишь на могилу к сыну. Как пойдешь, отслужи от меня панихиду в его вечную святую память. Я тут пережил сильные воздушные бои (недавно), много повидал, но мой сын, должно быть, помог мне избежать гибели. Я случайно попал под Курск как раз в день большого налета врага и всё пережил, только закалился в терпении¹. Здорова ли ты? Я знаю, как тебе трудно, я знаю, что ты плачешь о нашем сыне. Я здесь вижу его часто во сне и просыпаюсь в слезах. Приеду — надо многое мне сделать в память его, надо написать сразу повесть. Держись, моя дорогая, я тоже держусь. Пиши мне.

Целую тебя. Твой А.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 551. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

1 См. примеч. 1 к п. 276.

.....

[280] М. А. Платоновой

12 июня 1943 г.

12/VI.

Здравствуй, дорогая Муся!

Один товарищ летит в Москву, и я посылаю при его помощи эту весть. Живу я здесь хорошо, работаю, вина не пью вовсе. Адрес мой: Действ<ующая> армия, почт<овый> ящ<ик> № 48251. Был в действующ<их> частях, скоро опять выеду туда, потом снова вернусь, сюда, где я сейчас есть. Завтра воскресенье и Троицын день¹. Ты, конечно, пойдешь к нашему сыну, поцелуй его землю в из-

головье, скажи, что я люблю его больше всего на свете. Приехал ли его потомок² — похож ли он на Тошу? Напиши мне подробно и пошли письмо сегодня же, а то долго идет. Целую и обнимаю тебя, моя дорогая. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 551–552. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Один из главных христианских праздников, отмечаемый в Православной церкви на 50-й день после Пасхи.
- 2 См. примеч. 2 к п. 275.
.....

---

[281] М. А. Платоновой
24 июня 1943 г.

24/VI–43 г.
Дорогая Муся!

Пишу тебе уже много писем, но от тебя не получил еще ничего. Меня беспокоит, как ты живешь там. Наверно, у тебя есть какие-нибудь текущие несчастья, п<отому> ч<то> ты не приспособленный все-таки к жизни человек. Дают ли тебе командирский паек — на июнь и теперь на июль¹? Я на днях дам телеграмму генералу² с просьбой о вызове меня в Москву, т<ак> к<ак> материала у меня очень много (да и до того было столько, что я годами мог бы не вставать из-за письменного стола). Если увидишь Гр<игория> Эм<мануиловича> Сорокина — спроси у него: двигается ли мое дело с переводом к ним³. Я бы рад был перейти, п<отому> что сильно утомился, да и время часто проходит бесцельно. А там бы я больше и полезней работал. Особенно хочу немедленно написать одну повесть — ты знаешь о чем. Поцелуй изголовье его могилы. Скажи ему, что я скоро приду к нему и поклонюсь ему.

Обнимаю тебя. Андрей.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 552. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Речь идет о продуктах, которые Мария Александровна могла получить по офицерскому продовольственному аттестату мужа.
- 2 Редактор газеты “Красная звезда” генерал-майор Давид Иосифович Ортенберг (1904–1994).
- 3 Речь идет о намерении перевестись в ведомство ВМФ, не оставлявшем Платонова вплоть до ухода Д. Ортенберга из “Красной звезды”, см. примеч. 4 к п. 273.

.....

[282] М. А. Платоновой

25 июня 1943 г.

25/VI–43.

Дорогая Муся!

Сделай, пожалуйста, следующее: скажи Г. Э. Сорокину или в Военно-мор<ское> изд<ательст>во капитану 1-го ранга (забыл его фамилию¹), чтобы рассказ “Путешествие воробья” из моей новой книжки снять². Этот рассказ не подходит ни по тону, ни по духу ко всей книге. Итак — я снимаю этот рассказ, скажи им об этом. Не забудь и сделай это срочно. Скоро, я надеюсь, мы увидимся. Я здесь много работаю, хотя условия бывают и неподходящие. Увидимся — тогда о многом поговорим. По приезде буду стараться перевестись во флот, чтобы иметь возможность больше работать. Не знаю, удастся ли это. Поклонись нашему сыну. Целую тебя. Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 552–553. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Приписка сбоку листа: “Хвоцинскому”. Хвоцинский Яков Алексеевич (1895–?) — моряк-подводник, с 1933 по 1945 г. — в центральном аппарате ВМС (в “Военмориздате” с 1939 по 1945 г.), в отставке с 1948 г.
- 2 Написанный до войны рассказ “Путешествие воробья” значится в оглавлении сборника, представленного Платоновым в “Военмориздат” в марте 1943 г., см. примеч. 2 к п. 274. В апреле 1943 г. Платонов пытался опубликовать “Путешествие воробья” также и в журнале “Знамя”. В архиве журнала сохранился следующий отзыв на это произведение: “О рассказе А. Платонова «Путешествие воробья». Если в принципе напечатание в «Знамени» рассказа никак, никакой стороной не связанного с войной, возможно, то рассказ можно бы, конечно, печатать, так> как» это настоящее художественное произведение.

Но мне лично думается, что не только в «Знамени», но, может быть, даже и вообще в дни войны таких уже очень удаленных от современности вещей печатать не следует. Будет время и для таких рассказов — сейчас читателю нужно что-то другое. 29/IV-43. Н. Четунова” (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 9. Ед. хр. 5. Л. 20).

.....

---

[283] М. А. Платоновой

1 июля 1943 г.

1/VII-43 г.

Дорогая Муся!

Дней восемь я был в поездке. Вчера только вернулся. К нам приехал полковник Карпов¹, заместитель Вадимова². С ним я и отсылаю это письмо до Москвы, а там его отправят тебе. От тебя не получил еще ни одного письма.

Меня, вероятно, на днях вызовут в Москву, так что скоро мы с тобой должны увидеться. Правда, мне предстоит нелегкий путь, если не удастся устроиться к кому-нибудь на машину до Москвы. Есть один корреспондент “Правды” со своей машиной, но неизвестно, когда он поедет в Москву, он ждет разрешения. Может быть, я с ним и доеду. Тогда приеду быстро. Полковник Карпов будет в Москве 2-3 июля и тогда же обещает мне послать на фронт телеграфный вызов³.

В день приезда сразу же пойдем к Тоше на могилу. Моя новая повесть, которую я тут обдумал, будет посвящена поклонению умершим и погибшим, а именно посвящение будет моему сыну. Я задумал сделать героем жизни мертвого человека, на смерти которого держится жизнь. Кратко трудно сказать, как это получится, но, думаю, эта вещь выйдет у меня: у меня хватит сердца и горя. Я чувствую, что у тебя там много трудностей всякого рода; очень тяжело, что я почти полтора месяца не знаю, не слышу о тебе ничего и не могу поэтому помочь даже советом.

Здесь я много видел — и хорошего, и трудного. Смерть несколько раз близко проходила возле меня, но чаще она минует тебя столь быстро, что замечаешь ее тогда,

когда она уже прошла. Трудно мне было в Курске. А в общем, я уже привык. Гораздо труднее всего — это тоска по сыну и желание увидеть тебя.

Еще раз — как мне охота возможно скорее написать повесть, посвященную сыну. Я ее хочу напечатать в “Кр<асной> звезде”.

Ну, это, может быть, последнее мое письмо перед приездом. Если ничего не случится, что задержит меня на фронте, то на днях увидимся и обнимемся вновь.

Приветствую тебя и целую. Твой Андрей,
старый капитан.

На всякий случай точный мой адрес:

Действующая армия, пол<евая> почта 48251,
военному корреспонденту “Красной звезды”
капитану А. Платонову.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 553–554. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Карпов Александр Яковлевич (1903–1945) — заместитель главного редактора газеты “Красная звезда”.
- 2 Вадимов — псевдоним редактора “Красной звезды” Д. И. Ортенберга.
- 3 Обещание Карпова было выполнено, соответствующая телеграмма отправлена 4 июля: “Корреспонденту «Красной звезды» Олендеру. Командируйте писателя Платонова «в» Москву. Замредактора Карпов” (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 1).

.....

[283*] А. А. ФАДЕЕВУ

7 июля 1943 г. Москва

Дорогой Александр Александрович!

Жена писателя В. Бокова приехала из Чистополя с двумя малолетними детьми¹. Ей негде жить. Ее вселили в квартиру Марченко², но там вышло какое-то недо-разумение. Однако ей все-таки нужно жить под крышей (кроме двоих детей у нее старуха-мать), — поэтому я убедительно прошу выслушать ее. К тебе мы обращаемся потому, что другие люди в Союзе разбираются

в этих делах хуже и равнодушнее. Положение этой молодой женщины действительно тяжелое.

С дружеским приветом

Андр. Платонов

7/VII-43.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 623–624.

Публикация Е. Антоновой.

- 1 Это второе известное нам ходатайство Платонова по делам семьи В. Бокова (см. п. 250). Сам В. Боков в это время уже находился в ГУЛАГе (осужден 23 марта 1943 г.), но, возможно, Платонов об этом еще не знал (см. примеч. к п. 311).

- 2 Марченко — неустановленное лицо.

.....

[284] М. А. Платоновой

20 июля 1943 г.

Действ<ующая> арм<ия>, 20/VII.

Дорогая Муся!

19/VII вечером я уже был на месте. Снова я на прежних местах¹. Здесь много нового, хорошего для нас, о чем ты знаешь из газет. Я сразу же начинаю работать; однако с тем сердцем, которое у меня надорвано горем, это трудно бывает... Не забудь взять у Ек<атерины> Ник<олаевны> Михайловой мою рукопись “Пустодушие”². Если они приняли ее для печатания, то пусть заплатят тебе деньги. Это они сделают просто. Скоро выеду в часть. Живи скромно, трудолюбиво, не озорничай. Через месяц я надеюсь приехать. Обнимаю тебя. Твой Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 554. Почтовая карточка.

Публикация Е. Антоновой.

- 1 Это и следующие семь писем написаны Платоновым из 2-й командировки на Центральный фронт.

- 2 Рассказ “Пустодушие” при жизни Платонова опубликован не был. Судя по регистрационной карточке, рукопись рассказа “Пустодушие” находилась в редакции журнала “Знамя” с 14 по 21 августа 1943 г. (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 8. Ед. хр. 9. Л. 23).

.....

[285] М. А. Платоновой

21 июля 1943 г.

Действ<ующая> армия, 21/VII.

Дорогая моя Муся!

При этом посылаю записку Одицкову¹ — в “Красную звезду”. Если ты его не застанешь (его трудно застать), то записку передай через Раису Семеновну Гниенскую², пусть она передаст ее Одицкову.

Я здесь работаю много, но условия мои трудные для работы. Все время вспоминаю нашего первого и единственного сына, вспоминаю детали его жизни и смерти, и эти воспоминания мучают меня. Как бы я сам хотел пережить его страдания, чтобы избавить его от них. Но всё минуло. Теперь нам остается лишь поклоняться и молиться его праху.

Я тебе написал вчера открытку. Теперь добавляю: если рукопись “Пустодушие” не пойдет в “Знамени”, то возьми ее оттуда (взять рукопись надо в обоих случаях — она у меня одна), перепечатай на машинке и перепечатанный экземпляр отдай в “Октябрь” — Ольге Михайловне (фамилии ее не знаю)³. Дальше — в Военно-морское издательство подполковнику Таранину⁴ скажи, что пусть третью книжку⁵ они издадут в том составе, который остался в ней, который разрешат, — пусть даже она будет маленькая, что же делать! А уж четвертая книга будет с новой повестью, которую я напишу, бог даст, по возвращении.

А третья пусть выходит такой, какой выйдет (вероятно, без “Семидворья” и без “Взыскания погибших”). Это передай как мою настоятельную просьбу и окончательное решение. Иначе, по-другому, и решить-то ничего нельзя. Но все это деловые пустяки, делать которые, однако, необходимо.

Как-то ты там живешь? Получила ли лимитную книжку и прочее? Если нет — немедленно иди к Скосыреву⁶. Но я думаю — этого тебе не потребуется. Больше отдыхай, а то ты совсем стала костлявой и больной. Я здесь

материально живу очень хорошо. Жаль только, что нет возможности писать большую важную повесть.

..... Целую тебя. Твой Андрей.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 555. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Одицков В. И. — заведующий хозяйственной частью редакции газеты “Красная звезда”.
  - 2 Гниенская Раиса Семеновна — сотрудница редакции газеты “Красная звезда”.
  - 3 Румянцева Ольга Михайловна — заведующая отделом прозы журнала “Октябрь”. Известная также тем, что позднее высоко оценила дарование молодого В. М. Шукшина, приехавшего на учебу в Москву, и оказывала ему большую поддержку — прописала в своей квартире и т. п.
  - 4 Таранин — неустановленное лицо.
  - 5 Вероятно, речь идет о втором сборнике рассказов, подготовленном Платоновым для Военно-морского издательства (см. прим. 1 к п. 274). В случае благоприятного развития событий сборник мог бы стать третьей книгой Платонова в Военмориздате с учетом выпущенного после книги “Броня” отдельного издания рассказа “Одухотворенные люди” (под названием “Бессмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин”. М., 1943).
  - 6 Скосырев Петр Георгиевич (1900–1960) — секретарь президиума ССП СССР по оргвопросам.
- .....

[286] М. А. Платоновой

26 июля 1943 г.

26/VII–43.

Здравствуй, дорогая моя Муся! Сегодня утром вернулся с передовой линии, где наблюдал большой бой. Увидел многое, что раньше я не знал. Если напечатают, прочтешь об этом в газете мой очерк¹. Редактор² прислал мне оскорбительную телеграмму, бессмысленную и сумбурную. Пока я буду работать, но буду принимать меры, чтобы уйти из этой редакции... Я здоров, живу ничего, много пишу. Однако занимаюсь я не тем делом, в котором был бы самым полезным. Как ты живешь там, худенькая, иссохшая от горя и тем более дорогая мне? Мне вчера было трудно, но я вспомнил Тошу и снова он спас меня от страха и отчаяния. Сегодня узнал весть об уходе Муссолини³. Это

большое событие и для нас хорошее. Напиши, как ты обращаешься с деньгами. Трудно тебе, я знаю. Если что будет мое появляться в газете — получай гонорар. Держись скромно, но независимо. Целую тебя, дорогая моя.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 556. Публикация Е. Антоновой.

- 1 В ближайшее к дате письма время в “Красной звезде” был напечатан рассказ Платонова “Два дня Никодима Максимова” (29 июля). Можно предположить, что очерк, о котором идет речь, — “Гроза под Орлом”, опубликованный позднее в журнале “Знамя” (1943. № 9–10).
- 2 Ортенберг Д. И. Телеграмма, о которой идет речь, не сохранилась.
- 3 Премьер-министр фашистской Италии Бенито Муссолини был смещен со своего поста и арестован 25 июля 1943 г.

.....

[287] М. А. Платоновой

30 июля 1943 г.

Действующая армия, 30/VII.

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Я уже писал тебе, как редактор¹ издевался над мной, когда я только приехал на фронт. Напр<имер>, он запрашивал по телеграфу: откуда я приехал и когда? Ему отвечали: из Москвы, вчера. Он говорил по телеграфу: безобразие, как он (я) смеет?.. Я приму строгие меры и т. д.

Я ничего не мог понять, я ни в чем не был виновен, я работал как зверь, ездил на передовую, был в бою. Я подумал, что случилось что-то непонятное для меня. Теперь редактор шлет вдруг ласковые телеграммы, печатает. Бог с ним, не говори об этом никому в Москве, чтобы мне хуже не было. Я буду стараться уйти во флот. Тема о сыне — одна из тем о нем — томит меня, но когда я ее напишу? А она имеет ближайшее отношение к войне, просто к нашей победе. Но как убедить мне своих начальников, чтобы они дали мне возможность работать над самым главным вместо работы над второстепенным?.. Напиши поскорее и подробнее — как ты живешь, сыта ли, есть ли у тебя деньги?

Я смогу помочь тебе отсюда и делом, и советом. Напиши еще, есть ли надежда (реальная) на приезд внука, или всё одни слова. Тогда надо предпринять что-то другое. Я хотел прислать сыну цветок, который я взял с могилы вблизи передовой, чтобы ты посадила его на могиле нашего сына, но нельзя его и не с кем переслать, и он вовсе задох у меня. Не знаю, когда я с тобой увижусь. Идут бои, от меня требуют работы всё больше и больше. Надеюсь, что в августе вырвусь на несколько дней, но не уверен. Командировка у меня до 18/VIII, но если шеф вспомнит, то он загодя продлит ее. Пиши же мне, милая, и поклонись святому праху нашего мученика.

Твой Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 556–557. Публикация Е. Антоновой.

1 Речь идет о редакторе газеты “Красная звезда” Д. И. Ортенберге.

.....

[288] М. А. Платоновой

30 июля 1943 г.

30/VII.

Дорогая Муся!

Я давно тебе забываю написать про одну вещь.

У меня там есть в ящике твоего секретера материал. Т<ак> к<ак> он мне совершенно не нужен и ни на что не потребуется, то ты продай его и купи себе обязательно башмаки. Ведь ты, наверно, ходишь совершенно босая. Купи такие башмаки, которые годились бы и для носки осенью, в непогоду. Сделай это обязательно. М<ожет> б<ыть>, тебе удастся приобрести обувь в распределителе — но все равно тебе нужны деньги, а их у тебя нет.

Целую тебя. Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 557. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

.....

[289] М. А. Платоновой

31 июля 1943 г.

31/VII 43 г.

Дорогая Муся!

Эти дни у меня была возможность писать тебе почти каждый день, что я и делал. Разговаривая в письме, мысленно, с тобой, мне становится немного легче. После смерти сына, как ты правильно и хорошо сказала однажды, мы обречены с тобой доживать наши дни под небом меланхолии... Если тебя там будут беспокоить, то тебе нужно оформиться моим секретарем — что является верным, потому что я почти все время на фронте, а ты ведешь все мои литературные дела. Узнай в военной комиссии Союза или у какого-нибудь приличного человека, как это нужно сделать, — и делай без смущения. Будь столь же храброй, как со мной храбра. Это если нужно. Обратись, в крайнем случае, поговори с ней — с Еленой Викторовной... Здесь жара, грозы, дожди — трудно ездить и работать. Кормят тут отлично. Но это мне не очень нужно. Хочу писать большие вещи и начну принимать шаги, чтобы избавиться от редакции. Это, конечно, трудно, т<ак> к<ак> я на военной службе. Но я хочу перейти только, оставшись военным — во флоте. Я от тебя не получил ни одного письма. Напиши мне что-нибудь. Чем тебе я могу помочь, кому нужно написать, чтобы тебе помогли? Поцелуй могилу нашего сына. Береги себя, чтобы я увидел тебя.

Обнимаю тебя и целую.

Твой Андрей.

Получи гонорар в “Звезде”¹. Поставили ли тебе телефон? Какой его №?

(Приписка сбоку листа) Получи у Раисы Семен<овны> в “Звезде” талон на получ<ение> пайка на август.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 557–558. Публикация Е. Антоновой.

1 Т. е. в редакции газеты “Красная звезда”.

.....

3 августа 1943 г.

3/VIII 43.

Дорогая Муся!

Вернувшись сегодня из поездки, я узнал большую новость: вместо Вадимова — другой редактор¹. Для меня хуже не будет, п<отому> ч<то> Вадимов относился ко мне неровно, скорее дурно, чем хорошо. Причина ухода Вадимова для меня совершенно неизвестна и непонятна. При новом редакторе (я его лично не знаю) мне мое положение неизвестно. Какие у него требования, каков теперь будет стиль работы — мне неясно. М<ожет> б<ыть>, мне удастся при новом редакторе уйти с миром во флот, если моряки еще не потеряли желания взять меня к себе. Жаль, что нет в Москве Сорокина. Вышла ли моя книжка в Гослитиздате?² Думаю, надеюсь недели через две приехать в Москву, но уверенности в этом нет. Дело зависит от нового редактора и его отношения ко мне. Как-то ты там поживаешь? Я чувствую, что тебе плохо — и морально, и материально. Помолись о нашей судьбе праху нашего мученика-сына. Мне часто кажется, что он цел, существует, и лишь звуки его голоса не доходят до нас, а он наблюдает за нами.

Обнимаю тебя, дорогая.

Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 558. Публикация Е. Антоновой.

1 С 31 июля 1943 г. главным редактором “Красной звезды” был назначен Николай Александрович Таленский.

2 Книга, о которой идет речь, — “Рассказы о Родине” — вышла лишь в конце 1943 г. Еще в ноябре 1942 г. Платонов заключил с Гослитиздатом договор на книгу под названием “Одушевленная Россия” (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 891. Л. 77). В 1943 г. книга Платонова переходит из одного квартального плана в другой (в плане 3-го квартала уже под названием “Рассказы о Родине”), сигнальный экземпляр выпускается 6 ноября 1943 г. (ГАРФ. Ф. Р-4851. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 94 об., 102, 110).

[291] М. А. Платоновой

11 августа 1943 г.

11 августа.

Дорогая моя Муся!

Я тебе написал много писем, но от тебя ни одного не получил, хотя уже скоро месяц, как я уехал. Что с тобой? Разве трудно написать хоть открытку? На фронте очень важно получить письмо. Все здесь получают письма, некоторые помногу. Я — ни от кого, ни одного. Может быть, с тобой случилось какое-нибудь несчастье? Так тягостно думать об этом... Сегодня я получил от Карпова (“Кр<асная> звезда”) телеграмму, чтобы я выехал в один район к передовой, а 18 августа выезжал в Москву. 12-го или 13-го авг<уста> я поеду в часть, а 18 авг<уста> выеду, вероятно, в Москву. Это письмо пересылаю с товарищем, который едет с фронта в Москву на машине. Он обещает письмо это доставить как-либо тебе.

Скоро, должно быть, мы с тобой увидимся. Мне трудно и далеко ехать — у меня ведь нет своей машины¹. Я очень устал, соскучился по тебе и по нашему мертвому сыну. Опять, как приеду, сразу пойду к нему на могилу.

И ты для меня теперь особо дорога, потому что в тебе осталась живая часть моего умершего сына — ведь ты его родила своим телом.

Временами я тут заболеваю каким-то психическим расстройством: оно заключается в том, что голова моя начинает самостоятельно думать какие-то ненужные бредовые мысли, и я не могу овладеть своим сознанием, и вдобавок всё сильнее портится зрение.

Увидимся — обо всем поговорим. Жаба, ты забыла мне положить в сумку бритву (положила только ножи), мне приходится здесь занимать каждый раз. Что еще тебе написать, милая моя? Очень хочу, чтобы хоть 20-го августа быть дома, но, как говорится в одной песенке, “ты далека от меня — между нами поля и луга, а до смерти четыре шага”².

Обнимаю мою дорогую жену.

Твой старый офицер Андрей.
Действующая армия. <Рис.>

Если будет возможность, сбереги 1/2 литра водки.
Я пойду и выпью на могиле в день своего приезда. Никому
не говори о моем приезде, я ни с кем не хочу встречаться.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 558–559. Публикация
Е. Антоновой.

- 1 В отличие от Платонова, многие военные корреспонденты имели собственные машины. Корреспондент газеты “Известия” Л. Бронтман оставил в своем дневнике следующее описание корреспондентского сообщества в октябре 1943 г.: “Находимся вместе с другими корреспондентами. Их тут — уйма. Кто-то насчитал 39 душ. От нас — майор Петр Лидов, майор Леонид Первомайский, фотограф Яков Рюмкин. От «Известий» один майор Виктор Полторацкий, чудный парень, немного мечтательный, очень скромный, великолепный товарищ, высокий, худой, глаза навывкате. От «Красной звезды» — майор Петр Олендер, майор Константин Буковский, подполковник Жуков, майор Василий Гроссман, полковник Хитров, фотограф Кнорринг, на подъезде — Илья Эренбург и К. Симонов. Последнего я видел на Центральном фронте, он собирался подлететь сюда поближе к делу. От ТАСС — майор Крылов и капитан Николай Марковский, фотограф Копыт. От «Комсомолки» — Непомнящий, капитан Тарас Карельштейн, майор Гуторович (которого все зовут «Швейком»), фотограф Борис Фишман. От «Иллюстрированной газеты» — капитан Фридлянд. От Информбюро, «Советской Украины» и проч., проч., проч. У большинства свои машины. Всех сортов — эмки, виллисы, полуторки, трофейные, а у кого-то даже пяти-тонный форд. Страшно разнохарактерный и разнокалиберный народ” ([http:// militera.lib.ru/db/brontman_lk/1943.html](http://militera.lib.ru/db/brontman_lk/1943.html)).
- 2 Неточная цитата из популярной песни “Землянка” (на стихи А. Суркова):
“Ты сейчас далеко-далеко. / Между нами снега и снега. / До тебя мне
дойти нелегко, / А до смерти — четыре шага”.
.....

---

[292] А. И. и А. В. Вьюрковым
31 августа 1943 г. Москва

Дорогие Александр Иванович и Анна Васильевна!
Мы вам ни разу не писали¹, это правда. Но Вы нас сейчас поймете и простите. 4/1 этого года у нас от чахотки умер наш единственный сын Тоша, 20 лет от роду. Вы знали его. После того и до сих пор наши отношения с людьми, м<о-жет> б<ыть>, не совсем нормальны, но они объясняются

еще приходится все тащить наизусть
раз. Но еще रहे каникулы, милый
мой? Если хочешь, чтобы кто-то
слышал обо мне, то, как говорится
в одной песенке, «то далека от
меня — между нами ~~море~~
поля и леса, а до смерти Петруше
моя»!

Внимательно мою дорожную
тему. Мой старый офицер

Прощай, Андрей!

Если будет возможность, съезжу
1/2 мига водки. Я пойду и занесу
на почту в день своего приезда.
Никому не говори о моем приезде, я
ни с кем не хочу встречаться.

нашим горем. Прошло уже время, но горе не проходит. Я призван в армию, работаю корреспондентом в “Красной звезде”. Все лето был на фронте, недавно приехал и скоро опять уеду на войну². Я понимаю, Ал<ександр> Ив<ано-ви>ч, в чем твое горе³. Во-первых, тебе надо с А<нной> Вас<ильевной> возвратиться в Москву.

Если, бог даст, я пробуду в Москве, я постараюсь помочь тебе, чтобы Вас обоих вызвали домой. Это я тебе обещаю — свою помощь. Власти и силы у меня нет, но я убедительно попрошу кого нужно. Если Союз не поможет, я попрошу свою военную организацию. Я уже вызвал таким способом тещу⁴ и сестру М. А. — Валю⁵ (Вы их знаете). Думаю, что мне удастся и теперь это сделать. Неужели Союз ничего не сделал⁶? Ведь тебя все знают. То, что ты “не член”⁷, это, конечно, пустяки. Мария Александр<овна> целует вас обоих и передает старый сердечный привет; писать ей самой трудно.

Дружески целую тебя в уста и руку у Анны Васильевны.

Твой старый Андрей Платонов.

31.VIII.43.⁸

.....

Впервые: Воспоминания. С. 436. Публикация Е. Шубиной. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 10–10 об.

На полях письма приписка Марии Александровны: “Привет вам, дорогие! Не сердитесь на меня, я никому не пишу, я только начинаю замечать, что светит солнце и люди живут. Пишите. М. А.”.

- 1 23 августа 1941 г. Вьюрковы были эвакуированы в Киров вместе с учреждением, где служила Анна Васильевна. Из Кирова они сразу написали Платоновым, о чем свидетельствует письмо Марии Александровны (открытка, датируется по штемпелю августом 1941 г.): “Здоровы ли мы? Пока все здоровы, но как долго продлится это здоровье — неизвестно. Андрей здесь, пока. Он призван в инженерные войска, вызывали несколько раз, но еще дома. Тоша уехал с женою туда же, к ее отцу, где и были. Там лучше и покойнее. Настроение мое и старика очень похоже на Ваше, дорогие супруги, дружить не с кем. Все разъехались — скучно и «1 слово нрзб». О своей «бесталанности» не кокетничайте, придет время, и книга ваша выйдет в свет, а автор ее получит заслуженный долгожданный успех и признание. Конечно, нужно выждать время — сейчас не об этом нужно думать, — и нужно рабо-

тать, а не отчаиваться. Демьян (Бедный. — Н. К.) блещет, чуть ли не ежедневно, стихами в газетах (неважными) и, видимо, снова зазнался. Один раз позвонила, хотела поздравить попросту, но у телефона уже сидит тигрица, которая мне невесть что нагородила. Есть люди, которых ничто не исправляет” (РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 1). Сохранились два безответных письма Вьюркова Платоновым, когда Платонов и Мария Александровна с больным сыном вернулись из эвакуации в Москву (Платонов — в сентябре, Мария Александровна — 10 октября). Первое письмо датируется 11 октября 1942 г.: “Милая Мария Александровна и дорогой мой, свет очей моих, Андрюшенька, шлем мы вам наш вятский привет и желаем здоровья и долгожданного жития. Уж больно нам хочется повидать вас поскорее. Верите или нет, но так нас тянет к вам. Соскучились здорово. Тут полно гадалок. Не удержались и мы. Бросили на червонного короля и нам вышло: дальняя дорога, свидание с близкими друзьями — с вами, конечно, казенный дом (пронеси от него, господи), деньги... Во сне снятся часто ангелы... даже сонм их, патриархи, иерархи... и милый сердцу Тверской бульвар. Видим также часто гастроном № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. Это, по-моему, к перемене погоды. Никто нас не вызывает, никто не зовет, а только кличут. Целуем вас крепко, крепко. Ваши Вьюрки” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 6 об.).

Второе письмо без даты, датируется условно летом 1943 г., возможно, именно на это письмо отвечает Платонов:

“Теперь насчет моего творчества. Вы знаете, как мне не повезло с книгой. Знаешь, что я вынужден был, чтобы иметь кусок хлеба, отдавать себя группому. Он съел меня. Съел 10 лет моей жизни. Книга пропала. Наступило трудное время. Я оказался здесь. Крутился, вертелся и верчусь. Как я рассчитывал на членство и не ради членства, а ради права на кусок хлеба, который мне нужен был как освобождение от поисков его, от службы; которое (право) освободило бы меня и дало мне возможность писать. И этого у меня не получилось. Почему? А вот почему. Я послал заявление в Союз, и меня не приняли только потому, что этого не захотел Митрофанов. Меня уведомили: постановили «воздержаться». И я оказался в каком же положении. Ни то я и ни сё. И чтобы жить, мы с Анной Васильевной» впряглись тут в службу. Потом учреждение, которое завезло нас сюда, сократило ее и уехало. Лимит ее на въезд в Москву использовали для кого-то другого, и вместе с ней завяз тут и я. Будучи членом я выбрался бы. Но я оказался вне всякой организации. Вроде какого-то гибрида” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45. Л. 11—12 об.).

2. Всю весну и лето 1943 г. Платонов находился в действующей армии, вернулся в Москву в двадцатых числах августа; в начале октября он снова на фронте (см. примеч. к п. 293). В письме от 25 октября П. Дружинин, отвечая на вопросы Вьюркова об их общих знакомых, сообщал: “Платонов живет все там же, но я его давно уже не вижу в столовой клуба. Раньше он бывал чаще, наезжал с фронта. Он работает, очевидно, в какой-то фронтовой газете. Демьян в Москве, это ты можешь

заклЮчить по его время от времени появляющимся в «Правде» стихотворениям» (РГАЛИ. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 10—10 об.).

3 Крашенина М. В.

4 Трошкина В. А.

5 Мать и сестра Марии Александровны находились в эвакуации в Челябинской области.

6 Группком издательства «Советский писатель», секретарем которого до войны являлся Вьюрков, был ликвидирован в 1943 г., что осложнило положение писателей — не членов ССП. Судя по сохранившейся в фонде Вьюркова переписке и другим материалам, он обращался с просьбой похлопотать о его вызове в Москву не только в официальные инстанции, но и к самым близким друзьям: Н. Замошкину (тот организовал вызов от редакции «Нового мира»), П. Дружинину, С. Беляеву. Будучи секретарем группкома, Вьюрков до войны помогал многим известным писателям (об этом они сами с благодарностью писали в его альбоме) и надеялся на их помощь, когда сам оказался в трудной ситуации. Сходными с Платоновым размышлениями об этой жизненной ситуации делился прозаик С. Беляев в письме Вьюркову от 23 января 1943 г.: «Все твои друзья, которым ты давал по десятке на опохмел и ласково устраивал справки с печатями насчет получения из Литфонда всяких благ и путевок, оказались ж..., безъязычными. <...> Мы, милый, не такие виды выдывали. Уж меня ли не травили, а нате-ка... Уж чего-чего не выдумывали напостовцы, рапповцы, маповцы, задовцы и прочие губербахи, а где они? Литература же наша живет и движется. Растет она трудами не карьеристов, а усилиями тружеников, которые пишут себе и пишут. Я, многогрешный, за время войны пересмотрел своих знакомых и друзей. Война обнажила отношения, и теперь всё ясно, не только в мировом масштабе, но и в узкожитейском. <...> Незаметный парнишка оказывается героем, а знаменитый поэт, клявшийся бородой пророка, спивается, как последний хитровский кот» (Там же. Ед. хр. 107. Л. 20—20 об. В годы войны Беляев, будучи по первой профессии врачом, работал хирургом в московских госпиталях).

7 Из Кирова Вьюрков отсылал в ССП заявление о приеме в Союз, однако ему было отказано в 1942 и 1943 гг. Главным препятствием являлось отсутствие изданной книги. Принят в члены ССП 5 апреля 1949 г.; 20 июня 1950 г. решение комиссии утверждено президиумом ССП. Запись в дневнике 8 августа 1950 г.: «Был в СП. Получил членский билет № 5574. Вручил мне его Анатолий Софронов. Итак. Я — член» (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 77).

8 Сохранились два ответных письма Вьюркова (от 7 и 17 ноября 1943 г.), свидетельствующих об утрате одного или двух писем Платонова. В середине октября Платонов вернулся с фронта в Москву. Если первое письмо с поздравлениями с прошедшим праздником (7 ноября — день Октябрьской революции) могло быть ответом и на письмо Марии Александровны, то письмо Вьюркова от 17 ноября — на утраченное письмо Платонова:

“Дорогой мой, снедаемый самыми нежными чувствами к тебе и милой Марии Александровне, в любви моей вы не сомневайтесь, я для облегчения души своей, истомленной кировскими прелестями и глубоко провинциальным бытием, скукой, тоской и сплошным невежеством, что творится в мире сем, ибо газеты сюда попадают на третий день, радио в городе не работает или работает так, что слушает новости, сам себя, один только диктор, поневоле застонешь о жизни сей и возопишь: Отче, слышишь ли? Чем я тут живу? В духовном смысле. Одной только мечтой о вас, о моих друзьях, о той творческой среде, в которой я находился и чем я жил. Да, Андрюша, я жил, жил в твоём обществе. Последние дни, сознаюсь тебе, видеть тебя и быть в твоём и Марии Александровны обществе были самыми отрадными моими днями, и поэтому я так тянулся к тебе и так надоедал вам... И как же моей душеньке скучно сейчас в этом историческом Щедринском Крутогорске. И тебе, когда будешь писать о нём, обязательно надо побывать здесь, если тебя не удовлетворяют мои рассказы о нём. Что мне хочется сейчас? Побывать на фронте. Видеть всё своими глазами. Самому прочувствовать всё. И если бы можно было поехать на фронт именно с тобой. И первое и самое главное — это пробраться до дому, к чему я принимаю все меры и, возможно, если будет угодно богу и патриарху, при помощи друзей выберусь отсюда. Вот не думал-то, что я застряну здесь. Почему-то мы, по получении вашего письма, больше всего рассчитываем, что именно ты, дорогой мой, вызволишь нас отсюда с Анной Васильевной». Как мы были рады! Крахнула эта надежда. Настроение скверное. Мы тут совершенно одни. Анна Васильевна от такой тоски ходит сама не своя. Плачет. А что я могу поделать? Не могу же я сам себя вызывать. А там дома друзей много, а пообедать негде. Все они до черного дня. Целую вас обоих. Желаю счастья и добра. Вы истинные наши друзья. С вами легко и отрадно. Не забывают и вы нас. Ваш «погроп». Вятские сидельцы” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 45).

.....

---

[293] М. А. Платоновой

3 октября 1943 г.

3/х 43.

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Здесь я ближе к нашему сыну; вот почему между другими причинами я люблю быть на фронте¹. Все время мой сын живет в моем сердце. Должен тебе сказать — отсюда — что ты для меня единственная на живом свете живая часть его, моего умершего сына. Я на подъезде попал ночью в тяжелую автомобильную аварию, но отделался

только измазанной в грязь шинелью. Повезло. Живи, моя дорогая, может быть — увидимся.

Твой старый капитан.

(*Притиска сбоку листа*) (см. продолжение — 2 письмо)

(продолжение) 3/х 43. Дорогая Муся!

Если увидишь Михаила², скажи, что я извиняюсь перед тобой и перед ним за свое поведение. Но ты и он должны извинить меня, потому что мне постоянно так тяжело, что и война для меня отдых. Здесь для меня люди ближе, и я, склонный к привязанности, люблю здесь людей. Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его. Как-то ты там поживаешь, милая моя? Скоро напишу свой адрес.

Твой капитан.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 560. Две почтовые карточки. Публикация Е. Антоновой.

- 1 В октябре 1943 г. Платонов находился на территории, освобожденной в ходе Смоленско-Рославльской операции (15 сентября — 2 октября 1943 г.).
- 2 Возможно, речь идет о Михаиле Александровиче Шолохове.

.....

[294] М. А. Платоновой

4 октября 1943 г.

4/х-43. Дорогая Муся!

Сегодня 9 месяцев минуло со дня смерти нашего сына. Прошло с его смерти ровно столько же времени, сколько он лежал перед рождением в твоём чреве. И вот уже 270 дней прошло, как он ушел ото всех живых, почти триста суток он лежит в земле. Но он оставил после себя свое подобие — милого Сашку. Поцелуй его за меня, дед-а-солдата... Я все время езжу. Трудно приходится, но ничего. Завтра или послезавтра, м<ожет> б<ыть>, буду

в Смоленске. Я на твоей старой родине и тоскую здесь
по тебе¹.

..... Твой А.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 560. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 По словам М. А. Платоновой, ее предки по материнской линии происхо-
дили из Смоленской губернии. В частности, двоюродным братом ее
матери — Марии Емельяновны — был священник села Стегримово
(Смоленская область) о. Тимофей Горанский. Этим объясняется появ-
ление в записной книжке Платонова 1943 г. записи: “Село Стегримо-
во: отец Тимофей, дочь Нина Тимофеевна” (Записные книжки. С. 246).
Возможно, родственницами М. А. Платоновой были и упомянутые там
же Анна Андреевна Пирогова (учительница села Зайцево) и Мария
Алексеевна, урожденная Пирогова (село Деньгубовка).
.....

1944

.....

[294*]

П. И. Чагину

2 февраля 1944 г.:

Директору Гослитиздата П. И. Чагину.

Дорогой Петр Иванович!

Убедительно прошу Вас дать разрешение на получение двух экземпляров

“Ад” Данте¹.

С товарищеским приветом Андр. Платонов

2/II-44.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 624.
Публикация Е. Антоновой.

1 Речь идет об издании: *Данте А. Божественная комедия: Ад* / Пер. М. Лозинского. Илл. Г. Доре. М.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1940. В библиотеке Платонова это издание не выявлено.

.....

[295] М. А. Платоновой

15 марта 1944 г.

М. А. Платоновой.

15/III 44. Дорогая Муся!

Я уже неделя, как живу здесь¹. Всё идет благополучно. Павел Трошкин неожиданно для меня едет в Москву, я спешу тебе написать с ним. Не забудь сделать след<ующее>:

1) Получить деньги в газете “Пионерская правда”, там напечатана моя вещь² (это через Анну Григор<ьевну>, жену В. Елагина³, созвонись через него, как это сделать).

2) Взять у Анны Григ<орьевны> Гольдберг⁴ рукопись “Гроза под Орлом” (она так и не вернула).

3) Взять у Михайловой номер журнала “Октябрь” (кажется, № 9–10), там напечатана “Гроза под Орлом”⁵.

Я у них взял этот журнал, но забыл где-то его, м<ожет> б<ыть>, в “Красной звезде”. Пусть дадут еще этот №р. Я очень прошу их.

Еще что-то нужно, но забыл сейчас.

Как ты живешь там, и здорова ли ты? Как наш славный Сашка и Тамара? Помнит ли он обо мне или уже стал забывать? Поцелуй его за деда-солдата и поцелуй еще могилу нашего сына. Я, наверно, приеду нескоро, дела мои в Москве придут в расстройство. Пусть Кононов направляет мою книжку в работу⁶, я же не могу быть там на своем же вечере⁷. Целую и обнимаю тебя и Сашку.

Пиши мне.

Твой Андрей.

Полев<ая> почта 48828⁸, корр<еспонденту>
“Кр<асной> звезды” А. Платонову.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 561. Лист из блокнота.
Публикация Е. Антоновой.

1 Командировка Платонова на фронт в марте — апреле 1944 г. (п. 295–297) связана с наступлением на Правобережной Украине, а именно с Проскуровско-Черновицкой операцией 4 марта — 17 апреля 1944 г.

- 2 Речь идет о рассказе “Сапер” (сокращенный вариант рассказа “В сторону заката солнца”), опубликованном в “Пионерской правде” 23 февраля 1944 г.
- 3 Елагин Владимир Дмитриевич — редактор журнала “Дружные ребята”.
- 4 Исходя из того, что рукопись рассказа “Гроза под Орлом” была отдана Платоновым в редакцию “Пионерской правды” (см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 23), можно предположить, что речь, как и в предшествующем абзаце, идет о жене В. Елагина.
- 5 Название журнала перепутано, очерк “Гроза под Орлом” был опубликован в журнале “Знамя”.
- 6 Речь идет о попытке издания книги Платонова в Детгизе, куда еще 28 октября 1943 г. писатель передал рукопись сборника рассказов под названием “О живых и мертвых”. В последующем состав и название книги неоднократно менялись, и лишь в начале 1946 г. из печати вышел сборник “Солдатское сердце”.
- 7 Сведений об этом мероприятии на данное время не обнаружено.
- 8 Полевая почта Политуправления 1-го Украинского фронта.
.....

[296] М. А. Платоновой
20 марта 1944 г.

20/III 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Это письмо передаст тебе тов. Бор<ис> Галин, который со мной вылетел из Москвы и на том же самолете возвращается¹. Живу я тут ничего. Сегодня вернулись (нас ездило трое) из поездки под Проскуров². Поездки эти всегда интересны, хотя бывает физически тяжело.

Я еще буду здесь месяц — почти до конца апреля: так Карпов назначил мне быть. Буду здесь ездить и писать, хотя писать трудно — условия неудобные даже для меня, нетребовательного к условиям³.

Но это всё так. Я хотел бы получить от тебя тоже письмо. Я знаю, что тебе живется материально нелегко, и мне сейчас трудно помочь тебе, т<ак> к<ак> я не в Москве, а далеко от тебя. Здесь несколько другой народ, другой его характер, даже постройки иные, чем то, к чему мы привыкли. (Я пишу плохо — свет плохой.) Скоро мы продвинемся дальше на запад. Ты знаешь, я в этих местах никогда не был. Сегодня мы разговарива-

ли с пленным немцем — врачом по профессии⁴ (он говорит по-русски).

Муся! Веди там себя разумно и хозяйственно — не обижайся за совет. Помогай Сашке, сколько можешь, п<отому> что мы оба любим его и я его часто здесь вспоминаю, когда мне бывает тяжело (это бывает часто). Еще тяжелее мне думать о нашем Тоше — неужели его никогда не будет с нами? Мне охота здесь как-нибудь сразу побывать на его могиле. Я ее воображаю себе и его, лежащего в земле. Что еще тебе написать? Я по тебе скучаю, хотя ты была в последние дни несправедлива ко мне. Я скучаю по Сашке.

Посылаю тебе жалкий подарок, больше ничего не умею. По возвращении хочу менять порядок жизни — в том смысле, чтобы моя служба не мешала литературной работе. Я бы мог писать более полезные вещи, чем те, которые (см. приб<авление>)⁵.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 562. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Галин (Рогалин) Борис Абрамович (1904–1983) — писатель, журналист, в 1930-е гг. — специальный корреспондент “Правды”, в годы войны — военный корреспондент “Красной звезды”. О совместном перелете Платонова с Галиным рассказывается в воспоминаниях Д. Ортенберга: “Путь лежал через Киев, недавно освобожденный нашей армией. Когда появились очертания города, Платонов отодвинул колпак и высунул из кабины. — Ты что? — заорал на него Галин. — Заморозить нас захотел? А Платонов, первый раз увидевший освобожденную столицу Украины, взволнованный, стараясь перекрыть шум мотора, показывал: — Смотри... Киев... Мать городов русских... Глаза его были полны слез...” (Воспоминания. С. 111). Происшествие могло стать известным Ортенбергу лишь с чужих слов, поэтому, вероятно, в различных источниках мемуарист датирует его по-разному: в статье, цитированной выше, утверждается, что самолет летел в Москву поздней осенью 1943 г., в книге “Сорок третий: Рассказ-хроника” (М., 1991. С. 367) — из Москвы, на 1-й Украинский фронт, что как раз и соответствует письму Платонова.
- 2 В ходе Проскуровско-Черновицкой операции 5 и 11 марта 18-я и 38-я армии 1-го Украинского фронта, 7–10 марта передовые части танковых соединений вышли на рубеж Тернополь — Проскуров (совр. Хмельницкий) и перерезали железную дорогу Львов — Одесса, главную коммуникацию всего южного крыла немецко-фашистских войск.

Поездка корреспондентов под Проскуров, безусловно, была принята в связи с этими событиями. Они отразились и в записной книжке Платонова, см.: “Станислав (ныне Ивано-Франковск. — Е. А.) — Львов, Тернополь — Волочиск, Проскуров — Жмеринка”, “6/III перерезана дорога (из оперативных сведений)”, “6/III на участке Тернополь — Проскуров. Дорога питала всю южную группу противника” и т. п. (Записные книжки. С. 251). Об этой операции Платоновым был написан большой очерк “Борьба за дорогу”, оставшийся при жизни писателя неопубликованным.

- 3 О неприязнительности и скромности Платонова также упоминается в воспоминаниях Ортенберга со слов Михаила Зотова, возглавлявшего корреспондентскую группу как раз на 1-м Украинском фронте: “В Славуте, на Украине, корреспонденты заняли небольшую хату, откуда только что ушли немцы; не были еще убраны нары, солома. Зотов решил, что молодежь как-нибудь и здесь проживет, а Платонова надо лучше устроить. Он попросил редактора фронтовой газеты полковника Жукова, успевшего занять более благоустроенные дома, приютить у себя писателя. <...> Но когда Зотов попытался увести Платонова на эту квартиру, тот отказался и даже обиделся. Так и остался со всеми, устроившись на полу, где вповалку спали человек двенадцать. <...> Зотов мне рассказывал: — Хата, где мы жили, выглядела столь неприглядной, что Платонов повесил на дверях бумажку с надписью: «Вход в “Дно”», имея в виду пьесу Горького. Себя он назвал Лукой и другим присвоил имена остальных персонажей драмы. Имена эти не прижились, только Платонов сходил за Луку” (*Ортенберг Д.* Сорок третий. С. 369).
- 4 Это событие было зафиксировано и в записной книжке писателя, см.: “Пленный немец (Клайн) — врач в Михальцах» и др. пленные” (Записные книжки. С. 249).
- 5 Окончание письма утрачено.
.....

[297] М. А. Платоновой

30 марта 1944 г.

30/III-44 г.

Дорогая Муся, здравствуй!

Как ты там поживаешь? Как растет и существует Сашка? Я тут живу ничего. Скоро увижу Карпаты. Тут, как ты знаешь, большие события и большие наши победы¹.

Я буду здесь, видимо, еще долго, приеду, м<ожет> б<ыть>, к твоему дню рождения². Меня беспокоит, что ты там без средств. По приезде это всё налажу, потерпи пока.

Напиши мне сюда маленькое хотя бы письмо, оно меня, наверное, еще застанет. Кто у нас там бывает? Какие новости? Бываешь ли ты дома иногда? Я здесь много работаю. Приходится и трудно, и прочее.

Обнимаю тебя. Твой А.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 563. Почтовая карточка.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 К 21 марта советскими войсками были освобождены Хмельник, Винница и Жмеринка, 23 марта — Чортков, 24 марта с ходу форсирован Днестр, 29 марта — Прут и освобождены Черновцы, 26 марта освобожден Каменец-Подольский. В ходе Проскуровско-Черновицкой операции советские войска вышли к предгорьям Карпат.
- 2 Мария Александровна Платонова родилась 14 (27) апреля 1903 г.
.....

[298] М. А. Платоновой

27 июня 1944 г.

Действ<ующая> армия¹, 27/VI 44 г.

Здравствуй, дорогая Муся!

Выбрал свободное время и пишу тебе. Времени здесь не хватает. Я уже написал тебе одно письмо² — получила ли ты его? Я хочу получить от тебя поскорее ответ: как твое состояние, сколько, говоря точнее, ты беременна и как ты себя чувствуешь. Я сейчас получил из Москвы телеграмму за подписью Карпова и Черных³, где говорится “жена (т. е. ты) будет обеспечена, не беспокойтесь”. В телеграмме Карпов похвалил мой очерк “Прорыв на запад”⁴. Меня интересует теперь — чувствуешь ли ты действительно заботу со стороны моего начальства, чем ты будешь обеспечена, — или ограничится дело только тем, что тебе дадут, когда нужно будет, машину?

Как там поживает наш Сашка? Вспоминает ли он меня?

Я вот-вот должен вылететь в Могилев, как только наши войска ворвутся в него. Для меня заказан самолет, и я помчусь⁵. Я видел тут огромные бои, многое пережил,

многое видел прекрасного в наших солдатах, многое понял, чего прежде не понимал.

Я прошу тебя позвонить как-нибудь Валентине Сергеевне (жене Рувима Исаевича Фраермана) и спросить ее — как обстоят дела с печатанием моей книги у них — неужели они все еще маринуют ее⁶? Ведь это не дело! Напиши, кто тебе выплатил гонорар — или никто, я же знаю их, сукиных детей, — “с глаз долой, из сердца вон”: раз меня нету, то можно ничего не платить.

Купила ли ты пальто? — или так и не вышло ничего из-за нашей бедности? Напиши всё подробно, только не сердись на меня. Мне тут совсем не легко. Я знаю, конечно, что тебе, может быть, еще труднее.

Прошу тебя — гуляй по двору с Сашкой, ходи в кино с кем-нибудь, если не с кем, то возьми с собой Марию Емельяновну⁷.

Здесь в Белоруссии красивая кроткая природа: березы, сосны, поля в фиолетовых, лиловых колокольчиках. И я думаю — как хорошо было бы, если б ты, Сашка и тот, кто в тебе еще не проснулся, гуляли все вместе здесь. Поцелуй от моего имени могилу нашего сына.

Обнимаю тебя. Твой Андрей.

<Запись сбоку листа> К 3-48-71 Вал<ентина>

Серг<еевна>.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 564. Публикация Е. Антоновой.

1 Эта поездка Платонова была приурочена к стратегической Белорусской операции 1944 г. Во 2-й половине июня — июле он перемещается с частями 2-го Белорусского фронта и становится очевидцем Могилевской (23–28 июня), Минской (29 июня — 4 июля) и Белостокской (5–27 июля) наступательных операций. Командировка закончилась для Платонова раньше назначенного срока из-за проявившейся болезни. Об этом, к примеру, свидетельствует сохранившийся черновик телеграммы: “Москва. Редакция «Красной звезды», Кривицкому. Платонов заболел, последние дни лежит, работать не может. Доложите Карпову, сообщите, как ему поступить. Милованов” (Архив. С. 412), а также написанное Платонову одним из знакомых фронтовых корреспондентов письмо от 31 августа 1944 г., в котором автор сообщает, как ему довелось узнать

- о болезни своего адресата: "...Прибыл к нам тов. Гроссман и сообщил мне печальную весть о Вас. От него я узнал, что Вы долго болели брюшным тифом и что в настоящее время Вы еще не вполне выздоровели".
- 2 Письмо не сохранилось.
- 3 Черных Михаил Александрович — начальник корреспондентской сети газеты "Красная звезда".
- 4 Очерк опубликован в "Красной звезде" 25 июня 1944 г.
- 5 Могилев был освобожден 28 июня 1944 г. В воспоминаниях Д. Ортенберга ситуация с самолетом описана следующим образом: "Шли бои за Могилев. Командующий армией выделил для корреспондентов «Красной звезды» самолет «У-2». А спецкоров было двое — Павел Милованов и Андрей Платонов. Милованов торопился на самолет, чтобы поспеть ко взятию города. Но Платонов не пустил его. Не захотел остаться. Они упросили командарма дать двухместный самолет и полетели оба. И Милованов, и газета много потеряли бы, если бы Платонов остался в штабе армии. Сам Платонов тоже мог не жалеть, что настоял на своем, — он окупился в самую гущу Белорусской битвы" (Воспоминания. С. 110). Когда и как эта информация дошла до Ортенберга, неизвестно, поскольку с августа 1943 г. он более не являлся редактором "Красной звезды".
- 6 Речь идет о попытке издания книги Платонова в Детгизе, см. прим. 6 к п. 295 29 декабря 1943 г. Платонов передал сотруднице Детгиза В. С. Фраерман новый вариант своего сборника рассказов для детей с вариантами названия "Вся жизнь" / "Цветок на земле" (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 24).
- 7 Кашинцева (Крашенина) Мария Емельяновна — мать М. А. Платоновой.
.....

---

[299] М. А. Платоновой

1 июля 1944 г.

Действ<ующая> армия, 1/VII 1944.

Дорогая моя Муся!

Я написал тебе два письма, это третье. От тебя ничего пока не получил, почта, наверно, идет долго.

4/VII будет полтора года, как скончался Тоша. Это письмо придет позже 4-го июля. Ты, наверно, уже отслужишь панихиду на его могиле. Если почему-либо 4-го не будет панихиды, то отслужи ее позже, и я так же, как и 4-го июля, буду незримо, своею памятью стоять у его могилы и плакать по нем. Вечная память моему мученику-сыну, моему любимцу и учителю, как надо жить, страдать и не жаловаться.

Я хочу тебя попросить немедленно продать мой гражданский костюм и башмаки. Только сделать это надо сразу, без всяких сантиментальностей. Я знаю, у тебя нет денег, а тебе нужно хорошо питаться, нужно пить молоко. Сашке тоже нужно молоко, а оно дорого. Если у тебя родится хилый ребенок, он будет нам очень дорого стоить. Поэтому нужно немедля реализовать все мои гражданские вещи, в том числе и пальто, — они мне потребуются скоро, да у меня найдется тогда и другая одежда. И на эти деньги надо усилить питание в твои последние решающие месяцы. Сашке тоже нужно молоко, он сейчас запасается силами на всю жизнь. А помочь мне вам иначе трудно. Сделай это, пожалуйста, всерьез и пойми просто, а то мне же потом хуже и труднее будет. В “<Красной> звезде” по сегодняшний день, по 1/VII, напечатаны 3 моих очерка¹. Попроси (позвони) Кривицкому² или Черных, чтобы они устроили тебе выплату гонорара и затем пусть позвонят, когда тебе прийти за получением денег. Это можно сделать немедленно и легко.

Если ты читаешь газету, ты знаешь, где я примерно нахожусь³. Работы и езды очень много. Некоторые ночи не приходится спать совсем. Тут стоит жара, пыль, я еле успеваю изредка мыться в речках и очищаться от грязи. Мы громим немцев здесь так, что от них только прах летит, и гоним их на запад с такой скоростью, с какой никогда еще они не отступали.

В Могилев прилетал Е. Кригер⁴ (ты его знаешь), но я его не видел, он был в воздухе на самолете, а я ходил на земле по городу. Когда приеду, поговорим подробно. А когда приеду — сам не знаю. Я сильно скучаю по тебе и по Сашке (кто ему заместит меня — никто не может: мы с ним нашли общий язык; я ему привезу или пришлю какие-нибудь пустяки). Узнай в “Советском писателе” и в “Детском издательстве” — как обстоят дела с изданием моих книг⁵. Если что нужно очень срочно и важно — поговори с Черных; он найдет возможность запросить или сообщить мне срочные дела по телеграфу.

Итак, еще раз, немедленно реализуй мою гражданскую одежду. Мне она не нужна. Мне будет дешевле всё потом приобрести, нежели выкармливать и лечить без конца больного или хилого ребенка. Мне выгодней и удобней, чтобы ты поступила так именно, как я прошу.

Вот все.

Целую и обнимаю тебя. Твой Андрей.

Привет Тамаре, Петру Трошкину, Вале, родителям Тамары, Марии Емельяновне.

Целую Сашку.

Адрес: Полевая почта 02961⁶,

майору А. Платонову.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 565–566. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Очерки “Прорыв на Запад”, “Дорога на Могилев” и “В Могилеве” (опубликованы 25, 28 и 29 июня).
- 2 Кривицкий Александр (Зиновий) Юрьевич (1910–1986) — начальник отдела литературы и искусства газеты “Красная звезда”.
- 3 В это время войска 2-го Белорусского фронта, вместе с которыми перемещался Платонов, наступали в направлении Минска.
- 4 Кригер Евгений Генрихович (1906–1983) — советский сценарист, журналист, очеркист, специальный корреспондент газеты “Известия” с 1932 по 1973 г.
- 5 Речь идет о книгах, известных как “В сторону заката солнца” (1945) и “Солдатское сердце” (1946). Издательская история сборника “В сторону заката солнца” охватывает август 1943 — май 1945 гг. Книга в ее первоначальном составе была сдана писателем в “Советский писатель” 28 августа 1943 г., в сентябре книга читалась рецензентами О. Резником и В. Бахметьевым, 7 октября вопрос о ее издании обсуждался на заседании редсовета, после чего сборник был отдан на дополнительную читку А. Гурвичу и Г. Шторму. Договор на издание сборника был заключен с Платоновым 21 октября. Затем, как это обычно случалось с книгами Платонова, началось неоднократное переформирование ее состава под давлением редакции. Известно, что на 1 сентября 1944 г. сборник только еще находился в наборе, а к печати он был подписан 14 марта 1945 г. В этом временном промежутке верстка “В сторону заката солнца” побывала в Главлите и в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), причем Главлит первоначально отказал в выдаче разрешения на печать (см.: Антонова Е. Платонов в 1942–1945 гг. // Архив. С. 418–422). Об истории издания сборника “Солдатское сердце” см. примеч. 6 к п. 295.
- 6 Полевая почта политотдела 10-й армии (в апреле 1944 г. на базе управления 10-й армии было создано управление 2-го Белорусского фронта).
.....

13 июля 1944 г.

Действ<ующая> армия, 13/VII.

Дорогая Муся!

Я пишу тебе уже четвертое письмо. От тебя еще не получил ни одного. Может быть, это потому, что мы все время движемся вперед, все время наступаем, и я всё более удаляюсь от дома.

Прошу тебя, чтобы не забыть, скажи Митрофанову¹ или Ступнику² (в издательстве “Советский писатель”), чтобы они рассказ “Счастливый корнеплод” сняли из сборника, потому что он, этот рассказ, по своей теме и духу выпадает из общего строя книги³. Так им и скажи. Пусть, следовательно, они не печатают его.

Как твоё положение? Наверно, уж скоро у нас будет сын или дочка. Дочку надо назвать Марией — пусть будет еще одна, но только маленькая, Муська. А сына — не знаю как. Тошей — нельзя. Надо выбрать другое имя. Я слышал здесь, что вышел очень хороший закон о матерях и детях⁴, но сам его не читал. Говорят, там предусмотрена большая помощь беременным женщинам, следовательно — и тебе.

Я нахожусь далеко. Здесь есть развалины старинных замков, природа здесь и люди — другие, но я скучаю по тому, что более мне знакомо и привычно, скучаю по тебе и по Сашке. Сашка, наверно, вырос без меня и научился говорить много новых слов. Когда же я вас увижу обоих, а может быть, увижу и того или ту — третью душу?

Работать приходится много и в трудных условиях, но я всё это выношу, только здоровье у меня начало слабеть. Кривицкий говорил мне, что меня вызовут (он так сделает) примерно через месяц. Скоро, на днях, как раз будет месяц. Не знаю, выполнит ли Кривицкий свое обещание — поговорит ли он с Карповым, и согласится ли еще тот вызвать меня. Материалов у меня очень много, чтобы

писать, но здесь, конечно, я не успеваю и не смогу их использовать. Вообще я зашил со своими обязанностями, поэтому дела мои плохие и ты живешь нищенкой.

Жду от тебя письма, моя дорогая. Крепко тебя целую. Поклонись за меня праху нашего сына. Поцелуй внука.

Твой Андрей.

Привет и поклон Тамаре, ее родителям, Петру и Вале, Марии Емельяновне.

Мой адрес: Полевая почта 02961,
майору А. Платонову.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 567. Публикация Е. Антоновой.

- 1 А. Г. Митрофанов был редактором книги Платонова “В сторону заката солнца”, вышедшей в издательстве “Советский писатель” в 1945 г.
- 2 А. М. Ступникер, очевидно, в это время работал в издательстве “Советский писатель”.
- 3 Речь идет о книге “В сторону заката солнца”, см. примеч. 5 к п. 299. Рассказ “Счастливый корнеплод” не входил в первоначальный состав сборника, а был, наряду с несколькими другими текстами, представлен Платоновым в издательство в ходе переработки состава сборника. Вероятно, Мария Александровна по каким-то причинам не успела выполнить поручение мужа, так как рассказ “Счастливый корнеплод” оказался объектом критики во внутренней рецензии Митрофанова от 28 июля: “В «Счастливом корнеплоде» автор выводит лейтенанта интендантской службы Харчеватых, «известного своей инициативностью». <...> Автор задумал дать в своем Харчеватых некий собирательный образ человека бездумного, который ничему не научился на войне, который не чувствует сердцем грозных и священных событий, участником которых он является, не понимает привязанности крестьянина к родному пепелищу и вообще высоких чувств. Тупой деляга, мастер мелких дел, привыкший проявлять шумную, но бесплодную инициативу, утилизатор. Но сатиры не получилось — слишком уж чудовищно и развязно глуп Харчеватых. Он никак не типичен и, да простит мне А. Платонов, — автор его просто выдумал. И это впечатление нехудожественной, неоправданной выдумки, вернее, надуманности — не покидает читателя на протяжении всего рассказа” (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 9. Ед. хр. 15. Л. 99–100).
- 4 8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»”.

.....

17 июля 1944 г.

17/VII 44.

Дорогая моя Муся!

Вчера я получил твоё письмо от 4/VII — первое, что я получил здесь. В одном из прежних писем я писал тебе, чтобы ты обязательно продала мой гражданский костюм, пальто и ботинки. Я объяснял тебе, для чего это нужно. Зная твоё своеобразие, повторяю свою просьбу. Денег у нас, т. е. у тебя, сейчас почти нет или очень мало. А ты носишь ребенка, идут самые решающие месяцы. Кроме того, есть еще Сашка, который каждый день хочет пить молоко. Я от вас очень далеко и, м<ожет> б<ыть>, не скоро вернусь. Если ты будешь плохо питаться, то плохо, со многими неисчислимыми последствиями потом, будет новорожденному. Плохо будет и Сашке — у него сейчас критический рост, строится его организм. А твой ребенок сейчас образуется — ему нужна масса всяких веществ, которые он берет только от тебя, а ты сама, наверное, не доедаешь как следует. Пойми это серьезно. Потом нам это станет куда дороже в сотни раз, если ты не исполнишь моих “директивных указаний”. Гражданское платье мне совершенно не нужно, едва ли оно скоро потребуется, да и вообще это не задача: когда придет время одеть его, тогда и оденусь заново. Следовательно, немедленно продай мою гражданскую (всю) одежду и на эти деньги питайся как можно лучше.

Прошу тебя, сделай это скорее и пойми мое беспокойство. Из тех вещей, что дали в Союзе, сшей себе, что тебе надо. Мне эти вещи вовсе не нужны.

Я нахожусь далеко. Ты знаешь, что мы взяли уже Гродно¹, мы идем быстро. Вижу и испытываю здесь много. По моим напечатанным в сокращенном виде очеркам² можно понять кое-что, где я нахожусь, что вижу и что делаю. В том, что я там в Москве “обойден” хозяйственными умниками, кроме судьбы, я вижу еще и простое безобразие.

Но я не по ним равняюсь, не с них пример беру, я равняюсь по народу и по нашим солдатам. А если бы все же лютого из этих хозяйственных деятелей послать сюда, чтобы он сделал хоть одну перебежку под немецким артиллерийским огнем, километра в 2, как я это делал с большим сердцем³, то он бы понял, почему надо быть справедливым, однако все равно не научился бы справедливости. Они знают лишь одну науку — рвать, ничего не давая. Ну, черт с ними, с этими блатными. Не в них сила и соль.

Пиши мне, дорогая. Исполни, что я здесь прошу. Гуляй с Сашкой, ешь больше и лучше. Сейчас едем вперед, все далее на запад. Надеюсь, увидимся скоро. Целую и обнимаю тебя крепко. Я знаю, как тебе тяжело. Поцелуй за меня изголовье могилы моего святого любимца. Поцелуй Сашку.

Привет всем, кто помнит меня.

Твой Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 568–569. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Город Гродно был освобожден советскими войсками 16 июля 1944 г., в ходе Белостокской наступательной операции.
- 2 Речь идет об очерках “Прорыв на Запад”, “Дорога на Могилев”, “В Могилеве” и “Падение немца”, опубликованных в “Красной звезде” 25, 28, 29 июня и 4 июля.
- 3 Свидетельства того, что на фронте корреспондент Платонов не боялся рисковать своей жизнью, обнаруживаются и в воспоминаниях Д. Ортенберга. Одно из таких событий относится ко времени орловской командировки Платонова 1943 г. и изложено Ортенбергом со слов П. Трояновского, в свою очередь узнавшего о происшедшем от некоего капитана Андреева, проводника Платонова по расположению одной из дивизий: “Самым трудным и опасным участком боевых позиций дивизии была высота 140. <...> Но чтобы туда попасть, надо было преодолеть несколько десятков метров ползком или броском. Андреев довел Платонова до конца траншеи, и они оба какое-то время наблюдали, как на высоту добиваются бойцы. Большинство из них преодолевали опасное пространство бегом, немцы открывали огонь почти по каждому бегущему человеку. — Какой выберем способ? — спросил Платонов. — Я бы предложил ползком, — ответил капитан. — Безопаснее. — Нет, капитан, — решительно ответил писатель. — Бежим! Андреев сам предпочел бросок, но не знал, хватит ли сил и выдержки у Платонова, да еще помнил наказ Трояновского — беречь писателя. — Это был отличный бросок! — рассказывал Андреев. — Немцы открыли огонь, но мы уже достигли мертвого про-

странства. Пробыл Платонов на высоте почти сутки. На обратном пути опять перебежка. И тут вот что случилось: немецкая пуля настигла Платонова, но ударилась в складной ножик, который лежал в кармане, и погасла. Однако удар был сильный, и Платонов захромал. И все же ни дня, ни часу не позволил себе сделать передышку” (Воспоминания. С. 108).
От П. Милованова Ортенберг узнал о следующем случае из Белорусской поездки Платонова: “Были они [Милованов и Платонов] в дивизии генерала Красноглазова. Шел тяжелый бой в условиях так называемого «слоеного пирога». Обстановка была неясной даже для самого генерала, и он категорически не пускал корреспондентов в полки. Платонов выслушал комдива, а когда вышли из его блиндажа, сказал: — Пойдем!.. Настоял, и они пошли в полки” (Там же. С. 107).
.....

[302] В исполком Советского района г. Москвы

14 сентября 1944 г. Москва

В исполнительный комитет

Совета депутатов трудящихся Советского района г. Москвы.

Прошу Вас рассмотреть мою просьбу об усыновлении моего внука Платонова Александра Платоновича — и удовлетворить мою просьбу, оформив ее законным порядком¹.

Эта моя просьба вызвана следующими причинами:

1. Мой сын Платон Андреевич Платонов умер 4 января 1943 года от туберкулеза легких в возрасте 20 лет. Незадолго до смерти, ясно понимая свое безнадежное положение, он обратился ко мне и своей матери, моей жене, с просьбой не оставить его сына Александра, тогда только что родившегося, нашим постоянным попечением. Сын просил нас <два слова нрзб> содержать его рожденного ребенка, но именно усыновить его, заботиться о его воспитании, помогать ему вплоть до его зрелости во всех отношениях. В день своей смерти наш сын, очнувшись от агонии, повторил свою просьбу. Мы с женой уверили сына, что его просьба будет нами свято исполнена. И наш сын умер.

Уже одной этой причины достаточно, чтобы дать мне право на усыновление своего внука, потому что испол-

нение завещания умершего отца должно быть священным и обязательным делом.

2. Мать моего внука, Тамара Григорьевна Платонова — молодая женщина, студентка Строительного института. Она должна учиться до окончания института еще несколько лет. Сейчас, а равно и в предстоящие годы ученья она не имеет и не будет иметь заработка, поэтому она сама нуждается в материальной поддержке, следовательно, тем более она не в состоянии содержать ребенка. Понятно, однако, что из этого не следует, что права Т. Г. Платоновой как матери должны быть как-либо ущемлены. Вопрос идет лишь об усыновлении мною, на правах отца, своего внука, причем без согласия Т. Г. Платоновой как матери я никаких мер в отношении, скажем, места проживания усыновляемого внука, методов его воспитания и пр<очего>, с чем, допустим, не будет согласна Т. Г. Платонова, принимать не буду. Права Т. Г. Платоновой должны быть полностью сохранены за нею, я же беру на себя в отношении усыновляемого внука, по существу, только материальные и нравственные обязанности, избавляя от них, пока я жив и работоспособен, и мать, и государство. Это совершенно ясное и бесспорное положение.

3. Как писатель, я имею литературное наследство, т. е. изданные книги, напечатанные в журналах произведения, драматургические произведения и другие литературные работы. Как уже изданные литературные произведения, так и те, которые издаются теперь и будут изданы в будущем, хочу завещать своему усыновляемому внуку — с тем чтобы он, после моей смерти, стал моим душеприказчиком. Опыт прошлого показал, что такого рода своеобразное наследство, как литературные произведения, нуждается в наследниках-душеприказчиках, а таковыми, конечно, могут быть лишь самые близкие по духу и по плоти люди. Я хочу, чтобы моим наследником-душеприказчиком явился усыновленный внук.

Если в дополнение к изложенной просьбе Вам необходимы будут какие-либо новые данные, то я их немедленно представлю Вам.

Майор, член Союза Советских писателей, специальный военный корреспондент газеты “Красная звезда”.

Москва, 14/IX 1944 г. Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27, тел <ефон> 19663.

Андрей Платонович Платонов.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 94. Л. 1–2 об.

В конце письма почерком Платонова сделаны приписки от лица жены и невестки: “Против усыновления моим мужем А. П. Платоновым нашего внука Александра Платоновича Платонова не возражаю и поддерживаю ходатайство мужа.

Присоединяюсь к ходатайству А. П. Платонова; выражаю со своей стороны желание, чтобы мой сын Александр Платонов, в его собственных интересах, был усыновлен А. П. Платоновым”.

- 1   Усыновление внука Александра не состоялось. Вдова Платона Тамара вышла замуж за Павла Петровича Зайцева, фамилию которого и носил в дальнейшем внук Платонова.
.....

[303] М. А., М. Ан. и А. П. Платоновым

24 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 24/1-45.

Дорогая Мума, дорогая маленькая Кхы¹ и героический младенец Сашка!

Два дня как я приехал сюда. Мне сказали, что телеграммы идут так же долго, как письма, поэтому пишу письмо.

Здесь сейчас прохладно, но все же часто светит солнце; за моим окном, возле которого стоит моя койка, круглые сутки шумит и вздыхает синее Черное море. До моря от меня метров десять. По другую сторону — горы. По их вершинам ползут серые зимние тучи, будто там небо срачивается с землей. Деревья и прошлогодние травы стоят зеленые. Вчера я первый раз ходил один далеко по берегу моря. Я вспоминал того, кого мы потеряли, кто тоже видел когда-то это море и слушал его волны. Сюда я ехал на машине через Алушту. Там цела генуэзская башня, где мы гуляли все трое когда-то²... Но нынче “позарастали стежки-дорожки”³, и один я, самый старший из вас, еще брожу здесь. Ты сказала на прощанье, что завидуешь мне, а я завидую тебе. Я не хотел сюда ехать, мне очень тяжело здесь. Больше месяца я здесь не буду.

Меня здесь лечат. Кормят здесь чрезвычайно обильно, мне это неприятно. Завтрак из трех блюд, обед из четырех, ужин тоже — постоянно дают мясо, масло, сало и пр<очее>. Меня тяготит это насыщение. Я живу в комнате, где нас четверо. Работать не очень удобно, но я уже начал писать, пишу на большом подоконнике, поглядывая на море. Сейчас оно синее и освещено утренним солнцем, но дует ветер, холодные волны катают камешки на берегу и они шипят в белой пене. Как бы здесь можно жить, если бы со мной здесь были мой живой сын и две Мумы.

Я все время помню ее, мою маленькую Кхы! Чувствую, что полюбил ее до болезненности, помню ее улыбку и все движения ручками и ножками. Напиши мне о ней всё подробно. Сашка, наверно, вспоминает про Лея⁴. Скажи, что я скучаю здесь по нем и люблю его по-прежнему. Пусть он ждет меня. Не знаю, что можно привезти ему в подарок. Здесь это трудно, но что-нибудь придумаем.

Режим здесь довольно суровый, время идет однообразно; много часов отнимают разные процедуры, врачебные осмотры и т. п.

Напиши мне — только сразу же, чтобы письмо твое застало меня здесь, — напиши про все дела и новости. Если что нужно срочно, принимай решение сама за меня, но сначала обдумай. Получила ли ты деньги?

Еще одна просьба к тебе. Когда к нам приходил в гости Елагин, я занял пол-литра водки с бутылкой у Мих<аила> Никитина⁵. До сих пор я не отдал долга. Не можешь ли ты отдать эти пол-литра с бутылкой Никитину? Отдай, пожалуйста, я забыл про этот долг.

Если ты получила деньги полностью и у тебя есть возможность — пришли мне телеграфом сюда 500 р<ублей>, м<ожет> б<ыть>, я по дороге отсюда куплю что-нибудь в подарок Сашке и Кхы.

А тебе я подарю что-нибудь в Москве, моя дорогая. Отсюда же я могу привезти только вечнозеленую веточку в вечную память о нашем сыне, герое, святом и мученике.

Я здесь, а он лежит в ледяной могиле.

Пиши мне. Обнимаю тебя. Целую Кхы и Сашку.
Привет Ещебабе⁶, Тамаре, Гр<игорию> Гр<игорьевичу>⁷,
Анне Савел<ьевне>⁸, Петру и Вале.

Андрей.

(*Приписка сбоку листа*) Адрес: Крым, Гурзуф, са-
наторий, майору Платонову.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 570–571. Публикация
Е. Антоновой.

- 1 Шуточное прозвище дочери Платонова — Маши.
- 2 Начиная с 1927 г. Платонов регулярно отправлял на отдых к морю жену и сына. Всей семьей Платоновы отдыхали в Крыму летом 1936 г.
- 3 Слова из одноименной русской народной песни “Позарастили стежки-дорожки, / Где проходили милого ножки...”
- 4 Искаженное детским произношением имя Андрей.
- 5 Никитин Михаил Александрович (1903–?) — писатель, очеркист, сосед Платоновых по дому.
- 6 Вероятно, шуточное прозвище матери Марии Александровны — М. Е. Кашинцевой.
- 7 Турулько-Тарновецкий Григорий Григорьевич — отец Тамары Платоновой.
- 8 Турулько-Тарновецкая Анна Савельевна — мать Тамары Платоновой.
.....

---

[304] М. А. Платоновой
27 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 27/І 45.

Дорогая моя Мума Большая!

Пишу тебе второе письмо. Живу я здесь ничего; только холодно здесь, топить здесь не привыкли. Место само по себе тут прекрасное. Сейчас я пишу тебе, и передо мной — за окном — бесконечное пространство моря, освещенного по горизонту серебристым светом. Как бы хорошо здесь нести на плечах Сашку, а в руках Машку-Кхы и брести по берегу у черты прибоя! Но пока это невозможно. Как ты там живешь? Трудно, наверно, кормить тебе ребенка. Тебе надо кушать очень хорошо, а ты ешь как и что попало — и ребенку хуже, и сама слабеешь. Мне здесь тя-

жело еще оттого, что кормят меня здесь на убой. Здоровье мое вначале здесь стало хуже, появилась т и озноб, теперь всё прошло, но рентген показал много очагов и какой-то плевритный шов, а плеврита у меня не было. Лечат здесь ничего, я принимаю разные лекарства, часть из них, как пу-
стыяковые, выбрасываю. Тут чисто военный санаторий, есть люди интересные с резким большим характером, есть и другие.

Как там моя Машка, моя Кхы? Сидит ли она? Я по ней скучаю, я мечтаю, что когда-нибудь привезу ее сюда на море и она, вместе с Сашкой, будет здесь играть в песочке, как когда-то здесь же в Крыму играл ее старший брат. Но когда это будет?

Сюда газеты идут очень долго, но у нас, мы слышим здесь, великие победы. Это питает великие надежды, что скоро будет победа.

Я часто представляю себе, как вы там трудно живете одни, и мне нехорошо, что я здесь избавлен от всех забот, окружен вниманием как больной, хорошо питаюсь, живу на берегу синего моря. Но в душе у меня непреходящая черная печаль. Дела мои в литературе плохие, будущее мое темно, а от меня зависят маленькие прелестные существа — Кхы и Сашка. Вспоминает ли обо мне Сашка?

Напиши мне обо всем и обо всех и подробно о самой себе. Ты, должно быть, постоянно ходишь разбитой оттого, что тебя иссасывает Машка. Не пора ли ее подкармливать?

Пиши скорее. Письма идут долго. Привет тебе от моря и от гор. Целую тебя, Машку и Сашку. Андрей.

(*Приписка сбоку листа*) Адрес: Крым, Гурзуф, санаторий, мне.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 571–572. Публикация Е. Антоновой.

.....

[305] М. А. Платоновой
31 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 31/1 45.
Дорогая моя Мария!

Пользуясь случаем, что в Москву едет один мой товарищ по палате, посылаю эту записку. Я тебе послал 3 письма, кроме этого, и одну телеграмму. Старожилы говорят, что письма, равно и телеграммы, идут 8–10 дней в один конец. Ты учти это. Я прошу тебя:

1) Позвони Р. И. Фраерману — пусть он поговорит с Валент<иной> Сергеевной и Кононовым — когда же они, наконец, издадут в Детиздате мою книжку “Солдатское сердце” — идет уже второй год, как она принята¹. Скажи Фраерману — ведь я приеду в Москву ненадолго, потом уеду на фронт², мне деньги нужны, и я бы мог их получить в расчет за книжку;

2) Позвони Кривицкому, узнай деликатно (скажи, что я прислал письмо), почему же до сих пор не напечатан мой рассказ³. Ведь от этого зависит так много, чуть не всё мое здоровье и вся жизнь. Он должен понимать.

Я живу тоскливо. Идет дождь чуть не круглые сутки. Курю траву, табаку нет. Вина не пью, его нет, а если есть, то слишком дорого. Выеду домой не позднее 18/II. Поцелуй мою ясноглазую Кхы и пожми руку нашему Сашке.

Обнимаю тебя. Андрей.

(*Приписка сбоку листа*) Р. С. Если ты мне не перевела денег (я просил в первом письме), то переведи телеграфом, если можешь, рублей 200, а не 500, как я просил сначала.
.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 572. Публикация Е. Антоновой.

1 См. примеч. 6 к п. 295.

2 На настоящее время документально подтвержденных сведений о поездках Платонова на фронт в 1945 г. не имеется. В справке от 7 апреля 1951 г. о службе Платонова в газете “Красная звезда” сообщается, что он являлся фронтовым корреспондентом по 5 мая 1945 г., 5 июля ему был предоставлен отпуск в связи с болезнью (6 июля датировано заявление Платонова в Литфонд на получение двух путевок в дом отды-

ха в Переделкино, до 5 августа, см.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6); затем 1 сентября ему был предоставлен двухмесячный отпуск на санаторное лечение. Приказом начальника ГлавПУРКА от 18 декабря 1945 г. Платонов был уволен в запас.

3 Возможно, речь идет о рассказе “Один бой”, опубликованном в “Красной звезде” 18 и 20 февраля 1945 г.

[306] М. А., М. Ан. Платоновым и М. Е. Кашинцевой
12—13 сентября 1945 г. Ялта

Ялта, 12 сент<ября> 1945.

Здравствуй, дорогая Муся, затем маленькая
Мусенька-Машенька и Мария Емельяновна!

Я только первый день в санатории. Санаторий очень хороший, он не в городе, а в окрестностях города, в горах. Кормят здесь очень обильно и хорошо: 5 раз в день, дают ежедневно виноград и фрукты; я с трудом справляюсь с таким обилием пищи. Здесь в этом смысле еще лучше, чем в Гурзуфе. В то же время я помню, как живешь и питаешься ты, Машка и Саша, и мне трудно здесь наслаждаться этой пищей. Здесь преимущественно лежат тяжелые больные, есть и такие, как наш Тоша.

Из окна палаты, где я лежу, видны почти вся Ялта и полукруглый залив. Здесь дождей нету, светит солнце и жаркая погода. На море небольшое волнение, по синим волнам бегут белые барашки. (Ты помнишь, должно быть, эту картину.) И я думаю, как хорошо бы тут быть тебе, Маше и Саше. Как бы тут вздохнули и оправились наши дети. Но нельзя еще, может быть, на будущий год удастся... Ехал я сюда в тяжких условиях, три ночи почти не спал. Для меня это еще терпимо, но ты с Машкой не вытерпела бы.

Состояние мое неплохое: я сплю, ем, думаю найти возможность здесь работать, долго оставаться здесь не хочу. Режим здесь суровый, врачи внимательные и как будто знающие.

Теперь хочу попросить тебя написать мне подробно: как уху у нашей Маки, идет ли еще гной или она выздоровела совсем? Как наш славный Сашка? Как ты сама? Я знаю, как трудно тебе. Ты совсем без денег. Не забудь вы-

брать из шкафа все вещи, перед тем как его увезут. Времени я так живо и вещественно представляю себе Маку, как она тянется ко мне ручками, как я гулял с ней по утрам, с нашей крошкой, у которой лицо младенца и глаза мудрой старушки. Больше я постараюсь с ней не расставаться.

Сашка, наверно, вспоминает меня. Я ему пошлю письмо отдельно, чтоб доставить ему удовольствие.

Я тебе не оставил доверенность на получение денег в “<Красной> звезде”. Но ты составь ее сама — таким образом:

“Доверенность. Заработ<ную> плату за сентябрь м<еся>ц <19>45 г. доверяю получить моей жене — М. А. П.”, — поставь мою подпись и заверь ее.

Сейчас здесь вечер. Вдали видна Ялта. Море утихает. Как темные свечи стоят кипарисы. Прекрасно здесь, если бы люди могли быть вместе там, где они наиболее чувствуют тоску друг по другу.

Поцелуй за меня Машу в ее ясные разумные и дикие глазки, поцелуй нашего бедного Сашку.

Обнимаю тебя. Привет Тамаре и ее родителям и Марии Емельяновне.

Твой Андрей.

Мой адрес: Крым, Ялта, Симферопольское шоссе. Центральный санаторий Красной Армии № 1, мне.

Хотел написать отдельное письмо по поводу дня рождения Тоши, но боюсь, что оно не успеет дойти до тебя к 22 сентября. Поклонись его праху от меня и поцелуй землю в голове нашего первенца, нашего святого мученика. Если будет у тебя возможность, подари Саше что-нибудь 22/IX, раз уж нельзя ничего подарить его отцу. Тоша будет доволен тем, что сын его получит подарок, раз он сам, Тоша, уже не может получить подарка от нас.

Поздравь Тошу с днем его рождения и поцелуй его через землю.

Сегодня 13/IX. Вчера не знал, где отправляют тут письма. Забыл еще одно дело. Позвони в “Гудок” тов. Смуглому¹ (у нас в книжке есть телефон “Гудка”). Спроси

у Смуглого: что они сделали с моим рассказом “Механик”², который я послал на имя Березина³. Затем — попроси его прислать курьера и дай Смуглому рассказ “Машинист Мальцев”, взяв его из второго экземпляра сборника⁴, что перепечатала Дарья Ник<олаевна>⁵.

Пока все. Снова обнимаю и целую тебя, Машку, Сашку.

Андрей.

Напиши мне сразу письмо.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 573–574. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Смуглый — неустановленное лицо.
  - 2 Рассказ “Механик” (= “Старый механик”) под названием “Жена машиниста” был напечатан в газете “Гудок” 30 сентября 1945 г.
  - 3 Березин Данил Семенович — редактор газеты “Гудок”.
  - 4 Возможно, речь идет о сборнике “Вся жизнь”, представленном Платоновым в издательство “Советский писатель” в сентябре 1945 г. Более подробную историю этой неизданной книги Платонова см.: Антонова Е. Платонов в 1942–1945 гг. // Архив. С. 423–424.
  - 5 Часовитина Дарья Николаевна (1896–1966) — незаконная дочь великого князя Николая Константиновича; машинистка, перепечатававшая рукописи многих известных писателей.
- .....

---

[307] М. А. и М. Ан. Платоновым
15 сентября 1945 г. Ялта

15/IX–45 г.

Дорогая Муся и маленькая Мума!

Я Вам написал одно письмо. Это второе. Муся, я прошу тебя не забыть о двух делах: 1) если увидишь Мих<аила> Ал<ександровича> Ш<олохова>, то скажи ему прямо — не сможет ли он оказать помощь в смысле разрешения к постановке пьесы “Волшебное существо”¹ — через ту инстанцию, где это делается, он знает; один экземпляр, напечатанный на машинке, у тебя есть. Если М<ихаил> А<лександрович> согласится, дай ему пьесу, но только тут потребуется некоторая энергия с его стороны.

И — 2) если увидишь Вас<илия> Вас<ильевича> Шкв<аркина>, скажи, что я предлагаю ему совместно написать комедию, как только возвращусь, скажи, что я прислал с этим предложением письмо, как оно и есть. Вот пока всё, но это важно.

Целую и обнимаю тебя и Маку.

Твой А.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 574–575. Почтовая карточка. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Пьеса “Волшебное существо” известна как написанная Платоновым в соавторстве с Р. Фраерманом. Автограф пьесы выполнен Платоновым. То, что пьеса со всей вероятностью должна была оказаться непроходной, видно уже по направленному Фраерману отзыву члена редколлегии журнала “Знамя” критика А. Тарасенкова (датируется 17 октября 1944 г.): “Многоуважаемый тов. Фраерман! Я прочел Вашу (совместно с тов. Платоновым написанную) пьесу «Волшебное существо». Скажу прямо: произведение это вызвало у меня резко отрицательное отношение. Идея пьесы мне совершенно неясна, и я склонен даже думать, что ее в произведении, по существу, вовсе нет. Всё в пьесе крайне смутно, расплывчато. Для чего она написана? О чем? <...> Я очень удивлен, как вы могли под всем этим поставить свою подпись после Вашей такой чистой, ясной и романтической прозы. Честно говоря, не понимаю. Возвращаю Вам рукопись. С товарищеским приветом. Ан. Тарасенков” (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 10. Ед. хр. 14. Л. 27). На настоящее время сведений об участии М. Шолохова в судьбе этого произведения не имеется.

.....

[308] М. А. Платоновой

16 сентября 1945 г. Ялта

Ялта, 16/IX 45.

Дорогая Муся!

Это второе письмо. Хочу с тобой посоветоваться.

Меня тут хотят поддувать — накладывать пневмоторакс¹, затем, возможно, подрезать нервы и подтягивать легкое. Второе — хирургическая операция, после нее бывает тяжело и можно остаться совсем калекой. Я пока что отказался ото всего, хочу лечиться только питанием, режимом, воздухом, но каверны открыты по-прежнему (еще мало прошло времени). Врач говорит, что каверны у меня сами по себе едва ли

закроются. Но если стать на путь операций, то их может быть несколько, и что получится — тоже неизвестно, а я проведу здесь долгое время и выйду верным калекой. Я решил не идти по этому пути. Пусть будет что мне суждено.

Я думаю, что ты со мной согласишься. Я уже немолод, может быть — проживу и с кавернами, и с чахоткой; лечиться же без конца, оперироваться, без конца лежать в санаториях, в клиниках — это не жизнь, это полусмерть. Сейчас у меня неплохое состояние, я почти все время нормальная, только слабость. Но здесь кормят исключительно хорошо. Достаточно сказать тебе, что завтрак состоит из трех горячих блюд, ужинов бывает не один, а два — в 8 и 10 часов вечера; каждый день — виноград 1/2 килограмма и т. д. Может быть, я одолею болезнь или заглушу ее, что она меня не будет беспокоить сильно. Ты напиши мне, как ты думаешь обо всем. Ни с кем не советуйся — это смешно, это мое дело и твое — только. Здесь никто ничего не может решить и тем более не может помочь.

Теперь о другом. Как там наша Мака? Выздоровела она и ходит ли часто гулять? Она ведь гуляка, как ее братец. Я часто здесь смотрю на ее фотографию. Трудно мне без нее, я даже плакал по ней. Как храбрец Сашка? И как ты живешь материально? Наверно, совсем плохо.

Отдай письмо Поликарпову². Если не хочешь сама, попроси Тамару, проводи ее в Союз, пусть она отдаст секретарше Поликарпова. Возможно, будет толк. Можно и так — попроси Ал^{ексан}дра Ив^{ановича}³ (все равно он звонит), чтоб он передал это письмо через Крутикова⁴ Поликарпову. Если что нужно от меня срочно, то можно послать телеграмму, и я телеграммой отвечу. Завтра пойду отправлять это письмо в Ялту на почту сам, я еще в городе не был, но издали вижу его. Унылое место. Здесь когда-то и ты была с Тошей. Завтра я пройду по тем же камням, где когда-то ходили его ноги.

На днях ему будет 23 года! Поздравь его и поклонись ему от меня. Поцелуй Сашу, обними мою любимую Машку. Скажи ей что-нибудь, чтоб она вспомнила обо мне.

Привет родным и друзьям.

Обнимаю и целую тебя

Твой А.

Ялта, Симферопольское шоссе, санаторий Красной армии № 1.

(*Приписка сбоку листа*) P. S. Отдала ли ты сборник рассказов в “Сов<етский> писатель”?⁵ — скажи об этом Бородину⁶.

Печатается по первой публикации: Архив. С. 575–576. Публикация Е. Антоновой.

- 1 Речь идет об искусственном пневмотораксе — введении с лечебной целью воздуха в плевральную полость, вызывающем сжатие легкого. Подобный метод применяется при кавернозных формах туберкулеза легких.
- 2 Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965) — оргсекретарь ССП СССР в 1944–1946, 1954–1955 гг.
- 3 Вероятно, Вьюрков А. И.
- 4 Крутиков Николай Васильевич — юрист, сотрудник административно-хозяйственной части ССП СССР.
- 5 Речь идет о сборнике “Вся жизнь”, см. примеч. 4 к п. 306.
- 6 Бородин Сергей Петрович (1902–1974; до 1941 г. псевд. Амир Саргиджан) — прозаик, автор произведений на восточную тему, романа “Дмитрий Донской” (1941).
.....

---

[309] М. А. Платоновой
10 октября 1945 г. Ялта

Ялта, 10/Х 45.

Дорогая моя Муся!

Благодарю тебя за деньги и за письмо. После получения письма я уже тебе телеграфировал, что во второй половине октября я приеду в Москву и что твое намерение приехать с Машкой в Крым ненадолго, чтобы обратно нам ехать вместе — неосуществимо, для этого нет пока здесь условий. Тот, кто тебе это посоветовал (Березин), ничего не представляет. Во-первых — езда в поезде, это не шутка, и ехать надо почти трое суток в один конец. Во-вторых, для того нужно иметь полвагона денег... Кажется, всё ясно!

Березин мне прислал телеграмму, что печатает два рассказа¹. Благодарю тебя, что ты помогла мне в этом деле.

Теперь вот что. Мне прислал телеграмму Потапов из “Правды”², я прилагаю ее. Найди, пожалуйста, рукопись, напечатанную на машинке (эта рукопись должна быть в числе возвращенных Бертой Азарновой³), — “Афродита”. Переименуй ее. Напиши новое заглавие: “Человек нашего поколения”. Затем просмотри текст; возьми резинку и сотри разные карандашные пометки, которые, наверное, наставили на рукописи редакторы; одним словом, приведи рукопись в хороший чистый вид, умой ее — и затем отведи в люди. А именно: позвони Потапову в “Правду” (ты Потапова хорошо знаешь), пусть Потапов пришлет курьера за рукописью. Вот и всё поручение.

Чувствую я себя хорошо, теперь способен впрячься в самую тяжелую работу. Сильно, зверски скучаю по тебе, Маке и Сашке. Если будет возможность, заеду в Севастополь, чтобы собрать материал для очерка в “Гудок”, но не знаю, как удастся: это всё требует денег, трудов, да и здоровье я боюсь растратить.

Я рад, что ты справляешься с заботами и что Мака пополнела. Надо добиться, чтобы Сашка любил ее, а не третировал. Я приеду, займусь этим делом.

Дни здесь тянутся однообразно, надоело мне здесь, как в тюрьме, но я усиленно терплю все эти обстоятельства, чтобы глубже заглушить болезнь.

Та “каравелла”, которую ты когда-то с Тошей видела в Феодосии, теперь плавает здесь, и я каждый день вижу ее из окна на море и вспоминаю того, кто ее уже никогда не увидит.

До свиданья, дорогая. Поцелуй наших детей.

Обнимаю тебя. Андрей.

.....

Печатается по первой публикации: Архив. С. 576–577. Публикация Е. Антоновой.

1 См. телеграмму от 4 октября 1945 г.: “Ялта крымская, Симферопольское шоссе, туберкулезный санаторий Красной Армии. <...> Рассказ «Механик» печатаем <в> воскресном номере, рассказ «Машинист Мальцев» пойдет <в> ближайшее время, гонорар выплачиваем жене. Прошу побывать <в> Севастополе, написать очерк: возрождение узла города-

- героя или другую тему «по» вашему усмотрению, не связанную с транспортом. Привет, желаю здоровья. Ответ редактор «Гудка» Березин» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 15).
- 2 См. телеграмму от 8 октября 1945 г.: «Срочно. Ялта крымская, Симферопольское шоссе, 1 туберкулезный санаторий РККА, майору Андрею Платонову. <...> Если позволят условия, просим написать для «Правды» рассказ или прислать, если есть, готовый. Телеграфируйте возможность. Желаем здоровья. «Правда». Кожевникову. Потапов» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 1). Потапов Кирилл Васильевич (1910–1975) — заместитель редактора отдела литературы и искусства газеты «Правда».
- 3 Азарнова Берта Даниловна — редактор журнала «Смена».
.....

[310] Н. В. Крутикову

Ноябрь–декабрь 1945 г. Москва

Глубокоуважаемый Николай Васильевич!
Однажды Вы позвонили мне и спросили, в какой помощи я нуждаюсь.

Я нуждаюсь в следующем. Моя квартира расположена над подземельем, где находится котельная центрального отопления и комната, в которой живут дворники. Перекрытие, отделяющее мою квартиру от подземелья, имеет щели.

Зимой котельная полна угарного газа и дыма, а летом котельная также полна угара и дыма, потому что сюда из жилища дворников проведена вытяжная труба из печи, на которой жильцы готовят себе пищу.

Весь этот угарный газ и дым проникает в мою квартиру и отравляет меня и мою семью — вплоть до того, что я вынужден был иногда выходить с семьей наружу.

Как Вы знаете, я болен чахоткой и у меня бывает кровохарканье. Но даже если бы я был здоровым, то жить в квартире, превращенной в душегубку, нельзя.

Десятки раз я обращался к управдому Терентьеву с просьбой прекратить удушение нас угаром. Терентьев отвечал, что он это немедленно, сегодня же устроит, примет меры и т. д. Но ничего не сделал и не делает. По-прежнему квартира полна угара и дыма.

Я обращаюсь к Вам с просьбой приказать управдому немедленно и действительно прекратить наполнение га-

зом моей квартиры. Это не может быть определено иначе, как преступление и замедленное убийство.

При этом я прошу Вас иметь в виду, что обещание, которое Вы можете получить в ответ на Ваше приказание, не обязательно будет выполнено, так же как не была выполнена моя просьба¹.
.....

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–3.

Датируется условно — по содержанию письма и на основании сохранившегося заявления Платонова в милицию от 1 ноября 1945 г., посвященного общей с письмом теме — критическому положению проживающих на 1-м этаже писательского дома на Тверском бульваре, 25. “В 83-отделение милиции г. Москвы.

Обращаемся к Вам со следующей просьбой. Мы проживаем по Тверскому бульвару, д. 25. Наши квартиры расположены над котельной центрального отопления. В котельной во время топки образуется угарный газ, который через щели и неплотности полов проникает в жилые помещения и наполняет комнаты угарным отравляющим газом.

Это происходит постоянно и систематически уже второй год. Наши попытки сговориться с комендантом дома о производстве необходимого ремонта ни к чему не привели. Летом в письменной форме было снова заявлено об устранении дефектов в перекрытиях над котельной — дефектов, вследствие которых наши квартиры превращаются в душгубки. Но опять ничего не было сделано и снова происходит отравление наших семейств угарным газом.

В прошлом году в квартире 27 дважды происходило отравление проживающих там людей, и только потому, что люди были пробуждены ото сна, они не погибли.

В наших квартирах проживают дети, в том числе есть ребенок грудного возраста; в одной квартире живет военнослужащий, больной тяжелой формой туберкулеза.

Просим Вас, во избежание несчастья, принять немедленно меры к устранению такого преступного и нетерпимого положения, когда систематически отравляются люди. 1/XI 1945 г. Майор А. Платонов” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–2).

Заявление написано Платоновым, подписано также жильцами 28-й квартиры. Из того, что данный документ сохранился в семейном архиве, следует, что заявление или не было принято, или не передано в милицию.

1 Беловик письма не выявлен, в настоящее время документами о проведенном ремонте квартиры Платонова не располагаем; см. примеч. 1 к п. 340.
.....

[310*] В. М. СЯНОВУ

17 апреля 1946 г. Москва

“Семью Иванова” печатать не надо. Могу прислать другие вещи. Привет.

Платонов.

.....

Печатается впервые: ИРЛИ. Ф. 109. Телеграмма. Разыскание Т. Кукушкиной.

Телеграмма отправлена на адрес редакции журнала “Звезда” (Ленинград, ул. Воинова, 18).

Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) — писатель, ответственный редактор ленинградского журнала “Звезда”.

- 1 Решение о публикации рассказа “Семья Иванова” было принято Саяновым еще в феврале, о чем он несколько раз телеграфировал Платонову, но подтверждение его согласия не получал. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде журнала “Звезда” телеграммы: “Рассказ будет напечатан четвертом или пятом номерах. Привет. Саянов” (19 февраля); “25 февраля телеграфировал, что рассказ печатается в ближайших номерах. Середина апреля высылаю аванс. Подтвердите получение моих предыдущих телеграмм. Ответ оплачен. Саянов” (без даты, скорее всего, датируется апрелем). Настойчивость Саянова связана с тем, что 28 февраля решение о публикации рассказа было утверждено на заседании редколлегии журнала (см. примеч. 1 к п. 315).

.....

22/IV 1946 г.

Здравствуй, дорогой Виктор!

Получил твое письмо от 3/IV¹. Давно-давно мы с тобой не виделись². На днях заходил ко мне Б. Ямпольский³, мы вспоминали тебя, он тебя очень любит и высоко ценит. В следующий раз я передам ему твой адрес, и он напишет тебе сам.

У меня в жизни большие перемены. В январе 43 года умер мой сын Тоша, умер в Москве от туберкулеза, и сейчас уже четвертый год, как он лежит в могиле. От него остался ребенок, мой внук⁴, ему сейчас уже 3½ года. К сожалению, вдова Тоши⁵ отказала мне в том, чтобы я усыновил внука⁶. А недавно Тамара (вдова Тоши) вышла замуж за военного и уехала с новым мужем и моим внуком на место службы своего мужа, и там живет⁷.

В конце 44 года на старости лет у нас родилась дочь Маша — теперь ей 1½ года. Это было неожиданно и для нас. Вот все семейные новости. И еще одна новость, так сказать, — у меня два года как открылся активный туберкулез, и он мне мешает существовать.

Я бы очень хотел узнать, когда у тебя кончится срок и другие подобные сведения о тебе. Ты напиши об этом в следующем письме. Видел недавно Володю Елагина⁸, говорили с ним о тебе. Володя часто болеет и лежит: у него какая-то сложная мозговая болезнь. Он работает теперь не в “Дружных ребятах”, а в “Огоньке”.

Видел за зиму раза два Андрея Венедиктовича⁹. Он живет прежним способом: пьет с мамкой водку, пишет прозу, ест картошку и капусту со своего индивидуального огорода. Однажды он меня пригласил, я просидел у него часа два, а спустя несколько дней он уверял меня, что я у него не был, во всяком случае, он меня не видел. Таков наш Алешка, который выпивает и веселится.

О тебе он хорошего мнения и считает, что ты потом будешь еще лучше писать. Не знаю. С меня было бы достаточно, как ты писал раньше. Я пишу тебе об этом, чтобы позабавить тебя немного. В другой раз напишу тебе что-нибудь более интересное, но для этого мне нужно получить от тебя новое письмо и узнать из него, что тебя интересует.

Привет от М<арии> А<лександровны> и от дочки.
Обнимаю тебя.

Андрей.

.....

Впервые: Творчество, 1995. С. 196–197. Публикация В. А. Шошина. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 768. Л. 2.

Сохранился конверт с датами отправления (22 апреля 1946 г.) и получения (29 апреля), а также адресом: “Кемеровская область / В. Чебулинский район / почтовый ящик» 247/8 / Бокову Виктору Федоровичу / От А. Платонова, Москва, Тверской бульвар», 25, кв. 27”. Адрес военного лагеря ГУЛАГа сообщен в письме Бокова Платонову от 3 апреля 1943 г. В октябре 1941 г. семья Бокова эвакуировалась в Чистополь, откуда он весной 1942 г. был призван в армию; проходил учебу в военном лагере Томской области, где и был арестован в августе 1942 г. 23 марта 1943 г. ревтрибуналом Новосибирского гарнизона ему был вынесен приговор по политической 58-й статье; отбывал наказание в Орловско-Розовском отделении Сибирского лагеря (Кемеровская область) (см.: *Шошин В.* Из писем к Андрею Платонову (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Творчество, 1995. С. 195).

- 1 Письма Бокова Платонову 1940-х гг. хранятся в фондах Платонова ОР ИМЛИ и РО ИРЛИ. Судя по данному письму, не исключено, что это первое письмо Платонова в ГУЛАГ — ответ на письмо Бокова от 3 апреля: “Дорогой Андрей Платонович!

Сегодня в моем сердце так много высоких дум и счастья: я думаю о тебе, я держу в руках сборник «Река Потудань» и не могу оторваться от его строк, затягивающих в пучину бесстрашия мысли, чувства и правды. Я еще раз напишу тебе о том, что в октябре 41 года, когда я все оставил и уезжал из Москвы — я взял только одну книгу с собой, твою «Реку». И вот много лет с тех пор я не видел ее и не держал в руках, а сегодня — какое счастье — она пришла ко мне из украинских земель, посланная Евдокией Фесенко. Я читаю, перечитываю ее и вижу, что в ней есть самое редкое качество — сколько бы ее ни читал, она не надоедает и каждый раз действует и действует на сердце, как хорошая музыка, созданная гением или сердцем народа. Пытаюсь найти, как рассказы сделаны, и не могу: таков закон всего редкостного, оно неразложимо. Дорогой Андрей Платонович, я всегда

был и остался самым лучшим вашим другом, ваше торжественно-печальное творчество экзальтировало меня вплоть до какого-то сплошного одухотворения и готовности на подвиг. В ваших строках везде глядит скорбная печаль древнего лика России, той силы, что поила народ и делала его сильным, терпеливым и героически тихим. Недавно я с радостью увидел статью о вас в «Новом мире» — Грудцовой. Заранее знал, что ничего глубокого в ней не прочту, но она была для меня дорога цитатами: я увидел и понял вас в войне 41–45 лет. Я много говорил о вас за все время разлуки и сегодня говорил людям, которые с восторгом читали «Реку Потудань». Они не знали вас никогда, теперь узнали и прошли не мимо, как по обычному, заезженному прозаику, а полюбили вас и заволновались и вышли из оцепенения и равнодушия в живую мысль и живое слово. Дорогой Андрей, я вспомнил все наши встречи, и, каждый раз, ваш образ засветился во мне. Ваши редкие приветы из писем друзей я получал всегда с трепетом, и вы, надеюсь, напишете мне теперь. У Елагина есть томик — моих новых стихов. Читали ли вы его? Большой привет М. А. Целую вас. Ваш Виктор» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7). Е. Фесенко — первая жена В. Бокова. В статье критика О. Грудцовой «Рассказы Андрея Платонова» обильное цитирование текстов военных рассказов Платонова сопровождалось перечнем их грехов: «образы... заменены символикой, а подчас и мистикой»; странное описание, как русские люди сражаются с врагами: «обтерпелись», «ничего», «по необходимости», «пришлось», «обождем» (о рассказах «Добрая корова», «Бой в грозу»); «страшное отсутствие страсти и злобы к тем, кто отнял у них все» (о матери из рассказа «Взыскание погибших» («Мать»)); «безмерное терпение и покорное принятие всего существующего»; психологическое однообразие; несложность героев; «скучные рассказы» (Новый мир. 1945. № 8. С. 110–111).

- 2 См. примеч. 1. Судя по письмам и воспоминаниям В. Бокова, они виделись с Платоновым в октябре 1941 г., перед эвакуацией из Москвы.
- 3 Ямпольский Борис Самойлович (1912–1972) — писатель, выпускник Литературного института; в годы войны, как и Платонов, был специальным корреспондентом «Красной звезды».
- 4 Платонов-Зайцев Александр Павлович (1943–2006).
- 5 Зайцева Т. Г. (1922–2012).
- 6 См. п. 302.
- 7 В конце 1945 г. вдова Платона Платонова вышла замуж за полковника П. П. Зайцева, с которым ее познакомил Платонов, и уехала в Прибалтику по месту новой службы мужа. П. Зайцев усыновил внука Платонова Александра.
- 8 В фонде Платонова в РГАЛИ хранятся письма В. Елагина Платонову второй половины 1930-х гг. с неизменным выражением почтения и приглашением печататься в детских журналах. Не исключено, что именно благодаря поддержке В. Елагина Платонов в 1947–1948 гг. печатался в журнале «Огонек». В годы заключения Бокова Елагин

поддерживал с ним переписку; от него Боков узнавал многие московские новости, в частности, о Платонове. В письме к Платонову от 6 декабря 1945 г. Боков сообщал: “Елагин мне писал, что вы больны? <...> Прочтите мои новые стихи, их с сотню есть у Елагина” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 43. Л. 29).

- 9 Описка. Алексею Венедиктовичу Кожевникову посвящены шуточные стихи Бокова, присланные Платонову.
.....

[312] В. М. Саянову

27 мая 1946 г. Москва

Дорогой Виссарион!

Посылаю тебе пока две рукописи, — м<ожет> б<ыть>, они подойдут¹. Я взял то, что у меня лежало близко, “наверху”, т<ак> к<ак> всё болею. Потом пришлю еще рукописи. Пиши мне и заходи, когда будешь в Москве.

Искренний привет. Андр. Платонов.

27/v 46.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, д. 25, кв. 27.

Тел. К 19663.
.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 597. Разыскание Т. Кукушкиной.

- 1 В это время в журнале находилось несколько рассказов Платонова: “Семья Иванова”, “Взыскание погибших”, “Афродита”, “Разноцветная бабочка”. 10 июля датируется положительный отзыв А. Прокофьева (член редколлегии журнала) на рассказ “Разноцветная бабочка”: “Надо печатать, но если из-за подверстки будет задержка, то мне думается, сказку надо перенести в следующий номер”. Резолюция Саянова на отзыве Прокофьева: “Эту сказку Андрея Платонова с дополнительным материалом срочно сдать в набор в № 7. В. Саянов” (ИРЛИ. Ф. 109). О том, что “Разноцветная бабочка” ушла в набор, Саянов 11 июня сообщил Платонову телеграммой: “Разноцветная бабочка наборе номера седьмого. Мне очень понравилась. Остальное на отзыве. Саянов” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 4; ИРЛИ, ф. 109). 25 июня датирован отзыв А. Прокофьева на рассказы “Взыскание погибших” и “Афродита”: “Мне не понравились. Бесстержневые, надуманные и, несмотря на трагичность, правда, смутных фабул, жалобные” (ИРЛИ. Ф. 109).
.....

[313]

П. И. Чагину

16 июня 1946 г. Москва

П. И. Чагину.

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

При этом посылаю рукопись книги “Среди людей”,
с тем, чтобы, если возможно, издать ее.

Привет.

А. Платонов.

16/VI 1946.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1.

Чагин Петр Иванович (1898–1967) — партийный и издательский работник, в это время исполняющий обязанности директора Государственного издательства художественной литературы. На письме имеется его виза: “тов. Горбунову К. Я. [Подпись] 18/VI 46” (прозаик К. Я. Горбунов — член редсовета издательства).

К письму приложен рукописный лист с оглавлением сборника:
“А. Платонов. Среди людей.”

Оглавление.

1. Афродита.
2. Взыскание погибших.
3. Полудурка.
4. Жизнь в семействе.
5. Смерти нет.
6. Житель родного города.
7. В деревне Малая Верея.
8. Разноцветная бабочка.
9. Иван Великий.

Адрес автора: Москва, Тверской бульвар, 25, кв. 27. Тел. К 19663” (Там же. Л. 2).

Письмо вместе с оглавлением предполагаемого сборника было возвращено Платонову.

.....

[314]

В. М. Саянову

9 июля 1946. Москва

9/VII 46.

Дорогой Виссарион!

Сообщи мне, пожалуйста, — печатаете ли вы
в журнале пьесы?¹ — Я бы прислал тогда рукопись пьесы

под названием “Волшебное существо”². Или лучше сразу прислать прозу?

И еще я прошу, — если действительно будет что-либо печататься из посланного прежде, то пусть переведут мне гонорар. Я сейчас лечусь от своей болезни.

Привет. Желаю тебе успеха.

А. Платонов.

.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 597. Разыскание Т. Кукушкиной.

1 Журнал печатал пьесы (см.: в № 5/6 за 1946 г. пьеса Л. Малюгина “Старые друзья”).

2 См. примеч. 1 к п. 307. Пьеса “Волшебное существо” при жизни писателя не публиковалась; впервые: *Платонов А., Фраерман Р.* Волшебное существо. М., 1967. Автограф пьесы выполнен Платоновым, с указанием имени соавтора.

.....

[315]

В. М. Саянову

12 августа 1946 г.

Дорогой Виссарион!

Прошу печатать “Семью Иванова”¹; об этом я написал тебе телеграмму². Если нет рукописи — телеграфируй, я пришлю другой экземпляр³. В Москве я печатать эту вещь не буду⁴. Далее — я прошу написать мне⁵, — стоит мне присылать рукописи в “Звезду” или не надо. Прошу ответить.

Привет и поклон. Андр. Платонов.

12/VIII 46.

.....

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 597. Разыскание Т. Кукушкиной.

1 Вопрос о публикации в журнале рассказа “Семья Иванова” был принят на заседании редколлегии 28 февраля 1946 г.: “Платонов. Семья Иванова. Печатать” (ИРЛИ, ф. 597); резолюция Саянова: “Андрей Платонов. Семья Иванова. Очень хороший рассказ. Печатать в номере четвертом. Дать автору телеграмму. Москва, Тверской бульвар, 25, кв. 27. Саянов” (Там же. Ф. 109). Однако Платонов в апреле (см. п. 310*) отказался от публикации рассказа в “Звезде”. В письме Саянова от 3 мая 1946 г. описана история публикаций рассказов Платонова в журнале:

“Дорогой Андрей, жалею, что ты взял у нас «Семью Ивановых». Получил ли ты мои телеграммы о том, что рассказ у нас идет. Мне очень хочется напечатать тебя в «Звезде», так как тебе хорошо известна моя любовь к тебе лично и к твоим произведениям.

У нас будет напечатана положительная рецензия о твоей новой книге. Читал ли ты 8-й номер «Звезды» за прошлый год? Я, к сожалению, не могу тебе его послать, так как у нас в редакции нет лишних экземпляров. В этом номере напечатана статья Е. Доби́на «Заметки на полях», в которой с большим одобрением говорится о твоих рассказах. Если это тебе интересно, возьми номер в библиотеке Союза.

Жду нового материала от тебя.

Крепко жму твою руку” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 5. На бланке журнала).

2 См. п. 315*.

3 Машинопись рассказа “Семья Иванова” хранится в фонде журнала “Звезда” (ИРЛИ, ф. 109).

4 Имеются в виду московские журналы, в которых отношение к Платонову изменилось уже в первые послевоенные месяцы, что было связано с прозвучавшими на X пленуме ССП (15 мая 1945 г.) оценками его военной прозы. В докладе Н. Тихонова “Советская литература в 1944–1945 гг.” имени Платонова нет в больших списках достижений советской литературы военных лет, однако именно его герой открывает ряд ошибочных художественных решений темы героя: “...появился в литературе Платон Каратаев в новом, несколько измененном виде. Такой Каратаев есть и у Андрея Платонова, искусного и острого писателя. Это Агеев в «Обороне Семидворья». Но его Каратаев — старший лейтенант” (ЛГ. 1945. 17 мая. С. 1–2.). Оказалось, что и воевал платоновский Агеев неверно, и умирал не так, как подобает советскому офицеру. После пленума начинается публичная критика военных рассказов Платонова — за отсутствие “исторического человека, нашего современника” (*Гор Г.* Опасность обыденного (Из блокнота писателя) // Там же. 1945. 2 июня. С. 3); за ложное убеждение, что “наш боец — победитель в Великой Отечественной войне — таков же, как и все солдаты”, и каратаевщину (*Бровман Г.* Заметки о художественной прозе 1945 года // Новый мир. 1946. № 3. С. 176). Вышедшая летом 1945 г. книга рассказов “В сторону заката солнца” уличается известным критиком в отсутствии у платоновских героев “социалистического патриотизма”. В редакциях всех московских журналов в 1946 г. лежали рассказы Платонова, однако решение об их публикации не принималось. Так, на заседании редколлегии “Нового мира” 2 января 1946 г. рассматривалась повесть “Афродита”, от которой уже отказался “Октябрь”; принимается решение: “Поручить тов. Замошкину поработать вместе с автором с целью исправления языка повести. Вопрос о повести после ее переработки обсудить на заседании редколлегии” (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 12). Протокол с обсуждением “Афродиты” в фондах журнала не выявлен, только очевидно, что от

публикации рассказа журнал отказался. 9 апреля редколлегия обсуждала уже другой рассказ Платонова — “Семью Иванова”; пункт 3 стенограммы: “За напечатание рассказа А. Платонова — при известных доработках — высказались В. Р. Щербина, М. М. Розенталь, А. М. Дроздов, Н. И. Замошкин, В. Д. Раковская; рассказ признан очень сильным с художественной стороны, хотя и дискуссионным по трактовке образа мальчика — Г. А. Бровман находит этот образ нежизненным и слишком суровым, в мальчике нет ничего детского. Рассказ к следующему заседанию редколлегии прочтет К. А. Федин” (Там же. Ф. 1702, оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 15 об.). Отзыв Фебина в фонде журнала не выявлен, скорее всего, он был положительным, однако окончательное решение о публикации рассказа было принято только на совещании 7 октября и заседании редколлегии 11 ноября (см.: Там же. Л. 3, 13). Ко времени письма Саянову “Новый мир” еще не принял решение печатать рассказ, но Платонова уже ознакомили с “доработанным” редакторами текстом “Семьи Иванова”.

- 5 Ответное письмо Саянова не выявлено. В августе редактору “Звезды” уже было не до Платонова. № 7 журнала, куда Саянов подписал к публикации рассказ “Разноцветная бабочка”, был рассыпан; сдвоенный № 7/8 подписан к печати только 17 октября (см.: Звезда. 1946. № 7/8. С. 232) новой редколлекцией, в которой Саянова уже не было. 7 августа датируется докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”; 9 августа на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), посвященном ленинградским журналам, было предложено утвердить редактором “Звезды” “более серьезного человека” (Власть. С. 581); 14 августа принимается “Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»” (опубликовано в “Правде” 21 августа), положившее начало масштабной истребительной кампании авторов “Звезды” А. Ахматовой и М. Зощенко. 30 августа специальным постановлением секретариата ЦК ВКП(б) утверждена новая редколлегия “Звезды” (см.: Власть. С. 598). Новая редколлегия, которую возглавил А. М. Еголин, отказалась от публикации рассказа Платонова “Разноцветная бабочка”. Не появилась в журнале и обещанная Саяновым положительная рецензия на книгу “В сторону заката солнца” (1945). Сокращенный и отредактированный текст рассказа “Семья Иванова” будет опубликован в “Новом мире” (1946. № 10–11; № подписан к печати 2 декабря 1946 г.) и сразу попадет под обстрел критики, принявшей к исполнению партийные постановления 1946 г. Обновленная редколлегия “Звезды” также изменит свои прежние высокие оценки военных рассказов Платонова. Известный критик Е. Книпович писала о “Семье Иванова” как вражеской идеологической диверсии против советского народа и советской литературы: “Неужели страшный, пустой и враждебный мир рассказа — это советская страна в дни войны? Неужели Иванов, который «грелся где мог», а узнав об обиде, нанесенной ему женой, слезливо, по-бабы, втянув в свои переживания одиннадцатилетнего

сына, — это тот «великий маленький человек», который водрузил знамя победы над Берлином? Благополучный финал рассказа запечатлен еще горшей ложью и фальшью. <...> типичный конец буржуазной мелодрамы. <...> Рассказ А. Платонова дурен, аморален по самой своей сущности. <...> [Платонов] борется за право мелкого человека жалеть и морально обелять своей жалостью все грязное и больное. <...> редакция «Нового мира» оказала дурную услугу советскому обществу, советскому читателю, напечатав рассказ А. Платонова» (Книпович Е. Журнал “Новый мир”, № 10–11, 1946 // Звезда. 1947. № 2. С. 173).

.....

[315*] В. М. Саянову
13 августа 1946 г. Москва

Прошу печатать “Семью Иванова”.
Платонов.

.....

Печатается впервые: ИРЛИ. Ф. 109. Телеграмма. Разыскание Т. Кукушкиной.
Телеграмма отправлена на адрес редакции журнала “Звезда” (Ленинград, ул. Воинова, 18).

.....

[315**] К. М. Симонову
4 декабря 1946 г. Москва

Константин Михайлович!

Рукопись моей книги “Вся жизнь”, набранная в свое время в издательстве “Советский писатель”, затем пошла на пересмотр в секретариат Союза писателей¹, а набор книги рассыпан.

Тов. Субоцкий сказал мне, что как только секретариат Союза вынесет свое решение, так это решение будет сообщено издательству.

Все это дело тянется довольно давно, конца ему еще нет. Прошу Вас помочь мне, чтобы в секретариате ускорили решение относительно моей книги. Часть (2–3 рассказа) книги я изменю, т. е. вместо одних вещей поставлю другие, но это я сделаю уже с редактором книги, когда Союз даст указание изд<ательст>ву — издать книгу.

Прошу Вас, если возможно ускорить решение относительно моей книги.

Ваш Андр. Платонов.

4/XII 1946.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 539. Публикация Е. Антоновой.

К. М. Симонов в это время являлся одним из заместителей генерального секретаря ССП, член секретариата и правления Союза писателей; входил в редсовет издательства “Советский писатель”.

1   Подробно об истории издания книги “Вся жизнь” см. примеч. к п. 316, 318.

.....

[316]

А. А. ФАДЕЕВУ

10 декабря 1946 г. Москва

Дорогой Александр Александрович! Обращаюсь с просьбой по двум предметам:

1) Полтора года тому назад я передал в издательство “Советский писатель” рукописи книги (сборник рассказов) “Вся жизнь”¹. Рукопись была принята к изданию² и набрана. Но летом 1946 г. книга была остановлена производством и набор рассыпан³. Затем рукопись была направлена в Секретариат Союза⁴ — для того чтобы там была решена ее судьба. До сих пор, однако, судьба рукописи еще не решена. Я очень прошу ускорить решение по книге “Вся жизнь”. Некоторые вещи в книге, если в том явится надобность, будут заменены другими⁵.

2) Изд<ательст>во “Советский писатель” приняло издание ста или более книг избранных произведений советских писателей — к 30-летию Октябрьской революции. Меня нет в плане этих изданий⁶. Это дело, конечно, Союза и издательства — кого включить в свой план и кого нет. Может быть, поэтому моя просьба покажется неуместной и нескромной — тогда прошу тебя предать ее забвению. Если же просьба будет принята, то я желал бы, чтобы и мой сборник избранных рассказов

(я могу подобрать подходящие) был включен в этот план и издан. Я не равняюсь с теми писателями, которым я не равен, однако и я хочу напечатать то, что достойно быть напечатанным.

Глубоко уважающий Вас и давно преданный Вам
Андр. Платонов.

10/XII 1946.

Тел<ефон> К 19663.

.....

Впервые: Страна философов, 2000. С. 827–828. Публикация В. Перхина.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 76–77.

Виза А. Фадеева на письмо: “На секретариат”. Фадеев был утвержден генеральным секретарем ССП СССР на чрезвычайном заседании президиума правления и секретариата ССП (31 августа, 2 и 4 сентября 1946 г.), на котором обсуждались два вопроса: “Постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»” и “О руководстве ССП”. 7 сентября “Литературная газета” публикует принятую 4 сентября резолюцию президиума ССП, которой общественность извещалась об исключении Зощенко и Ахматовой из Союза писателей (пункт 7), разъяснялись причины реорганизации руководящих органов Союза и освобождения Н. Тихонова от обязанностей председателя правления ССП — за допущенные руководством Союза писателей политические ошибки. С сентября на заседаниях секретариате ССП рассматриваются вопросы о новых редколлегиях журналов, в повестке практически всех заседаний — обсуждение тех или иных вопросов главного издательства Союза писателей — “Советский писатель” (вопросы руководства, издательские планы, проблемные рукописи).

- 1 Запись Платонова на одном из черновых вариантов оглавления книги “Вся жизнь”: “В «Совет. Писатель» в начале сентября 1945 г.” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 14).
- 2 Машинопись книги из 10 рассказов была получена в издательстве в сентябре 1945 г. Первым рецензентом книги являлся прозаик Ю. Либединский; его рецензия датирована 10 октября 1945 г. Либединский рекомендовал к изданию 6 рассказов (“Цветок на земле”, “Июльская гроза”, “Никита”, “Червь”, “Вся жизнь”, “Машинист Мальцев”) и не рекомендовал к печати 4 рассказа: “Голубь и горленка”, “Корова”, “Юшка”, “Избушка бабушки”. Несмотря на высокую оценку Либединским рекомендованных к изданию рассказов (“...читаются мало сказать с удовольствием: они читаются с восхищением. Цитировать их невозможно, пришлось бы целиком привести в рецензии следующие рассказы: «Цветок на земле», «Июльская гроза», «Никита», «Червь»”),

осенью 1945 г. решение по книге было отложено. Возможно, это связано с появлением в печати весной-летом 1945 г. критических отзывов на военные рассказы Платонова. Следующие отзывы рецензентов на книгу “Вся жизнь” датируются февралем-апрелем 1946 г. Практически все писали о высоком художественном и формальном мастерстве рассказов Платонова и одновременно указывали (за исключением П. Антокольского) на глубинные мировоззренческие пороки: “любование страданием” (Л. Субоцкий), “религиозный, христианский гуманизм” (Е. Книпович), “болезненный пессимизм” и юродивые персонажи (О. Резник) и т. п. Однако при всей критике, прозвучавшей в отзывах рецензентов, все они высказались за издание книги (отзывы на книгу “Вся жизнь” хранятся в фонде издательства “Советский писатель”; цит. по: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 10. Ед. хр. 200).

- 3 В фонде секретариата ССП имеется докладная записка директора издательства “Советский писатель” Г. Ярцева от 29 октября 1946 г., составленная по запросу А. Фадеева, из которой следует, что “в конце августа — начале сентября с. г. по распоряжению главного редактора издательства тов. Бородин С. П. был рассыпан набор” 10 книг и “приостановлена работа по подготовке к изданию” 13 рукописей. Книга Платонова “Вся жизнь” указана в первом списке под номером 7 (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 776. Л. 38). Главный редактор издательства прозаик С. Бородин в 1942 г. дал высокую оценку прозе Платонова: “Платонов — писатель большого дарования, мастер коротких новелл и замечательно владеет композицией больших повестей. Язык его книг — богатый чистый язык русского народа. Стиль его индивидуален и остр. Решительно рекомендую Андрея Платонова как одного из лучших русских писателей” (Воспоминания. С. 448). В 1944 г. (после критики на страницах “Правды” рассказа “Оборона Семидворья”) главный редактор уже рекомендовал заключить с Платоновым договор при условии, если тот учтет следующее “пожелание”: “Тайна нашей победы заключается не только в национальных воинских доблестях нашего народа, но и в организующей силе нашей Партии” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 16). В 1945–1946 гг. военные рассказы Платонова постоянно упоминаются как яркий пример нездоровой “каратавщины” в советской литературе (см. примеч. 4 к п. 315).

- 4 15 ноября 1946 г. на заседании секретариата было принято решение: “Обсудить на секретариате ряд книг, обязав всех членов секретариата предварительно ознакомиться с ними”; в зафиксированном в стенограмме списке из 4 книг, взятых из докладной Г. Ярцева, названа и “Вся жизнь” Платонова (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 776. Л. 36). В фонде Платонова находится письмо из издательства на имя новоизбранного секретаря правления ССП Л. М. Субоцкого от 18 ноября 1946 г.: “Уважаемый Лев Матвеевич! Г. А. Ярцев передал мне, что сборник рассказов А. Платонова будут читать и обсуждать на секретариате. Посылаю Вам два экземпляра рукописи А. Платонова «Вся жизнь»” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 37). Из списка членов нового (с 31 августа 1946 г.) секретариата ССП следует, что книгу должны

были прочитать кроме А. Фадеева четыре заместителя генерального секретаря ССП (К. Симонов, А. Корнейчук, Н. Тихонов, В. Вишневский) и два просто члена секретариата (Б. Горбатов, Л. Леонов). К этому времени книгу прочитал только М. Л. Субоцкий (см. ниже, примеч. к п. 323). Запланированное на секретариате обсуждение книги “Вся жизнь” в 1946 г. не состоялось.

- 5 Каждый из рецензентов представил свой список не рекомендованных к изданию рассказов книги, в результате получилось, что во всех рассказах (кроме одного — “Машинист Мальцев”) были выявлены те или иные идеологические или стилистические ошибки, требующие исправления.
- 6 Информацию об этом проекте Платонов, скорее всего, узнал из “Литературной газеты”. 7 декабря 1946 г. газета поместила сообщение, что 2 декабря на заседании секретариата ССП состоялось обсуждение и утверждение плана издания “Библиотека избранных произведений советской литературы (1917–1947)”, с которым выступил директор издательства Г. Ярцев: “Это — юбилейная серия, выпускаемая к тридцатилетию Октябрьской революции. Она содержит 100 названий книг, одинакового формата, выпускаемых стотысячным тиражом, с портретом и краткой биографией писателя” (Избранные произведения советских писателей СССР // ЛГ. 1946. 7 дек. С. 4). В представленном в сообщении списке писателей, чьи произведения вошли в юбилейный проект, Платонова нет. ....

[317] В Областную комиссию ССП

26 декабря 1946 г. Москва

В Областную комиссию Союза советских писателей.

По командировке, полученной мною от Союза¹, я должен был выехать в Воронежскую и Тамбовскую области. Я хотел выехать в конце ноября или в первых числах декабря т<екущего> г<ода>, но до сих пор не выехал. У меня случилось обострение туберкулезного процесса и кровохарканье, я потерял трудоспособность и вынужден был лечь в постель. Теперь мне стало легче, но кровь еще продолжает идти. По этим причинам я должен просить Вас, чтобы командировка моя была отсрочена. Именно: я могу поехать в январе или феврале 1947 г.² Если такое положение Вас не устраивает, то я прошу мою командировку аннулировать, а деньги, полученные на командировочные расходы, я возвращу в Литфонд³.

26/XII 1946 г.

Андр. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2011. С. 622. Публикация Н. Корниенко.

- Областная комиссия Союза писателей занималась творческими командировками писателей в различные регионы страны. Возглавлял комиссию секретарь правления ССП Л. М. Субоцкий.
- 1 Командировочное удостоверение на поездку в Воронежскую и Тамбовскую области было выдано Платонову президиумом ССП, согласно приказу от 25 ноября 1946 г. и подписано Л. М. Субоцким; даты командировки: с 30 ноября по 30 декабря (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 14). Субоцким подписано ходатайство в правление Литфонда от 26 ноября 1946 г. о финансировании командировки Платонова: “Писатель Платонов А. П. направляется в конце ноября с. г. в Воронежскую и Тамбовскую области для работы над повестью о восстановлении этих областей. Прошу дать ему творческую командировку. Секретарь правления СП СССР Л. Субоцкий” (Там же. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 804. Л. 4).
  - 2 Две визы референтов Субоцкого на письме Платонова: первая — “Для доклада Л. М. Субоцкому. По-моему, конечно, отсрочить, а не аннулировать ‘подпись’”; вторая, очевидно, после согласования вопроса с Платоновым: “Поедет в феврале ‘подпись’” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 33. Ед. хр. 25. Л. 13). В январе–феврале 1947 г. на Платонова обрушивается шквал погромной критики за рассказ “Семья Иванова”. Неизвестно, состоялась ли намеченная командировка Платонова.
  - 3 Документальными подтверждениями о состоявшейся командировке не располагаем. В качестве отчетных материалов на погашение задолженности перед Литфондом Платонов мог представить написанные в 1947 г. произведения о восстановлении Воронежской и Тамбовской областей: повесть “На земляных работах”, рассказы “В 1891 году (Рассказ старого человека)” и “Житейское дело”. Во всех трех произведениях он обращается к личному опыту производственных работ 1921–1926 гг.
- .....

---

[318] А. А. ФАДЕЕВУ
27 декабря 1946 г. Москва

Дорогой Александр Александрович!

При этом посылаю рукопись (2 экз<емпляра>) сборника “Вся жизнь”, что была разобрана в изд<ательстве> “Советский писатель”¹. Я немного изменил содержание книги: один рассказ заменил другим, два добавил². Теперь прошу тебя посмотреть и затем направить ее тов. Ярцеву и Гранику³ с твоим указанием, без этого ничего не двинется⁴.

Очень прошу тебя сделать это скорее, насколько возможно.

27/XII 1946.

Искренний привет.

Андрей Платонов.

Сборник избранных произведений⁵ я представлю немного позже, как только подберу их и перепечатаю на машинке.
.....

Печатается по первой публикации: Воспоминания. С. 464. Публикация Е. Шубиной.

- 1 См. п. 316.
- 2 Проведенные Платоновым замены в составе книги “Вся жизнь” не установлены.
- 3 Граник Георгий Михайлович (1891–1957) — главный редактор издательства “Советский писатель”. 15 ноября 1946 г. секретариат удовлетворил просьбу Бородина об освобождении его от должности исполняющего обязанности главного редактора издательства и утвердил главным редактором Г. М. Граника (до того — зам. главного редактора). Первоначально на заседании секретариата от 23 октября было принято решение: “просить ЦК утвердить главным редактором” издательства Е. Н. Михайлову (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 776. Л. 2), однако в верхах это решение не было поддержано (литературовед Е. Н. Михайлова, в годы войны ответственный редактор журнала “Знамя”, высоко ценила прозу Платонова; в пору ее редакторства в журнале печатались не только рассказы Платонова, но и статьи критиков с высокой оценкой его прозы; была отстранена от руководства журнала в 1944 г. за допущенные ошибки, в частности за публикацию рассказа Платонова “Оборона Семидворья”).
- 4 26 декабря издательство направило на утверждение в секретариат ССП аннотированный план изданий на 1947 г., в который без заглавия была, очевидно, включена книга рассказов “Вся жизнь”: “Платонов А. Рассказы. 8 листов. Тираж 15 000. Рассказы, включенные в книгу, посвящены мыслям и чувствам наших современников — взрослых и детей”; редактором книги указан Н. Замошкин (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 806. Л. 17–22). Принятие такого решения руководством издательства, возможно, связано с тем, что все рецензенты книги, в целом поддержавшие издание Платонова, вошли в состав нового редакционного совета издательства, утвержденного на заседании секретариата ССП 15 ноября (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 776. Л. 36). Директор издательства Ярцев докладывал план издательства на 1947 г. по разделу “Русская литература” на первом заседании секретариата ССП 1947 г., 3 января. План был утвержден, никаких проблем

с книгой Платонова стенограмма не зафиксировала. Фадеев присутствовал на заседании. Неизвестно, знал ли он о статье главного редактора “Литературной газеты” В. Ермилова “Клеветнический рассказ А. Платонова”, которая будет опубликована 4 января (в некотором смысле это была дебютная статья главного редактора “Литературной газеты”, утвержденной в этой должности на заседании секретариата осенью 1946 г.). Развернувшаяся в прессе новая антиплатоновская кампания внесла коррективы в утвержденный секретариатом план издательства на 1947 г. В отложившемся в фонде издательства “Советский писатель” аннотированном “Плане издательства «Советский писатель» на 1947 г.”, подписанном Фадеевым и Ярцевым, уже нет книги рассказов Платонова (см.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 3. Л. 12), нет его имени и в списке “Книг второй очереди” юбилейной библиотеки избранных произведений советской литературы (см.: Там же. Л. 36–37).

- 5 См. примеч. 6 к п. 316. Очевидно, Платонов как-то обсуждал этот вопрос с Фадеевым и ему было известно, что опубликованный в “Литературной газете” список советских писателей, включенных в юбилейную библиотеку, будет дополняться. В секретариате действительно собирали писательские заявки и к концу года подготовили дополнительный список. Вопрос “О пополнении издания избранной библиотеки к 30-летию советской власти” докладывал Фадеев на заседании секретариата 3 января 1947 г. Было принято решение “пополнить” издание библиотеки 16 новыми именами, Платонова в этом списке нет (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 806. Л. 2).

.....

В Детиздат.

В свое время я говорил с А. Т. Кононовым¹ и К. Ф. Пискуновым². Мы говорили о том, что желательно было бы написать книгу, нужную детям и поэтому пригодную для издания ее Детским издательством. Тема для написания такой книги у меня есть, я ее задумал давно, и я начал писать эту книгу. Называется она “Путешеств<ие> в чел<овечест>во” (название пока условное)³. Если кратко объяснить, в чем идея и тема этой книги, то можно сказать приблизительно следующее (в сущности же, никакая тема не поддается более краткому изложению, чем ее возможно изложить в книге). Изображается с детства человек, воспитываемый сначала матерью, а позже, после смерти матери⁴, одним зрелым большевиком. Дается история образования его души. Человек вырастает; у него есть одна душевная, личная особенность: он⁵ не может жить собою и для себя, но может существовать за другого с тем, чтобы этот другой получил возможность жить тою высшей, лучшей жизнью, какой он желает жить (у каждого есть это желание), —

и наш герой предоставляет, как может, эту высшую жизнь другому человеку, а на себя берет его обычную судьбу. И так идет, проходит череда образов людей нашего времени, людей труда и народа, чей подвиг берет на себя наш герой, освобождая их для высшего дела, которое они желают. Сам же наш герой временно существует воспринятой им чужой судьбой, это дает ему смысл существования, затем он переходит к следующему человеку. Это движение, подвиг совести⁶, совершается от трудного к труднейшему — все более и все далее в глубину нашего народа, в направлении к основам нового человеческого мира, где живут великие труженики, сохраняющие и созидające всё, что есть, и всё, что будет.

И наш герой, таким образом “путешествующий” в человечестве, меняется, преобразуется в сторону высокого совершенства. Наконец он встречает такого великого труженика и подвижника народа, судьбу которого он уже не может <взять> себе, — он лишь может стать с ним в ряд, в помощь ему — и здесь открывается вся мощь его души и личности, дотоле лишь постепенно как бы приобретаемая от других, в среде народа, внутри которого он двигался.

Таково внешнее очертание этой повести. Я понимаю, что оно, м<ожет> б<ыть>, даже малопонятное, но изложить ее иначе я не умею.

Как я сказал уже, я начал работать над повестью. Я бы, возможно, уже закончил ее теперь. Однако крайне неблагоприятные обстоятельства, от меня не зависящие, всё чаще и чаще заставляют меня прерывать эту свою работу и даже вовсе ее откладывать⁷. Если бы я имел возможность непрерывно работать над рукописью, я бы смог ее закончить через пять месяцев. Объем работы — около 15 а. л.⁸

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 15–16. Поверх письма и на его полях детские каракули и записи к повести “Дар жизни”.

Датируется условно — по содержанию письма.

Детское государственное издательство (сокращенно — Детгиз) создано в 1933 г. на базе детского сектора издательства “Молодая гвардия” и школьного сектора Государственного издательства художественной литературы. Платонов начал сотрудничать с Детгизом в конце 1930-х гг. (издание рассказа “Июльская гроза” 1940 и 1941 гг.); здесь же в 1946 г. выходит сборник рассказов “Солдатское сердце”, в 1947 г. — “Башкирские народные сказки”, сказка “Финист — Ясный Сокол”, готовится к изданию книга русских народных сказок.

- 1 Редактор московского Детиздата А. Т. Кононов 8 февраля 1946 г. подписал договор с Платоновым на книгу рассказов “Солдатское сердце”, 25 марта — на книгу “Башкирские народные сказки” (литературная обработка)” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 54, 58).
- 2 Пискунов Константин Федотович (1905–1981) — директор московского Детиздата.
- 3 Замысел большой книги для детей под условным названием “Путешествие в человечество” появляется в записной книжке Платонова 1942 г.: “Чрезвычайно «важно» Путешествие / Надо идти именно туда, в сверхконкретность, в «низкую» действительность, откуда все стремятся уйти”; “Очень «важно»/ Есть такой низовой человек, на которого опирается весь мир, как на вершину опрокинутого конуса, — это и есть Аркин из «Путешествия». Нет, не Аркин — но некто больше Аркина” (Записные книжки. С. 235).
В первый послевоенный год Платонов начинает писать повесть “Дар жизни”, в которой реализуются главные идеи замысла книги “Путешествие в человечество”. Повесть осталась неоконченной (опубл.: Платонов А. Сухой хлеб. М., 2011).
- 4 На полях — записи, корреспондирующие с историей жизни героя повести “Дар жизни”, мальчика Ивана Гвоздарева, оставшегося круглым сиротой после смерти любимой матери: “После смерти матери он словно утратил душу и ищет ее как способ жизни, для всего человечества”. Поверх этой записи (карандаш) вписывается новая (чернилами): “Мать ему не досказала сказки, которая есть жизнь, он ищет продолжение жизни”.
- 5 Далее до конца предложения сверху вписывается вариант, уточняющий смысл высказывания: «он» “думает, что другие люди владеют тайной жизни или главным смыслом ее. Поэтому он стремится существовать за другого, с тем, чтобы взять его в долю на себя, и с тем, чтобы этот другой [получил возможность...]”.
- 6 Записи на полях листа, рядом с вписанным сверху чернилами (сам автограф выполнен карандашом) понятием “подвиг совести”: “Труд «сердца — нрзб» есть совесть”, “Он есть совесть”.
- 7 Речь идет о болезни Платонова, см. п. 317.
- 8 По данному письму-заявке предполагалось заключение договора с издательством на 1947 г. и выплата аванса, в котором Платонов в это время так нуждался.

.....

[320]

А. А. ФАДЕЕВУ

Январь—февраль 1947 г. Москва

А. А.

Прошу Вас из сборника рассказов “Вся жизнь”, который находится у Вас, исключить рассказ “Семья Иванова”¹, а остальные рукописи прочитать и с Вашим указанием направить в “Советский писатель” тов. Ярцеву. При этом я прошу Вас, хотя и знаю Вашу занятость, прочитать рукопись скорее, потому что для дальнейшей работы мне необходимы средства к существованию.

Еще я подготовил сборник избранных рассказов², — о чем я говорил с Вами по телефону некоторое время назад, — и прошу Вашего согласия просмотреть этот сборник; иначе я не знаю, как поступить.

И третье дело, с которым я обращаюсь к Вам уже не как к писателю и руководителю Союза, а как к депутату Верховного Совета³, состоит в просьбе прочитать прилагаемую статью-предложение о страховании урожая от недорода⁴. Я обращался с этим делом к другим лицам, но безрезультатно. Моя настойчивость в этом деле, заставляющая обратиться к Вам, объясняется тем, что я неколебимо убежден в огромном государственном значении страхования урожая от недорода.

Впервые: Воспоминания. С. 464. Публикация Л. Шубина. Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1.

Датируется условно — по содержанию письма.

- 1 Беловик письма не выявлен. Нельзя исключить, что письмо не было переписано набело и отослано в связи с началом широкомасштабной кампании критики рассказа “Семья Иванова”, открытой статьей В. Ермилова “Клеветнический рассказ А. Платонова” в первом номере “Литературной газеты” 1947 г. (4 января). Ермилов, принимавший вместе с Фадеевым самое активное участие в погроме Платонова 1938–1940 гг. (см. примеч. 2 к п. 243), был утвержден редактором “Литературной газеты” на заседании нового секретариата ССП 4 октября 1946 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 774. Л. 60) и провел анализ рассказа “Семья Иванова” в строгом следовании установкам партийного постановления о ленинградских журналах, резолюции президи-

ума ССП и многочисленных выступлений Фадеева осени–зимы 1946 г.: “чудовищная пошлость, которая приобретает характер злобной издевки”; “кощунственный характер рассуждений жены Иванова”; “гнуснейшая клевета на советских людей, на советскую семью”; “па-костное изображение” автора; “мрак, цинизм, душевная опустошен-ность, которые составляют тон, колорит, атмосферу всего рассказа”; “самая дурная «достоевщина»”; “манера «юродствующего во Христе»”; “нездоровая тяга ко всему страшенькому и грязненькому”; “уродли-вый, нечистый мирок героев А. Платонова” и т. п. Рецензия заканчи-валась обращением к редакции “Нового мира”, подписавшей к пу-бликации “чуждый и враждебный советскому народу рассказ А. Пла-тонова” (републ.: Воспоминания. С. 467–473). Фадеев выскажется о “Семье Иванова” на страницах главной партийной газеты: “Не менее серьезным идейным провалом является напечатание в № 10/11 журна-ла «Новый мир» лживого и грязноватого рассказа «Семья Иванова». Автор не видит и не желает видеть лица советского человека, а уныло плетется сзади, в хвосте, являя собой пример обывательской отстало-сти, косности и пошлости, перерастающей в злопахательство. Пора бы уже редакциям журналов понять, что такие и им подобные «произ-ведения» не только глубоко чужды самому духу советской литературы, а это и не литература вовсе — это выползающая на страницы печати обывательская сплетня” (Фадеев А. О литературно-художественных журналах // Правда. 1947. 2 февр.). Как пример “идейно порочного, антихудожественного произведения” приводит рассказ Платонова се-кретарь Краснопресненского райкома ВКП(б), призвав руководство Союза не ослаблять “большевистскую бдительность” (За высокую идейность советской литературы. Отчетно-выборное собрание парт-организации ССП СССР // ЛГ. 1947. 21 июня. С. 1) и т. п.

2 См. п. 316.

3 В феврале 1946 г. А. Фадеев был избран депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва (1946–1950).

4 Летом 1945–1946 гг. в центральных областях СССР была засуха, что при-вело к голоду 1947 г. Эта тема в советской печати не обсуждалась. В конце февраля 1947 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), посвященный вопросам сельского хозяйства, принимается специальное поста-новление “О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный пе-риод”; решения февральского пленума по сельскому хозяйству об-суждаются на партийном собрании ССП. Выступавший на собрании зам. министра сельского хозяйства СССР С. Хошатария обратился к писателям с призывом — “осознать величие задач, поставленных партией перед колхозной деревней”, “оперативно” откликнуться “на нужды колхозной массы в форме очерков, брошюр, листовок и т. д.” (Кровное дело советской литературы. На партийном собрании Союза советских писателей СССР // ЛГ. 1947. 22 марта. С. 1). Платонов опера-тивно отзывается на этот призыв и, опираясь на свой собственный опыт мелиоратора в борьбе с засухой 1921 г., отправляет в мае 1947 г. в Министерство сельского хозяйства предложения об учреждении

общества страхования урожая сельскохозяйственных культур (см. письмо из Управления делами Совета министров СССР от 31 мая 1947 г.: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2) и пишет статью “Страхование урожая от недорода (Новая задача четвертой пятилетки)” (см. п. 339).

[321] В. Ф. Бокову

7 февраля 1947 г. Москва

Здравствуй, дорогой мой Виктор!

Прошу простить меня, что я давно тебе не писал¹.

Дело не в том, что я болею и что у меня разные неприятности², — дело в том, что все равно написать можно было бы... Пусть Бог меня простит и ты прости. Итак, через 6–7 месяцев³ мы уже наверняка увидимся. Я буду рад тебе, и хотя я уже пожилой человек, но во мне, как и во всяком человеке, есть что-то⁴ неподвижно-постоянное, простое, счастливое и юное. Это во мне еще живо, и это чувство обращается к тебе. А пережить пришлось столько, что от сердца отваливались целые окоченелые, мертвые куски. У нас растет дочка, которую я люблю не только отцовской любовью, но и человеческой, — ты увидишь, какое это существо... Будь здоров, приезжай⁵, целую тебя.

Андрей.

Москва, 7/II 47. Спасибо за письма и за стихи⁶.

(*Приписка на полях*) Привет от М. А. и от Маши.

.....

Впервые: Творчество, 1995. С. 199. Публикация В. А. Шошина. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 768. Л. 3. Почтовая карточка.

- 1 Ответ на январские письма Бокова 1947 г., проникнутые любовью к Платонову и желанием поддержать его: “Дорогой Андрей Платонович! Почему Вы не пишете? Уже не больны ли и не случилось ли что? Позавчера получил письмо от Пришвина, оно меня очень ободрило. В августе 47 г. у меня кончается «служба» и я буду в Москве, тогда увидимся. Думаю, что за эти годы вы много нового познали, как и я. Буду слушать Вас как ученик, но, может быть, чему поучу и Вас: всего набрался в «университетах». Всегда помню и говорю о Вас с силой прежней любви...” (письмо от 23 января); “Из письма Елагина я узнал, что Вам очень плохо, туберкулез и разрушительные палочки Ермилова мешают жить. Так больно, так много гнева против всех Ваших вра-

гов: как смеют они поднять руку на чистый, своеобразный цветок литературы? Кто дал им право? Наглость и инстинкт самосохранения. Они уитменовские пузырьки, плывущие по поверхности с открытыми ртами, готовыми для принятия пищи. Это охотники за бутербродами. Мне очень больно, что я не могу заступиться за Вас, но я всегда с Вами и преклоняюсь перед Вашим редким талантом, который я не раз тщетно пытался осмыслить и охарактеризовать словами в письмах издалика. Не знаю, получили ли Вы их” (письмо от 30 января // ИРЛИ. Ф. 780. Л. 37–39). Именно из писем В. Елагина Боков узнал не только об ухудшении здоровья Платонова, но и о начале новой кампании критики писателя (см. примеч. к п. 320).

- 2 Имеется в виду ситуация, сложившаяся вокруг Платонова после статей В. Ермилова и руководителя ССП А. Фадеева; см. примеч. к п. 320.
- 3 Срок заключения Бокова закончился 19 августа 1947 г., однако до апреля 1948 г. он работал в лагере вольнонаемным; см. письмо от 10 сентября 1947 г.: “Дорогой, незабвенный рыцарь художества, Андрей! Сообщаю, что скоро месяц, как я гражданин. Остался работать в Сибири зоотехником около свиней, козлов, лошадей. Люблю их больше, чем Пришвин, ибо он в животных видит свое я, а я их самих. Работаю с рассвета до глубокой ночи и успеваю по ходу писать стихи. Много их, детей праведного вдохновения. Я пою и счастлив, что моя муза не оскорбляется много черной поденщиной ремесла. Она свободна от рубля” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 43. Л. 41).
- 4 Этому фрагменту посвящено ответное письмо Бокова от 20 февраля 1948 г.: “Получил твою открыточку, которую очень часто читаю. В ней есть замечательные слова: «Я уже пожилой человек, но во мне, как и во всяком человеке, есть что-то неподвижно-постоянное, простое, счастливое и юное». Это что-то, АП, талант и не в каждом оно есть, хотя вы уверяете, что во всяком человеке. Есть старики телесные и духовные в 17 лет. Дорогой Андрей, я буду счастлив, когда встречу тебя и твою семью. Со мной сейчас творится большой подъем духа — я сейчас счастлив только стремлением к искусству и желанием работать в этой области и встречаться с этими людьми. Мне написал письмо Пришвин, чему я очень рад. Ведь я у него в доме вырос и он материальный писатель, от Земли и от России. Он поэт. Сначала я учился у него, потом у вас, и еще много оказал влияния на меня Пастернак — вот эти три П с большой буквы в моей крови. И вы не обижайтесь, что я вас в себе совмещаю и вы во мне не ссоритесь и цементируете душу. Дорогой Андрей, во мне так сильно чувство творчества и желания сделать добро народу и суметь проскочить все «1 слово нрзб» критиков и дзоты постановщиков, чтоб дошли до народа живое слово, мысль, образ” (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 43. Л. 40–40 об.).
- 5 Из воспоминаний Бокова следует, что он вернулся в Москву 17 апреля 1948 г. и тогда же встретился с Платоновым (см.: Боков В. Высокое слово // Воспоминания. С. 84–86). Судя по имеющимся документам, Боков не сразу смог вернуться в Москву, однако всякий раз, когда оказывался в Москве, он заходил к Платонову и неизменно в 1948–1950 гг.

писал Платонову письма (из Свердловска, Горького), делился замыслами, присылал “трагиковины” — шуточные рассказы и стихи.

Почти в каждом письме к Платонову Боков присылал свои стихи (хранятся в фонде Платонова РО ИРЛИ и ОР ИМЛИ).

.....

[322] К. Я. Шах-Азизову
Февраль 1947 г. Москва

Директору ЦДТ, заслуженному деятелю искусств тов. Шах-Азизову.

Я получил Ваше письмо от 5/II т<екущего> г<ода>¹. В ответ на него я должен сначала сообщить Вам, каковы были в действительности мои отношения к руководимому Вами театру. По предложению театра — в лице А. И. Маграчева² — я согласился написать пьесу для Дет<ского> театра и написал краткую заявку³; затем был заключен договор⁴. Это было весной 1946 г., а пьесу я должен был представить осенью 1946 г. Летом я работал над пьесой. Известное постановление ЦК Партии заставило меня посмотреть на свою работу более строго и ответственно⁵. Я увидел, что рассматриваемая мною тема пьесы, принятая театром в форме заявки, не соответствует новым задачам драматургии⁶. Я решил, чтобы не допустить ошибки, переменить тему, именно — писать новую пьесу на новую тему. Я об этом заявил А. И. Маграчеву; причем разговор шел о двух темах — одна из них (в форме второй заявки) была передана театру⁷, другая тема — юный Пушкин (в связи с тем, что в 1949 г. исполняется 150 лет со дня рождения поэта). Итак, вторая тема — заявка — была передана театру, тема о юном Пушкине была лишь обсуждена устно. Затем мне было сказано, устно правда, что вторая тема моя принята, новый срок для представления пьесы — 10/IV—1947 г., и я начал работать. Еще с прошлого года я подготовил материал для пьесы юном Пушкине, надеюсь, что я буду работать и над этой пьесой.

Затем прошло время, и я получаю Ваше письмо, согласно которому со мной порываются отношения и мне

предлагается возвратить аванс. Я понимаю причины, вызвавшие письмо театра и такое отношение ко мне, и должен здесь заявить Вам, что мое теперешнее материальное положение таково, что я совершенно не в состоянии возвратить аванс в скором времени. В ближайшие десять дней я сумею Вам сообщить определенный срок, когда я смогу это сделать.

В заключение я бы хотел Вас попросить обсудить мое предложение о написании пьесы о юном Пушкине. Хотя я не надеюсь на успех моего предложения, все же я должен его сделать.
.....

Впервые: Воспоминания. С. 480.

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 4–4 об.

Шах-Азизов Константин Язонович (1903–1977) — театральный деятель, в 1933–1945 гг. — директор и художественный руководитель Тбилисского русского театра им. Грибоедова, с 1946 г. — директор Московского театра юных зрителей.

- 1 В письме Шах-Азизова от 5 февраля 1947 г. Платонову сообщали, что театр расторгает с ним договор и просит вернуть аванс: “Договор Вами не выполнен, и по Вашей просьбе мы согласились на изменение темы пьесы. Присланная Вами заявка на новую пьесу была рассмотрена руководством и не утверждена. Ввиду вышеизложенного прошу Вас сообщить, в какой срок Вы сможете вернуть театру аванс” (Воспоминания. С. 480).
- 2 Возможно, Абрам Израилевич Маграчев — театральный работник.
- 3 Речь идет о заявке на пьесу “Тит-человек” (другое название “Добрый Тит”) (опубл.: Воспоминания. С. 476–477; Страна философов, 2011. С. 605–608).
- 4 По договору с театром Платонов должен был сдать пьесу с условным названием “Добрый Тит” не позднее 15 октября 1946 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 2939. Оп. 1. Ед. хр. 676. Л. 15).
- 5 Театр мгновенно отреагировал на публичную критику рассказа “Семья Иванова”, в которой оценка рассказа и всего творчества Платонова была выполнена в стилистике доклада А. А. Жданова о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Вслед за постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах (от 14 августа 1946 г.) было принято также специальное постановление “О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению” (от 26 августа), в котором отмечалось, что “пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров” (Власть. С. 591).

- 6 Замысел пьесы “Тит-человек”, изложенный Платоновым в заявках, связан с главной темой его творчества, ребенком-сиротой, который действует “в большом серьезном мире”, вооружен лишь “чистым сердцем” и борется со злом “силой своего очарования, не сознавая своей силы, и разрушает самые недра враждебных сил” (Воспоминания. С. 476–477).
- 7 Очевидно, заявка на пьесу с условным названием “Злой учитель”. Главная тема пьесы этическая: “Показать на живом примере, на образах людей картину воспитания детей и подростков, воспитания, которое приводит к добрым результатам” (Страна философов, 2011. С. 608. Публикация Е. Антоновой).
- .....

[323]

А. А. ФАДЕЕВУ

4 марта 1947 г. Москва

Александр Александрович!

В двух письмах, которые я написал прежде¹, я просил Вас принять меня, чтобы иметь возможность поговорить с Вами.

В этом третьем письме я снова обращаюсь к Вам с тою же просьбой — дать мне возможность увидеться с Вами², чтобы сообщить о своей работе. Есть вещи, которые никто, помимо Вас, не может решить.

С тов. приветом

Андр. Платонов.

4/III 1947 г.

Тел <ефон> К 19663.

.....

Впервые: Страна философов, 2000. С. 830. Публикация В. Перхина. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 860. Л. 70.

Резолюция Фадеева на письме адресована Л. Субоцкому, которому в ноябре 1946 г. была передана из издательства книга “Вся жизнь”: “Мы договорились с тобой встретиться и решить этот вопрос. Давай встретимся во вторник (29/IV) в 4 ч. дня в ССП и куданибудь спрячемся, чтобы посмотреть <1 слово нрзб>”. Остается неизвестным, читал ли Фадеев книгу “Вся жизнь”, о чем его просил Платонов. Критик Л. Субоцкий книгу Платонова прочитал внимательно еще в феврале 1946 г. и написал в целом положительную рецензию, некоторые оценки Платонова выполнены с нескрываемым восхищением: “В жанре психологического рассказа А. Платонов не имеет соперников в нашей литературе — его рассказы отличаются высоким уровнем фор-

мального мастерства, глубиной и проникновенностью трактовки темы, детальной разработанностью душевных движений. В рассказах Платонова, в его художественном методе всегда живет ощущение неповторимого своеобразия человеческой личности; писатель внимательно, уважительно, проникновенно присматривается к миру мыслей и чувств маленьких и взрослых людей, всегда находит в нем достойное удивления и восхищения и всегда готов радоваться светлому, хорошему, трогательному, скрывающемуся в этом мире". Субоцкий рекомендовал отказаться при публикации книги от двух рассказов — "Юшки" и "Семьи Иванова": "Что же касается рассказа «Семья Иванова», то рассказ этот, сильно и талантливо написанный, несмотря на так называемый «благополучный конец», производит крайне пессимистическое впечатление, организует сознание читателя не в том направлении, на которое, видимо, рассчитывал автор. По сути дела, это рассказ о крахе и развале семьи фронтовика с явно выраженной идеей неведомости «враждебных сил» мира, разделяющих людей, несмотря на их любовь друг к другу". В 1947 г. подобных оговорок у Субоцкого уже не было: "Главная причина жестокого поражения, которое потерпел Андрей Платонов в его попытке коснуться важной моральной проблемы, состоит в том, что он совершенно оторвал весь сюжет своего рассказа от конкретной жизни нашей страны. <...> Как будто бы нарочито, по какому-то беспощадному умыслу, создает писатель эту атмосферу полной изолированности семьи Иванова от всего окружающего. <...> В рассказе содержится открытая, с предельной ясностью выраженная моральная санкция на анархизм и распущенность во взаимоотношениях полов. <...> Рассказ зовет к всепрощению, образ сержанта Иванова отталкивает читателя вопиющей аморальностью..." и т. п. (Субоцкий Л. Заметки о прозе 1946 года // Новый мир. 1947. № 3. С. 151); "Остановливаясь на клеветническом рассказе А. Платонова «Семья Иванова», докладчик отмечает, что этот рассказ переносит нас в душный мирок, абсолютно оторванный от подлинной жизни нашей страны. Философия рассказа в том, что человек — слабое, грешное животное. Общественная мораль в рассказе не находит никакого выражения" (ЛГ. 1947. 22 февраля. С. 4. Доклад Субоцкого на научной сессии, организованной Союзом писателей и ИМЛИ и посвященной советской литературе 1946 г.).

- 1 В двух письмах 1946 г. (см. п. 316, 318) нет просьбы о встрече. Не исключено, что в данном случае речь идет о "двух письмах" 1947 г., которые в настоящее время не выявлены. Письмо подтверждает, что Фадеев не ответил на предыдущие письма Платонова.
- 2 Информацией о встрече с Фадеевым не располагаем. Запись в дневнике Вс. Вишневского от 10 марта 1947 г.: "Принял дела ССП (Фадеев уехал в Англию; оставил 50 не прочитанных им книг и рукописей" (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 2137. Л. 36 об.). Вряд ли кто из заместителей Фадеева мог проявить собственную инициативу в решении вопроса с изданием книг Платонова. Более того, вопрос Платонова все

еще оставался идеологически актуальным, о чем напомнил Ермилов в статье “О партийности в литературе и об ответственности критики”, напечатанной 19 апреля 1947 г. в “Литературной газете”.

.....

[324] Л. М. Субоцкому
12 марта 1947 г. Москва

Уважаемый Лев Матвеевич!

При этом посылаю Вам сборник избранных рассказов — с просьбой ознакомиться с ним и, если Вы найдете нужным, направить рукопись с Вашим заключением в изд<ательст>во “Советский писатель”¹.

В декабре пр<ошлого> года я говорил с А. А. Фадеевым об этой книжке. А. А. Фадеев сказал мне, чтобы я собрал несколько рассказов, которые являются относительно лучшими, и передал бы их в Союз для рассмотрения — с тем чтобы затем их можно было передать в издательство.

Все рассказы, которые собраны в сборнике, печатались, кроме одного — “На земляных работах”².

С тов. приветом

Андр. Платонов.

12/III 1947 г.

Тел<ефон> К 19663.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 42. Л. 1.

Субоцкий Лев Матвеевич (1900–1959) — литературный чиновник, стоял у истоков создания Союза писателей (секретарь оргкомитета ССП), в 1935 г. — заведующий отделом литературы и искусства газеты “Правда”, член редколлегии (1931–1935) и ответственный редактор “Литературной газеты”; в 1946–1948 гг. — секретарь правления ССП, правая рука Фадеева.

- 1 Речь идет о книге для библиотеки избранных произведений советских писателей к 30-летию советской власти; см. примеч. 6 к п. 316. Отзыв Субоцкого на книгу Платонова “Избранные рассказы” не выявлен. В августе 1947 г. рукопись книги была возвращена Платонову.
  - 2 Состав книги неизвестен. Повесть “На земляных работах” была написана в 1947 г., затем сокращена и переработана в рассказ “Свежая вода из колодца” (см. примеч. 2 к п. 341).
- .....

Александр Александрович!

У Вас находятся на прочтении две мои книжки (рукописи): “Вся жизнь” (присланная из “Советского писателя”) и “Избранные рассказы” (их читал т. Субоцкий¹).

Понимая, что у Вас очень много работы² и мало времени, прошу Вас все же просмотреть эти рукописи и дать по ним свое суждение, т<ак> к<ак> иначе судьба их не может решиться³. А для меня очень важно, чтобы Ваше решение по этим рукописям помогло мне жить и работать дальше.

Настойчивость, с которой я обращаюсь к Вам, объясняется моим тяжелым положением и необходимостью лечиться⁴. Я понимаю, что я сам виноват в своем положении, но не из одного рассказа состояла моя жизнь и работа и не из ошибок будет состоять моя будущая работа.

Искренне уважающий Вас

Андрей Платонов.

25/V 47 г.

Тел<ефон> К 19663.

.....

Впервые: Страна философов, 2000. С. 831. Публикация В. Перхина.
Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 860. Л. 69.

1 См. примеч. 1 к п. 324.

2 У генерального секретаря ССП был действительно плотный график работы: регулярные заседания секретариата и совещания, подготовка к пленуму, встречи, ответы на письма и обращения. Фадеев постоянно выступает с докладами на самых разных собраниях и совещаниях: “О состоянии и задачах советской критики” (ЛГ. 1947. 20 февраля; научная сессия в ИМЛИ), “За высокую идейность советской литературы” (Там же. 8 марта; Всесоюзное совещание молодых писателей) и т. п. 24 мая “Литературная газета” сообщила, что 26 мая откроется XI пленум ССП, на котором с докладом “Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»” выступит А. Фадеев.

3 В 1947 г. все толстые московские журналы (“Новый мир”, “Октябрь”, “Знамя”) возвращают Платонову его рукописи; два рассказа в 1947 г.

напечатает журнал “Огонек”, сказку “Финист — Ясный Сокол” — детский журнал “Мурзилка”. Очевидно, Платонов продолжал обращаться в издательство “Советский писатель” с вопросом о судьбе своей книги. 9 июля 1947 г. датировано письмо директора издательства “Советский писатель” Ярцева на имя А. Фадеева с просьбой “ускорить решение вопроса” об издании 7 книг, в том числе книги Платонова “Вся жизнь” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 863. Л. 91). На письме имеется виза секретаря правления ССП Л. Субоцкого: “На секретариат. 18/ VII.” и запись референта с информацией о рассмотрении этого вопроса. “К § 8 протокола заседания секретариата ССП СССР 25. VII—47 г. № 28”. В протоколе № 28 заседания секретариата от 25 июля 1947 г. 8-м параграфом обозначено рассмотрение письма Ярцева; постановляющая часть: книгу рассказов В. Козина — включить в план на 1948 г.; книгу Вс. Иванова “При взятии Берлина” — “считать нецелесообразным печатать без коренной переработки”. Решение по книге Платонова было окончательным: “Книгу А. Платонова «Вся жизнь» считать нецелесообразным печатать” (Там же. Ед. хр. 813. Л. 10).

- 4 Секретариат ССП регулярно рассматривал вопросы о материальной помощи писателям. В 1946 г. Платонов был включен в списки писателей на получение лимитов на октябрь и ноябрь в 500 рублей (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 774. Л. 53; Ед. хр. 776. Л. 32). Весной 1947 г. до Платонова, скорее всего, была доведена информация о его задолженности Литфонду. 11 апреля 1947 г. в секретариат был отправлен “Список писателей, просрочивших погашение полученных возвратных ссуд на 1 октября 1946 г.”. В этом списке Платонов числится под № 14: “Платонов А. П. Сроки погашения 25/XII-40 — 6070 / 15/I-43 — 1224 / 7294” (Там же. Ед. хр. 806. Л. 114). Общая сумма долга в 7 тысяч 294 рубля. Судя по датам, Платонов брал в Литфонде ссуду на то, чтобы одеть вернувшегося из лагеря сына (см. п. 247), и на возмещение расходов на его похороны (Платон умер 4 января 1943 г.).
.....

[325*] А. Ю. Кривицкому
16 августа 1947 г.

Александр Юрьевич!

Я пишу Вам потому, что не могу увидаться с Вами и К. М. Симоновым лично, в то время как для меня труден каждый день. Прошу Вас как можно скорее переговорить с К. М. Симоновым и вынести решение о моих трех рукописях¹. Идут ведь неделя за неделей, месяц за месяцем, мое положение стало совершенно бедственным, ничего кроме голода и болезни у меня не осталось, все перспективы ис-

чезли, устраненные людьми, которые желают это делать. Далее невозможно оставаться в таком положении. Следует, чтобы мои дела осуществлялись скорее, иначе можно пропасть. А я знаю, что я могу еще работать и быть полезным человеком.

От Вас и К.М. Симонова я видел лишь достойное отношение и поэтому пишу это письмо Вам и К. М.

Привет.

Андр. Платонов.

16/VIII-47 г.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 539–540. Публикация Е. Антоновой.

- 1 О двух книгах см. п. 325. Нет пока ясности с третьей рукописью. Возможно, это сборник с условным названием “Гвардейцы человечества”, от которого в архиве писателя остались оглавление и титульный лист (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 47. Л. 1). Ответить на этот вопрос в настоящий момент крайне затруднительно. Как бы то ни было 13 января 1948 г. Платонов передает А. Фадееву еще один свой сборник рассказов — “У человеческого сердца” (подробно см.: *Антонова Е. В.* Андрей Платонов в 1942–1945 гг. // Архив. С. 422–423. См. также далее п. 328).
.....

[326]

К. Я. Шах-Азизову

Сентябрь—октябрь 1947 г., Москва

Директору ЦДТ.

В свое время театр со мною заключил договор на пьесу. Затем тема пьесы по разным причинам несколько раз менялась, вследствие чего я дважды начинал писать две разные пьесы¹ и оставлял их, чтобы в конце концов остановиться на теме “Юный Пушкин” (“В садах Лицея”), к работе над которой я теперь приступаю.

Работа над пьесой о юном Пушкине потребовала, само собой разумеется, нескольких месяцев подготовки, т. е. отыскания и изучения всех материалов, относящихся к теме.

Все эти обстоятельства, равно как и то, что я сейчас нахожусь в крайней нужде, позволяют мне обратиться

к Вам с просьбой о пересмотре моего договора с театром, — с тем, чтобы я в результате этого пересмотра мог дополнительно получить деньги². Это даст мне возможность более быстро и спокойно закончить работу над пьесой “Юный Пушкин”.

Впервые: Воспоминания. С. 480.

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 6–7.

1 См. п. 322.

2 Платонов подготовил заявку на пьесу “Юный Пушкин” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 8–11; опубли. в сокращении: Воспоминания. С. 478–479). В письме от 12 октября 1947 г. Шах-Азизов сообщал: “Согласно договоренности с Вами, театр ожидает от Вас пьесы о юном Пушкине к 1 декабря 1947 г. До предоставления законченного варианта пьесы театр не считает возможным изменить условия договора и выплатить Вам дополнительный аванс” (Воспоминания. С. 481). Платонов выполнил условия дирекции театра и представил в театр к началу 1948 г. пьесу “Ученик Лицея”, однако театр отказался от ее постановки, о чем директор театра сообщил Платонову в письме от 29 апреля 1948 г. (см.: Воспоминания. С. 481).

.....

[327]

М. А. Шолохову

20 ноября 1947 г. Москва

Дорогой Михаил!

Благодарю тебя, что ты нашел время и прочитал три сказки¹. Теперь нужно твое мнение сообщить в Детиздат². Как это сделать? Можно написать по несколько слов на каждой рукописи, можно одну записку, что, дескать, сказки подходящие, — и эту записку или рукописи с твоим заключением направить в Детиздат. Из Детиздата можно вызвать курьера (тел<ефон> К 18905). Можно, наконец, все это дело направить мне. Для меня это жизненно важно.

У меня есть несколько вопросов к тебе. Если бы удалось их решить, я бы, может быть, встал на ноги и избавился от своей болезни. Вопросы эти простые, но для меня, для моих сил, неразрешимые. Изложить их в письме долго

и трудно. А увидеться с тобой нет возможности, как я ни желаю этого.

Один из вопросов — и самый главный — это организация дела издания русского эпоса³. Ты сам понимаешь, что это значит. Оно имеет общенациональное значение. Без тебя мы этого дела не вытянем, с тобою оно пошло бы легко.

Я пишу тебе это письмо потому, что мне уже совестно тебе звонить и внезапно отрывать от работы. Я тебя ожидал вчера весь день, но, видно, у тебя совсем нет времени.

С приветом

Андр. Платонов.

20/XI 47 г.

Тел<ефон> К 19663.

Адрес: Москва, Тверской бульв<ар>, 25, кв. 27.

.....

Впервые: *Шолохов М. А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 2002. С. 365 (в сокращении). Публикация В. Васильева; Страна философов, 2003. С. 965. Публикация Н. Корниенко. Печатается по автографу: ГЗМШ. Кп — 8680/34.

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) — писатель. О дружеских отношениях Платонова и Шолохова вспоминали их современники (В. Боков, Л. Гумилевский, С. Липкин, Е. Таратута, В. Шкловский, А. Бек и др.); о встречах Платонова с Шолоховым в 1930-е гг., во время его приезда из Вешенской в Москву, постоянно сообщали информаторы НКВД (см.: Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 863–865).

1 24 января 1947 г. Платонов подписал договор с Детиздатом на подготовку “Свода русских народных сказов (обработка и редактирование вариантов)”; в новом “Соглашении” с издательством от 29 сентября 1947 г. (см.: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 43. Л. 2) первоначальный объем книги в 8 авторских листов был увеличен до 15. Эту работу Платонов указывает в ответе на анкету бюро секции прозы ССП от 26 февраля 1946 г.: “Обрабатываю том русских сказок (для свода русских сказок, издаваемых Детиздатом под главной редакцией Шолохова)” (Воспоминания. С. 462).

В фондах архива Союза писателей в настоящее время не удалось обнаружить документы, подтверждающие утверждение Платонова, что М. Шолохов возглавил работу по изданию русских сказок. Нет этой информации и у биографов Шолохова. Однако не исключено, что это вовсе не описка всегда точного Платонова, а отражение неизвестных нам реалий. В 1945 г. умер А. Н. Толстой, являвшийся действительным членом Академии наук СССР и возглавлявший работу по подготовке

к изданию “Полного свода русских сказок”; из пяти задуманных книг сказок А. Толстой успел подготовить и издать первую книгу. После ухода Толстого это направление мог курировать действительный член Академии наук М. Шолохов (избран в 1939 г.). Возможно, какие-то материалы этой темы и ее обсуждения хранятся в архивах Академии наук. Мы же имеем лишь два факта, подтверждающие весьма тесные в послевоенное десятилетие отношения Шолохова с фольклористами Академии наук. Прежде всего это проект первого в СССР издания В. Даля “Пословицы русского народа” (оно готовилось известным фольклористом В. Чичеровым и вышло в 1957 г. с предисловием М. Шолохова). Из русских сказок под общей редакцией Шолохова выйдут только две книги: “Волшебное кольцо” — “в обработке А. Платонова” (1950, октябрь) и “Иван меньшой — разум большой” — “в пересказе” фольклориста А. Нечаева (1951, август).

В настоящее время не установлено, какие именно три сказки Платонов передал Шолохову.

- 2 Отзыв Шолохова не выявлен. В ноябре 1947 г. в Детгизе отдельным изданием выходят “Башкирские народные сказки” (договор на эту работу подписан до начала кампании вокруг “Семьи Иванова”) и сказка “Финист — Ясный сокол” (См.: Книжная летопись. 1947. № 42). Сказка “Финист — Ясный сокол” вышла в свет отдельным изданием во многом благодаря положительному отзыву М. Пришвина (датирован 12 апреля 1947 г.; см.: Страна философов, 2003. С. 969); имя редактора не указано. Просьба к Шолохову об отзыве, возможно, связана с желанием Платонова издать три сказки, как и “Финиста...”, отдельными книжками и тем самым урегулировать финансовые отношения с издательством. Из указанного выше соглашения (см. примеч. 1) следует, что Платонов получал с 1 сентября 1947 г. до 1 января 1948 г. ежемесячную выплату в 5 тысяч рублей в счет гонорара за будущую книгу.
- 3 Платонов изложил свое понимание проекта издания русских сказок — этой “высокой бессмертной народной литературы” — в рецензии на книгу “Русские народные сказки в обработке А. Н. Толстого” (1946) — она была опубликована в журнале “Огонек” (1947. № 26. 26 июня). Собрание русских сказок, выполненное фольклористами, утверждает Платонов, это не истина в последней — народной — инстанции, а тоже лишь “обработка”, причем “обработка” ученого. Опыт сказок Пушкина, “идеального обработчика” народных сюжетов, подтверждает, что не ученым, а только художнику под силу “составить” или “обработать” сказку. Причем не всякому художнику, а только “корифеям литературы” (названы Пушкин и Лев Толстой) и “большим художникам” современности (назван Алексей Толстой) удалось, по Платонову, выполнить сверхзадачу и приблизиться к цели — “восстановление, воссоздание наилучшего коренного варианта данной сказки из всех вариантов, созданных народом на эту тему”. Именно эти установки, глубоко отрафлексированные Платоновым, и определяют идею проекта, изложением которого завершается рецензия о книге сказок Толстого. Сказки в обработке Толстого — это “лишь начало дела; необходимо

издать весь свод русских сказок. Этот свод помимо своей великой художественной и этической ценности должен явиться как бы материальным хранилищем сокровища русского языка, драгоценнейшего достояния нашего народа” (Огонек. 1947. № 26 (26 июня). С. 24).
.....

[328]

А. А. ФАДЕЕВУ

30 декабря 1947 г. Москва

Александр Александрович!

Для меня создалось такое положение, что я должен обратиться к Вам. Дело в том, что я могу надеяться на опубликование какого-либо своего произведения, большого или малого, лишь в том случае, если оно просмотрено Вами и по нему есть Ваше суждение. Мне известно, что Вы очень заняты¹, но у меня нет другого выхода. Я бы просил Вас вызвать меня и выслушать². Пока же прошу ответить — могу ли я передать Вам рукопись книжки³ (рассказы, которые я подберу), с тем, чтобы, в случае Вашего одобрения, направить затем рукопись в “Советский писатель”. Я подберу вещи, подходящие и полезные с моей точки зрения. Кроме того, это — дало бы мне возможность дальнейшей работы над большими рукописями, которые замедляются в своем завершении от неблагоприятных обстоятельств.

С приветом

Андр. Платонов.

30/XII 1947 г.

Тел<ефон> К 19663.

.....

Впервые: Страна философов, 2000. С. 832. Публикация В. Перхина.
Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 954. Л. 1.

Визы Фадеева на письме для заведующего секретариатом правления ССП: “т. Зеленской. Попросите сборник рассказов у Платонова для меня. [Подпись] И вызовите его в среду на будущей неделе к 5 ч. дня. А. Ф. 9/1”.

1

См. примеч. 2 к п. 325. Вторая половина 1947 г. была насыщена у Фадеева самыми разными мероприятиями, докладами, претворением в жизнь решений прошедшего пленума ССП. Летом разворачивается кампания разоблачения “эпигонов школы Веселовского”, старт которой был дан

в докладе Фадеева на пленуме; в ноябре проходит кампания выдвижения советских писателей в депутаты местных советов, а также конференция критиков, которую открывал Фадеев (см.: ЛГ. 26 ноября). В декабре сам Фадеев попадает под обстрел критики, фронт работы которой он так планомерно отстраивал в строгом следовании партийным постановлениям 1946 г. В отмеченном Сталинской премией 1946 г. романе “Молодая гвардия” критиками “Правды” была выявлена грубая художественная и политическая ошибка: “Убедительно показав в своем романе характеры, идеалы, взаимоотношения комсомольцев, воспитанных партией, Фадеев не сумел создать столь же полноценные образы самих *воспитателей*, руководителей тех, кому обязана наша молодежь всем лучшим, что есть у нее: *образы большевиков*” (ЛГ. 1947. 7 дек. С. 1. Редакционная статья). Однако критика ошибок романа “Молодая гвардия” никак не отразилась на статусе Фадеева.

- 2 Информацией о личной встрече с Фадеевым не располагаем.
- 3 Сборник рассказов “У человеческого сердца” был передан Платоновым в секретариат ЦСП в начале 1948 г.
.....

---

[329] М. А. Платоновой
Декабрь 1947 г. Москва

Дорогая Муся!

Состояние мое прежнее. t веч<ером> 37,5. Равич¹ был. Будут давать какой-то препарат “Щ”, я буду, конечно, его принимать. Заходи завтра — поговорим.

Что же это с Машей? Надо проследить. Может быть, нужен врач? Береги ее.

Целую ее и тебя. Привет.

Спокойной ночи. Положи ей теплый компрессик и маленького лягушонка на живот (поймай во дворе).

Твой Андрей.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 1. Датируется условно — концом 1947 г.

- 1 Очевидно, Равич-Щербо Владимир Антонович (1890–1955) — профессор, доктор медицинских наук, автор работ по клинике туберкулеза.
.....

Муся!

1. Позвони Зин<аиде> Ник<олаевне> в “Но-в<ый> мир”¹; если очерк “Юность строителя”² у них не пойдет, тогда возьми рукопись обратно. И затем позвони (тел<ефон> есть) в журнал “Смену”, <позови — ?> тов. Львова³ и скажи, что есть, дескать, рукопись, пусть, если она им нужна, пришлют курьера, поскольку Платонов в больнице.

2. Если З. М. Андреева⁴ (или другая) согласна на вторую сказку, то перепечатай на машинке “Иван Бесталан-ный и Елена Премудрая” (пусть печатает Дарья Ник<олаевна>⁵) — и тогда дай на радио.

3. Справься у Мих<аила> Ал<ексан>р<овича> о моем письме к нему⁶.

4. Поцелуй Машу.

5. Позвони Ирине Владимировне⁷. Скажи ей, что я бы очень хотел, чтобы те две сказки (“Морока” и “Иван Бесталаный”), которые я переработал в свое время, были все же изданы отдельно, как было прежде решено⁸. Если требуется еще дополнительная переработка, или изменение, пусть сделает сама И<рина> В<ладимировна> (я же не могу пока этого сделать). Пусть, наконец, посоветуется по этому делу с М. А. Ш<олохо>вым, если ей удастся с ним связаться. Пусть реализует хоть это маленькое, но полезное дело⁹, пока я сбит с ног болезнью и не могу закончить большого. Так и скажи ей.

6. Ура!

А.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 3–4. Датируется условно — по содержанию письма.

1 Зинаида Николаевна — секретарь заместителя главного редактора журнала А. Ю. Кривицкого, с которым Платонов был знаком по работе в годы войны в “Красной звезде” (см. примеч. 2 к п. 299) и на поддержку которого он, очевидно, рассчитывал.

- 2 В фонде “Нового мира” хранятся папки с рассказами Платонова “Житейское дело”, “Сухой хлеб”, “В 1891 году. Рассказ старого человека”, переданными Платоновым в журнал в 1947 г. Очевидно, машинопись рассказа “Юность строителя” была возвращена автору и в начале 1948 г. Рассказ также читался в журнале “Октябрь”, о чем свидетельствует письмо члена редколлегии журнала Г. Санникова от 6 марта 1948 г.: “Уважаемый Андрей Платонович! Очерк «Юность строителя» редакция напечатать не может. Возвращаю. Привет. Г. Санников” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 26). При написании рассказа использовались страницы машинописи рассказа “Афродита”, который Платонов пытался несколько раз опубликовать с 1944 г.
- 3 В редколлегии журнала “Смена” в 1944 г. уже читали первую редакцию рассказа “Афродита”; возможно, Платонов надеялся, что очерк с почти символическим названием будет принят в самый популярный молодежный журнал страны. Львов Михаил Давыдович (1917–1988) — советский поэт; работал в редакции журнала; его стихи и переводы национальных поэтов постоянно печатались в “Смене”.
- 4 Андреева З. М. — неустановленное лицо. Возможно, речь идет об актрисе, читавшей на Всесоюзном радио сказки Платонова. Материалами об этой истории не располагаем.
- 5 Часовитина Д. Н.
- 6 Речь идет о письме М. А. Шолохову от 20 ноября 1947 г. (см. п. 326).
- 7 Воробьева Ирина Владимировна — редактор Детского государственного издательства (Детгиз), курировала подготовку к изданию книги “пересказанных” Платоновым русских народных сказок.
- 8 В ноябре 1947 г. отдельным изданием в Детгизе вышла сказка “Финист — Ясный Сокол” (см.: Книжная летопись. 1947. № 42). Очевидно, Платонов рассчитывал на подобное же издание двух указанных сказок в 1948 г. (еще можно было внести добавления в план будущего года). Однако для этого необходимо было заручиться положительным заключением рецензентов. “Финист...” вышел отдельной книгой во многом благодаря поддержке М. Пришвина, чей однозначно положительный отзыв оказался для издательства весомей заключения фольклориста А. Нечаева, представившего список допущенных Платоновым ошибок (подробно см.: *Корниенко Н.* Письмо А. Платонова М. Шолохову и некоторые контексты работы писателя над книгой сказок “Волшебное кольцо” // Страна философов, 2003. С. 967–969). Сохранились два отзыва на предлагаемые Платоновым к отдельному изданию новые сказки: отзыв известного фольклориста и составителя книг русских народных сказок Н. Рыбаковой датирован 7 января 1948 г., второй отзыв, составленный руководителем сектора фольклора ИМЛИ Н. М. Онуфриевым, не датирован, однако с большой вероятностью он написан также в начале 1948 г. Оба рецензента написали развернутые отзывы, основное содержание которых, как и у А. Нечаева, свелось к списку отмеченных у Платонова искажений идеи народности, как ее следует понимать советскому писателю: “Иван, бесталаный в жизни и в работе, получает богатство и завоевывает жену тер-

пением, кротостью и любовью. Следовательно, добро, любовь, терпение превыше всего. В этом основная идея сказки. В такой формулировке эта идея — ненародна. Если она и проводится иногда в сказках — это влияние книжности, и книжности, главным образом, христианской. <...> Нам кажется, что А. П. Платонов взял отдельные, частные и не ведущие черты героев русского эпоса и показал их как черты характерные, т. е. частное показал как общее. Таким образом заслонилась основная тенденция русской сказки: активно-творческое отношение народа к жизни. <...> Иван-дурак совершает подвиги, выполняет трудные задачи, достигает цели, побеждает всё и всех именно потому, что он воплощает в себе творческое, активное начало, а не благодаря пассивному прекраснотушию. <...> Нам думается, что сказка много бы выиграла в смысле подлинности идейной сущности народно-поэтического творчества, если бы герой, наряду со всеми его прекрасными душевными качествами, обладал бы главной, ведущей, наиболее характерной чертой всех героев народного творчества — активностью, действенностью, умением побеждать препятствия” (Отзыв Н. Рыбаковой // ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 66. Л. 1–4).

9

Издание не было осуществлено.

.....

1948

.....

[330*]

К. М. Симонову

14 апреля 1948 г. Москва

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

К. М. Симонову

Дорогой Константин Михайлович!

Я узнал, что рукопись моей книжки “У человеческого сердца” (сборник), которая была у А. А. Фадеева, теперь передана Вам и в Секретариат¹. Если это так, то очень прошу Вас не задерживать рассмотрением мой сборник. Я надеюсь, что можно этот сборник (или часть его) издать книжкой. Для этого очевидно нужно решение Союза и указание Г. А. Ярцеву. Прошу Вас помочь в этом мне. Тогда бы я мог иметь заработок, надеяться на выздоровление и дальнейшую работу.

С искренним приветом и уважением

Андрей Платонов.

14/IV-48.

Тел. К19663.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 540.
Публикация Е. Антоновой.

1 См. п. 328.

.....

Тов. А. А. Жданову.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович! При этом письме посылаю Вам рукопись пьесы “Ученик Лицея”, — с просьбой прочитать эту пьесу и дать возможность напечатать ее и поставить на сцене¹, если с Вашей стороны не будет к тому возражений.

Я обращаюсь к Вам потому, что некому решить этого вопроса, кроме Вас. Конечно, работники в редакциях или в театре должны и могут решать такие вопросы, но в случаях со мной (когда я предлагаю им свои рукописи) эти вопросы почти всегда превращаются в практически неразрешимые, — и мне либо возвращаются рукописи без всякого суждения, либо рукописи вообще оставляются без ответа (они как бы не отвергаются, не принимаются).

Сейчас я осмеливаюсь обратиться к Вам. Долгая, тяжёлая болезнь ввергла меня в нужду, при которой я не могу бесконечно долго ожидать ответа по поводу своих работ от людей, которые не желают или не могут дать мне ответа.

Поэтому я обращаюсь к Вам, в надежде, что Ваше суждение о посылаемой рукописи будет наилучшим решением ее судьбы.

.....

Впервые: Воспоминания. С. 484. Публикация Л. Шубина. Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 111.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) — член Политбюро ЦК ВКП(б); в 1946–1947 гг. — главный партийный куратор литературной и культурной жизни СССР.

1 Письмо, очевидно, писалось после получения известия из Центрального детского театра с отказом от постановки пьесы “Ученик Лицея”, т. е. не ранее конца апреля 1948 г. А. А. Жданов уже был болен (умер 31 августа 1948 г.). Неизвестно, было ли письмо переписано набело и отправлено адресату.

.....

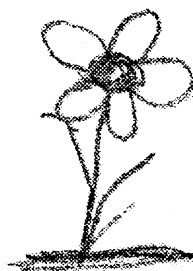
[332] М. Ан. Платоновой
 Май—июнь 1948 г. Москва

Здравствуй, дорогая любимая моя дочь, красавица
 Маша!

Целую тебя и скучаю по тебе. В больнице очень
 плохо. А самое плохое, что я тебя не вижу. Машенька! Слу-
 шайся маму и бабушку¹. Я слышал, что ты балуешься и не
 слушаешься маму и бабушку. Слушайся и люби их. Я ведь
 в больнице. Ты наполовину сиротка.

Целую тебя,
 моя дорогая дочка.
 Твой отец.

белая ромашка

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 3. Датиру-
 ется условно — по содержанию письма.

Письма Платонова к дочери и жене 1948 г. отправлены из московского
 санатория “Высокие горы” (ул. Чкаловская, д. 53; ныне — Земляной
 Вал). На сохранившихся конвертах и почтовых карточках указан полу-
 чатель: “Платоновой Марии Андреевне” — кроме двух писем, адреса-
 том которых указана Мария Александровна.

Платонова Мария Андреевна (11.10.1944–20.10.2005) — дочь пи-
 сателя. Педагог, художник-график, художественный редактор. После
 окончания художественно-педагогического училища работала год по
 специальности — учителем рисования в средней общеобразователь-
 ной школе (Московская область). В 1971 г. окончила Московский по-
 лиграфический институт (ныне — Московский государственный уни-
 верситет печати имени Ивана Федорова), получила квалификацию
 художника-графика. С 1971 по 1990 г. работала старшим художествен-
 ным редактором в издательстве “Прогресс” (Москва); с 1990 г. — стар-
 ший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горь-
 кого РАН. При содействии М. Ан. Платоновой подготовлен 1-й том на-
 учного Собрания сочинений, опубликованы “Записные книжки”
 писателя и другие материалы из семейного архива Платонова.

1 Кашинцева М. Е.

.....

[333] М. Ан. Платоновой

13 мая 1948 г. Москва

Здравствуй, моя дорогая, самая любимая, самая красивая и самая любезная дочь Машенька!

Я по тебе сильно скучаю и тоскую; все время думаю, — а когда я увижу свою красавицу и умницу дочь Машеньку? Покупает ли тебе мама куклы, новые книги, игрушки, сладкое вино в бутылках? Если не покупает, напиши ко мне в больницу жалобное письмо.

Приезжай ко мне гулять в парк, когда будешь свободна. Я теперь выздоравливаю, растолстел и стал вот таким:

Это слезы от тоски
по Маше капаят
в рюмки.

13/v 48.

Отец.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 4; почтовая карточка.

.....

[334] М. Ан. Платоновой

18 мая 1948 г. Москва

18/v-48.

Здравствуй, моя дорогая разумная и красивая дочь Машенька!

Давно я тебя не видел и соскучился по тебе. Скажи маме, чтобы она сегодня же купила тебе новые книги в Детиздате, а то тебе, я чувствую, нечего читать.

Пусть сегодня же мамаша купит тебе книг, — а то что такое?

Я все лежу болею и думаю о тебе: как живет моя дочка, помнит она меня или уже вовсе забыла?

Скоро-скоро я тебя увижу, дочка моя Машенька, и подарок тебе подарю.

А еще скажи маме, пусть она:

- 1) привезет мне бумаги для писания, как вот эта¹;
- 2) еще скажи, что больница сама решила лечить меня стрептомицином² и запросила это лекарство из министерства здравоохранения;
- 3) еще что-нибудь ей скажи, чтобы она не ходила куда гулять одна, а сидела бы возле Машеньки, пока я в больнице.

Ну, в общем, до свидания, целую тебя — твой отец.

У нас в саду в больнице живет такой зверь; он похож и на лошадь, и на человека³.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 5.

- 1 Просьба вызвана, очевидно, нехваткой бумаги, необходимой Платонову для работы. Письмо написано на фрагменте белой, нелинованной бумаги; для других писем дочери и жене из больницы (кроме п. 332) использованы почтовые карточки.
- 2 См. примеч. 5 к п. 342.
- 3 Судя по рисунку, речь идет о скульптурных композициях в архитектурно-парковом комплексе “Высокие горы” (чугунное литье, архитектор Д. И. Жиллярди, 1829–1831 гг.).

.....

[335] М. Ан. Платоновой

26 мая 1948 г. Москва

26/V 48.

Здравствуй, моя дорогая любимая и единственная дочь Маша!

Ты не забыла еще меня? — Я тебя помню. У нас в больнице, в парке, в котором ты гуляла, жил соловей.

По утрам он пел соловьиные песни. А вчера его поймала и съела злая больничная толстая кошка. Соловей умер в когтях у кошки и больше не поет. Нам стало скучно.

Я тебе покажу злую кошку, которая съела соловья, когда ты приедешь ко мне с мамой. Сегодня меня начали лечить новым лекарством, чтобы я скорее выздоровел. Колют в попку длинной иглой. У меня от этого болят ноги и голова.

Ну, целую тебя в умную твою головку.

Твой отец.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 7. Почтовая карточка.

.....

[336]

М. Ан. Платоновой

11 июня 1948 г. Москва

Здравствуй, дорогая и любимая моя дочь Машенька! Ты спроси у мамы — а почему она тебе давно-давно не покупает новых сказок в Детиздате; скажи ей, что в газетах пишут — вышло новое издание сказок Андерсена¹ и другие книжки. Пусть она их тебе купит, а то.....

А еще скажи своей мамаше, что я очень скучаю по своей дочери Машеньке, т. е. по тебе, и что скоро я куплю тебе новую куклу. Подумай и ответь мне — какую именно купить тебе куклу. Затем до свиданья.

Остаюсь твой отец,
лежу в больнице.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 8. Почтовая карточка.

1

Имеется в виду издание: Андерсен Г. Х. Сказки. М.: Детгиз, 1948.

.....

[337] М. Ан. Платоновой
17 июня 1948 г. Москва

17/VI 48.

Здравствуй, моя дорогая любимая дочь Марья Андреевна!

А почему тебе мама не покупает новых книг в Детиздате? Пусть сегодня же купит — скажи, что папа велел купить. А то что это такое! — Или она дочь свою не любит?

Я позвоню тебе в субботу вечером, часов в 6. Если ты в воскресенье будешь свободна после 3-х часов дня, то я, может быть, к тебе приеду в гости. В воскресенье будет праздник троицы, мы с тобой будем пить вино, и маме с бабушкой дадим маленько. Целую тебя.

Твой папа.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 10; почтовая карточка.

.....

[338] М. А. Платоновой
17 июня 1948 г. Москва

17/VI 48.

Здравствуй, дорогая жена Марья Александровна!

Поздравляю тебя и Марию Емельяновну¹, с наступающим праздником. Если будет хорошая погода завтра, в пятницу, либо в субботу, то я бы советовал свезти Машеньку погулять в Парк культуры и отдыха с утра. Если тебе одной трудно или нет времени, тогда, может быть, нужно попросить Петю², покуда у него отпуск. Ведь Маша была бы так довольна. Если бы я мог, я сам бы ее свез туда. Пусть она там погуляет. Ассигнуй на это 50 руб<лей> из моей пенсии.

Твой мужжж.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 9. Почтовая карточка.

1   Кашинцева М. Е.

2   Трошкин П. А.

.....

| ПИСЬМА | 1948 |

[339]   В. В. ЕРМИЛОВУ

23 июня 1948 г. Москва

Редактору “Литературной газеты”.

При этом посылаю Вам статью “Страхование урожая от недорода” и прошу напечатать в “Лит<ературной> газете”¹ — в порядке ли обсуждения или в другом порядке, как Вы найдете возможным.

Должен сказать Вам следующее. Я верю в большое общегосударственное значение страхования урожая² и поэтому настоятельно прошу Вас внимательно ознакомиться с рукописью. Если Вы пожелаете иметь консультацию по поводу самой идеи страхования урожаев, то это Ваше дело и Ваше право. Однако должен Вам сказать, что я на этом пути потерпел неудачу: я встретил непонимание, незаинтересованность и равнодушие, похожее на пренебрежение. Так что, если Вы, подобно мне, обратитесь к людям, хотя и специалистам, но людям предвзятых мыслей, вопрос не будет решен³. Дело в том, что по страхованию урожая от недорода, как эта идея трактуется в статье, нет специалистов, потому что такого страхования практически еще не существует.

Другое дело, если идею страхования урожая можно обсудить с политическим деятелем высокого ранга. Но этой возможности я не имел.

С приветом

А. Платонов.

23/VI 48.

Тел<ефон> К 19663.

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Впервые: Независимая газета. 1999. 1 сентября. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по авторизованной машинописи: РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 3. Ед. хр. 273.

- 1 Статья написана в связи с засухой 1946 г. (см. примеч. 4 к п. 320).
- 2 С идеей создания Общества страхования урожая от недорода Платонов обращался в министерство сельского хозяйства и к А. Фадееву (см. прим. 4 к п. 320). В пору работы губернским мелиоратором Платонов занимался вопросами борьбы с засухой 1921 г. и посвятил этой теме несколько статей (см.: Страхование урожаев от засухи (Дискуссионная статья) // Воронежская коммуна. 1922. 26 сентября).
- 3 Статью в “Литературной газете” прочитали (поля машинописи испещрены вопросами и замечаниями читавшего члена редколлегии), однако от дискуссии о предложениях Платонова газета отказалась: “В нашей стране существует широкая система государственного страхования урожая, скота и т. п. и выдумывать какие-то особые паевые кооперативные общества по страхованию, по-моему мнению, нет нужды” (виза на 1-й странице статьи).

[339*] К. М. Симонову
5 августа 1948 г. Москва

К. М. Симонову

Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Обращаюсь к Вам с просьбой — нельзя ли ускорить решение вопроса по поводу моей рукописи (сборника), т. е. — или направить ее, рукопись, в “Советский писатель” с Вашим решением для издания, или, т <ак> сказать, наоборот¹.

Дело с этой рукописью продолжается без малого почти год. Вы понимаете, что это трудно, очень трудно. Поэтому прошу Вашего вмешательства.

Жму Вашу руку.

Андр. Платонов.

5/VIII-48.

Привет А. Ю. Кривицкому.

(*Приписка на левом поле*) Рукопись сейчас находится, кажется, у Н. С. Тихонова².

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 540–541.
Публикация Е. Антоновой.

- 1 Симонов книгу читал, однако его отзыв на сборник, как и в случае со сборником “Вся жизнь”, до нас не дошел.

Симонов ознакомился с отзывом Н. Тихонова и сохранил его в своем архиве:

“Платонов талантливый писатель, даже очень талантливый. Рассказы его написаны сильно и красочно. У него своя, непохожая на других, манера письма. У него своя выдумка, свой язык — напряженный, выверенный, живописный.

Это все несомненно его достоинства. Их можно в данной книге видеть в таких рассказах, как: «Гроза», «Вся жизнь», «Третий сын», «Бессмертная слава» и др.

Но нельзя не остановиться и перед его недостатками. Писатель имеет несомненное пристрастие к темным пятнам человеческой психологии, местами даже нечто мистическое скользнет нет-нет на его страницах (напр. рассказ «Пестрая бабочка»). Что-то болезненное присутствует в иных его вещах. Как будто Платонов уходит в эти похожие на формальные опыты вещи, противопоставляя им реальный мир, любясь придуманными, условными положениями и персонажами.

Если издавать книгу его рассказов, то необходим, во-первых, — строгий отбор произведений, во-вторых, — хороший редакторский глаз, потому что иногда он пишет неряшливо («умерший труп», напр., в рассказе «Бессмертная слава»).

Надо, чтобы из книги были удалены рассказы, вызывающие настороженность и двойственное впечатление своим содержанием. Н. Тихонов” (РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2644. Л. 1).

.....

[340]

К. М. Симонову

30 августа 1948 г. Москва

Зам<естителю> генерального секретаря Союза советских писателей К. М. Симонову.

Прошу Вас, если к тому есть возможность, сделать распоряжение хозяйственной части Союза о необходимости производства небольшого ремонта в квартире, в которой я проживаю (Тверской бульв<ар>, 25, кв. 27)¹. Я обращался много раз с этой просьбой в управление домом им. Герцена, к коменданту, но просьба не была выполнена². Поэтому я вынужден обратиться к Вам.

Ремонт носит аварийный характер, произвести его следует немедленно. Это видно из характера работ, которые нужно произвести.

Следует исполнить:

1) оштукатурить потолок котельной центрального отопления и тщательно заделать все щели в нем: из котель-

ной, над которой расположена квартира, проникает угарный газ, он представляет явную смертельную опасность для моей семьи;

2) в некоторых участках пола завелся строительный древесный грибок; от него оседают стены, половой настил превращается в труху, умывальные и пр<очие> приборы теряют опору и валятся; древесный грибок — заразная вещь, и его надо ликвидировать в интересах целостности всего дома, и чем скорее, тем эта работа обойдется дешевле; для этой цели следует заменить пораженные участки пола просмоленным материалом и произвести связанные с этим работы.

Если бы я сам был работоспособным, я бы сделал этот ремонт за свой счет, но этой возможности у меня сейчас нет.

С приветом

Андр. Платонов.

30/VIII 48 г.

Тел<ефон> К 19663.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 890. Л. 34–35. Виза на письме: “На секретариат. К. Симонов” и помета референта об исполнении: “Материал к протоколу заседания Секретариата ССП СССР № 40 от 6/IX–48. §8”.

1 6 сентября 1948 г. вопрос “О ремонте квартиры писателя А. Платонова” (в протоколе § 8) рассматривался на заседании секретариата ССП, под председательством К. Симонова (в отсутствие Фадеева заседания вели его заместители). Постановили:

“1) Выдать Платонову пособие на ремонт квартиры из средств, ассигнованных Литфондом на эти цели.

2) Сумму ремонта определить после осмотра квартиры и установления объема работ.

3) Поручить тов. Липфельду проследить за этим. Срок — 2 недели” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 890. Л. 2, 6).

Больше вопрос ремонта квартиры Платонова на заседаниях секретариата ССП не обсуждался; возможно, какие-то материалы по этому вопросу имеются в архиве Литфонда. Летом 1950 г. секретариатом был утвержден “Пятилетний план Литфонда на новое строительство, капремонт” на 1951–1955 гг., в котором отдельным пунктом значится: “Капитальный ремонт дома № 25 по Тверскому бульвару с благоустройством и газификацией” (Там же. Ед. хр. 1080. Л. 52).

2 См. п. 310.

.....

21 ноября 1948 г. Москва

Бюро секции прозы, Тов. Чаковскому.

В ответ на Ваше письмо¹ сообщаю, что я работаю над повестью, темой которой является деятельность современного деревенского инженера-гидротехника; эту повесть я должен бы уже закончить², но долгая болезнь задержала окончание работы.

Одновременно я работаю над созданием нового текста русского народного эпоса (волшебные сказки) для Детиздата³.

У меня есть надобность выехать в командировку в Воронежскую и Тамбовскую области⁴, в связи с моей работой над повестью, и я туда поеду, если выздоровлю.

С тов. приветом

Андр. Платонов.

21/XI 48 г.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 41. Л. 22. Чаковский Александр Борисович (1913–1994) — прозаик, активный участник литературной жизни 1940-х гг.; в это время ответственный секретарь секции прозы ССП. Как член редсовета издательства “Советский писатель” принимал участие в обсуждении вопроса о включении в план издательства на 1952 г. первого посмертного сборника избранных произведений Платонова; написал развернутый (20 машинописных страниц) отзыв, в котором доказывал чуждость Платонова советской литературе: мироощущение писателя восходит к “столпам декаданса и веховщины”; попытки Платонова соединить свое философское мироощущение (“упадочная идеалистическая философия”) с эстетическими принципами соцреализма обернулись творческим поражением и явили “чудовищные результаты” искажений советской действительности; в военных рассказах и “рассказах о якобы советских детях” пропасть между советской реальностью и собственным мировоззрением становится у Платонова “все шире” и т. п. Чаковский не рекомендовал издавать Платонова: “Предложить советским читателям произведения, воспевающие страдание и смерть или произведения очерковые, не выдержавшие проверки временем, естественно нельзя. На наш взгляд, из числа произведений, включенных в «Избранное», невозможно составить книгу, которая бы имела воспитательное значение и была бы с одобрением встречена общественностью” (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 773. Л. 32).

- 1 Данное письмо в фондах Платонова не выявлено. За подписью Чаковского в конце октября писателям было направлено письмо-анкета с просьбой ответить на три вопроса: 1) над чем они работают; 2) хотят ли обсудить написанное на секции прозы; 3) нужны ли командировки для работы. По ответам писателей 13 ноября была составлена первая таблица “Ответы писателей на запрос секции прозы”, где в графе “Над чем работает” рядом с фамилией Платонова значится: “Болен, не работает” (Там же. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 41. Л. 40). После получения ответа Платонова в графу внесена новая информация: “Работает над повестью. Тема современная». О деревенском инженере-гидротехнике. Для Детгиза пишет новый текст русского народного эпоса” (Там же. Л. 42).
- 2 Речь идет о повести “На земляных работах”. Работа над повестью была завершена, повесть представлялась в редакцию журнала, очевидно, “Нового мира” (сохранилась машинопись с редакционными пометами и вопросами на полях). На основе второй части повести написан рассказ “Свежая вода из колодца”, рукопись которого представляет монтаж машинописных страниц повести с авторскими вставками и правкой (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 55).
- 3 См. п. 326.
- 4 См. примеч. к п. 317.
.....

[341*]

К. М. Симонову

25 ноября 1948 г. Москва

К. М. Симонову

Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Мне сказали, что рукопись книги (сборник “У человеческого сердца”) передана Вам для решения. Прошу Вас, Константин Михайлович, решить наконец участь моей книжки.

Если решение Ваше будет благоприятным, то об этом следует сказать Г. А. Ярцеву — в “Советский писатель», — с тем, чтобы Ваше мнение и мнение других товарищей, которые читали рукопись, было равнозначно, по крайней мере, суждению редсовета издательства; и что поэтому рукопись не следует проводить через редсовет издательства: это просто займет очень много времени.

Если возможно (я знаю, как Вы много работаете), то просмотрите рукопись поскорее; для меня это серьезно и важно, — важно для моей будущей работы и для жизни.

Благодарю Вас за все то, что Вы сделали для меня, —
Вы сделали очень многое, и я продолжаю еще держаться
и бороться с болезнью. Желаю Вам здоровья и счастья.

Искренний привет и поклон.

Андр. Платонов.

25/XI-48.

Тел. K19663.

.....

Печатается по первой публикации: Страна философов, 2017. С. 541.

Публикация Е. Антоновой.

.....

1949

.....

[342] М. А. Платоновой

Март 1949 г. Москва

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Дорогая Муся!

Гринчар¹ и Верховский не были у меня. Был профессор <ессор> Левитин², с завтрашнего дня начнут давать таблетки Верховского³. Здоровье мое без изменений, слабость, в уборную возят в коляске. Вся надежда на таблетки эти, но они, говорят, не так уж эффективны⁴. Береги стрептомицин⁵. Левитин сказал мне, что его нету сейчас нигде, в Наркомздраве тоже нет. Нету временно, но нету, а без стрептомицина не обойтись. Просил, умолял Левитина, чтобы он тебе разрешил посетить меня. Не разрешает. Страдаю о вас с Машей ужасно. Болит тело и болит душа. Все никак мне не легчает, даже ходить не могу.

Все, что ты приносишь, копится в запас. Здесь кормят вполне удовлетворительно, я съедаю почти все, 9/10 того, что дают.

Целую. Пиши. Пришла няня.

Твой Андрей.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 7. Датируется условно — по содержанию письма.

- 1 Гринчар Николай Николаевич (1881–3.05.1949) — профессор, заведующий кафедрой туберкулеза Центрального института усовершенствования врачей; в это время — директор Московского областного научно-исследовательского туберкулезного института (МОНИТИ).
  - 2 Левитин Ф. И. — профессор МОНИТИ, один из авторитетных специалистов СССР в области лечения туберкулеза, редактор коллективной монографии “Туберкулез” (1940), автор статей в журналах “Проблемы туберкулеза” (1940. № 2–3; 1952. № 2), “Советская медицина” (1951. № 12).
  - 3 Речь идет о препарате “ПАСК” (парааминосалициловая кислота) в таблетках (см. ниже примеч. 5 к п. 350). Верховский Николай Александрович — известный московский врач, сотрудник МОНИТИ. Именно Верховским подписан ряд документов 1949–1950 гг., связанных с лечением Платонова (см. примеч. к п. 350).
  - 4 См. заключение профессора А. Е. Рабухина о первых результатах лечения ПАСКом, изложенное в его научном докладе 11 января 1950 г.: “Под влиянием больших доз парааминосалициловой кислоты отмечается определенный лечебный эффект <...> при некоторых формах туберкулеза. Преимуществом этого препарата является его малая токсичность. Только у некоторых больных, принимающих по 12, а иногда 15 грамм ПАСК в сутки, появляются поносы и метеоризм. У многих (по нашим наблюдениям в 50 % случаев) под влиянием ПАСК наблюдается снижение температуры, иногда не уступающей действию других способов лечения и даже стрептомицину. Одновременно у больных уменьшается количество выделяемой мокроты и значительно улучшается их самочувствие. Но следует отметить, что резко выраженного местного эффекта в легких нам до сих пор не удавалось наблюдать. Лишь в части случаев можно отметить уменьшение воспалительных инфильтрационных изменений. Крайне редко наступает при этом закрытие каверн, несмотря на то, что больные получают до 1 и более кг препарата” (ЦГАМО. Ф. 7934. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 5–6).
  - 5 Стрептомицин — исторически первый антибиотик, оказавшийся активным против туберкулеза и чумы; открыт в 1946 г. американским профессором З. Ваксманом, за что он получил Нобелевскую премию в 1952 г.; в СССР приобретался за большие деньги Наркомздравом или же его доставали через своих знакомых. Е. Таратута вспоминала: “Работала я тогда в Президиуме Академии наук СССР. Андрей Платонович стал просить меня достать для него лекарство из Америки. А что я могла? Ничего не могла... Ничего” (Воспоминания. С. 104). Осенью 1948 г. датированы письма главного врача Тубдиспансера С. А. Шубина и А. Т. Твардовского (на бланке: “Депутат Верховного совета РСФСР А. Т. Твардовский”) на имя председателя Всесоюзного общества красного креста и полумесяца с просьбой приобрести для писателя Платонова 100 граммов стрептомицина; неизвестно, были ли эти прошения отправлены по назначению (хранятся в фонде Платонова ОР ИМЛИ: оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 98).
- .....

[343] М. А. Платоновой

Март 1949 г. Москва

Дорогая моя Муся!

Мне нужен компот из чернослива (для желудка), а больше ничего. Хорошо, если товарищи передадут $\frac{1}{4}$ -ку коньяку: проф <ессор> Левитин советовал мне пить его понемногу как лекарство.

Сегодня смотрели меня рентгеном. Сказали прямо: у вас очень, очень большой процесс. Было тяжело. Потом расскажу, как было. Сегодня начали давать таблетки Верховского. Подозревают у меня еще и горло (судя по голосу), на днях меня будет смотреть горловик. Плохо мне пока, — будет ли лучше? Я стараюсь — ем, лечусь. Врач Бушуева¹ сказала: сердце у вас гораздо старше вас, тоны его очень и очень глухие. А как и отчего станет оно молодым?

Целую тебя и Машу. Привет Марии Емельяновне. Если бы не Маша, не стал бы я здесь лечиться, а ушел бы домой и умер.

Твой Андрей.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 8—8 об.

1 Бушуева З. И. — фтизиатр МОНИТИ.

.....

[344] М. А. Платоновой

Март 1949 г. Москва

Дорогая Муся!

Спасибо тебе, что пришла, благодарю за все. Мне ничего не нужно. Обед хороший, я его сегодня съесть не мог. Ничего ради бога не приноси: все будет только гнить и пропадать. Здесь уход лучше, чем в “Выс <оких> гор <ах>”¹. Ни сливок, ничего не нужно. Я, конечно, сильно страдаю по тебе и Машеньке. Не знаю как и быть. Буду лечиться. Продай, пожалуйста, мои сапоги старьевщику.

Не знаю, поможет ли мне средство Верховского². Лежу пока без припадка. Целую и обнимаю тебя и милую Машеньку.

Твой Андрей.

(*Приписка на полях*) Если средство Верховского пойдет мне в пользу, тогда буду лечиться им дома. Пока ничего не знаю.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 10.

1 Санаторий "Высокие горы" входил в состав Центрального института туберкулеза Наркомздрава СССР.

2 См. прим. 5 к п. 350.
.....

---

[345] М. Ан. Платоновой

29 апреля 1949 г. Москва

Дорогая моя дочь Маша!

Получил твое письмо и благодарю за него. А почему ты ничего не ешь? Погляди на эти картинки. <Рис>.

Папа умер (I), когда узнал, что Маша ничего не ест и какает чуть-чуть.

Папа встал в гробу (II), когда узнал, что Маша опять стала кушать по целой тарелке каши и какает по большому фунтику.

Любящий тебя

Отец.
.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 1.

---

[346] М. А. Платоновой

30 апреля 1949 г. Москва

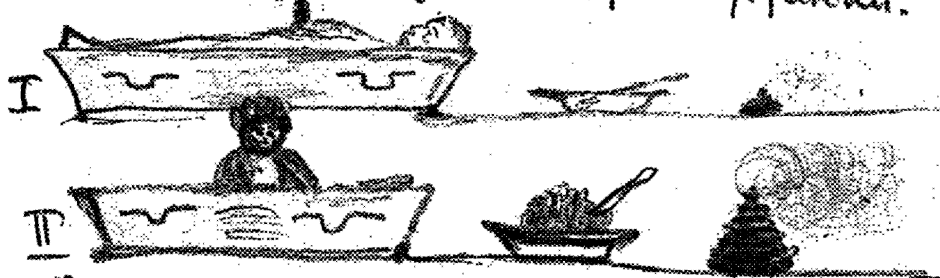
Моя дорогая Мария!

Поздравляю тебя с днем рождения¹. Мне тяжело, что я не могу уже второй год провести этот день вместе с тобой.

Ты знаешь, как я люблю тебя. Сейчас я хочу еще раз сказать тебе, что ты была и будешь до конца моей жизни

1

Дорогой мой дядя Мама!
 Получил твое письмо и благодарю
 за него. А почему ты ничего
 не ешь? Потягни не эти картинки.

Папа умер (I), когда узнал, что
 Мама ничего не ест и какает
 пух-пух.

Папа встал в гробу (II), когда
 узнал, что Мама опять стала
 кушать по целой тарелке
 каши и какает по большому
 фрунтку.

Любящий тебя
 Огень

самым любимым человеком для меня и единственной женщиной, которая всегда для меня прекрасна. Пусть это напоминание о моей любви к тебе заменит в нынешнюю годовщину твоего рождения мой подарок тебе, который я не могу поднести по известным тебе причинам.

Поздравляю дочь Марию и Марию Емельяновну² с дорогой для нас всех именинницей.

Твой Андрей.

30/IV 1949, больница.

.....

Печатается по автографу: ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 5.

1 По каким-то соображениям Мария Александровна изменила себе только год рождения (с 1903 на 1905), но и день рождения (с 27 апреля на 1 мая).

2 Кашинцева М. Е.

.....

[347]

Л. И. Славину

10 мая 1949 г. Москва

Л. И. Славину. Дорогой Лев Исаевич!

Осмелюсь напомнить Вам о нашем разговоре в больнице¹: я просил Вас при случае поговорить с К. М. Симоновым². Кстати, я прошу Вас поговорить с ним и о моей книжке (рукопись “У человеческого сердца”)³, которая давно находится у него. В сущности, ее можно издать. Это бы, возможно, облегчило мою участь — просто в материальном отношении. Дело в том, что, если я вскоре выйду из прямой угрозы жизни, мне надо уехать жить за город немедленно, а из-за долгой болезни и потери работоспособности дела мои обрушились.

Приношу Вам свою благодарность. Привет Вашей супруге.

Ваш А. Платонов.

10/V 49 г.

Если будет к тому возможность, то лучше переговорите с К. М. скорее⁴.

Поклон и благодарность за лекарства Ник<олаю>
Александровичу Верховскому.

А. Платонов.

.....

Впервые: Воспоминания современников. С. 485. Публикация Е. Шу-
биной.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2811. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 1–2.

Славин Лев Исаевич (1896–1984) — прозаик, киносценарист; в годы
войны корреспондент газет “Красная звезда” и “Известия”.

1 Судя по переписке Славина этих лет, он лежал в больнице с воспали-
ем легких.

2 См. п. 348. С Константином Михайловичем Симоновым Славина связы-
ли дружеские отношения с 1938 г.; в 1946 г. по просьбе Симонова, в это
время редактора “Нового мира”, написал воспоминания (“портреты”)
о погибших на фронте военных корреспондентах Лапине и Хацревине,
с которыми оба были знакомы со времен Халхин-Гола 1938 г.: “Симонов
их опубликовал. Печатали он у себя в журнале и другие мои вещи. И при-
сылал мне свои книги с очень дружескими, порой нежными дарствен-
ными надписями” (см.: *Славин И.* Штрихи к портрету // Константин Си-
монов в воспоминаниях современников. М., 1984. С. 83–84).

3 Речь идет о книге рассказов “У человеческого сердца”; см. п. 341*, 348.

4 На заседании секретариата 21 июня рассматривался вопрос о спорных
книгах для включения их в план издательства 1949 г.; вел заседание
А. Софронов, от издательства на заседании присутствовали члены
редсовета, критики Е. Ковальчик, Е. Книпович, П. Скосырев (рецен-
зенты книг Платонова 1943–1946 гг.); вопрос издания книги Платоно-
ва не рассматривался.

.....

[348] А. А. Фадееву

17 мая 1949 г. Москва

А. А. Фадееву

(при его отсутствии — Анатолию Владимировичу
Софронову¹).

Дорогой Александр Александрович!

Обращаюсь к тебе с просьбой. В свое время руко-
пись моей книги “У человеческого сердца” была на чтении
в секретариате Союза. Я слышал, что ее читали Б. Горбатов²,
Н. Тихонов³, А. Софронов⁴ и они, по моим сведениям,
одобрили книгу к изданию, сделав свои замечания об ее
улучшении. Затем рукопись была передана К. М. Симоно-

ву⁵, где она находится и посейчас. Я прошу ускорить решение вопроса относительно моей книги⁶ (дело продолжается почти два года). Я, конечно, не занимаюсь тем, что лишь ожидаю решения судьбы книжки, написанной прежде. В последние два года я работал над обработкой русского эпоса для Детиздата (гл<авный> редактор издания М. Шолохов, и он знает эту мою работу⁷), написал пьесу “Ученик лица”⁸, написал одну повесть “На земляных работах”⁹ (неудачную) и пишу новую “Вениамин Кузнецов”¹⁰.

Но все мои новые работы задержались окончанием, потому что я тяжело болею туберкулезом, болею вот уже почти два года и сейчас лежу в больнице. Я благодарю тебя за твою доброту, за ту помощь, которую я получил в прошлом году¹¹. Сейчас я получаю (до 1/VII т<екущего> г<ода>) по 750 р<ублей> в месяц в Литфонде¹².

Теперь я все еще болен, и меня не выписывают из больницы, однако врач говорит, что в начале июня меня можно выписать из больницы, но с тем, чтобы я сразу поселился жить под Москвой, т<ак> к<ак> у меня легкие останутся больными и подорвана сердечная деятельность. Выехать же я никуда не могу; для этого надо снять жилище на лето, надо жить и кормить семью, — словом, надо иметь деньги. А я почти два года болею, работал от болезни недостаточно и впал в нужду, когда для меня еще возможно выздоровление. Конечно, если бы мои новые вещи — хотя бы не все — издавались скорее, я бы никогда не знал нужды, т<ак> к<ак> всегда стараюсь работать.

Я прошу еще, если моя просьба уместна, выдать мне пособие или ссуду на лечение¹³. Беда моя в том, что я болею болезнью, от которой и умираешь долго, а если вылечишься, то лечиться нужно долго.

По выздоровлении я возьму все расходы, понесенные на меня.

Глубоко уважающий тебя
Андрей Платонов.

17/V 1949 г.

.....

Впервые: Парламентская газета. 1999. 1 сентября. С. 5; Страна философов, 2000. С. 833. Публикация В. Перхина.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 971. Л. 119–120 об.

- 1 Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990) — писатель; с апреля 1948 г. — секретарь правления, член президиума и секретариата ССП (вместо Л. Субоцкого, освобожденного от исполнения данных обязанностей — за “вредную групповщину”; см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 874. Л. 37–45). С 20 мая 1949 г. А. Фадеев находился в длительном (по 1 сентября) отпуске, с 20 мая по 20 июня обязанности генерального секретаря ССП исполнял А. Софронов (см.: Там же. Ед. хр. 971. Л. 3); им проставлена виза на письме Платонова: “На секретариат”. По левому полю письма в секретариате проставлены номер протокола и дата рассмотрения вопроса Платонова в 1948 г.: “протокол» заседания» Секретариата» СССР № 21 от 30/V-48. § 16”.
- 2 Горбатов Борис Леонтьевич (1908–1954) — писатель, заместитель генерального секретаря ССП. Отзыв Горбатова на книгу Платонова не выявлен.
- 3 Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — писатель, заместитель генерального секретаря ССП. См. примеч. 2 к п. 339*. На заседании секретариата 30 мая 1948 г. Тихонов рекомендовал убрать из сборника рассказы, вызывающие “двойственное впечатление своим содержанием”, но в целом поддержал издание: “Платонов талантливый писатель, даже очень талантливый” (цит. по публикации В. Перхина: Страна философов, 2000. С. 835). Тихонов высоко ценил азиатские и военные рассказы Платонова (в фонде Платонова ОР ИМЛИ хранится его книга с дарственной надписью Платонову), однако именно он в 1944–1945 гг., находясь у руководства Союзом писателей (освобожден от должности председателя Правления ССП СССР постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1946 г.), сформулировал новые установки в изображении советского офицера и в отношении к военным рассказам Платонова (см. примеч. 4 к п. 315).
- 4 Отзыв А. Софронова на книгу Платонова не выявлен.
- 5 См. п. 347. Симонов К. М. — заместитель генерального секретаря ССП; с конца 1946 г. — главный редактор журнала “Новый мир”. Рассказ “Семья Иванова” обсуждался прежней редколлегией (см. примеч. 4 к п. 315); окончательное решение о публикации принимается 11 ноября 1946 г., когда заседание редколлегии вел Симонов (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 2. Ед. хр. 25). Приступив к исполнению обязанностей главного редактора, Симонов поначалу видел Платонова в числе авторов “Нового мира”. Об этом свидетельствует его поздравительная телеграмма, отправленная Платонову 1 января 1947 г.: “Редколлегия «Нового мира» поздравляет Вас с Новым годом. Не забывайте нас. Симонов” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Е. хр. 127. Л. 1). В воспоминаниях Симонова рассказывается, что вопрос Платонова обсуждался на встрече Сталина с руководством ССП (14 мая 1947 г.) и что-де Сталин рекомен-

довал Фадееву помочь Платонову — “напечатать и заплатить” (Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 120–121). Платонов в 1947 г. отсылал в журнал “Новый мир” новые рассказы “Сухой хлеб”, “Житейское дело” (поступил в редакцию 8 июля 1947 г.), “В 1891 году. Рассказ старого человека” (поступил в редакцию 11 марта 1947 г.). Виза Симонова на последнем рассказе: “Я прочел. Дать прочесть Федину и Катаеву. К. С.” (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 2. Ед. хр. 923. Л. 33). Однако Симонов так и не принял решения о публикации рассказов Платонова, и рассказы были сданы в архив уже в 1948 г.

- 6 На заседании секретариата 23 мая, на котором принималось решение по письму Платонова, вопрос издания его книги в 1949 г. не рассматривался. План издательства “Советский писатель” на 1949 г. утверждался уже при его новом руководстве (главный редактор критик А. Тарасенков, директор М. Корнев) и рассматривался на заседаниях секретариата 22 ноября, 4 декабря 1948 г. и 25 января 1949 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 907; Ф. 124. Оп. 17. Ед. хр. 6. Л. 70), но Платонова не было теперь уже даже в проектах планов. Обращаясь в мае 1949 г. к старому вопросу, так и не решенному с 1946 г., Платонов, очевидно, рассчитывал войти в план издательства на 1950 г. (план будущего начинал формироваться летом). В утвержденных секретариатом ССП 8 августа 1949 г. планах издательства “Советский писатель” на 1950 г. (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 11. Л. 1–131) книг Платонова нет.
- 7 См. п. 326.
- 8 См. п. 327.
- 9 Повесть “На земляных работах” была написана в 1947 г., затем переделана Платоновым в рассказ “Свежая вода из колодца” (см. примеч. 2 к п. 341).
- 10 Произведение с таким названием не выявлено.
- 11 В 1948 г. секретариат трижды принимал решение о выдаче Литфондом пособий Платонову на лечение: 16 апреля — 5 тысяч, 30 мая и 25 октября — по 3 тысячи рублей (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 874. Л. 15. Ед. хр. 895. Л. 9). В сравнение, на заседании 25 октября секретариат рекомендовал Литфонду выделить 50 тысяч рублей на расширение работы рыболовно-охотничьей секции Союза писателей (Там же. Ед. хр. 895. Л. 6).
- 12 См. примеч. 1 к п. 349.
- 13 На заседании секретариата 23 мая содержание письма Платонова (вопрос в повестке “О т. Платонове”) докладывал Софронов: “Платонов находится в тяжелом материальном положении. Книжки у него не выходят. Он просит выдать пособие или ссуду на лечение. Нужно человеку помочь”. Решили: “Выдать писателю Платонову 3 тысячи рублий на лечение” (Там же. Ед. хр. 971. Л. 54).

.....

[349] В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

22 июня 1949 г. Москва

В Секретариат Союза Советских писателей. Прошу рассмотреть и решить вопрос о продлении мне пособия по болезни, начиная с 1/VII 1949 г.¹ По июнь включительно я получал пособие в Литфонде по 750 р<ублей> в месяц.

Просьба моя вызвана тем обстоятельством, что я еще не излечился от болезни и не приобрел трудоспособности. До сих пор я лежал в больнице, и, несмотря на то, что ко мне применяли новые активные препараты для лечения туберкулеза², болезнь удалось подавить лишь в небольшой степени и требуется продолжение лечения.

Андрей Платонов,
член Союза совет<ских> писателей.

22/VI 1949 г.

.....

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 975. Л. 23.

1 18 июня 1948 г. секретариатом ССП было принято решение о “списке стипендий писателям по Литфонду”: “Установить по Литфонду с 1.VII-1948 г. стипендии писателям, частично или полностью утратившим трудоспособность и имеющим литературные заслуги...” В утвержденном списке — имена известных литераторов; сумма стипендии определялась по реестру “заслуг”: пожизненная выплата драматургу В. Билль-Белоцерковскому, ходатайство о персональной пенсии критику Е. Усиевич и т. п. Платонов значится в списке под номером 12: “Платонов А. П. — Установить ежемесячную выдачу пособия на лечение в сумме 750 р. с июля по декабрь включительно” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 880. Л. 5). Очевидно, в начале 1949 г. Литфонд еще на полгода продлил получение пособия. Письмо-заявление Платонова рассматривалось на заседании секретариата 29 июня (вел заседание А. Софронов): “Слушали: Заявление Андрея Платонова. Постановили: Учитывая тяжелое болезненное состояние писателя Андрея Платонова продлить выплату ему пособия в Литфонде сроком до 1-го января 1950 г. в размере 750 рублей в месяц” (Там же. Ед. хр. 975. Л. 11).

2 См. п. 348.

.....

Дорогие Василий Семенович, Ольга Михайловна
и Федя!

Поздравляем Вас с Новым Годом. Желаем Вам счастья — в том размере, в котором Вы давно его заслужили, и покрыть весь дефицит счастья в 1950 году, а далее жить безубыточно.

Обнимаю Вас, кого можно.

А. Платонов.

.....

Печатается по первой публикации: Наше наследие. 2015. № 113. С. 69.
Публикация Н. М. Малыгиной.

Гроссман Василий Михайлович (1905–1964) — прозаик, Ольга Михайловна — вторая жена писателя, в первом браке — за прозаиком Б. Губером (репрессирован), была арестована в 1937 г. и проходила по делу первого мужа. Гроссман добился пересмотра дела жены и ее освобождения. Федя — сын Ольги Михайловны от первого брака.
.....

[350] А. Ф. ШЕСТАКОВОЙ

1950 г. Москва

В ред <акцию> “Правды” А. Ф. Шестаковой.

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне получить лекарство¹, необходимое мне для того, чтобы не умереть и жить².

Сначала я должен сказать несколько слов о себе и о деле, которое представляет общий, т. е. всенародный государственный интерес, — для того, чтобы моя просьба была лучше понята.

Я инвалид Отеч<ественной> войны 1-й группы³, на войне потерял здоровье и заболел тяжелой формой туберкулеза. Дни мои были сочтены. В марте 1949 г. я погрузился в предсмертную агонию, в первых числах апреля доктор Ник<олай> Александр<ович> Верховский направил меня в Моск<овский> обл<астной> туб<еркулезный> институт (Н. Божедомка, 4)⁴, сказав, что будет лечить меня новым лечебным аппаратом и спасет мне жизнь. Врачи в Институте признали мое состояние безнадежным. Я понимал свое состояние и ожидал смерти. По указанию д<окто>ра Н. А. Верховского мне стали давать парааминосалициловую кислоту (ПАСК). Постепенно я начал

приходить в себя. К концу апреля я прибавил в весе и стал самостоятельно ходить по палате. От смерти я был спасен и до сих пор живу. А туберкулезный процесс, с которым я поступил в больницу, должен был окончиться скорой смертью. Меня спас от гибели препарат ПАСК, который я принимаю и посейчас.

Кроме меня, в той же больничной палате лежал со мной юноша Москалев (20 лет), так же как и я безнадежно больной и умирающий. Его излечили ПАСКом, он выздоровел и на моих глазах стал здоровым человеком.

Д<окто>р Верховский вел эксперимент. Препарат ПАСК разработан коллективом работников под руководством доктора Н. А. Верховского, человека необыкновенно высокого таланта, одинаково сильного и в области научно-исследовательской работы, и в области организационной практики. Без него ПАСКа не было бы и теперь⁵.

Ему, главным образом, больные обязаны жизнью, и доктор Н. А. Верховский должен быть награжден высокими наградами нашего государства⁶, а имя его <должно стать> известным всем. Впервые он ввел в лечение против туберкулеза сильное средство, открытое и изготовленное у нас, впервые нанесен мощный удар по неизлечимому туберкулезу. Другие превосходные люди явились главными помощниками Н. А. Верховского. Они в первый раз изготовили целительный препарат и разработали технологию его производства⁷.

Эти люди принесли много жертв, не только трудились (*предложение не окончено*)
.....

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7.

Шестакова Анастасия Федоровна — юрист, в 1949 г. — специальный корреспондент газеты “Правда” по Красноярскому краю, один из активных участников фабрикации “Дела” красноярских геологов 1949 г. Участие в этом процессе повысило статус журналистки в газете: в 1950 г. работала в отделе науки, курировала медицину. На ее имя

также было написано письмо секретаря ССП А. Софронова (от 13 мая 1950 г.) с просьбой “оказать содействие и отпуск для тяжело больного туберкулезом писателя А. П. Платонова, инвалида Отечественной войны 1-й группы, лечебного аппарата, приготавливаемого из облепихи” (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 13). Письмо хранилось в семейном архиве Платонова, возможно, осталось неотправленным.

1 Речь идет о ПАСКе, см. ниже.

2 4 февраля 1950 г. на заседании Секретариата ССП вопрос “О писателе А. Платонове” докладывал А. Фадеев, принимается решение: “В связи с угрожающим для жизни положением больного туберкулезом писателя Платонова и необходимостью его переезда на постоянное жительство на юг, выдать А. Платонову единовременную безвозвратную сумму из средств Литфонда в размере 10. 000 р”. Дословно этот текст вошел в выписку из постановления секретариата, отправленную Платонову за подписью зав. секретариатом В. Зеленской (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1). В протоколе имеется уточняющая приписка от руки: “Приобрести за счет Литфонда путевку для лечения Платонова в Крыму сроком на 2 месяца” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 1045. Л. 2, 5). Однако переезд на юг откладывался. 30 марта датируется письмо лечащего врача Платонова Н. А. Верховского на имя руководителя ССП А. Фадеева: “Товарищу Фадееву А. А.

В связи с тем, что у тов. Платонова А. П. за сутки до отъезда в санаторий в «Горное солнце» неожиданно процесс резко обострился, проф. Левитин и лично я сочли невозможным отправление больного на Южный Берег Крыма.

Сейчас нами принимаются меры к тому, чтобы оборвать неожиданно начавшуюся вспышку.

Естественно, что тов. Платонов А. П. в ближайшее время не может быть направлен в Крым, однако пребывание его в Москве (городе) весной весьма нежелательно.

Наиболее целесообразно было бы заменить ему путевку в «Горное солнце» на санаторий для открытых форм туберкулеза им. Герцена под Москвой. Это могло бы способствовать снятию вспышки и одновременно близкое нахождение под Москвой позволило бы врачам, которые наблюдали тов. Платонова, продолжить дальнейшее лечение его совместно с врачами санатория.

Настоящее заявление мое согласовано с проф. Левитиным” (цит. по копии: РГАЛИ. Ф. 2124. Ед. хр. 13. Л. 3).

Со 2 по 28 июля 1950 г. Платонов находился в Клиническом туберкулезном санатории № 2 ВЦСПС с диагнозом “двусторонний, хронический фиброзно-кавернозный туберкулез легких в фазе декомпенсации”; среди препаратов лечения указан ПАСК (см. выписку из истории болезни: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 9).

3 Пенсионное удостоверение Платонова: 3 апреля 1946 г. назначена пенсия в размере 630 рублей в месяц, присвоена инвалидность 2-й группы (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 12); документ о присвоении инвалидности 1-й группы не выявлен.

- 4 Московский туберкулезный институт был создан в 1918 г.; с 1930 г. — Московский областной институт, с 1936 г. — Московский областной научно-исследовательский институт туберкулеза (МОНИТИ), с 1998 г. является подразделением Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова); адрес: ул. Новая Божедомка (ныне — Достоевского), 4.
- 5 Судя по медицинской литературе, лечение туберкулеза препаратом ПАСК начали проводить в нашей стране и за рубежом в 1946–1949 гг., первые результаты лечения ПАСКом активно публиковались в медицинской периодике 1950 г. Имя Н. А. Верховского в публикациях 1950–1953 гг. о препарате ПАСК не упоминается. В статье директора МОНИТИ профессора Ф. В. Шебанова “Парааминосалициловая кислота (ПАСК) в терапии туберкулеза” изложены “результаты лабораторных исследований и клинических наблюдений над 159 больными, лечившимися в течение 1949 г. в Московском областном научно-исследовательском туберкулезном институте парааминосалициловой кислотой собственного производства” (Вопросы туберкулеза. 1950. № 5. С. 22). Возможно, в списках больных, оказавшихся под наблюдением, находился и Платонов (в статье фамилии больных не раскрывались). Для МОНИТИ препарат ПАСК готовился на Московском салициловом заводе (Там же. С. 26). В 1950 г. в издательстве Академии наук Латвийской ССР был выпущен сборник статей “Парааминосалициловая кислота (ПАСК) в терапии туберкулеза” (Рига, 1950), ранее опубликованных в “Известиях Академии наук Латвийской ССР” (1950. № 3, 4).
- 6 Очевидно, Платонов был осведомлен о кампании выдвижения на Сталинскую премию, которая обычно начиналась в начале года. Премию 3-й степени по медицине 1950 г. “за внедрение нового метода производства лечебного препарата «ПАСК»” получили научные сотрудники Академии наук Латвии (С. А. Гиллер, А. И. Калниньш) и Рижского фармацевтического завода (директор завода Н. Н. Науменко, инженер М. М. Гершов) (см.: Советские премии за выдающиеся изобретения // Правда. 1951. 16 марта. С. 5).
- 7 Внизу листа и на полях, возможно, со слов Верховского, перечислены участники создания препарата ПАСК — работники Московского салицилового завода и химии ВНИИ химических реактивов во главе с научным руководителем института, выдающимся советским химиком Р. П. Ластовским (скорее всего не раскрывается): “работники Салицилового завода в Москве <нрзб> Гольцев, Анатолий Ив. Еремин, Мих. Тимоф. Куликов, тов. Стороженко (слесарь), Ник. Леон. н-к мех. цеха, хим. Шилова Клавдия Ал-нов. Ив. Ром. — водопр.; Ник. Фед. Пантюмин — слесарь; Борисов Ив. Вас., слесарь; секр. парткома Демичев, Ал-др Ив. — н-к электромех. цеха. хим. Левкин Ник. Фед., проф. Ластовский Ростисл. Петр., хим. Михайлова, тов. Солодарь — хим., канд. наук | реактивы”.
- .....

[350*] В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “НОВЫЙ МИР”

24 ноября 1950 г. Москва

В редакцию журнала “Новый мир”.

Предлагаю заключить со мною договор на пьесу: “Ноев ковчег”¹ в четырех действиях с эпилогом общим объемом около пяти авторских листов.

Жанр пьесы — комедия. Тема — современность, пьеса антиамериканская. Действие происходит в наши дни и немного позже.

Материалом для пьесы послужил действительный факт поисков американцами “остатков” Ноева ковчега на горе Арарат.

Срок представления рукописи пьесы в редакцию — 1-го марта 1951 г.²

1950 — ноябрь — 24.

Андрей Платонов.

Адрес: Тверской бульвар, 25, кв. 27.

Телефон К-1-96-63.

.....

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2810. Оп. 2. Ед. хр. 296. Л. 1. Публикация Р. Клементьева.

Письмо выявлено в фонде писателя А. Г. Письменного, в материалах его жены, Н. П. Бианки, работавшей в редакции журнала “Новый мир”. Письмо написано под диктовку Марией Александровной, подписано А. Платоновым.

- 1 Договор на пьесу “Ноев ковчег”, над которой Платонов работал в последний год жизни, был подписан с “Новым миром” 24 ноября (письмо отнесли в редакцию). От журнала договор подписал заместитель главного редактора С. С. Смирнов; авторский экземпляр был отослан почтой, на конверте дата: 1 декабря; договор подписан Платоновым (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 45).
- 2 В договоре проставлена эта же дата представления рукописи. Платонов не успел закончить пьесу, написаны три действия и начало четвертого. Очевидно, сразу после смерти писателя (5 января 1951 г.) машинопись написанной части пьесы была представлена в редакцию “Нового мира”, где получила отрицательные отзывы (см. отзывы К. Симонова и А. Тарасенкова, датированные первыми числами февраля 1951 г.: Воспоминания, с. 486. Публикация Н. Корниенко) и надолго осталась лежать в архиве. Впервые “Ноев ковчег” был опубликован только в 1993 г. (Новый мир. 1993. № 9. Публ. М. Ан. Платоновой. Подг. текста и коммент. Н. Корниенко).

.....

ПРИЛОЖЕНИЕ

.....

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
ОДНАЖДЫ ЛЮБИВШИЕ
ПОВЕСТЬ В ПИСЬМАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ СОБРАВШЕГО ПИСЬМА

По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах.

Я всегда любил почту — это милое крепкое бюрократическое учреждение, с величайшей бережностью и тайной влекущее открытку с тремя словами приветия через дикие сопротивления климата и пространства!

Три вещи меня поразили в жизни — дальняя дорога в скромном русском поле, ветер и любовь.

Дальняя дорога — как влечение жизни, ландшафты встречного мира и странничество, полное живого исторического смысла.

Ветер — как вестник беспокойной вселенной, бьющий в открытое лицо неутомимого путника, ласкающий — как дыхание любимого человека, сопротивляющийся шагу и делающий усталую кровь веселой влагой.

Наконец, любовь — язва нашего сердца, делающая нас умными, сильными, странными и замечательными существами.

Я далек от теоретических подходов к таким вещам. Я полон участия к ним, и страсть сподвижничества, “при-

спешничества” и кровной заинтересованности заставляет меня убивать жизнь, которая могла бы быть более удачной, на переписку чужих писем, на смакование далеких от моего тела страстей.

В чем увлекательность и интерес любви для стороннего наблюдателя? В простом и недостаточно оцененном свойстве любви — искренности. Это сближает любовь с работой (от создания симфоний до кирпичной кладки) — и там и тут нужна искренность, т. е. полное соответствие действий внутреннему и внешнему природному устройству, иначе любовь станет деловой подлостью, а кирпич вывалится из стены, и дом рухнет. Природа беспощадна и требует к себе откровенных отношений. Любовь — мера одаренности жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно пронизательна, и любящие насквозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием.

Любовь совсем не собственничество. Быть может, брак — это социальное приложение любви — и есть собственничество и результат известных материальных отношений людей — это верно. Но любовь, как всякую природную стихию, можно приложить и иначе. Как электричеством, ею можно убивать, светить над головою и греть человечество.

Вы понимаете, что любовь, как и электричество, тут ни при чем. Она не учреждение. Дело в том, как и кто ею пользуется, — вернее, кто ею одержим.

Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в “старой корзине под сломанной кроватью”, или в урне клуба, или на чердаке, или я получил их в наследство от умершего родственника. Этого не было. Письма эти действительны. Корреспонденты еще живы и существуют где-то затаенной счастливой жизнью, полной, однако, по совместительству общественной деятельности очень большого масштаба. Это не так важно.

Письма я не правил, и они не все налицо — многие утрачены и не попали мне в руки.

Из писем видно, что любовь существует, что она то сияет, то льется черной кровью страсти, то страдает яростной ревностью, то глухо бормочет, отрекаясь от себя.

Вы видите, как трется внутри себя сильный организм человека, и как бушует в нем подпертая живая сила, рвущаяся для творчества, и как она круто отклоняема жестокими встречными стихиями.

Любовь чрезвычайно похожа на обычную жизнь. Но какая разница! Вероятно, любовь вначале только количественно отличается от жизни, зато потом это количество переходит в качество — и получается почти принципиальная разница между любовью и жизнью.

В конце концов — я не знаю, что это такое. Но посмотрите, — какое это замечательное явление — не хуже ветра и дороги.

Там, где я не удерживаюсь, я вставляю небольшие сведения от себя.

Здесь я не автор, не “сочинитель”, а, т<ак> сказ<ать>, платонический соучастник этой любви — быть может, потому, что ею обездолен и сажусь к чужому обеденному горшку.

Андрей Платонов.

Р. S. Письма — обычны и ничем особенным не блещут: это — не литература. Так же, как прочесть “Вестник научно-мелиорационного института”, для одоления писем нужна специальная заинтересованность.

.....

“ Сентябрь, 1925.

Муська! Маша!

Пишу тебе стоя, на Ухожаевской почте. Свою постель оставил в Доме крестьянина и заплатил там полтинник за сutki будущей жизни.

Город очень запущенный, глухой, поросший травой на всех подсолнечных местах. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени, и масса садов и скверов, где есть даже детский песок, как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом, даже слышно дыхание курицы. Сейчас 6 час<ов> вечера, и я не знаю, куда мне деваться. То учреждение, куда я приехал, — закрыто. Но сторож говорит, что вечером будет собрание, и я туда пойду через час.

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, например, с твоим живым характером, здесь жить не смогла.

Людей мало, и они какие-то старообрядцы по виду. Учреждения снаружи жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девица, на которую ты взирала, оказалась, когда рассвело в вагоне, совсем деревенской девочкой в возрасте Вали — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно. У тебя в этих случаях страсть в голове, а разумение в сосцах.

Жаба философическая! Тотик* не скучает по мне?

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду — посоветуемся. В Воронеж, наверное, не поеду. Душа не лежит, и уже тоскую по вас. В вагоне к Ночной Поэме написал еще 12 строк. Мешала балакающая жлоборатория!

Поезд шел страшно медленно и по худым шпалам. Ехали глухими старорусскими и позднетатарскими местами. Встретилась одна станция под названием “Бортный Ухожай”! Что это такое — ты ведь филолог?

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю.

Кончаю писать: почту здешнюю хотят закрывать. Обними моего маленького мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую.

Александр”.

.....

Наверно, прошло долгое время. Автор письма уже разлучен с любимой женщиной и живет одиноко в другом городе. Его давит фантастическое горе, он плачет над бумагой, и чернила расходятся на буквах. Этот мужественный, терпеливый и мирный человек чувствует, как скрежещет его сердце от могучей тоски, и мучается в холодной запертой комнате, стараясь устать и уснуть. Он сознает, что все это, быть может, чепуха, что излишняя кровь сердца бросилась в голову и от-

* Маленький сын автора письма. — А. П.

равляет сознание. Остатками все еще счастливого разума он сознает, что страдать так не к чему, что жизнь обширна, но этот слабый контроль головы уже отказывается сопротивляться сердечной стихии, но человек все еще борется и старается писать о серых вещах провинции, чтобы защититься. Наверно, по ночам он видит любимую в своих долгих снах, беседует с ней и ласкает ее, а просыпается упершись смутной головой в холодную стену своего пустого жилища. Автор писем скромнен, и письма его требуют пристального изучения, а не чтения.

.....

“ 9 ДЕКАБРЯ 1925.

Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с ухажевским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии Губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно дикие вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает-де “огромную” ставку, московская “знаменитость”!) На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Но те, кто меня здесь поддерживает и знает, собираются уезжать из Ухожаева. Строительно-технический штат, подчиненный теперь мне, распущен; есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задержаны. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые, прочные основания, поведу строительство каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Ухожаева. Плевать! Хотя я сдамся с большим сопротивлением и истощу противника.

Город живет старушечьей жизнью, шепчется и неприветлив. Люди ходят в кацавеечках и в валенках с усиленной подошвой.

Пишу на службе, меня теребят, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Ночевал у инженера Богданова. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комиссионершей и женой Богданова — осматривал комнаты. Нашел одну за 15 р<ублей> с печкой. Сегодня переезжаю туда.

Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя работать. Уверен, что долго не проживу — звериная гоголевская обстановка.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин.

Будь здорова (жри больше!), слабость моя!
Александр”.

.....

“ УХОЖАЕВ, 11/ХІІ, 1925, 6 Ч<АСОВ> ВЕЧЕРА.

Мария!

Вот я сижу в маленькой, почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе. Двор глух, темен и занесен снегом. Стоит долгая, прочная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка “А. И. Павловъ, Артист Императорских Театровъ”. Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий “А. И. Павловъ” и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе. Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то что квартир и комнат в Ухожаеве много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский — типичная провинция, полная божьих старушек и постных звонов из церквей.

Мне очень скучно. Единственное утешение — это писать тебе письма и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии. На службе гадко.

Вот когда я оставлен наедине с своей душой и старыми мучительными мыслями.

Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (любовь, искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой “ухожаев”.

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе изменю и т. д. Ты посмотри на меня, на Ухожаев, на все — чем и где я живу, — и тебе будет стыдно и смешно.

Мне как-то стало все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне — как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение.

Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, — я боюсь потерять его, потому что боюсь тогда умереть.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь умереть и поэтому берегу вас обоих, как могу.

Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены?

Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения, а организация материальной жизни идет здесь туго.

Слушай, Маша! Ты обещала мне прислать фотографии — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но никак не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Ухожаеве. Здесь действительно мерзко. А, быть может, мне придется здесь умереть. Разве я думал попасть когда-нибудь в Ухожаев, а вот живу здесь. Как странно все, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я постараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня. Вот чего я боюсь. Оба вы беспокойны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тоти-

ка, я нескоро увижу его, нескоро я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

До свидания, горячая и трудная моя.
Александр”.

.....

Под этим письмом нарисованы какие-то странные значки и сигналы, напоминающие автомобили. Может быть, это самостоятельный язык тоскливой любви, а может — просто рисунки для развлечения сынишки автора письма.

.....

“ УХОЖАЕВ, 15/ХІІ 1925.

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье или четвертое письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то. Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время. Как будто сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул, и мой кошмар — Ухожаев.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил. Завтра утром я переезжаю в пригород Ухожаева, где я нашел себе комнату со столом за 30 р<ублей> в месяц. Там, правда, грязно, старуха нечистоплотна, но дешево. Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобо-

да, бедность, захохотеть, керосиновая лампа и зимние ветры за жалким окном.

Работать на службе почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне, как в живом романе. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели и теперь я чужой тебе? Неужели Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия.

Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все.

Прощай. Жму тебя всю.

Александр”.

.....

“ Москва, 18/ХІІ 1925.

Здравствуй, Александр!

Разве ты не получил мое первое письмо, — почему не отвечаешь на некоторые вопросы? Ты так мало пишешь, — начинаешь письмо — кажется, что много скажешь, — на самом деле — несколько фраз, и ты умолкаешь.

“Неужели Москва тебе всего дороже?” — стыдись, Александр, — я ее меньше вижу, чем ты свой очаровательный Ухожаев”.

Впервые: ЛГ. 1983. 19 октября. Публикация М. А. Платоновой, Е. Жирковой.

Печатается по: Архив. С. 16–22. Публикация Е. Роженцевой.

.....

АРХИВОХРАНИЛИЩА

АГ — Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)

Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва)

ГАВО — Государственный архив Воронежской области (Воронеж)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области (Тамбов)

ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва)

ГМЭШ — Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова (Вешенская)

ГФФ — Государственный фонд кинофильмов России, Госфильмофонд (Москва)

ИМЛИ — Отдел рукописных и книжных фондов Института мировой литературы РАН (Москва)

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГАЗ — Российский государственный архив экономики (Москва)

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва)

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург)

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области (Москва)

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Архив — Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М., 2009

Власть — Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917–1953. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999

ВК — газета “Воронежская коммуна” (Воронеж)

Волга, 1975 — ...живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) / Публикация и вст. главы М. А. Платоновой. Комментарии В. Васильева // Волга. Саратов, 1975. № 9

Воспоминания — Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии / Сост., подготовка текста и комментарии Н. Корниенко и Е. Шубиной. М., 1994

Записные книжки — Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / Публикация М. А. Платоновой. Составление, подготовка текста, примечания Н. Корниенко. М., 2000

КД — газета “Красная деревня” (Воронеж)

Андрей Платонов в документах ОГПУ — Андрей Платонов в документах ОГПУ—НКВД—НКГБ, 1930–1945 / Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // Страна философов, 2000

НГ — “Наша газета” (Воронеж)

ЛГ — “Литературная газета” (Москва)

Ласунский — Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999

ЛН, 1963 — Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 70. М., 1963

Сочинения I (1), I (2) — Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1–2. М., 2004.

Страна философов, 1999, 2000, 2003, 2004, 2005, 2011 — “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3–7. М., 1999–2011

Творчество, 1995, 2000, 2004, 2008 — Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Библиография. Кн. 1–3. СПб., 1995–2004

ПАРТИЙНЫЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ

Агитпроп — Отдел агитации и пропаганды

ВАПП — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей

ВГЗО, ГЗО, ГУБЗО, Губземотдел — Воронежский губернский земельный отдел

ВГЗУ, ГЗУ, ГУБЗУ, Губземуправление — Воронежское губернское земельное управление

ВМФ — Военно-морской флот

ВНИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт

ВРК — Военно-революционный комитет

Всеработземлес — Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса

Всерпомгол — Всероссийский комитет помощи голодающим

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

ВСП — Всероссийский союз писателей

ВССП — Всероссийский союз советских писателей

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов

ВЧК, ЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия (по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров)

ГАХН — Государственная академия художественных наук

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы

Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств

ГлавПУРКК — Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии

Госиздат — Государственное издательство

Госмелиобюро — Государственное мелиоративное бюро

ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России

ГПУ — Государственное политическое управление

ГСНХ — Государственный совет народного хозяйства

Губисполком — Губернский исполнительный комитет

Губком — Губернский комитет (партии)

Губкомгидро — Губернская комиссия по гидрофикации

Губмелиозем — Губернский отдел землеустройства и мелиорации

Губмелиоратор — губернский мелиоратор

Губплан — губернский финансовый план

Губсовнархоз — Губернский совет народного хозяйства

Губзкосо — Губернское экономическое совещание (экономический совет)

ГУК — Главное управление кинематографии

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений

ГЭК — Государственная экскаваторная контора

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

КГБ — Комитет государственной безопасности

Комакадемия — Коммунистическая академия

Комсожур — Коммунистический союз журналистов

Комфракция — коммунистическая фракция

Крайисполком — краевой исполнительный комитет

Леф — Левый фронт искусства (название группы и журнала)

Лито — литературно-издательский отдел

МГК — Московский городской комитет партии

МГСПС — Московский губернский совет профессиональных союзов

МОНИТИ — Московский областной научно-исследовательский туберкулезный институт
МТП — Московское товарищество писателей
МТС — машинно-тракторная станция
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
Наркомвнуторг — Народный комиссариат внутренней торговли
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем, НКЗ — Народный комиссариат земледелия
Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКО — Народный комиссариат обороны
Облит — Областное отделение Главлита
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление (при Совете народных комиссаров)
ОДР — Общество друзей радио
ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка
Пролеткульт — Союз пролетарских культурно-просветительских организаций
РАБИС — Профсоюз работников искусств
РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей
Реввоенсовет — Революционный военный совет республики
РИК — Районный исполнительный комитет
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РКК — Расценочно-контрольная комиссия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
Росметровес — Республиканский трест по производству мер и весов
РОСТА — Российское телеграфное агентство
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сельскосоюз — Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации
СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров
Совнархоз — Совет народного хозяйства
ССП — Союз советских писателей
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СТО — Совет труда и обороны
ТССР — Туркменская Советская Социалистическая Республика
Управмелиозем, мелиозем — Управление мелиорации и землеустройства (при НКЗ)
Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия при ЦК РКП(б)
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ФОСП — Федерация объединений советских писателей
ЦЧО — Центрально-Черноземная область
ЦДС — Центральный дом специалистов
ЮВЖД — Юго-восточные железные дороги

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеляр П. 222, 223
Аболин А. 301, 304
Августин А. 17
Авербах Л.Л. 38, 39, 44, 61, 164, 276–279, 285, 289, 290, 304, 341, 343–345
Агапов Б.Н. 298, 374, 376, 407, 418
Азарнова Б.Д. 595, 596
Акульшин Р.М. 64
Александр см. *Зайцев (Платонов) А.П.*
Александр Иванович см. *Вьюрков А.И.*
Александр Македонский 364
Александр Семенович см. *Кашинцев А.С.*
Александров В.Б. см. *Келлер В.Б.*
Александров Г.Ф. 542
Александров И.Г. 407
Александров Л.А. 9, 192, 196, 197
Александровский В.Д. 93
Алексеев М.А. 301, 302, 304
Алянский С.М. 338
Анаида Ервандовна см. *Мазе А.Е.*
Андерсен Г.Х. 643
Андреев 580
Андреева З.М. 635, 636
Андроникашвили-Пильняк К.Б. 72
Анна Григорьевна см. *Гольдберг А.Г.*
Анна Павловна см. *Иванова-Веснина А.П.*
Анна Савельевна см. *Турулько-Тарновецкая А.С.*
Анна Францевна 192, 194
Анненский И.Ф. 15

- Аннинский Л.А. 376, 413
Антокольский П.Г. 610
Антонова Е.В. 9, 24, 59, 71, 72, 116, 129, 132, 136, 143, 151, 166, 171, 175, 192, 195, 208, 211, 249, 250, 259, 327, 338, 351, 373, 379, 515, 517–520, 522, 524, 526, 527, 532, 534, 535, 537, 539, 541, 543–548, 550, 551, 553–557, 559, 565–568, 570, 572, 573, 576, 578, 580, 586–588, 591, 592, 594, 595, 608, 624, 629, 638, 646, 651
Анцелович Н.М. 167–169, 250, 253, 256
Апулей 371
Арамилев И.А. 496
Арбеков П. 366
Арватов Б.И. 233
Аронов Л. 170, 250, 259
Артамонов М.И. 238
Артизов А. 681 (сокр.)
Архангельский А.Г. 286
Архипов 131
Архипов И.Н. 438, 439, 452, 461, 464, 465, 475, 478, 479, 481, 482
Архипов Н.А. 464
Архиповы 478, 479, 482
А.С. 94
Асеев Н.Н. 52, 65
Астанин И.А. 94
А.Т. 177
Атабаев К.С. 355, 357, 361, 373
Атабаев О.Г. 361, 363, 378
А.Ф. см. *Анна Францевна*
Афиногенов А.Н. 344, 406
Ахматова А.А. 25, 48, 332, 606, 609
Ашукин Н.С. 18, 265
-

- Бабель И.Э. 233, 406, 412
Бабиченко Д. 542
Бажов П.П. 472
Бальзак О. 265
Барабанов 176, 178, 223
Барабанова 190
Барабановы 190
Батурина Н. 91
Бах А.Н. 407
Бахметьев В.М. 576
Бахметьев М.М. 203, 205
Бедный Д. 19, 40, 41, 45, 46, 65, 68, 70, 81, 472, 473, 496, 562
Безыменский А.И. 326
Бек А.А. 631
Белинский В.Г. 164

- Беляев С.М. 64, 301, 303, 496, 563
 Бенкендорф А.Х. 28, 31
 Бергельсон Д.Р. 413
 Бердников Я.П. 178
 Березин Д.С. 591, 594, 596
 Березовский Ф.А. 290
 Берзин Ю.С. 413
 Берия Л.П. 455, 457, 459
 Берроуз Э.Р. 244, 248
 Беспалов И.М. 295
 Билль-Белоцерковский В.Н. 662
 Благоев И.В. 27
 Блок А.А. 9, 18, 20, 22, 52
 Блюм 197
 Блюменау 270
 Бляхин П.А. 244, 248
 Бобылев Б.А. 203, 204
 Богданов А.А. 290
 Богомолова М.В. 72
 Божко см. *Божко-Божинский А.Г.*
 Божко-Божинский А.Г. 165–167, 185, 187, 390, 391, 393
 Бойченко Г. 81
 Боков В.Ф. 61, 62, 64, 501, 502, 600, 601, 620–622, 631
 Боков К.В. 502
 Болтянский Б. 478, 479, 482
 Болховитинов Н.Ф. 124
 Большаков К.А. 359, 360, 398, 399, 401, 516, 540
 Большакова Л.А. 539
 Большакова Н. 539
 Большаковы 514
 Борисов И.В. 667
 Бородин С.П. 516, 525, 594, 610, 613
 Бороздин И. 373
 Боярский А.Ф. 156
 Брик О.М. 233
 Бровман Г.А. 605
 Бродский И.А. 44
 Бронтман Л. 559
 Брюсов В.Я. 15, 18
 Бублик см. *Вьюркова А.В.*
 Буданцев С.Ф. 61
 Буковский К.И. 559
 Булгаков Г.К. 360, 363
 Булгаков М.А. 25, 45, 70
 Бухарин Н.И. 64, 205, 216, 242, 376
 Бушуева З.И. 654
 Быстрова О.В. 344

Вагинов К.К. 350
Вадимов см. *Ортенберг Д.И.*
Ваксман З. 653
Валентина Сергеевна см. *Фраерман В.С.*
Валя, Валентина см. *Трошкина (Кашинцева) В.А.*
Ванцетти Б. 242
Ваня см. *Молчанов И.И.*
Ваня 532
Варвара Петровна см. *Зеленская В.П.*
Васильев В.В. 33, 34, 631, 681 (сокр.)
Васильев П.Н. 65, 296, 411
Васильева А.А. 487, 488
Васильевский Вл. 295
Вашенцев С.И. 507
Вашкевич М. 275
Веленгуров Н. 126
Вера 465
Вересаев В.В. 65
Верн Ж. 408
Верховский Н. 428
Верховский Н.А. 60, 61, 652–655, 658, 664–667
Веселый А. 65, 272, 412
Веселовский А.Н. 633
Виноградов А.К. 504
Виноградов Г.А. 459, 460
Виноградская С.С. 506
Вишневский Вс.В. 52, 53, 611, 625
Войков П.Л. 242
Волков И.В. 176–178, 186–188, 198, 217, 219, 257
Волков Л. 331
Волков М. 93
Воробьева И.В. 635, 636
Ворон А.П. 419
Воронский А.К. 37, 61, 163–165, 169, 170, 229, 244, 248, 273, 290, 318
Вьюрков А.И. 64–70, 466–473, 483, 485, 495–497, 501, 559, 561–563, 593, 594
Вьюркова А.В. 64, 65, 466, 467, 469, 497, 559, 562, 564
Вьюрковы 69, 70, 562
Вяземская В.Ф. 29
Вяземский П.А. 32, 37

Габрилович Е.И. 341, 469
Гайдар А.П. 65
Галин (Рогалин) Б.А. 569, 570
Галин В. 407
Галушкин А.Ю. 21, 63, 248, 264, 277, 400, 491

- Гарри А. 407
 Гаюи Р.Ж. 408
 Гегель Г.В. 164, 174
 Генин 465, 478, 482
 Георгий Захарович см. *Литвин-Молотов Г.З.*
 Герасимов М.П. 93
 Герасимова В.А. 11
 Герман Ю.П. 326, 327
 Гершов М.М. 667
 Гёте И.В. 19
 Гиллер С.А. 667
 Гиллер Э.А. 474, 535, 536
 Гиппиус З.Н. 332
 Гниенская Р.С. 552, 553, 556
 Гоголь Н.В. 17, 39, 276, 490, 492
 Гольдберг А.Г. 568
 Гольцев 667
 Голяков И.Т. 480, 483
 Гончаров В.А. 38, 338, 438, 439, 681(сокр.)
 Гончарова Н.Н. 28–30, 32, 33
 Гор Г.С. 605
 Горанский Т. 568
 Горбатов Б.Л. 611, 658, 660
 Горбов Д.А. 290
 Горбунов К.Я. 603
 Городецкий С.М. 286
 Горохов А. 295
 Горький А.М. 32, 33, 37, 46, 53, 56, 178, 212, 231, 248, 262–266, 271–273, 275, 276, 289, 291, 294, 311, 314–316, 327, 328, 330–332, 339–341, 343–345, 347, 348, 350, 374, 376, 406, 407, 411–413, 416–419, 426, 468, 490, 493, 504, 571, 640 (сокр.)
 Граник Г.М. 497, 612, 613
 Грачев С.Г. 183, 184
 Григ Э.Х. 362
 Григорий Григорьевич см. *Турулько-Тарновецкий Г.Г.*
 Гринчар Н.Н. 652, 653
 Громова Н.А. 53
 Гронский И.М. 347, 423
 Гроссман В.С. 65, 426, 559, 574, 663
 Гроссман О.М. 663
 Гроссман-Рощин И.С. 278
 Грудцова О.М. 601
 Груздев И.А. 264
 Губер Б.А. 663
 Губер Ф.Б. 663
 Губкин И.М. 355, 357, 358

Гумилев Н.С. 332
Гумилевский Л.И. 515, 516, 535, 631
Гурвич А.С. 56, 66, 67, 471, 493, 494, 576
Гуревич С.А. 395, 396, 440, 535, 536
Гусев В.М. 68
Гусев П. 82
Гуторович 559

Даль В.И. 472, 632
Дальний Б. 178
Даревский З.Ю. 397
Дарья Николаевна см. *Часовитина Д.Н.*
Дельвиг А.А. 29
Демичев А.И. 667
Державин Г.Р. 19
Джонваль 117
Диковский С.В. 407
Дикушина Н.И. 48, 465
Динерштейн Е.А. 163, 164, 231
Дирак П. 408
Дмитриев П.Ф. 141, 143
Добин Е.С. 605
Докукин В.А. 178
Долгополов 506
Долматовский Е.А. 70
Дроздов А.М. 606
Дружинин П.Д. 64, 562
Дубинская-Джалилова Т. 294
Дужина Н.И. 72, 419
Дукельский С. 444
Дурылин С.Н. 17, 18
Дятлов В. 314

Е.А. см. *Антонова Е.В.*
Еголин А.М. 606
Ежов Н.И. 436, 437, 457
Екатерина Семеновна см. *Новикова Е.С.*
Елагин В.Д. 511, 512, 568, 569, 585, 599, 601, 602, 620, 621
Елена Викторовна 524, 525, 535, 556
Еремин А.И. 667
Ермилов В.В. 341, 409, 410, 412, 468, 490, 491, 502, 506, 614, 618, 620, 621,
626, 645
Ершов 514, 516
Ершов С. 366

Есенин С.А. 22–25, 297
Есин С.Н. 291

Жданов А.А. 542, 606, 623, 639
Жилярди Д.И. 642
Жиркова Е. 679
Жорж см. *Малюченко Г.С.*
Жуков 559, 571
Жуковский В.А. 18, 223

Заболоцкий Н.А. 48, 349, 350, 465
Завадский Ю.А. 346, 347
Заварилин 283
Зазубрин В.Я. 233
Зайцев (Платонов) А.П. 57, 543, 565, 568, 570–573, 575, 577–591, 593, 595, 601
Зайцев П.П. 583, 601
Залесский В.Ф. 333, 334
Замойский П.И. 70, 497
Замошкин Н.И. 62, 70, 228, 229, 243, 263, 265, 268–270, 274, 275, 496, 497,
563, 605, 613
Замятин Е.И. 21, 38
Захаров 131
Зеленская В.П. 49, 633, 666
Зелинский К.Л. 276–278, 298, 323, 374–376, 406
Землячка Р.С. 277
Зенкевич А.Л. 131, 133
Зенкевич Л.Л. 131, 133
Зина см. *Смелякова З.В.*
Зинаида Николаевна 635
Зотов М. 571
Зощенко М.М. 25, 27, 45, 48, 52, 406, 606, 609
Зрелов 218
Зыков Б. 58, 192
Зямилева 526

Ив. Ром. 667
Иван IV (Грозный) 219
Иванов Вс.В. 62, 295, 340, 341, 351, 406, 412, 416–418, 420, 502, 516, 628
Иванова-Веснина А.П. 515, 516
Иванова-Веснина М.В. 516
Ильенков В.П. 423
Ильина Н.В. 504, 505
Ильф И.А. 45

Инбер В.М. 407
Инденбом Л.А. 373, 397
Ирина Владимировна см. *Воробьева И.В.*
Исаковский М.В. 65
Истина 357

Кабе 214, 216
Каганович Л.М. 446–448
Кажинский Б.Б. 124
Казаков А.С. 251, 256
Казанцев И. 310
Казин В.В. 93, 169, 170
Калинин И. 21
Калинин М.И. 19
Калниньш А.И. 667
Канатчиков С.И. 295
Кантор Х.Н. 411, 413
Караваева А.А. 330
Карельштейн Т. 559
Карлсон Д. 479, 482
Карпов А.Я. 549, 550, 558, 569, 572, 573, 577
Кассиль Л.А. 493
Катаев В.П. 331, 661
Катаев И.И. 178
Катя см. *Лунина Е.*
Кауричев Н.С. 470, 471
Кашинцев А.С. 428, 518, 519
Кашинцева М.А. см. *Платонова М.А.*
Кашинцева (Крашенина) М.Е. 8, 9, 107, 303, 304, 561, 563, 568, 573, 574, 576, 578, 586, 589, 590, 640, 644, 645, 654, 657
Кашинцевы 9, 107, 192, 197
Кашкаров Д.Н. 366
Келлер Б.А. 366
Келлер В.Б. 62, 186, 187, 262, 361, 362, 366, 391, 393, 398, 401, 441, 442, 448, 449
Кибальников 123
Киреев И. 76
Киреевский И.В. 18
Кириллов В.Т. 93
Кириллова Н.С. 514, 515, 524
Кирпотин В.Я. 53, 341, 490, 491, 493, 502
Кишон В.М. 233
Клайн 571
Кларети Ж. 380
Клементьев Р.Е. 72, 668
Климентов П.П. 57, 167, 508, 510, 515, 523, 526

- Климентов П.Ф. 57, 258, 517
Климентов Сем. П. 57
Климентов Серг. П. 57, 448, 449, 508, 510
Климентова В.П. 508, 510, 515
Климентова М.В. 57, 107, 233
Климентова Н.П. 101
Климентовы 10, 175, 183, 233, 239
Клычков С. 65, 297, 349
Клюев Н.А. 297, 332, 349
Клягин К.И. 514, 516
Книпович Е.Ф. 490, 606, 607, 610, 658
Кнорринг О.Б. 559
Ковальчик Е.И. 534, 536, 658
Коверда Б. 242
Коган П. 65
Когут М. 521
Кожевников А.В. 419, 420, 488, 523, 524, 596, 599, 602
Козаков М.Э. 331, 332, 337, 339
Козин В.Р. 361, 363, 628
Колесникова Г.А. 390, 391
Коллонтай А.М. 10
Колосов М.Б. 178
Колтунова Е.И. 511, 512
Коляда Е. 271
Комиссаров 123
Кон Ф.Я. 46, 296
Кондратьев В.И. 160
Кондратьев Н.Д. 314
Кондрашов 184, 187
Кононов А.Т. 522, 524, 568, 588, 615, 617
Константинов А.Т. 49
Копыленко А. 511
Копылов Б.Ф. 130, 133, 135, 138–141, 145–147, 152, 157
Копыт 559
Корабельников Г.М. 344, 376, 403, 406, 407, 409–412
Коренев Г.Е. 289–291
Корнев М.М. 661
Корнейчук А.Е. 595
Корниенко Н.В. 12, 22, 30, 38, 44, 45, 52, 56, 63, 68, 72, 100, 103–105, 107–110, 125, 128, 134, 145, 149, 153, 155, 158–160, 162, 168, 169, 173, 174, 176, 180, 183, 187, 188, 191, 194, 196–199, 202, 204, 208, 211, 215, 217, 223, 224, 228, 232, 238, 239, 242, 247, 255, 261, 266, 284, 286, 287, 303, 305, 317–320, 326, 330, 333, 335, 338, 351, 375, 385, 386, 388, 391, 394, 396, 399, 402, 403, 418, 428, 429, 442, 467, 468, 472, 490, 493, 502, 562, 612, 631, 636, 668, 681 (сокр.)
Короленко В.Г. 18

Косарев А.В. 439
Костичка, Костька, Коська см. *Большаков К.А.*
Костромитин И. 75
Кочерга И. 511
Красавин Н.В. 177
Красноглазов 581
Красносельский И.М. 520
Кржижановский Г.М. 407
Кривицкий А.Ю. 500, 531, 573, 575–577, 588, 629
Кригер Е.Г. 575, 576
Крутиков Н.В. 593, 594, 596
Крылов 559
Крылов Н.И. 521
Крымов Ю.С. 493
Крючков П.П. 271, 291
Кудашев В.М. 65, 272
Кудря Д. 59, 453
Кукушкина Т.А. 72, 338, 339, 530, 540, 604
Куликов В.П. 251, 256
Куликов М.Т. 667
Куренков М.И. 131, 133
Курилов А.С. 56
Кускова Е.Д. 264
Кутина И. 438, 439

Л-тев А. 83
Лавренев Б.А. 233
Лаврухин Д.И. 331–333
Лапин Б. 658
Ластовский Р.П. 667
Ласунский О.Г. 9, 57, 63, 101, 107, 123, 125, 258, 265, 517, 681 (сокр.)
Лебедев 521, 522
Левитин Ф.И. 652–654, 666
Левкин Н.Ф. 667
Легун А. 195
Ледащев А. 446
Лежнев А.З. 290
Лежнев И.Г. 412
Лелевич Г. 16
Ленин В.И. 35, 120, 123, 408, 439
Леонов А. см. *Чернев И.*
Леонов Л.М. 27, 62, 295, 330, 340, 351, 406, 496, 525, 611
Леонтьев К.Н. 17
Либединский Ю.Н. 609
Лидов П. 559

Линцер Р.И. 449, 450
 Липкин С.И. 631
 Липфельд 648
 Литвин Е.Ю. 71, 229, 243, 266, 269, 273, 276, 290, 313, 328, 332, 340, 344, 346, 348, 417
 Литвин-Молотов Г.З. 11, 34, 61, 63, 75, 80, 113, 124–126, 184, 185, 187, 193, 194, 196, 199–204, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 215, 225, 236, 239, 245, 248, 249, 272, 301, 304
 Литвина-Молотова Е.В. 63, 193, 194
 Литовский О.С. 360, 363
 Лифшиц М.А. 441, 442, 490
 Лихачев Д.С. 54
 Лобанов В.Н. 503, 504
 Луговской В.А. 68, 351, 373, 399, 400
 Лузин А.А. 542
 Лукач Г. 490, 491
 Лукин Ю.Б. 542
 Луначарский А.В. 211
 Лунин С.М. 398, 400
 Лунина Е. 398, 400
 Лутохин Д.А. 264
 Львов М.Д. 635, 636
 Львова К.С. 516
 Лысенко Е.М. 449, 450
 Любанский Ф. 525
 Ляшко Н.Н. 93–94

Маграчев А.И. 622, 623
 Мазе А.Е. 459, 460
 Мака, Мария, Машка-Кхы, Машка, Мусенька-Машенька, Муська см. *Платонова М.Ан.*
 Макарьев И.С. 315, 316
 Максвелл Д.К. 408
 Малашкин С.И. 228, 229, 626–265
 Маленков Г.М. 542
 Малыгина Н.М. 151, 663
 Малышкин А.Г. 265, 406
 Малюгин Л.А. 604
 Малюченко Г.С. 9, 99–101, 385, 386, 391
 Мандельштам О.Э. 17
 Мария Александровна, Мария, Маша, Машенька, Машка, Машуха, Мошка, Муза, Мусенька, Муська, Муся см. *Платонова (Кашинцева) М.А.*
 Мария Емельяновна см. *Кашинцева (Крашенина) М.Е.*
 Маркелова 192, 194
 Маркиш П.Д. 516

Марковский Н. 559
Маркс К. 408
Мартенс Л.К. 116
Мартыненко А.М. 72
Мартынов 258, 259
Мартынов И. 308, 309
Маршак С.Я. 407
Маяковский В.В. 23–25, 28, 233, 326, 498, 499
Мейерхольд Вс.Э. 325–327
Мельничанский Г.Н. 253, 257
Металлов Я.М. 262, 265, 373
Мехлис Л.З. 376, 406, 407, 409, 411–413
Милованов П. 573, 581
Миля Павловна 508, 510
Минин К.М. 43
Минкина 506
Миронов А.В. 158, 159, 217, 219
Миртов И.А. 117
Митрофанов А.Г. 466–469, 496, 497, 562, 577, 578
Михаил см. *Шолохов М.А.*
Михайлов 77
Михайлова 667
Михайлова Е.Н. 533–535, 551, 568, 613
Модзалевский Б.Л. 18, 19
Молотов см. *Литвин-Молотов Г.З.*
Молотов В.М. 444
Молотова Е.В. см. *Литвина-Молотова Е.В.*
Молчанов И.И. 514
Молчанов И.Н. 514, 516
Мопассан Ги де 50
Москалев 644
Московская Д.С. 200, 216, 264, 286
Московский 478, 482
Муссолини Б. 553, 554
Мюллер А.П. 264

Н.К. см. *Корниенко Н.В.*
Н.Н. см. *Фатов Н.Н.*
Нагибин Ю.М. 500
Надя см. *Климентова Н.П.*
Наживин И.Ф. 17
Найде С.Ф. 540
Накоряков Н.Н. 56, 435, 504
Наседкин В.Ф. 69
Ната см. *Кириллова Н.С.*

Наталия Яковлевна 498, 499
 Натан Абрамович 523, 525
 Наташка см. *Большакова Н.*
 Науменко Н.Н. 667
 Наумов Г.А. 127, 128
 Наумов О. 681 (сокр.)
 Некрасов В.П. 62
 Некрасов Н.А. 20
 Немцов М. 59, 116, 129, 132, 136, 143, 151, 173, 453
 Непомнящий 559
 Нехотин В.В. 21, 38, 681 (сокр.)
 Нечаев А.Н. 632, 636
 Ник. Леон. 667
 Ник. Мих. см. *Тарасов Н.М.*
 Никандров Н.Н. 64–65, 49
 Никитин М.А. 571–572
 Никитин Н.Н. 378–379, 496, 508
 Никифоров 319
 Никольский А. 333
 Никулин Л.В. 68, 412
 Нина Тимофеевна 566
 Новаченко 185, 187
 Новиков А.Н. 61, 67, 235, 238, 263, 266, 286, 287, 361, 362, 386, 470, 471, 516
 Новиков И.А. 467
 Новикова Е.С. 285, 286, 514, 516
 Новиков-Прибой А.С. 497
 Новицкая 502
 Новицкая Е.Я. 369
 Нусинов И.М. 45

О' Генри 495
 Обороина 206, 208
 Обрадович С.А. 93
 Овсянников П. 180
 Огнев Н. 265
 Одинцов Д.С. 521
 Одицков В.И. 552, 553
 Олендер П. 550, 559
 Олеша Ю.К. 221, 329
 Ольга Михайловна см. *Румянцева О.М.*
 Онуфриев Н.М. 636
 Ортенберг Д.И. 527, 548–550, 554, 555, 557, 570, 571, 574, 580, 581
 Островский 473
 Островский А.Н. 20
 Островский Н.А. 441, 442

- П.А.Т. 97–98
Павел см. *Трошкин П.А.*
Павленко П.А. 49, 51, 285–287, 333, 334, 340, 341, 351, 402, 525
Павленков Ф.Ф. 412
Павлов 159
Павлов А.И. 179, 676
Панкратьев М.И. 460, 461, 465, 468, 473–475, 485
Пантюмин Н.Ф. 667
Панферов Ф.И. 48, 178, 272, 317, 340
Панч П. 511
Папкова Е.А. 72
Паршин Ю.К. 521
Пастернак Б.Л. 25, 48, 52, 65, 69, 621
Пасынков Л.П. 413
Паустовский К.Г. 406, 412
Первомайский Л.С. 559
Переверзев В.Ф. 16
Перри Дж. 264
Перхин В.В. 71, 274, 299, 306, 311, 609, 624, 627, 633, 660
Перцген 452
Перцов В.О. 233
Перцова 522
Песков Б.Г. 339, 345, 347
Петерс Б. 117
Петр см. *Климентов П.П.*
Петр I 194, 197, 203
Петр Артемьевич, Петя см. *Трошкин Петр А.*
Петр Васильевич 399
Петров Е. 45, 68
Петя см. *Павленко П.А.*
Печерин В.С. 536
Пешкова Е.П. 264
Пильняк Б.А. 38, 61, 164, 263, 269, 287, 411
Пиотровский А.И. 443, 445, 446
Пирогова 246, 249
Пирогова А.А. 566
Пирогова М.А. 566
Пискунов К.Ф. 615, 617
Платон см. *Платонов П.А.*
Платонов П.А. 10, 145, 149, 163, 171, 174, 176, 179, 180, 183, 184, 187, 189, 191, 193, 194, 196–201, 204, 206–208, 212, 213, 216, 217, 222, 227, 231–235, 237–239, 247, 263, 282–284, 301–305, 319, 320, 322, 354–371, 377, 379–386, 391, 393, 395, 418, 427, 429–431, 436–441, 448–461, 463–466, 468, 473–483, 485–488, 497, 498, 508–520, 522–549, 552, 559, 561, 570, 574, 581, 583, 589, 590, 593, 595, 599, 601, 628, 674, 676–679

Платонова (Кашинцева) М.А. 8–13, 22, 24, 28, 33–36, 56, 57, 60, 62, 64, 65, 68, 98–101, 103–105, 107–110, 128, 134, 145, 149, 162, 169, 171, 173–176, 178–222, 225–227, 231–242, 244–247, 262, 263, 282–284, 301–305, 319–322, 350–355, 358–365, 367–369, 371, 377, 379–403, 418, 427–431, 440, 463–465, 469, 471, 472, 489, 510, 513, 515, 517–524, 526, 531–535, 539–559, 561–566, 568–580, 583–595, 600, 601, 634, 635, 640–644, 652, 654, 655, 657, 673–679, 681 (сокр.),

Платонова М.Ан. 8, 12, 13, 291, 584–595, 599, 620, 634, 635, 640–644, 652, 654, 655, 657

Платонова (Турулько-Тарновецкая) Т.Г. 510, 513–515, 517–519, 524, 543, 568, 576, 578, 582, 583, 586, 590

Платоновы 10, 13, 263, 437, 457, 461, 468, 470, 473, 474, 540, 561, 586

Плетнев Г. 75

Плетнев П.А. 29

Погодин М.П. 31

Пожарский Д.М. 43

Покровский Н.Н. 42

Поletaев Н.Г. 93

Поликарпов Д.А. 593, 594

Полонский В.П. 19, 274, 275, 281, 317, 318, 323, 324

Полторацкий В.В. 559

Поляков 42

Попов В.А. 190, 191, 200–203, 212, 216, 218

Попок 373

Потапов К.В. 595, 596

Примочкина Н.Н. 411

Пришвин М.М. 65, 68, 411, 496, 497, 620, 621, 632, 636

Прозоров А.А. 59, 129–131, 134, 137, 138, 144, 150, 152, 156, 158

Прокофьев А.А. 588

Протасевич С.Е. 153, 155, 156, 159–161, 223–225

Пугачев Е. 209–211

Пудовкин В.И. 232, 233

Пустовалова 271

Путилов Н.И. 144

Пушас И.И. 244, 248

Пушкин А.С. 12, 15, 17–20, 25–28, 32, 37, 51, 181, 183, 193, 195, 431, 491, 622, 623, 629, 630, 632, 678

Рабинович 382, 383

Рабухин А.Е. 653

Равич Н. 330

Равич-Щербо В.А. 634

Радищев А.Н. 12, 427, 428, 434, 435, 519

Разгон Л.Э. 438

Разин 495

Размогаев А. 77
Раиса Семеновна см. *Гниенская Р.С.*
Райхер И.Г. 143, 144, 147–149
Раковская В.Д. 606
Раскин Л. 309
Раскольников Ф.Ф. 231
Резник О.С. 576, 610
Родов С.А. 93
Роженцева Е.А. 27, 72, 326, 351–353, 355, 358, 359, 365, 367, 369, 371, 378, 380, 382–385, 396, 397, 425, 679
Розанов В.В. 17, 18, 20, 23, 39, 100
Розенталь М.М. 427, 606
Романов П.С. 45, 64–65, 70, 496
Роскин А.И. 496
Рубановский И.М. 200, 202, 210, 213, 215
Рубинштейн Л.В. 407
Рубцов 177
Рудин Н.П. 219
Румянцева О.М. 552, 553
Рунов Т.А. 146, 150, 158
Руссо Ж.-Ж. 223
Рыбак Н. 511
Рыбакова Н.В. 636, 637
Рыков А.И. 151, 152
Рыльский М.Ф. 511
Рюмкин Я.И. 559

Савельев М.А. 301
Саглин 76
Сакко Н. 242
Салтыков-Щедрин М.Е. 39, 44, 387
Самосудов В.М. 439
Санников Г.А. 93, 351, 355, 357, 373, 423, 636
Санников Д.Г. 93, 351
Сац И.А. 62, 317, 385, 386, 398, 448–450, 509, 510, 512
Саша, Сашка см. *Зайцев (Платонов) А.П.*
Саянов В.М. 62, 602–604, 606, 607
Светличный Н.А. 86
Светлов М.А. 502
Свинарев Х.М. 84
Сейфуллина Л.Н. 515, 516
Селивановский А.П. 296, 304, 306, 307
Сельвинский И.Л. 52, 76, 278, 504
Семевский Б.Н. 370
Серафимович А.С. 65, 178, 504

- Сергеев-Ценский С.Н. 264
 Сергей Александрович см. *Гуревич С.А.*
 Симонов К.М. 48, 399, 400, 559, 607, 611, , 629, 638, 646–648, 650, 657
 Симончик 137–138
 Синяев К. 76–78
 Скиталец С.Г. 65
 Скосырев П.Г. 525, 552, 658
 Славин Л.И. 657, 658
 Слетов П.В. 178, 290, 516
 Слонимский М.Л. 412
 Смеляков Я.В. 394
 Смелякова З.В. 392, 394, 399
 Смирнов С. 478, 482
 Смирнова В. 534, 536
 Смит Дж. 86
 Смуглый 590, 591
 Мушков 92
 Соколовская Е. 446
 Сокольников М.П. 235, 238
 Солдатов П.А. 121, 124, 131, 133
 Соловьев В.И. 269, 317, 318, 320
 Соловьев В.С. 17
 Соловьев Л.В. 497
 Солодарь 667
 Сорокин Г.Э. 530, 531, 533, 541, 542, 547, 557
 Сосюра В.Н. 511
 Софронов А.В. 49, 563, 658, 660–662, 666
 Спарро Р.П. 219
 Ставский В.П. 66, 448, 483, 485, 513
 Сталин И.В. 38–43, 45–47, 53, 54, 216, 272, 277, 287, 293, 331, 334, 336, 349, 350,
 399, 400, 407, 439, 444, 453–455, 468, 491, 660, 661
 Старков 35
 Старый Юшка см. *Бедный Д.*
 Степан Михайлович см. *Лунин С.М.*
 Степанов Н.Л. 19
 Стерн Л. 264
 Стецкий А.И. 376, 406, 412, 413
 Столь В.Г. 145
 Стороженко 667
 Страуян Я.Я. 285, 286
 Стрелец Ф.Е. 538
 Стрельникова В. 38, 56, 268
 Ступникер А.М. 267, 276, 577, 578
 Субботин С.И. 22, 71, 88, 90–92, 96, 111, 113–114
 Субоцкий Л.М. 49, 610–612, 624–628, 660
 Суворин А.С. 23

Сурков А.А. 290, 559
Суровова Л.Ю. 72, 284, 432, 437, 455, 456, 458, 461, 463, 465, 475, 479, 483,
487, 488
Сухово-Кобылин А.В. 327
Сучков Ф.Ф. 540
Сытин И.Д. 202

Таленский Н.А. 557
Тальников Д.Л. 62, 325–327, 330
Тамара см. *Платонова (Турулько-Тарновецкая) Т.Г.*
Тамерлан 399
Таранин 552, 553
Тарасенков А.К. 53, 592, 661
Тарасов А.И. 497
Тарасов Н.М. 362, 363, 390, 391
Тарасов-Родионов А.И. 234, 289, 290
Таратута Е.А. 465, 631, 653
Тарпан Г. 470, 471
Тарский Я. 413
Таубман Е.И. 57
Твардовский А.Т. 653
Телешов Н.Д. 64, 496
Терентьев 596
Терников Г.К. 87
Тимофеев Л.И. 63, 441–443, 449, 507
Тимохович И.В. 544
Тираспольский А.Н. 167, 178, 217, 218, 257
Тихомиров 176, 178
Тихонов Н.С. 341, 351, 605, 609, 611, 658, 660
Товстуха И.П. 294
Толстой А.Н. 26, 27, 631, 632
Толстой Л.Н. 12, 25, 26, 37, 50, 51, 86, 632
Томашевский Б.В. 20, 21
Томский М.П. 256
Томсон 131
Тот, Тотик, Тотка, Тоточка, Тоша см. *Платонов П.А.*
Торчинский Г. 92
Трабский И.Г. 369, 371
Травкин В.А. 131, 133
Третьяков С.М. 233, 291
Тришин Н.Н. 354, 362
Троцкий Л.Д. 81, 164, 220
Трошкин Павел А. 514, 516, 568
Трошкин Петр А. 57, 304, 326, 386, 387, 508–512, 514–516, 518, 523, 532, 535,
543, 576, 578, 586, 644

Трошкина (Кашинцева) В.А. 57, 101, 169, 173, 175, 200, 207, 214, 231, 233, 237, 246, 303, 304, 386, 387, 392, 394, 561, 563, 576, 578, 586, 674
Трояновский П. 580
Тургенев И.С. 17
Туркин В.К. 233
Турулько-Тарновецкая А.С. 586
Турулько-Тарновецкий Г.Г. 586
Турчанинова Е.Д. 64
Тухачевский М.Н. 180
Тынянов Ю.Н. 19, 22, 50, 233
Тычина П.Г. 511

Ульрих В.В. 474
Умрюхина Н.В. 72, 283, 296, 316, 317
Усиевич Е.Ф. 349, 350, 449, 490, 491, 662
Уэллс Г. 408

Ф-в И. 86
Фадеев А.А. 47–49, 51–53, 231, 276, 277, 281, 294–296, 315–318, 341, 406, 450–452, 465, 466, 491–494, 502, 512, 517, 524, 608–612, 614, 618, 619, 621, 624–62, 630, 632, 646, 648, 658, 660, 666
Фатов Н.Н. 268
Фет А.А. 20
Федин К.А. 406, 412, 504, 606, 661
Федоров И.А. 420, 422
Федоров Л.Н. 407
Федосеев В. 351
Фельдман В. 397
Фельдман Д.А. 383, 423–425
Фесенко Е. 600, 601
Филипченко И.Г. 93
Фильченков Н.Д. 520, 521
Фирин С.Г. 344, 345
Фишман Б. 559
Фоньо А.В. 413, 414
Форш О.Д. 48
Фраерман В.С. 499, 500, 573, 574, 588
Фраерман Р.И. 499, 500, 573, 588, 592, 604
Франчези Б.Г. 131
Френсис Д. 115
Фридлянд 559
Фриновский М.П. 450, 452
Фриче В.М. 231

Халатов А.Б. 289–291
Ханин Д. 306
Харитонов 322
Хацревин З.Л. 658
Хачопуло 81
Хвощинский Я.А. 548
Хитров 559
Хованова Л.Н. 268
Ходасевич В.Ф. 15, 16, 25
Ходякова Г.И. 175, 180, 199, 212, 218, 228
Хошатария С. 619

Цейтлин Э.Г. 418, 419
Цепулин В.А. 183, 184
Цибулько В.Ф. 521
Цявловский М.А. 18

Чагин П.И. 603
Чаковский А.Б. 649, 650
Чандлер Р. 72, 419
Чарный М.Б. 19
Чарушин Е.И. 65
Часовитина Д.Н. 591, 635, 636
Чаянов А.В. 314
Чемберлен О. 242
Чернев И. 470, 471
Черных М.А. 572, 574, 575
Чернявщук Г.Е. 377, 379
Черняк Я.З. 317, 452, 453
Черняховский Ю.Г. 480
Четунова Н.И. 549
Чефранов С. 114
Чистякова 199, 200
Чичеров В.И. 632
Чуковский К.И. 48, 504

Шарик 377, 379
Шатилов 177
Шах-Азизов К.Я. 622, 623, 629, 630
Шварц 80
Шварц Д. 310
Шведчиков К.М. 244, 248

- Швыдкой М.Е. 291
 Шебанов Ф.В. 667
 Шекспир У. 20, 24, 388
 Шеленков А. 426
 Шенгели Г.А. 195, 366
 Шенталинский В.А. 67, 69, 338, 437, 438, 464
 Шестакова А.Ф. 664–665
 Шилов 92
 Шилова К.А. 667
 Шишков В.Я. 172
 Шваркин В.В. 517, 535
 Шкловский В.Б. 21, 23, 25, 63, 64, 223, 233, 248, 262–264, 344, 407, 416, 418, 466, 497–499, 525, 631
 Шнейдеров В.А. 424–426
 Солохов М.А. 51, 62, 265, 354, 406, 455, 466, 468, 512, 565, 591, 592, 630–632, 635, 636, 659
 Шошин В.А. 58, 62, 510, 516, 600, 620
 Шпенглер О. 60, 407
 Шторм Г.П. 497, 576
 Шуберт Ф.П. 362
 Шубин Л.А. 16, 17, 639
 Шубин С.А. 653
 Шубина Е.Д. 58, 61, 71, 125, 296, 314, 467, 485, 496, 498, 501, 510, 512, 561, 613, 618, 658, 681 (сокр.)
 Шукшин В.М. 553
 Шульгин М.М. 217, 219
 Шумихин С.В. 318, 323
 Шумяцкий Б. 444

-
- Щеблыкин В.И. 83, 85
 Щепкина см. *Щепкина-Куперник Т.Л.*
 Щепкина-Куперник Т.Л. 69, 496
 Щербаков А.С. 376, 386, 387, 400, 406, 412
 Щербина В.Р. 513, 606
 Щипачев С.П. 497

-
- Эйзенштейн С.М. 244, 248
 Эйхенбаум Б.М. 19, 20, 22, 25–27, 37, 233
 Эйхенвальд А.А. 362, 363, 384
 Элеонора (Элоиза) 222, 223
 Эль-Регистан Г.А. 426
 Энгельс Ф. 408
 Эрдман Н.Р. 350
 Эренбург И.Г. 45, 233, 413, 559
 Эюн-Бессер К. 275

Юденич Н.Н. 197

Якобсон Р.О. 15, 16

Яковлев А.Н. 681 (сокр.)

Яковлев Д.Д. 433, 434

Яковлев Я.А. 297

Якорин Л. 82

Якубовский Г.В. 178

Якубовский М. 478, 479, 482

Ямпольский Б.С. 35, 599, 601

Яновский Ю.И. 511

Ярцев Г.А. 470, 503, 610–613, 618, 628

Ясенский Б. 412

Ясная М. 85

РАСШИРЕННОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ ПИСЕМ

1920

1	И. Костромитину. 9 июля	75
2	Саглину. 12 июля	76
3	К. Синяеву. 15 июля	76
4	И. Кирееву. 21 июля	76
5	К. Синяеву. 28 июля	77
6	Михайлову. 28 июля	77
7	К. Синяеву. 2 августа	77
8	А. Размогаеву. 2 августа	77
9	К. Синяеву. 10 августа	78
10	Критикам рассказа “Чульдик и Епишка”. 18 августа	78
11	В редакцию газеты “Трудовая армия”. 21 августа	79
12	Г. Бойченко. 2 сентября	81
13	Хачопуло. 3 сентября	81
14	Неизвестному лицу. 3 сентября	82
15	Л. Якорину. 4 сентября	82
16	П. Гусеву. 8 сентября	82
17	Неизвестному лицу. 9 сентября	83
18	В. И. Щеблыкину. 15 сентября	83
19	Неизвестному лицу. 20 сентября	83
20	Неизвестному лицу. 24 сентября	84
21	Х. М. Свинаруву. 24 сентября	84

22	Неизвестному лицу. 24 сентября	85
23	М. Ясной. 28 сентября	85
24	В. И. Щеблыкину. 22 ноября	85
25	Н. А. Светличному. 22 ноября	86
26	Неизвестному лицу. 2 декабря	86
27	Г. К. Терникову. 8 декабря	87

1921

28	В Госиздат РСФСР 8 января	88
29	В Госиздат РСФСР 7 февраля	89
30	В Госиздат РСФСР 1 марта	90
31	В Госиздат РСФСР. Апрель	91
32	В Госиздат РСФСР 2 мая	92
33	В редакцию журнала "Кузница". 14 мая	93
34	И. А. Астанину. 3 июня	94
35	Неизвестному лицу. 3 августа	94
36	В Госиздат РСФСР 15 августа	95
37	В Госиздат РСФСР 7 сентября	96
38	Неизвестному лицу. 7 октября	97
39	Неизвестному лицу. 19 ноября	98
40	М. А. Кашинцевой	98
41	М. А. Кашинцевой	103
42	М. А. Кашинцевой	103
43	М. А. Кашинцевой	104
44	М. А. Кашинцевой	105
45	М. А. Кашинцевой	107
46	М. А. Кашинцевой	108
47	М. А. Кашинцевой	108
48	М. А. Кашинцевой	109

1922

49	В Госиздат РСФСР 15 февраля	111
50	В Госиздат РСФСР 20 апреля	112
51	В Госиздат РСФСР 24 июля	113

1923

52	В комиссию СТО СНК. 21 июня	115

1924

53	В Наркомат земледелия РСФСР 11 апреля	119
54	В издательство “Буревестник”. 20 апреля	124
55	Г. З. Литвину-Молотову. 5 июля	126
56	В редакцию газеты “Воронежская коммуна”. Июль	127
57	М. А. Платоновой. Июль–август	128
58	А. А. Прозорову. 6 сентября.....	129
59	Б. Ф. Копылову. 9 сентября.....	130
60	А. А. Прозорову. 22 сентября	131
61	Б. Ф. Копылову. 23 сентября	133
62	А. А. Прозорову. 26 сентября	134
63	М. А. Платоновой. 1 октября	134
64	Б. Ф. Копылову. 6 октября	135
65	Б. Ф. Копылову. 8 октября	135
66	Воронежским гидротехникам. 10 октября	135
67	Б. Ф. Копылову. 15 октября	138
68	Б. Ф. Копылову. 18 октября	139
69	Б. Ф. Копылову. 22 октября	139
70	Б. Ф. Копылову. 29 октября	140
71	Б. Ф. Копылову. 11 ноября	140
72	Б. Ф. Копылову. 20 ноября	141
73	Районным гидротехникам. 24 ноября	141
74	И. Г. Райхеру. 25 ноября	143
75	М. А. Платоновой. 25 ноября	145
76	Б. Ф. Копылову. 26 ноября	145
77	Б. Ф. Копылову. 3 декабря	146
78	Т. А. Рунову. 4 декабря	146
79	Б. Ф. Копылову. 10 декабря	147
80	И. Г. Райхеру. 12 декабря	148
81	М. А. Платоновой. 19 декабря	149

1925

82	А. А. Прозорову. 26 марта	150
83	Т. А. Рунову. 3 апреля	150
83*	С. Е. Протасевичу. 5 мая.....	153
83**	С. Е. Протасевичу. Май.....	156
84	А. А. Прозорову. 2 июня	156
85	В Наркомат земледелия РСФСР 8 июня	157
86	Б. Ф. Копылову. 11 июня	157

87	Б. Ф. Копылову. 11 июня	157
88	В Наркомат земледелия РСФСР. 22 июня	158
88*	С. Е. Протасевичу. 1 июля	158
89	А. В. Миронову. 13 июля	158
90	Павлову. 5 сентября	159
90*	С. Е. Протасевичу. 5 сентября	159
90**	С. Е. Протасевичу. 7 сентября	160
90***	С. Е. Протасевичу. 16 сентября	160
91	В Наркомат земледелия РСФСР. 21 сентября	161
91*	С. Е. Протасевичу. 28 сентября	161

1926

92	М. А. Платоновой. Февраль	162
93	М. А. Платоновой. Июнь	162
94	А. К. Воронскому. 27 июля	163
95	А. Г. Божко-Божинскому. 7 августа	165
96	Н. М. Анцеловичу. Август–сентябрь	167
97	В. В. Казину. Август–ноябрь	169
98	В Оргкомитет ЦДС. 2 декабря	170
99	М. А. Платоновой. 8 декабря	171
100	М. А. Платоновой. 8 декабря	173
101	М. А. Платоновой. 10 декабря	175
102	М. А. Платоновой. 11 декабря	178
103	М. А. Платоновой. 13 декабря	181
104	М. А. и П. А. Платоновым. 19 декабря	184
105	М. А. и П. А. Платоновым. 30 декабря	187

1927

106	М. А. Платоновой. 4 января	189
107	М. А. Платоновой. 5–6 января	192
108	М. А. Платоновой. 8 января	195
109	М. А. Платоновой. 8–9 января	197
110	М. А. Платоновой. 10 января	198
111	М. А. Платоновой. 18 января	199
112	М. А., П. А. Платоновым и В. А. Кашинцевой. 19 января	200
113	М. А. Платоновой. 25 января	203
114	М. А. Платоновой. 26 января	205
115	М. А. Платоновой. 28 января	209
116	М. А. Платоновой. 29 января	212

117	М. А. Платоновой. 30 января	213
118	М. А. Платоновой. 10 февраля	216
119	М. А. Платоновой. 13 февраля	220
119*	С. Е. Протасевичу. 14 февраля	223
120	М. А. Платоновой. 15 февраля	225
121	Н. И. Замошкину. 14 июня	228
122	А. К. Воронскому. 18 июня	229
123	М. А. Платоновой. 2 июля	231
124	М. А. Платоновой. 3 июля	234
125	М. А. Платоновой. 5 июля	239
126	М. А. Платоновой. 9–11 июля	240
127	Н. И. Замошкину. 12 июля	243
128	М. А. Платоновой. 14 июля	244
129	В ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. 19 августа	249
130	Неизвестному лицу. Август	250
131	В Управление делами ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. 9 сентября	258

1928

132	М. А. Платоновой. Июнь	262
133	В редакцию журнала “Новый мир”. 11 июня	266
134	А. М. Ступнику. 30 июня	267
135	Н. И. Замошкину. 18 июля	268
136	Н. И. Замошкину. 20 августа	270

1929

137	А. М. Горькому. 19 августа	271
138	А. М. Горькому. 12 сентября	272
139	В. П. Полонскому. 16 сентября	274
140	В редакцию журнала “Новый мир”. 18 сентября	274
141	А. М. Горькому. 21 сентября	275
142	А. М. Ступнику. 3 декабря	276
143	В редакцию газеты “Правда”. Декабрь	279

1930

144	В. П. Полонскому. 7 февраля	281
145	М. А. и П. А. Платоновым. 6 августа	282

146	М. А. и П. А. Платоновым. 8 августа	283
147	М. А. и П. А. Платоновым. 9 августа	284
148	А. Н. Новикову. 29 октября	284
149	В сценарный отдел кинофабрики “Совкино”	287

1931

150	Л. Л. Авербаху. 7 февраля	289
151	И. В. Сталину. 8 июня	291
152	В редакции газеты “Правда” и “Литературной газеты”. 9 июня	298
153	М. А. и П. А. Платоновым. 10 июня	301
154	М. А. и П. А. Платоновым. 11 июня	304
155	В редакции “Литературной газеты” и “Правды”. 14 июня	305
156	И. Мартынову. 14 июля	308
157	А. М. Горькому. 24 июля	311
158	М. А. и П. А. Платоновым. 26 августа	319
159	М. А. и П. А. Платоновым. 27 августа	320
160	М. А. Платоновой. 27 августа	321
161	В. П. Полонскому. 8 декабря	323

1932

162	Вс. Э. Мейерхольду. 21 июля	325
163	А. М. Горькому. 26 июля	327
164	М. Э. Козакову. 12 августа	331
165	П. А. Павленко. 12 августа	333
166	И. В. Сталину. Сентябрь—октябрь	334

1933

167	М. Э. Козакову. 5 марта	337
168	М. Э. Козакову. 25 марта	339
169	А. М. Горькому. 23 мая	339
169a	А. М. Горькому. 12 июля	340
170	А. М. Горькому. 13 июля	343
171	А. М. Горькому. 20 сентября	345

1934

172	А. М. Горькому. 19 февраля	348
173	М. А. и П. А. Платоновым. 27 марта	350
174	М. А. и П. А. Платоновым. 28 марта	352
175	М. А. и П. А. Платоновым. 30 марта	352
176	М. А. и П. А. Платоновым. 1 апреля	353
177	М. А. и П. А. Платоновым. 2 апреля	354
178	М. А. и П. А. Платоновым. 4 апреля	355
179	М. А. и П. А. Платоновым. 5 апреля	358
180	П. А. Платонову. 10 апреля	358
181	М. А. и П. А. Платоновым. 12 апреля	360
182	М. А. и П. А. Платоновым. 15 апреля	363
183	М. А. Платоновой. 20 апреля	367
184	П. А. Платонову. 27 апреля	367
185	М. А. и П. А. Платоновым. 28 апреля	367
186	М. А. и П. А. Платоновым. 1 мая	371
187	Л. А. Инденбому. 17 июня	373

1935

188	К. Л. Зелинскому. 1 января	374
189	М. А. и П. А. Платоновым. 15 января	377
190	М. А. и П. А. Платоновым. 16 января	379
191	М. А. и П. А. Платоновым. 18 января	380
192	М. А. и П. А. Платоновым. 20 января	382
193	М. А. Платоновой. 21 января	383
194	М. А. Платоновой. 25 января	385
195	М. А. и П. А. Платоновым. 12 июня	385
196	М. А. Платоновой. 15 июня	387
197	М. А. Платоновой. 19 июня	389
198	М. А. Платоновой. 20 июня	392
199	М. А. Платоновой. 23 июня	394
200	М. А. Платоновой. 27 июня	397
201	М. А. Платоновой. 28–29 июня	400
202	М. А. Платоновой. 2 июля	403
203	М. А. Платоновой. 3 июля	403
204	В редколлегию издания “Две пятилетки”. 25 июля	403
205	Л. З. Мехлису. Август	409
206	А. В. Фоньо. 26 августа	413
206*	И. А. Сацу. 1/2 октября.....	414

1936

207	Вс. В. Иванову. 22 января	416
208	М. А. Платоновой. 12 февраля	418
209	А. В. Кожевникову. 9 июля	419
210	Вс. В. Иванову. 30 сентября	420
211	Письмо в редакцию. Декабрь	421
212	Неизвестному лицу	423

1937

213	М. М. Розенталю. 23 февраля	427
214	М. А. и П. А. Платоновым. 24–25 февраля	427
215	М. А. и П. А. Платоновым. 25 февраля	429
216	М. А. и П. А. Платоновым. 27 февраля	430
217	В редакцию журнала “Литературный критик”. 28 февраля	432
218	В Государственную заводскую конюшню “Лужская”. Апрель ...	432
219	В редакцию журнала “Литературный критик”. 12 декабря	434

1938

220	Н. И. Ежову. 20 июля	436
221	Л. И. Тимофееву. 27 июля	441
222	В Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. Апрель–август	443
223	В Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. 27 августа	447
224	И. А. Сацу. 30 августа	448
225	В НКВД. 19 сентября	450
226	М. П. Фриновскому. 26 сентября	450
227	Я. З. Черняку	452
228	И. В. Сталину	453

1939

229	В Главное управление лагерей НКВД. 23 февраля	456
230	В Главное тюремное управление НКВД. 11 марта	457
231	Г. А. Виноградову. 22 апреля	459
232	М. И. Панкратьеву. Май	460

233	П. А. Платонову. 24 июня.....	461
234	А. А. Фадееву. 10 августа	465
235	А. И. Вьюркову. 27 августа	466
236	М. И. Панкратьеву. Октябрь	473
237	М. И. Панкратьеву. Октябрь	474
238	М. И. Панкратьеву. Октябрь	475
239	И. Г. Голякову. Октябрь	480
240	В. П. Ставскому. 13 декабря	483
241	М. И. Панкратьеву. 28 декабря	485
242	П. А. Платонову. Декабрь	487

1940

243	В редакции “Литературной газеты” и журнала “Литературный критик”. 15 апреля	489
244	А. А. Фадееву. 10 мая	492
245	В издательство “Советский писатель”. 29 июля	494
246	А. И. Вьюркову. 10 августа	495
247	А. И. Вьюркову. Сентябрь–октябрь	497
248	В. Б. Шкловскому. 6 ноября	498
249	Р. И. и В. С. Фраерманам. 31 декабря	499

1941

250	А. И. Вьюркову. 7 марта	501
251	Г. А. Ярцеву. 11 апреля	503
252	В. Н. Лобанову. 15 мая	503
253	Н. В. Ильиной. 4 августа	504
254	С. С. Виноградской. 16 сентября	506
255	В редакцию журнала “Знамя”. 15 ноября	507

1942

256	П. А. Трошкину. 17 января	508
257	П. А. Трошкину. 6 марта	511
258	В. Р. Щербине. 23 мая	513
259	М. А., П. А. и Т. Г. Платоновым. 8–9 июля	513
260	М. А. Платоновой. 17 июля	517

261	М. А. Платоновой. 27 июля	517
262	П. А. Платонову. 28 июля	519
263	М. А. Платоновой. 10 августа	520
264	М. А. Платоновой. 24 августа	521
265	М. А. и П. А. Платоновым. 30 августа	522
266	М. А. и П. А. Платоновым. 5 сентября	526
266*	В.О. Перцову. 30 октября	527
267	Г. Э. Сорокину. 31 октября	530
268	Г. Э. Сорокину. 13 ноября	530
269	М. А. и П. А. Платоновым. 19 ноября.....	531
270	М. А. и П. А. Платоновым. 23 ноября	532
271	М. А. Платоновой. 24 ноября.....	533
272	М. А. Платоновой. 25 ноября.....	534

1943

272*	В. О. Перцову. 10 марта	537
273	М. А. Платоновой. 24 мая	539
274	М. А. Платоновой. 28 мая	540
275	М. А. Платоновой. 4 июня	542
276	М. А. Платоновой. 6 июня	543
277	М. А. Платоновой. 8 июня	545
278	М. А. Платоновой. 8 июня	545
279	М. А. Платоновой. 10 июня	546
280	М. А. Платоновой. 12 июня	546
281	М. А. Платоновой. 24 июня	547
282	М. А. Платоновой. 25 июня	548
283	М. А. Платоновой. 1 июля	549
283*	А. А. Фадееву. 7 июля	550
284	М. А. Платоновой. 20 июля	551
285	М. А. Платоновой. 21 июля	552
286	М. А. Платоновой. 26 июля	553
287	М. А. Платоновой. 30 июля	554
288	М. А. Платоновой. 30 июля	555
289	М. А. Платоновой. 31 июля	556
290	М. А. Платоновой. 3 августа	557
291	М. А. Платоновой. 11 августа	558
292	А. И. и А. В. Вьюрковым. 31 августа	559
293	М. А. Платоновой. 3 октября.....	564
294	М. А. Платоновой. 4 октября.....	565

1944

294*	П. И. Чагину. 2 февраля	567
295	М. А. Платоновой. 15 марта	568
296	М. А. Платоновой. 20 марта	569
297	М. А. Платоновой. 30 марта	571
298	М. А. Платоновой. 27 июня	572
299	М. А. Платоновой. 1 июля	574
300	М. А. Платоновой. 13 июля	577
301	М. А. Платоновой. 17 июля	579
302	В исполком Советского района г. Москвы. 14 сентября	581

1945

303	М. А., М. Ан. и А. П. Платоновым. 24 января	584
304	М. А. Платоновой. 27 января	586
305	М. А. Платоновой. 31 января	588
306	М. А., М. Ан. Платоновым М. Е. Кашинцевой. 12—13 сентября	589
307	М. А. и М. Ан. Платоновым. 15 сентября	591
308	М. А. Платоновой. 16 сентября	592
309	М. А. Платоновой. 10 октября	594
310	Н. В. Крутикову. Ноябрь—декабрь	596

1946

310*	В. М. Саянову. 17 апреля	598
311	В. Ф. Бокову. 22 апреля	599
312	В. М. Саянову. 27 мая	602
313	П. И. Чагину. 16 июня	603
314	В. М. Саянову. 9 июля	603
315	В. М. Саянову. 12 августа	604
315*	В. М. Саянову. 13 августа	607
315**	К. М. Симонову. 4 декабря	607
316	А. А. Фадееву. 10 декабря	608
317	В Областную комиссию ССП. 26 декабря	611
318	А. А. Фадееву. 27 декабря	612

1947

319	В Детгиз. Январь	615
320	А. А. Фадееву. Январь–февраль	618
321	В. Ф. Бокову. 7 февраля	620
322	К. Я. Шах-Азизову. Февраль	622
323	А. А. Фадееву. 4 марта	624
324	Л. М. Субоцкому. 12 марта	626
325	А. А. Фадееву. 25 мая	627
325*	А. Ю. Кривицкому. 16 августа	628
326	К. Я. Шах-Азизову. Сентябрь–октябрь	629
327	М. А. Шолохову. 20 ноября	630
328	А. А. Фадееву. 30 декабря	633
329	М. А. Платоновой. Декабрь.....	634
330	М. А. Платоновой. Декабрь.....	635

1948

330*	К. М. Симонову. 14 апреля	638
331	А. А. Жданову. Май–июнь	639
332	М. Ан. Платоновой. Май–июнь	640
333	М. Ан. Платоновой. 13 мая	641
334	М. Ан. Платоновой. 18 мая	641
335	М. Ан. Платоновой. 26 мая	642
336	М. Ан. Платоновой. 11 июня	643
337	М. Ан. Платоновой. 17 июня	644
338	М. А. Платоновой. 17 июня	644
339	В. В. Ермилову. 23 июня	645
339*	К. М. Симонову. 5 августа.....	646
340	К. М. Симонову. 30 августа	647
341	А. Б. Чаковскому. 21 ноября	649
341*	К. М. Симонову. 25 ноября	650

1949

342	М. А. Платоновой. Март	652
343	М. А. Платоновой. Март	654
344	М. А. Платоновой. Март	654
345	М. Ан. Платоновой. 29 апреля	655
346	М. А. Платоновой. 30 апреля	655

347	Л. И. Славину. 10 мая	657
348	А. А. Фадееву. 17 мая.....	658
349	В секретариат Союза писателей. 22 июня	662
349*	В. С. Гроссману. 31 декабря	663

1950

350	А. Ф. Шестаковой	664
350*	В редакцию журнала “Новый мир”. 24 ноября	668

Литературно-художественное издание

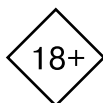
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

“...я прожил жизнь”

ПИСЬМА

[1920–1950 гг.]

.....

Содержит нецензурную брань

Главный редактор ЕЛЕНА ШУБИНА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Выпускающий редактор АНАСТАСИЯ БУГАЙЧУК

Корректор ОЛЬГА ГРЕЦОВА

Компьютерная верстка ЕЛЕНА ИЛЮШИНОЙ

<https://t.me/shubinabooks>

<https://vk.com/shubinabooks>

Подписано в печать 14.05.24. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 45. Тираж 2500 экз. Заказ №

В книге упоминается организация “Мемориал”, признанная Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации.
Изготовлено в 2024 г.

Изготовитель: ООО “Издательство АСТ”
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru · E-mail: ask@ast.ru.

Интернет-магазин: book24.ru

Өндіруші: ЖШҚ “АСТ баспасы”

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме,
I жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru · E-mail: ask@ast.ru.

Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”.

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”,
литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Тауар белгісі: “АСТ” Өндірілген жылы: 2022

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей